

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. Х. Абашидзе,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ, академик РАН

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

A. Kh. Abashidze,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia, Member of RANS

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Il'ina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

А. М. Кононов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Т. А. Прудникова,
доктор юридических наук, доцент

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

A. M. Kononov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Olimpiev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

T. A. Prudnikova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук,
профессор

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук,
доцент

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences,
Professor

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences,
Associate Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

В. Л. Дементьев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник физической культуры РФ

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
академик РАН

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

V. L. Dementyev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Physical Culture of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Member of RANS

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 1 • 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частноправовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

Аветисян К. Р., Панков Е. С. Правовые основы обеспечения национальной безопасности критической информационной инфраструктуры.....	9
Внукова Д. Р., Тришкина Е. А. Анализ проблем действующих систем социальных гарантий сотрудников полиции в США, странах ЕС, Великобритании и КНР: сравнительно-правовое исследование и судебная практика.....	15
Вородюхин С. Е., Лысенко В. А., Васильев В. В. Историко-правовые аспекты принятия Конституции Российской Федерации.....	20
Горбунов М. А. Сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций в России и за рубежом (на примере Германии)	25
Гринько С. Д. Современные подходы к подготовке специалистов по информационной безопасности для правоохранительных органов Российской Федерации.....	32
Давитадзе М. Д., Середин А. А. Факторы риска в использовании искусственного интеллекта для профилактики преступности	36
Емельянова Н. Ю. Соотношение оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, и оценки доказательств в досудебном уголовном судопроизводстве	42
Иванов Д. А., Потапов В. Д., Блинова Е. В. Особенности осмотра места происшествия по законодательству Российской Федерации и законодательству ряда зарубежных стран: криминологические и криминалистические аспекты.....	48
Камалян А. В. Правовое обеспечение финансовой устойчивости муниципальных медицинских учреждений	54
Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. К вопросу о методологии исследования запрета в административно-деликтном праве.....	59
Копылов В. В., Кондратьев С. Д. Проблемы организации пресечения деятельности интернет-магазинов, реализующих наркотические средства и психотропные вещества в России	64
Кученин Е. С. Содержание правовых режимов импортозамещения.....	68
Лангнер Т. С. Трудности становления верхней палаты Федерального Собрания Российской Федерации: исторический аспект	73
Миронов А. Л. Методологические проблемы исследования государственного управления	78
Мышко Ф. Г. Вид профессиональной деятельности как элемент национальной системы квалификаций. Часть первая	82
Недрага Я. Н. Дефицит государственного воздействия в правовом регулировании института гражданства Российской Федерации.....	86
Опалева М. А. Государственная целостность и суверенитет как объекты конституционно-правового обеспечения безопасности государства.....	93
Пауков О. В. К вопросу об организации оперативно-розыскного противодействия насильственно-агрессивным преступлениям против личности подразделениями уголовного розыска	97
Прудникова Т. А. Обеспечение прав несовершеннолетних детей трудящихся-мигрантов в Российской Федерации	104
Серпионова А. И., Силуянова П. П. Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции: отечественный и зарубежный опыт	107
Титор С. Е., Бикманова А. К. Профессиональные стандарты и досрочная пенсия: проблемы правоприменения	112
Токолов А. В., Исаев А. Ю. Трансформация морской логистики Российской Федерации в условиях экономических санкций коллективного запада.....	118

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано:
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-62944
от 31 августа 2015 г.

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства
РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ*
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
<https://vk.com/mosumvd.official>

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 8

Подписано в печать
11.03.2026 г.

Подписной индекс Агенства
«Урал-Пресс Округ» **81108**,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:

<http://elibrary.ru>

Филиппова А. И., Герасимова В. С. Цифровые посредники и правовое регулирование: вызовы и перспективы	125
Халифаева А. К., Шамхалов М. А., Алиева Д. Р. Формирование и развитие правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов: историко-правовой анализ	134
Холиков И. В., Наумова Т. Ю. Международное военное сотрудничество Российской Федерации в период проведения специальной военной операции: правовые вопросы	140
Храмов А. А. К проблеме употребления термина «интегративный» в публично-правовых науках	146
Чепурнова Н. М., Штепа М. К. Конституционно-правовые и организационные основы местного самоуправления в единой системе публичной власти Российской Федерации	151
Червонюк В. И. Цифровая среда и цифровое право: структурные и генетические связи (закономерности)	157
Чистова Л. Е. Еще раз к вопросу о понятии следственной ситуации	162
Шарипов П. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина органами внутренних дел РФ при осуществлении административного выдворения иностранных граждан из РФ	168

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Бобошко В. И., Бурмистров Е. С. Инвентаризация как метод обеспечения безопасности имущества компании: современные технологии против формального подхода	172
Бобошко Н. М., Сапожникова Д. А. Эффективность камеральных и выездных налоговых проверок в 2020–2025 гг.: статистический анализ и перспективы развития контрольной работы	178
Веселкина С. А., Дородных М. В. Трансформация методологии государственного финансового контроля в условиях цифровизации: переход к предиктивному интеллектуальному аудиту	183
Гамарник И. А. Финансовая устойчивость и бюджетный процесс муниципального образования	195
Дианов Д. В. Особенности статистического изучения растениеводства как отрасли обеспечения устойчивого развития	205
Иванова Л. Н., Симакова М. А. Коррупционные риски в деятельности органов внутренних дел как угроза экономической безопасности России: анализ и пути минимизации	212
Линьков И. Е. Статистический очерк о дебиторской задолженности организаций	220
Минаков А. В. Влияние маркировки товаров на обеспечение экономической безопасности России	227

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования

Методология и технология профессионального образования

Гричанов А. С., Панов Е. В. Современные особенности наставнической деятельности в образовательных организациях МВД России	234
Жевлакович С. С. Шагаем на месте? О реформе российского высшего образования	239
Константинов А. В. Концептуальные подходы к дефиниции и структурированию профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел	244
Никитская Е. А. Основные подходы к пониманию девиантного поведения несовершеннолетних на основе междисциплинарного анализа в социогуманитарной области научного знания	247
Харламова И. Ю. Практический опыт и исторические парадигмы объективной оценки знаний	251
Ярмак К. В. Международный опыт организации ведомственного высшего образования с использованием элементов цифрового сопровождения	257

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 1 • 2026

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences

Public Law (State Law) Sciences

Private Law (Civil) Sciences

Criminal Law Sciences

International Law Sciences

Avetisyan K. R., Pankov E. S. Legal framework for ensuring national security of critical information infrastructure	9
Vnukova D. R., Trishkina E. A. Analysis of the problems of existing social security systems for police officers in the US, EU countries, the UK and China: comparative legal research and judicial practice	15
Vorodyuhin S. E., Lysenko V. A., Vasiliev V. V. Historical and legal aspects of the adoption of the Constitution of the Russian Federation	20
Gorbunov M. A. Comparative legal analysis of professional qualification systems in Russia and abroad (using Germany as an example).....	25
Grinko S. D. Modern approaches to training information security specialists for law enforcement agencies of the Russian Federation	32
Davidadze M. D., Seredin A. A. Risk factors in the use of artificial intelligence for crime prevention	36
Emelyanova N. Yu. The relationship between the assessment of circumstances considered when choosing a pretrial restraint measure and the evaluation of evidence in pretrial criminal proceedings	42
Ivanov D. A., Potapov V. D., Blinova E. V. Features of the inspection of the scene according to the legislation of the Russian Federation and the legislation of a number of foreign countries: criminological and criminalistic aspects	48
Kamalyan A. V. Legal framework for ensuring the financial stability of municipal medical institutions	54
Kovshevatsky V. I., Markina E. V. On the methodology of research on prohibition in administrative and tort law.....	59
Kopylov V. V., Kondratiev S. D. Problems with the organization of the suppression of online stores selling drugs and psychotropic substances in Russia	64
Kuchenin E. S. The content of legal import substitution regimes.....	68
Langner T. S. The difficulties of the formation of the upper house of the Federal Assembly of the Russian Federation: a historical aspect.....	73
Mironov A. L. Methodological problems in the study of public administration	78
Myshko F. G. A type of professional activity as an element of the national qualification system. Part one	82
Nedraga Ya. N. Exposure deficit in the regulation of citizenship of the Russian Federation.....	86
Opaleva M. A. State integrity and sovereignty as objects of constitutional and legal support for state security	93
Paukov O. V. On the issue of operational and search response to violent and aggressive crimes against individuals by criminal investigation units	97
Prudnikova T. A. Ensuring the rights of minor children of migrant workers in the Russian Federation.....	104
Serpionova A. I., Siluyanov P. P. Current issues of combating illegal migration: domestic and foreign experience	107
Titor S. E., Bikmanova A. K. Professional standards and early retirement: problems of law enforcement.....	112
Tokolov A. V., Isaev A. Yu. Transformation of the Russian Federation's maritime logistics in the context of economic sanctions by the collective West.....	118

The journal is registered by Federal Surveillance Service for Compliance with the Legislation in Mass Media and Cultural Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Science and Technics,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Honorary Worker
of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35
https://vk.com/mosumvd.official

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st release – 300)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' 117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 8

Issued

11.03.2026

The price is not fixed

Zip Code at the List of the Agency «Ural Press Okrug» **81108**, or on the website Scientific electronic library:

<http://elibrary.ru>

Filippova A. I., Gerasimova V. S. Digital intermediaries and legal regulation: challenges and prospects.....	125
Halifaeva A. K., Shamkhalov M. A., Alieva D. R. Formation and development of law enforcement activities of Russian law enforcement agencies: historical and legal analysis	134
Kholikov I. V., Naumova T. Yu. International military cooperation of the Russian Federation during a special military operation: legal issues	140
Khramov A. A. On the issue of using the term «integrative» in public law sciences	146
Chepurnova N. M., Shtepa M. K. Constitutional and legal and organizational foundations of local self-government in the unified system of public authority of the Russian Federation.....	151
Chervonyuk V. I. Digital environment and digital law: structural and genetic relationships (patterns)	157
Chistova L. E. Once again on the issue of the concept of the investigative situation	162
Sharipov P. M. Enforcement of human and citizen rights and freedoms by the internal affairs bodies of the Russian Federation in the implementation of administrative expulsion of foreign citizens from the Russian Federation	168

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

Boboshko V. I., Burmistrov E. S. Inventory as a method of ensuring the safety of the company's property: modern technologies against a formal approach.....	172
Boboshko N. M., Sapozhnikova D. A. The effectiveness of office-based and on-site tax audits in 2020–2025: statistical analysis and prospects for the development of control work	178
Veselkina S. A., Dorodnykh M. V. Transformation of the methodology of state financial control in the context of digitalization: transition to predictive intelligent audit.....	183
Gamarnik I. A. Financial sustainability and budgetary process of the municipality	195
Dianov D. V. Features of statistical study of crop production as a branch of sustainable development.....	205
Ivanova L. N., Simakova M. A. Corruption risks in the activities of internal affairs bodies as a threat to Russia's economic security: analysis and ways to minimize them	212
Linkov I. E. Statistical essay on accounts receivable of organizations	220
Minakov A. V. The impact of product labeling on ensuring economic security of Russia.....	227

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education

Methodology and technology of vocational education

Grichanov A. S., Panov E. V. Contemporary features of mentoring activities in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	234
Zhevlakov S. S. Are we walking on the spot? On the reform of Russian higher education	239
Konstantinov A. V. Conceptual approaches to definition and structuring of professional competencies of internal affairs officers	244
Nikitskaya E. A. The main approaches to understanding the deviant behavior of minors based on interdisciplinary analysis in the socio-humanitarian field of scientific knowledge	247
Kharlamova I. Yu. Practical experience and historical paradigms of objective knowledge assessment	251
Yarmak K. V. International experience in organizing departmental higher education using digital support elements.....	257

Научная статья

УДК 34.096

EDN: <https://elibrary.ru/zezmxh>

НИОН: 2015-0066-1/26-372

MOSURED: 77/27-011-2026-01-571

Правовые основы обеспечения национальной безопасности критической информационной инфраструктуры

Карэн Рафаелович Аветисян¹, Егор Сергеевич Панков²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

² pankov.egor26032005@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры, которое в условиях цифровой трансформации и роста геополитической напряженности приобретает стратегическое значение для национальной безопасности Российской Федерации. Проводится комплексный анализ правовых основ защиты критической информационной инфраструктуры. Рассматривается многоуровневая система нормативно-правового регулирования, включающая конституционные нормы, Указы Президента Российской Федерации, ведомственные акты Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, а также международные соглашения в рамках Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности. Особое внимание уделено соотношению понятий «критически важный объект» и «объект критической информационной инфраструктуры», анализируются требования к защите автоматизированных систем управления технологическими процессами и государственных информационных систем. На основе анализа Рекомендаций Парламентской Ассамблеи ОДКБ выявляются ключевые проблемы правоприменительной практики, связанные с терминологической несогласованностью и различиями в подходах к классификации объектов, а также определяются перспективные направления совершенствования российского законодательства, включая унификацию понятийного аппарата и развитие механизмов международного сотрудничества.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, национальная безопасность, информационная безопасность, правовое регулирование, ФСТЭК России, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности, критически важные объекты, гармонизация законодательства, кибербезопасность

Для цитирования: Аветисян К. Р., Панков Е. С. Правовые основы обеспечения национальной безопасности критической информационной инфраструктуры // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 9–14. EDN: ZEZXMH.

Original article

Legal framework for ensuring national security of critical information infrastructure

Karen R. Avetisyan¹, Egor S. Pankov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

² pankov.egor26032005@yandex.ru

Abstract. The ensuring the security of critical information infrastructure is being considered, which, in the context of digital transformation and growing geopolitical tensions, is of strategic importance for the national security of the Russian Federation. A comprehensive analysis of the legal framework for the protection of critical information infrastructure is carried out. A multi-level regulatory system is considered, including constitutional norms, Decrees of the President of the Russian Federation, departmental acts of the Federal Service for Technical and Export Control, as well as international agreements within the framework of the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. Special attention is paid to the relationship between the concepts of «critically important object» and «critical information infrastructure object», the requirements for the protection of automated process control systems and government information systems are analyzed. Based on the analysis of the Recommendations of the

© Аветисян К. Р., Панков Е. С., 2026

CSTO Parliamentary Assembly, key problems of law enforcement practice related to terminological inconsistencies and differences in approaches to the classification of objects are identified, as well as promising areas for improving Russian legislation, including the unification of the conceptual framework and the development of mechanisms for international cooperation.

Keywords: critical information infrastructure, national security, information security, legal regulation, FSTEC of Russia, Shanghai Cooperation Organization, Collective Security Treaty Organization, critically important facilities, harmonization of legislation, cybersecurity

For citation: Avetisyan K. R., Pankov E. S. Legal framework for ensuring national security of critical information infrastructure. Bulletin of economic security. 2026;(1):9–14. (In Russ.). EDN: ZEZXH.

В эпоху цифровой экономики и глобальной информатизации обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры становится одним из приоритетных направлений национальной безопасности любого государства. Под критической информационной инфраструктурой понимаются информационные системы и сети телекоммуникаций, используемые в государственном управлении, оборонной промышленности, здравоохранении, энергетике, на транспорте и в других сферах, вывод из строя которых может привести к катастрофическим последствиям для обороноспособности страны, безопасности личности и общества.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим количеством кибератак на объекты критической информационной инфраструктуры со стороны международных хакерских групп и недружественных государств. В ответ на эти вызовы в Российской Федерации сформирована многоуровневая система правового регулирования, включающая как национальное законодательство, так и международные обязательства в рамках интеграционных объединений. Правовое обеспечение национальной безопасности в данной сфере требует постоянного мониторинга и совершенствования в связи с быстрым развитием технологий и появлением новых видов угроз.

Цель данного исследования состоит в комплексном анализе правовых основ обеспечения национальной безопасности критической информационной инфраструктуры, систематизации действующих нормативных актов и выявлении тенденций развития законодательства в данной сфере. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть конституционные основы защиты информации; проанализировать систему Указов Президента Российской Федерации, определяющих перечни охраняемых сведений; исследовать ведомственные нормативные акты ФСТЭК России; оценить роль международных соглашений в формировании национальной политики безопасности критической информационной инфраструктуры.

1. Конституционные и стратегические основы защиты критической информационной инфраструктуры

Фундаментом правового регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности критической информационной инфраструктуры выступает Конституция Российской Федерации. Несмотря на то, что основной закон напрямую не оперирует термином «критиче-

ская информационная инфраструктура», он закрепляет важнейшие права и свободы человека и гражданина в информационной сфере, которые подлежат защите государством. В частности, Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также устанавливает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Эти конституционные гарантии являются базой для последующего регулирования защиты персональных данных и конфиденциальной информации, обрабатываемой, в том числе, на объектах критической информационной инфраструктуры.

Особое значение для понимания системы обеспечения безопасности имеют положения Конституции Российской Федерации, которые относят вопросы безопасности, включая информационную безопасность, к ведению Российской Федерации. Это обуславливает централизованный характер управления системой защиты критической информационной инфраструктуры и единство подходов к ее правовому регулированию на всей территории страны. Конституционные нормы определяют также разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации в вопросах защиты информации и обеспечения безопасности.

На стратегическом уровне важную роль играют Указы Президента Российской Федерации, определяющие перечни сведений, подлежащих охране. В частности, Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 утверждает перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. Многие объекты критической информационной инфраструктуры функционируют в оборонной, атомной сферах, где обрабатываются именно такие сведения, составляющие государственную тайну. Защита этих сведений – первоочередная задача, и требования к системам безопасности соответствующих объектов должны учитывать режим секретности.

Одновременно с этим, Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 определяет перечень сведений конфиденциального характера, к которым относятся, например, персональные данные, служебная тайна, тайна следствия и судопроизводства. Данный указ имеет важное значение для объектов критической информационной инфраструктуры, работающих в со-

циальной сфере, здравоохранении, банковском деле, где обрабатываются большие массивы персональных данных граждан. Таким образом, уже на уровне подзаконных актов высшего уровня задается классификация информации, циркулирующей в системах критической информационной инфраструктуры, и определяются базовые требования к ее охране.

2. Специальное законодательство и ведомственное нормотворчество ФСТЭК России

Центральным звеном в системе обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры является деятельность Федеральной службы по техническому и экспортному контролю. Приказы данного ведомства формируют конкретные технические и организационные требования, обязательные для исполнения всеми субъектами критической информационной инфраструктуры. Ведомственное нормотворчество в данной сфере отличается высокой степенью детализации и ориентировано на практическую реализацию мер защиты.

Ключевым документом для субъектов критической информационной инфраструктуры выступает приказ ФСТЭК России от 25 декабря 2017 г. № 239, который утверждает требования по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры. Данный документ устанавливает процедуры категорирования объектов, определения угроз безопасности информации, а также внедрения систем защиты. Важно отметить, что приказ предписывает создание систем безопасности, способных противодействовать не только внешним, но и внутренним нарушителям, что особенно актуально в условиях возможных инсайдерских угроз. Требования приказа дифференцированы в зависимости от категории значимости объекта, что позволяет применять пропорциональный подход к обеспечению безопасности.

Особую сложность представляет защита автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами, составляющих ядро критической информационной инфраструктуры в промышленности, энергетике, на транспорте. Приказ ФСТЭК России от 14 марта 2014 г. № 31 специально посвящен требованиям к защите информации именно в автоматизированных системах управления производственными и технологическими процессами на критически важных объектах, потенциально опасных объектах, а также объектах, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды. Специфика этих систем заключается в том, что требования к их безопасности должны учитывать не только информационные риски, но и риски техногенных катастроф, которые могут повлечь человеческие жертвы и значительный материальный ущерб. Нарушение безопасности таких систем может привести к выходу технологического процесса из-под контроля.

Кроме того, на объектах критической информационной инфраструктуры часто обрабатываются персо-

нальные данные граждан. В связи с этим применяются требования приказа ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21, который детализирует состав и содержание организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных. Это обеспечивает сквозную защиту информации на всех уровнях – от государственной тайны до частной жизни граждан. Приказ содержит классификацию информационных систем персональных данных и соответствующие требования к ним, что позволяет выстраивать систему защиты с учетом объема обрабатываемых данных и возможного ущерба субъектам персональных данных.

Вместе с тем нельзя игнорировать требования к государственным информационным системам, многие из которых сами являются объектами критической информационной инфраструктуры. Приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17 устанавливает правила защиты информации, не составляющей государственную тайну, но содержащейся в государственных информационных системах. Это актуально для систем здравоохранения, образования, предоставления государственных услуг, а также для различных ведомственных информационных систем, обеспечивающих деятельность органов государственной власти.

3. Объектный подход: критически важные объекты и критическая информационная инфраструктура

В российской правовой системе существует тесная связь между понятиями «критически важный объект» и «объект критической информационной инфраструктуры». Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 981 утверждает правила формирования и утверждения перечня критически важных объектов. Данный документ определяет критерии отнесения объектов к категории критически важных, порядок их категорирования и ведения соответствующего перечня. Критически важные объекты – это объекты, нарушение или прекращение функционирования которых приведет к потере управления экономикой страны, ее субъекта или административно-территориальной единицы, либо к необратимым негативным изменениям или разрушению экономики, либо существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения.

Информационная инфраструктура таких объектов автоматически попадает в сферу внимания регуляторов, поскольку обеспечение физической безопасности объекта невозможно без обеспечения безопасности управляющих им информационных систем. Таким образом, правовое регулирование в этой части носит комплексный характер: с одной стороны, применяются общие требования к защите критической информационной инфраструктуры, с другой – специальные требования к конкретному типу объекта с учетом его ведомственной принадлежности и потенциальной опасности.

Важным элементом системы является приказ ФСТЭК России от 21 декабря 2017 г. № 235, утверждающий Требования к созданию систем безопасности

значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования. Данный документ устанавливает порядок проектирования, внедрения и эксплуатации систем безопасности, включая требования к организационной структуре, кадровому обеспечению, реагированию на инциденты. Особое внимание уделяется непрерывности функционирования систем безопасности и их способности адаптироваться к изменяющейся среде.

4. Международно-правовое сотрудничество в сфере обеспечения безопасности

Российская Федерация реализует внешнеполитический курс в области информационной безопасности через участие в интеграционных объединениях, прежде всего, в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Эти структуры служат основными площадками для выработки коллективных мер противодействия киберугрозам.

В рамках ШОС базовым документом выступает Соглашение 2009 г., заключенное в Екатеринбурге. Из преамбулы этого акта следует, что стороны исходили из растущей обеспокоенности деструктивным потенциалом информационно-коммуникационных технологий, используемых в противоречии с задачами поддержания глобальной стабильности.

Статья 3 анализируемого Соглашения фиксирует ключевые векторы взаимодействия. К ним, в частности, относятся: формирование системы мониторинга угроз и механизмов совместного реагирования на инциденты; противодействие использованию ИКТ в террористических целях; обеспечение защищенности критически важных инфраструктур; координация позиций в международных организациях по проблематике информационной безопасности.

Приложение 1 к Соглашению заслуживает отдельного внимания, поскольку содержит попытку унификации понятийного аппарата. Под критически важными структурами здесь понимаются те элементы государственной системы, воздействие на которые способно дестабилизировать личность, общество и государство в целом. В свою очередь, Приложение 2 раскрывает видовые признаки угроз, квалифицируя атаки на такие структуры как составной элемент информационной войны.

Если в ШОС акцент сделан на международном политическом взаимодействии, то в ОДКБ приоритет отдается внутригосударственному нормотворчеству. Показательным примером служит постановление Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 2014 г., которым утверждены Рекомендации по гармонизации законодательства о безопасности критически важных объектов (КВО). Разработчики документа исходили из необходимости преодолеть разночтения в национальных правовых системах и выработать единообразные стандарты регулирования.

Из содержания раздела I Рекомендаций следует, что обеспечение безопасности КВО представляет собой

неотъемлемую часть комплекса задач по защите национального суверенитета. При этом в разделе II подчеркивается, что основы такого регулирования должны закладываться на конституционном уровне.

5. Проблемы правоприменения и перспективы совершенствования законодательства

Обращение к тексту Рекомендаций ОДКБ позволяет выявить системные недостатки национальных подходов и определить векторы дальнейшего развития законодательства.

Проблемы правоприменения

Ключевым препятствием здесь выступает терминологическая несогласованность. Как прямо указано в разделе II Рекомендаций, в государствах – членах ОДКБ отсутствуют унифицированные подходы к пониманию критически важных объектов, а в некоторых странах данное понятие вообще не используется.

Авторы документа обращают внимание на необходимость разграничения смежных категорий. На практике возникает потребность четко отделять «критически важные объекты» от «особо опасных объектов», «опасных производственных объектов» и «потенциально опасных объектов инфраструктуры».

Дополнительную сложность создают различия в классификационных подходах. В Рекомендациях отмечается, что российская модель деления объектов на федеральный и региональный уровни не может быть механически распространена на унитарные государства. Сравнительный анализ, проведенный в рамках подготовки документа, показал, что сопоставлению подвергались разнородные нормативные акты, обладающие различной юридической силой и разнонаправленностью.

Перспективы совершенствования законодательства

Раздел II Рекомендаций ОДКБ устанавливает следующие приоритетные направления гармонизации законодательства.

1. Унификация понятийного аппарата. Целесообразным признается использование единого Глоссария терминов в области КВО при разработке национальных нормативных актов.

2. Разработка рамочного законодательства. Возникает потребность в принятии каждым государством базового закона о безопасности КВО, который закрепит единые для стран ОДКБ понятия и категории, а также определит механизмы взаимодействия всех заинтересованных субъектов.

3. Закрепление правового статуса участников отношений. Предлагается на законодательном уровне детализировать права и обязанности должностных лиц, уполномоченных в сфере обеспечения безопасности КВО.

4. Развитие международной договорной базы. Фундаментом для сближения законодательств призваны стать многосторонние соглашения в рамках ОДКБ, которые позволят зафиксировать согласованные подходы и механизмы взаимодействия.

5. Унификация методик категорирования. Примечательно, что в качестве образца предлагается использовать российскую Методику отнесения объектов к критически важным. В документе подчеркивается, что она отличается вариативностью и гибким подходом, что позволяет адаптировать ее к условиям различных государств.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации сформирована многоуровневая система правового обеспечения национальной безопасности критической информационной инфраструктуры, которая базируется на конституционных нормах, развивается через указы Президента Российской Федерации и детализируется в ведомственных актах ФСТЭК России, которые устанавливают конкретные требования к защите информации в различных типах систем.

Важным компонентом системы выступает участие России в международных соглашениях в рамках ШОС и ОДКБ, что позволяет координировать усилия с государствами-партнерами в противодействии трансграничным киберугрозам. Правовое регулирование охватывает как вопросы защиты государственной тайны и конфиденциальной информации, так и специальные аспекты функционирования автоматизированных систем управления технологическими процессами на критически важных объектах.

Вместе с тем развитие технологий и эволюция угроз требуют постоянного совершенствования нормативной базы, устранения терминологических противоречий, адаптации требований к новым вызовам. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на повышение гибкости правового регулирования, развитие международного сотрудничества и совершенствование механизмов координации между государственными органами и частным сектором. Только комплексный и системный подход способен обеспечить надежную защиту критической информационной инфраструктуры как важнейшего элемента национальной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/>
2. Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10638/>
3. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8549/>
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 981 «Об утверждении

Правил формирования и утверждения перечня критически важных объектов» // URL: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2023-02-13/e96c00b62e5c37d78dc96a1937d28350.pdf/>

5. Соглашение между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50243/

6. Постановление Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О рекомендациях по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения безопасности критически важных объектов» // URL: http://paodkb.coalla.ru/uploads/document/file/25/rekomendatsii-po-garmonizatsii-zak_va-gos._chlenov-odkb-v-sfere-obespech.-bezop.-kritich.-vazhn.-obektov.pdf/

7. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 14 марта 2014 г. № 31 «Об утверждении требований к обеспечению защиты информации в автоматизированных системах управления производственными и технологическими процессами на критически важных объектах, потенциально опасных объектах, а также объектах, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-14-marta-2014-g-n-31/>

8. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-18-fevralya-2013-g-n-21/>

9. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11 февраля 2013 г. № 17 «Об утверждении требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-11-fevralya-2013-g-n-17/>

10. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 25 декабря 2017 г. № 239 «Об утверждении требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-25-dekabrya-2017-g-n-239/>

11. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 21 декабря 2017 г. № 235 «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-21-dekabrya-2017-g-n-235/>

regulhub.kaspersky.ru/upload/iblock/5f1/6wm2xzphopuloi
bokl3jqtl1nd6su03r.pdf/

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/>
2. Decree of the President of the Russian Federation of March 6, 1997 № 188 «On approval of the list of confidential information» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10638/>
3. Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 1995 № 1203 «On approval of the list of information classified as state secrets» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8549/>
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 24, 2021 № 981 «On approval of the rules for the formation and approval of the list of critically important facilities» // URL: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2023-02-13/e96c00b62e5c37d78dc96a1937d28350.pdf>
5. Agreement between the governments of the SCO member states on cooperation in the field of international information security // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50243/
6. Resolution of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization «On recommendations for the harmonization of the legislation of the CSTO member states in the field of ensuring the security of critical facilities» // URL: http://paodkb.coalla.ru/uploads/document/file/25/rekomendatsii-po-garmonizatsii-zak_va-gos._chlenov-odkb-v-sfere-obespech.-bezop.-kritich.-vazhn.-obektov.pdf

7. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of March 14, 2014 № 31 «On approval of requirements for ensuring information security in automated control systems for production and technological processes at critical facilities, potentially hazardous facilities, as well as facilities posing an increased danger to human life and health and to the environment» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-14-marta-2014-g-n-31/>

8. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of February 18, 2013 № 21 «On approval of the composition and content of organizational and technical measures to ensure the security of personal data when processing them in personal data information systems» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-18-fevralya-2013-g-n-21/>

9. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of February 11, 2013 № 17 «On approval of requirements for the protection of information that does not constitute a state secret, contained in state information systems» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-11-fevralya-2013-g-n-17/>

10. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of December 25, 2017 № 239 «On approval of requirements for ensuring the security of significant objects of the critical information infrastructure of the Russian Federation» // URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-25-dekabrya-2017-g-n-239/>

11. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of December 21, 2017 № 235 «On approval of the Requirements for the creation of security systems for significant objects of the critical information infrastructure of the Russian Federation and ensuring their functioning» // URL: <https://regulhub.kaspersky.ru/upload/iblock/5f1/6wm2xzphopuloibokl3jqtl1nd6su03r.pdf>

Информация об авторах

К. Р. Аветисян – врио заместителя начальника кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Е. С. Панков – курсант факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

K. R. Avetisyan – Acting Deputy Head of the Department of Information Security of the Educational and Research Complex of Information Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

E. S. Pankov – Cadet of the Faculty of Training Specialists in the Field of Information Security of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/njadbw>

НИОН: 2015-0066-1/26-373

MOSURED: 77/27-011-2026-01-572

Анализ проблем действующих систем социальных гарантий сотрудников полиции в США, странах ЕС, Великобритании и КНР: сравнительно-правовое исследование и судебная практика

Диана Рафиковна Внукова¹, Екатерина Алексеевна Тришкина²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, zadira_dz@mail.ru

² Академия управления МВД России, Москва, Россия, ekaterina.ki@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с тем, что в любой стране мира сотрудники полиции выполняют функции, связанные с высоким уровнем риска, стресса и ответственности, что обуславливает необходимость формирования надежных и комплексных систем социальных гарантий. Эти гарантии включают пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, страхование от несчастных случаев и профессиональных заболеваний, психологическую поддержку, юридическую защиту, а также меры социальной адаптации после завершения службы. Настоящая статья представляет собой всесторонний сравнительно-правовой анализ действующих систем социальных гарантий сотрудников полиции в Соединенных Штатах Америки, странах Европейского Союза, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, а также Китайской Народной Республике. Целью исследования является выявление системных проблем, пробелов в законодательстве, а также анализ влияния судебной практики на реализацию и защиту прав сотрудников правоохранительных органов на социальные гарантии в период с 2020 по 2025 гг.

Ключевые выводы исследования указывают на наличие общих вызовов, таких как финансовая устойчивость пенсионных систем, адекватность психологической поддержки, баланс между ответственностью и защитой сотрудников, а также адаптация к меняющимся социально-политическим условиям. Однако специфические проблемы и подходы к их решению значительно варьируются в зависимости от национальной правовой традиции, экономической ситуации и политической системы. Практическая значимость работы заключается в детальном анализе международных проблем, из которых следуют обоснованные рекомендации для потенциального улучшения систем социальных гарантий, особенно в контексте повышения эффективности правоохранительной деятельности и обеспечения благополучия сотрудников полиции Российской Федерации.

Ключевые слова: социальные гарантии, социальное обеспечение, сотрудники полиции, защита, управление персоналом

Для цитирования: Внукова Д. Р., Тришкина Е. А. Анализ проблем действующих систем социальных гарантий сотрудников полиции в США, странах ЕС, Великобритании и КНР: сравнительно-правовое исследование и судебная практика // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 15–19. EDN: NJADBW.

Original article

Analysis of the problems of existing social security systems for police officers in the US, EU countries, the UK and China: comparative legal research and judicial practice

Diana R. Vnukova¹, Ekaterina A. Trishkina²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, zadira_dz@mail.ru

² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ekaterina.ki@rambler.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that police officers in any country perform duties that involve a high level of risk, stress, and responsibility, which necessitates the creation of reliable and comprehensive social security systems. These guarantees include pension provision, medical care, insurance against accidents and occupational diseases, psychological support, legal protection, and measures for social adaptation after completion of service. This article presents a comprehensive comparative legal analysis of the current social security systems for police officers in the United States of America, the countries of the European Union, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the People's Republic of China. The aim of the study is to identify systemic problems and gaps in legislation, as well as to analyze the impact of judicial practice on the implementation and protection of law enforcement officers' rights to social guarantees in the period from 2020 to 2025.

© Внукова Д. Р., Тришкина Е. А., 2026

The key findings of the study point to common challenges, such as the financial sustainability of pension systems, the adequacy of psychological support, the balance between accountability and protection of employees, and adaptation to changing socio-political conditions. However, specific problems and approaches to solving them vary significantly depending on national legal traditions, economic situations, and political systems. The practical significance of the work lies in a detailed analysis of international problems, from which reasonable recommendations for potential improvements to social security systems follow, especially in the context of increasing the effectiveness of law enforcement activities and ensuring the well-being of police officers in the Russian Federation.

Keywords: social security, social welfare, police officers, protection, personnel management

For citation: Vnukova D. R., Trishkina E. A. Analysis of the problems of existing social security systems for police officers in the US, EU countries, the UK and China: comparative legal research and judicial practice. Bulletin of economic security. 2026;(1):15–9. (In Russ.). EDN: NJADBW.

Социальные гарантии являются фундаментальным компонентом системы управления персоналом в любой правоохранительной структуре. Они не только обеспечивают защиту сотрудников полиции и их семей от социальных рисков, но и служат ключевым фактором привлечения, удержания и мотивации квалифицированных кадров. Осознание высокой общественной значимости и специфики полицейской службы, сопряженной с постоянным риском для жизни и здоровья, повышенным уровнем стресса и необходимостью принятия решений в экстремальных условиях, делает вопросы адекватного социального обеспечения критически важными.

В период с 2020 по 2025 г. мировое сообщество столкнулось с беспрецедентными вызовами, включая пандемию COVID-19, усиление социальной напряженности, рост преступности, а также дебаты о реформе полиции и подотчетности правоохранительных органов. Эти факторы оказали существенное влияние на условия службы сотрудников полиции и на системы их социальных гарантий, выявив как сильные стороны, так и уязвимости.

В то же время понятие «социальные гарантии» в контексте сотрудников полиции охватывает широкий спектр мер и льгот, предоставляемых государством в целях обеспечения их благополучия, защиты от рисков, связанных со службой, и поддержания достойного уровня жизни как во время службы, так и после ее окончания. Эти гарантии являются частью более широкой системы государственной службы и отражают признание особого статуса и общественной значимости полицейской деятельности.

Комплекс социальных гарантий для сотрудников полиции избранных для анализа юрисдикций, как правило, включает следующие ключевые элементы: пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание и здравоохранение, юридическую защиту и правовую помощь, жилищное обеспечение, образовательные льготы, социальную адаптацию и переподготовку, материальные и финансовые льготы.

Система социальных гарантий для сотрудников полиции в США характеризуется высокой степенью децентрализации и фрагментации. Во-первых, отсутствует единая федеральная система, охватывающая всех сотрудников правоохранительных органов. Хотя на федеральном уровне и существуют федеральные программы, такие как Public Safety Officers' Benefits Program (PSOB) (42 U.S.C. § 3796 et seq.) [9], которая предоставляет единовремен-

ные выплаты семьям сотрудников, погибших или получивших тяжелые травмы при исполнении служебных обязанностей или Закон о защите психического здоровья сотрудников правоохранительных органов [5], который направлен на поддержку программ психического здоровья, данные акты имеют узконаправленное действие.

В основном, социальные гарантии определяются на уровне штатов, округов и муниципалитетов, а также ведомственными правилами для федеральных правоохранительных органов (например, FBI, DEA, ATF). Фактически, каждый штат, а зачастую и крупные муниципалитеты, имеют свои собственные законы, регулирующие пенсионное обеспечение, медицинское страхование и другие льготы для сотрудников полиции [8; 3]. Это приводит к значительным различиям в объеме, качестве и условиях предоставления льгот.

Также, значительная часть льгот определяется через коллективные договоры между профсоюзами полиции и соответствующими государственными или муниципальными органами. Эти договоры могут касаться заработной платы, медицинского обслуживания, отпусков и условий труда.

Отсутствие единого стандарта приводит к значительным различиям в пенсионных выплатах, медицинском страховании и других льготах между соседними юрисдикциями. Офицер в крупном городе может иметь значительно лучшие гарантии, чем его коллега в небольшом сельском округе, что влечет отток квалифицированных кадров из менее обеспеченных штатов или населенных пунктов, приводит к снижению морального духа, таким образом ощущение несправедливости влияет на мобильность кадров и качество правоохранительной деятельности.

Концепция «квалифицированного иммунитета» (qualified immunity) [12] защищает государственных должностных лиц, включая полицию, от гражданских исков, если их действия не нарушают «четко установленные» конституционные или статутные права, о которых разумный чиновник должен был знать.

В период 2020–2022 гг. после инцидента с Джорджем Флойдом эта доктрина стала предметом ожесточенных дебатов. Критики утверждают, что она чрезмерно защищает офицеров от ответственности, в то время как сторонники считают ее необходимой для выполнения полицией своих функций без постоянного страха судебного преследования. Для сотрудников полиции

это создает неопределенность в правовой защите: хотя иммунитет защищает от необоснованных исков, в случаях его неприменимости офицеры могут столкнуться с огромными судебными расходами и личной ответственностью, если департамент не предоставляет адекватную юридическую защиту или страховку. Многие департаменты предоставляют защиту, но не всегда во всех случаях. Ряд законопроектов на федеральном уровне и уровне штатов [4] предлагали отмену или ограничение квалифицированного иммунитета, что вызвало обеспокоенность среди правоохранительных органов по поводу их способности эффективно выполнять обязанности.

Помимо проблемы нормативных стандартов существует совершенно разнообразная прецедентная практика судов США, которая, как правило, отражает децентрализованный характер системы. Решения Верховного Суда США устанавливают федеральные конституционные стандарты, в то время как апелляционные и государственные суды занимаются большинством дел, касающихся социальных гарантий.

В период 2020–2023 гг. Верховный Суд США неоднократно подтверждал доктрину квалифицированного иммунитета, отказываясь пересматривать ее широкие рамки [1; 2]. Это означает, что для преодоления иммунитета и привлечения офицера к личной ответственности истцам по-прежнему необходимо доказать, что офицер нарушил «четко установленное» право, о котором разумный офицер должен был знать. Это создает высокие барьеры для исков против полиции. Соответственно, нижестоящие суды, следуя этой линии, часто отклоняли иски против офицеров, если не было найдено прямого прецедента, аналогичного фактическому составу дела.

Вторая комплексная проблема социальных гарантий сотрудников полиции в США связана с тем, что многие государственные и муниципальные пенсионные фонды для полиции страдают от хронического недофинансирования. Это обусловлено недостаточными ежегодными взносами со стороны работодателей (государственных и муниципальных органов), завышенными ожиданиями по доходности инвестиций и демографическими изменениями (увеличение продолжительности жизни пенсионеров). По данным на 2020–2023 гг. многие фонды демонстрировали уровень финансирования значительно ниже 80 % от обязательств, что считается критическим порогом [14]. В таких условиях несложно прогнозировать риск сокращения будущих выплат, снижение доверия к системе, сложности с привлечением новых сотрудников, фискальное давление на бюджеты штатов и муниципалитетов. В некоторых случаях, например, в таких городах как Детройт или Стоктон, финансовые трудности приводили к реструктуризации пенсионных обязательств через банкротство, что негативно сказывалось на полицейских пенсионерах.

Также многочисленные иски были поданы сотрудниками полиции против штатов и муниципалитетов по поводу сокращения пенсионных выплат или изменения условий пенсионного обеспечения. Суды часто сталки-

вались с балансированием между договорными правами сотрудников на пенсию (как «vested rights» – приобретенными правами) и фискальной необходимостью правительств. Например, в делах, связанных с муниципальными банкротствами (например, в Калифорнии или Мичигане), суды подтверждали возможность реструктуризации пенсионных обязательств, но часто требовали, чтобы эти изменения были разумными и не нарушали основные права пенсионеров. Таким образом суды стремятся защитить приобретенные пенсионные права (vested rights) на уже заработанные пенсионные льготы, но допускают изменения в будущих накоплениях или условиях для новых сотрудников, если это обосновано фискальными причинами.

Системы социальных гарантий для сотрудников полиции в Европейском Союзе в значительной степени определяются национальным законодательством государств-членов, так как правоохранительная деятельность является суверенной компетенцией. Однако существуют общие принципы, вытекающие из европейского права, рекомендаций Совета Европы и Суда Европейского Союза, а также Европейского Суда по правам человека. Большинство полицейских в ЕС имеют статус государственных служащих, что обеспечивает им более высокий уровень социальных гарантий по сравнению с обычными работниками, а их гарантии определяются национальными законами о государственной службе, которые регулируют условия занятости, включая пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание и дисциплинарные процедуры и специальными законами о полиции. Полицейские, как правило, интегрированы в национальные системы здравоохранения и социального страхования, но с дополнительными льготами, обусловленными их статусом. В некоторых странах профсоюзы полиции играют значительную роль в определении условий труда и социальных гарантий через коллективные договоры.

В то же время многие европейские страны сталкиваются с демографическими вызовами (старение населения, снижение рождаемости), что оказывает давление на государственные пенсионные системы, включая специальные схемы для полиции. Высокие пенсионные обязательства, унаследованные от предыдущих десятилетий, становятся все более обременительными для бюджетов. В таких условиях правительства вынуждены проводить пенсионные реформы, повышая пенсионный возраст, увеличивая взносы или изменяя формулы расчета выплат, что вызывает протесты и снижение морального духа среди сотрудников полиции. Например, Франция в 2023 г. столкнулась с массовыми протестами в связи с реформой, повышающей пенсионный возраст, которая затрагивает и полицейских, хотя для них предусмотрены некоторые исключения из-за специфики службы. В настоящее время во многих странах ЕС обсуждаются меры по обеспечению долгосрочной устойчивости пенсионной системы для государственных служащих.

Хотя статус государственного служащего обеспечивает определенный уровень гарантий, объем и качество

социальных льгот могут существенно различаться между странами-членами ЕС, а иногда и между различными полицейскими силами внутри одной страны (например, федеральная полиция против региональной), что создаст дисбаланс в мобильности кадров и уровне привлекательности службы.

Анализ судебной практики показал, что основной проблемой являются процессы признания сложных профессиональных заболеваний, особенно психических (например, ПТСР, хронический стресс), могут быть длительными и сложными. Требуется строгая доказательная база, что часто вызывает задержки в получении медицинской помощи и финансовой поддержки, что усугубляет состояние сотрудников. Однако, суды становятся более открытыми к таким требованиям, признавая психологическую травму наравне с физической.

Система социальных гарантий для сотрудников полиции в Великобритании регулируется национальным законодательством, в частности, Законом о полиции [6], положениями о полиции [7] и специальными пенсионными схемами. Полиция в Великобритании является гражданской службой, но с особым статусом, отличным от обычных гражданских служащих.

В качестве основной проблемы следует отметить результаты пенсионной реформы 2015 г., когда многие сотрудники полиции, были лишены старых, более щедрых социальных гарантий. Это вызвало недовольство и судебные иски. Решение Апелляционного суда в деле *Sargeant & Ors v The Lord Chancellor & Ors* (известное как *McCloud Judgment* в 2018 г., подтвержденное Верховным Судом в 2020 г.) признало дискриминационным переход сотрудников из старых пенсионных схем в новые на основании возраста [10]. Соответственно, правительству пришлось разрабатывать сложные механизмы для исправления ситуации, что привело к огромным административным и финансовым затратам. Неопределенность в отношении пенсионных прав сохранялась в период 2020–2024 гг., влияя на моральный дух и планирование выхода на пенсию.

Десятилетие бюджетных сокращений в рамках политики «жесткой экономии» (*austerity*) негативно сказалось на финансировании полицейских сил, что косвенно влияет на социальные гарантии. Хотя правительство обещало увеличить число офицеров, это не всегда сопровождалось адекватным увеличением средств на их социальное обеспечение и объяснялось ограниченными ресурсами для медицинского обслуживания, обучения, программ адаптации.

Система социальных гарантий для сотрудников полиции в КНР (включая Министерство общественной безопасности, Народную вооруженную полицию и другие правоохранительные органы) является частью более широкой системы государственной службы и характеризуется централизованным государственным контролем и всеобъемлющим подходом. Полицейские в КНР имеют статус государственных служащих, что обеспечивает им высокий уровень социальной защиты.

Закон КНР о государственной службе определяет правовой статус, права и обязанности государственных служащих, включая вопросы оплаты труда, пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания и дисциплинарной ответственности [11]. Закон КНР об общественной безопасности регулирует деятельность Народной полиции, ее организацию, полномочия, а также некоторые аспекты социальных гарантий. Положения и правила Государственного совета и Министерства общественной безопасности детализируют реализацию социальных гарантий, включая жилищные льготы, медицинское обслуживание, компенсации за травмы и гибель на службе, а также программы для семей. Также в КНР существует система «Данвэй», когда традиционно большую роль играют рабочие единицы (*данвэй*), которые помимо основной работы предоставляли и продолжают предоставлять значительный объем социальных услуг (жилье, медицинские клиники, детские сады, школы для детей сотрудников) [13].

Законы КНР предусматривают значительные компенсации семьям сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей, а также выплаты в случае получения инвалидности. Судебная практика в этой области, как правило, направлена на обеспечение выплаты этих компенсаций в соответствии с установленными нормами. Однако отсутствие публичной информации о многих таких делах затрудняет всесторонний анализ.

Выводы. Несмотря на существенные различия в правовых системах и социально-экономических моделях США, ЕС, Великобритании и КНР, анализ выявляет ряд общих системных вызовов, с которыми сталкиваются все юрисдикции в обеспечении социальных гарантий для сотрудников полиции.

Повсеместное старение населения, снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни создают колоссальное давление на пенсионные системы, которые часто были разработаны в других демографических и экономических условиях. Специальные пенсионные схемы для полиции, как правило, более щедрые и предусматривают более ранний выход на пенсию, что усугубляет проблему недофинансирования. Правительства вынуждены проводить непопулярные реформы, повышая пенсионный возраст, увеличивая взносы или сокращая выплаты, что вызывает недовольство и протесты среди действующих и бывших сотрудников. Это также создает неопределенность для будущих поколений полицейских. В США проблема усугубляется фрагментацией и отсутствием единой стратегии, в ЕС и Великобритании – необходимостью балансировать между социальными обязательствами и бюджетными ограничениями.

Переход от высокоструктурированной, дисциплинированной и стрессовой полицейской службы к гражданской жизни часто сопряжен с серьезными трудностями. Бывшие сотрудники могут сталкиваться с проблемами трудоустройства, социальной дезадаптацией, а также продолжающимися медицинскими и психологическими проблемами, связанными со службой. Отсутствие адекватных программ переподготовки, психологической поддержки и

помощи в трудоустройстве может привести к снижению качества жизни бывших сотрудников и их семей, а также потере ценного опыта. В США и Великобритании существуют ветеранские программы, но они не всегда охватывают всех бывших полицейских. В КНР этот аспект менее публичен, но, вероятно, также является проблемой.

Быстрое развитие технологий (например, искусственный интеллект, киберпреступность, дроны) и появление новых видов угроз (глобальный терроризм, кибервойны) предъявляют новые требования к подготовке и оснащению полиции. Это также создает новые виды рисков для здоровья и безопасности сотрудников, которые не всегда адекватно покрываются существующими системами социальных гарантий. В таких условиях возникает необходимость пересмотра классификации профессиональных заболеваний, расширения программ обучения и адаптации к новым видам стресса и рисков.

Список источников / References

1. Baxter v. Bracey, 2020 // URL: https://afj.org/wp-content/uploads/2020/01/Baxter-v.-Bracey_-751-Fed.-Appx.-869.pdf/
2. Brown v. Detroit, City of et al, № 2:2019cv12811 – Document 22 (E.D. Mich. 2020) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/michigan/miedce/2:2019cv12811/341933/22/>
3. California Public Employees' Retirement System (CalPERS) // URL: <https://www.calpers.ca.gov/>
4. H.R. 7120, Justice in Policing Act of 2020 // URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7120/>
5. Law Enforcement Mental Health and Wellness Act of 2017 // URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/867/>
6. Police Acts 1996 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/16/contents/>
7. Police Regulations // URL: <https://www.polfed.org/resources/police-regulations/>
8. Police and Firefighters' Retirement Systems (PFRS) of New Jersey // URL: <https://www.nj.gov/pfrs/>
9. Public safety officers' death benefits Pub. L. № 90351, Title I, Part L [42 U.S.C. Chapter 46, Subchapter XII] // URL: https://bja.ojp.gov/sites/g/files/xyckuh186/files/media/document/psob_act_and_regulations_2011.pdf/
10. The McCloud judgment and your LGPS pension // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6422fae32fa8480013ec0da6/LGPS_McCloud_factsheet.pdf/
11. Алексеенко А. П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). (11. Alekseenko A. P. Regulation of the civil service in the PRC // Oikoumena. Regional Studies. 2018. № 4 (47)).
12. Вопрос о судебном иммунитете госслужащих может быть рассмотрен в Верховном суде США // URL: https://rapsinews.ru/international_news/20200605/305891258.html (12. The issue of judicial immunity for civil servants may be considered by the US Supreme Court // URL: https://rapsinews.ru/international_news/20200605/305891258.html).
13. Опыт лучших практик государственной службы России и Китая : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Чжао Шимин ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Пудунская академия подготовки руководящих кадров Китая. М. : ИД «Юриспруденция», 2020. 396 с. (13. Best practices in the civil service of Russia and China : monograph / ed. by T. Y. Khabrieva, Zhao Shimin ; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation ; Pudong Academy for Leadership Training of China. M. : Yurisprudencia Publishing House, 2020. 396 p.).
14. Пенсии в 2023 году. Показатели ОЭСР и G20 (Pensions at a Glance 2023. OECD AND G20 INDICATORS) // URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/pensions-at-a-glance-2023_4757bf20/678055dd-en.pdf/

Информация об авторах

Д. Р. Внукова – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук;

Е. А. Тришкина – начальник кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

D. R. Vnukova – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences;

E. A. Trishkina – Head of the Department of Financial, Economic, Material, Technical, and Medical Support of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contributions of authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 24.09.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/nqufxw>

ИИОН: 2015-0066-1/26-374

MOSURED: 77/27-011-2026-01-573

Историко-правовые аспекты принятия Конституции Российской Федерации

Станислав Евгеньевич Вородюхин¹, Виктория Александровна Лысенко²,
Виктор Викторович Васильев³

^{1, 2, 3} Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ vorodyuhin-stani@mail.ru

² lisenko.vik.2013@yandex.ru

³ vasilev-vv@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены историко-правовые аспекты принятия Конституции Российской Федерации. Изучение Конституции РФ представляет эмпирический и теоретический интерес, а обращение к этим вопросам имеет важное государственно-правовое значение. Конституция 1993 г. ознаменовала начало новой эпохи в истории Российской Федерации. Авторы пришли к выводу, что анализ конституционного процесса в России (1990–1993 гг.) наглядно демонстрирует огромный опыт создания и принятия «работоспособной Конституции» в условиях острой политической конфронтации, распада СССР, становления новой российской государственности.

Ключевые слова: СССР, РСФСР, РФ, Конституция, Конституционная комиссия, конституционный проект

Для цитирования: Вородюхин С. Е., Лысенко В. А., Васильев В. В. Историко-правовые аспекты принятия Конституции Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 20–24. EDN: NQUFXW.

Original article

Historical and legal aspects of the adoption of the Constitution of the Russian Federation

Stanislav E. Vorodyuhin¹, Victoria A. Lysenko², Viktor V. Vasiliev³

^{1, 2, 3} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

¹ vorodyuhin-stani@mail.ru

² lisenko.vik.2013@yandex.ru

³ vasilev-vv@mail.ru

Abstract. The historical and legal aspects of the adoption of the Constitution of the Russian Federation are examined. Studying the Constitution of the Russian Federation is of both empirical and theoretical interest, and addressing these issues has significant public and legal significance. The Constitution marked the beginning of a new era in Russian. The authors conclude that an analysis of the constitutional process in Russia (1990–1993) clearly demonstrates the colossal experience of creating and adopting a «workable Constitution» amidst intense political confrontation, the collapse of the USSR, and the emergence of a new Russian state.

Keywords: USSR, RSFSR, Russian Federation, Constitution, Constitutional commission, constitutional draft

For citation: Vorodyuhin S. E., Lysenko V. A., Vasiliev V. V. Historical and legal aspects of the adoption of the Constitution of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(1):20–4. (In Russ.). EDN: NQUFXW.

Россия в XX–XXI вв. имеет свою конституционную историю, оформляющую очередную веху в развитии нашей страны. Ее изучение представляет эмпирический и теоретический интерес, а обращение к этим вопросам имеет важное государственно-правовое значение. Достоверно известно, что Конституция – это основной закон государства, обладающий не только высшей юридической силой, но и незыблемым авторитетом. А при-

нятие новой Конституции всегда связано с принципиальными изменениями во всех сферах государственной и общественной жизни, организацией эффективного государственно-правового механизма.

Конституция Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция) – это нормативный правовой акт нового государства – Российской Федерации, возникшего более тридцати лет назад после распада СССР. Дан-

ный основной закон государства принимался в сложных политических, экономических, социальных и идеологических условиях. С учетом специфики всех этих реалий, необходимо отметить, что это был важный шаг для нашего государства.

Следует заметить, что первые четыре Конституции (РСФСР 1918 г., СССР 1924 г., СССР 1936 г., СССР 1977 г.) принимались в государстве, основанном на социалистических отношениях с принципиальным неприятием частной собственности, рыночных отношений и при сращивании государственного и партийного аппарата.

Курс на конституционное реформирование был взят в декабре 1988 г., так как сессия Верховного Совета СССР в этот день приняла закон «О выборах народных депутатов СССР»¹, который впервые в советской истории вводил альтернативные выборы высших представительных органов. А 26 марта 1989 г. впервые в советской практике прошли выборы народных депутатов на альтернативной основе, то есть в них участвовали не только кандидаты от Коммунистической партии СССР, но и беспартийные, члены профсоюзов, общественных организаций и представители творческих союзов.

Как правильно указывают С. А. Авакьян, Т. Я. Хабриева, С. Н. Шевердяев в своих научных трудах, что конституционный феномен Российской Федерации является важной вехой в мировом развитии конституционализма [1; 4; 7; 8; 9].

С изменением политического курса страны первый Съезд народных депутатов СССР принял решение о подготовке проекта новой Конституции. Изменения затронули не только общесоюзный документ, но и республиканский. Так в октябре 1989 г. вся полнота власти в РСФСР была передана Съезду народных депутатов РСФСР и Верховному совету РСФСР. В мае 1990 г. председателем Верховного совета РСФСР был избран Б. Н. Ельцин, который получил популярность благодаря своим прогрессивным идеям и критике в адрес руководства Коммунистической партии.

С. М. Шахрай в своей статье, писал, что ««революционная ситуация» в СССР начала 90-х не завершилась революцией, гражданской войной и «большой кровью» в первую очередь потому, что общество не забыло уроки своей истории» [8]. Считаем, что растущее напряжение в обществе и государстве вылилось в парламентские дебаты, в оживленные дискуссии о перспективах становления конституционализма в России, в противоборство многочисленных конституционных проектов.

12 июня 1990 г. первый Съезд советов народных депутатов РСФСР принял политико-правовой акт – Декларацию о государственном суверенитете². В ней про-

возглашен государственный суверенитет РСФСР и приоритет российских законов над союзными. Посредством этого документа, Съезд сформулировал готовность к созданию демократического, правового государства в составе обновленного Советского союза. 14 марта 1990 г. происходит отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС. Теперь Коммунистическая партия, политические партии, профсоюзы и различные общественные организации через своих представителей в Совете народных депутатов принимают непосредственное участие в управлении государством. Таким образом, с самого начала деятельность по подготовке и принятию Конституции РСФСР осуществлялась гласно, с привлечением конституционного опыта зарубежных стран. На наш взгляд, это объяснялось тем, что в начале 90-х гг. XX в. необходимо было трансформировать основы конституционного строя РФ, которые в дальнейшем интегрировались бы в международное сообщество.

В период с 1990 по 1993 гг. работала Конституционная комиссия Съезда народных депутатов РСФСР, которая провела общественный конкурс на лучший проект новой Конституции РСФСР, который отражал позиции различных политических сил. Над проектом новой конституции для новой России трудились более тысячи специалистов: юристы, экономисты, общественники, представители всех регионов многонациональной страны. Президент РФ Б. Н. Ельцин получил создать несколько рабочих групп. Одну, из которых возглавил мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак. Для того чтобы сосредоточиться на работе на документах теста, А. А. Собчак пригласил ведущих ученых в сфере юриспруденции С. С. Алексеева и С. М. Шахрая. Данный процесс затянулся на три с половиной года, так как авторы стремились сделать документ не только юридически грамотно оформленным, но и изложенный простым языком, чтобы не повторить казусов Конституции СССР 1977 г.

Новая Конституция должна была стать основным законом страны прямого действия, как отмечал А. А. Собчак «Мы хотим строительство нормальной человеческой жизни и строительство нового общества». Были разрушены прежние экономические и политические отношения, взаимосвязи, структуры, а новые еще не появились по вполне объективным причинам [3, с. 32–38].

Значительной особенностью конституционного проекта «Конституции Алексеева-Собчака» стала подробная проработка статей, регламентирующим основные права и свободы человека и гражданина. С. С. Алексеев широко использовал в работе свои идеи о «Конституции Человека»: концепция Основного закона, который «ставит человека, с его высоким статусом и неотъемлемыми правами, над властью» [2, с. 220].

Интересными были и другие разработки проектов: проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» был разработан известным правозащитником академиком АН СССР А. Д. Сахаровым, проект О. Г. Румянцева, «проект ноль», который был подготовлен рабочей группой под руководством С. М. Шахрая.

¹ Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» // Ведомости ВС СССР. 7 декабря 1988. Ст. 729. С. 831

² Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 1990 г., № 2. Ст. 22.

На референдуме 17 марта 1991 г. граждане РСФСР проголосовали за учреждение поста Президента РСФСР, а 12 июня 1991 г. состоялись всенародные выборы, в результате которых Президентом РСФСР стал Б. Н. Ельцин, Вице-президентом РСФСР – А. В. Руцкой.

Новой Конституции на тот момент еще не было, поэтому в инаугурации использовались два основных государственных документа того времени: Конституция РСФСР 1978 г. и Декларация о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. Для укрепления конституционного строя 12 июля 1991 г. был создан Конституционный суд РСФСР в составе 13 судей.

События, которые произошли 19–21 августа 1991 г., известные как ПУТЧ ГКЧП (государственного комитета по чрезвычайному положению) побудили Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева объявить о самороспуске Коммунистической партии СССР. Этот процесс затронул и республиканские партийные организации – единственный реальный механизм власти в СССР на тот момент.

Советский союз стремительно распадался. К концу 1991 г. 13 из 15 союзных республик объявили о своем суверенитете. 8 декабря 1991 г. в государственной резиденции в Беловежской пуще состоялась встреча делегаций от Белоруссии, России и Украины. В 1922 г. эти государства входили в число учредителей Советского союза, и теперь они в 1991 г. подписали соглашение о создании Содружества независимых государств (СНГ).

В 1991 г. произошло глобальное событие – распад СССР, позже В. В. Путин назовет это крупнейшей геополитической катастрофой XX века¹. 26 декабря 1991 г. Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию № 142-Н о прекращении существования СССР в связи с образованием Содружества Независимых Государств, тем самым официально распустив Союз Советских Социалистических Республик и его институты власти. Конституция уже суверенного государства – Российской Федерации оставалась по-прежнему советской.

В 1991 г. возникла вторая вертикаль власти Президента РСФСР. В условиях конституционного кризиса 1992–1993 гг. нарастали сепаратистские настроения в российских автономных регионах. В то время их сдерживал Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 г., который определял характер отношений между субъектами Российской Федерации.

С распадом СССР коренным образом изменились политические, экономические, социальные и правовые институты, произошла «перестройка» ценностей. На смену советской системе правового воспитания пришла система, направленная на привитие обществу демократических ценностей. На первый план вышла необходимость формирования демократического правового сознания и правовой культуры, правовой государственности, гражданского общества [5, с. 220].

Новый проект Конституции передавал дух того времени. Предложение и поправки поступали из Верховного совета РСФСР, от народных депутатов, от экспертных групп, научных центров Конституционного и Верховного судов, из прокуратуры, министерств, ведомств. Всего было внесено около 1,5 тыс. поправок, примерно 300 из них были полностью или частично учтены.

Шлифовка проекта длилась весь 1992 г. Работа комиссии осложнялась борьбой между правительством Президента Б. Н. Ельцина и парламентом. В декабре 1992 г. конфликт обострился, так как перед Съездом народных депутатов стал вопрос: быть Российской Федерации парламентской или президентской республикой?

10 декабря 1992 г. с трибуны Съезда народных депутатов Б. Н. Ельцин обратился к народу с призывом определиться: кому они поручат вывод России из кризиса? На 11 апреля 1993 г. был назначен общенародный референдум по основным положениям проекта Конституции, но вскоре опасаясь за государственную целостность Российской Федерации Съезд народных депутатов, отменил референдум. В ответ на это 20 марта 1993 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин снова обратился к народу, он объявил о приостановке действий Конституции РСФСР 1978 г. и о введении особого порядка управления страной. Конституционный суд РФ усмотрел в этом обращении основание для отрешения Президента от должности. Однако импичмент не состоялся, а проведение всенародного референдума было перенесено на 25 апреля 1993 г.

На референдум были вынесены вопросы о доверии Президенту РФ, одобрение его социально-экономической политики, а также о назначении досрочных выборов Президента РФ и Верховному Совету. Результаты этого референдума укрепили позиции Б. Н. Ельцина и послужили сигналам поддержки его политики. Б. Н. Ельцин прилагал все усилия, чтобы принять новую Конституцию, он был убежден, что конституционный кризис – главное препятствие на пути демократических реформ.

30 апреля 1993 г. в газете «Известия» был опубликован так называемый президентский проект Конституции, который был разработан российским ученым профессором права С. С. Алексеевым и заместителем председателя Правительства РФ С. М. Шахраем. Президентский проект принципиально отличался от того варианта, над которым работали народные избранники, это вызвало недовольство части политиков и общественности в Москве начались массовые протесты.

12 июля 1993 г. Конституционное совещание одобрило президентский проект Конституции, и направило его в Верховный совет. В состав совещания входили не только народные избранники, но и представители различных общественных и политических объединений.

В сентябре 1993 г. рабочая группа Конституционной комиссии предлагала Б. Н. Ельцину выработать единый проект Конституции. 21 сентября 1993 г. Президент РФ издал свой знаменитый Указ № 1400 «О поэтапной

¹ Интервью Владимира Путина газете Financial Times Источник : Администрация президента России.

конституционной реформе в Российской Федерации»¹, который обязывал Съезду народных депутатов РФ и Верховному совету РФ прекратить свою деятельность. Конституционный суд тут же признает этот Указ противоречащим действующей Конституции. Верховный совет РФ со своей стороны принимает постановление о прекращении полномочий Президента РФ и объявляет о созыве 10 чрезвычайного Съезда народных депутатов РФ. 3 октября 1993 г. в ходе, нараставшего противостояния, был принят Указ Президента РФ № 1575 от 3 октября 1993 г. «О введении чрезвычайного положения в городе Москве»².

Сторонники Верховного совета РФ в этом противостоянии потерпели поражение. Для того чтобы завершить подготовку проекта Конституции РФ 11 октября 1993 г. Б. Н. Ельцин издает Распоряжение Президента РФ № 659-рп от 24 сентября 1993 г. «Об образовании Общественной палаты Конституционного совещания»³.

Таким образом, 12 декабря 1993 г. состоялся всероссийский референдум, на котором за принятие новой Конституции высказалось больше половины проголосовавших. 25 декабря 1993 г. Конституция РФ вступила в законную силу на всей территории РФ и была воспринята обществом, большинством политических сил, как неизбежная, признаваемая с условиями, но единственная основа восстановления жизнедеятельности органов государственной власти Российской Федерации для преодоления трудностей, с которыми столкнулись общество и государство [6, с. 327].

Принятие новой Конституции всенародным голосованием позволило стабилизировать политическую обстановку в нашем государстве. Конституция Российской Федерации ознаменовала период новой эпохи в истории России, посредством закрепления базисных, основополагающих принципов государственного устройства.

В Конституции Российской Федерации последовательно реализован классический принцип государственности – разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Конституция РФ 1993 г. вывела институт президентства из состава исполнительной власти и предоставила ему уникальное, самостоятельное место среди высших органов, фактически ставя его над всеми ветвями власти.

В ст. 1 Конституции Российская Федерация провозглашена демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления.

Новые надежды породили закрепление в Конституции РФ человека, его прав и свобод высшей ценностью. Это обозначает, что во взаимоотношениях человек – общество – государство приоритет принадлежит правам и законным интересам человека. Обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина защищать от посягательств и нарушений.

В Конституции РФ на момент ее принятия нашли отражение фундаментальные правовые принципы, основанные не только на признанных российской Конституцией ценностях пополнивших всемирное наследие конституционализма, но и на собственных, сформированных по мере своего «взросления». Эти прочные опоры позволили в дальнейшем комплексно развиваться и осуществлять самонастройку, логически и нравственно выверенное совершенствование национальной правовой системы, прежде всего ее основы – Конституции, которая в дальнейшем продемонстрировала свойства живой, развивающейся материи [7, с. 10].

Таким образом, анализ конституционного процесса в России (1990–1993 гг.), наглядно демонстрирует колоссальный опыт создания и принятия «работоспособной Конституции» в условиях острой политической конфронтации, распада СССР, становления новой российской государственности. Конституция в значительной степени стала документом, ориентированным на завтрашний день. Это будущее, к которому стремилось поколение, поддержавшее радикальные перемены в жизни общества и государства, а также заложила прочный фундамент нового демократического, правового, социального государства. Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., не отличалась высокой частотой существенных изменений. Поправки 2020 г., вероятно, стали первым столь масштабным пересмотром ее норм. Пятилетний юбилей действия этих поправок дает нам возможность оценить их практического применения и качества правовых формулировок в свете текущих реалий. В 2020 г. удалось включить в гл. 3–8 Конституции предложения, прошедшие всестороннее обсуждение в гражданском обществе и экспертной среде, вопрос о том, насколько такой механизм будет работать в будущем, остается открытым. Существующая правовая база для изменения конституционных норм не дает однозначного ответа на то, как обеспечить их соответствие меняющимся потребностям общества и государства. Это ставит под сомнение возможность предотвращения «застоя» в конституционном регулировании, которое может тормозить развитие. Несомненно, потребность в изменениях должна быть объективно обоснована. Тем не менее, уже сейчас можно констатировать, что изменения в ключевых характеристиках государства – его территории, населения, а также в геополитическом контексте, вызванные его функционированием и необходимостью противостоять внешним угрозам (военным, политическим, экономическим и т. д.), могут объективно потребовать корректировки.

¹ Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 39. Ст. 3597.

² Указ Президента РФ от 3 октября 1993 г. № 1575 «О введении чрезвычайного положения в городе Москве» // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 04.10.1993, № 40, ст. 3748.

³ Распоряжение Президента РФ от 24 сентября 1993 г. № 659-рп «Об образовании Общественной палаты Конституционного совещания» // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 27.09.1993, № 39, ст. 3674.

Список источников

1. Авакьян С. А. Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1.
2. Алексеев С. С. Уроки : Тяжкий путь России к праву // Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4 : Линия права. Концепция : Сочинения 1990–2009 гг. М. : Статут, 2010. 544 с.
3. Афанасьев В. С., Примаков Т. К. Конституция Российской Федерации: история создания и перспективы развития // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50).
4. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие в 2-х т. / Авакьян С. А. изд. 7-е, перераб. и доп. М. : «Норма : ИНФРА-М», 2021. 936 с.
5. Лысенко В. А., Вородюхин С. Е. Историческая ретроспектива правового воспитания // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2023. № 2.
6. Румянцев О. Г. Конституция Девяносто третьего. История явления (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 гг.). Изд. 3-е. М. : Изд-во РГ, 2018. 400 с.
7. Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России) // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 12.
8. Шахрай С. Конституция и революция // Аргументы недели. № 47 от 30 ноября 2017 г.
9. Шевердяев С. Н. Основы конституционного права России : учебное пособие. М. : Проспект, 2025. 336 с.

References

1. Avakyan S. A. Russian Constitutionalism: Reflections on the Anniversary Results and Prospects / S. A. Avakyan // Constitutional and Municipal Law. 2024. № 1.
2. Alekseev S. S. Lessons : Russia's Difficult Path to Law // Collected Works. In 10 volumes [+ Reference volume]. Vol. 4 : The Line of Law. Concept : Works of the 1990–2009. M. : Statut, 2010. 544 p.
3. Afanasyev V. S., Primak T. K. Constitution of the Russian Federation : History of Creation and Development Prospects // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (50).
4. Constitutional Law of Russia. Study Course : manual in 2 v. / Avakyan S. A. 7th edition, rev. and enl. M. : «Norma : INFRA-M», 2021. 936 p.
5. Lysenko V. A., Vorodyukhin S. E. Historical Retrospective of Legal Education // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. № 2.
6. Rumyantsev O. G. Constitution of '93. History of the Phenomenon (Documentary Poem in Seven Parts by the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990–1993). 3rd ed. M. : RG Publishing House, 2018. 400 p.
7. Khabrieva T. Ya. The Constitution of the Russian Federation: Originality, Stability, and Development (on the 30th Anniversary of the Basic Law of Russia) // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. № 12.
8. Shakhrai S. Constitution and Revolution // Arguments of the Week. № 47 of November 30, 2017.
9. Sheverdyayev S. N. Fundamentals of Constitutional Law of Russia : Study Guide. M. : Prospect, 2025. 336 p.

Информация об авторах

- С. Е. Вородюхин** – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат исторических наук, доцент;
- В. А. Лысенко** – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент;
- В. В. Васильев** – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

- S. E. Vorodyukhin** – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;
- V. A. Lysenko** – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;
- V. V. Vasiliev** – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 349.2

EDN: <https://elibrary.ru/nrpyna>

NIION: 2015-0066-1/26-375

MOSURED: 77/27-011-2026-01-574

Сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций в России и за рубежом (на примере Германии)

Михаил Александрович Горбунов

Государственный университет управления, Москва, Россия,

mig75@list.ru

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций зарубежных стран и России. Такой анализ актуален в связи с реформированием системы квалификаций в России, начатой с начала 2000-х гг. Проанализирован опыт построения национальных рамок квалификации Германии, Нидерландов, Китая, Швеции, а также их соотношение с образовательной системой. Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта позволит скорректировать построение системы профессиональных квалификаций в России, которая находится на стадии совершенствования. В заключении сформулированы выводы о преемственности зарубежного опыта в российской практике.

Исследование разделено на четыре части и проведено коллективом авторов. В первой части проанализирован опыт Германии, автор Горбунов М. А.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, система квалификаций, рамки квалификаций, Германия, уровни квалификаций, документы об образовании

Для цитирования: Горбунов М. А. Сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций в России и за рубежом (на примере Германии) // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 25–31. EDN: NRPYNA.

Original article

Comparative legal analysis of professional qualification systems in Russia and abroad (using Germany as an example)

Mikhail A. Gorbunov

State University of Management, Moscow, Russia,

mig75@list.ru

Abstract. The comparative legal analysis of the professional qualification systems of foreign countries and Russia is being provided. This analysis is relevant due to the reform of the qualification system in Russia, which began in the early 2000s. The experience of building national qualification frameworks in Germany, the Netherlands, China, and Sweden, as well as their relationship with the educational system is being examined. A comparative legal analysis of foreign experience will help to adjust the development of the professional qualification system in Russia, which is currently undergoing improvement. The conclusions are made with recommendations for incorporating foreign experience into Russian practice.

The study is divided into four parts and conducted by a team of authors. The first part analyzes the experience of Germany, author Gorbunov M. A.

Keywords: professional standards, qualification system, qualification framework, Germany, qualification levels, educational documents

For citation: Gorbunov M. A. Comparative legal analysis of professional qualification systems in Russia and abroad (using Germany as an example). Bulletin of economic security. 2026;(1):25–31. (In Russ.). EDN: NRPYNA.

Начатое в начале 2000-х гг. реформирование национальных систем квалификаций было актуализировано

Президентом РФ [6] в сентябре 2023 г. Президентом РФ было дано поручение активизировать необходимость

© Горбунов М. А., 2026

обновления профессиональных стандартов, обеспечить гибкую систему их актуализации и унификации, включая виды профессиональной деятельности как элемента системы профстандартов.

Формирование национальных систем квалификаций связано, прежде всего, с растущей потребностью в усилении взаимосвязи между рынком труда и системой профессионального образования. Одним из путей достижения этого становится реформирование систем профессионального образования и разработка актуализированных профессиональных квалификаций. Именно по этой причине анализ зарубежного опыта законодательного регулирования системы профессиональных стандартов будет рассмотрен в ключе регулирования системы профессиональных стандартов, формирования национальных рамок квалификаций и других смежных институтов.

Предпосылкой реформирования системы квалификаций и формирование Национальной системы квалификации в России стал запущенный в Евросоюзе Болонский процесс, целью которого стало формирование единого формата профессионального образования, необходимость соотносимости различных систем и уровней образования, существующих в европейских странах.

Реформирование преследовало единую цель: сблизить, найти контакты сферы образования и требований рынка труда. Поэтому все профессиональные стандарты (а они в других странах именуются иначе и по-разному) тесно увязываются с образовательными стандартами. Например, в Германии описание трудовых функций включено в образовательные стандарты.

За странами Европейского Союза (далее – ЕС) было оставлено право формировать собственные квалификационные рамки, соответствующие общей европейской.

В России была начата аналогичная работа. В этой связи становится необходимым провести сравнительный анализ национальных систем квалификации за рубежом и в России.

Германия

Федеративная Республика Германия, как и каждое из 27 государств ЕС, является государством с ограниченным государственным суверенитетом.

Объем ограничения государственного суверенитета ФРГ, как и любой другой страны ЕС, определяется ст. 3 Договора «О функционировании Европейского Союза» [7]. Согласно п. «b» вышеуказанной статьи, установление правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка Европейского Союза, относится к исключительной компетенции органов Европейского Союза. При этом в соответствии с п. «b» ч. 2 ст. 4 указанного Договора вопросы социальной политики относятся к совместной компетенции Европейского Союза и государств – участников.

Однако правовое регулирование профессиональных стандартов и национальных квалификационных

рамок относится к предмету отрасли трудового права. Поэтому на текущий момент все государства Европейского Союза формально пока сохраняют национальный суверенитет в отношении правового регулирования трудовых отношений. Однако, поскольку проблема профессиональных стандартов и национальных квалификационных рамок теснейшим образом связана с вопросами конкуренции на рынке труда, Федеративная Республика Германия обязана следовать общей политике Европейского Союза в сфере трудового регулирования.

Суть указанной политики заключается в создании и реализации так называемых европейских рамок квалификации (далее – EQF). Трактую расширительно указанный выше п. «b» ст. 3 Договора о функционировании Европейского Союза, должностные лица Европейского Союза полагают, что EQF должна внедряться государствами – членами в обязательном порядке, при этом признавая, что это необходимо делать с учетом экономико-социальной специфики каждой страны.

Цель такого внедрения, по мнению чиновников Европейского Союза, заключается в том, что EQF должны быть «инструментом перевода», который делает национальные квалификации государств – участников «понятными по всей Европе», тем самым способствуя мобильности работников и учащихся, а также их перманентному обучению на протяжении всей жизни.

В настоящее время внедрение европейской квалификационной рамки (EQF) в государствах – членах основано лишь на рекомендации Европейского Союза и, следовательно, в силу этого акта не является юридически обязательным. В то же время существуют две Директивы ЕС: Директива 2005/36/ЕС о признании профессиональных квалификаций [8], измененная 20 ноября 2013 г. Директивой 2013/55/EU, которые являются юридически обязательными документами для каждого из государств ЕС.

Так, на официальном сайте Федерального Министерства образования и научных исследований ФРГ, отмечается, что EQF является «эталонной структурой для сравнения различных национальных систем квалификации» государств – участников Европейского союза [9].

Указывается, что основу Европейской рамки квалификаций составляют восемь так называемых контрольных уровней. Они описывают результаты обучения, т. е. то, что обучающиеся в государственных и негосударственных образовательных учреждениях государств – членов Европейского Союза, должны знать, понимать и уметь делать в результате собственного обучения. Это достигается посредством того, что результаты обучения на каждом уровне описываются тремя столпами: «знания», «навыки» и «ответственность и независимость».

Европейская рамка квалификаций (EQF) была разработана Еврокомиссией и европейскими институтами в 2008 г. и была скорректирована в 2017 г. В настоящее время она активно внедряется не только во всех государствах – членах Европейского Союза, но и в тех государствах, которые стремятся туда вступить.

В частности, конкретно в ФРГ, правовым основанием для реализации Европейской квалификационной рамки является совместная резолюция Постоянной конференции министров по вопросам образования и культуры, Федерального министерства образования и исследований, а также решение Постоянной конференции Министров экономики и Федерального министерства по делам экономических вопросов и технологий (оба решения от 1 мая 2013 г. [10]).

На текущий момент EQF отражена в таблице 31 Рекомендаций Совета Европейского союза от 22 мая 2017 г. о Европейской рамке квалификаций для непрерывного обучения и отмене рекомендации Европейского парламента и Совета от 23 апреля 2008 г. о создании Европейской рамки квалификаций для непрерывного обучения (2017/C 189/03)) [3].

Во исполнение вышеуказанных решений в ФРГ был запущен процесс разработки собственных национальных квалификационных рамок (далее – DQR [11]). Их уровни полностью соответствуют Европейской рамке квалификаций. Последняя, как уже отмечалось выше, по мнению чиновников ЕС, служит европейской метаструктурой, облегчающей сравнение различных национальных систем образования в Европе.

Как и EQF, национальная немецкая рамка квалификаций (DQR) состоит из восьми уровней. Однако они структурированы иначе, чем уровни EQF. Для их характеристики использовалось большее количество категорий. Категории и описания компетенций DQR в определенной степени расширяют и конкретизируют EQF, которая в соответствии с характером метаструктуры имеет высокий уровень абстракции. DQR выделяет четыре (вместо трех) «столпа» (знания – навыки – социальная компетентность – независимость) для того, чтобы адекватно представить результаты обучения, к которым стремится немецкая система образования. Таким образом, авторы DQR ясно дают понять, что целостное понимание компетентности имеет центральное значение в немецкой системе образования. В отличие от EQF, каждому уровню предшествует краткий текст, обобщающий структуру требований соответствующего уровня («индикатор уровня»). Четырехкомпонентная структура была выбрана для адекватного представления компетенций действий во всех ее аспектах.

DQR был разработан под руководством Федерального министерства образования и научных исследований и Постоянной конференции министров образования и культуры земель Федеративной Республики Германия совместно с Федеральным министерством экономики и энергетики и Постоянной конференцией министров экономики и энергетики в рамках Федерально-земельной координационной группы DQR (ныне Федерально-земельное координационное управление), а также с социальными партнерами, бизнес-организациями и другими заинтересованными сторонами в рамках Рабочей группы DQR. В рабочую группу DQR входит широкий круг заинтересованных сторон из сферы общего

образования, высшего образования и профессиональной подготовки. Это представители объединений работодателей, профсоюзов и торговых палат, университетов, Немецкой конференции ректоров, Совета по аккредитации, студенческих объединений, сектора непрерывного образования, Федерального агентства по трудоустройству и исследователи в области образования/профессиональной подготовки. Кроме того, в процессе разработки принимали участие и другие эксперты из всех сфер образования. Члены рабочей группы DQR внесли свой вклад в разработку матрицы DQR, а также в распределение квалификаций, проведенное до настоящего момента, и вносят свой вклад в полученные результаты.

В феврале 2009 г. Федерально-государственная координационная группа (DQR) и рабочая группа DQR представили первый проект DQR, разработанный совместно со всеми заинтересованными сторонами, который затем был протестирован на втором этапе разработки с мая 2009 г. по июнь 2010 г. Эксперты из всех образовательных секторов распределили выбранные квалификации из областей торговли, здравоохранения, металло- и электротехники, а также информационных технологий по восьми уровням матрицы DQR. Они рассмотрели управляемость и структуру матрицы и сформулировали рекомендации по дальнейшей разработке проекта DQR. После того, как 22 марта 2011 г. рабочая группа DQR приняла DQR, было достигнуто соглашение по первым классификациям (соглашение между высшими представителями федерального правительства, штатов и социальных партнеров от 31 января 2012 г.). В течение 2012 г. рабочая группа DQR согласовала вопрос о выделении дополнительных квалификаций для регулируемого повышения квалификации и о правовой реализации DQR. После того, как в декабре 2012 г. DQR был успешно представлен комитету по разработке ЕРК Европейской комиссии, в начале 2013 г. федеральное и земельное правительства подписали Совместное решение, которое легло в основу внедрения DQR.

EQF и Немецкая рамка квалификаций для получения степени высшего образования взаимосвязаны. Уровни 6, 7 и 8 DQR соответствуют уровням бакалавра, магистра и доктора соответственно.

В Германии профессиональные стандарты в их российском понимании отсутствуют [1]. В Германии разработана Немецкая классификация профессий (KLDB, версия 2010 г. [12]). Эта система объединяет профессии по двум параметрам: по профессиональной специализации (совокупность профессиональных компетенций, связанных с содержанием работы) или по уровню квалификации, которых установлено 5:

- 1 уровень – это неквалифицированные, несложные, рутинные работы;
- 2 уровень – это технически более сложные работы, требующие как минимум 2–3 лет профессиональной подготовки;

- 3 уровень – это сложные специальные задания, требующие квалификации мастера или техника;
- 4 уровень – это более сложные задачи, требующие, как минимум, высшего образования;
- 5 уровень – аналог четвертого с дополнительными характеристиками.

По содержанию и структуре KLDB – это российская версия ОКЗ. Однако эта система для образовательных целей не используется.

Профессиональные стандарты в Германии используются в тесной связи с учебными профессиями, они являются составляющей частью образовательных и квалификационных стандартов. Учебная профессия состоит из характеристик трудовых функций, рамок профессиональной подготовки и квалификации. Характеристику трудовых функций, содержащихся в образовательных программах, можно толковать как аналог профессионального стандарта в его российском понимании.

В целом в Германии подразделяется понятие «учебная профессия» и «профессии» на рынке труда, хотя обе называются единым термином «Beruf». Отличаются они тем, что учебная профессия гораздо шире по объему, то есть она представляет собой набор навыков, знаний, умений для выполнения квалифицированной профессиональной деятельности, но не конкретной узкой должности или профессии. Учебная профессия позволяет работать по различным специальностям. Так в Германии насчитывается порядка 25 000 разных профессий, при этом около 2 500 единиц учебных профессий.

Конституционно закреплено, что в Германии регулирование вопросов образования отнесено к ведению субъектов федерации – Землям. В целях координации сотрудничества в области образования земли учредили Постоянную конференцию министров образования и культуры (Ständige Konferenz der Kultusminister der Länder) в 1948 г.

Особенности немецкой системы образования отражены в ее национальной рамке квалификаций, которая была разработана исходя из того, что Европейская рамка квалификаций, которая как всеобъемлющий инструмент обеспечения прозрачности должна быть способна связывать между собой различные национальные системы образования, фокусируется на абстрактной категории результатов обучения, разделенных на знания, навыки, ответственность и автономию.

Для этой цели установлено соответствие между уровнями DQR и уровнями EQR (так называемое сопоставление «1:1»). Таким образом, немецкие квалификации, присвоенные DQR, также присваиваются соответствующему уровню EQR.

Согласно вышеуказанным рекомендациям Совета Европейского союза, все страны, участвующие во внедрении EQR, готовят справочный отчет, в котором документируется, как их национальные рамки квалификаций связаны с EQR.

Согласно официальной точке зрения, размещенной на сайте Федерального Министерства образования и научных исследований ФРГ (Bundesministerium für Forschung, Technologie und Raumfahrt), создание DQR позволяет сделать немецкую систему образования более прозрачной и прояснить эквивалентность общего, профессионального и высшего образования. В частности, указывается, что DQR:

- содействует ориентации квалификаций на компетенции;
- содействует ориентации процессов квалификации на результаты обучения;
- поддерживает проницаемость и контроль качества в немецкой системе образования;
- улучшает возможности для признания и зачета неформальных и приобретенных неформальным путем навыков;
- укрепляет процессы непрерывного обучения в целом.

При этом DQR помогает сделать различия и сходства между квалификациями более заметными и открытыми для присвоения квалификаций как в общем, так и в профессиональном, высшем и дополнительном образовании.

Особо подчеркивается, что к DQR могут быть отнесены не только формальные квалификации, т. е. квалификации, правовая основа которых (например, правила проведения экзаменов, правила обучения, учебная программа) регулируется государством, но и неформальные квалификации. Неформальные квалификации устанавливаются тем или иным профессиональным сообществом. Они также имеют возможность быть включены в DQR на равной основе.

Во всех выдаваемых в ФРГ дипломах и иных документах, подтверждающих квалификацию, с 2014 г. указываются уровни DQR/EQR. При этом ретроактивная идентификация ранее выданных сертификатов невозможна.

Особо подчеркивается, что DQR имеет ориентационный характер, а не регуляторную функцию. Система квалификаций доступа в Германии не изменилась в результате введения DQR. Правила доступа относятся к квалификациям, а не к уровням DQR. Достижение определенного уровня DQR не обеспечивает автоматически доступ к «следующему уровню».

Необходимо особо отметить, что действующие положения о коллективных переговорах и оплате труда не подпадают под действие DQR. DQR касается сопоставимости профилей компетенций, а не равного отношения к квалификациям в рамках коллективных переговоров или законодательства о заработной плате. DQR никоим образом не вмешивается в существующие обязанности работодателя по оплате труда работников.

На официальном сайте Министерства образования и научных исследований указано, что целью DQR, помимо обеспечения мобильности работников, проживающих в странах ЕС, являются также

цели облегчения доступа на рынок труда мигрантов и обеспечения деятельности транснациональных компаний.

Создание DQR, по мнению немецких чиновников, якобы реализует принцип «ориентации на результат», содержание которого заключается в том, что работодатель должен оценивать то, что человек может делать, а не то, где ему этому научили.

При этом квалификации и компетенции соотносятся между собой следующим образом. DQR описывает квалификации через компетенции, которые приобретают учащиеся при получении этих квалификаций. В этом смысле DQR определяет минимальные стандарты. В нем описывается, что учащиеся (по крайней мере) знают, умеют и способны делать после завершения образовательной программы.

Если рассматривать вопрос о том, какие конкретно квалификации охватываются DQR, то можно обнаружить следующее. DQR призван обеспечить возможность присвоения всех квалификаций, которые можно получить в Германии. Во-первых, формальные квалификации в профессиональном образовании, высшем образовании и общем образовании были описаны в соответствии с категориями DQR и отнесены к его уровням компетентности. Квалификации, полученные в ходе нерегулируемого государством дополнительного обучения, также могут быть учтены в DQR. Соответствующая процедура в настоящее время находится на стадии внедрения.

В DQR перечень квалификаций классифицирован по уровням квалификации [5]. Так, к 3-ему уровню квалификации относятся: портной; специалист по отделке (ремонт); горный и машинный мастер (или специалист по добыче и транспортировке); эксперт по текстилю; продавец и т. д. К 4-ому уровню отнесены специализации: асфальтировщик; офтальмолог; пекарь; эксперт по строительным материалам; гидроизолировщик строительных работ; профессиональный водитель; специалист по похоронному делу; специалист по услугам на рынке труда; специалист по маркетинговым и социальным услугам. По каждому уровню квалификации в DQR установлены необходимые сроки обучения. Например, для 3-его уровня квалификации, в основном, срок обучения составляет 24 месяца, а для 4-ого уровня квалификации – 36–42 месяца.

Министерство образования и научных исследований ФРГ имеет право привязывать новые или измененные квалификации к уровню DQR.

Если говорить о том, какие права возникают у работников в результате соотнесения полученного ими образования с DQR, то можно говорить лишь о том, что происходит уточнение уровня компетентности того или иного работника. Однако это не означает, что присвоение квалификации уровня DQR влечет за собой новые права, связанные с приемом на образовательные программы, зачетом или признанием результатов образования в стране или за рубежом, а также с вопросами, ка-

сающимися коллективных переговоров или карьерного права.

В случае, если один и тот же работник имеет несколько дипломов, никакого «суммирования» квалификаций не происходит. Например, классификация трехгодичного курса дуального обучения как уровня 4 выражает наличие у выпускников «компетенций для самостоятельного планирования и выполнения специальных задач в комплексной, меняющейся профессиональной сфере деятельности» (матрица DQR). Только в той мере, в какой DQR описывает уровень компетентности, связанный с квалификацией, он также включает в себя утверждения об уровне компетентности, достигнутом его выпускниками. Последующие квалификации на более высоком (или более низком) уровне не меняют эти утверждения.

Отдельно стоит упомянуть о том, могут ли профессиональные квалификации также быть отнесены к уровням 6–8? В Федеративной Республике Германия профессиональные квалификации могут быть присвоены всем уровням. Помимо квалификаций высшего образования, уровни 6 и 7 также включают в себя сложные профессиональные квалификации, например: на уровне 6 назначаются техник и мастер, а на уровне 7 – стратегический ИТ-специалист и сертифицированный технический бизнес-экономист.

При этом необходимо отметить, что присвоение квалификаций профессионального образования и обучения может происходить по одному уровню. Например, специалист, мастер-ремесленник, техник, сертифицированный экономист по экономике предприятия и сертифицированный педагог профессионального образования из сектора профессионального обучения, с одной стороны, и бакалавр и магистр из сектора высшего образования, с другой стороны, относятся к уровню 6 или уровню 7 DQR, поскольку в этом смысле они являются эквивалентными квалификациями.

Это не значит, что они похожи. Квалификации преподаются в различных образовательных областях и предназначены для выполнения различных задач. DQR выражает эти различия своей формулировкой так же ясно, как и эквивалентность уровней.

Например, работник имеет профессиональную квалификацию, относящуюся к 6-ому уровню DQR. Она соответствует степени бакалавра. Но степень бакалавра можно получить, только пройдя соответствующий курс в университете. В ФРГ не может быть такого, что какой-то работник, например, получил сертификат мастера и, одновременно, степень бакалавра, не обучаясь в университете, или наоборот DQR не влияет на требования к поступающим в систему высшего образования.

В то же время в законодательстве Германии учитывается тот факт, что схожие навыки иногда приобретаются в профессиональном и, одновременно, высшем образовании. Поэтому, в соответствии с постановлениями Постоянной конференции министров образования

и культуры земель Федеративной Республики Германия (Kultusministerkonferenz) от 28 июня 2002 г. и 18 сентября 2008 г. университеты могут предоставлять лицам, имеющим профессиональную квалификацию, возможности засчитывать в университетский курс знания и навыки, полученные за пределами высшего образования, в размере до 50 % [4].

Законы немецких земель о высшем образовании могут предусматривать, что в определенных исключительных случаях вступительный экзамен может заменить профессионально-квалификационную университетскую степень (например, степень бакалавра) для программ непрерывного образования и художественной магистратуры.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос о мотивации работников повышать свой образовательный уровень. Например, стоит ли продолжать обучение, если степени мастера, бизнес-администратора, техника и бакалавра считаются эквивалентными?

Равные уровни, описанные в DQR, не меняют того факта, что различные квалификации, полученные в разных местах обучения, основаны на разных предметных специализациях и акцентах. В этом смысле требуемые технические и социальные навыки различаются для мастеров-ремесленников, бизнес-администраторов, техников и бакалавров. Соответственно, квалификация мастера, бизнес-администратора или техника не может быть «конвертирована» в степень бакалавра, как и наоборот. Таким образом, в будущем решения об образовательных траекториях будут по-прежнему приниматься на основе желаемой сферы деятельности, а не на уровне DQR.

Законодательство ФРГ допускает, чтобы работники не проходили последовательно все уровни DQR на своем образовательном пути. Прием на образовательные программы не регламентируется и не описывается DQR. Может быть ситуация, когда обучающиеся в ходе дальнейшего обучения приобретают квалификацию, которая на два уровня выше последней полученной квалификации, – точно так же, как может случиться, что дальнейшее обучение завершается на уровне или ниже самой высокой полученной на данный момент квалификации. Индивидуальные оценки, полученные отдельными учащимися при получении ими квалификации (например, посредством оценок), не имеют никакой связи с присвоением уровня этой квалификации.

Помимо формальных квалификаций, в DQR в равной степени учитываются и неформальные квалификации. Это навыки, приобретенные в ходе нерегулируемого государством дополнительного обучения. В 2013 г. по предложению рабочей группы DQR, поступившему в сентябре 2012 г., была создана группа экспертов для разработки рекомендаций для этого сегмента неформального сектора. Впоследствии комитеты DQR рассмотрели вопрос о разработке процедуры присвоения квалификаций из неформального сектора.

В настоящее время процедура находится на вводной стадии.

Распределение неформально приобретенных навыков, таких как самоорганизованное обучение или обучение в жизненных контекстах, например, на волонтерской работе, требует их предварительного подтверждения согласно DQR. На фоне «Рекомендации Совета от 20 декабря 2012 г. о подтверждении неформального и информального обучения» [2] Европейской комиссии Федеральное министерство образования и научных исследований создало рабочую группу с ответственными партнерами по теме «Подтверждение неформальных и информальных компетенций». Результаты работы этой рабочей группы будут обсуждаться в рабочей группе DQR с учетом возможных последствий для DQR. Согласно рекомендации Европейской комиссии, правила подтверждения достоверности неформального и информального обучения уже внедрены во всех государствах – членах с 2018 г.

Список источников

1. А. Вилли Петерсен, Маик Йепсен. Доклад «Подход и опыт разработки профессиональных стандартов в Германии». Фленсбург. 2015 г. // URL: <https://www.trudcontrol.ru/files/editor/files/Подход%20и%20опыт%20разработки%20профессиональных%20стандартов%20в%20Германии.pdf/>
2. Рекомендации Совета от 20 декабря 2012 г. о подтверждении неформального и информального обучения // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012H1222\(01\)&from=EN/](https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012H1222(01)&from=EN/)
3. Рекомендации Совета Европейского союза от 22 мая 2017 г. о Европейской рамке квалификаций для непрерывного обучения и отмене рекомендации Европейского парламента и Совета от 23 апреля 2008 г. о создании Европейской рамки квалификаций для непрерывного обучения (2017/C 189/03) // URL: <https://base.garant.ru/400191412/>
4. Anrechnung von außerhalb des Hochschulwesens erworbenen Kenntnissen und Fähigkeiten auf ein Hochschulstudium. Beschluss der Kultusministerkonferenz vom 28.06.2002. Bonn // URL: https://www.kmk.org/fileadmin/veroeffentlichungen_beschluesse/2002/2002_06_28-Anrechnung-Faehigkeiten-Studium-1.pdf/
5. Liste der zugeordneten Qualifikationen Aktualisierter Stand: 1. August 2024 // URL: https://www.dqr.de/dqr/de/service/downloads/downloads_node.html/
6. Перечень поручений по итогам расширенного заседания Президиума Госсовета // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/75449/>
7. Договор о функционировании Европейского союза // URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>
8. Директива 2005/36/EC о признании профессиональных квалификаций // URL: <https://base.garant.ru/2569472/>

9. URL: https://www.dqr.de/dqr/de/der-dqr/dqr-und-eqr/dqr-und-eqr_node.html/

10. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499015028/>

11. BMBF Bundesministerium für Bildung und Forschung; KMK Sekretariat der Kultusministerkonferenz: Gemeinsamer Beschluss der Ständigen Konferenz der Kultusminister der Länder in der Bundesrepublik Deutschland, des Bundesministeriums für Bildung und Forschung, der Wirtschaftsministerkonferenz und des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie zum Deutschen Qualifikationsrahmen für lebenslanges Lernen (DQR). Anlage zum Gemeinsamen Beschluss ... Berlin : Stand 1. Mai 2013 // URL: https://www.bmbf.de/SharedDocs/Downloads/files/gemeinsamer_beschluss_final_ohne_unterschriften.pdf?__blob=publicationFile&v=2/

12. Немецкая классификация профессий (KLDB, версия 2010 года) // URL: <https://metadaten.bibb.de/en/classification/detail/4/>

References

1. A. Willy Petersen, Maik Jepsen. Report «Approach and experience of development of professional standards in Germany». Flensburg. 2015 // URL: <https://www.trudcontrol.ru/files/editor/files/Подход%20и%20опыт%20разработки%20профессиональных%20стандартов%20в%20Германии.pdf/>

2. Council Recommendation of 20 December 2012 on the Recognition of Non-formal and Informal Learning // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012H1222\(01\)&from=EN/](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012H1222(01)&from=EN/)

3. Council of the European Union Recommendation of 22 May 2017. On the European Framework of Qualifications for Lifelong Learning and the repeal of the recommendation of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 on the establishment of the European Framework of Qualifications for Lifelong Learning (2017/C 189/03) // URL: <https://base.garant.ru/400191412/>

4. Anrechnung von außerhalb des Hochschulwesens erworbenen Kenntnissen und Fähigkeiten auf ein Hochschulstudium. Beschluss der Kultusministerkonferenz vom 28.06.2002. Bonn // URL: https://www.kmk.org/fileadmin/veroeffentlichungen_beschluesse/2002/2002_06_28-Anrechnung-Faehigkeiten-Studium-1.pdf/

5. Liste der zugeordneten Qualifikationen Aktualisierter Stand: 1. August 2024 // URL: https://www.dqr.de/dqr/de/service/downloads/downloads_node.html/

6. List of instructions following the results of the extended meeting of the Presidium of the State Council // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/75449/>

7. Treaty on the Functioning of the European Union // URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>

8. Directive 2005/36/EC on the recognition of professional qualifications // URL: <https://base.garant.ru/2569472/>

9. URL: https://www.dqr.de/dqr/de/der-dqr/dqr-und-eqr/dqr-und-eqr_node.html/

10. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499015028/>

11. BMBF Bundesministerium für Bildung und Forschung; KMK Sekretariat der Kultusministerkonferenz: Gemeinsamer Beschluss der Ständigen Konferenz der Kultusminister der Länder in der Bundesrepublik Deutschland, des Bundesministeriums für Bildung und Forschung, der Wirtschaftsministerkonferenz und des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie zum Deutschen Qualifikationsrahmen für lebenslanges Lernen (DQR). Anlage zum Gemeinsamen Beschluss ... Berlin: Stand 1. Mai 2013 // URL: https://www.bmbf.de/SharedDocs/Downloads/files/gemeinsamer_beschluss_final_ohne_unterschriften.pdf?__blob=publicationFile&v=2/

12. German classification of professions (KLDB, version 2010) // URL: <https://metadaten.bibb.de/en/classification/detail/4/>

Информация об авторе

М. А Горбунов – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. A. Gorbunov – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 13.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 13.01.2026.

Научная статья

УДК 343

EDN: <https://elibrary.ru/nyrgoq>

ИИОН: 2015-0066-1/26-376

MOSURED: 77/27-011-2026-01-575

Современные подходы к подготовке специалистов по информационной безопасности для правоохранительных органов Российской Федерации

Сергей Дмитриевич Гринько

Мелитопольский государственный университет, Запорожская область, Мелитополь, Россия,
grinko-skags@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни и появлением новых, высокотехнологичных форм преступности, представляющих прямую угрозу национальной безопасности. Цель исследования заключается в разработке концептуальной модели компетенций и структуры профессиональной подготовки специалистов на основе системного междисциплинарного подхода. В результате исследования автором выделены и детально охарактеризованы ключевые группы специалистов в структуре правоохранительных органов, определены цели и задачи их педагогической подготовки, сформулирована развернутая система необходимых знаний, умений и навыков. Особое внимание уделяется формированию профессионально-этической культуры поведения в информационном пространстве. Обосновывается необходимость сочетания углубленной технической подготовки с фундаментальными юридическими знаниями и развитием криминалистического мышления. В заключении делается вывод о том, что эффективная подготовка кадров для противодействия киберугрозам возможна лишь на основе тесной интеграции ведомственной науки, образовательных организаций и практической деятельности правоохранительных органов, как это предусмотрено Концепцией научно-технической политики МВД России до 2030 года.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберпреступность, правоохранительные органы, междисциплинарный подход, цифровая криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, национальная безопасность

Для цитирования: Гринько С. Д. Современные подходы к подготовке специалистов по информационной безопасности для правоохранительных органов Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 32–35. EDN: NYRGOQ.

Original article

Modern approaches to training information security specialists for law enforcement agencies of the Russian Federation

Sergei D. Grinko

Melitopol State University, Zaporozhye region, Melitopol, Russia, grinko-skags@yandex.ru

Abstract. The relevance of this topic is due to the rapid digitalization of all areas of public life and the emergence of new, high-tech forms of crime that pose a direct threat to national security. The purpose of this research is to develop a conceptual model of competencies and the structure of professional training for specialists based on a systematic interdisciplinary approach. As a result of the study, the author identified and described in detail the key groups of specialists in the structure of law enforcement agencies, determined the goals and objectives of their pedagogical training, and formulated an expanded system of necessary knowledge, skills, and abilities. Special attention is paid to the formation of a professional and ethical culture of behavior in the information space. The article substantiates the need to combine in-depth technical training with fundamental legal knowledge and the development of forensic thinking. In conclusion, it is concluded that effective training of personnel to counter cyber threats is possible only on the basis of close integration of departmental science, educational organizations, and the practical activities of law enforcement agencies, as stipulated by the Concept of the Scientific and Technical Policy of the Russian Ministry of Internal Affairs until 2030.

© Гринько С. Д., 2026

Keywords: information security, cybercrime, law enforcement agencies, interdisciplinary approach, digital forensics, operational and investigative activities, national security

For citation: Grinko S. D. Modern approaches to training information security specialists for law enforcement agencies of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(1):32–5. (In Russ.). EDN: NYRGOQ.

Стратегическая реальность XXI в. характеризуется тотальной трансформацией общественных отношений под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Этот процесс, наряду с колоссальными преимуществами, породил новый, виртуальный фронт противостояния, где угрозы национальной безопасности приобретают цифровое воплощение. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к числу ключевых вызовов относятся не только традиционные военные и политические риски, но и целенаправленные информационные кампании, нацеленные на размывание традиционных духовно-нравственных ценностей, а также деятельность, осуществляемая с использованием киберпространства [4].

Состояние современной преступности претерпело кардинальные изменения. На смену или в дополнение к традиционным формам противоправной деятельности пришли высокоорганизованные киберпреступления: мошенничество в сфере телекоммуникаций, отмывание денежных средств через криптовалюты и теневой интернет (darknet), масштабная торговля контрафактом, наркотиками и оружием в цифровых маркетплейсах, кибератаки на критическую информационную инфраструктуру. Как справедливо отмечает П. И. Иванов, данные угрозы характеризуются повышенной общественной опасностью, транснациональным характером и высокой латентностью [2, с. 93].

Адекватный ответ на эти вызовы требует наличия в правоохранительных органах высококвалифицированных кадров, обладающих уникальным набором компетенций на стыке юриспруденции, компьютерных наук и криминалистики. Таким образом, проблема подготовки специалистов по информационной безопасности (ИБ) для нужд правопорядка переходит из разряда узкоспециальных в категорию задач стратегической важности.

1. Система информационной безопасности и роль правоохранительных органов в ее обеспечении

Информационная безопасность в современном понимании представляет собой комплексное состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере. Правовую основу ее обеспечения в России составляют ряд федеральных законов, включая ФЗ-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ФЗ-152 «О персональных данных», ФЗ-436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и др.

Роль правоохранительных органов в этой системе реализуется по двум стратегическим векторам:

– *внутренний вектор (защита собственных информационных систем)*: обеспечение безопасности служебной информации, защита от несанкционированного

доступа, утечек данных и кибератак на внутренние ресурсы МВД, СКР, ФСБ и других ведомств. Этот вектор включает в себя пресечение противоправных посягательств на информацию, циркулирующую внутри правоохранительной системы;

– *внешний вектор (противодействие киберпреступности)*: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершаемых в информационном пространстве. Сюда же относится защита общества и государства от деструктивного воздействия вредоносной информации – от экстремистской пропаганды до организации противоправной деятельности в социальных сетях и мессенджерах.

Специфика этих задач предопределяет необходимость формирования в рамках правоохранительных органов целого спектра специализированных кадровых групп.

2. Классификация специалистов и цели их подготовки

Для эффективного противодействия киберугрозам в правоохранительных органах необходима слаженная работа специалистов различного профиля. Предлагаем следующую их классификацию:

– *специалисты по технической защите информации*: аналитики кибербезопасности, разработчики и инженеры систем защиты, администраторы безопасности. Их задача – создание и поддержание защищенной ИТ-инфраструктуры;

– *криминалистические эксперты в области компьютерной информации (компьютерные криминалисты)*: специалисты по изъятию, исследованию и анализу цифровых доказательств с различных электронных носителей;

– *сотрудники оперативных подразделений по борьбе с киберпреступностью*: оперуполномоченные, обладающие знаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в сетевой среде, включая работу в теневом интернете (darknet) и противодействие криптографическим методам сокрытия информации;

– *аналитики киберугроз и прогнозирования*: специалисты, занимающиеся мониторингом криминальной ситуации в сети, выявлением новых тенденций и методов киберпреступников, построением прогнозных моделей;

– *ИТ-специалисты общего профиля*, обеспечивающие функционирование и администрирование ведомственных информационных систем.

Педагогическими целями подготовки этих кадров в образовательных организациях являются:

1) формирование системного понимания государственной политики в сфере ИБ;

2) развитие профессиональной готовности к ее реализации в рамках служебных обязанностей;

3) усвоение комплекса знаний об объектах, субъектах, угрозах и средствах обеспечения ИБ;

4) выработка практических умений по применению специальных методов и средств защиты информации;

5) воспитание высокой профессиональной и правовой культуры.

3. Модель компетенций специалиста по информационной безопасности в правоохранительных органах

Современный специалист должен обладать сбалансированным набором компетенций, который можно структурировать в виде трех блоков: знания, умения и навыки.

3.1. Система необходимых знаний:

- нормативно-правовая база: Уголовный кодекс РФ (гл. 28), КоАП, федеральное законодательство в сфере ИБ, ведомственные приказы и регламенты;

- теоретические основы: принципы построения и уязвимости современных операционных систем, сетевых технологий (TCP/IP, DNS, VPN), систем шифрования и стеганографии;

- криминалистические аспекты: методики расследования киберпреступлений, правила работы с цифровыми доказательствами, обеспечение цепочки хранения;

- тактические аспекты: основы проведения ОРМ в интернет-среде, технологические особенности социальных сетей, мессенджеров и анонимных сетей (Tor, I2P);

- психологические аспекты: профилирование киберпреступников, мотивы их деятельности, методы социальной инженерии.

3.2. Комплекс профессиональных умений:

- аналитическое мышление: способность выявлять, анализировать и оценивать киберугрозы, проводить расследование инцидентов ИБ;

- практическое применение: использование специализированного ПО для мониторинга сетевого трафика, анализа вредоносного кода (малвари), проведения пен-тестов, криминалистического копирования данных;

- правоприменение: грамотная квалификация составов преступлений, оформление процессуальных документов, подготовка заключений для суда;

- коммуникативные навыки: взаимодействие с другими подразделениями, международными правоохранительными органами (например, в рамках Interpol), дача показаний в суде.

3.3. Базовые практические навыки:

- защита электронных документов (ЭЦП, сертификаты);

- антивирусная защита: обнаружение, нейтрализация и удаление вредоносных программ;

- резервное копирование и восстановление данных;

- базовое администрирование операционных систем и сетевого оборудования.

4. Междисциплинарность и профессиональная культура как основа подготовки

Несмотря на техническую насыщенность деятельности, ее ядро имеет социально-правовую природу. Как отмечает Л. И. Беляева, все информационные отношения, в конечном счете, связаны с человеком, что предопределяет личностный характер таких отношений [1, с. 347–348]. Следовательно, подготовка не может сводиться к техническому ремеслу.

Ключевым принципом должна стать *строгая система междисциплинарных связей*, интегрирующая:

- технические дисциплины (информатика, программирование, сетевые технологии, криптография);

- юридические дисциплины (уголовное право, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, административное право);

- криминалистику и специальные дисциплины (компьютерная криминалистика, основы криминологии, методика расследования киберпреступлений);

- гуманитарный блок (профессиональная этика, психология, риторика).

Важнейшим результатом обучения должно стать формирование *профессиональной культуры*, включающей:

- глубокое понимание социальной значимости и гуманистической ценности своей деятельности;

- нравственные принципы поведения как в реальной, так и в виртуальной среде;

- неукоснительное соблюдение законности и служебного этикета;

- чувство личной ответственности за результаты работы с информационными ресурсами.

Подготовка высококвалифицированных специалистов по информационной безопасности для правоохранительных органов является сложной, многогранной задачей, от решения которой напрямую зависит эффективность противодействия современным вызовам и угрозам национальной безопасности. Предложенная в статье модель подготовки, основанная на системном междисциплинарном подходе, позволяет сформировать у будущих сотрудников не только глубокие технические знания и практические навыки, но и развитое правосознание, криминалистическое мышление и устойчивую профессионально-этическую позицию.

Перспективы развития данной системы видятся в дальнейшей интеграции образовательного процесса с реальной практикой правоохранительных органов, активном использовании ситуационно-имитационных методов обучения (киберполигоны, криминалистические кейсы), а также в постоянной актуализации учебных программ в соответствии с быстро меняющимся технологическим процессом и тактикой киберпреступников. Реализация этих мер, предусмотренная Концепцией научно-технической политики МВД России до 2030 г. [3], позволит создать кадровый потенциал, способный обеспечить информационную безопасность государства и общества в цифровую эпоху.

Список источников

1. Беляева Л. И. Актуальные вопросы подготовки специалистов по информационной безопасности в высших учебных заведениях правоохранительных органов // Цифровые технологии в борьбе с преступностью : проблемы, состояние, тенденции : сб. науч. ст. М. : Академия управления МВД России, 2021. С. 343–348.
2. Иванов П. И. Цифровая реальность и ее влияние на развитие оперативно-розыскной науки // Цифровые технологии в борьбе с преступностью : проблемы, состояние, тенденции. М., 2021. С. 92–100.
3. Концепция научно-технической политики МВД России до 2030 года (Основные положения). М. : ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», 2019. 56 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

References

1. Belyaeva L. I. Topical issues training specialists information security higher education institutions law enforcement // Digital technologies in the fight against crime: problems, status, trends. M., 2021. P. 343–348.
2. Ivanov P. I. Digital reality and its impact on development operational-search science // Digital technologies in the fight against crime : problems, status, trends. M., 2021. P. 92–100.
3. Concept science and technology Ministry of Internal Affairs of Russia until 2030 (Basic provisions). M. : FGKOU VO «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2019. 56 p.
4. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «About the National Security Strategy Russian Federation» // Collection of Laws of the Russian Federation. 2021. № 27 (Part II). Art. 5351.

Информация об авторе

С. Д. Гринько – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. D. Grinko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Melitopol State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 18.12.2025.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 18.12.2025.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. [О. В. Зиборов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

**Государственная служба
в органах внутренних дел
Российской Федерации**

Второе издание

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 343

EDN: <https://elibrary.ru/jgzagq>

ИПОН: 2015-0066-1/26-377

MOSURED: 77/27-011-2026-01-576

Факторы риска в использовании искусственного интеллекта для профилактики преступности

Мевлуд Демуралович Давитадзе¹, Алексей Александрович Середин²

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, md2063@mail.ru

¹ Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

² Открытый гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия, aseredin@govvrn.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению факторов риска в использовании искусственного интеллекта для предупреждения преступности. Принят во внимание отечественный и зарубежный опыт применения ИИ в этой сфере, проанализированы нормативно закрепленные подходы и авторские предложения по минимизации рисков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, профилактика преступности, права человека, алгоритм

Для цитирования: Давитадзе М. Д., Середин А. А. Факторы риска в использовании искусственного интеллекта для профилактики преступности // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 36–41. EDN: JGZAGQ.

Original article

Risk factors in the use of artificial intelligence for crime prevention

Mevlud D. Davidadze¹, Alexey A. Seredin²

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, md2063@mail.ru

¹ Moscow University named after S.Yu. Witte, Moscow, Russia

² Open University of Humanities and Economics, Moscow, Russia, aseredin@govvrn.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of risk factors in the use of artificial intelligence for crime prevention. Domestic and foreign experience of the application of AI in this area is taken into account, the normatively fixed approaches and the author's proposals for risk minimization are analyzed.

Keywords: artificial intelligence, crime prevention, human rights, algorithm

For citation: Davidadze M. D., Seredin A. A. Risk factors in the use of artificial intelligence for crime prevention. Bulletin of economic security. 2026;(1):36–41. (In Russ.). EDN: JGZAGQ.

На протяжении многих веков мысль о создании искусственного интеллекта (далее – ИИ) поражала воображение фантастов, а позднее – ученых и инженеров. На страницах художественной литературы ИИ демонстрируется в двух основных ролях: злодея, где он рассматривается в качестве потенциальной угрозы человечеству (А. Азимов, Ф. Герберт, Ф. Дик, А. Кларк и др.), и положительного героя (К. Исигуро, М. Уэллс и др.). Сегодня использование ИИ стало реальностью в правоохранительной сфере. Предпринимаются попытки его применения и в области профилактики преступности.

Десятки и сотни лет в деле профилактики ключевыми были традиционные методы общей и индивиду-

альной профилактики. В их числе: социально-экономические, организационные, правовые, технические, а также убеждение, оказание помощи, принуждение и др. Однако галопирующие темпы развития науки и технического прогресса существенно изменили подходы в данном вопросе. За последние 10 лет были апробированы и вошли в повседневность ряд «прорывных» технологий: высокопроизводительные, мультимодальные модели ИИ нового поколения, такие, например, как GPT-4 от OpenAI, Gemini Ultra от Google и GigaChat от Сбера. Они демонстрируют широкие способности в генерации и обработке видео, текста, изображений и звука, анализе сложных ситуаций и создании соответствующих выводов. Интеллектуальные системы PaLM-E и RT-2 позво-

лили создать роботизированные комплексы, способные вести логическую цепочку рассуждений, реагировать на изменения обстановки, использовать опыт, полученный при выполнении предыдущих задач, автономно управлять роботом. Вот только малая часть достижений, которые очевидно будут развиваться и вставать на службу противодействия преступности правоохранительной системой. Ключевая цель при этом – повысить производительность при снижении затрат путем внедрения новых решений в области предупреждения преступности, повышения уровня осведомленности в принятии решений, высвобождения людских ресурсов, экономии финансовых и материальных резервов.

Использование программных комплексов в этой сфере дает возможность снизить затраты, обрабатывать сложные массивы разнородных данных, что далеко выходит за пределы возможностей человека.

Сегодня в мире существует ряд программных комплексов, выполняющих правоохранительные функции: интеллектуальная система FACES, призванная осуществлять идентификацию транспортных средств и лиц посредством изображений с камер видеонаблюдения; Predpol – способна на основе данных о совершенных преступлениях и с использованием методов машинного обучения давать прогнозы относительно места и времени совершения преступлений в будущем; ShotSpotter – система обнаружения местонахождения стрелявшего на основе моделирования обстановки исходя из данных городской застройки, физических законов баллистики и др. [1, с. 24]. В нашей стране направление использования ИИ в целях профилактики преступности также развивается. Например, распространение получил комплекс «Криминалист» (выявляет потенциальных преступников и предлагает оптимальное решение, в том числе в области профилактики). МВД России планирует внедрение систем «Клон» (позволит определять факт подделки видеоизображения) и «Конъюнктура» (призвана прогнозировать негативные события и явления и разрабатывать сценарии реакции на них), работающих на основе ИИ [2], в целях предупреждения специального рецидива и общей превенции применяются технологии в области раскрытия преступлений, например, при помощи технологии распознавания лиц.

В основе ИИ лежат исходные данные. В нашем случае – сведения о преступлениях и их совокупности, в том числе о месте и времени деяний, личности виновных и потерпевших. Дополнительной информацией, которая позволяет сделать достоверный прогноз, могут являться данные о типичном поведении для граждан в «группе риска», экономические и демографические показатели. Такой широкий охват исходной информации позволяет делать более глубокие и достоверные прогнозы по критериям, заложенным в основу «машинного мышления».

В попытке противодействия преступности государство нередко проигрывает. Суть предупреждения – в опережающем воздействии. Решающую роль играет

фактор времени и ресурсов: первыми часто действуют преступники, разрабатывая новые криминальные схемы и реализуя их на практике, имея возможность за счет мощного финансового резерва привлекать к работе наиболее квалифицированные в своем роде силы и лучшие средства. Правоохранительные органы вынуждены реагировать, т. е. действовать часто в условиях, когда угроза не только назрела, но и стала весомой, уже реализована и переросла в устойчивую тенденцию в форме преступлений конкретного вида. После этого происходит выделение совокупности преступлений в виде самостоятельного криминального фактора, требующего противодействия и разрабатываются соответствующие меры. Применение ИИ – попытка сместить акценты, сделав позицию правоохранительных органов опережающей, в большей мере проактивной и направленной на сдерживание преступности.

Поскольку профилактика немыслима без достоверного прогноза, инновационный подход использования ИИ состоит в эффективном анализе глобального массива данных, на основе которых делается вывод об особенностях и направлениях профилактики. Программные алгоритмы в состоянии не только выявлять неочевидные закономерности, но и делать выводы о месте, времени совершения преступлений, возможных виновных, вредных последствиях.

С одной стороны, использование ИИ делает работу более продуктивной при меньших затратах; с другой – имеет недостатки и вызывает к жизни новые риски, связанные с качеством прогноза. Сильной стороной ИИ является учет множества факторов, связь которых в единое целое неочевидна, что должно делать качество прогноза высоким. Тем не менее, последнее вызывает вопросы. Факторы риска в использовании ИИ для предупреждения преступности, способные приводить к ошибкам, следующие:

1. *Переоценка роли ИИ и стремление полностью заместить традиционные методы профилактики.* В правовой литературе высказывается обоснованное мнение о том, что ИИ не есть самостоятельный субъект познания. Играя вспомогательную роль, он выполняет лишь функцию познания. Не смотря на способность ИИ к обучению, в качестве субъекта его деятельности выступает оператор-человек, воля которого и является побудительным мотивом [3, с. 31–38; 1, с. 24]. Тем не менее, существует риск избыточной зависимости от технологий, при которой сотрудники чрезмерно полагаются на достоверность результатов работы машинных алгоритмов, отказываясь от собственных усилий и отвергая впоследствии традиционные формы и методы профилактической деятельности.

При этом методики традиционной профилактики перестают совершенствоваться, отражать существующее положение дел, будут устаревать, а опыт будет забыт. Если приоритет в принятии решений отдается выводам ИИ, субъект перестает действовать самостоятельно. При этом не стоит исключать вероятность тех-

нического сбоя, при котором система перестает работать полностью или частично на неопределенное время. В такой ситуации в условиях утраты компетенций в области применения традиционных методов профилактики в среднесрочной перспективе эта работа может быть полностью парализована.

2. *Возможная недостоверность и необоснованность исходной информации.* Выводы, сделанные компьютерным алгоритмом, основаны на исходных данных и зависят от их точности и адекватности обстановке. Если в основе полученных выводов лежит не реальная криминальная ситуация, а информация, обусловленная объективно немотивированными факторами (например, конъюнктурные соображения, ситуативно обусловленные действия, которые, будучи заложены в качестве исходных данных, интерпретируются системой), решения, принятые на их основе будут неадекватными или даже вредными. Так, длительный и повышенный интерес правоохранительных органов в конкретной местности способен предопределять последующие меры профилактики в данном районе. Таким образом, вектор профилактической деятельности может быть необоснованно искажен по причине действия субъективных факторов личного или служебного предпочтения. И наоборот, переоценка качества правоохранительной деятельности в других районах может повлечь дефицит внимания там.

Алгоритмы прогнозирования опираются на факты, характеризующие ретроспективные данные о преступности и методах борьбы с ней и формируют на их основе выводы, используемые в дальнейшем в рамках профилактической работы. Поэтому еще один фактор риска здесь – вероятность изменения актуальной обстановки, подлежащей учету для принятия обоснованного решения, не эволюционным путем, что, как правило, учитывается программой, а радикально, в кратчайший срок. В этом случае ИИ будет действовать в условиях нехватки информации. В результате повышается риск перерасхода ресурсов и необоснованного ограничения прав и свобод граждан, непричастных к преступлению.

3. Обратной стороной использования недостоверной информации в ходе профилактических действий являются *риски нарушения прав человека*. Поскольку в основе алгоритмов ИИ, работающих в целях профилактики преступности, заложена конкретная информация (о фактах преступлений и смежных с ними правонарушениях, количестве задержаний на конкретной территории (в организации), фактах потребления запрещенных средств и т. п.), то и в фокусе последующих прогнозов будет она же, интерпретированная в соответствии с логикой действия модели ИИ. Например, в определенном районе массово наблюдались случаи хищений. Если к настоящему моменту реальность изменилась, появилась устойчивая тенденция количественного сокращения данных преступлений и (или) существенного качественного снижения их тяжести, такая динамика должна найти отражение в определении форм и методов

профилактической работы. Необходимость радикального сокращения преступности в конкретном районе и применение сравнительно жестких методов часто основаны на стремлении погасить возникшее социальное напряжение. При этом такое же самое напряжение может возникать в связи с налагаемыми ограничениями в ситуации, которая того не требует: права граждан существенно ограничиваются, при этом, качественный эффект в борьбе с преступностью не достигается (например, сегодня на Крымском мосту для его сохранения и безопасности граждан принимаются беспрецедентные меры, связанные с остановкой, осмотром транспорта, досмотровыми мероприятиями (при необходимости)). Эти меры перестанут быть уместными, станут несоразмерными потенциальной угрозе в условиях существенного снижения опасности). Неверные выводы ИИ при этом могут быть обусловлены инертностью, вызванной тем, что предложения по профилактике преступности будут основаны на всей совокупности заложенной информации. Поэтому так важна способность ИИ к выбору для анализа актуальных данных.

4. *Традиционно-негативные факторы* – влияют вне зависимости от применяемого механизма анализа информации для подготовки мер профилактики. Поскольку в расчет оценки преступности берется, в первую очередь, информация о зарегистрированных деяниях, очень важно в программные алгоритмы закладывать поправку на искажение данных при регистрации преступлений. Традиционно выраженным фактором здесь является объективная и субъективная латентность. Неполная информация о преступности, которая используется в работе ИИ, не только приводит к ошибочным выводам, но и усугубляет проблему, поскольку программные алгоритмы являются самообучающимися. В этом смысле неправдивые данные, заложенные в систему оценки, приводят к последующим искаженным выводам, усиливая разрыв с реальностью с каждым последующим завершением «цикла». Неверная количественная и качественная оценка преступности способна приводить к дисбалансу в правоохранительной деятельности (в силу диспропорции в применении сил и средств, в конкретных районах по разным причинам преступлений является все больше, больше затрачивается ресурсов, в то время как проблемы преступности в иных районах будут нарастать).

5. *Непрозрачность программных алгоритмов.* Закрытый характер ключевых параметров ИИ, лежащих в основе выводов системы в области профилактики, вызывает обоснованное недоверие к результатам и опасение со стороны общества. Этот факт признается официально [4, п. 8]. Опасение может вызывать возможная предвзятость применения ограничительных мер. В англоязычной литературе данная проблема известна как «проблема черного ящика» [5]. Например, в качестве объекта влияния в связи с возможным совершением коррупционных преступлений ИИ избирается общность граждан, выделенная по признакам занимаемой долж-

ности, прохождения службы на конкретной территории, возраста и т. п. Возникает ситуация, при которой профилактические меры, связанные с ограничением прав и законных интересов, вопреки объективной необходимости и разумности будут действовать лишь в отношении определенных лиц, не затрагивая и давая свободу действий второй половине граждан в «зоне риска». Оспаривание такого положения дел затруднено в связи с тем, что меры профилактики и объект воздействия избраны «непредвзятым» ИИ, проверить обоснованность работы которого крайне тяжело, поскольку конструирование и работа машинных алгоритмов имеет закрытый характер. По этой причине в некоторых государствах (регионах) алгоритмы ИИ, которые планируются к внедрению в правоохранительную деятельность, подлежат размещению в публичном доступе (например, по законодательству штата Айдахо, США) [6, с. 94]. В России правовое регулирование иное: программы на основе ИИ подлежат охране в силу норм об авторском праве на программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ) и о коммерческой тайне, поскольку механизм работы ИИ имеет действительную или потенциальную экономическую ценность и не составляет сведения, которые не могут быть отнесены к коммерческой тайне (ст. 5 ФЗ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне») [7]. В то же время на страницах специальной литературы подчеркивается наличие проблемы предоставления авторско-правовой защиты алгоритму ИИ, которая связана с нестабильностью его содержания, перманентным изменением, «дописыванием» в ходе самообучения и автономной работы [8, с. 348]. В практическом плане требование о выведении алгоритмов, затрагивающих интересы граждан, за рамки законодательства об их охране реализовано с октября 2023 г. в отношении рекомендательных алгоритмов социальных сетей [9].

Применение в работе алгоритмов ИИ вероятностных оценок для принятия решений и невозможность полного объяснения сделанных выводов названа Концепцией развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. проблемой алгоритмической прозрачности систем ИИ и отнесена к проблемам, не имеющим однозначного решения [10]. Несмотря на то, что одним из принципов развития и использования ИИ является прозрачность (п. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года), проблема открытости и подотчетности систем прогнозирования правоохранительных органов актуальна по-прежнему.

6. *Трудности правового регулирования конструирования и использования алгоритмов ИИ.* Выбор модели регулирования строится на необходимости сочетания двух противоположных требований: по соблюдению прав человека и обеспечению ускоренного развития инноваций [11, с. 211].

В вопросе правового регулирования профилактики преступности с использованием ИИ можно идти двоя-

ким путем: от практики к ее нормативному регулированию и от концептуальной модели к необходимости соблюдения последней на практике. Ни один из этих подходов сегодня не является доминирующим, оба обоснованно используются во взаимном дополнении.

Существует проблема несоответствия между практикой применения ИИ и регулированием данной сферы, что часто объясняется пробелами законодательства и влечет за собой риск необоснованного ограничения прав граждан. В известной мере это следствие чрезвычайно быстрого развития технологий и внедрения их в правоохранительную практику. В России приняты основы регулирования отношений в сфере технологий ИИ. Значительную часть вопросов еще предстоит формализовать. Отсутствие правовых норм, оптимально регулирующих применение технологий ИИ, в тексте Концепции объясняется наличием проблем, не имеющих однозначного решения. В их числе: необходимость соблюдения баланса между защитой персональных данных и потребностью их использования в целях обучения алгоритмов ИИ; пределы «делегирования» решений системам ИИ; ответственность за причинение вреда с применением ИИ и др. С принятием ФЗ от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [12] законодатель постарался заложить основу решения некоторых из них, в частности, вопроса о причинении вреда при исполнении решений, разработанных с применением технологий ИИ (ст. 18.1).

Поскольку законотворчество в этой сфере происходит в условиях отсутствия соответствующего опыта, дальнейший процесс предполагает изучение практики правоприменения с последующими выводами и внесением изменений в нормативный инструментарий.

7. *Избыточный охват сбора данных.* Поскольку прогнозирование в профилактической деятельности базируется на сборе данных, ключевое значение имеет обоснованность круга лиц, интересы которых будут затронуты, а также содержание информации, подлежащей сбору. Вследствие непрозрачности работы алгоритмов ИИ опасения строятся на том, что «сети» могут забрасываться слишком широко, не только в отношении подозреваемых. Не ясны источники данных, которые могут быть как открытыми, так и с ограниченным доступом, включая активность в интернете (в том числе в социальных сетях), отслеживание местоположения, интересов, предпочтений гражданина и т. п. Такой подход порождает опасения в возможности накопления гигантского объема личной информации без согласия собственника, что входит в противоречие с соображениями защиты личной и семейной тайн. По мнению критиков, такая практика влечет недоверие со стороны граждан, ставя их в один ряд с подозреваемыми [13]. В связи с галопирующими темпами развития технологий, возможности сбора информации в будущем будут расширяться, и проблема усугубляться.

В качестве выводов отметим, что использование ИИ в интересах профилактики преступности необходимо, несмотря на возможные отрицательные последствия. Отказ от его использования существенно уменьшит возможности правоохранительных органов. В целях минимизации выявленных рисков предлагаем следующее:

1. Использование ИИ для предупреждения преступности крайне важно и необходимо. При этом особое внимание должно уделяться сохранению широких возможностей государства по контролю над сферой ИИ в сочетании с широким и обоснованным внедрением ИИ в публичную сферу. При разработке отечественных систем следует учитывать положительный и отрицательный отечественный и зарубежный опыт законодательства и практики его применения.

2. Прогностические суждения на основе ИИ необходимо строить исходя из данных, свободных от мотивов личной и корпоративной выгоды, статистических искажений, взятых за актуальный для текущей обстановки исторический период. Для этого требуется своевременное обновление сведений, блокирование устаревшей, неадекватной информации, использование которой может привести к выводам и рекомендациям, не отвечающим современным реалиям, способным повлечь социальную напряженность и иные отрицательные последствия.

3. ИИ должен действовать только под контролем человека. Конкретные решения на основании выводов специальных программ в области профилактики преступности, тем более на стратегическом уровне, должны приниматься только после их анализа и оценки специалистами. Требуется неуклонное соблюдение этического постулата, закрепленного Концепцией, о подконтрольности ИИ человеку и минимизации заложенной возможности автономного его функционирования и только в условиях необходимости.

4. В принятии решения о внедрении ИИ в дело профилактики преступности необходимо отталкиваться от необходимости такового. Грань между обоснованным использованием ИИ и злоупотреблением весьма тонкая. Применение ИИ не самоцель, а лишь средство. Оптимальным решением является сочетание новейших с консервативными, но прогрессирующими методами профилактической работы, при которых происходит взаимное их дополнение и обогащение.

5. Профилактические рекомендации ИИ должны строиться на основе программных алгоритмов, которые давали бы эффективные прогнозы преступности с поправкой на статистические и др. искажения.

6. Для программных алгоритмов ИИ в области профилактики преступности, на которых строятся решения, влияющие на широкий, индивидуально неопределенный круг лиц, следует предусмотреть понятный механизм доступа к информации о применяемых в программных продуктах алгоритмах работы ИИ. Должна быть прописана процедура подотчетности, которая,

возможно, «приоткроет завесу» коммерческой тайны компаний-разработчиков, раскрывая работу алгоритмов ИИ как условие для приемки и широкого использования в интересах государства.

7. В вопросе правового регулирования применения ИИ в сфере профилактики преступности происходит комбинирование моделей «от практики к нормативному регулированию» и «от концептуальной модели к ее внедрению на практике», их взаимное дополнение. Сегодня в стране приняты лишь основополагающие документы. Требуется их дальнейшая апробация с последующими выводами и формированием законодательства «широкого» действия.

Список источников

1. Смирнов В. Е. К вопросу о допустимости в уголовном судопроизводстве информации, генерируемой системами с элементами машинного обучения (на примере США) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2025. № 1.
2. Кинякина Е., Устинова А. МВД привлекает нейросети к поиску нарушителей // URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechek-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei?from=popular_search_1&utm_source=Securitylab.ru/
3. Архипов С. И. Субъект права : теоретическое исследование. СПб., 2004.
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731?clckid=2427a1c8/>
5. Roth A. L. Trial by Machine // Georgetown Law Journal. 2016. Vol. 104. Iss. 5. P. 20–21.
6. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже : опыт США и КНР. М. : Юрлитинформ, 2021.
7. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.
8. Харитонов Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (2).
9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.
11. Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта // Вестник Тюменского государственного универ-

ситета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 1 (29).

12. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

13. Regan P. M. Privacy, Data Protection and the Law // Journal of Information Law and Technology. 2015.

References

1. Smirnov V. E. On the issue of the admissibility in criminal proceedings of information generated by systems with elements of machine learning (using the example of the USA) // International criminal law and international justice. 2025. № 1.

2. Kinyakina E., Ustinova A. M. First of all attracts the attention of readers // URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechet-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei?from=popular_search_1&utm_source=Securitylab.ru/

3. Arkhipov S. I. The subject of law : theoretical study. SPb., 2004.

4. National Strategy for the development of Public Administration for the period up to 2030 (Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 № 490) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731?clckid=2427a1c8/>

5. Roth A. L. Judicial process using a machine // Georgetown Law Journal. 2016. Vol. 104. Iss. 5. P. 20–21.

6. Ermakova E. P., Frolova E. E. Artificial intelligence in civil proceedings and arbitration : the experience of the USA and China. M. : Yurlitinform, 2021.

7. Federal Law of July 29, 2004 № 98-FZ «On commercial secrets» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. № 32. Art. 3283.

8. Kharitonova Yu. S. Basic tools for monitoring the use of the Internet // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (2).

9. Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ «On Information, information technologies and information protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3448.

10. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 № 2129-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 35. Art. 5593.

11. Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. Key approaches to the legal regulation of the use of artificial intelligence systems // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2022. V. 8. № 1 (29).

12. Federal Law № 258-FZ dated July 31, 2020 «On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (part I). Art. 5017.

13. Regan P. M. Confidentiality, data protection and the law // Journal of Information Law and Technology. 2015.

Информация об авторах

М. Д. Давитадзе – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор;

А. А. Середин – доцент кафедры уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. D. Davitadze – Professor of the V.E. Eminov Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow University named after S.Yu. Witte, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. A. Seredin – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Open University of Humanities and Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 13.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 13.01.2026.

Научная статья

УДК 343.852

EDN: <https://elibrary.ru/josimi>

ИПОН: 2015-0066-1/26-378

MOSURED: 77/27-011-2026-01-577

Соотношение оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, и оценки доказательств в досудебном уголовном судопроизводстве

Надежда Юрьевна Емельянова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
emelyanova20@yandex.ru

Аннотация. Исследуется проблема разграничения оценки доказательств по существу предъявленного обвинения и оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, в досудебном уголовном судопроизводстве. Автор обосновывает тезис о принципиальном различии правовой природы этих оценочных процедур. В работе критикуется распространенная правоприменительная практика, при которой тяжесть инкриминируемого преступления автоматически влечет заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу без должного анализа всей совокупности обстоятельств, влияющих на избрание конкретной меры пресечения. Подчеркивается необходимость тщательной и мотивированной оценки каждого из обстоятельств, указанных в законе, в их системной взаимосвязи, с акцентом на анализе личности обвиняемого, его семейного положения, рода занятий и состояния здоровья. Делается вывод, что только индивидуальный подход позволяет обеспечить баланс между интересами правосудия и конституционным принципом неприкосновенности личности.

Ключевые слова: оценка обстоятельств, оценка доказательств, оценка, дискреционные полномочия, досудебное уголовное судопроизводство, меры пресечения

Для цитирования: Емельянова Н. Ю. Соотношение оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, и оценки доказательств в досудебном уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 42–47. EDN: JOSIMI.

Original article

The relationship between the assessment of circumstances considered when choosing a pretrial restraint measure and the evaluation of evidence in pretrial criminal proceedings

Nadezhda Yu. Emelyanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
emelyanova20@yandex.ru

Abstract. The current problem of distinguishing between the evaluation of evidence on the merits of the charges brought and the assessment of circumstances considered when choosing a pretrial restraint measure in pretrial criminal proceedings is being examined. The author substantiates the thesis about the fundamental difference in the legal nature of these evaluative procedures. The paper criticizes the widespread law enforcement practice where the severity of the charged crime automatically leads to the selection of the most severe restraint measure without a proper analysis of the entire set of circumstances. The necessity of a thorough and motivated assessment of each of the circumstances specified in the law, in their systemic interrelation, with an emphasis on the analysis of the accused's personality, family status, occupation, and state of health, is emphasized. It is concluded that only such an individual approach can ensure a balance between the interests of justice and the constitutional principle of personal inviolability.

Keywords: assessment of circumstances, evaluation of evidence, assessment, discretionary powers, pretrial criminal proceedings, restraint measures

For citation: Emelyanova N. Yu. The relationship between the assessment of circumstances considered when choosing a pretrial restraint measure and the evaluation of evidence in pretrial criminal proceedings. Bulletin of economic security. 2026;(1):42–7. (In Russ.). EDN: JOSIMI.

© Емельянова Н. Ю., 2026

Институт мер пресечения в уголовном судопроизводстве представляет собой один из наиболее значимых инструментов обеспечения правосудия, балансирующий между необходимостью обеспечения эффективного расследования и необходимостью соблюдения конституционного принципа неприкосновенности личности. Центральное место в процессе избрания меры пресечения, особенно сопряженной с изоляцией от общества, занимает оценочная деятельность должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело – следователя и дознавателя. Вместе с тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что уголовно-процессуальное законодательство не в достаточной мере ее регламентирует.

Так, ст. 17 УПК РФ среди основополагающих положений уголовного процесса закрепляет принцип «свобода оценки доказательств», который находит свое развитие в дискреционных полномочиях следователя, дознавателя, прокурора и суда. Кроме того, уголовно-процессуальный закон в ст. 88 УПК РФ определяет правила оценки доказательств. Вместе с тем, какой-либо порядок, а также критерии оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, несмотря на возможные, достаточно серьезные, ограничения конституционных прав граждан, законом не определены.

При этом считаем, что в теоретическом и практическом плане необходимо проводить четкое разграничение между оценкой доказательств по существу предъявленного обвинения и оценкой обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, которые обуславливают и обосновывают выбор должностным лицом меры процессуального принуждения, необходимой к применению в конкретном случае. Данное разграничение имеет важное значение, поскольку подчинено различным целевым установкам: первая направлена на установление события преступления и виновности в нем лица, вторая – на прогнозирование его будущего поведения и избрание адекватной меры пресечения.

Оценка доказательств, регламентированная ст. 17 и 88 УПК РФ, представляет собой классический пример процессуальной оценочной деятельности. Ее сущность, как справедливо отмечает Е. А. Доля, заключается в рациональном познании, направленном на установление истины по делу, тогда как при проверке доказательств преобладает чувственное познание [1, с. 86]. Это мыслительный процесс, подчиненный законам логики, в ходе которого следователь определяет свойства каждого доказательства – его относимость, допустимость, достоверность – и в конечном итоге дает оценку всей их совокупности с точки зрения достаточности для принятия решения по уголовному делу. Как верно отмечает В. Д. Арсеньев, если доказывание составляет «сердцевину» уголовного процесса, то оценка доказательств является «душой» уголовно-процессуального доказывания [2, с. 130]. Предметом данной оценки являются факты объективной действительности, связанные с со-

бытием преступления и причастностью к нему конкретного лица.

В отличие от этого, оценка обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ), имеет принципиально иную природу. Эти обстоятельства не являются доказательствами виновности в прямом смысле, а выступают в качестве индивидуализирующих критериев, позволяющих спрогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого) в будущем. Если оценка доказательств ретроспективна и нацелена на установление уже произошедших событий, то оценка обстоятельств для избрания меры пресечения проспективна и связана с оценкой рисков. Ее непосредственной целью является не установление вины, а определение наличия или отсутствия оснований полагать, что лицо может скрыться от следствия и суда, продолжить преступную деятельность либо воспрепятствовать производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ). Как подчеркивает П. А. Лупинская, оценка доказательств всегда завершается выводами, имеющими значение для принятия итогового или промежуточного процессуального решения [3, с. 8], что в полной мере относится и к решению об избрании меры пресечения.

Следовательно, правовая природа этих двух оценочных процедур различна. Оценка доказательств составляет сердцевину доказывания и направлена на разрешение дела по существу. Оценка же обстоятельств для избрания меры пресечения – это деятельность по избранию мер процессуального принуждения, обеспечивающих сам ход уголовного судопроизводства.

В различных областях гуманитарного знания термин «оценка» наполняется разным содержанием. Если же рассматривать его базовое лексическое значение, то в словарях оно определяется как «мнение о ценности, уровне или значении объекта» [4, с. 125]. Аналогично, в толковом словаре С. И. Ожегова «оценить» означает «установить степень, уровень, качество чего-либо» [5, с. 418].

Проблема гносеологической природы оценки доказательств является одной из фундаментальных в науке уголовно-процессуального права. В отечественной доктрине превалирует подход, трактующий ее как деятельность сугубо интеллектуального характера, осуществляемую субъектами уголовного судопроизводства и детерминированную исключительно законами формальной и диалектической логики [6, с. 36; 7, с. 105–134; 8, с. 19–21; 9, с. 7–8; 10, с. 32; 11, с. 24]. С указанных методологических позиций оценка доказательств представляет собой процесс генезиса внутреннего убеждения, структурированный на три последовательные стадии, условно обозначаемые как предварительная, промежуточная и завершающая. Данные стадии правомерно рассматривать не в качестве автономных видов оценки, а в качестве фаз единого процесса становления убежденности в контексте осуществления доказательственной деятельности. Категория внутреннего убеждения характеризуется такими свойствами, как непредвзятость,

независимость, а также отсутствие у субъекта оценки какой-либо процессуальной или личной заинтересованности, предустановленных выводов и предубеждений. Указанная неразрывная связь оценочной деятельности с категорией совести субъекта обусловила ее непосредственное закрепление в тексте уголовно-процессуальной нормы (ст. 17 УПК РФ).

Указанное в полной мере может быть отнесено и к процедуре оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения.

Сами обстоятельства, перечисленные в ст. 99 УПК РФ, в соответствии с п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [12], должны подтверждаться имеющимися в материалах уголовного дела доказательствами, которые, в свою очередь, также подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Избрание меры пресечения, в особенности сопряженной с изоляцией от общества, представляет собой серьезное ограничение конституционных прав личности. Поэтому оценка соответствующих обстоятельств в такой ситуации должна быть особенно тщательной, конкретной и мотивированной, выходить за рамки простой констатации формальных признаков.

Ключевым обстоятельством, которому нередко придается повышенная значимость, является тяжесть преступления. Сложившаяся правоприменительная практика нередко демонстрирует подход, при котором одна лишь тяжесть инкриминируемого преступления расценивается как достаточное основание для заключения под стражу. Этот подход, уходящий корнями в Устав уголовного судопроизводства 1864 г., который, по замечанию И. Я. Фойницкого, допускал, что условия применения ареста «зависят главным образом от тяжести угрожающего наказания» [13, с. 344], является ошибочным с точки зрения современного законодательства. Статья 108 УПК РФ указывает на тяжесть преступления как на условие, создающее возможность применения данной меры, но не как на ее безусловное основание. Тяжесть преступления может свидетельствовать о потенциальной опасности лица, однако этот вывод должен быть опровержим и проверяем. Следовательно обязан не просто констатировать тяжесть деяния, но и проанализировать, каким образом именно это обстоятельство в совокупности с другими свидетельствует о реальном риске уклонения от правосудия или противодействия ему. Как верно отмечает А. Б. Судницын, сведения о тяжести преступления формируют лишь первоначальное, сугубо предварительное предположение о вероятности негативного поведения, которое требует немедленной и всесторонней проверки. Шаблонный же подход, когда тяжесть обвинения автоматически влечет изоляцию, приводит к нарушению принципа соразмер-

ности и презумпции невиновности [14, с. 46–50]. Разделяя позицию А. П. Рыжакова, следует подчеркнуть, что результатом оценки обстоятельств должно быть установление наличия или отсутствия оснований для принятия законного и обоснованного уголовно-процессуального решения, а не механическое следование тяжести содеянного [15].

Центральное место в системе оценивания занимают сведения о личности обвиняемого (подозреваемого). В отличие от оценки доказательств, где обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, являются одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), при избрании меры пресечения акцент при оценке тех же обстоятельств смещается на прогностическую функцию. Речь идет не об установлении биографических данных как таковых, а о выявлении устойчивых характеристик, позволяющих спрогнозировать поведение. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на недопустимость формального подхода и необходимость индивидуальной оценки личности [16]. Следовательно должен анализировать не просто возраст, семейное положение или род занятий (выделенные в ст. 99 УПК РФ как самостоятельные обстоятельства), а именно свойства характера, темперамент, ценностные ориентации, поведение в быту и социуме. Мы, как и ряд ученых, полагаем, что в рассматриваемом случае необходимо подвергать анализу такие сведения о личности, которые указывали бы на биографию лица, свойства характера и темперамент обвиняемого (подозреваемого). Для этого привлекаются показания родственников, коллег, соседей, характеристики с мест работы и жительства, документы, подтверждающие наличие государственных наград или, напротив, привлечение к административной ответственности. Отсутствие в процессуальных решениях глубокого анализа обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого), подменяемого стандартными фразами, является, по нашему мнению, существенным нарушением положений ст. 99 УПК РФ, и свидетельствует о неполноте оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения.

Особую значимость при решении вопроса об избрании меры пресечения приобретает оценка семейного положения обвиняемого (подозреваемого) и рода его занятий. Наличие семьи, особенно малолетних детей и других иждивенцев, постоянного места жительства и легального источника дохода традиционно рассматривается как обстоятельство, снижающее риск уклонения от органов предварительного расследования и суда. Эти факторы создают для лица систему социальных связей и ответственности, повышающих «стоимость» побега. Как отражено в апелляционном постановлении Московского городского суда, именно совокупность таких данных – гражданство, постоянная регистрация, наличие семьи и работы – позволила суду сделать вывод о возможности достижения целей меры пресечения без заключения под стражу [17]. В данном случае оценка

носит не формальный, а содержательный характер: суд проанализировал, как именно указанные обстоятельства минимизируют риски недобросовестного поведения обвиняемого, и отверг предположительные утверждения следствия как недостаточные для применения самой строгой меры.

Напротив, род занятий, связанный с властными полномочиями, доступом к материальным ценностям или возможностью влиять на ход расследования (высокопоставленные чиновники, руководители и сотрудники правоохранительных органов), может быть оценен как обстоятельство, повышающее риск противодействия предварительному расследованию. Представляется, что выделение данного обстоятельства как самостоятельного позволяет охарактеризовать личность обвиняемого (подозреваемого) с учетом его рода занятий (например, конкретной работы или службы), что является важным аспектом при учете процессуальных ограничений для отдельной категории лиц. Однако и в этом случае требуется конкретизация: каким именно образом должность и профессиональные связи лица могут быть использованы для воспрепятствования правосудию.

Существенным ограничителем при избрании меры, связанной с изоляцией от общества, является состояние здоровья. Закон обязывает учитывать этот фактор, однако его оценка должна основываться на соответствующих материалах уголовного дела. Как указал Верховный Суд Российской Федерации, наличие серьезного заболевания, препятствующего содержанию под стражей, должно быть подтверждено надлежащими и достоверными медицинскими документами [18]. Оценка данного обстоятельства требует от следователя не только установления факта болезни, но и анализа ее тяжести, стадии ее течения, необходимости постоянного лечения и невозможности его обеспечения в условиях следственного изолятора. Это требует активных действий по истребованию и проверке медицинских документов.

К иным обстоятельствам, имеющим прогностическое значение, Пленум Верховного Суда Российской Федерации относит поведение лица после совершения преступления: явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда [12]. Конституционный Суд Российской Федерации добавляет, что при избрании меры пресечения, сопряженной с изоляцией от общества, не могут игнорироваться отягчающие ответственность обстоятельства. Их оценка позволяет сделать вывод о степени общественной опасности лица и его отношении к содеянному [19]. Активные действия по возмещению ущерба и сотрудничеству со следствием, как правило, свидетельствуют о снижении риска продолжения преступной деятельности и уклонения от следствия. По мнению некоторых процессуалистов, к указанным обстоятельствам также необходимо относить и деятельное раскаяние лица, наличие

ранений, государственных наград и почетных званий, участие лица в боевых действиях по защите Отечества [15; 20, с. 569; 21, с. 368] и т. д.

Такой расширительный подход, основанный на индивидуализации, представляется вполне обоснованным, поскольку регламентированный процессуальным законодательством перечень обстоятельств не способен охватить все возможные ситуации, которые встречаются в правоприменительной практике.

Законодатель в настоящее время предпринимает меры к выработке дополнительных критериев оценки обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения. Так, Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введено новое обстоятельство, подлежащее учету при избрании мер пресечения, – совершение преступления с применением насилия либо с угрозой его применения. Кроме того, наличие данного обстоятельства является одним из условий применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. Такие изменения отражают стремление законодателя преодолеть сложившуюся практику избыточного применения строгих мер пресечения и нацелить правоприменителя на более детальную оценку обстоятельств, учитываемых при избрании мер пресечения.

Таким образом, оценка обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, представляет собой самостоятельный и ответственный вид оценочной деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Ее принципиальное отличие от оценки доказательств по существу дела заключается в прогностической направленности. Предметом этой оценки является не установление произошедших событий, а индивидуальные характеристики личности обвиняемого (подозреваемого) и иных обстоятельств для формирования обоснованного прогноза его будущего поведения в период предварительного расследования и выбора соразмерной меры процессуального принуждения.

Эффективная реализация этой деятельности требует от следователя и дознавателя отказа от шаблонного мышления, в частности, от преодоления порочной практики автоматического связывания тяжести обвинения с необходимостью изоляции от общества. Каждое из обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, должно подвергаться тщательной и мотивированной оценке в их системной взаимосвязи. Только индивидуальный подход, основанный на всестороннем анализе обстоятельств, характеризующих личность, позволяет обеспечить баланс между интересами правосудия и неприкосновенностью личности, гарантируя, что строгая мера пресечения будет применена лишь тогда, когда менее строгие меры действительно не могут обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Доля Е. А. Оценка доказательств в российском уголовном процессе // Государство и право. 1996.
2. Арсеньев В. Д. Вопросы теории судебных доказательств в уголовном процессе // Юридическая литература. М., 1964.
3. Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002.
4. Краткий толковый словарь русского языка / Сост. И. Л. Городецкая, Т. Н. Поповцева, М. Н. Судоплатова, Т. А. Фоменко / Под ред. В. В. Розановой. 4-е изд. М., 1985.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд. М., 1986.
6. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966.
7. Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971.
8. Резник Г. Оценка доказательств судом // Советская юстиция. 1971.
9. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973.
10. Егоров К. Оценка доказательств как завершающий этап доказывания // Российская юстиция. 2000.
11. Рыжов К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе / Науч. ред. В. В. Яков. Кн. 8. Серия: «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». М., 2012.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.
14. Судницын А. Б. Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования // Законодательство и практика. 2018.
15. Рыжаков А. П. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения. Комментарий к ст. 99 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 июня 2017 г. № 10-11147/17 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2005 г. № 67-О05-86 // СПС «Гарант».

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Девятко А. Ю. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2016.

21. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов и др. ; отв. ред. В. М. Лебедев; рук. авт. кол. В. А. Давыдов // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Dolya E. A. Evaluation of evidence in the Russian criminal process // State and law. 1996.
2. Arsenyev V. D. Questions of the theory of judicial evidence in criminal proceedings // Legal literature. M., 1964.
3. Lupinskaya P. A. Evidence and evidence in a new criminal trial // Russian justice. 2002.
4. Short explanatory dictionary of the Russian language / Comp. I. L. Gorodetskaya, T. N. Popovtseva, M. N. Sudoplatova, T. A. Fomenko / Edited by V. V. Rozanova. 4th ed. M., 1985.
5. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / Edited by N. Y. Shvedova. 18th ed. M., 1986.
6. Lupinskaya P. A. Evidence in the Soviet criminal process. M., 1966.
7. Mukhin I. I. Objective truth and some issues of evaluating judicial evidence in the administration of justice. L., 1971.
8. Reznik G. Evaluation of evidence by the court // Soviet justice. 1971.
9. Fatkullin F. N. General problems of procedural proof. Kazan, 1973.
10. Egorov K. Evaluation of evidence as the final stage of proof // The Russian justice system. 2000.
11. Ryzhov K. B. The principle of free evaluation of evidence and its implementation in civil proceedings / Scientific ed. by V. V. Yarkov. Book 8. Series: «Civil and Arbitration proceedings: New Names & new ideas». M., 2012.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 № 41 «On the practice of courts applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions» // LRS «ConsultantPlus».

13. Foynitsky I. Ya. The course of criminal justice. SPb., 1912.

14. Sudnitsyn A. B. The severity of the charge (suspicion) and the possibility of sentencing to long-term imprisonment as factual data confirming the basis for choosing a preventive measure in the form of detention at the initial stage of the investigation // Legislation and Practice. 2018.

15. Ryzhakov A. P. Circumstances taken into account when choosing a preventive measure. Commentary to the art. 99 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».

16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 14, 2020 № 6-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Efimov Alexander Evgenievich for violation of his constitutional rights by Article 109 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

17. Appeal decision of the Moscow City Court dated June 29, 2017 № 10-11147/17 // LRS «ConsultantPlus».

18. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 29, 2005 № 67-О05-86 // LRS «Garant».

19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2018 № 12-Р «In the case of checking the constitutionality of Parts one and three of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. A. Kostromin» // LRS «ConsultantPlus».

20. Devyatko A. Y. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M., 2016.

21. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article) / O. N. Vedernikova, S. A. Vorozhtsov, V. A. Davydov et al. ; ed. by V. M. Lebedev; author's col. V. A. Davydov // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

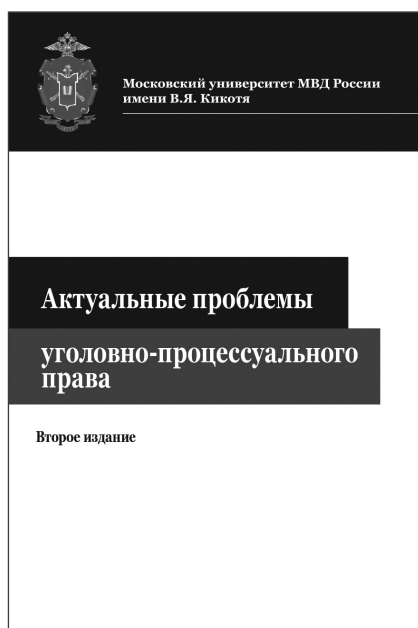
Н. Ю. Емельянова – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. Yu. Emelyanova – Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия – выделить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 34.3

EDN: <https://elibrary.ru/kaifot>

ИИОН: 2015-0066-1/26-379

MOSURED: 77/27-011-2026-01-578

Особенности осмотра места происшествия по законодательству Российской Федерации и законодательству ряда зарубежных стран: криминологические и криминалистические аспекты

Дмитрий Александрович Иванов¹, Василий Джонович Потапов²,

Елена Владимировна Блинова³

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru

² Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия, potapov1961@yandex.ru

³ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, elena.pirogova2012@yandex.ru

Аннотация. Исследованы нормы уголовно-процессуальных законов Российской Федерации, Таджикистана, Азербайджана и Узбекистана, регулирующие порядок производства осмотра места происшествия в досудебном уголовном судопроизводстве.

Авторы утверждают, что значение осмотра определено тем фактом, что на месте происшествия зачастую оставлены различные материальные последствия преступления, выражающиеся в виде разнообразных следов и иных доказательств, которые необходимы для раскрытия преступления. Доказано, что условия, отражающие результативность решения задач осмотра, находятся в прямой взаимосвязи с его принципами, к которым относятся: законность, полнота, плановость, своевременность, всесторонность и объективность, а также активность и единое руководство осмотром, применение необходимых специальных технических приспособлений. В заключении авторами обоснован вывод о том, что нормы, регулирующие порядок осуществления осмотра в России и в Республиках Таджикистан, Азербайджан и Узбекистан по своему существу схожи и не имеют существенных отличий. Это говорит о том, что эволюция уголовно-процессуального закона в этих странах имеет общие корни и дальнейшие аналогичные векторы своего развития с уголовно-процессуальным законом России.

Ключевые слова: следственные действия, осмотр места происшествия, досудебное производство, место преступления, место происшествия, следователь, дознаватель

Для цитирования: Иванов Д. А., Потапов В. Д., Блинова Е. В. Особенности осмотра места происшествия по законодательству Российской Федерации и законодательству ряда зарубежных стран: криминологические и криминалистические аспекты // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 48–53. EDN: KAIFOT.

Original article

Features of the inspection of the scene according to the legislation of the Russian Federation and the legislation of a number of foreign countries: criminological and criminalistic aspects

Dmitry A. Ivanov¹, Vasily D. Potapov², Elena V. Blinova³

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru

² Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia, potapov1961@yandex.ru

³ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, elena.pirogova2012@yandex.ru

Abstract. The norms of the criminal procedure laws of the Russian Federation, Tajikistan, Azerbaijan and Uzbekistan, regulating the procedure for conducting an inspection of the scene of a crime in pre-trial criminal proceedings are being examined.

The authors argue that the importance of the inspection is determined by the fact that various material consequences of the crime are often left at the scene of the crime, expressed in the form of various traces and other evidence that are

© Иванов Д. А., Потапов В. Д., Блинова Е. В., 2026

necessary for solving the crime. It is proven that the conditions reflecting the effectiveness of solving the inspection problems are directly related to its principles, which include: legality, completeness, consistency, timeliness, comprehensiveness and objectivity, as well as activity and unified management of the inspection, the use of the necessary special technical devices. In conclusion, the authors substantiate the conclusion that the rules regulating the procedure for conducting an inspection in Russia and in the Republics of Tajikistan, Azerbaijan and Uzbekistan are essentially similar and do not have significant differences. This suggests that the evolution of the criminal procedure law in these countries has common roots and further similar vectors of its development with the criminal procedure law of Russia.

Keywords: investigative actions, inspection of the scene of the incident, pre-trial proceedings, crime scene, scene of the incident, investigator, inquiry officer

For citation: Ivanov D. A., Potapov V. D., Blinova E. V. Features of the inspection of the scene according to the legislation of the Russian Federation and the legislation of a number of foreign countries: criminological and criminalistic aspects. Bulletin of economic security. 2026;(1):48–53. (In Russ.). EDN: KAIFOT.

Актуальность темы представленной научной статьи заключается в том, что в настоящее время в контексте своевременного и эффективного противодействия преступности на передний план ставится задача качественного обнаружения, изъятия и фиксации информации, имеющей значение для доказательства, извлекаемой на месте, где было совершено преступное деяние. Первостепенное место в указанном процессе отводится осмотру места происшествия. При этом результативность деятельности подразделений предварительного расследования органов внутренних дел в существенной мере определена именно качеством и полнотой доказательств, которые собраны в процессе производства отдельных следственных действий. Совокупность собранных доказательств служит основой для вынесения обоснованного и справедливого решения.

Одним из таких следственных действий, изучению, которого посвящена представленная научная статья, является осмотр места происшествия, с проведением которого непосредственно связана возможность получения решающей информации для результатов расследования либо, наоборот, вероятность допущения невозполнимой утраты сведений, имеющих крайне важное значение.

В статье предпринята попытка провести анализ особенностей осмотра места происшествия в соответствии с уголовно-процессуальными законами России и таких зарубежных стран постсоветского пространства, как Таджикистан, Азербайджан, Узбекистан. Будут выявлены и рассмотрены не только схожие положения, регулирующие осуществление данного следственного действия, но также и особенности каждого из указанных законодательств.

При этом важно подчеркнуть, что российское законодательство, наряду с уголовно-процессуальными нормами Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана включают в себя значительное количество правовых положений, которые регламентируют как проведение следственных действий, в общем, так и осмотра места происшествия, в частности. Однако, несмотря на данный факт, содержащиеся в данных нормах положения зачастую недостаточно четко определены, а иногда и противоречивы, что не соответствует требованиям современной практической деятельности и оказывает

определенное негативное влияние на качество проводимых осмотров и, как следствие, на эффективность деятельности по раскрытию преступлений.

Основываясь на вышеизложенном, а также учитывая существенную значимость и, в большинстве случаев, первичный характер информации, которая может быть получена по результатам осуществления осмотра, необходимо подчеркнуть недостаточное внимание, которое зачастую уделяется вопросу деятельности следователя по организации осуществления осмотра, а также разработке и совершенствованию тактики осмотра, обнаружения и фиксации объектов, которые могут иметь существенное значение для доказывания по делу.

Проведение сравнительного анализа положений УПК Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6], УПК Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) [8], УПК Азербайджанской Республики (далее – УПК АР) [7] и УПК Республики Узбекистан (далее – УПК РУ) [9], в частности ч. 1 ст. 176 УПК РФ, ч. 1 ст. 182 УПК РТ, ст. 236 УПК АР и ст. 137 УПК РУ, можно установить, что в качестве места происшествия понимается определенная территория, где совершалось событие или какая-либо составная часть общественно опасного деяния, равно как место, где обнаружены общественно опасные последствия такого.

Таким образом, в качестве места происшествия, возможно, определить такое место, где были обнаружены также последствия преступления (например, угнанная автомашина, спрятанное в лесу похищенное имущество).

Значение осмотра определено тем фактом, что на месте происшествия зачастую оставлены различные материальные последствия преступления, выражающиеся в виде разнообразных следов и иных доказательств, которые необходимы для раскрытия преступления. К их числу могут относиться, например, труп человека, как с признаками насильственной смерти, так и без таковых, взломанное хранилище, следы преступника (рук или ног), следы автотранспорта и другие.

При этом встречаются случаи, когда в результате совершения преступления не оставлено каких-либо обозначенных выше материальных последствий, однако для целей проверки полученных показаний, а также уяс-

нения сущности и очередности действий, имеющих отношение к преступлению, характер места и обстановка совершения преступного деяния имеют существенное значение.

Необходимо, в первую очередь, отметить, что для производства осмотра места происшествия, должны иметься определенные основания, которые предусмотрены уголовно-процессуальными законами стран России и СНГ. Так, в ст. 176 УПК РФ, ст. 182 УПК РТ, ст. 236.1 УПК АР данные основания совпадают. По общему правилу осмотр осуществляется в определенных целях, а именно – обнаружения следов преступления и установления обстоятельств преступного деяния.

Однако, существуют и некоторые нормативные различия, как, например, в ст. 135 УПК РУ, содержащей отдельную норму «Основания для осмотра», которая расширяет основания осмотра и круг субъектов, его осуществляющих. Так, в указанной норме, указано, что в целях обнаружения следов преступления, а также вещественных доказательств и выяснения обстановки происшествия и иных обстоятельств, которые имеют значение для дела, дознаватель, следователь или суд производят осмотр. В данном случае речь идет о судье, который в силу положений ст. 135 УПК РУ также может производить осмотр места происшествия.

Согласимся с мнением Е. П. Ищенко, который к основным задачам осмотра места происшествия относит «положения, отражающие необходимость:

- обнаружить следы и другие вещественных доказательств, а также исследовать их;
- выявить особенности обстановки;
- зафиксировать все обстоятельства, которые были обнаружены при осмотре, имеющие значение для дела;
- выдвинуть версии о фактических обстоятельствах дела, а также его участниках и проверить данные версии;
- установить определенный круг данных в целях выявления новых источников доказательств, а также для целей дальнейшего производства розыскных действий;
- выявить признаки, которые могли бы указывать на мотивы либо цели совершения преступного деяния» [3, с. 786].

Решение вышеуказанных задач при этом имеет определенную конечную цель, а именно – установление обстоятельств, которые составят предмет доказывания, в частности которые помогут установить состав преступления в изучаемом событии (рис. 1) [3, с. 288].

Важно отметить, что осмотр может быть подразделен на виды, как например, первоначальный, т. е. прово-

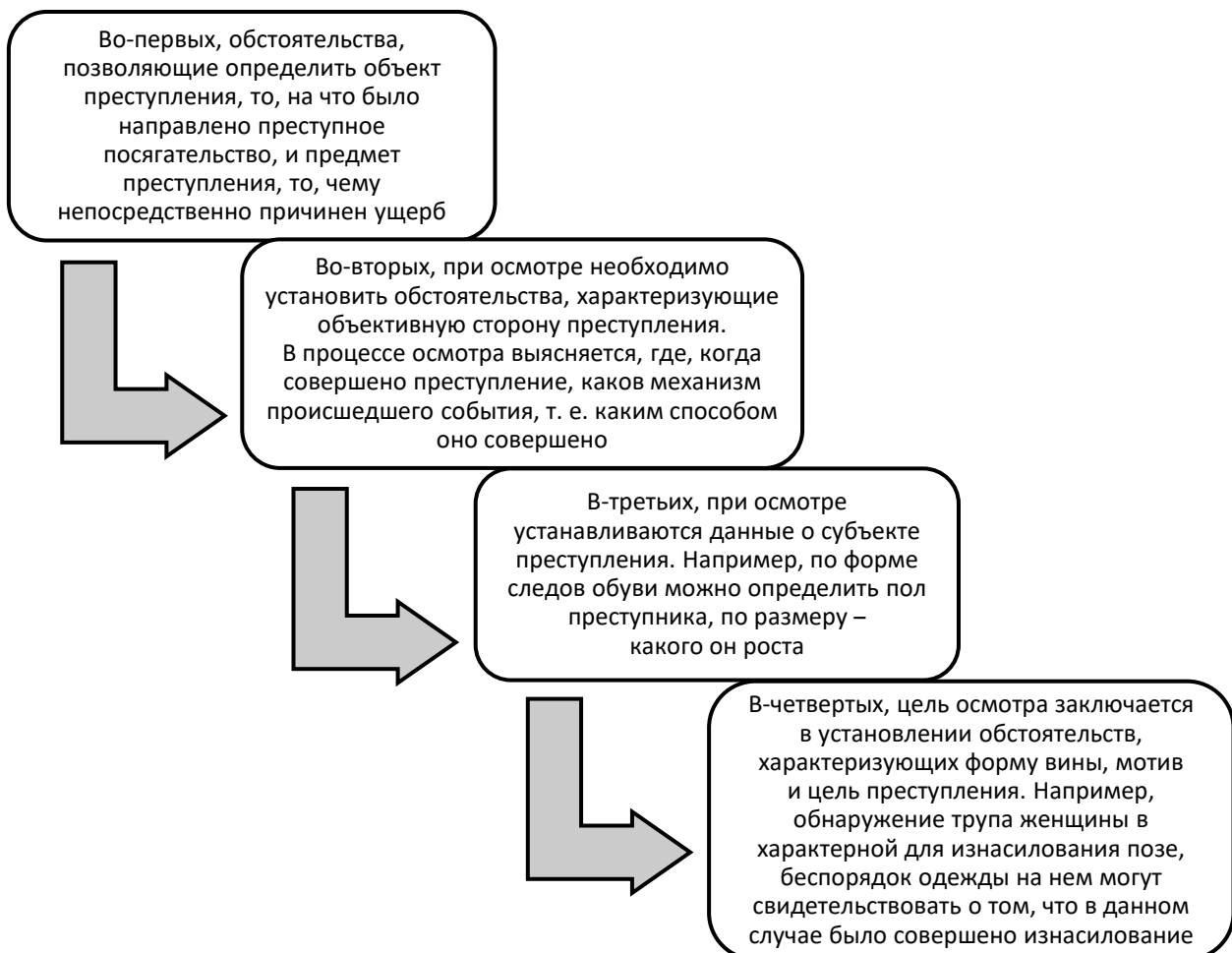

Рис. 1. Обстоятельства, подлежащие выяснению при осмотре места происшествия

димый впервые, а также повторный и дополнительный осмотры.

Дополнительный осмотр может быть проведен в случае, когда при первоначальном осмотре было что-то упущено, либо были недостаточно изучены какие-либо обстоятельства.

Повторный же осмотр осуществляется тогда, когда первоначальный осмотр проведен не квалифицированно либо с нарушением установленных требований.

При этом в ходе дополнительного или повторного осмотров восполнить то, что было упущено при производстве первоначального осмотра, весьма затруднительно [5, с. 190].

Интересна норма ст. 207 УПК РТ «Проверка показаний на месте происшествия», прежде всего, тем, что ее положения в чем-то регламентируют порядок произ-

водства повторного осмотра места происшествия, так как исходя из названия самой статьи можно предположить, что проверяются показания исключительно связанные с данными о месте происшествия. В частности, ч. 1 ст. 207 УПК РТ гласит, что показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля могут быть проверены либо уточнены на месте, связанном с расследуемым событием, в целях установления новых фактических данных, указания маршрута и мест, где были совершены проверяемые действия, а также для выявления достоверности показаний пути их сопоставления с обстановкой события. В свою очередь, и ч. 2 ст. 207 УПК РТ также связывает проверку показаний именно с местом происшествия и декларирует следующее: производство проверки показаний на месте может состоять в том, что лицо, давшее показание:

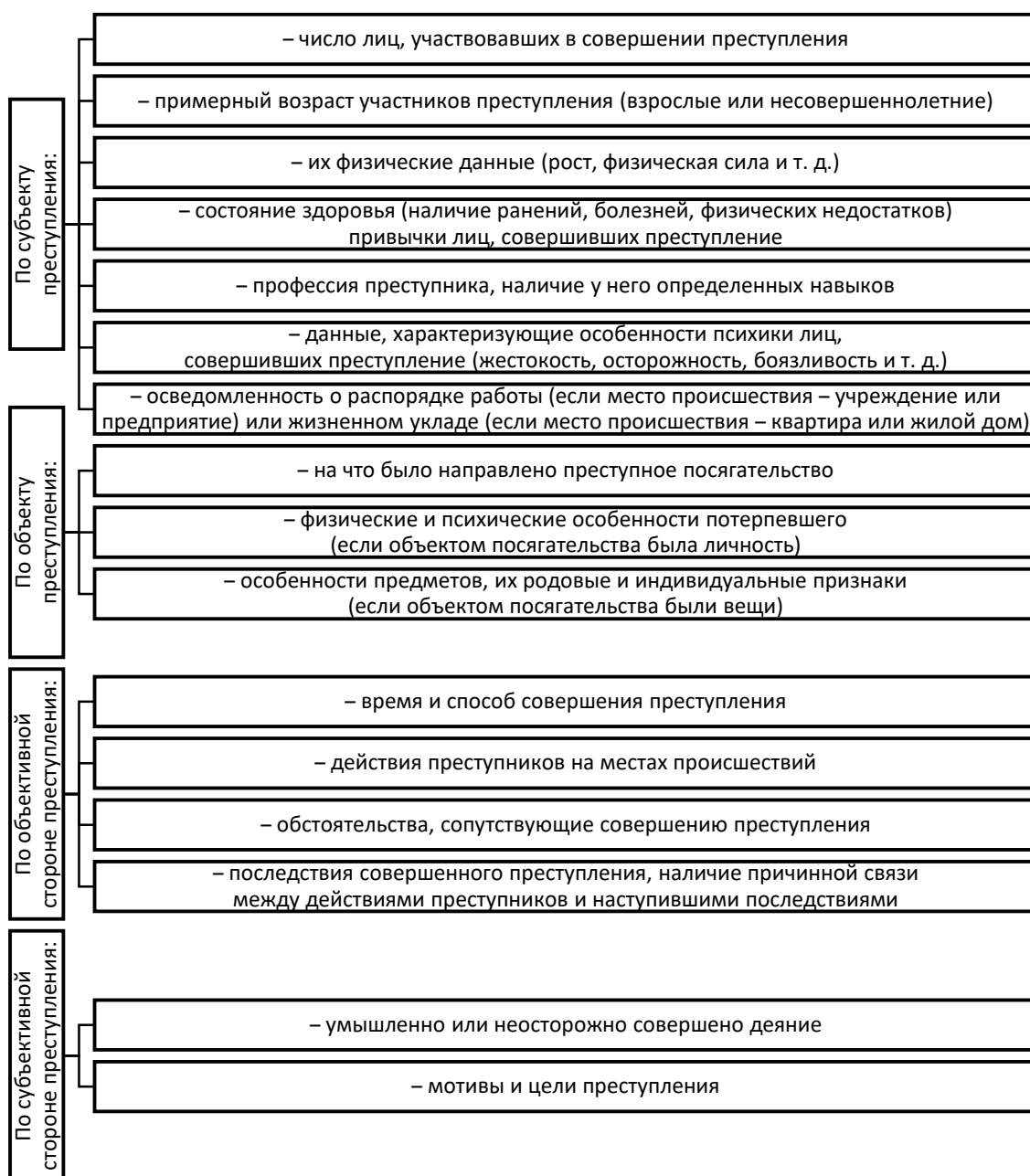

Рис. 2. Перечень обстоятельств, устанавливаемых по результатам осмотра места происшествия

- должно воспроизвести обстановку и обстоятельства исследуемого события на месте;
- должно отыскать и указать на предметы, имеющие значение для дела, а также документы, следы и прочее;
- демонстрирует определенный набор действий;
- обосновывает, какую роль в изучаемом событии играли различные предметы;
- акцентирует внимание на различные изменения, произошедшие в обстановке места события;
- должно уточнить и конкретизировать свои прежние показания.

В связи с чем, более логичной и последовательной представляется позиция российского законодателя в указанном вопросе. Так, действующее российское уголовно-процессуальное законодательство содержит аналогичную норму в ст. 194 УПК РФ [1, с. 231].

Однако, более расширительное ее понимание позволяет сказать о том, что проверка показаний как следственное действие связано не только с местом происшествия, но другими объектами внешнего мира, связанные с совершенным преступлением (местом хранения или сбыта похищенного имущества, местом где скрывались преступники до момента их задержания).

Учитывая изложенное, предлагаем изменить название ст. 207 УПК РТ, исключив слова «на месте происшествия». Предлагаемое по аналогии со ст. 194 УПК РФ название ст. 207 УПК РТ «Проверка показаний» позволит более расширительном понимании подходить к существу данного следственного действия, и проверять показания, как непосредственно связанные с местом происшествия, так и более удаленные от него, но тем не менее имеющие важное доказательственное значение.

При проведении осмотра может быть установлен определенный перечень обстоятельств (рис. 2).

Также при осмотре, возможно, установить обстоятельства, способствовавшие совершению уголовно наказуемого деяния.

Условия, отражающие результативность решения задач осмотра, при этом находятся в прямой взаимосвязи с его принципами, к которым относятся: законность, полнота, планомерность, своевременность, всесторонность и объективность, а также активность и единое руководство осмотром, применение необходимых специальных технических приспособлений.

Проведение осмотра места происшествия в российском законодательстве и уголовно-процессуальных законах рассматриваемых государств (Узбекистан, Азербайджан, Таджикистан) подразумевает под собой, неотложное следственное действие, характеризующееся целью и рядом взаимосвязанных задач (обнаружить следы и другие вещественных доказательства [2, с. 67], а также исследовать их; выявить особенности обстановки; зафиксировать все обстоятельства, которые были обнаружены при осмотре, имеющие значение для дела; выдвинуть версии о фактических обстоятельствах дела, а также его участниках и проверить

данные версии; установить определенный круг данных в целях выявления новых источников доказательств, а также для целей дальнейшего производства розыскных действий; выявить признаки, которые могли бы указывать на мотивы либо цели совершения преступного деяния).

Подытоживая, логичным видится сделать следующие обоснованные константы в части производства осмотра места происшествия применительно к изучаемым уголовно-процессуальным законам России и рассматриваемых государств (Узбекистан, Азербайджан, Таджикистан):

- место происшествия может быть определено как общее понятие, используемое для обозначения места, в котором произошло событие, имеющее криминалистическое значение;

- в рамках расследования уголовного одного дела при этом может быть исследовано несколько мест происшествий, причем в каждом случае составляется отдельный протокол;

- в ряде случаев наблюдается совпадение места происшествия и места преступления, однако на момент начала расследования точно неизвестно, является ли это место происшествия местом преступлением;

- осмотр места происшествия может быть произведен на любой стадии уголовного судопроизводства;

- проведенное следственное действие находит свое отражение в протоколе, который выступает по уголовному делу доказательством в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ, ст. 182 УПК РТ, ст. 124.2.4. УПК АР и ст. 81 УПК РУ. Кроме того, объекты, которые были изъяты в ходе осуществления осмотра на месте происшествия, могут быть признаны затем вещественными доказательствами, используемыми в доказывании обстоятельств по уголовному делу.

В качестве основных принципов осмотра места происшествия, как в России, так и в Республике Таджикистан, Азербайджанской Республике, Республике Узбекистан выступают: своевременность, законность, планомерность, полнота, всесторонность, объективность, а также единое руководство, активность, совместно с применением различных специальных технических приспособлений.

Положения уголовно-процессуальных законодательств всех вышеуказанных стран предусматривают возможность осуществления данного следственного действия еще до возбуждения уголовного дела, что отражает неотложный характер осмотра и придает ему особое значение в деятельности по установлению всех обстоятельств расследуемого преступления в целях принятия единого верного процессуального решения.

В заключении можно сделать обоснованный вывод том, что нормы, регулирующие порядок осуществления осмотра в России и в Республиках Таджикистан, Азербайджан и Узбекистан по своему существу схожи и не имеют существенных отличий. Это говорит о том, что эволюция уголовно-процессуального закона в этих

странах имеет общие корни и дальнейшие аналогичные векторы своего развития с уголовно-процессуальным законом России.

Список источников

1. Безлепкина Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд. М. : Проспект, 2023.
2. Григорян Т. А. Собирающие, проверка и оценка вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025.
3. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : научно-практическое пособие. 2010.
4. Криминалистика в вопросах и ответах : учебное пособие / Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. 2014.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов и др. ; отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2014.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Утвержден Законом Азербайджанской Республики 14 июля 2000 г. № 907-IQ // URL: <http://www.zakon.kz/>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с последующими изменениями и дополнениями) // URL: <http://www.zakon.kz/>
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Утвержден Законом Республики Узбеки-

стан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с последующими изменениями и дополнениями) // URL: <http://www.zakon.kz/>

References

1. Bezlepkin B. T. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). 16th ed. M. : Prospect, 2023.
2. Grigoryan T. A. Collection, verification and evaluation of material evidence in pre-trial proceedings in criminal cases : dis. ... cand. of legal sciences. M., 2025.
3. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. Forensic science : scientific and practical manual. 2010.
4. Forensic science in questions and answers : study guide / N. P. Yablokov. 3rd ed., revised. 2014.
5. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) / O. N. Vedernikova, S. A. Vorozhtsov, V. A. Davydov et al. ; editor-in-chief V. M. Lebedev ; head of the author's team V. A. Davydov. M. : NORMA, INFRA-M, 2014.
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (with subsequent amendments and additions) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (Part 1). Art. 4921.
7. Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan. Approved by the Law of the Republic of Azerbaijan on July 14, 2000 № 907-IQ // URL: <http://www.zakon.kz/>
8. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of December 3, 2009 (with subsequent amendments and additions) // URL: <http://www.zakon.kz/>
9. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. Approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 № 2013-XII (with subsequent amendments and additions) // URL: <http://www.zakon.kz/>

Информация об авторах

Д. А. Иванов – профессор кафедры прикладного правоведения и междисциплинарных юридических исследований Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор;

В. Д. Потапов – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Блинова – доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. A. Ivanov – Professor of the Department of Applied Law and Interdisciplinary Legal Studies of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Legal Sciences, Professor;

V. D. Potapov – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. V. Blinova – Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/kegfkx>

ИИОН: 2015-0066-1/26-380

MOSURED: 77/27-011-2026-01-579

Правовое обеспечение финансовой устойчивости муниципальных медицинских учреждений

Ашот Владимирович Камалян

Международный научно-исследовательский центр судебной экспертизы и исследований, Москва, Россия,
9262465066@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0004-6139-0898>,

SPIN-код: 7603-6169, Web of Science: OKR-5851-2025,

Author ID: 30305933, Google Scholar Citations ID-eqi-53YAAAAJ

Аннотация. Статья раскрывает правовые механизмы, формирующие финансовую устойчивость муниципальных медицинских учреждений, включая бюджетное регулирование, тарифное обеспечение и нормативное планирование. Показано, что сочетание норм бюджетного законодательства, обязательного медицинского страхования и требований к внутреннему контролю создает предсказуемую финансовую среду, обеспечивающую стабильность выполнения муниципального задания. Установлено, что согласованность правовых инструментов позволяет минимизировать финансовые риски и поддерживать устойчивость учреждений в условиях ограниченных ресурсов.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, муниципальные медицинские учреждения, бюджетное регулирование, обязательное медицинское страхование, тарифное обеспечение, муниципальное задание, нормативные затраты, внутренний финансовый контроль, правовое регулирование, межбюджетные трансферты, платная деятельность, имущественные отношения

Для цитирования: Камалян А. В. Правовое обеспечение финансовой устойчивости муниципальных медицинских учреждений // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 54–58. EDN: KEGFKX.

Original article

Legal framework for ensuring the financial stability of municipal medical institutions

Ashot V. Kamalyan

International Scientific Research Center for Forensic Examination and Research, Moscow, Russia,
9262465066@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0004-6139-0898>,

SPIN-код: 7603-6169, Web of Science: OKR-5851-2025,

Author ID: 30305933, Google Scholar Citations ID-eqi-53YAAAAJ

Abstract. The article reveals the legal mechanisms that form the financial stability of municipal medical institutions, including budget regulation, tariff provision and regulatory planning. It is shown that the combination of budget legislation, compulsory medical insurance and internal control requirements creates a predictable financial environment that ensures the stability of the municipal task. It has been established that the consistency of legal instruments makes it possible to minimize financial risks and maintain the stability of institutions in conditions of limited resources.

Keywords: financial stability, municipal medical institutions, budgetary regulation, compulsory medical insurance, tariff provision, municipal task, regulatory costs, internal financial control, legal regulation, inter-budgetary transfers, paid activities, property relations

For citation: Kamalyan A. V. Legal framework for ensuring the financial stability of municipal medical institutions. Bulletin of economic security. 2026;(1):54–8. (In Russ.). EDN: KEGFKX.

Финансовая устойчивость муниципальных медицинских учреждений представляет собой комплексное

состояние, при котором организация обладает стабильными источниками финансирования, возможностью

© Камалян А. В., 2026

исполнения обязательств и достаточным объемом ресурсов для выполнения государственных и муниципальных заданий в сфере охраны здоровья. Это состояние формируется не только благодаря объему поступающих средств, но прежде всего через правовые механизмы, определяющие порядок финансового планирования, расходования, контроля и ответственности. В условиях модернизации системы здравоохранения, растущей нагрузки на первичное звено и необходимости стабильного обеспечения населения медицинской помощью правовые инструменты становятся ключевым фактором, обеспечивающим финансовую устойчивость муниципального сектора здравоохранения [4].

Нормативная база финансового обеспечения муниципальных медицинских учреждений формируется в первую очередь федеральным законодательством. Бюджетный кодекс Российской Федерации закрепляет правовые основы бюджетного процесса, устанавливает особенности межбюджетных отношений и определяет порядок предоставления субсидий на выполнение муниципальных заданий. Нормы Кодекса задают рамки для формирования доходной части бюджетов муниципалитетов, внутри которых осуществляется финансирование муниципальных учреждений здравоохранения. При этом финансовая устойчивость учреждения зависит от корректности составления муниципального задания, надлежащего расчета нормативных затрат, качества планирования закупок и соблюдения правил использования бюджетных средств.

Значительное место в системе правового обеспечения занимает законодательство об обязательном медицинском страховании. Федеральный закон № 326-ФЗ [8] устанавливает порядок формирования средств ОМС, источники покрытия расходов, компетенцию территориальных фондов и медицинских организаций. Финансирование муниципальных учреждений через ОМС представляет собой целевую модель, в которой размер поступлений зависит от количества и структуры оказанной медицинской помощи, а также от тарифных решений субъектов Российской Федерации. Следовательно, устойчивость учреждения формируется в условиях нормативно определенной тарифной политики, единых требований к объему и качеству медицинских услуг и установленного порядка расчетов между фондами и медицинскими организациями.

Существенную роль играет правовое регулирование статуса самих муниципальных учреждений. Федеральный закон № 7-ФЗ [7] закрепляет правовые основы функционирования государственных и муниципальных учреждений, определяет их имущественные права, ответственность и механизм финансового обеспечения. Для медицинских организаций особое значение имеет порядок формирования муниципального задания, которым устанавливаются показатели результативности, объемы работы и финансовые нормативы. От грамотности нормативного расчета зависит способность учреждения покрывать расходы на заработную плату, комму-

нальные услуги, приобретение расходных материалов и выполнение иных обязательств. Ошибки в расчетах, отсутствие учета фактической нагрузки или неправильное распределение затрат приводит к дефициту средств, что прямо влияет на финансовую устойчивость.

Нормативное установление внутреннего контроля усиливает способность учреждения управлять рисками. Федеральный закон № 402-ФЗ [6] определяет обязанности организаций по ведению бухгалтерского учета и формированию достоверной финансовой отчетности. Для муниципальных медицинских организаций эти обязанности дополняются внутренними актами муниципальных органов и отраслевыми требованиями Минздрава России, в том числе обязательностью раздельного учета поступлений ОМС, субсидий, платных услуг и иных источников. Раздельный учет исключает риски неправомерного использования целевых средств и позволяет формировать корректную картину финансового состояния учреждения, что укрепляет его устойчивость.

Механизмы правового регулирования закупочной деятельности также оказывают прямое влияние на финансовую устойчивость. Федеральный закон № 44-ФЗ устанавливает обязательный порядок заключения контрактов, планирования закупок, определения поставщиков и проведения контроля. Для муниципальных учреждений здравоохранения закупки являются значимой статьей расходов, включая приобретение медикаментов, изделий медицинского назначения, оборудования и услуг по обслуживанию инфраструктуры. Несоблюдение требований закона влечет риски признания закупок недействительными или необоснованными, что приводит к финансовым потерям, штрафам и нарушению стабильности учреждения. Эффективное применение норм 44-ФЗ позволяет экономить средства, обеспечивает предсказуемость финансовых потоков, снижает вероятность нецелевых расходов и повышает финансовую устойчивость [5].

Важно учитывать правовые нормы, определяющие ответственность руководителей муниципальных медицинских учреждений за нарушение бюджетного законодательства. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях включает нормы, устанавливающие административную ответственность за нецелевое использование средств, нарушение правил составления отчетности, искажение бухгалтерских данных и нарушение порядка закупок. Наличие установленных санкций выполняет превентивную функцию, стимулируя соблюдение требований законодательства, укрепляя финансовую дисциплину и, соответственно, устойчивость учреждения.

Система межбюджетных трансфертов является структурообразующим механизмом финансовой устойчивости муниципальных медицинских организаций. Средства, поступающие из бюджетов субъектов Федерации, компенсируют муниципалитетам затраты на выполнение государственных полномочий и обеспечивают

возможность поддержания учреждений в условиях дефицита собственных средств. Порядок предоставления таких трансфертов жестко определен нормативными актами субъектов Российской Федерации, где закрепляются условия их получения, цели расходования и требования к отчетности. Правильное выполнение этих требований позволяет учреждениям формировать прогнозируемую доходную базу и снижает риски финансовой нестабильности.

Стабильность финансирования зависит также от правового регулирования платной деятельности муниципальных медицинских организаций. Конституция Российской Федерации допускает оказание платных медицинских услуг при сохранении гарантированного объема бесплатной помощи. Федеральные законы и подзаконные акты определяют порядок оказания таких услуг, требования к ценообразованию и разделению учета. Правильная организация платной деятельности позволяет формировать дополнительный источник доходов, что повышает финансовую устойчивость учреждения без ущерба для предоставления бесплатной медицинской помощи.

Правовое регулирование тарифного обеспечения в системе ОМС формирует основу финансовых поступлений муниципальных учреждений. Тарифные решения субъектов Федерации принимаются на основании нормативных актов, определяющих расчет стоимости медицинских услуг, структуру тарифа, перечень включенных затрат и особенности оплаты специализированной помощи. От корректности тарифных решений зависит соотношение доходов и расходов учреждения, возможность покрытия затрат на оплату труда медицинских работников и обеспечение медикаментами. Если тарифы не учитывают реальную себестоимость медицинской помощи, учреждение сталкивается с хроническим дефицитом средств, что негативно отражается на финансовой устойчивости. Поэтому нормативное обеспечение тарифного процесса играет ключевую роль в формировании устойчивой модели финансирования муниципального сектора [2].

Важным элементом правового обеспечения является регулирование норм по охране труда, санитарным требованиям и стандартам оснащения медицинских организаций. Эти нормы устанавливают обязательный минимум материальных и кадровых ресурсов, которые учреждение должно иметь для выполнения своих функций. Соблюдение установленных стандартов требует расходов, которые должны быть обеспечены финансовыми механизмами, предусмотренными законодательством. При нехватке средств выполнение требований становится затруднительным, что может повлечь ответственность руководителя. Соответственно, финансовая устойчивость невозможна вне правовой базы, определяющей обязательные затраты учреждения.

Формирование системы внутреннего финансового контроля также прямо связано с правовыми норма-

ми. Учреждение обязано выстраивать структуру отчетности, обеспечивающую проверку расходования средств, анализ финансовых операций и выявление нарушений. Такой контроль создает условия для предотвращения финансовых рисков и укрепления дисциплины. Нормативное закрепление внутреннего контроля в сочетании с внешним контролем со стороны муниципальных органов управления создает комплексный механизм поддержания финансовой устойчивости учреждения.

Правовое обеспечение финансового планирования играет фундаментальную роль. Муниципальные медицинские организации обязаны ежегодно формировать планы финансово-хозяйственной деятельности, отражающие прогнозируемые доходы и расходы. Эти документы составляются в соответствии с установленными требованиями, учитывающими муниципальное задание, нормативы финансовых затрат, тарифы ОМС и предстоящие обязательства учреждения. Чем точнее составлен план, тем выше вероятность устойчивого финансового результата. Неполнота финансового планирования приводит к кассовым разрывам, задолженности и снижению качества медицинской помощи.

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование имущественных отношений муниципальных медицинских учреждений. Рассматриваются вопросы владения, пользования и распоряжения имуществом, включая недвижимость, оборудование и материальные ценности. Установленный законом порядок распоряжения имуществом исключает его отчуждение без согласия собственника, что защищает материальную базу учреждения. В то же время необходимость поддержания имущества в работоспособном состоянии требует значительных финансовых ресурсов, которые должны быть предусмотрены в нормативных механизмах финансирования.

Серьезное влияние на финансовую устойчивость оказывает правовое регулирование вопросов оплаты труда медицинских работников. Трудовой кодекс Российской Федерации, нормативные акты Минздрава и региональные документы устанавливают систему оплаты труда, включающую базовые ставки, компенсационные и стимулирующие выплаты. Поскольку фонд оплаты труда является крупнейшей статьей расходов учреждения, то нормативное регулирование этой сферы напрямую отражается на его финансовом положении. Исполнение нормативов оплаты труда требует стабильных источников финансирования, закрепленных в правовой системе.

Правовое обеспечение качества медицинской помощи также оказывает воздействие на устойчивость финансирования. Порядки оказания медицинской помощи определяют обязательность выполнения ряда требований, включая объем диагностических мероприятий, оснащенность, нормативы времени приема и стандарты лечения. Несоблюдение таких требований ведет к снижению оплаты услуг или к необходимости проведения

внеплановых мероприятий, что создает дополнительную финансовую нагрузку. Следовательно, нормативное обеспечение качества медицинской помощи влияет на финансовый результат учреждения [3].

Финансовая устойчивость зависит от правового регулирования отраслевой отчетности. Медицинские учреждения обязаны предоставлять отчеты о результатах деятельности, объемах оказанных услуг, финансовых операциях, использовании субсидий и исполнении муниципального задания. Наличие обязательной отчетности обеспечивает прозрачность деятельности и позволяет муниципальным органам контролировать эффективность расходования средств. Это снижает риски финансовых нарушений и способствует укреплению устойчивости.

Дополнительную роль выполняет нормативное регулирование взаимодействия муниципальных учреждений с органами власти. Муниципальные образования определяют приоритеты финансирования здравоохранения, утверждают муниципальные программы и принимают решения о предоставлении субсидий. Соответствие деятельности учреждения целям муниципальных программ обеспечивает возможность получения дополнительных средств и выполнения государственных полномочий. Это формирует устойчивую модель финансирования, основанную на нормативно определенных целях.

Юридические механизмы финансовой устойчивости предполагают наличие предсказуемой системы планирования, строгий контроль, нормативное определение затрат и прозрачность операций. В этой модели правовое обеспечение выступает не как формальная рамка, а как основа для формирования устойчивого финансово-экономического состояния муниципального медицинского учреждения. Совокупность норм федерального, регионального и муниципального уровня образует функциональную структуру, которая позволяет учреждению сохранять стабильность даже в условиях ограниченных ресурсов, обеспечивая выполнение государственных обязательств по охране здоровья граждан.

Правовое обеспечение финансовой устойчивости муниципальных медицинских учреждений представляет собой многоуровневую систему, включающую бюджетное регулирование, законодательство об ОМС, правовой статус учреждения, нормы закупочной деятельности, требования к финансовой отчетности, внутреннему контролю, управлению имуществом и оплате труда. Согласованность этих элементов обеспечивает устойчивость и предсказуемость деятельности учреждения. Финансовая стабильность муниципальной медицинской организации во многом зависит от того, насколько последовательно и полно реализуются предусмотренные законодательством механизмы, позволяющие формировать стабильную доходную базу, оптимально расходовать средства и предотвращать финансовые риски.

Завершая анализ, необходимо подчеркнуть, что правовое обеспечение не является статичной систе-

мой. Оно развивается в соответствии с изменениями в государственном управлении, бюджетной политике, нормативами ОМС и приоритетами здравоохранения. Для муниципальных медицинских учреждений это означает необходимость постоянного адаптационного процесса, направленного на корректное исполнение требований законодательства и поддержание финансовой устойчивости в долгосрочной перспективе. Именно сочетание нормативной определенности, дисциплины использования средств и прозрачности финансовых процессов позволяет муниципальному учреждению сохранить устойчивость и эффективно выполнять свою роль в системе охраны здоровья населения Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бизин С. В. Реализация государственной политики в сфере здравоохранения, как фактор повышения качества жизни населения (региональный аспект) // Теоретическая и прикладная экономика. 2024. № 1. С. 1–27.
3. Забралова О. С. Социальная направленность публичной финансовой деятельности как принцип финансового права // Lex russica. 2022. № 9 (190). С. 46–54.
4. Кабыркина И. Н. Финансовый механизм медицинских организаций // Поиск (Волгоград). 2021. № 1. С. 171–174.
5. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О бухгалтерском учете» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. Bizin S. V. Implementation of state policy in the field of healthcare as a factor in improving the quality of life

of the population (regional aspect) // Theoretical and applied economics. 2024. № 1. P. 1–27.

3. Zabralkova O. S. The social orientation of public financial activity as a principle of financial law // Lex russica. 2022. № 9 (190). P. 46–54.

4. Kabyrkina I. N. The financial mechanism of medical organizations // Search (Volgograd). 2021. № 1. P. 171–174.

5. Federal Law № 44-FZ of April 5, 2013 (as amended on December 26, 2024) «On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state

and municipal needs» (as amended and supplemented, int. effective from 01.07.2025) // LRS «ConsultantPlus».

6. Federal Law № 402-FZ of December 6, 2011 (as amended on 26.12.2024) «On accounting» // LRS «ConsultantPlus».

7. Federal Law № 7-FZ of January 12, 1996 (as amended on 31.07.2025) «On non-profit organizations» // LRS «ConsultantPlus».

8. Federal Law № 326-FZ of November 29, 2010 (as amended on 28.11.2025) «On compulsory medical insurance in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Камалян — старший научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра судебной экспертизы и исследований, кандидат медицинских наук.

Information about the author

A. V. Kamalyan — Senior Researcher of the International Scientific Research Center for Forensic Examination and Research, Candidate of Medical Sciences.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Угрозы экономической безопасности и их предупреждение. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под. ред. В. В. Криворотова, Н. Д. Эриашвили. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические и методологические подходы к формированию понятия и основ исследования региональной экономической безопасности.

Определены и проанализированы основные угрозы региональной экономической безопасности России; обоснованы проявления угроз экономике регионов на различных этапах реформирования российской экономики, а также в современный период ее развития. Рассмотрены научные подходы к формированию индикаторов региональной экономической безопасности и их интерпретации; представлена комплексная методика оценки состояния угроз региональной экономической безопасности и приведены результаты диагностики экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»), а также другим специальностям экономики и управления. Может быть рекомендовано специалистам органов государственной власти, регионального и местного управления, решающим вопросы управления экономикой и проблемы экономического развития территорий.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/sdldmd>

НИОН: 2015-0066-1/26-381

MOSURED: 77/27-011-2026-01-580

К вопросу о методологии исследования запрета в административно-деликтном праве

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке комплексной методологии исследования категории запрета в административно-деликтном праве. Анализируется двойственная (материально-процессуальная) природа административного запрета, его регулятивно-охранительные функции и сущностные характеристики. Авторами критикуется ограниченность традиционного догматического подхода, и обосновывается необходимость применения междисциплинарной методологической матрицы, интегрирующей структурно-догматический, функционально-экономический, социоправовой и ценностно-конституционный уровни анализа. Предложенная модель проиллюстрирована на примере кейс-стади состава незаконного предпринимательства. Результатом исследования является целостный методологический конструкт, позволяющий проводить комплексную экспертизу эффективности, легитимности и конституционности административных запретов.

Ключевые слова: административное правонарушение, правовая природа запрета, методология юридических исследований, принцип соразмерности, оценка регулирующего воздействия, сравнительное правоведение, состав правонарушения

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. К вопросу о методологии исследования запрета в административно-деликтном праве // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 59–63. EDN: SDLDMD.

Original article

On the methodology of research on prohibition in administrative and tort law

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the development of a comprehensive methodology for studying the category of prohibition in administrative and tort law. The article analyzes the dual (material and procedural) nature of administrative prohibition, its regulatory and protective functions, and its essential characteristics. The authors criticize the limitations of the traditional dogmatic approach and substantiates the need for an interdisciplinary methodological framework that integrates structural-dogmatic, functional-economic, socio-legal, and value-constitutional levels of analysis. The proposed model is illustrated using a case study of illegal entrepreneurship. The research results in a holistic methodological construct that allows for a comprehensive examination of the effectiveness, legitimacy, and constitutionality of administrative prohibitions.

Keywords: administrative offense, the legal nature of the prohibition, methodology of legal research, the principle of proportionality, assessment of regulatory impact, comparative jurisprudence, the composition of the offense

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. On the methodology of research on prohibition in administrative and tort law. Bulletin of economic security. 2026;(1):59–63. (In Russ.). EDN: SDLDMD.

Категория запрета составляет смысловое ядро административно-деликтного права, определяя границы правомерного поведения в публично-правовой сфере. Однако в отечественной науке наблюдается методоло-

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2026

гический разрыв между признанием фундаментальной роли этого института и отсутствием целостного инструментария его исследования [1, с. 45]. Доминирующий нормативистский подход, сосредоточенный на догматическом анализе составов правонарушений, оставляет без ответа ключевые вопросы о социальном генезисе, функциональной эффективности и аксиологической обоснованности конкретных запретов.

Данная статья ставит целью преодолеть эту ограниченность через последовательное решение трех задач: 1) раскрытие правовой природы административного запрета как методологической основы; 2) критику односторонности существующих подходов; 3) разработку многоуровневой аналитической матрицы, синтезирующей достижения догматической юриспруденции, сравнительного правоведения, экономического анализа права и юридической социологии.

Говоря правовой природе административного запрета необходимо отразить следующие его сущностные характеристики:

1. Двойственность природы. Административный запрет существует в двух взаимосвязанных измерениях. В *материально-правовом* аспекте он представляет собой абстрактную модель противоправного поведения, конструируемую через состав правонарушения и охраняющую публичный интерес [2, с. 112]. В *процессуальном* аспекте запрет обретает конкретную форму в рамках производства по делу, трансформируясь в индивидуализированное обвинение, требующее доказывания. Эта дуальность предопределяет необходимость исследования как статистики нормы, так и динамики ее применения.

2. Функциональная специфика. Запрет выполняет комплекс взаимосвязанных функций:

- *охранительную* – защиту общественных отношений в сферах управления, порядка, безопасности;
- *превентивную* – формирование моделей правомерного поведения через угрозу санкции;
- *регулятивную* – определение границ допустимой активности субъектов в публичной сфере [3, с. 203].

3. Формализация и дискреционность. Императивный характер запрета сочетается с его формализованным выражением через признаки состава правонарушения, что служит гарантией от произвола. Однако наличие бланкетных диспозиций и оценочных понятий («явное неуважение к обществу», «существенный вред») создает пространство для дискреционных решений правоприменителя [7, с. 134]. Эта ситуативная гибкость требует изучения паттернов правоприменения и механизмов контроля за усмотрением.

4. Социально-экономический контекст. Природа запрета производна от социально признаваемых норм и ценностей. Одновременно он обладает экономической размерностью, создавая издержки для государства (контроль, надзор) и регулируемых субъектов (compliance-затраты). Запрет также выполняет символическую функцию, обозначая приоритеты государственной политики [8, с. 211].

Господствующий догматический метод, восходящий к работам А. П. Алехина и Д. Н. Бахраха, обеспечивает системность знаний о структуре состава правонарушения [9, с. 67], но обнаруживает принципиальные недостатки при исследовании запрета как комплексного явления:

- игнорирование генезиса и целеполагания норм;
- отсутствие инструментов оценки фактической эффективности;
- внеисторичность и внеконтекстуальность анализа;
- пренебрежение правоприменительной практикой как источником содержания запрета [10, с. 98].

Эти ограничения делают необходимой методологическую экспансию с привлечением подходов смежных дисциплин и зарубежного опыта.

Проблема разграничения уголовно-правовых и административно-правовых запретов представляет собой один из наиболее сложных и практически значимых вопросов российской правовой системы. Множество составов правонарушений существуют в форме «смежных» или «родственных» норм, где административное правонарушение (АПН) и преступление различаются лишь степенью общественной опасности, выраженной в квалифицирующих признаках. Этот пограничный характер требует разработки специального методологического аппарата для их анализа, что непосредственно влияет на правоприменительную практику и гарантии прав граждан.

Уголовно-правовой и административно-деликтный запрет имеют единую социальную природу: оба являются средствами публично-правового принуждения, направленными на охрану общественных отношений от посягательств. Они основаны на государственном монопольном праве определять границы дозволенного поведения и применять санкции за их нарушение.

Однако их различие имеет принципиальный характер и закреплено в ст. 1.2 КоАП РФ и ст. 2 УК РФ. Критерий разграничения – степень общественной опасности деяния. Преступление предполагает более высокий уровень вреда (либо угрозы вреда) охраняемым ценностям. На практике это различие выражается через систему квалифицирующих признаков, которые законодатель встраивает в составы:

- количественные критерии: размер ущерба (при хищении), концентрация алкоголя в крови, повторность нарушения;
- качественные критерии: способ совершения деяния (с применением насилия), наступление тяжких последствий, характеристика субъекта (использование служебного положения);
- формальные критерии: сам факт наличия или отсутствия судимости за аналогичное деяние.

Таким образом, административно-деликтный запрет часто представляет собой «базовую модель» противоправности, которая при наступлении дополнительных обстоятельств (квалифицирующих признаков) «перерастает» в уголовно-правовой запрет. Это создает ситу-

ацию пограничных (маргинальных) составов, где грань между проступком и преступлением может быть тонкой и оценочной.

Далее перейдем к анализу проблемных аспектов взаимосвязи уголовно-правовых и административно-деликтных запретов и их влияние на методологию исследования. Наиболее ярким проявлением такой связи является институт административной преюдиции (ч. 2 ст. 4.6 КоАП РФ, ст. 15.1, 20.1 и др. УК РФ), когда совершение административного правонарушения при определенных условиях (например, в течение срока, когда лицо считается подвергнутым наказанию) само становится признаком состава преступления. Это создает уникальную методологическую задачу: исследование запрета должно учитывать его **двойной правовой режим** – как самостоятельное АПН и как этап, ведущий к уголовной ответственности. Анализ эффективности такого запрета требует оценки не только прямых последствий (штрафы по КоАП), но и опосредованных – его роли в криминализации поведения.

Кроме того, существует проблема единого социального явления, регулируемого на двух уровнях. Многие социально вредные явления (например, семейно-бытовое насилие, нарушения в сфере дорожного движения, экономические правонарушения) регулируются одновременно и административным, и уголовным законодательством. Исследование запрета, таким образом, должно носить **комплексный отраслевой характер**. Нельзя полноценно изучать административный запрет на управление в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ) без анализа его связи с уголовным запретом (ст. 264.1 УК РФ), так как они представляют собой единую систему государственного реагирования на одно социальное зло. Методологическая матрица, предложенная ранее, должна быть дополнена **сравнительно-отраслевым уровнем**, сопоставляющим санкции, процедуры, цели и правовые последствия двух видов запретов в отношении одного типа поведения.

Также необходимо отметить проблему оценочных границ и правовой определенности. Разграничение по степени общественной опасности во многих случаях отдано на усмотрение правоприменителя. Когда административный состав (например, мелкое хулиганство) и уголовный состав (хулиганство) различаются по признаку «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия», возникает вопрос квалификации предмета. Эта субъективизация границы повышает риски произвольного применения более строгого запрета. Следовательно, методология исследования должна включать критический анализ оценочных понятий на стыке КоАП и УК, изучая, как судебная практика формирует объективизированные критерии для их разграничения.

Кроме того, есть проблема «перетекания» дел и процессуальных злоупотреблений. Существование смежных составов создает риск использования административного запрета как инструмента давления или как «запасного варианта» при неудавшемся уголовном преследовании.

Методология должна учитывать процессуальный аспект взаимосвязи: как органы расследования и суды решают вопрос о переквалификации деяния с уголовного на административное и наоборот, какие факторы влияют на это решение помимо формальных признаков состава.

Учет уголовно-правового контекста приводит к следующим уточнениям методологии:

1. Контекстуальный анализ состава. При догматическом исследовании административного запрета (Уровень I матрицы) необходимо проводить систематическое сравнение с родственными уголовными нормами. Это позволяет выявить не только формальные различия, но и потенциальные законодательные пробелы или коллизии.

2. Расширение функционального анализа. При оценке эффективности административного запрета (Уровень II матрицы) требуется моделирование его влияния на динамику смежных уголовных преступлений. Эффективный административный запрет должен выполнять функцию «раннего реагирования», предотвращая эскалацию правонарушения до уровня преступления.

3. Углубление социоправового исследования. Изучение правосознания и латентности (Уровень III матрицы) должно учитывать, как население воспринимает риск «перехода черты» от проступка к преступлению. Нарушают ли граждане административный запрет, рассчитывая остаться в зоне меньшей ответственности, или же сам факт существования уголовной нормы усиливает превентивный эффект административной?

На основе анализа природы запрета предлагается четырехуровневая аналитическая матрица, связывающая аспекты исследуемого феномена с конкретными исследовательскими инструментами.

Уровень I. Структурно-догматический анализ («модель опасности»).

Цель: раскрытие формально-юридической конструкции запрета.

Инструментарий: лингвистический и логический анализ текста нормы; системное толкование; изучение судебной практики высших инстанций.

Интеграция опыта: применение германского принципа определенности (*Bestimmtheitsgebot*) для оценки качества законодательной техники [11, с. 155].

Уровень II. Функционально-экономический анализ («инструмент регулирования»).

Цель: оценка эффективности запрета в достижении публичных целей.

Инструментарий: методология оценки регулирующего воздействия (RIA); cost-benefit analysis; поиск альтернативных регулятивных инструментов [12, с. 301].

Интеграция опыта: использование англосаксонского прагматизма, требующего эмпирического обоснования регулятивных решений.

Уровень III. Социоправовой анализ («социальное бытие нормы»).

Цель: изучение взаимодействия запрета с социальной средой.

Инструментарий: анализ статистики; социологические опросы; контент-анализ медиапространства и судебной практики [13, с. 177].

Интеграция опыта: учет идей социологии права о детерминантах правомерного/противоправного поведения.

Уровень IV. Ценностно-конституционный анализ («мера принуждения»).

Цель: проверка запрета на соответствие конституционным принципам.

Инструментарий: трехзвенный тест пропорциональности; сравнительно-правовой анализ; философско-правовая экспертиза [14, с. 88].

Интеграция опыта: применение стандартов ЕСПЧ в оценке необходимости и соразмерности ограничений [15, с. 225].

4. Практическая апробация: кейс-стади ст. 14.1 КоАП РФ.

Применение матрицы к составу незаконного предпринимательства демонстрирует ее эвристический потенциал:

Уровень I: выявляется коллизия между гражданско-правовым понятием «предпринимательская деятельность» и его публично-правовым использованием, проблема разграничения систематичности и эпизодичности [16].

Уровень II: анализ показывает ограниченную эффективность запрета в защите потребителей и фискальных целях при высоких административных издержках, обосновывает целесообразность менее ограничительных альтернатив (специальные налоговые режимы) [17, с. 142].

Уровень III: социологические данные свидетельствуют о низкой легитимности запрета среди самозанятых, высокой латентности и избирательном правоприменении [18, с. 99].

Уровень IV: проверка на пропорциональность выявляет сомнительную необходимость жесткого запрета при наличии менее ограничительных альтернатив и возможную чрезмерность санкций [19, с. 203].

Комплексный анализ позволяет не только описать норму, но и сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию регулятивного режима.

5. Вызовы и перспективы развития методологии.

Внедрение предложенного подхода сталкивается с объективными трудностями:

- междисциплинарные барьеры и дефицит соответствующих компетенций у исследователей-юристов;
- недостаточная развитость системы открытых данных по административным правонарушениям [20, с. 76];
- консерватизм академической и правоприменительной среды;
- риск методологического релятивизма при отсутствии четкой иерархии критериев оценки.

Перспективы развития связаны с формированием междисциплинарных исследовательских коллективов, внедрением цифровых методов анализа данных, операционализацией матрицы для различных отраслевых блоков КоАП РФ.

Таким образом, разработанная методологическая матрица представляет собой целостный аналитический конструкт, позволяющий преодолеть фрагментарность традиционных исследований административного запрета. Синтез догматического, функционально-экономического, социологического и аксиологического подходов обеспечивает возможность комплексной экспертизы, оценивающей одновременно юридическую корректность, социальную эффективность и конституционную обоснованность запретительных норм.

Практическая ценность предложенной методологии заключается в ее применимости для:

- научной критики существующих составов административных правонарушений;
- разработки рекомендаций по оптимизации административно-деликтного законодательства;
- проведения антикоррупционной и регуляторной экспертизы проектов нормативных актов;
- подготовки аналитических материалов для правоприменительной практики.

Дальнейшее развитие этого направления исследований видится в создании специализированных методик для анализа отдельных групп составов и во внедрении предложенных подходов в образовательные программы юридических вузов.

Библиографический список

1. Бахрах Д. Н. Административное право России. М.: Эксмо, 2018. 608 с.
2. Конин Н. М. Административное право России: общая часть. М.: Проспект, 2020. 456 с.
3. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс. М.: Издание Тихомирова М.Ю., 2021. 784 с.
4. Baldwin R., Cave M. Understanding Regulation. Oxford University Press, 2012. 552 p.
5. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России. М.: Зерцало-М, 2019. 752 с.
6. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 560 с.
7. Зубач А. В. Принцип соразмерности ограничения прав в административном праве // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 12–18.
8. Sunstein C. R. Why Nudge? Yale University Press, 2014. 208 p.
9. Стахов А. И. Административная ответственность. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 463 с.
10. Galligan D. J. Discretionary Powers. Oxford: Clarendon Press, 1990. 426 p.
11. Кеник К. В. Административная ответственность юридических лиц в праве Германии и России. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 288 с.

12. Мадьярова А. В. Оценка регулирующего воздействия как инструмент антикоррупционной экспертизы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 105–112.

13. Волков В. В. Социология права. СПб : Юридический центр, 2015. 432 с.

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 874.

15. Judgment of the ECHR in the case «VgT Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland», 2009.

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности, 2014.

17. Радаев В. В. Теневая экономика в России // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 5. С. 134–158.

18. Яницкий О. Н. Социология риска // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 88–115.

19. Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М. : Норма, 2020. 864 с.

20. Баранов П. П., Сальников В. П. Актуальные проблемы административной юстиции // Государство и право. 2019. № 11. С. 70–80.

6. Sorokin V. D. Administrative procedural law. SPb. : Law Center Press, 2008. 560 p.

7. Zubach A. V. The principle of proportionality of limitation of rights in administrative law // Administrative law and process. 2020. № 8. P. 12–18.

8. Sunstein C. R. Why Nudge? Yale University Press, 2014. 208 p.

9. Stakhov A. I. Administrative responsibility. M. : UNITY-DANA, 2017. 463 p.

10. Galligan D. J. Discretionary Powers. Oxford : Clarendon Press, 1990. 426 p.

11. Kenik K. V. Administrative responsibility of legal entities in the law of Germany and Russia. M. : Infotropik Media, 2016. 288 p.

12. Magyarova A. V. Assessment of regulatory impact as a tool of anti-corruption expertise // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2018. № 5. P. 105–112.

13. Volkov V. V. Sociology of Law. SPb. : Law Center, 2015. 432 p.

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 4-P dated February 14, 2013 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 8. Art. 874.

15. Judgment of the ECHR in the case «VgT Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland», 2009.

16. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of administrative offenses in the sphere of entrepreneurial activity, 2014.

17. Radaev V. V. Shadow economy in Russia // Economic sociology. 2016. Vol. 17. № 5. P. 134–158.

18. Yanitskiy O. N. Sociology of risk // The world of Russia. 2017. Vol. 26. № 1. P. 88–115.

19. Avakian S. A. Constitutional law of Russia. Vol. 1. M. : Norm, 2020. 864 p.

20. Baranov P. P., Salnikov V. P. Actual problems of administrative justice // State and law. 2019. № 11. P. 70–80.

Bibliographic list

1. Bakhakh D. N. Administrative law of Russia. M. : Eksmo, 2018. 608 p.

2. Konin N. M. Administrative law of Russia : general part. M. : Prospekt, 2020. 456 p.

3. Tikhomirov Yu. A. Administrative law and process. M. : Edition Tikhomirov M. Yu., 2021. 784 p.

4. Baldwin R., Cave M. Understanding Regulation. Oxford University Press, 2012. 552 p.

5. Alyokhin A. P., Karmolitsky A. A. Administrative law of Russia. M. : Zertsalo-M, 2019. 752 p.

Информация об авторах

В. И. Ковшеватский – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/klzyva>

ИПОН: 2015-0066-1/26-382

MOSURED: 77/27-011-2026-01-581

Проблемы организации пресечения деятельности интернет-магазинов, реализующих наркотические средства и психотропные вещества в России

Виталий Викторович Копылов¹, Сергей Дмитриевич Кондратьев²

^{1,2} Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Тверь, Россия, tfmv@mvd.ru

Аннотация. Исследуется проблема организации борьбы с деятельностью интернет-магазинов, реализующих наркотические средства и психотропные вещества в России. Рассматриваются особенности структурной организации преступных сообществ, организующих реализацию наркотических средств и психотропные вещества через интернет.

В качестве одной из проблем изучаются недостатки в порядке организации обнаружения интернет-ресурсов, содержащих пронаркотическую информацию. Несмотря на то, что первые интернет-магазины, распространяющие наркотические средства и психотропные вещества в России появились в 2012 г., на протяжении более 13 лет не найдено эффективного способа не только пресекать появление подобных магазинов, но даже оперативно их обнаруживать в сети «Интернет». Отслеживание интернета, мессенджеров и социальных сетей в части обнаружения интернет-ресурсов, содержащих пронаркотическую информацию, осуществляется «вручную». Осуществляют подобный мониторинг сотрудники правоохранительных органов, различного рода антинаркотические волонтерские движения («Кибердружина и т. п.») и добросовестные граждане, случайно обнаружившие наркосайт. Как показывает практика интернет наркомагазины как правило не ликвидируются, а пересоздаются под новыми названиями.

Ключевые слова: преступления, совершенные с применением IT-технологий, интернет-магазины, распространяющие наркотические средства и психотропные вещества, противодействие распространению наркотических средств, наркопреступления

Для цитирования: Копылов В. В., Кондратьев С. Д. Проблемы организации пресечения деятельности интернет-магазинов, реализующих наркотические средства и психотропные вещества в России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 64–67. EDN: KLZYVA.

Original article

Problems with the organization of the suppression of online stores selling drugs and psychotropic substances in Russia

Vitaly V. Kopylov¹, Sergey D. Kondratiev²

^{1,2} Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Tver, Russia, tfmv@mvd.ru

Abstract. The article examines the problem of organizing the fight against the activities of online stores selling narcotic drugs and psychotropic substances in Russia. The article considers the features of the structural organization of criminal communities that organize the sale of narcotic drugs and psychotropic substances via the Internet.

As one of the problems, shortcomings in the organization of the detection of Internet resources containing pro-drug information are being studied. Despite the fact that the first online stores distributing narcotic drugs and psychotropic substances appeared in Russia in 2012, for more than 13 years, no effective way has been found not only to stop the appearance of such stores, but even to promptly detect them on the Internet. Tracking of the Internet, messengers and social networks in terms of detecting Internet resources containing pro-drug information is carried out «manually». Such monitoring is carried out by law enforcement officers, various kinds of anti-drug volunteer movements («Cyberdrug», etc.) and respectable citizens who accidentally discovered a drug site. As practice shows, online drug stores are usually not liquidated, but are being rebuilt under new names.

© Копылов В. В., Кондратьев С. Д., 2026

Keywords: crimes committed using IT technologies, online stores that distribute drugs and psychotropic substances, countering the distribution of drugs, drug-related crimes

For citation: Kopylov V. V., Kondratiev S. D. Problems with the organization of the suppression of online stores selling drugs and psychotropic substances in Russia. Bulletin of economic security. 2026;(1):64–7. (In Russ.). EDN: KLZYVA.

Информационные технологии (далее – ИТ) в нашей стране стремительно развиваются в различных сферах жизнедеятельности общества, так в управление внедряется: цифровизация госуправления и электронное правительство, в городах – технологии «умный город» (smart city), в торговле появляются новые электронные способы торговли (интернет-магазины и маркетплейсы), в банковской сфере – электронные способы оплаты и перевода денежных средств (интернет-банкинг), получили развитие цифровые (электронные) средства платежа, осуществляемые в сети Интернет (криптовалюта), в сфере коммуникаций многочисленные мессенджеры, обеспечивающие мгновенную связь с отправкой текстовых сообщений, фото, видео и аудиосообщений.

Использование ИТ-технологий – это быстро, удобно, эффективно и комфортно, но проблема в том, что обширные возможности информационных технологий повсеместно используются злоумышленниками в преступных целях, а правоохранительные органы в части организации, тактики предупреждения совершения, расследования и раскрытия преступлений, совершенных с применением ИТ-технологий, не всегда успевают за развитием и использованием информационных технологий в преступных целях. И как следствие этого – возникновение и бурное развитие в нашей стране такого вида преступности, связанного с ИТ, как: телефонное (мобильное) мошенничество и интернет-магазины, незаконно реализующие наркотические средства и психотропные вещества.

«Мы видим, что для распространения наркотиков преступники все чаще используют современные средства коммуникации, а в схемах поставок и сбыта используют так называемые бесконтактные способы расчетов и новые вне банковские формы платежей применяются все шире и активнее. Получается, что между продавцом и покупателем наркотиков не требуется личный контакт. Преступники стараются максимально скрыть, законспирировать свою деятельность» [1], – отмечено Президентом России В. В. Путиным на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 16 ноября 2020 г.

Организация телефонного (мобильного) мошенничества и интернет-магазинов, реализующих наркотические средства и психотропные вещества, имеет много общего, совершаются подобные преступления, как правило, в составе организованных преступных групп либо сообществ (далее – ОПГ и ОПС).

Прежде всего, это внутренняя организация. Все контакты внутри между членами ОПГ и ОПС интернет-магазинов, реализующих наркотические средства, глубоко законспирированы, используется исключительно бесконтактная форма общения, т. е. все указания, команды и отчеты передаются только посредством мессенджеров, сохраняющих данные пользователей конфиденциальны-

ми («Telegram»), либо сайтов в скрытом сегменте сети «Интернет» – DarkNet, доступ в который возможен только при помощи специального программного обеспечения («Tor Browser»), использующего сложные системы шифрования для обеспечения анонимности. Передача наркотических средств в таких организациях также исключает личные встречи, осуществляется исключительно через тайники-«закладки». В целях конспирации участниками данных ОПГ и ОПС постоянно меняются номера телефонов, sim-карты, банковские карты, для этого применяется специальная аппаратура для подмены номеров сотовых телефонов, широко используются услуги «дропов или дроперов» – лиц, предоставляющих свои банковские счета для легализации и обналичивания денежных средств, добытых преступным путем. Денежные средства переводятся в криптовалюту, все расчеты происходят в DarkNet, с помощью криптовалюты, потому что ее невозможно проконтролировать, а из криптовалюты обратно в деньги через такие банки как: Ozon Банк, Вайлдберриз Банк, Тинькофф банк, перевести не составляет труда.

ОПГ либо ОПС возглавляет «организатор», который может находиться за пределами РФ, в том числе в странах, с которыми у РФ нет договора об экстрадиции. Владелец сайта – это человек, который получает процентный доход от владельцев магазинов, размещенных на их сайтах. Как правило, владельцы сайта могут быть вообще никак не связаны с владельцами магазинов, они могут их не знать, не общаться, исключительно взимать процент за работу магазина на их площадке. «Куратор» – в ряде случаев он же владелец магазина, лицо, организующее работу и координирующее действия остальных участников, он подбирает новых членов ОПГ, обеспечивает поставки наркотических средств и психотропных веществ, поддерживает связь с участниками преступной цепи, организовывая их взаимодействие. Кроме этого, у крупных магазинов нередко имеются собственные нарколаборатории по производству синтетических наркотиков в больших объемах.

Штат исполнителей, применительно к интернет-магазинам, реализующим наркотические средства и психотропные вещества, состоит из «компьютерщиков», лица которые обеспечивают работу интернет-ресурсов, через которые реализуются наркотические средства, пишут программы, «рекламщиков» («трафаретчиков»), обеспечивающих уличную рекламу сайтов, через которые реализуются наркотики (в ночное время они на стенах зданий краской (трафаретом) указывают названия наркосайтов, иногда с помощью листовок), «кладменов» – лиц, которые забирают из тайников и впоследствии раскладывают по «закладкам» так называемые «мастер-клады» (оптовые партии наркотиков, например, по 10 килограмм перефасовываются менее крупными

партиями, по 0,5–1 кг, по 2, по 3). К «кладменам» также относятся и «курьеры» – перевозчики, которые перевозят оптовые партии наркотиков.

«Закладчики» – это лица, которые размещают (прячут) на местности, доступной для потребителей наркотиков, «закладки» – расфасованные по небольшим сверткам наркотические средства дозами, как правило, от 0,1 до 5 граммов, для разового употребления. Они фотографируют место «закладки», на фотографии указывают GPS-координаты (широта, долгота, возвышение, точность) местонахождения «закладки». На фото, помимо координат, присутствуют разные метки и комментарии о том, где именно на данном участке местности находится наркотик (например, «прикоп» – закопан в землю либо снег, «магнит» – крепится небольшим магнитом к металлической поверхности), а также сведения об упаковке (изолента, пластилин, гипс различных цветов). Место «закладки» может помечаться как в графическом редакторе, так и непосредственно на месте каким-либо предметом (например, воткнутой в землю отверткой на месте «прикопа»).

Кроме этого, у многих подобных организаций может существовать собственная «служба безопасности» – так называемые «спортки» (спортсмены – специалисты по рукопашному бою), которые работают на куратора и, как правило, показательно избивают и нечестных «закладчиков», заподозренных в хищении наркотических средств, проводят иные силовые акции.

Подобная организация позволяет длительное время эффективно распространять наркотические средства и психотропные вещества посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», получать огромные прибыли (так в 2020 г. на сайте «Hydra» – крупнейшем российском даркнет-рынке по торговле наркотиками, продали наркотических средств на 1,23 млрд евро), при этом максимально обезопасив и анонимизировав руководство и сам процесс незаконного сбыта. В лучшем случае правоохранным органам удастся установить и задержать «закладчика» или «кладмена», на этом цепочка сбытчиков прерывается.

Одна из проблем в организации деятельности правоохранных органов РФ по пресечению деятельности интернет-магазинов, реализующих наркотические средства и психотропные вещества, заключается в оперативном обнаружении наркосайтов и их последующем закрытии.

В настоящее время для обнаружения интернет-ресурсов, содержащих пронаркотическую информацию используются интернет-поисковики («Google», «Yandex», «Mail» и т. п.), где в строке поиска набирают слова или словосочетания, связанные с наркотическими средствами (в том числе и сленговые выражения), запросы в поисковике набираются на английском языке или с транслитерацией с русского на английский язык.

Наряду с интернетом аналогичным способом мониторинг осуществляется в мессенджерах («WhatsApp», «Telegram») и социальных сетях («ВКонтакте» («VK»), «Instagram», «Одноклассники»).

Контроль интернета, мессенджеров и социальных сетей в части обнаружения интернет-ресурсов, содержащих пронаркотическую информацию, осуществляется «вручную». Осуществляют подобный мониторинг сотрудники правоохранительных органов, различного рода антинаркотические волонтерские движения («Кибердружина и т. п.) и добросовестные граждане, случайно обнаружившие наркосайт.

В настоящее время размер индексируемой части сети Интернет составляет более 6,05 млрд интернет-страниц. Вместе с тем, по отдельным экспертным оценкам, объем глубинной (теневой) сети – в 500 раз больше, т. е. речь идет о 3,25 трлн интернет-страниц (!). Именно там и сосредоточена основная инфраструктура организованной наркопреступности.

Первые интернет-магазины, распространяющие наркотические средства и психотропные вещества в России появились в 2012 г. На протяжении более 13 лет не найдено эффективного способа не только пресекать появление подобных магазинов, но даже оперативно их обнаруживать в сети Интернет.

С технической стороны, нет ничего невыполнимого, в России достаточно отечественных разработчиков программ на базе искусственного интеллекта, осуществляющих анализ текстовой, видео и аудиоинформации. В данном случае необходима программа, которая должна быть аналогом типового поисковика (как «Yandex» или «Google»), но при этом со сбором:

- конкретной статистики этих сайтов / частоте посещения / популярности и т. п.;
- информации по «густоте» ключевых фраз/слов связанных с наркобизнесом;
- и, возможно, каких-то других сведений.

Кроме очень большого объема по обнаружению наркосайтов, наркопреступниками разработана целая система противодействия обнаружению и закрытию наркосайтов, так в интернете, мессенджерах и социальных сетях активно распространяется информация по обходу блокировки и доступа к подобным интернет-ресурсам. Кроме этого, у наркосайта меняется адрес, аккаунт, канал, чат, т. е. сайт переезжает на «зеркало» (содержание(контент) остается прежним, но этот же наркомагазин открывается по другим адресам). В связи с чем возникает проблема как снизить распространение страниц-«зеркал» с противоправным контентом. Для этого необходимо разработать механизм их временной блокировки, позволяющий уполномоченным органам мгновенно заблокировать на трое суток ту или иную страницу с противоправным контентом.

Наркосайты в большинстве своем создаются не в России, сервера зачастую находятся в «недружественных» странах, но действуют на территории России (так, сайт «Hydra» существовал в Германии с 2015 по 2022 г., он объединял 19 тыс. интернет наркомагазинов, которые обслуживали несколько сотен тысяч человек в России [2]).

Чтобы закрыть наркосайт, как правило, нужно установить местонахождение сервера. Из полученной ин-

формации с сервером можно установить создателей сайта, а также лиц, владеющие наркомагазинами на данном сайте, места «закладок» и хранилища наркотиков и прекурсоров, но при обнаружении серверов есть большая вероятность, что будут самоликвидированы серверы (устанавливается специальное программное обеспечение), и произойдет утрата имеющейся информации.

Интернет наркомагазины как правило не ликвидируются, а пересоздаются под новыми названиями.

Ежегодно наркотики калечат и убивают тысячи наших граждан. Ломают судьбы детей, вообще молодых людей, приносят в семьи боль и горе, разрушают нравственные основы общества. Теневая прибыль наркобизнеса служит финансовой подпиткой криминалитета, транграничной преступности, коррупции, террористических и экстремистских структур. Это настоящий вызов, с которым сталкивается и Россия, и практически все другие страны [1].

По информации, предоставленной в «Докладах о наркоситуации в Российской Федерации» Государственным антинаркотическим комитетом, количество выявленных правоохранительными органами наркопреступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий, в 2023 г. – 103 939, в 2024 г. – 118 173 (рост – 13,69 %). Число умерших в результате употребления наркотических средств в 2024 г. – 7 896 (АППГ – 10,4 тыс.). За шесть лет в РФ от употребления наркотических средств и психотропных веществ погибло 51 566 человек.

В 2012 г. Россия вошла в эпоху преступлений, совершаемых с использованием ИТ: телефонное (мобильное) мошенничество и интернет-магазины, реализующие наркотические средства и психотропные вещества. Отечественная правоохранительная система столкнулась с новыми преступными технологиями, которые напрямую затрагивают национальную безопасность, будущее нашего народа [3].

ИТ-преступности должны быть противопоставлены эффективные и современные технологии в тактике предупреждения совершения, расследования и раскрытия преступлений, совершенных с применением ИТ. В первую очередь – технологии мониторинга Интернета, технологии обмена информацией между правоохранительными органами, банками (кредитными организациями), Росфинмониторингом и операторами связи и т. п.

Только это может позволить действовать более активно, наступательно и эффективно противодействовать незаконному обороту наркотиков по всем направлениям.

Список источников

1. Заседание Совета Безопасности // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64424/>
2. Крупнейший в мире магазин наркотиков закрыт. Что стоит за отключением «Гидры» и как теперь без нее живет даркнет? // URL: https://lenta.ru/articles/2022/04/10/dont_be_suspicious/?ysclid=mg2a23cpx0942967181/
3. Поздняков А. Н., Фирсова Е. В. Борьба с электронной наркокоммерцией – фрагменты реальности и перспектив : оперативно-розыскной аспект // Академическая мысль. 2020. № 3 (12).

References

1. Security Council Meeting // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64424/>
2. The world's largest drug store has been shut down. What is behind the shutdown of Hydra, and how does the dark web function without it? // URL: https://lenta.ru/articles/2022/04/10/dont_be_suspicious/?ysclid=mg2a23cpx0942967181/
3. Pozdnyakov A. N., Firsova E. V. The fight against electronic drug commerce: fragments of reality and prospects : an operational and investigative aspect // Academic Thought. 2020. № 3 (12).

Информация об авторах

В. В. Копылов – профессор кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

С. Д. Кондратьев – кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

V. V. Kopylov – Professor of the Department of Tactical-special, Fire and Physical Training of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

S. D. Kondratiev – Head of the Department of Tactical-special, Fire and Physical Training of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Научная статья

УДК 346.7

EDN: <https://elibrary.ru/ftvdos>

ИПОН: 2015-0066-1/26-383

MOSURED: 77/27-011-2026-01-582

Содержание правовых режимов импортозамещения

Евгений Сергеевич Кученин^{1,2}

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
e.kuchenin@yandex.ru

² Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. На основании обобщенного анализа содержания правового обеспечения стратегии импортозамещения и анализа содержания экономических отношений субъектов экономической деятельности, складывающихся в процессе реализации этой стратегии, выделены критерии для классификации правовых режимов импортозамещения в различных отраслях экономики, дана общая характеристика правовых режимов импортозамещения, включающих широкое разнообразие средств как прямого так и косвенного воздействия на деятельность субъектов экономических отношений при соблюдении как частных, так и публичных интересов в условиях рыночной экономики при достижении целей развития национальной экономики в условиях существующих вызовов.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовое обеспечение, правовой режим, экономические отношения, импортозамещение

Для цитирования: Кученин Е. С. Содержание правовых режимов импортозамещения // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 68–72. EDN: FTVDOS.

Original article

The content of legal import substitution regimes

Evgeny S. Kuchenin^{1,2}

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
e.kuchenin@yandex.ru

² Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

Abstract. Based on a generalized analysis of the content of the legal support of the import substitution strategy and an analysis of the content of economic relations of economic entities developing in the process of implementing this strategy, criteria for classifying legal import substitution regimes in various sectors of the economy are identified, and a general description of the legal import substitution regimes is given, including a wide variety of means of both direct and indirect influence on the activities of subjects of economic relations, while respecting both private and public interests in a market economy while achieving the goals of developing the national economy in the face of existing challenges.

Keywords: legal regulation, legal support, legal regime, economic relations, import substitution

For citation: Kuchenin E. S. The content of legal import substitution regimes. Bulletin of economic security. 2026;(1):68–72. (In Russ.). EDN: FTVDOS.

Введение

Значение политики импортозамещения для национальной экономики в современных условиях трудно переоценить. Как еще в 2022 г. отметил Д. В. Мантуров, в то время – глава Минпромторга России, а ныне вице-премьер Правительства Российской Федерации, экономическая стратегия импортозамещения «может играть ключевую роль в повышении потенциала национальных

рынков и как следствие конкурентоспособности страны» [4, с. 369]. Однако спустя 3 года очевидно, что национальная экономика все также нуждается в товарах отечественного производства высокого качества и в необходимом объеме, а тема импортозамещения все также актуальна. Это обуславливает актуальность дальнейшего анализа содержания государственного управления в сфере экономики в целях его совершенствования.

© Кученин Е. С., 2026

Методы

В основу проведенного исследования положен метод системного анализа содержания правовых мер, содержащихся в нормативных правовых актах, посредством которых обеспечивается достижение целей экономической стратегии импортозамещения в диалектической взаимосвязи с содержанием деятельности субъектов экономической деятельности и органов государственного управления в экономической сфере. Также использованы формально-юридический метод для определения критериев разграничения правовых режимов, таксономический метод для классификации правовых режимов импортозамещения, метод обобщения взглядов и мнений исследователей, работающих в данной сфере.

Результаты

Определяющим фактором для выделения различных правовых режимов, реализующихся в рамках стратегии импортозамещения является содержание экономических отношений – совокупности взаимных прав и обязанностей их участников. Участниками таких отношений являются: а) производители импортозамещающих продукции и товаров; б) потребители продукции и товаров отечественного производства; в) государство, представленное органами государственного управления и их должностными лицами. Роль каждого из отмеченных субъектов различается в рамках правового режима в той или иной отрасли экономики.

Правовые режимы импортозамещения в отраслях, связанных с удовлетворением потребностей населения промышленными и продовольственными товарами характеризуется широким использованием мер косвенного воздействия на поведение участников экономических отношений, создающих стимулы как для производства отечественной продукции, так и ее потребления. Эти меры, как правило, носят частноправовой характер, а сами экономические отношения как частный случай правоотношений характеризуются равенством правового положения сторон этих отношений. Ведущую роль в такого рода отношениях играют нормы частного права, содержащиеся в актах гражданского права.

В отраслях экономики, где особое значение имеет обеспечение безопасности, правовые режимы импортозамещения приобретают характер административно-правовых режимов, отличающихся от общего правового режима по своему содержанию, субъектному составу, целям и методам реализации. В частности, в урегулированных в рамках административно-правовых режимов экономических отношениях, отсутствует юридическое равенство сторон, а подчинение субъектов экономической деятельности установленным правилам ее осуществления обеспечивается государственным принуждением.

Обсуждение

Под импортозамещением в отечественной науке понимается определенная экономическая стратегия государства, состоящая в замещении импортной продук-

ции на отечественных рынках товаров различных групп в целях обеспечения спроса потребителей и развития отечественных производств, т. е., в широком смысле, обеспечения потребностей социально-экономического развития государства. Не менее важное значение имеет и такая цель импортозамещения как обеспечение экономического суверенитета и экономической безопасности государства как элементов государственного суверенитета и национальной безопасности.

Семантика термина «импортозамещение» предполагает, прежде всего, соответствующего рода деятельность государства в сфере управления экономикой, и как всякая деятельность государства, эта деятельность должна быть урегулирована государством. Это правовое регулирование осуществляется посредством использования различных юридических средств для достижения обозначенных целей экономической стратегии импортозамещения. Специфика правового регулирования обусловлена многообразием требующих учета условий и факторов. Это и существующие потребности национальной экономики и потребительских рынков, и наличие необходимых ресурсов – материальных, финансовых, кадровых. В рамках стратегии импортозамещения посредством правового регулирования также решается задача устранения угроз критически важной инфраструктуре. Все это обуславливает необходимость установления неких условных границ развития экономики в парадигме экономической стратегии импортозамещения.

Правовое обеспечение стратегии импортозамещения, как совокупность условий и гарантий эффективности хозяйственной деятельности субъектов, как раз и образует эти условные границы правового регулирования, позволяющие ограничить вмешательство государства в предпринимательскую деятельность в условиях свободного рынка, но задающее необходимое направление движения к созданию самодостаточной национальной экономики, не подверженной негативным воздействиям извне. Таким образом правовое обеспечение экономической стратегии импортозамещения является более широким понятием чем правовое регулирование импортозамещения, поскольку включает его в себя.

Как отмечают исследователи, двоякая цель импортозамещения предполагает использование широкого набора финансовых и нефинансовых инструментов государственной поддержки [5, с. 4], выработку и реализацию мер как стимулирующего, так и императивно обязывающего характера, что обуславливает применение соответствующих различных методов правового регулирования [2]. На содержание правового регулирования и, соответственно, правового обеспечения, также влияет необходимость обеспечения безопасности импортозамещающей продукции для жизни и здоровья потребителей, что обуславливает включение в массив нормативно-правовой базы импортозамещения в том числе актов, содержащих требования технического ха-

рактера, предъявляемые к безопасности отечественных товаров.

Еще одним фактором, влияющим на содержание как регуляторных, так и охранительных мер, применяемых в рамках осуществления стратегии импортозамещения, является то обстоятельство, что для всякой производственной отрасли наиболее эффективным и целесообразным является применения целого набора мер, сочетающих как прямое, так и косвенное воздействие на производителей продукции различных товарных групп.

Отсюда следует необходимость выработки и закрепления в актах государственного управления прежде всего мер стимулирующего характера, способствующих развитию предпринимательской деятельности в отраслях, нацеленных на производство потребительских товаров. Очевидно, что в условиях рыночной экономики такой подход к регулированию экономических отношений как административное обязывание промышленников производить продукцию, сбыт которой не обеспечивает им получения прибыли ни при каких обстоятельствах не будет отличаться эффективностью, если только такое производство не дотируется государством. Но, как это уже отмечалось, в других отраслях, связанных с обеспечением национальной безопасности, требуется принятие жестких императивных мер, либо административно обязывающих потребителей использовать товар отечественного производства, либо связанных с введением опять же административных запретов и ограничений на использование импортных товаров [3].

С учетом уже реализующегося широкого спектра правовых мер, как прямого, так и косвенного действия, представляется, что цель совершенствования государственного управления в контексте реализации политики импортозамещения может быть достигнута посредством решения задачи формирования наиболее эффективной конфигурации мер как прямого, так и косвенного воздействия на поведение субъектов экономической деятельности результатом которой выступает достижение целей импортозамещения – наполнение рынка товаров востребованными товарами необходимого качества и количества отечественного производства и обеспечение экономического суверенитета и безопасности. Данная конфигурация различных юридических средств, реализуемых в рамках стратегии импортозамещения образуется при формировании определенного правового режима импортозамещения в той или иной отрасли производства. Таким образом, понятие правового режима экономических отношений в отрасли экономики выступает как еще более обобщенное понятие по отношению правовому обеспечению импортозамещения в соответствующей отрасли.

Отметим, что речь идет именно о правовых режимах импортозамещения в различных отраслях, а не о едином правовом режиме импортозамещения, как об этом говорится в исследовании Ю. В. Илюхиной [1, с. 8]. Как уже не раз отмечалось, поскольку право-

вое регулирование экономической деятельности в различных отраслях производства в рамках стратегии импортозамещения отличается уникальным сочетанием различных мер прямого и косвенного воздействия на субъектов экономической деятельности. В указанной работе Ю. В. Илюхина фактически соглашается с отмеченным обстоятельством, выделяя, например, такие специальные правовые режимы как территориальные, договорные, экспериментальные, экстраординарные [1, с. 80].

Таким образом, эффективность решения задач импортозамещения в различных товарных группах и достижение обозначенных целей импортозамещения, в целом, во многом зависит именно от содержания правовых режимов экономической деятельности в той или иной отрасли национальной экономики. Это обуславливает необходимость выделения и анализа специфики экономических отношений в различных отраслях экономики и общей характеристики соответствующих правовых режимов посредством выделения отдельных критериев, позволяющих определить эту специфику.

Ранее отмечалось то обстоятельство, что поскольку импортозамещение – прежде всего экономическая стратегия, то основная масса исследований в этой области проведена представителями экономической науки и количество правовых исследований представляется крайне незначительным [3]. Одним из немногих исследований является уже упоминавшаяся работа Ю. В. Илюхиной [1]. Отметим, что объектом исследований как в сфере экономики, так и правовых, выступают экономические отношения. Также отметим, что база проведенных исследований независимо от их направленности включает в себя большой по объему массив актов органов государственного управления общей и специальной компетенции, прежде всего, нормативных правовых актов – законодательных и подзаконных, таких, как например, Федеральный закон № 488-ФЗ от 31 декабря 2014 г. «О промышленной политике в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» или Распоряжение Правительства РФ от 7 июня 2023 г. № 1495-р «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года».

Важно отметить, что именно в специфике экономических отношений, развивающихся в отдельных отраслях экономики в настоящее время как раз и проявляются особенности сформированных правовых режимов импортозамещения в этих отраслях.

Сами экономические отношения правоведы рассматривают как социальные отношения, возникающие между субъектами права в процессе хозяйственной деятельности и регулируемые нормами права. Эти отношения становятся правовыми, когда они в т.ч. закреплены в нормах права.

Таким образом, экономические отношения можно определить как разновидность правоотношений, характеризующихся своей специфической структурой – субъектами, объектом и содержанием, наряду, например, с административно-правовыми или гражданско-правовыми отношениями. Также как и в правоотношениях вообще, в экономических отношениях в разных формах реализуются нормы права, в данном случае образующие нормативно-правовую базу экономической стратегии импортозамещения.

Основанием для определения критериев, характеризующих правовые режимы экономической деятельности в рамках стратегии импортозамещения служит сама структура правоотношения – его обязательные элементы: субъекты или субъектный состав и их роль в правоотношении, объект правоотношения, содержание правоотношения – взаимные права и обязанности субъектов и характер их реализации.

Объектом всяких правоотношений, не исключая экономических отношений, является реальное благо. В рамках экономической стратегии импортозамещения осуществляется производство отечественных товаров в интересах потребителей. Материальный аспект реального блага как объекта экономических отношений выражается в создании соответствующих материальных предметов – товаров, но само производство – есть деятельность, т. е. поведение участников экономических отношений. Таким образом, проявляется двойственная природа объекта экономических отношений в рамках импортозамещения: а) материальное благо в виде произведенных российскими производителями товаров и услуг; б) нематериальное благо – как деятельность производителей импортозамещающей продукции, так и поведение потребителей продукции. Отметим, что материальное благо – это результат поведения экономических субъектов, а потому с позиции правового обеспечения импортозамещения поведенческий аспект представляется более значимым или первичным по отношению к результатам реализации стратегии импортозамещения.

Почему в поведенческом аспекте субъектов экономических отношений важно выделить поведение как производителей товаров, так и потребителей, ведь с учетом цели стратегии импортозамещения – замещение импортных товаров товарами отечественного производства, определяющим является поведение производителей? Ответ на данный вопрос состоит, во-первых, в содержании взаимодействия важнейших категорий экономики – спроса и предложения, ведь именно спрос рождает предложение и стимулирует производство товаров, пользующихся спросом, и, во-вторых, отдельные регулятивные воздействия адресованы именно потребителям, например, такого рода воздействие реализуется в установлении запрета применения операторами информационных систем импортных аппаратно-программных комплексов.

Согласно классической формуле экономики – спрос рождает предложение, ведущую роль играет потреби-

тель. Однако применительно к стратегии импортозамещения наиболее свободным в выборе вариантов поведения является как раз производитель, поскольку как уже отмечалось в условиях рыночной экономики его нельзя обязать производить импортозамещающую продукцию вопреки его главному интересу – получению прибыли. Отсюда регуляторное воздействие на деятельность производителей имеет не прямое косвенное воздействие прежде всего путем создания стимулов для выгодной государству и обществу экономической деятельности, направленных на создание благоприятных условий для развития внутреннего производства.

Стимулы производителям создаются в частности путем их финансовой поддержки (субсидии на процентные ставки по кредитам для инвестпроектов, гранты и дотации на разработку и внедрение новых технологий, субсидии на лизинг оборудования и др.), предоставления налоговых льгот (пониженные ставки налога на прибыль для резидентов особых экономических зон и территорий опережающего развития, льготы по НДС и налогу на имущество для производств, соответствующих приоритетным отраслям, ускоренная амортизация оборудования), поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (финансирование научных исследований и разработок, создание технопарков, инновационных кластеров, центров компетенций), инфраструктурной поддержки (развитие промышленных площадок, логистических хабов, создание промышленных парков с готовой инфраструктурой).

Поскольку государство воздействует на поведение субъектов экономической деятельности опосредованно, основными субъектами экономических отношений остаются производители и потребители товаров и лишь иногда государство становится еще одним участником этих отношений, когда государство, например, обеспечивает гарантированный спрос на продукцию отечественного производителя.

Что касается потребителей, то их поведение регулируется как опосредованно, например, через реализацию мер административной поддержки спроса, когда создаются административные и экономические барьеры для импортной продукции, так и непосредственно, когда устанавливаются адресованные потребителям запреты на использование или закупку импортных товаров.

Административная поддержка спроса – это комплекс мер государственного регулирования, направленных на стимулирование и поддержание спроса на товары и услуги через административные методы воздействия на поведение потребителей. К числу таковых можно отнести ограничения, призванные снизить конкурентоспособность импортной продукции и стимулировать спрос на отечественную: таможенные пошлины на товары, которые могут производиться в России (например, электроника, автомобили, сельхозтехника); технические регламенты и сертификация – ужесточение требований к импортной продукции (например, в сфере пищевой промышленности, лекарств, электроники),

обязательная локализация производства для доступа к рынку (например, в IT или автомобилестроении); квотирование и лицензирование – ограничение объемов импорта определенных товаров (например, сельхозпродукция, лекарства), введение экспортных пошлин на сырье для стимулирования переработки внутри страны; ограничения на участие иностранных компаний – в стратегических отраслях (энергетика, связь, оборонная промышленность), требования к доле российского участия в проектах.

Административные запреты устанавливаются на ввоз ряда продуктов из стран, введших санкции – мяса, молока, фруктов, овощей и из Европейского союза, США, Канады и др., запреты на использование иностранного ПО и оборудования (обязательный переход на отечественное ПО в госорганах, госкомпаниях, банках, запрет на использование определенных программ), запреты на поставки в определенные секторы экономики (ограничения на поставку импортных компонентов в высокотехнологичные отрасли (микроэлектроника, телекоммуникации), блокировка доступа к иностранным облачным сервисам и платформам), запрет на участие иностранных компаний в госзакупках.

В случае установления запретов и ограничений к использованию импортной продукции государство выступает субъектом двух видов правоотношений: а) субъектом экономических отношений в качестве потребителя отечественных товаров; б) субъектом административных правоотношений в связи с осуществлением государством своей контрольно-надзорной функции.

Заключение

В современных условиях функционирования национальной экономики реализация стратегии импортозамещения представляется едва ли не единственной стратегией, обеспечивающей экономическое развитие страны, реализацию спроса на различные товары и в конечном итоге укрепить государственный суверенитет.

Специфика экономической деятельности и экономических отношений в той или иной отрасли экономики определяет особенности государственного управления в соответствующей отрасли эффективность которого определяется адекватностью мер государственного управления, выражающихся в разнообразных по содер-

жанию мерах как прямого, так и косвенного воздействия.

Сочетание различных мер государственного управления в той или иной отрасли образует уникальный правовой режим импортозамещения, а поскольку экономические отношения есть разновидность правоотношений, то в основе выработки критериев классификации правовых режимов лежит анализ правового положения субъектов экономических отношений, их содержания и особенностей.

Список источников

1. Илюхина Ю. В. Правовое обеспечение импортозамещения в рыночной экономике : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 207 с.
2. Илюхина Ю. В. Правовые стимулы и правовые ограничения как инструменты импортозамещения // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 54–61.
3. Кученин Е. С. Развитие правового обеспечения импортозамещения // IP: теория и практика. 2024. № 4(8). С. 3–14.
4. Мантуров Д. В. Теория и практика разработки и реализации новой модели промышленной политики : дис. ... докт. экон. наук. М., 2022. 583 с.
5. Палаш С. В. Стратегические ориентиры и эффективность реализации структурной промышленной политики : дис. ... докт. экон. наук. М., 2022. 502 с.

References

1. Ilyukhina Yu. V. Legal support of import substitution in a market economy : dis. ... cand. legal sciences. M., 2024. 207 p.
2. Ilyukhina Yu. V. Legal incentives and legal restrictions as instruments of import substitution // Business law. 2023. № 2. P. 54–61.
3. Kuchenin E. S. Development of legal support for import substitution // IP: theory and practice. 2024. № 4 (8). P. 3–14.
4. Manturov D. V. Theory and practice of developing and implementing a new model of industrial policy : dis. ... doctor of economic sciences. M., 2022. 583 p.
5. Palash S. V. Strategic guidelines and effectiveness of the implementation of structural industrial policy : dis. ... doctor of economic sciences. M., 2022. 502 p.

Информация об авторе

Е. С. Кученин – кандидат юридических наук.

Information about the author

E. S. Kuchenin – Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 10.11.2025.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 10.11.2025.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/dxcxdj>

NIION: 2015-0066-1/26-384

MOSURED: 77/27-011-2026-01-583

Трудности становления верхней палаты Федерального Собрания Российской Федерации: исторический аспект

Татьяна Сергеевна Лангнер

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

mohowatatiana@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем формирования Совета Федерации. Центральное внимание уделяется механизму наделения полномочиями сенаторов. Автор предлагает альтернативную процедуру комплектования палаты.

Ключевые слова: Федеральное Собрание Российской Федерации, Совет Федерации, Парламент России, народное представительство в Российской Федерации

Для цитирования: Лангнер Т. С. Трудности становления верхней палаты Федерального Собрания Российской Федерации: исторический аспект // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 73–77. EDN: DXCXDJ.

Original article

The difficulties of the formation of the upper house of the Federal Assembly of the Russian Federation: a historical aspect

Tatiana S. Langner

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

mohowatatiana@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of the formation of the Federation Council. The central focus is on the mechanism for empowering senators. The author suggests an alternative procedure for completing the ward.

Keywords: Federal Assembly of the Russian Federation, Federation Council, Parliament of Russia, people's representative office in the Russian Federation

For citation: Langner T. S. The difficulties of the formation of the upper house of the Federal Assembly of the Russian Federation: a historical aspect. Bulletin of economic security. 2026;(1):73–7. (In Russ.). EDN: DXCXDJ.

Парламент России играет ключевую роль в жизни государства и общества, являясь, согласно ст. 94 Конституции Российской Федерации, высшим представительным и законодательным органом, который реализует суверенитет народа через принятие федеральных законов, осуществление парламентского контроля и формирование ключевых институтов государственной власти [1]. Конституционный кризис 1992–1993 гг. представлял собой не просто политическое противостояние, а глубокий правовой конфликт между двумя конкурирующими моделями организации верховной власти: советской, основанной на верховенстве Съезда народных депутатов как полновластного представительного органа (ст. 104

Конституции РСФСР 1978 г. [2] в редакции на тот период), и президентско-парламентской, закрепленной в проекте новой Конституции, где принцип разделения властей являлся основополагающим [3]. Правовая суть конфликта была связана с попытками Верховного Совета и Съезда народных депутатов ограничить полномочия Президента, вплоть до отмены его указов, в то время как Президент, опираясь на результаты референдума 25 апреля 1993 г. о доверии, стремился к принятию новой Конституции, усиливающей его позиции. Исходом силового роспуска Съезда народных депутатов в октябре 1993 г., с последующим изданием Указа Президента № 1400 «О поэтапной конституционной

реформе в Российской Федерации» [4], стала не только политическая, но и юридическая победа президентской власти, конституционно оформленная 12 декабря 1993 г. Референдум по принятию новой Конституции легитимировал радикальный пересмотр баланса властей.

Правовой анализ положений действующей Конституции 1993 г. позволяет констатировать, что, несмотря на юридический статус смешанной (президентско-парламентской) республики, обширные полномочия Президента Российской Федерации, системно закрепленные в ст. 80, 83–90, существенно ограничивают классические функции Парламента.

Так, право Президента на законодательную инициативу, вето, издание указов нормативного характера (ст. 90), определение основных направлений внутренней и внешней политики государства (ст. 80), а также фактическое руководство исполнительной властью через Правительство (ст. 83 «а», «д») формируют модель, в которой Федеральное Собрание, особенно в сфере стратегического планирования и кадровой политики, действует в рамках, заданных главой государства. Парламент лишен, например, реального влияния на формирование силового блока Правительства, а его контрольные полномочия (ст. 103) носят во многом корректирующий, а не определяющий характер.

Необходимо осветить историю формирования Совета Федерации, верхней палаты российского парламента, эволюция которой является наглядным отражением трансформации федеративных отношений и принципов представительства в Российской Федерации. Первый этап, установленный переходными положениями Конституции 1993 г. (разд. 2, п. 7), был вынужденным компромиссом, направленным на немедленное формирование палат Федерального Собрания после принятия Основного Закона. Данная норма предусматривала избрание сенаторов по двум мажоритарным округам в каждом субъекте РФ (от законодательного и от исполнительного органа власти) на двухлетний срок, с последующим принятием профильного федерального закона [5]. Правовой анализ показывает, что эта временная модель, реализованная на основе Положения о выборах депутатов Совета Федерации (утверждено Указом Президента № 1626 от 11 октября 1993 г.) [6], создавала палату, состоящую из лиц, избранных населением, но не связанных императивным мандатом с органами государственной власти субъектов, что противоречило концепции Совета Федерации как «палаты регионов». Их статус был ближе к статусу депутата Государственной Думы от региона, что дублировало нижнюю палату и не создавало уникального представительства интересов субъектов как институтов. Это был этап становления, демонстрировавший отсутствие четкой конституционной доктрины относительно природы верхней палаты в условиях нового федеративного государства.

Второй этап реформирования верхней палаты парламента был инициирован в декабре 1995 г. после принятия

Федерального закона № 192-ФЗ от 5 декабря 1995 г. [6], который впервые детально регламентировал процедуру комплектования Совета Федерации. Данный нормативный акт установил, что членство в палате является производным от должности (*ex officio*) и автоматически предоставляется высшему должностному лицу субъекта Федерации (руководителю региональной исполнительной власти) и председателю его законодательного (представительного) органа [7]. Таким образом, в состав Совета Федерации входили лица, уже обладавшие собственным электоральным мандатом и непосредственной ответственностью за управление в своем регионе. Эта модель была логичным правовым воплощением ч. 2 ст. 95 Конституции РФ и обеспечивала сильный, так называемый «интеграционный» федерализм. Губернатор, возглавляющий исполнительную власть, оценивал практическое влияние федеральных законов на социально-экономическое развитие территории, а глава регионального парламента представлял коллективную волю депутатского корпуса субъекта.

Таким образом, голосование в Совете Федерации учитывало консолидированную позицию лиц, непосредственно реализующих политику на местах и несущих полную политическую ответственность перед избирателями своего региона. Правовой статус сенатора был производным от выборной государственной должности в субъекте, что создавало прямую связь между региональными выборами и составом федеральной палаты. Совет Федерации того периода работал сессионно, а все законопроекты, поступавшие из Государственной Думы, в обязательном порядке заранее направлялись в регионы для рассмотрения и подготовки официальных отзывов, что обеспечивало реальный учет региональной специфики на ранней стадии законодательного процесса. Данный механизм был важным инструментом вертикальной интеграции и согласования интересов.

Дискуссия в научной и экспертной среде того периода активно касалась роли губернатора в данной системе и рисков неконституционного объединения властных ветвей, поскольку одно лицо совмещало должность в системе исполнительной власти субъекта и мандат члена федерального законодательного органа. Противники модели указывали на нарушение принципа разделения властей (ст. 10 Конституции РФ) и потенциальный конфликт интересов, когда глава региона, будучи сенатором, мог лоббировать законы, облегчающие его исполнительную деятельность, минуя необходимые сдержки. Хотя данная правовая позиция имеет серьезное основание с точки зрения доктринальной чистоты, нельзя игнорировать системные преимущества модели, доказанные практикой второй половины 1990-х гг.: прямое представительство избранного населением главы региона обеспечивало высокую легитимность решений палаты и действенную согласованность политики федерального центра с интересами субъектов. Губернаторы, будучи ответственными за исполнение федерального законодательства на местах, вносили в федеральный за-

конотворческий процесс критически важный практический компонент, а их участие в заседаниях Совета Федерации носило неформальный и крайне результативный характер. Эта система также укрепляла политический вес регионов в противовес центру, что было характерно для «парада суверенитетов» того периода.

Следующий этап реформы наступил в 2001 г. по инициативе Президента В. В. Путина с принятием нового Федерального закона от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», который вступил в силу с начала 2002 г. [8]. Согласно его нормам, губернаторов и спикеров региональных парламентов сменили назначаемые представители: по одному от законодательного и исполнительного органа государственной власти субъекта, работающие в палате на профессиональной постоянной основе. Ключевым правовым отличием, помимо смены персонального состава, стало отсутствие в законе эффективного механизма отзыва данных лиц в случае нарушения ими воли, наказов или интересов направивших органов. Это создавало правовой вакуум в вопросе ответственности сенатора перед субъектом Федерации: формально представляя регион, он не мог быть досрочно отозван по инициативе этого региона. С этого времени Совет Федерации начал работать на постоянной основе, что, с одной стороны, повысило профессиональный уровень законотворческой работы, а с другой – окончательно трансформировало статус сенатора из высшего должностного лица региона в особую отдельную федеральную должность, опосредованно связанную с регионом через процедуру наделения полномочиями. Данная реформа, проводившаяся параллельно с созданием федеральных округов и реформой Совета Федерации, была направлена на укрепление вертикали власти и ослабление политического влияния региональных элит на федеральном уровне.

Четвертый этап, инициированный Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ [9], уточнил и скорректировал требования к статусу сенатора, стремясь формализовать связь сенатора с регионом через более сложную процедуру. Согласно действующей редакции закона, кандидат на должность высшего должностного лица субъекта (губернатора) при выдвижении представляет в законодательный орган региона список из трех персон, одна из которых (первая) будет наделена полномочиями сенатора после вступления избранного кандидата в должность. Остальные кандидаты становятся так называемыми «резервными». Аналогичный механизм, но с нюансами, применяется для представителя от законодательного органа власти субъекта. Правовой анализ данной модели показывает, что, хотя она и предполагает определенную связь кандидата в губернаторы с будущим сенатором, механизм отзыва по-прежнему отсутствует, а прекращение полномочий сенатора происходит на общих основаниях, аналогичных правилам для депутатов Государственной Думы (например, в связи с

утратой гражданства, вступлением в силу обвинительного приговора суда), что не учитывает производный и представительский характер его мандата. Фактически, сенатор, однажды наделенный полномочиями, сохраняет их на весь срок, независимо от изменения политической конъюнктуры или воли назначившего его органа, если не наступают формальные основания для прекращения полномочий. Это создает режим стабильности, но снижает политическую ответственность.

Конституционная реформа 2020 г., реализованная через Закон о поправке № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. [10], не трансформировала базовые процедуры формирования Совета Федерации, но установила более строгие требования к кандидатам. В их числе – императивный запрет на иностранное гражданство или вид на жительство, обязательство постоянного проживания на территории Российской Федерации, а также невозможность занятия должности для лиц с непогашенной судимостью. Параллельно поправки ввели в конституционное поле два новых института: президентское право назначать до 30 членов Совета Федерации (с возможностью пожизненного назначения для семи из них) и пожизненный сенаторский статус для глав государства, прекративших исполнение полномочий (ч. 2.1 ст. 95, ст. 95.1 Конституции РФ). Данные новации привели к включению в состав палаты, наряду с делегатами от регионов, персональных представителей действующего и бывших президентов, что модифицировало саму концепцию представительства в данном органе.

Сложившаяся правоприменительная практика, особенно в условиях усиления централизации и перехода к фактическому назначению губернаторов Президентом России (с последующим утверждением законодательным собранием субъекта, что часто носит формальный характер), системно подорвала изначальные конституционные принципы федерализма и представительства регионов.

Современные сенаторы не отражают интересы своих регионов в необходимой степени, поскольку их правовой статус детализирован от прямой политической ответственности перед населением или даже перед назначившими их органами власти субъекта. Право главы государства делегировать до тридцати сенаторов, закрепленное в ч. 2.1 ст. 95 Конституции РФ, также противоречит классической идее равного представительства субъектов Федерации, вводя в палату членов, представляющих не конкретный регион, а федеральный центр в лице его главы. Институт пожизненного членства, имеющий зарубежные аналоги (например, Сенат Италии), юридически лишает сенатора какой-либо ответственности перед избравшим или назначившим органом, превращая мандат в личную привилегию.

На основании проведенного комплексного правового анализа эволюции порядка формирования Совета Федерации целесообразно рассмотреть вопрос о внедрении модели прямых выборов сенаторов населением соответствующих субъектов Российской Федерации по

мажоритарной системе в двухмандатных округах (по аналогии с первым этапом, но с иным правовым статусом мандата). Предлагаемая модель прямого избрания сенаторов населением субъектов Российской Федерации, при условии ее детальной законодательной регламентации в специальном федеральном законе, включающем прозрачные избирательные процедуры, гарантии и механизмы досрочного прекращения полномочий, способна активизировать политическую конкуренцию в регионах и установить прямую подотчетность представителей перед избирателями.

Данный подход обеспечивает непосредственную реализацию гражданами своего права на участие в формировании федерального законодательного органа. Переход к прямым выборам находится в полном соответствии с базовыми конституционными положениями о народовластии и федеративном устройстве российского государства, а также отвечает общепризнанным международным принципам представительной демократии.

Дополнительно, для обеспечения преемственности, накопления экспертизы и предотвращения стагнации в работе палаты, следует законодательно закрепить регулярную ротацию трети ее состава раз в два года (при условии шестилетнего сенатского мандата), что является распространенной практикой в мировом парламентаризме (например, Сенат США). Указанные принципы, в силу их фундаментальности для восстановления баланса в федеративных отношениях и усиления представительной природы парламента, надлежит зафиксировать на уровне Конституции Российской Федерации, что послужит гарантией от их внезапного административного пересмотра и будет соответствовать мировой практике конституционного закрепления основ формирования верхних палат федеративных государств.

Проведенный анализ исторической эволюции и современного конституционно-правового статуса Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации позволяет сформулировать следующие выводы.

Формирование верхней палаты российского парламента прошло несколько этапов, каждый из которых отражал изменение баланса между федеральным центром и субъектами РФ, а также корректировку понимания принципа федерализма. От первоначальной модели прямого вхождения глав региональных исполнительных и законодательных органов (1995–2000 гг.) произошел переход к системе назначения полномочных представителей, а затем – к сложной процедуре наделения полномочиями с элементами президентского влияния. Конституционные поправки 2020 г., закрепив возможность назначения главой государства части сенаторов и институт пожизненного членства, завершили формирование смешанной модели, в которой принцип представительства субъектов Федерации сочетается с элементами персонального представительства и корпоративного кооптирования.

Действующий порядок формирования Совета Федерации, с точки зрения системного правового анализа, обеспечивает административную управляемость и профессиональную работу палаты, но критически ослабляет прямую политическую и правовую связь сенаторов с населением и органами власти представляемых ими регионов. Это создает дисбаланс в реализации конституционных принципов народовластия (ст. 3 Конституции РФ) и федерализма (ст. 5 Конституции РФ), поскольку ослабляет обратную связь и ответственность федерального законодателя перед региональными сообществами.

В целях укрепления легитимности, повышения политической конкуренции и реализации изначального замысла Конституции о Совете Федерации как «палате регионов» представляется обоснованной постановка вопроса о целесообразности перехода к прямым выборам сенаторов населением субъектов Российской Федерации.

Таким образом, совершенствование порядка формирования Совета Федерации является не техническим, а стратегическим вопросом развития российского федерализма и укрепления парламентаризма как основы конституционного строя Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // URL: <https://pravo.gov.ru/>
2. Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : ВС РСФСР 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР, 1978, № 15, ст. 407.
3. Закон Российской Федерации от 9 декабря 1992 г. № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Федерации – России» : Постановление от 12 декабря 1992 г. № 4079-1 Съезда Народных Депутатов Российской Федерации // Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, № 2, ст. 55.
4. Конституционное право : учебник для бакалавров / М. В. Варлен, Е. Н. Дорошенко, С. А. Зенкин [и др.]; отв. ред. В. И. Фадеев; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 592 с.
5. Калужин С. Э. Проблема совершенствования системы представительной власти Российской Федерации в контексте конституционной реформы 1993 года // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sovershenstvovaniya-sistemy-predstavitelnoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-1993-goda/>
6. Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» : Указ Президента РФ от 5 декабря 1995 г. № 192-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 11 декабря 1995 г., № 50, ст. 4869.

7. Филиппова Н. А. Представительство субъектов Российской Федерации : доктринальные основы и особенности конституционно-правового регулирования : 12.00.02 : дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

8. Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» : Указ Президента РФ от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ // Российская газета, № 152, 08.08.2000.

9. Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» : Указ Президента РФ от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.12.2012, № 50 (часть 4), ст. 6952.

10. Закон Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» : Указ Президента РФ от 3 июля 2020 г. № 445 // Собрание законодательства Российской Федерации, 16.03.2020, № 11, ст. 1416.

References

1. Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on December 12, 1993 // the official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru/>

2. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic : Supreme Soviet of the RSFSR on April 12, 1978 // Vedomosti VS RSFSR, 1978, № 15, art. 407.

3. Law of the Russian Federation dated December 9, 1992 № 4061-1 «On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the Russian Federation – Russia» : Resolution № 4079-1 of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation dated December 12, 1992 // Vedomosti of the People's Commissariat of Internal Affairs and the Armed Forces of the Russian Federation, January 14, 1993, № 2, art. 55.

4. Constitutional law: a textbook for bachelors / M. V. Varlen, E. N. Doroshenko, S. A. Zenkin [et al.]; ed. by V. I. Fadeev; Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA). 2nd ed., revised. and add. M. : Prospekt, 2017. 592 p.

5. Kalyuzhin S. E. The problem of improving the system of representative government of the Russian Federation in the context of the constitutional reform of 1993 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sovershenstvovaniya-sistemy-predstavitelnoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-1993-goda/>

6. Federal Law «On the Procedure for the Formation of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation» : Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 1995 № 192-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 11, 1995, № 50, art. 4869

7. Filippova N. A. Representation of the subjects of the Russian Federation : doctrinal foundations and features of constitutional and legal regulation : 12.00.02 : dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2011.

8. Federal Law «On the Procedure for Forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation» : Decree of the President of the Russian Federation dated August 5, 2000 № 113-FZ // Rossiyskaya Gazeta, № 152, 08.08.2000.

9. Federal Law «On the Procedure for Forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation»: Decree of the President of the Russian Federation dated December 3, 2012 № 229-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 10, 2012, № 50 (Part 4), art. 6952.

10. Law of the Russian Federation «On Amendments to the Constitution of the Russian Federation «On Improving regulation of certain issues of the organization and functioning of public power» : Decree of the President of the Russian Federation dated July 3, 2020 № 445 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 16.03.2020, № 11, art. 1416.

Информация об авторе

Т. С. Лангнер – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

T. S. Langner – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 04.03.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 04.03.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/uhilyl>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-1/26-385

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2026-01-584

Методологические проблемы исследования государственного управления

Артур Леонович Миронов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

arturmironov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу методологических проблем, возникающих в процессе научного исследования феномена государственного управления. Автор рассматривает государственное управление как объект, находящийся на пересечении политики, права, экономики и социологии.

Ключевые слова: государственное управление, методология исследования, методологические проблемы, государство, народ, право, социология, экономика

Для цитирования: Миронов А. Л. Методологические проблемы исследования государственного управления // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 78–81. EDN: UHILYL.

Original article

Methodological problems in the study of public administration

Artur L. Mironov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

arturmironov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the methodological problems that arise in the process of scientific research on the phenomenon of public administration. The author considers public administration as an object that lies at the intersection of politics, law, economics and sociology.

Keywords: public administration, research methodology, methodological problems, state, people, law, sociology, economics

For citation: Mironov A. L. Methodological problems in the study of public administration. Bulletin of economic security. 2026;(1):78–81. (In Russ.). EDN: UHILYL.

Актуальность темы. Исследование государственного управления сталкивается с комплексом методологических проблем, что делает данную тему исключительно актуальной по нескольким причинам. Современные вызовы, к которым относится цифровизация, трансформация общественных запросов, требуют от государства адекватных и эффективных управленческих решений. Качество этих решений напрямую зависит от глубины и достоверности аналитической базы, которая, в свою очередь, определяется состоянием научного инструментария. Преодоление методологических тупиков позволяет перейти от описания проблем к выработке работающих моделей и прогнозов. Также государственное управление как междисциплинарная область знаний (политология, право, экономика, социология и т. д.)

страдает от эклектики подходов. Отсутствие единого методологического подхода затрудняет накопление и систематизацию знания, ведет к фрагментарности исследований. Актуализация методологической рефлексии способствует консолидации научного сообщества и прогрессу дисциплины. Сам объект – система государственного управления – непрерывно усложняется, становясь более сетевой, гибридной и интерактивной. Традиционные, преимущественно нормативно-институциональные и линейные методологии не успевают фиксировать эти изменения. Возникает потребность в адаптации сложных, нелинейных и междисциплинарных методов.

Таким образом, актуальность статьи обусловлена насущной потребностью в «настройке» исследователь-

ского инструментария для адекватного познания быстро меняющейся реальности государственного управления с целью повышения его эффективности.

Предметом исследования является совокупность гносеологических и практических затруднений, возникающих в процессе научного познания системы государственного управления, связанных с выбором, обоснованием и применением исследовательских подходов, парадигм, методов и методик.

Цель исследования заключается в анализе методологических проблем, возникающих в процессе научного познания феномена государственного управления на современном этапе.

Феномен «государственное управление» играет ведущую роль в жизни любого государства и общества. Эта роль постоянно растет, поскольку увеличиваются масштабы политического, экономического, социально-культурного строительства.

Государственное управление – это целенаправленное воздействие государства на общественные процессы и явления, отношения и деятельность людей.

Современные подходы к государственному управлению и публичной политике впитали в себя базовые принципы, разработанные еще классиками античной философии – Платоном и Аристотелем. Существенную роль в их развитии сыграли также концепции авторов более поздних исторических периодов: итальянского мыслителя Н. Макиавелли, английского философа Дж. Локка, французских просветителей Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, а также одного из создателей американской политической системы Т. Джефферсона. Немаловажным было влияние немецкой философской традиции, представленной трудами И. Канта и Г. Гегеля, а также социально-экономические и политологические теории К. Маркса и М. Вебера. К этому интеллектуальному наследию примыкают идеи ученых двадцатого века, такие как работы итальянского социолога В. Парето, заложившего основы современного анализа элит. Значительный вклад в теорию эффективного и легитимного управления внесли российские правоведы и практики государственного строительства, среди которых Б. Н. Чичерин, Н. И. Лазаревский, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, П. А. Столыпин и С. Ю. Витте. В настоящее время по широкому кругу проблем, связанных с функционированием государства и выработкой публичной политики, накоплен обширный корпус научных изысканий и прикладных разработок [1, с. 17].

Как указывает Иванова А. А. [2, с. 4] природу и специфику государственного управления определяет следующее:

во-первых, субъект управления. В качестве субъекта целенаправленных, организующих и регулирующих воздействий выступает государство;

во-вторых, государственное управление опирается и представляет собой способ реализации государственной власти. Законы и иные основные, общие, типовые решения, правила, нормы, установленные государствен-

ной властью, являются общеобязательными, обеспечиваются авторитетом и силой государства;

в-третьих, специфический характер и объем охватываемых управлением общественных явлений. В центре внимания государственного управления лежат решения общих (публичных) дел, согласование действий всех граждан, защита совместного (публичного) интереса, удовлетворение потребностей общества, а не отдельных граждан и социальных групп;

в-четвертых, комплексный характер методов и средств государственного воздействия. Методы – это способы и средства достижения поставленных целей, решения возникающих задач [3, с. 5]. Используются не только правовые, политические, экономические методы (регулирование, согласование, убеждение, стимулирование), но и методы принуждения, например, с помощью правоохранительных государственных органов.

Целевая направленность государственного управления означает постановку рациональных (т. е. соответствующих имеющимся ресурсам) целей и задач. Масштабы государственного управления имеют определенные границы, которые определяются характером объекта управления, естественными правами человека, объективной необходимостью естественного саморегулирования общества, реальными возможностями самого общества, а также уровнем развития системы государственного управления и возможностями государства. Границы государственного управления как раз таки во многом зависят от его возможностей.

Существует методология исследования государственного управления отдельных наук – права, экономики, политологии, философии, социологии и других. И каждая из них дает свой срез объекта и предмета изучения.

Применительно к государственному управлению методология представляет собой совокупность субъектов и объектов, целей и задач, принципов, подходов и функций, критериев и показателей, форм и методов управления. Важнейшим составным элементом государственного управления являются методологические установки и подходы, которые оказывают определяющее воздействие на все составляющие методологии управления.

Методологические установки и подходы к государственному управлению могут существенно отличаться друг от друга, что ведет к формированию различных школ, объединяющих ученых-единомышленников. Можно выделить тоталитарный, демократический и государственно-религиозный методологические подходы. Принципы государственного управления – это основополагающие правила и рекомендации, которые должны учитываться и выполняться в практической деятельности на всех уровнях управления. Методы государственного управления – это способы воздействия на управляемый объект, обеспечивающие достижение желаемого результата.

Как указывает А. Турчинов, термин «методология» многозначен [4, с. 29]. Методология – это определяющее начало процесса познания, система общетеоретических требований, которые реализуются в комплексе конкретных требований и приемов научного познания и объяснения объектов социальной действительности. Методологию можно определить как принципы организации исследований, «нормы», при помощи которых выбираются и оформляются процедуры познания [5, с. 28]. Достаточно емкое определение представляет Э. Г. Юдин: это учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности [6, с. 56]. Конкретизация данного определения для научной деятельности приводит к пониманию методологии как учения о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности.

Отметим, что исследование государственного управления как научная задача неизбежно сталкивается с комплексом методологических трудностей, коренящихся в двойственной природе самого объекта. С одной стороны, управление предстает как формальная, рационально выстроенная система, воплощенная в законах, регламентах, иерархиях и процедурах. С другой – это живая, динамичная ткань политических торгов, неформальных практик, ценностных конфликтов и повседневных решений.

Методологические проблемы исследования государственного управления представляют собой сложный комплекс познания и инструментальных затруднений, возникающих на стыке теории и практики. Их осмысление является не условностью, а насущной необходимостью для любого ученого, стремящегося к получению объективного и релевантного знания о функционировании публичной власти.

Обратим внимание, что государственное управление – это сверхсложный, динамичный и ценностно нагруженный объект. Любой его анализ упирается в методологические вопросы: «Как изучать?», «С каких позиций?», «Какими инструментами?».

Ведущее место в методологии государственного управления принадлежит системному и ситуационному анализу. Сложность и многоаспектность государственного администрирования требуют исследования фактов в их совокупности и взаимообусловленности, поэтому система государственного управления рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов. В рамках этой системы каждому элементу принадлежат четко определенные место и функции. Системный анализ, выступая в качестве методологической основы, позволяет вычленив саму структуру управленческого механизма, определить его составные части – институты, нормы, процедуры, ресурсы – и проанализировать устойчивые связи между ними. Это взгляд «сверху», дающий понимание статики системы, ее архитектоники. Однако государственное управление – не застывшая схема, а непрерывный динамический процесс, протекающий в реальном времени и в конкретных историче-

ских, экономических и социальных условиях. Здесь на первый план выходит ситуационный анализ, который фокусируется на «живой ткани» административной деятельности. Он рассматривает систему в действии, под влиянием внутренних и внешних возмущений, будь то экономический кризис, природная катастрофа или технологический прорыв. Ситуационный подход диктует необходимость гибкости, адаптивности управленческих реакций, требуя от аппарата не просто следования предписанным алгоритмам, но и способности к диагностике уникальных обстоятельств и выработке адекватных решений.

Таким образом, системный и ситуационный анализы не противостоят, а взаимодополняют друг друга, образуя двуединую методологическую основу. Первый отвечает на вопросы «из чего состоит» и «как устроено», второй – «как работает здесь и сейчас» и «как реагировать на изменение обстановки». Их синтез позволяет избежать как абстрактного, оторванного от реальности моделирования, так и сугубо эмпирического, лишенного структурного видения подхода к управленческим проблемам.

Обратим внимание, что исследование государственного управления находится на стыке политологии, права, экономики, социологии и других наук. Это приводит к эклектике методов, конкуренции теоретических подходов (институционального, неинституционального, сетевого, поведенческого и др.) и затрудняет выработку общей объяснительной модели.

Очень часто проблема методологического характера возникает из-за латентности многих управленческих процессов. Ключевые решения нередко принимаются в рамках неформального общения в узком кругу лиц, а их фиксация может носить фрагментарный характер или быть сознательно искаженной. Официальные документы, отчеты и регламенты демонстрируют лишь внешнюю, формальную часть работы. Подлинная практика, мотивы участников, неписанные правила и способы отклонения от установленных процедур остаются недоступными для стороннего наблюдателя. Это создает серьезные сложности в получении достоверных эмпирических данных и оценке надежности источников. В таких условиях исследователь вынужден использовать косвенные методики: интервью, наблюдение с участием, изучение сетевых коммуникаций, что, в свою очередь, позволит увеличить степень субъективности при анализе полученных сведений.

Следующей проблемой является объективность и ценностная нагруженность. Государственное управление тесно связано с властью, политикой и идеологией. Исследователю сложно сохранить нейтральность, а критерии оценки эффективности (например, демократичность, легитимность, экономичность) часто носят нормативный характер.

Обратим внимание на динамическое соответствие методологии скорости изменений в самом объекте. Цифровая трансформация, появление искусственного интел-

лекта, переход к сетевым моделям координации принципиально меняют природу государственного управления. Традиционные иерархические модели и методы их изучения быстро устаревают. Методологические подходы, сложившиеся в условиях традиционного государства, часто оказываются неспособными своевременно трансформироваться в соответствии с современными реалиями. Поэтому происходит стирание четких границ между государственным сектором, коммерческими структурами и общественными институтами, а сам процесс управления превращается в постоянное цифровое взаимодействие. Подобные изменения диктуют необходимость не только обновления инструментария, но и пересмотра основных представлений о том, что есть государственное управление в XXI в.

Ключевой проблемой, по нашему мнению, является существенный разрыв между знанием и реальной управленческой практикой. Потому что теоретические модели часто оказываются слишком абстрактными для решения прикладных задач, а практики могут игнорировать теоретические обобщения.

Следовательно, методологические сложности, присущие изучению государственного управления, носят принципиальный характер и коренятся в специфике самого объекта анализа. Их преодоление не может считаться раз и навсегда завершенным; оно предполагает со стороны исследователей непрерывную работу по осмыслению оснований познания, критическую оценку укоренившихся парадигм и активный поиск интегративных методических решений. Эти решения призваны отражать сложную, динамичную и многогранную сущность отношений власти и управления в современных условиях. Движение вперед в данной сфере связано не с открытием универсальной и окончательной модели, а с поддержанием конструктивного диалога между различными школами методологической мысли при неукоснительном следовании нормам научной строгости и ответственности.

Информация об авторе

А. Л. Миронов – докторант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. L. Mironov – Doctoral Student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 04.03.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 04.03.2026.

Список источников

1. Иванченко О. С. Основы государственного и муниципального управления. ООО «Феникс», 2021. 270 с.
2. Научные основы государственного и муниципального управления : учебное пособие. Ижевск : ИЭИУ ФГБОУ ВО «УдГУ», 2018. 52 с.
3. Методы и формы государственного управления / под ред. А. Е. Лунева. М. : Юр. лит, 1977. 333 с.
4. Турчинов А. Проблемы теории и методологии государственного управления и государственной службы // Государственная служба. 2008. № 5 (55). С. 28–36.
5. Государственная политика и управление : учебник. В 2 ч. Часть I. Концепции и проблемы государственной политики и управления / Под ред. Л. В.Сморгунова. М. : «Российская политическая энциклопедия». 395 с.
6. Юдин Э. Г. «Методология науки. Системность. Деятельность» (1997). 444 с.

References

1. Ivanchenko O. S. Fundamentals of State and Municipal Administration. LLC «Phoenix», 2021. 270 p.
2. Scientific Foundations of State and Municipal Administration : textbook. Izhevsk : IEEU FGBOU VO «UDSU», 2018. 52 p.
3. Methods and Forms of Public Administration / edited by A. E. Lunev. M. : Yuridicheskaya Literatura, 1977. 333 p.
4. Turchinov A. Problems of Theory and Methodology of Public Administration and Civil Service // State Service. 2008. № 5 (55). P. 28–36.
5. State Policy and Administration : textbook. In 2 parts. Part I. Concepts and Problems of Public Policy and Administration / Edited by L. V. Smorgunov. M. : Russian Political Encyclopedia. 395 p.
6. Yudin E. G. «Methodology of Science. Systemity. Activity» (1997). 444 p.

Научная статья

УДК 349.2

EDN: <https://elibrary.ru/eygtpv>

ИПОН: 2015-0066-1/26-386

MOSURED: 77/27-011-2026-01-585

Вид профессиональной деятельности как элемент национальной системы квалификаций. Часть первая

Федор Георгиевич Мышко

Государственный университет управления, Москва, Россия, fg_myshko@guu.ru

Аннотация. С развитием техники и технологий на рынке труда возник вопрос об обеспечении квалификационными кадрами, который является актуальным и по настоящее время. В этой связи с начала 2000-х гг. начата работа по разработке новой национальной системы квалификаций, основанной на профессиональных стандартах. Ранее существовавшая система квалификаций, основанная на единых квалификационных справочниках, устаревала. Поскольку основной интерес в квалифицированных кадрах имеет бизнес, именно работодателям и их представителям было доверено формирование системы профессиональных стандартов – характеристик квалификаций. За основу систематизации актуализированной национальной системы квалификаций был принят «вид профессиональной деятельности».

Проводится анализ выделения «видов профессиональной деятельности» как классифицирующего элемента системы квалификаций, а также анализ видов профессиональной деятельности в комплексе трудовых действий, отраженных в квалификационных справочниках.

Исследование проведено коллективом авторов, состоит из двух частей, первая часть представлена Мышко Ф. Г. В первой части определена проблематика, проанализированы подходы к выделению видов профессиональной деятельности. Применены общенаучные методы исследования, контент-анализ, сравнительный анализ.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, квалификационные справочники, национальная система квалификаций, характеристика квалификаций, вид профессиональной деятельности, область профессиональной деятельности

Для цитирования: Мышко Ф. Г. Вид профессиональной деятельности как элемент национальной системы квалификаций. Часть первая // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 82–85. EDN: EYGTPV.

Original article

A type of professional activity as an element of the national qualification system. Part one

Fyodor G. Myshko

State University of Management, Moscow, Russia, fg_myshko@guu.ru

Abstract. With the development of technology and technology in the labor market, the issue of providing qualified personnel has arisen, which is still relevant today. In this regard, since the early 2000s, work has begun on the development of a new national qualifications system based on professional standards. The previously existing qualifications system based on unified qualification reference books has become obsolete. Since business has the main interest in qualified personnel, it was employers and their representatives who were entrusted with the formation of a system of professional standards – characteristics of qualifications. The «type of professional activity» was adopted as the basis for the systematization of the updated national qualifications system.

The analysis of the allocation of «types of professional activity» as a classifying element of the qualifications system is carried out, as well as the analysis of types of professional activity in the complex of labor actions reflected in qualification reference books.

The study was conducted by a team of authors and consists of two parts, the first part is presented by F. G. Myshko. In the first part, the problems are identified and approaches to identifying types of professional activities are analyzed. General scientific research methods, content analysis, and comparative analysis are applied.

Keywords: professional standards, qualification manuals, national qualification system, qualification characteristics, type of professional activity, field of professional activity

For citation: Myshko F. G. A type of professional activity as an element of the national qualification system. Part one. Bulletin of economic security. 2026;(1):82–5. (In Russ.). EDN: EYGTPV.

© Мышко Ф. Г., 2026

Президент РФ своим поручением в сентябре 2023 г.¹ активизировал необходимость обновления профессиональных стандартов, потребовал обеспечить гибкую систему их актуализации и унификации, включая виды профессиональной деятельности как элемента системы профессиональных стандартов.

Принято считать, что построение профессиональных стандартов в отличие от ЕКС и ЕТКС выстроено на основе «*вида профессиональной деятельности*» [2; 7] (далее – ВПД).

В научной и практической литературе широко используется понятие «*вид профессиональной деятельности*», однако легального правового определения этого термина не имеется [4].

Национальная энциклопедическая служба дает такие понятия «*вида профессиональной деятельности*»:

- это «методы, способы, приемы, характер воздействия на объект профессиональной деятельности с целью его изменения, преобразования»²;
- это «совокупность методов, приемов и способов воздействия на объект профессиональной деятельности с целью его изменения, преобразования»;
- это «совокупность трудовых функций, требующих профессиональной подготовки, рассматриваемых в контексте определенной сферы их применения, характеризующиеся специфическими объектами, условиями, инструментами и результатами труда, а также требованиями к квалификации работника».

В нормативных правовых и иных актах встречается понятие «*вид профессиональной деятельности*».

Например, в приказе Минтруда об утверждении Реестра профессиональных стандартов (перечня ВПД) [8]. Причем, из самого приказа и наименования реестра усматривается *идентичность* реестра профессиональных стандартов и перечня ВПД, т. е. их равнозначное смысловое понимание.

Координаторами разработки профессиональных стандартов (представителями Национального совета при Президенте РФ по профессиональным квалификациям) в начале пути реформирования были изданы рекомендации по анализу трудовой деятельности в целях выделения ее областей и видов для систематизации профстандартов [5].

Анализ профессиональной деятельности для выделения из нее ВПД – это самый первый шаг на пути разработки профстандартов. В рекомендациях было подробно расписано, каким образом следует определять границы и ключевые области ВПД. Предполагалось, что в один ВПД может входить несколько ключевых профессий, которые обеспечивают этот вид. В процессе анализа, в частности, предполагалось определить взаимосвязанные

или однородные профессии из различных отраслей экономики, поскольку ни одна из отраслей не может быть автономной. Например, газовая отрасль пересекается со строительной и с жилищно-коммунальными сферами и т. д.

Кроме того, предполагалось проанализировать наиболее распространенные наименования должностей/профессий, которые могут быть использованы в рамках этого ВПД.

ВПД, если в его составе имеются группы неоднородных друг к другу направлений, может делиться на подвиды. Например, ВПД «издательство» может подразделяться на такие подвиды: «издание книг», «издание журналов», «издание газет» и т. д.

Другой пример: сектор «финансовых услуг» как самостоятельный ВПД, может классифицироваться на подвиды: «банковская деятельность», «страховая деятельность», «финансовое консультирование», «кредиты, финансы, лизинг» и т. д.

При этом предлагалось для описания ВПД изучить и отразить следующие моменты:

- общая численность предприятий, занятых этим видом деятельности;
- общая численность занятых на предприятиях работников;
- «география» распределения предприятий этого вида деятельности;
- основные показатели деятельности: доля производимой продукции в общем объеме ВВП, доля занятого по численности населения.

При определении ВПД предлагалось определить «укрупненные группы профессий/должностей/специальностей», входящих в этот вид, и квалификационные требования к ним. При этом рекомендовано классифицировать укрупненные группы:

- по их значимости или активности использования в данном виде деятельности;
- по их уровню квалификации.

Например, в ВПД «Издательство» могут включаться такие укрупненные группы должностей/профессий/специальностей:

- искусствоведческие;
- исследовательские;
- маркетинг;
- реклама;
- продажи;
- производство;
- общий персонал и т. д.

В российской системе «издательские услуги» объединены в единую область профессиональной деятельности (далее – ОПД) с другими видами работы: СМИ и полиграфия. В этой ОПД на данный момент выделено 20 различных ВПД³. Так, непосредственно к изда-

¹ Перечень поручений по итогам расширенного заседания Президиума Госсовета // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/75449/>

² Письмо Минобрнауки РФ от 13 мая 2010 г. № 03-956 «О разработке вузами основных образовательных программ» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902256946/>

³ Реестр областей и видов профессиональной деятельности // URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-oblastey-i-vidov-professionalnoy-deyatelnosti/?SECTION_ID=802/

тельской деятельности как самостоятельные ВПД выделены:

- «деятельность по созданию фотографического изображения с помощью специальных технических средств»;
- «дизайн объектов и систем визуальной информации, идентификации и коммуникации».

Как видим, ничего общего с предложенным в Рекомендациях механизмом имеющейся «схемы» выделения ВПД в отдельную единицу в издательской деятельности не имеется.

Другой пример: в ВПД «Управление бытовыми и производственными отходами» включаются такие укрупненные профессии/должности/специальности по видам занятий:

- 1) сбор и транспортировка мусора;
- 2) обезпечение мусороперерабатывающей деятельности;
- 3) захоронение отходов;
- 4) общие профессии (управление, законодательное обезпечение и т. д.).

Так, в Великобритании в указанный ВПД входит 190 профессий, занятых основной деятельностью, и 70 – работающих на вспомогательных участках [7].

В рекомендациях Минздравсоцразвития¹ изначально ВПД определялся как составная часть ОПД, образованная целостным набором трудовых функций и необходимых для их выполнения компетенций².

Дальнейшие рекомендации Минтруда³, а также рекомендации, разработанные АНО НАРК [3], определяют ВПД как совокупность обобщенных трудовых функций, имеющих близкий характер, результаты и условия труда.

Справочный сайт «Профессиональные стандарты»⁴ имеет подраздел «Реестр областей и видов профессиональной деятельности». ВПД сгруппированы на нем по областям профессиональной деятельности, определенным приказом Минтруда России [8]. Каждая ОПД содержит целый ряд ВПД, которые имеют свой код. При этом каких-либо системных подходов к определению видов профессиональной деятельности не имеется.

Одним из элементов⁵ поисковой системы в реестре профессиональных стандартов является «вид про-

фессиональной деятельности». Однако, рядом с этим поисковым элементом предлагается воспользоваться справочником «ОКЗ ОК 010-93»⁶, который утратил силу⁷.

Несмотря на наличие Реестра областей и видов профессиональной деятельности, сформированного Минтрудом России, тем не менее, для поиска профессиональных стандартов он не используется. Напрашивается вывод, что Минтруд России признает несовершенство собственного реестра видов профессиональной деятельности. На это указывает и то, что сформированный Минтрудом Реестр областей и видов профессиональной деятельности не размещен на главной странице сайта «Профессиональные стандарты», и найти его можно только через свободный поиск на Яндекс-странице при случайном поисковом попадании.

Сайт Минтруда «Профессиональные стандарты» в подразделе «Справочная информация» раздела «Справочно-информационный блок» содержит рекомендации по определению ВПД⁸. Из рекомендаций следует, что единого перечня видов профессиональной деятельности на момент начала разработки профессионального стандарта не имелось. Наоборот, предполагалось формировать такой перечень на основании разработанных профессиональных стандартов. Рекомендациями предлагалось определять ВПД исходя из сложившегося разделения труда, предполагалось, что ВПД будет отражать в себе часть производственного или бизнес-процесса. В рекомендациях были выделены признаки корректного определения ВПД:

1. ВПД определен и включает в себя часть производственного процесса, сложившегося в результате разделения труда.

2. ВПД выделяет общую цель этой деятельности, определяет обобщенные методы и результаты труда, полученные в результате этой деятельности. В качестве *положительного примера* в Приложении № 1⁹ к указанным Рекомендациям проанализирован профессиональный стандарт «Специалист по эксплуатации лифтового

reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/?sort=PROPERTY_KIND_PROFACT&order=desc/

⁶ Общероссийский классификатор занятий. ОК 010-93, утв. Постановлением Госстандарта РФ от 30 декабря 1993 г. № 298 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115767/fe0fcde01af39800bd620af2a8e83bd5634875f4/

⁷ Приказ Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2020-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ) ОК 010-2014 (МСКЗ-08)» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=249639/>

⁸ Профессиональные стандарты // URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/spravochno-informatsionnyy-blok/reference-info/opredelenie-vida-professionalnoy-deyatelnosti.php?VERSION_STYLE=style2/

⁹ Профессиональные стандарты // URL: [https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/spravochno-informatsionnyy-blok/reference-info/doc_viewer.php?file_src=upload/medialibrary/c9a/Приложение_1.docx&title=Приложение%201%20\(docx,%2031%20КБ\)/](https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/spravochno-informatsionnyy-blok/reference-info/doc_viewer.php?file_src=upload/medialibrary/c9a/Приложение_1.docx&title=Приложение%201%20(docx,%2031%20КБ)/)

¹ Минздравсоцразвития – Министерство здравоохранения и социального развития, которое в дальнейшем реорганизовано на два министерства, включая Министерство труда и социальной защиты.

² Временные методические рекомендации по разработке отраслевой рамки квалификаций на основе Национальной рамки квалификаций Российской Федерации, утв. Минздравсоцразвития РФ 22 декабря 2011 г. // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70035136/>

³ Методическими рекомендациями по разработке профессионального стандарта (утв. Приказ Минтруда России от 29 апреля 2013 г. № 170н) // URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/104/>

⁴ Профессиональные стандарты // URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-oblastey-i-vidov-professionalnoy-deyatelnosti/?sort=PROPERTY_DEVELOPERS&order=asc/

⁵ Профессиональные стандарты // URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy->

оборудования»¹, где цель ВПД определена как «Обеспечение безопасной эксплуатации лифтов». Вместе с тем, сам ВПД определен как «Эксплуатация, техническое обслуживание и ремонт (модернизация) лифтов». При этом определены *признаки выделения вида профессиональной деятельности* «Эксплуатация, техническое обслуживание и ремонт (модернизация) лифтов» в качестве самостоятельного вида:

- характер труда – эксплуатация, техническое обслуживание и ремонт (модернизация);
- предмет труда – лифты.

Неопределенность понятия «вид профессиональной деятельности» приводит к тому, что разработчики профстандартов трактуют это понятие, а соответственно, и разрабатывают профстандарты на свое усмотрение, хаотично, бессистемно.

К такому выводу приводит последующее детальное изучение различных профессиональных стандартов.

Библиографический список

1. Волошина И. А., Новиков П. Н., Прянишникова О. Д. Научные подходы к понятию «вид профессиональной деятельности» и практика его применения // Социально-трудовые исследования. 2024. № 3 (56). С. 18–31.
2. Кузнецова М. Е. Профессиональные стандарты : характеристика, этапы перехода // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 1 (23). С. 93–99.
3. Лейбович А. Н., Волошина И. А., Прянишникова О. Д., Клинк О. Ф., Есенина Е. Ю. Рекомендации по формированию рамок квалификаций областей профессиональной деятельности. М. : Перо, 2016. 26 с.
4. Мышко Ф. Г., Титор С. Е., Линькова И. В. Кадровый менеджмент в сфере здравоохранения. Монография. М., 2019.
5. Прокопов Ф. Т., Муравьева А. А., Олейникова О. Н., Подольский Д. А., Уткина В. В. Профессиональные стандарты. Рекомендации по анализу трудовой

¹ Приказ Минтруда России от 31 марта 2021 г. № 203н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по эксплуатации лифтового оборудования» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383828&ds t=100088&cacheid=769673DC30777635CD1B9CA837D226E9&mo de=splus&rnd=20sT7kUCoAzeUu6h2#KRxT7kUe3blZx8Zm/>

деятельности и разработке функциональных карт. М. : «Виртуальная галерея», 2014. 56 с.

6. Титор С. Е. Управление образованием в Германии. E-Management. 2022. Т. 5. № 1. С. 69–79.

7. Титор С. Е., Линькова И. В. Управление формированием профессиональных компетенций в сфере здравоохранения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 88–94.

8. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29 сентября 2014 г. № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)» // URL: <https://base.garant.ru/70807194/>

Bibliographic list

1. Voloshina I. A., Novikov P. N., Pryanishnikova O. D. Scientific approaches to the concept of «type of professional activity» and the practice of its application // Social and labor research. 2024. № 3 (56). P. 18–31.
2. Kuznetsova M. E. Professional standards : characteristics, stages of transition // Bulletin of Surgut State University. 2019. № 1 (23). P. 93–99.
3. Leibovich A. N., Voloshina I. A., Pryanishnikova O. D., Klink O. F., Yesenina E. Y. Recommendations on the formation of qualifications frameworks for areas of professional activity. M. : Pero, 2016. 26 p.
4. Myshko F. G., Titor S. E., Linkova I. V. Personnel management in the healthcare sector. Monograph. M., 2019.
5. Prokopov F. T., Muravyeva A. A., Oleinikova O. N., Podolsky D. A., Utkina V. V. Professional standards. Recommendations for the analysis of labor activity and the development of functional maps. M. : «Virtual Gallery», 2014. 56 p.
6. Titor S. E. Education management in Germany. E-Management. 2022. Vol. 5. № 1. P. 69–79.
7. Titor S. E., Linkova I. V. Management of the formation of professional competencies in the field of healthcare // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3. P. 88–94.
8. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 29, 2014 № 667n «On the Register of professional standards (list of types of professional activity)» // URL: <https://base.garant.ru/70807194/>

Информация об авторе

Ф. Г. Мышко – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

F. G. Myshko – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Научная статья

УДК 343.01

EDN: <https://elibrary.ru/betjwd>

ИПОН: 2015-0066-1/26-387

MOSURED: 77/27-011-2026-01-586

Дефицит государственного воздействия в правовом регулировании института гражданства Российской Федерации

Ярослав Николаевич Недрага

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

yaroslav_nedraga@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ института гражданства Российской Федерации, процедур его приобретения и прекращения. Рассмотрены последние изменения в законодательстве Российской Федерации в данной сфере. Детально изучены новые основания прекращения гражданства Российской Федерации, связанные с совершением преступлений. Исследованы правовой, социальный и экономический аспекты института гражданства Российской Федерации. Определены факторы, влияющие на основания прекращения гражданства Российской Федерации. Предложены меры по повышению эффективности осуществления процедур приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации. Рассмотрены варианты ужесточения оснований прекращения и приобретения гражданства Российской Федерации. Доказана эффективность использования преюдиционных технико-юридических механизмов в осуществлении приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации. Установлен и изучен механизм трансформации ответственности за совершение административных правонарушений, и предложен порядок прекращения гражданства Российской Федерации в случае повторного совершения административных правонарушений. Проработаны предложения по совершенствованию законодательства в целях эффективного противодействия административным правонарушениям и преступлениям, в том числе повторно совершенным лицами, приобретшими гражданство Российской Федерации. Определены отличительные особенности социальных и экономических мер воздействия на граждан, приобретающих гражданство Российской Федерации. Проработан вопрос о включении всех органов государственной власти в осуществление института гражданства Российской Федерации. Выявлены проблемы, затрудняющие применение положений законодательства в случаях прекращения гражданства Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданство РФ, основания приобретения и прекращения гражданства РФ, изменения в законодательстве РФ в сфере приема и прекращения гражданства, совершенствование законодательства РФ в сфере института гражданства, функция органов государственной власти в институте гражданства РФ, использование административной преюдиции в институте гражданства РФ, социальные аспекты приобретения гражданства РФ, экономические аспекты приобретения гражданства РФ, правовые аспекты приобретения гражданства РФ, противодействие уголовным и административным нарушениям лиц, приобретших гражданство РФ, предложения по совершенствованию системы приема в гражданство РФ

Для цитирования: Недрага Я. Н. Дефицит государственного воздействия в правовом регулировании института гражданства Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 86–92. EDN: BETJWD.

Original article

Exposure deficit in the regulation of citizenship of the Russian Federation

Yaroslav N. Nedraga

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

yaroslav_nedraga@mail.ru

Abstract. The institution of Russian Federation citizenship, its acquisition, and termination procedures are being analyzes. Recent changes in Russian Federation legislation in this area have been considered. New grounds for termination of Russian citizenship related to the commission of crimes have been studied in detail. The legal, social, and economic

© Недрага Я. Н., 2026

aspects of Russian Federation citizenship are explored. Factors influencing the grounds for termination of Russian citizenship have been identified. Measures are proposed to improve the efficiency of the procedures for acquiring and terminating Russian citizenship. Options for tightening the grounds for termination and acquisition of Russian citizenship have been considered. The effectiveness of using pre-judicial legal-technical mechanisms in the acquisition and termination of Russian Federation citizenship has been proven. The mechanism of transforming responsibility for administrative offenses has been established and studied, and a procedure for terminating Russian citizenship in case of repeated administrative offenses has been proposed. Proposals have been developed to improve legislation for effective counteraction to administrative offenses and crimes, including those committed repeatedly by persons who have acquired Russian citizenship. Distinguishing features of social and economic measures affecting individuals acquiring Russian citizenship have been identified. The issue of involving all state authorities in the implementation of the institution of citizenship of the Russian Federation has been addressed. Problems hindering the application of legislation in cases of termination of Russian citizenship have been identified.

Keywords: citizenship of the Russian Federation, grounds for acquisition and termination of citizenship of the Russian Federation, changes in the legislation of the Russian Federation in the sphere of admission and termination of citizenship, improvement of the legislation of the Russian Federation in the sphere of the institution of citizenship, function of government bodies in the institution of citizenship of the Russian Federation, use of administrative prejudice in the institution of citizenship of the Russian Federation, social aspects of acquisition of citizenship of the Russian Federation, economic aspects of acquisition of citizenship of the Russian Federation, legal aspects of acquisition of citizenship of the Russian Federation, counteraction to criminal and administrative violations of persons who have acquired citizenship of the Russian Federation, proposals for improvement of the system of admission to citizenship of the Russian Federation

For citation: Nedraga Ya. N. Exposure deficit in the regulation of citizenship of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(1):86–92. (In Russ.). EDN: BETJWD.

31 июля 2025 г. внесены изменения в Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – ФЗ № 138-ФЗ) [3]. Основные нововведения коснулись положений закона, регламентирующих порядок и основания приема и прекращения приобретенного гражданства Российской Федерации (гражданства РФ) иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Теперь, согласно ст. 22 указанного Закона, предусмотрены два основания недобровольного прекращения гражданства РФ:

1. Сообщение ложных сведений о соблюдении Конституции и законодательства Российской Федерации. Содержание данного основания устанавливает прекращение гражданства РФ в случаях:

- совершения преступления;
- совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности;
- неисполнения обязанности по первоначальной постановке на воинский учет.

2. Предоставление подложных документов, на основе которых было принято решение о приеме в гражданство РФ.

Согласно ст. 24, 25, 26 ФЗ № 138-ФЗ, устанавливающих не только конкретный перечень преступлений и угроз национальной безопасности, совершение которых влечет прекращение гражданства РФ, но и процессуальный порядок их осуществления, все вышеуказанные основания прекращения гражданства РФ являются непосредственной функцией и исключительной прерогативой правоохранительных органов Российской Федерации.

Выявление и раскрытие преступлений в основной своей массе относится к прямой обязанности подразделений полиции и ФСБ России. Одновременно с этим в соответствии с п. 4 ст. 22 ФЗ № 138-ФЗ процедуры по прекращению гражданства осуществляет «орган, ведающий делами о гражданстве Российской Федерации» [3] – подразделение ГУВМ МВД России. Исполнение положений закона в части прекращения гражданства вследствие установления факта предоставления заявителем подложных документов также является преимущественным правом правоохранительных органов. При этом, согласно п. 2 ст. 25 ФЗ № 138-ФЗ «факт предоставления заявителем поддельных, подложных и недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений устанавливается судом» [3]. Согласно п. 2 ст. 26 данного Закона «факт совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, устанавливается органами федеральной службы безопасности» [3], которые, соответственно, также являются важной частью правоохранительной системы России.

Замысел законодателя о возложении на правоохранительные органы полномочий по производству указанных процедур в целом понятен и логичен. Действительно, такие функции являются непосредственной их (правоохранительных органов) обязанностью. Однако есть несколько существенно спорных, противоречивых аспектов, касающихся непосредственных оснований приема и прекращения гражданства РФ, которые кратко и лаконично будут отражены в данной статье. При этом автор придерживается позиции того, что проблему нужно не только обозначить, но и максимально ее проана-

лизировать, предложить пути наиболее оптимального решения.

Гражданство РФ в соответствии со ст. 4 ФЗ № 138-ФЗ – это «устойчивая правая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей» [3]. Достаточно емкая формулировка позволяет выделить главное: гражданство РФ – прежде всего, явление правовое, социальное и экономическое, возникающее между государством и гражданином. При этом, когда речь идет о приобретении гражданства РФ несовершеннолетними, престарелыми, беспомощными и по каким-либо причинам недееспособными, оно становится явлением семейным; в случаях вооруженного конфликта – военным или даже политическим.

Процесс миграции для любого человека служит первопричиной определения и выбора желаемого гражданства той или иной страны. Миграция, так же, как и гражданство, – явление, прежде всего, социальное, экономическое. В начале статьи были затронуты внесенные в закон изменения оснований лишения гражданства РФ. Необходимо помнить, что все они касаются исключительно лиц, именно приобретших гражданство РФ на основании сознательного волеизъявления.

Согласно статистике, за последние пять лет в гражданство РФ принято более 2,5 млн человек [5]. Наибольшее количество «новых граждан» являются выходцами из стран средней Азии (Таджикистана, Узбекистана, Казахстана). По мнению Первого зампреда думского комитета по делам СНГ Константина Затулина, «люди возмущены тем, что их соотечественниками становятся таджики и узбеки, в каких-то регионах по этой причине останавливают действие программы переселения соотечественников» [6]. В настоящее время сохраняются аналогичные тенденции. Количество граждан из Средней Азии, желающих получить заветное гражданство РФ, не уменьшается, чему способствуют самые, казалось бы, обыкновенные причины:

- 1) возможность заработка элементарного прожиточного минимума, который позволяет спокойно содержать семью из 3–5 человек;
- 2) возможность бесплатного обучения детей и бесплатного получения ими среднего, средне-специального, а при определенных условиях и высшего образования;
- 3) возможность получения бесплатного медицинского обслуживания;
- 4) возможность получения субсидий, льгот, пособий, дотаций и иных выплат от государства, позволяющих не только улучшить свое материальное положение, но и сделать его максимально комфортным;
- 5) возможность развития собственного дела.

При этом последствия бесконтрольного принятия лиц в гражданство РФ катастрофические. В российских школах дети «новых русских» не говорят и не умеют говорить по-русски, а их надо учить, ведь так обязывает закон любого педагога. Некоторые микрорайоны

и районы в мегаполисах России превратились в «про-иностранные гетто». Пространство страны представляет для «новых граждан» интерес не только с социальной, но и с экономической стороны: «новые русские» буквально оккупировали торговлю; строительство; выполнение подрядных работ; службы такси и доставки; услуги питания; производственную деятельность. Продуктовые рынки давно стали источниками отрытого, публичного финансирования иностранных государств. При этом для некоторых «новых граждан» Россия рассматривается как плацдарм и для осуществления противоправной деятельности: осуществляется продажа наркотиков, совершаются убийства и изнасилования, процветает экстремизм, терроризм и прочий криминал. И это лишь небольшой перечень преступных посягательств, причастность к которым нередко устанавливается именно лиц, недавно приобретших гражданство РФ.

Рассмотрим подробнее *правовой аспект приема в гражданство РФ*. Основное и самое содержательное по своей сути изменение здесь – это внесение исчерпывающего перечня преступлений лиц, приобретших гражданство РФ, за совершение которых предусмотрено лишение гражданства. Сюда теперь входят 126 статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений против личности, органов государственной власти, общественного порядка и безопасности; за экстремистские, террористические и иные уголовно-наказуемые действия. Однако такое законодательное решение, очевидно, не может соответствовать действующим реалиям.

Так, к примеру, в настоящее время совершение убийства – это основание для прекращения приобретенного гражданства РФ. Однако умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего, квалифицируемое по ч. 4 ст. 111 УК РФ, таким основанием уже не является. При этом данные преступления по своей сути практически не отличаются. Существуют, конечно, некоторые особенности, непосредственно определяющие отношение лица к совершенному противоправному деянию – фактически, был ли у него умысел на совершение убийства или причинение тяжких телесных повреждений? Очевидно, что приобретшее гражданство РФ лицо, желая не потерять данный статус, будет доказывать, что умысла убивать не было, был умысел всего лишь нанести телесные повреждения, а скончался потерпевший случайно.

Здесь, по мнению автора, логика предоставления гражданства РФ лицам других государств должна быть максимально проста, категорична и основана на устойчивой правовой связи лиц с Российской Федерацией. Совершение же любого преступления выходит за рамки правового поля, нарушаются права, интересы человека, общества и государства, и главное нет никакой разницы в качестве или содержательности этих противоправных деяний. Гражданство РФ не должно предоставляться для возможности совершения умышленных противо-

законных действий, нарушающих права и свободы граждан, общества и тем более интересы Российской Федерации. Основываясь на этой простой мысли, делаем вывод – не должно быть никакого исчерпывающего перечня таких преступных посягательств, служащих основаниями прекращения гражданства РФ. В связи с этим целесообразно изложить данное положение закона о гражданстве в следующей формулировке: «Гражданство РФ прекращается в случае совершения лицом средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступления(й), предусмотренных нормами УК РФ. Совершение двух и более преступлений небольшой тяжести также является основанием прекращения гражданства РФ».

Безусловно, данный вопрос дискуссионный. Однако человек, умышленно получающий гражданство РФ для благих целей, не будет переживать за столь жесткую формулировку закона. Тот же, чьи намерения выходят за рамки правового поля, не будет даже и задумываться о получении гражданства РФ. Одновременно с этим подобного рода ограничение в законе для приобретающих гражданство РФ лиц отсечет всякое желание к совершению любых противоправных действий на территории страны.

Для формирования объективной картины целесообразно хотя бы представить масштабы криминала, к которому причастны лица, принятые в гражданство РФ с 1991 г. (с начала существования Российской Федерации). К примеру, сколько лиц получили гражданство РФ? Сколько из их числа совершили преступления? Сколько людей стали жертвами и сколько погибло от преступных действий тех, кто приобрел гражданство РФ? Сколько было изъято наркотиков у таких граждан и для кого эти наркотики предназначались? Сколько было потрачено сил, средств, времени на выявление и раскрытие преступлений, совершенных данными гражданами? Сколько они находились в специальных учреждениях изоляции от общества в стране и за чей счет там обеспечивались жизненно необходимыми условиями? Сколько ушло средств на это из бюджета страны? Едва ли на такие вопросы найдутся однозначные ответы.

Непосредственное исполнение рассматриваемого закона ориентированно главным образом на компетенцию правоохранительной системы страны, однако анализируемое явление исключительно социальное и экономическое. По мнению автора, давно назрела необходимость включить в правовое воздействие иные гражданские институты и возможности органов исполнительной власти, которые должны солидарно участвовать в деятельности по приему и прекращению гражданства РФ. Получение гражданства РФ – дело каждого гражданина страны и тем более представителя любого полномочного государственного органа.

Современное развитие законодательного конструирования эффективно использует технико-юридическую конструкцию превентивно-предупредительного характера – административную преюдицию. Стоит отметить, что ее использование является продуктивным инстру-

ментом не только в профилактике и предупреждении правонарушений, но и в борьбе с лицами, систематически и постоянно нарушающими закон. По мнению автора, такой же преюдиционный арсенал можно использовать и в решении задач по приобретению и прекращению гражданства РФ.

Так, максимально ограничит появление потенциальных правонарушителей среди населения России включение в ст. 18 ФЗ № 138-ФЗ дополнительного основания отклонения заявления о приеме в гражданство РФ следующего содержания: «В случае, если иностранный гражданин или лицо без гражданства привлекался к административной ответственности три раза и более на территории Российской Федерации за административные правонарушения, предусмотренные КоАП РФ» [1]. При этом лиц, желающих быть принятыми в гражданство РФ, это соответствующим образом простимулирует к достойному поведению на территории России до момента фактического приобретения искомого статуса. Одновременно с этим поспособствует росту правовой и законопослушной сознательности «новых граждан» включение в ст. 24 данного Закона и такого основания: «Гражданство РФ прекращается в случае совершения гражданином трех административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ».

При этом необходимо заметить, что согласно ст. 28.3 КоАП РФ более ста должностных лиц различных государственных служб и ведомств имеют право составлять административные протоколы в соответствующей сфере деятельности. Такими, к примеру, являются: Роспотребнадзор, Роскомнадзор, ФАС, ФНС и прочие органы, которые не входят в систему правоохранительных органов России, однако, при этом каждый из них выполняет важнейшую роль в функционировании государства. Включение всех государственных органов в систему организации института гражданства РФ не только максимально объективно поспособствует его развитию, но и повысит потенциал тотального превентивного контроля в отношении тех лиц, кто получил гражданство РФ без цели соблюдения законов России. Также в этом случае однозначно снизится колоссальная в настоящее время нагрузка на органы МВД, подразделения по вопросам миграции и ФСБ России.

Рассмотрим подробнее *социальный аспект приема в гражданство РФ*. В ст. 15 Закона регламентировано, что иностранный гражданин должен соответствовать определенным социальным требованиям. Так, при приеме в гражданство РФ иностранный гражданин обязан, помимо прочего, постоянно проживать на территории Российской Федерации в соответствии с видом на жительство в течение пяти лет, владеть русским языком, а также знать историю России и основы ее законодательства. Одновременно с этим в ст. 18 Закона перечислены основания отказа в приеме в гражданство РФ, а в ст. 22 указано, что «неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет» [3] является основанием прекращения гражданства РФ.

Закон в настоящее время предусматривает при приеме гражданства РФ обязанность – осуществить всего лишь «первоначальную постановку на воинский учет» [3]. Ранее иностранные граждане при приеме в гражданство РФ просто игнорировали эту обязанность, несмотря на то что получали паспорта Российской Федерации, после чего также продолжали игнорировать данную повинность. Теперь это требование является обязательным. Однако столь лояльная законодательная обязательность и сейчас не вызывает никаких препятствий для новых переселенцев, так как сама первоначальная постановка на воинский учет еще не обязывает никого служить в Вооруженных Силах Российской Федерации (ВС РФ) и выполнять свой долг по защите новой родины, в том числе на фронтах специальной военной операции (СВО). Хотя именно требование обязательности службы в рядах ВС РФ для многих лиц послужило бы поводом задуматься о необходимости получения гражданства РФ.

Указанная в Законе необходимость наличия соответствующих познаний по русскому языку, истории и законодательству России – весьма субъективное обязательство. Несмотря на то, что данные положения дополнительно регламентированы в Указе Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889 [4], где определены соответствующие требования к предъявляемым документам об указанных знаниях, по мнению автора, было бы логично исключить расплывчатые формулировки о «знании и владении» непосредственно в самом законе. Так, положения приема в гражданство РФ нужно изложить в следующем виде: «Иностранный гражданин, проживающий в течение пяти лет на территории РФ, имеющий вид на жительство и получивший высшее образование в высшем учебном учреждении Российской Федерации с соответствующей аккредитацией». Согласимся: подобные изменения позволят рассчитывать на то, что новые граждане в Российской Федерации точно будут владеть русским языком и знать основы истории России. Одновременно с этим мы получим не только нового гражданина Российской Федерации с необходимыми познаниями, но и дипломированного специалиста в какой-либо сфере деятельности, так как принимающий гражданство РФ человек со знанием русского языка сможет успешно пройти обучение в вузе по программе высшего образования.

Рассмотрим подробнее *экономический аспект приема в гражданство РФ*. Названные аспекты проблемы получения иностранными гражданами гражданства РФ неразрывно связаны между собой и являются частями одного целого. К примеру, вопрос о получении высшего образования иностранными гражданами перед получением ими гражданства РФ важен не только с социальной позиции, но и с экономической. Высшее образование иностранные граждане в большинстве своем будут получать платно, что повысит экономический потенциал бюджетов высших учеб-

ных заведений. За счет полученных средств можно организовать больше бюджетных мест для детей-сирот, участников СВО, многодетных семей. Таким изменения полезны не только с социальной точки зрения, но и с экономической.

Многие согласятся с тем, что нагрузка на бюджеты местного, областного и федерального значения от мигрантов в целом и впоследствии от новых сограждан России весьма существенная. Это и использование услуг ЖКХ, потребление энергоемких ресурсов, утилизация и переработка отходов, и эксплуатация дорожных сетей, и проезд в наземных маршрутах городского транспорта, и др. Далеко не все желающие получить гражданство РФ добросовестно оплачивают указанные услуги, соответственно, платежная нагрузка полностью ложится на плечи коренного населения страны. Одновременно с этим сфера реальных доходов указанной категории лиц и, соответственно, реального налогообложения остается в тени. Многие трудоустроенные иностранные граждане, потенциально претендующие на гражданство РФ, официально получают минимальный размер оплаты труда, подлежащий налогообложению. Оставшуюся же часть заработной платы они получают на руки без налога, что идет мимо бюджета Российской Федерации.

Еще одним трендом, появившемся недавно и стремительно набирающим обороты является «вредительский» способ выживания, наших «новых сограждан». Раньше, к примеру, можно было не оплатить коммунальные услуги, переехать на другое место и забыть. Однако сейчас этот долг расчлениют между зарегистрированными гражданами и взыскивают с них, т. е. задача для неплательщиков несколько осложнилась. В данном случае требование нового закона о знании «основ законодательства Российской Федерации» при приеме в гражданство РФ играет решающую роль. Многие из «граждан» знают законы наилучшим образом и, сформировав долги по ЖКХ, потребительским займам или еще по каким-либо обязательствам, путем некоторых несложных и законных манипуляций из должников превращаются в банкротов.

Так, в соответствии со ст. 223.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] гражданин, имеющий денежные обязательства в размере не более одного миллиона рублей, может быть признан банкротом. При этом для него предусмотрен еще упрощенный и бесплатный порядок подачи заявлений через многофункциональные центры (МФЦ). В случае невозможности погашения задолженности в рамках процедуры банкротства гражданина такая задолженность признается безнадежной. В настоящее время «новые граждане» Российской Федерации достаточно часто пользуются этим и превращают свои задолженности в абсолютно безнадежные. При этом, являясь банкротами, они продолжают вполне достойно жить и содержать свои многодетные семьи в России. Возникает вопрос, из каких финансовых источников

покрываются данные долги наших новых соотечественников. Ответ очевиден – из бюджета тех граждан, кто банкротами себя не признает. Надо заметить, что ограничений по процедуре банкротства не предусмотрено, главным остается соблюдение некоторых задекларированных в законе условий, в связи с чем можно осуществлять такой легитимно-финансовый рецидив повторно при очередном появлении задолженности.

Указанный фактор должен послужить основанием для установления в законодательстве о гражданстве РФ положения следующего содержания: «Гражданство РФ прекращается в случае банкротства физического лица. непогашенные задолженности взимаются с банкрота одновременно с лишением гражданства РФ за счет имущества данного гражданина и членов его семьи, расположенного, в том числе, за пределами РФ». Знание такого рода положений юриспруденции России поможет «новому гражданину» РФ не только соблюсти закон о гражданстве и о банкротстве, но и эффективно экономически не создавать нагрузку на бюджет Российской Федерации и ее коренного населения. При этом, если МФЦ в упрощенном порядке принимает заявления о признании физического лица банкротом, то МФЦ же вполне способно и организовать процедуру упрощенного прекращения гражданства РФ лицам, признавшим себя таковыми.

Процедуры и регламенты гражданства РФ, определяемые ФЗ № 138-ФЗ, к сожалению, никак не регламентируют возможность экономического эффекта от приема в гражданство РФ иностранных граждан. Хотя мировая практика многих цивилизованных стран преимущественно основывается именно на них. В некоторых государствах устанавливается денежный взнос при получении их гражданства, в других – вложения в собственность, бизнес; в-третьих, устанавливается совокупность таких условий. Выдвигая подобные предложения по получению гражданства, данные страны предоставляют лицам доступ к возможностям их национальной инфраструктуры, при этом, и что самое главное, делая вклад в ее развитие. Российское законодательство таких условий и мер не предусматривает и тем самым лишь позволяет иностранным гражданам, получившим гражданство РФ, пользоваться всеми государственными услугами, ничего не предлагая стране взамен.

Фиксация в законе аналогичных, но адаптированных к российским реалиям требований весьма обоснована. К примеру, иностранный гражданин в течение пяти лет своего вида на жительство должен выплатить только за предоставление гражданства РФ один миллион рублей. Это и справедливо, и экономически выгодно для пополнения бюджета Российской Федерации. При этом сумма небольшая – чуть более 15 000 рублей в месяц за указанный период – и равняется сумме НДФЛ гражданина Российской Федерации с ежемесячной заработной платы в месяц. Приведем простую арифметику: за последние пять лет гражданство получило

2,5 млн иностранных граждан, если умножить число на предложенный один миллион, получится 2,5 триллиона рублей, пополняющих бюджет страны. Однако в данном случае почему-то российское государство отдает предпочтение не экономической выгоде, а принципу «широкой русской души», отказываясь от наложения рассмотренных требований и использования такого экономического инструмента воздействия в своих национальных интересах.

Миллиарды и триллионы рублей выводятся за рубеж, где вновь испеченные граждане РФ продолжают строить себе дома, покупать недвижимость, автомобили и содержать близких родственников. Таким образом, не просто выводится валюта из российского национального фонда, а купируется развитие финансового рынка внутри страны. Выражаясь терминами гражданского права, мы сталкиваемся с «упущенной выгодой», только в национальных масштабах. Может, на первый взгляд потеря не так заметна, однако полученная прибыль была бы ощутима. Решение очевидно: прибывающие иностранцы, изъявившие желание стать гражданами РФ, должны приобрести недвижимость в России как будущей родине. Безусловно, можно продумать специальные условия кредитования для этих целей, порядок использования и запреты ее перепродажи в течение определенного срока. Такой шаг станет колоссальным вливанием в развитие российского строительного и банковского секторов. К тому же, подобная мера позволит зафиксировать «новых российских граждан» по месту своей законной регистрации. Если каждый из них будет проживать в собственном жилье, это в свою очередь снимет нагрузку на органы ФМС МВД России по временной регистрации и перерегистрации, а также на органы полиции по противодействию преступлениям в сфере незаконной миграции. Соответственно, институт гражданства РФ требует взвешенных и продуманных решений со стороны представителей органов исполнительной ветви власти в сфере финансово-экономического сектора.

В заключение стоит сказать, что одним оппонентам – представителям тех или иных государственных органов – предложенные рекомендации могут показаться фантастическими и неисполнимыми. Причиной чему является отсутствие всякого желания включаться в эту непростую работу, влекущую необходимость решения массы проблем в условиях социальной напряженности. Другим, настроенным более или менее нейтральным образом, гражданам России высказанные предложения покажутся вполне реалистичными. Третьим, кто пострадал от рук принятых в гражданство РФ «новых русских», – слишком демократичными, хоть и исполнимыми. Главное, что указанные рекомендации по приему и прекращению гражданства РФ заявлены не безразлично к судьбе России и направлены в первую очередь на защиту всего ее коренного населения, экономическое развитие и создание комфортной социальной среды.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.11.2023, с изм. и доп., вступ. в силу от 01.09.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
3. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации (ред. от 31.07.2025)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/
4. Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» (ред. от 10.12.2024, с изм. от 17.05.2025, вместе с «Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», «Положением о порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462531/
5. URL: https://business-magazine.online/fn_1639775.html?utm/
6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605606?ysclid=meuy3as7bm274424965/>

References

1. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30 December 2001 № 195-FZ (revision of 03.02.2025, as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
2. Federal Act of 26 October 2002 № 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
3. Federal Act of 28 April 2023 № 138-FZ «On Citizenship of the Russian Federation (as amended on 31 July 2025)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/
4. Decree of the President of the Russian Federation of 22 November 2023 № 889 «Issues of citizenship of the Russian Federation» (as amended on 10 December 2024, as amended on 17 May 2025, together with «Regulations on the Procedure for Considering Citizenship Issues of the Russian Federation», «Regulations on the Procedure for Taking the Oath of a Citizen of the Russian Federation») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462531/
5. URL: https://business-magazine.online/fn_1639775.html?utm/
6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605606?ysclid=meuy3as7bm274424965/>

Информация об авторе

Я. Н. Недрага – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Ya. N. Nedraga – Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Научная статья

УДК 342.3

EDN: <https://elibrary.ru/dgqqxm>

NIION: 2015-0066-1/26-388

MOSURED: 77/27-011-2026-01-587

Государственная целостность и суверенитет как объекты конституционно-правового обеспечения безопасности государства

Марина Александровна Опалева

raenbezopasnost@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается соотношение государственной целостности и суверенитета как объектов конституционно-правового обеспечения безопасности государства. Отмечается, что они находятся в диалектической взаимозависимости, позволяющей дать ответ на вопрос о том, что первично в обеспечении безопасности государства: суверенитет или государственная целостность.

Ключевые слова: государственная целостность, суверенитет, безопасность государства, конституционно-правовое обеспечение

Для цитирования: Опалева М. А. Государственная целостность и суверенитет как объекты конституционно-правового обеспечения безопасности государства // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 93–96. EDN: DGQQXM.

Original article

State integrity and sovereignty as objects of constitutional and legal support for state security

Marina A. Opaleva

raenbezopasnost@yandex.ru

Abstract. The relationship between state integrity and sovereignty as objects of constitutional and legal support for state security is examined. It is noted that they are in a dialectical interdependence, which allows us to answer the question of which comes first in ensuring state security: sovereignty or state integrity.

Keywords: state integrity, sovereignty, state security, constitutional and legal support

For citation: Opaleva M. A. State integrity and sovereignty as objects of constitutional and legal support for state security. Bulletin of economic security. 2026;(1):93–6. (In Russ.). EDN: DGQQXM.

Сложная геополитическая обстановка, все более обостряющиеся процессы изменения соотношения сил на мировой арене выдвигают на первый план проблемы обеспечения безопасности Российского государства. Его стабильность и способность выполнять свои функции критически зависят от реализации двух основополагающих принципов: государственной целостности и суверенитета. Эти принципы, являясь экзистенциальными характеристиками любого государства, определяющими его внутреннюю устойчивость и независимость во внешних делах, делают их ключевыми объектами конституционно-правового обеспечения безопасности государства.

Принцип суверенного равенства государств зафиксирован в ст. 2 Устава ООН, в Декларации о принципах

международного права 1970 г. Суверенитет как неотъемлемый признак государства закреплен практически во всех конституциях современных государств. Суверенитет Российской Федерации определен Конституцией Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя (ч. 1 ст. 4), а государственная целостность – федеративного устройства (ч. 3 ст. 5).

Вместе с тем в литературе нет единства в понимании соотношения суверенитета и государственной целостности как объектов обеспечения безопасности государства. Различия проявляются прежде всего в ответе на вопрос: что первично – суверенитет или государственная целостность.

Одни авторы полагают, что государственный суверенитет лежит в основе государственной целостности.

© Опалева М. А., 2026

Так, по мнению Т. С. Мелешкиной, «в основе всех организационно-правовых мер обеспечения единства и стабильности Российского государства лежит принцип государственного суверенитета... Четкое понимание конституционных предписаний о носителе государственного суверенитета и их неукоснительное соблюдение во многом определяют эффективность защиты государственной целостности и государственного единства Российской Федерации» [5].

Другие ученые исходят из того, что государственная целостность предшествует государственному суверенитету, являясь условием и одновременно выражая сущность последнего. «Основным условием существования Российской Федерации как суверенного государства, – пишет С. В. Воробьева, – является сохранение ее государственного единства. В единстве Российского государства воплощаются сущность суверенитета, основные суверенные свойства государственной власти Российской Федерации» [3, с. 52]. Эта позиция фактически нашла подтверждение в выступлении В. В. Путина 5 ноября 2025 г. на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, когда он заявил, что общественное и национальное единство «без преувеличения самая важная, главная опора нашего суверенитета» [2].

Думается, каждая из приведенных позиций содержит зерно истины. Государственная целостность и государственный суверенитет, обладая присущим им содержанием, находятся в диалектической взаимосвязи. Каждый из них является необходимым условием для существования и реализации другого, а их совместная и неразрывная защита является императивом для обеспечения общей безопасности государства.

С одной стороны, государственная целостность может поддерживаться лишь при условии обладания государством суверенитета и с этой точки зрения государственная целостность оказывается зависимой от государственного суверенитета. С другой, государство считается суверенным, если в нем действует принцип единства государственной власти и оно может отстаивать неприкосновенность своей территории, иначе говоря, если оно обладает государственной целостностью. Принцип государственной целостности предполагает безусловное признание государственного суверенитета России. Это проявляется в том, что Россия как суверенное государство обладает всей полнотой власти на своей территории, независимостью в определении своей внутренней и внешней политики. Государственный суверенитет Российской Федерации и государственная целостность являются взаимными гарантиями друг друга.

Без полноценного суверенитета государство неспособно эффективно гарантировать свою целостность. Внутренний суверенитет позволяет центральной власти контролировать всю территорию, пресекать сепаратистские тенденции и обеспечивать единство публичной власти. Внешний суверенитет дает возможность отста-

ивать свою целостность на международной арене. Государство, не обладающее полной суверенной властью над частью своей территории, фактически теряет над ней контроль, что является прямым нарушением целостности.

В свою очередь, государственная целостность является необходимым условием для реализации суверенитета. Суверенитет как верховная власть не может существовать в отрыве от единой системы публичной власти в стране и конкретной территории. Нарушение государственной целостности автоматически уменьшает объем суверенной власти. Для граждан государственная целостность часто является символом национальной идентичности и государственности, потеря части которой может подорвать доверие к способности правительства осуществлять свой суверенитет.

Таким образом, можно сказать, что суверенитет – это право государства на власть и независимость, а целостность – это условие его осуществления и пространство, в котором это право реализуется. Одно без другого либо теряет смысл, либо становится неполноценным. Государство может быть суверенным лишь постольку, поскольку оно обладает единством власти и контролирует свою целостную территорию, и, наоборот, оно может поддерживать свою целостность лишь постольку, поскольку обладает эффективным суверенитетом.

Соотношение государственной целостности и суверенитета с неизбежностью ставит вопрос: если в федеративном государстве, каковым является Россия, разделение властных полномочий между федеральным центром и субъектами федерации не противоречит принципу единства государственной власти как одной из составляющих государственной целостности, то возможно ли разделение суверенитета по такому же подобию?

В целом в мировой конституционной практике федеративные государства отказались от использования термина «суверенное государство» при определении статуса субъектов федерации. Если термин «суверенный» и встречается, то используется в более узком смысле [4, с. 18].

После распада СССР в конституциях некоторых республик в составе Российской Федерации существовали положения, устанавливающие суверенитет данного вида субъектов федерации. В современной российской конституционной модели достаточно четко обозначен принцип государственного суверенитета Российской Федерации как единого и неделимого, распространяемого на всю ее территорию (ст. 4 Конституции РФ). По мнению Конституционного Суда РФ, социальная сущность суверенитета государства проявляется в единстве суверенитета, покоящегося на прочных социально-политических основаниях: единстве самого народа и единстве принадлежащей ему государственной власти [1]. Выполняя решение Конституционного Суда РФ, республики изыали из тек-

стов своих конституций положения о суверенности республик.

Признание суверенитета только за Российской Федерацией получило воплощение и в конституционных принципах государственной целостности и единства системы государственной власти (ч. 3 ст. 5), верховенства Конституции и федеральных законов, которые имеют прямое действие и применяются на всей территории Российской Федерации, включающей территории ее субъектов. Меры по охране и защите суверенитета Российской Федерации отражены также в конституционных положениях об обеспечении государственной и территориальной целостности, единства и неделимости Российской Федерации, единства правового статуса человека и гражданина, единого гражданства, единства государственной власти, единого экономического и правового пространства и в других конституционных нормах, принципах и институтах.

Таким образом, государственная целостность и суверенитет, находясь в диалектической зависимости, являются важнейшими составляющими безопасности государства. Государство, не обладающее суверенитетом, не может находиться в безопасности, даже если гарантии безопасности ему предоставляет другое государство. Такая зависимость от другого государства означает защищенность от угроз со стороны внешних субъектов, но представляет опасность с точки зрения реализации интересов зависимого государства. Государство, предоставляющее гарантии безопасности, должно иметь выгоду для своих интересов (ослабление противника, экономические преимущества и т. п.). Это, как правило, вступает в противоречие с интересами зависимого государства, т. е. нарушает его безопасность. Поэтому, например, требование В. Зеленского к США о предоставлении Украине гарантий безопасности в случае его удовлетворения на самом деле означает угрозу ее безопасности.

Точно так же не может находиться в безопасности государство, не обладающее государственной целостностью, потому что, во-первых, отсутствие единства государственной власти приводит государство в состояние неустойчивости, в нем нарастают центристские тенденции, приводящие в конечном счете к разрушению государства; во-вторых, нарушение территориальной целостности (без взаимного согласия сторон) как составляющей государственной целостности неизбежно вызовет конфликтную ситуацию, которая не позволит обеспечить защищенность национальных интересов, иначе говоря, обеспечить безопасность государства.

В условиях динамичного и порой нестабильного мирового порядка, где государства сталкиваются с множеством вызовов – от сепаратизма и терроризма до кибератак и геополитического давления – защита государственной целостности и суверенитета становится постоянным императивом. Только так государство может гарантировать свое дальнейшее существование,

защищать интересы своих граждан и вносить вклад в международную стабильность.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. 2000, 21 июня.
2. Выступление В. В. Путина перед Советом при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям // URL: <https://news.mail.ru/politics/68599305/>
3. Воробьева С. В. К вопросу об укреплении суверенности российской государственности // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3/4. С. 48–57.
4. Конюхова И. А. Принцип государственного суверенитета в международном и конституционном праве // Международно-правовые стандарты в конституционном праве. 2007. № 2. С. 9–38.
5. Мелешкина Т. С. Институт суверенитета в контексте федеративного устройства России // Философия права. 2007. № 3 (23). С. 117–119.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000 № 10-P «On the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law «On the general principles of organizing legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2000, June 21.
2. Speech by V. V. Putin to the Presidential Council for Interethnic Relations // URL: <https://news.mail.ru/politics/68599305/>
3. Vorobyova S. V. On the issue of strengthening the sovereignty of Russian statehood // Current issues of state and law. 2017. Vol. 1. № 3/4. P. 48–57.
4. Konyukhova I. A. The principle of state sovereignty in international and constitutional law // International Legal Standards in Constitutional Law. 2007. № 2. P. 9–38.
5. Meleshkina T. S. The institute of sovereignty in the context of the federal structure of Russia // Philosophy of Law. 2007. № 3 (23). P. 117–119.

Библиографический список

1. Анохина А. А. Конституционно-правовой анализ соотношения понятий «суверенитет», «независи-

мость» и «государственная целостность» // Известия Саратовского ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 330–334.

2. Задорожная Е. В. Конституционно-правовые аспекты трансформации современного государства : особенности развития концепции суверенитета // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. № 3. С. 495–501.

3. Родионов М. М. Государственный суверенитет Российской Федерации : сущность, содержание и проблемы его обеспечения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 1 (22). С. 23–29.

4. Садретдинов О. Е. Новые принципы федерализма : гарантия территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 108–113.

5. Шиканова Е. Г. Территориальная целостность и суверенитет как основные объекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современный период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 3 (2). С. 273–279.

Bibliographic list

1. Anokhina A. A. Constitutional and legal analysis of the relationship between the concepts of «sovereignty», «independence» and «state integrity» // Bulletin of the Saratov University. Series: Economics. Management. Law. 2015. Vol. 15. Issue 3. P. 330–334.

2. Zadorozhnaya E. V. Constitutional and legal aspects of the transformation of the modern state : features of the development of the concept of sovereignty // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2024. № 3. P. 495–501.

3. Rodionov M. M. State sovereignty of the Russian Federation : essence, content and problems of its ensuring / M. M. Rodionov // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2014. № 1 (22). P. 23–29.

4. Sadretdinov O. E. New Principles of federalism : guarantee of territorial integrity and sovereignty of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov University. Series: Economics. Management. Law. 2020. Vol. 20. Issue 1. P. 108–113.

5. Shikanova E. G. Territorial integrity and sovereignty as the main objects of ensuring national security of the Russian Federation in the modern period // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, 2014. № 3 (2). P. 273–279.

Информация об авторе

М. А. Опалева – независимый эксперт, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. A. Opaleva – Independent Expert, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 27.02.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 27.02.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/cwbasr>

НИОН: 2015-0066-1/26-389

MOSURED: 77/27-011-2026-01-588

К вопросу об организации оперативно-розыскного противодействия насильственно-агрессивным преступлениям против личности подразделениями уголовного розыска

Олег Викторович Пауков^{1,2}

¹ Управление внутренних дел по Центральному административному округу

Главного управления МВД России по г. Москве, Москва, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Основываясь на официальных статистических показателях о состоянии преступности, ежегодно в Российской Федерации регистрируется свыше 165 000 преступлений против личности. Если принимать во внимание высокую степень латентности указанного вида уголовно-наказуемых деяний, количество их совершений, в целом, значительно превышает указанную отметку. Данный факт непременно свидетельствует о необходимой тенденции повышения эффективности в организации противодействия преступлениям против личности подразделениями уголовного розыска. Речь идет не только о выявлении и раскрытии таких преступлений, но и проведении профилактической деятельности.

В статье подробно рассмотрены вопросы организации противодействия совершению насильственно-агрессивных преступлений против личности. Особое внимание отведено вопросам совместной и индивидуальной оперативно-профилактической работы, возлагаемой на сотрудников подразделений уголовного розыска. Пресечение и предупреждение преступлений, в том числе, в условиях текущей политической ситуации должно быть организовано на высшем уровне. Исключительно в таком случае можно говорить о гарантии безопасности граждан России. На основе проведенного анализа автор определяет алгоритм проведения оперативно-профилактических мероприятий; поэтапно представляет организацию индивидуальной предупредительной деятельности и значимые направления осуществления оперативно-профилактической работы в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также обозначает ряд актуальных проблем в организации профилактической работы по преступлениям против личности и предлагает обратить на них внимание.

Ключевые слова: насильственно-агрессивные преступления против личности, оперативно-профилактические мероприятия, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, подразделения уголовного розыска

Для цитирования: Пауков О. В. К вопросу об организации оперативно-розыскного противодействия насильственно-агрессивным преступлениям против личности подразделениями уголовного розыска // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 97–103. EDN: CWBASR.

Original article

On the issue of operational and search response to violent and aggressive crimes against individuals by criminal investigation units

Oleg V. Paukov^{1,2}

¹ Department of Internal Affairs for the Central Administrative District of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow, Moscow, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. Based on official statistics on the state of crime, more than 165 000 crimes against the person are registered annually in the Russian Federation. Taking into account the high degree of latency of this type of criminal offense, the total number of such crimes is significantly higher than this figure. This fact clearly indicates the need for increased efficiency in the organization of crime prevention against the person by criminal investigation units. This is not only about identifying

© Пауков О. В., 2026

and solving such crimes, but also about conducting preventive activities. The article provides a detailed analysis of the organization of countering violent and aggressive crimes against individuals.

Special attention is given to the issues of joint and individual operational and preventive work carried out by criminal investigation officers. The prevention and suppression of crimes, including those committed in the current political climate, must be organized at the highest level. Only in this way can we guarantee the safety of Russian citizens. Based on the analysis conducted the author determines the algorithm for conducting operational and preventive measures; presents the organization of individual preventive activities and significant areas of operational and preventive work within the framework of conducting operational and investigative measures in stages; and also identifies a number of current problems in the organization of preventive work on crimes against the individual and suggests that they be paid attention to.

Keywords: violent and aggressive crimes against the individual, operational and preventive measures, detection, prevention, suppression and disclosure of crimes, criminal investigation units

For citation: Paukov O. V. On the issue of operational and search response to violent and aggressive crimes against individuals by criminal investigation units. Bulletin of economic security. 2026;(1):97–103. (In Russ.). EDN: CWBASR.

Совершение насильственно-агрессивных преступлений против личности представляет собой одну из наиболее деструктивных, безнравственных и разрушительных форм преступного поведения граждан, проявление которого не должно оставаться без своевременного, жесткого и законного оперативного реагирования.

В соответствии с положениями второй главы Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Каждому человеку гарантировано право на жизнь и личную неприкосновенность. Совершение преступлений влечет нарушение этих прав, поэтому государство в лице правоохранительных органов обязано принимать конкретные меры по их восстановлению.

Сложность организации оперативно-розыскного противодействия выражается в многогранности, нетипичности и латентности насильственно-агрессивной преступности. С учетом текущей политической ситуации – проведением Специальной военной операции (далее – СВО) Российской Федерацией на территории республики Украина, обусловленной необходимостью борьбы за суверенитет и защитой коренного русскогоязычного населения, учащаются случаи совершения насильственно-агрессивных преступлений против личности, в том числе с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств, оружия незаконно ввозимого на территорию Российской Федерации.

В этой связи, необходимость и значимость организации эффективного оперативно-розыскного противодействия уголовно-наказуемым деяниям указанной категории является неотъемлемой составляющей оперативной работы для подразделений уголовного розыска.

Как отмечал Президент Российской Федерации – В. В. Путин: «Жизнь, здоровье граждан лежит в основе каждого государства. Любого государства. А у нас, с нашими территориями, с нашими демографическими вопросами – это проблема проблем, вопрос вопросов, абсолютно приоритетная вещь. Главное – сохранить жизни и здоровье людей, потом остальные проблемы мы решим. Все потом к этому приложится»

[14]. Утверждение главы государства абсолютно справедливо. Пристальное внимание хотелось бы обратить на ключевом аспекте, а именно – сохранении жизни и здоровья граждан, которое может быть достигнуто исключительно при организации грамотного противодействия возникающим вызовам со стороны преступного мира.

Известный ученый в области оперативно-розыскной деятельности – В. И. Шаров выделяет основы понятия противодействия в целом, что немаловажно при определении оперативно-розыскного противодействия [9]. Так, автор через призму ретроспективы и определения сущности схожего по смыслу понятия «борьба с преступностью», говорит о том, что противодействие заключается в непосредственном противостоянии, оказании сопротивления факторам воздействия порождающим и развивающим такие негативные социальные явления как преступления, когда борьба с преступностью заключается в активном противоборстве, преодолении и активной агрессивной деятельности, направленной на уничтожение указанных явлений.

Таким образом, ученый приходит к выводу о наибольшей широте понятия «противодействие» по отношению к остальным терминам, считающимся в научных кругах тождественными. Помимо указанного, автор выделяет в качестве составляющих элементов противодействия, процессы предупреждения преступлений, их выявления, пресечения и раскрытия, оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования, минимизации и ликвидации последствий преступлений [2].

В рамках изучения оперативно-розыскного противодействия преступлениям, интересной представляется позиция А. В. Никитина, который отмечает, что такие процессы как предупреждение, профилактика, предотвращение, являются его составными элементами. Они же включают в себя организацию мер по раскрытию и расследованию преступлений с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов [6].

Анализируя представленные позиции исследователей в области оперативно-розыскной науки, надлежит

отметить, что ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» на законодательном уровне закрепила выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений одной из основных задач оперативно-розыскной деятельности, тем самым вопрос их реализации целиком и полностью зависит от грамотной, последовательной и системной организации деятельности подразделений, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности [1, с. 280].

Важно отметить, что ключевая роль в борьбе с преступлениями против личности отведена подразделениям уголовного розыска. Успешная деятельность сотрудников указанных подразделений носит серьезный превентивный характер, позволяющий сдерживать агрессивные порывы криминогенной активности потенциальных злоумышленников.

Когда речь идет о противодействии преступности, чаще всего фокусирование происходит на двух элементах: «выявление» и «раскрытие», поскольку в статистической отчетности о количественных показателях преступности отражаются данные параметры. Однако мы хотим, прежде всего акцентировать внимание на элементах «предупреждение» и «пресечение» насильственно-агрессивных преступлений, поскольку данный вопрос на сегодняшний день, в том числе в связи с назревшими условиями политической конфронтации при СВО является актуальным и значимым.

Функционирование каждого элемента, является главной составляющей организации оперативно-розыскного противодействия подразделениями уголовного розыска преступлениям против личности [3]. В связи с этим предлагается обозначить составные части механизма организации противодействия в целом:

1) организация предупреждения преступлений против личности посредством выработки мер, направленных на устранение общественных процессов жизнедеятельности, порождающих негативные социальные явления и стимулирующих повышение уровня криминогенной активности;

2) организация выявления преступлений против личности, которая заключается в выработке мер, направленных на активное изобличение латентных уголовно-наказуемых деяний с последующим привлечением к ответственности всех соучастников преступной деятельности, в том числе организаторов – оперативный поиск. В том числе, объектами оперативного поиска с учетом личности потерпевшего могут являться молодежные группировки экстремистской направленности, этнические преступные группы, организованные преступные группы, занимающиеся незаконным оборотом запрещенных изделий и предметов межрегионального и международного характера;

3) организация пресечения преступлений против личности заключается в выработке организационных мер, а также планирования мероприятий, направленных на прекращение уже совершающегося преступления.

В указанном случае, главенствующая роль отведена конфиденциальным источникам. Лица, содействующие или сотрудничающие с оперативными подразделениями уголовного розыска, способны заблаговременно предоставлять соответствующую информацию о возможном факте совершения преступления, вследствие чего, есть возможность вовремя предотвратить доведение преступного умысла до конца и спасти человека от противоправного посягательства;

4) организация раскрытия преступлений против личности заключается в выработке мер, направленных на установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также в изобличении виновного лица. Раскрытие указанных преступлений предполагает осуществление активных оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, обеспечивающих сбор информации об обстоятельствах этих деяний и ее оперативную проверку;

5) организация расследования преступлений против личности. Вопрос расследования как отдельного элемента противодействия нельзя рассматривать без соответствующего взаимодействия органов следствия (в частности, по резонансным преступлениям – Следственного комитета Российской Федерации) и подразделений уголовного розыска. Данный аспект работы заключается в выработке совместных планов действий, направленных на применение мер уголовно-процессуального характера, с целью обеспечения полноты и всесторонности расследования.

В рамках исследования следует отметить, что реализация комплекса оперативно-розыскных мероприятий проходит на разных уровнях, в зависимости от поставленных задач и планов МВД России. Основой реализации указанных элементов выступает в первую очередь осуществление комплекса оперативно-профилактических мероприятий, которые проходят на разных уровнях (федеральный, региональный, районный).

На федеральном уровне, инициатором организации комплекса оперативно-профилактических мероприятий по преступлениям против личности является Главное управление уголовного розыска МВД России. К примеру, проведение ежегодного комплекса оперативно-профилактических мероприятий, направленных на выявление преступлений, связанных с незаконной миграцией и других сопутствующих преступлений, под условным наименованием «Нелегал», обеспечивается МВД России, ФСБ России, а также компетентными органами государств – членов ОДКБ [12]. Лица, прибывающие на территорию на России, довольно часто становятся участниками совершения насильственных преступлений против личности. Конечно же, основная цель участия подразделений уголовного розыска в проведении данного комплекса оперативно-профилактических мероприятий – выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений против личности [8]. К тому же, реализация мероприятий в процессе данной операции может позволить выявить незаконное использова-

ния труда мигрантов, подпадающие под квалификацию использования рабского труда, а также сопутствующих данному виду преступления общественно опасные деяний.

С целью организации предупреждения насильственных преступлений против жизни и здоровья личности проводится комплекс оперативно-профилактических мероприятий под условным наименованием – «Оружие», направленный на противодействие незаконному изготовлению и обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ [11]. В условиях текущих реалий проведение указанного комплекса приобретает особое значение. Помимо этого, для обеспечения реализации противодействия домашнему насилию проходит комплекс мероприятий под условным наименованием – «Семья без насилия и жестокости» [10], направленный на обеспечение рейдовых мероприятий с целью выявления в неблагополучных семьях фактов применения домашнего насилия, а также выявления несовершеннолетних правонарушителей, лиц, вовлекающих подростков в преступную и антиобщественную деятельность, в том числе в совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также лиц, совершающих правонарушения в отношении несовершеннолетних.

С целью организации раскрытия преступлений совместно силами МВД России, ФСБ России, ФСИН России, ФССП России, военной полиции Министерства обороны России, а также правоохранительных ведомств государств СНГ проводится ежегодный комплекс мероприятий под условным наименованием – «Розыск» [13], направленный на всестороннее обеспечение задержания лиц, совершивших преступление, в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, и скрывающихся от органов дознания, следствия и суда.

Помимо указанных операций, на территории нашей страны проводятся и другие, прямо или косвенно касающиеся противодействия преступлениям против личности. Список этих операций довольно обширный и отличительной особенностью проведения таких операций является их масштабность и временность. Следует заключить, что они являются действительно эффективным и неотъемлемым элементом деятельности в рамках реализации задач по противодействию преступности. Полагаем, что необходимо чаще организовывать проведение подобных комплексов оперативно-профилактических мероприятий.

Мы считаем, что организация профилактической деятельности подразделениями уголовного розыска должна выстраиваться, прежде всего, начиная с проведения индивидуальной оперативно-профилактической работы [5]:

1) проведения анализа криминогенной обстановки на территории оперативного обслуживания, включающего в себя, определение наиболее распространенных преступлений против личности (основываясь на статисти-

стических показателях, такие составы как: ст. 105, ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 131, ч. 4 ст. 132 УК РФ и др.), зон повышенного риска совершения тех или иных преступлений против личности, временных периодов наибольшей активности маргинальных элементов общества, склонных к совершению насильственных преступлений против личности [4, с. 125];

2) организации последовательной работы с лицами, оказывающими содействие сотрудникам уголовного розыска и активное поддержание связи с ними по вопросам возможного совершения преступлений против личности;

3) последовательного планирования проведения оперативно-розыскных и иных комплексных мероприятий, направленных, прежде всего, на предупреждение и пресечение насильственно-агрессивных преступлений против личности; формирования оперативных групп для обеспечения реализации поставленных задач; выявления подозрительной активности лиц, их проверка и последующее документирование в случае необходимости. Указанный этап следует начинать с подробного анализа криминогенной обстановки в местах скопления граждан, объектах на прилегающей территории, вызывающих оперативный интерес;

4) непосредственного проведения оперативно-розыскных мероприятий с последующим документированием выявленных фактов преступной деятельности;

5) выявления и пресечения попыток совершения преступлений против личности;

6) организации оперативно-розыскного обеспечения дальнейшего предварительного расследования с целью окончательного раскрытия преступления.

В рамках исследования, хотелось бы предложить алгоритм проведения индивидуальной работы сотрудником уголовного розыска.

Начальным этапом в работе по противодействию преступлениям против личности является организация взаимодействия с потерпевшим лицом. Применительно к первому и второму пункту, эта работа заключается в информировании уязвимых категорий населения о важности обеспечения собственной безопасности и основных мерах ее обеспечения. После реализации преступного умысла, при проведении опроса потерпевшего, важно учитывать индивидуальный подход к жертве, с целью всестороннего и полного сбора информации о случившемся. Основными сложностями сбора информации при беседе с потерпевшим, является его эмоциональное состояние, особенно это отмечается при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Важно установить психологический контакт и расположить к себе потерпевшего, чтобы можно было действительно обеспечить его безопасность и получить оперативно-значимую информацию.

При совершении убийства, работа с потерпевшим выражается в установлении его личности, сборе ис-

черпывающей информации о роде занятия убитого, о его связях, образе жизни, семейном положении, интересах, а также типичных форм поведения. Полнота полученной информации способствует раскрытию преступлений «по горячим следам», что, исходя из анализа практической деятельности характерно при совершении большинства преступлений насильственного характера.

Содержательная сторона дальнейшего хода проведения оперативно-розыскных мероприятий, выражается в проведении обследования зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств на предмет обнаружения материальных следов преступления, которые определяют построение оперативных версий механизма совершенного преступления. К таким следам относятся биологические следы лица, совершившего преступление (кровь, слюна, отпечатки пальцев рук), следы обуви, орудия преступления. Отдельно стоит проводить действия, направленные на обнаружение систем видеонаблюдения и сигнализации. Отметим, что обнаружение материальных следов преступления, в отличие от идеальных, имеет наибольшее значение для дальнейшего хода деятельности оперативных сотрудников в силу того, что показания свидетелей и потерпевшего, могут не соответствовать действительности, и многие важные моменты определения алгоритма действий совершенных преступлений могут быть, через призму субъективных переживаний, волнения и страха, преувеличены.

Касаемо насильственно-агрессивных преступлений против жизни и здоровья, а также половой свободы и половой неприкосновенности, возникает необходимость, в силу высокого процента рецидива данных преступлений, проверки лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, состоящих на учете в наркологических и психоневрологических диспансерах. Также целесообразным является установление скрытого наблюдения за местами сбора маргинальных слоев общества.

На основе анализа открытых источников и научной литературы, касающейся практики оперативно-розыскного противодействия преступлениям против личности, значительные затруднения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий вызывают, профессионально совершенные преступления с последовательным и четким планированием. Например, сокрытие места совершения убийства путем перемещения трупа потерпевшего, или использование средств маскировки, в виде однотонности одежды, использовании лицевых масок, балакав и так далее. В таких случаях, совершено новое значение принимает деятельность по установлению круга связей потерпевшего лица и его образа жизни. Так как целенаправленная подготовка к совершению тех же преступлений против жизни, имеет под собой проявления высшей степени неприязни к потерпевшему лицу исходящие из межличностных отношений.

При изучении вопроса организации противодействия насильственно-агрессивной преступности против личности был выявлен ряд актуальных проблем, которые надлежит обозначить в рамках исследования:

1) нежелание содействия со стороны граждан сотрудникам полиции, обусловленное чувством страха за свою жизнь и недоверия к правоохранительной системе;

2) слабый уровень работы с гражданами на конфиденциальной основе, которая во все времена существования оперативных служб являлась фундаментальным элементом деятельности по противодействию преступности;

3) недостаточный уровень профессионализма отдельных сотрудников практических подразделений уголовного розыска по эффективному использованию существующих средств и методов оперативно-розыскной деятельности в предупреждении и профилактике преступной деятельности фигурантов;

4) недостаточно активная оперативно-розыскная деятельность подразделений уголовного розыска по противодействию негативному влиянию организованных преступных групп;

5) отсутствие законодательной возможности обязательного дактилоскопирования и геномной регистрации всех лиц, въезжающих на территорию Российской Федерации.

При возможности, следует акцентировать внимание на указанные проблемы и активизировать работу по представленным направлениям, что позволит увеличить эффективность противодействия преступлениям, совершаемым против личности.

Нельзя не отметить, тот факт, что на сотрудников подразделений уголовного розыска возлагается широкий спектр обязанностей и задач, необходимых к их своевременному решению. В этой связи, при симбиозе практики оперативно-розыскной деятельности и теории оперативно-розыскной науки практически значимым и эффективным, видится реализация следующего положения: в целях поднятия государственного уровня профилактики насильственных преступлений против личности, в системе МВД России возродить, как самостоятельную, службу профилактики, которая должна работать в условиях новых социальных, политических и экономических отношений. Нам представляется, что указанная служба должна будет в обязательном порядке обладать полной, достоверной и объективной информацией об обстоятельствах, которые могут привести к совершению преступлений, а также принимать все соответствующие меры по предупреждению их совершения. Одной из функций данной службы также можно рассмотреть координацию действий взаимодействующих подразделений, поскольку содействие позволит с наибольшей долей вероятности выполнить поставленные задачи по организации профилактической деятельности.

Резюмируя все вышесказанное можно констатировать, что организация оперативно-розыскного противодействия преступлениям против личности, основывается на теоретико-прикладной базе осуществления оперативно-розыскной деятельности в целом, и включает в себя ключевые структурные элементы, направленные на организацию предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений против личности как на федеральном уровне, так и на уровне индивидуальной работы сотрудников подразделений уголовного розыска.

При этом отметим, что эффективность осуществления оперативно-розыскного противодействия преступлениям против личности подразделениями уголовного розыска отраженная в статистике раскрываемости уже является мерой предупреждения, так как формирует в общественном сознании мнение о неотвратимости уголовной ответственности и неизбежности негативных последствий от лица государства. Своевременная реализация вопросов организации профилактической деятельности в рамках противодействия преступлениям против личности необходима и важна в условиях текущих реалий. В свою очередь, при организации оперативно-розыскной деятельности следует обратить внимание на решение проблем, обозначенных в настоящем исследовании.

Список источников

1. Бастрыкин А. И., Егоршин В. М., Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Кондрат И. Н., Ривман Д. В., Сальников В. П., Хабибулин А. Г., Шахматов А. В. Оперативно-розыскная деятельность : научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону. М. : Юрлитинформ, 2020.
2. Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 141–148.
3. Хромов И. Л., Завьялов И. А., Кузьмин Н. А. Использование современных достижений в области геномной регистрации в раскрытии преступлений прошлых лет : сб. научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2022. С. 95–101.
4. Наумов А. В., Кибальник А. Г. Преступления против личности : учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2024.
5. Нечевин Д. К. Организационно-правовые проблемы профилактической деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Академия МВД СССР, 1990.
6. Никитин А. В. Оперативно-розыскное противодействие преступности : понятие, сущность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России № 1 (52) 2010. С. 46–47.

7. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / С. С. Овчинский ; под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2000.

8. Хромов И. Л., Эрохин П. В. Использование специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. №1 (41). 2018. С. 62–66.

9. Шаров В. И. Оперативно-розыскное противодействие преступности : еще одна концепция или терминологические особенности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 4 (56) 2021. С. 134–137.

10. Оперативно-профилактическое мероприятие «Семья без насилия и жестокости» // URL: <https://пчеп-ский.32.мвд.рф/news/item/61180496/>

11. Оперативно-профилактическое мероприятие «Оружие» // URL: <https://33.мвд.рф/news/item/23210643/>

12. Оперативно-профилактическая операция «Не-легал-2024» // URL: <https://мвд.рф/news/item/51628827?ysclid=mh0szx9sq2749032546/>

13. Оперативно-профилактическое мероприятие «Розыск» // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/v-mvd-rossii-podvedeny-itogi-pervogo-etapa-federalnogo-operativno-profilakticheskogo-meropriyatiya-r/>

14. ТАСС. Путин назвал сохранение здоровья россиян абсолютным приоритетом для государства // URL: <https://tass.ru/obschestvo/8834157/>

References

1. Bastrykin A. I., Egorshin V. M., Zakhartsev S. I., Ignashchenkov Yu. Yu., Kondrat I. N., Rivman D. V., Salnikov V. P., Khabibulin A. G., Shakhmatov A. V. Operational investigative activities : scientific and practical commentary (article-by-article) to the Federal Law. M. : Yurлитinform, 2020.
2. Kuzmin N. A., Zavyalov I. A. Features of the operational and investigative activities of the operational units of the internal affairs bodies in solving crimes of the past years // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (94). P. 141–148.
3. Khromov I. L., Zavyalov I. A., Kuzmin N. A. The use of modern achievements in the field of genomic registration in the disclosure of crimes of the past : collection of scientific papers / edited by V. S. Ovchinsky. M. : Infra-M, 2022. P. 95–101.
4. Naumov A. V., Kibalknik A. G. Crimes against the Person : textbook for Universities. M. : Publishing House Yurayt, 2024.
5. Nechavin D. K. Organizational and legal issues of preventive activities of internal affairs bodies : abstract of dis. ... dr. of legal sciences. M. : USSR Ministry of Internal Affairs Academy, 1990.
6. Nikitin A. V. Operative and investigative counteraction to crime : concept, essence // Bulletin of the

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 1 (52) 2010. P. 46–47.

7. Ovchinsky S. S. Operative and investigative information / S. S. Ovchinsky ; under the editorship of A. S. Ovchinsky and V. S. Ovchinsky. M. : INFRA-M, 2000.

8. Khromov I. L., Ezrokhin P. V. The use of special knowledge in operational investigative activities // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (41). 2018. P. 62–66.

9. Sharov V. I. Operational investigative counteraction to crime : another concept or terminological features // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 4 (56) 2021. P. 134–137.

10. Operational and preventive measure «Family without violence and cruelty» // URL: <https://pochepsy.32.mvd.rf/news/item/61180496/>

11. Operational and preventive measure «Weapons» // URL: <https://33.mvd.ru/news/item/23210643/>

12. Operational and preventive operation «Illegal-2024» // URL: <https://mvd.ru/news/item/51628827?ysclid=mh0szz9sq2749032546/>

13. Operational and preventive measure «Search» // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/v-mvd-rossii-podvedeny-itogi-pervogo-etapa-federalnogo-operativno-profilakticheskogo-meropriyatiya-r/>

14. TASS. Putin called preserving the health of Russians an absolute priority for the state // URL: <https://tass.ru/obschestvo/8834157/>

Информация об авторе

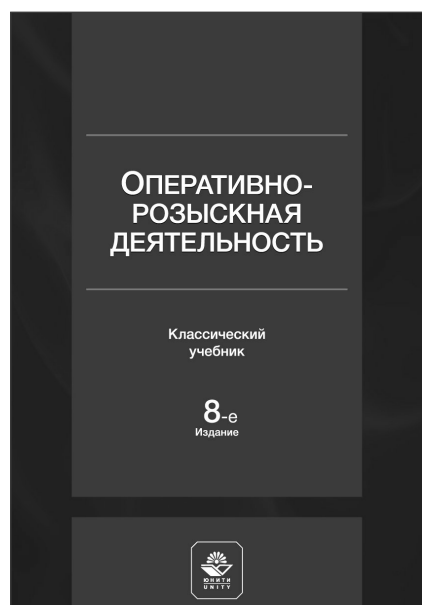
О. В. Пауков – начальник Управления внутренних дел по Центральному административному округу Главного управления МВД России по г. Москве, соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. V. Paukov – Head of the Department of Internal Affairs for the Central Administrative District of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow, Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 10.02.2026.

Оперативно-розыскная деятельность. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 342.951

EDN: <https://elibrary.ru/dmmpshr>

ИПОН: 2015-0066-1/26-390

MOSURED: 77/27-011-2026-01-589

Обеспечение прав несовершеннолетних детей трудящихся-мигрантов в Российской Федерации

Татьяна Анатольевна Прудникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

tanya_198307@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу обеспечения прав детей трудящихся-мигрантов, в особенности обеспечению прав несовершеннолетних детей мигрантов в Российской Федерации. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта, а также организационно-правовых механизмов деятельности государственных органов и институтов гражданского общества формулируются выводы о необходимости разработки целостной государственной стратегии, направленной на эффективную интеграцию и защиту прав данной категории несовершеннолетних.

Ключевые слова: трудящиеся-мигранты, несовершеннолетние дети мигрантов, права ребенка, миграционная политика, социальная адаптация, образовательная интеграция, правовое регулирование

Для цитирования: Прудникова Т. А. Обеспечение прав несовершеннолетних детей трудящихся-мигрантов в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 104–106. EDN: DMMPHR.

Original article

Ensuring the rights of minor children of migrant workers in the Russian Federation

Tatiana A. Prudnikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

tanya_198307@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of ensuring the rights of children of migrant workers, especially ensuring the rights of minor migrant children in the Russian Federation. Based on the analysis of domestic and foreign experience, as well as the organizational and legal mechanisms of government agencies and civil society institutions, conclusions are drawn about the need to develop a holistic state strategy aimed at the effective integration and protection of the rights of this category of minors.

Keywords: working migrants, minor children of migrants, child rights, migration policy, social adaptation, educational integration, legal regulation

For citation: Prudnikova T. A. Ensuring the rights of minor children of migrant workers in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(1):104–6. (In Russ.). EDN: DMMPHR.

Российская Федерация сталкивается с комплексом вызовов, связанных с необходимостью обеспечения баланса между интересами национальной безопасности, эффективным регулированием миграционных потоков и соблюдением международных стандартов в области прав человека. В этом контексте особую актуальность приобретает вопрос обеспечения прав наиболее уязвимой категории мигрантов – несовершеннолетних детей трудящихся-мигрантов, чье благополучие и успешная интеграция являются залогом

социальной стабильности и межнационального согласия в будущем.

Правовой статус несовершеннолетних детей трудящихся-мигрантов имеет свои особенности, которые обусловлены возрастом, психологическим, физическим, умственным развитием данных лиц.

Законодательство не выделяет несовершеннолетних иностранных граждан в качестве отдельной категории субъектов правоотношений, они пользуются равными правами и обязанностями с гражданами Российской

Федерации. Права и законные интересы детей защищаются в Российской Федерации вне зависимости от их гражданства, тем не менее их правовой статус имеет ряд существенных особенностей.

Правовое положение детей трудящихся-мигрантов в России определяется многоуровневой системой нормативных правовых актов [8], включающей как международные обязательства государства, так и внутреннее законодательство. Фундаментальную роль играют положения Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. [2], а также Международной конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей 1990 г. [3], которая закрепляет принцип недискриминации и гарантирует права мигрантов и членов их семей на протяжении всего миграционного цикла. На национальном уровне базовые гарантии закреплены в Конституции РФ (ст. 27, 38, 43) [1], гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от происхождения, права и обязанности родителей, а также право на образование. Детализация осуществляется в рамках Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4], Семейного кодекса РФ, Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [6] и иных нормативных правовых актов.

Порядок и условия осуществления трудовой деятельности несовершеннолетними лицами определен в ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации, которым разрешено выполнение труда, который не приносит ущерб их здоровью, получению образования, нравственному развитию. При этом дискриминация при приеме на работу, в том числе по возрасту, национальности и наличию гражданства, должна быть исключена.

Важным вопросом является отсутствие унифицированной и достоверной статистики, отражающей количество несовершеннолетних мигрантов в России. Расхождение в данных различных ведомств, по некоторым оценкам, составляет десятки тысяч человек, что существенно затрудняет для уполномоченных органов планирование и предоставление адресной социальной, образовательной и медицинской помощи. В этой связи представляется целесообразным создание единой государственной информационной системы учета детей-мигрантов, содержащей актуальные данные об их месте нахождения, правовом статусе, доступе к образованию и здравоохранению.

Особую роль в защите прав несовершеннолетних мигрантов играют органы внутренних дел, в частности подразделения по делам несовершеннолетних. В соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5], на инспекторов данных подразделений возлагаются задачи по предупреждению правонарушений, безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних.

Так в соответствии со ст. 21 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: проводят индивидуальную профилактическую работу; выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления, других противоправных и (или) антиобщественных действий; осуществляют в пределах своей компетенции меры по выявлению несовершеннолетних, объявленных в розыск, а также несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства; рассматривают заявления и сообщения об административных правонарушениях несовершеннолетних и др.

Однако, как показывает правоприменительная практика, работа с детьми семей мигрантов требует от сотрудников полиции специальных компетенций: этнокультурной грамотности, знаний в области этнопсихологии и этнопедагогики, навыков создания инклюзивной среды и разрешения межкультурных конфликтов.

Существенный вклад в обеспечение прав детей-мигрантов вносят институты гражданского общества, которые демонстрируют свою эффективность. Взаимодействие государственных органов, в первую очередь МВД России, с данными организациями в рамках Общественного совета при МВД и иных диалоговых площадок позволяет учитывать интересы уязвимых групп мигрантов при выработке и реализации миграционной политики.

Особую остроту проблеме придает риск, связанный с нелегальной миграцией трудящихся-мигрантов, который многократно повышает уязвимость детей, создавая предпосылки для их эксплуатации и вовлечения в торговлю людьми. Латентный характер данных преступлений, нежелание отдельных пострадавших сотрудничать с правоохранительными органами, а также сложность их расследования требуют консолидации усилий на национальном и международном уровнях и разработки комплексных межведомственных соглашений.

Стоит отметить, что в соответствии с Указом Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [7] основными направлениями реализации миграционной политики являются: совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские организации, осуществляющие образовательную деятельность, а также содействие адаптации иностранных граждан, способствующее успешному освоению ими русского языка, усвоению общепризнанных в российском обществе норм поведения, формированию у них присущих российскому обществу правосознания и правовой культуры, приобщению их к традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Таким образом, обеспечение прав несовершеннолетних детей трудящихся мигрантов в Российской Фе-

дерации представляет собой многогранную проблему, решение которой лежит в плоскости совершенствования национального законодательства и общепризнанных принципов и норм международного права, развития механизмов межведомственного взаимодействия, внедрения эффективных программ социокультурной и языковой адаптации. Эффективная и сбалансированная государственная миграционная политика, рассматривающая интеграцию детей-мигрантов в национальную среду не как вынужденную меру, а как стратегический инвестиционный ресурс в человеческий капитал и будущее страны, является ключевым фактором обеспечения национальной безопасности и развития социальной стабильности государства.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Конвенция ООН от 20 ноября 1989 г. «О правах ребенка» // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI. С. 1–15.
3. Конвенция ООН от 18 декабря 1990 г. «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» // Бюллетень международных договоров. 2005. № 11. С. 1–112.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
5. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание за-

конодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

7. Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>

8. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге / [под ред. А. В. Окольской]. М. : Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012. 168 с.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote December 12, 1993 as amended during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 11. Art. 1416.
2. UN Convention of November 20, 1989 «On the rights of the child» // Collection of international treaties of the USSR. 1993. Issue. XLVI. P. 1–15.
3. UN Convention of December 18, 1990 «On the protection of the rights of all working migrants and members of their families» // Bulletin of international treaties. 2005. № 11. P. 1–112.
4. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ «On Education in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 53 (part 1). Art. 7598.
5. Federal Law of July 24, 1999 № 120-FZ «On the basics of the prevention of demandism and properties of minors» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.
6. Federal Law of July 25, 2002 № 115-FZ «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.
7. Decree of the President of the Russian Federation № 738 dated October 15, 2025 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>
8. The situation of migrant children in St. Petersburg / [edited by A. V. Okolskaya]. M. : United Nations Children's Fund (UNICEF), 2012. 168 p.

Информация об авторе

Т. А. Прудникова – профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova – Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 26.12.2025.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 26.12.2025.

Научная статья

УДК 342

EDN: <https://elibrary.ru/cyvdon>

НИОН: 2015-0066-1/26-391

MOSURED: 77/27-011-2026-01-590

Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции: отечественный и зарубежный опыт

Анастасия Игоревна Серпионова¹, Полина Петровна Силуянова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ anastasia.serpionova@gmail.com

² spoly_2011@mail.ru

Аннотация. Проведен комплексный анализ института противодействия незаконной миграции с учетом современного отечественного и зарубежного опыта. Исследованы правовые механизмы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, включая последние изменения законодательства 2023–2025 гг. Проведен сравнительный анализ российского и международного законодательства, регламентирующего порядок и особенности противодействия незаконной миграции. Особое внимание уделено системным преобразованиям в области миграционного контроля, включая внедрение биометрических технологий, цифровизацию миграционного учета и совершенствование межведомственного взаимодействия. На основе анализа нормативных правовых актов, статистических данных и правоприменительной практики выявлены тенденции развития миграционного законодательства и предложены направления его совершенствования.

Ключевые слова: незаконная миграция, миграционное законодательство, биометрический учет, квотирование, депортация, межведомственное взаимодействие, цифровизация миграционного контроля, сравнительно-правовой анализ

Для цитирования: Серпионова А. И., Силуянова П. П. Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции: отечественный и зарубежный опыт // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 107–111. EDN: CYVDON.

Original article

Current issues of combating illegal migration: domestic and foreign experience

Anastasia I. Serpionova¹, Polina P. Siluyanov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ anastasia.serpionova@gmail.com

² spoly_2011@mail.ru

Abstract. The comprehensive analysis of the institute of counteraction to illegal migration is provided, taking into account modern domestic and foreign experience. The legal mechanisms of regulation of migration processes in the Russian Federation, including the latest changes in legislation in 2023–2025 are studied. The comparative analysis of Russian and international legislation regulating the procedure and features of countering illegal migration is carried out. Special attention is paid to systemic transformations in the field of migration control, including the introduction of biometric technologies, digitalization of migration registration and improvement of interagency cooperation. Based on the analysis of normative legal acts, statistical data and law enforcement practice, trends in the development of migration legislation are identified and directions for its improvement are proposed.

Keywords: illegal migration, migration legislation, biometric registration, quotas, deportation, interagency cooperation, digitalization of migration control, comparative legal analysis

For citation: Serpionova A. I., Siluyanov P. P. Current issues of combating illegal migration: domestic and foreign experience. Bulletin of economic security. 2026;(1):107–11. (In Russ.). EDN: CYVDON.

Незаконная миграция представляет собой сложный междисциплинарный феномен, оказывающий деструктивное влияние на ключевые институты государственного управления, включая сферы национальной безопасности, социально-экономического развития и демографической политики. В условиях глобализации и либерализации трансграничных перемещений проблема приобретает масштабы системного вызова, требующего комплексного научного исследования с применением сравнительно-правового подхода.

С позиций юриспруденции, незаконная миграция квалифицируется как девиантная форма социального поведения, детерминированная нарушением установленных миграционных процедур, норм национального законодательства и международно-правовых стандартов. В рамках административно-правового дискурса данное явление подлежит дифференциации на следующие формы противоправной деятельности:

Незаконное пересечение государственной границы – нарушение установленного порядка въезда на территорию страны, включая использование подложных документов или нелегальных маршрутов.

Нелегальное пребывание – проживание на территории государства с превышением разрешенных сроков либо отсутствием законных оснований (например, аннулирование визы или отклонение ходатайства о предоставлении убежища).

Несанкционированная трудовая занятость – осуществление профессиональной деятельности без соответствующих разрешений (патентов, рабочих виз), что приводит к деформации рынка труда и уклонению от налоговых обязательств.

В рамках современных исследований миграционного права выделяется комплекс взаимосвязанных факторов, способствующих эскалации незаконной миграции как глобальной социально-правовой проблемы. Данные детерминанты носят системный характер и требуют многоуровневого анализа в контексте международных отношений, правового регулирования и криминологической безопасности.

1. Геополитическая нестабильность как катализатор нерегулируемых миграционных потоков.

Современные исследования (например, работы Weiner, 2022; Betts & Collier, 2023) подчеркивают, что глобальные кризисы различной природы формируют устойчивые миграционные тренды:

- вооруженные конфликты (ситуация в Сирии, Афганистане, Судане) приводят к массовому перемещению населения в поисках безопасности, при этом значительная часть мигрантов вынуждена использовать нелегальные каналы из-за ограниченных возможностей легального въезда;

- экономическая дестабилизация (гиперинфляция, безработица, санкционные режимы) провоцирует трудовую миграцию вне правовых рамок;

- экологические катастрофы (опустынивание, наводнения, климатические миграции) создают новую ка-

тегорию «экологических беженцев», не имеющих четкого правового статуса в большинстве юрисдикций.

2. Институциональные дефициты в регулировании миграционных процессов.

Анализ правовых систем различных государств (Hathaway, 2023; Neumayer, 2022) демонстрирует наличие существенных пробелов:

- дивергенция национальных законодательств – различия в требованиях к въезду, пребыванию и трудоустройству мигрантов создают «серые зоны», используемые для обхода миграционного контроля;

- неэффективность международных механизмов координации – отсутствие унифицированных стандартов (например, в вопросе признания беженцев) приводит к дисбалансу в распределении миграционной нагрузки между странами;

- коррупционные риски – в ряде государств слабость институтов способствует злоупотреблениям при выдаче виз и разрешений.

3. Криминализация миграции: новые вызовы для правопорядка.

Транснациональная организованная преступность (Shelley, 2023; UNODC, 2024) активно эксплуатирует миграционные потоки в следующих формах:

- трафикинг людей – принудительная перевозка мигрантов с целью эксплуатации (рабский труд, проституция);

- контрабанда мигрантов – организация нелегальных переправ через границы с использованием подложных документов или коррупционных схем;

- симбиоз с иными видами преступности – незаконная миграция часто сопряжена с торговлей оружием, наркотрафиком и отмыванием денег.

Так, в контексте современных вызовов миграционной безопасности Российская Федерация сформировала комплексную систему правового регулирования, основанную на принципах суверенитета, территориальной целостности и защиты национального рынка труда. Анализ действующего законодательства позволяет выделить системообразующие элементы государственной политики в данной сфере, которые реализуются через взаимосвязанные превентивные, контрольные и правоохранительные механизмы.

Превентивная составляющая государственной миграционной политики базируется на создании эффективных инструментов учета и контроля. В соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (в редакции 2024 г.) функционирует Единая государственная информационная система миграционного учета, интегрированная с базами данных МВД, ФСБ и Федеральной налоговой службы. Особое значение приобретает внедрение биометрических технологий идентификации, регламентированное Приказом ФСБ России от 15 марта 2024 г. № 112 «Об утверждении порядка применения биометрических персональных данных при погранич-

ном контроле» [4]. С 2023 г. в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2022 г. № 2253 реализуется программа поэтапного перехода на электронные миграционные карты с чипами, содержащими полный комплекс биометрических параметров [3].

В контексте эволюции миграционной политики Российской Федерации квотирование иностранной рабочей силы сохраняет свою актуальность в качестве ключевого механизма сбалансированного распределения трудовых ресурсов. Принятие Постановления Правительства РФ от 28 февраля 2024 г. № 312 «О квотах на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации» ознаменовало новый этап в развитии данного регуляторного инструмента, характеризующийся переходом к более гибкой и адресной системе управления миграционными потоками. Современная модель квотирования демонстрирует выраженную отраслевую и региональную дифференциацию, что позволяет увязывать миграционную политику со стратегическими приоритетами пространственного развития экономики. В отличие от прежних подходов, основанных на унифицированных количественных ограничениях, новая система предусматривает вариативное распределение квот с учетом специфики территориальных рынков труда, отраслевых потребностей в кадрах и демографических особенностей субъектов Федерации.

Особого внимания заслуживает цифровизация процессов квотирования, реализованная через специализированную платформу «Трудовая миграция». Данный технологический инструмент не только обеспечивает автоматизацию процедур рассмотрения заявок работодателей, но и вводит элементы предиктивной аналитики, позволяющей прогнозировать потребности в иностранной рабочей силе на основе big data. Внедрение цифрового интерфейса значительно повысило прозрачность администрирования квот, минимизировав коррупционные риски и субъективный фактор при принятии решений. Кроме того, платформа интегрирована с другими информационными системами, такими как Единая государственная информационная система учета иностранных граждан, что создает единое цифровое пространство для мониторинга миграционных процессов.

Анализ нововведений 2024 г. позволяет констатировать, что современная модель квотирования в РФ развивается в русле общемировых тенденций, сочетая принципы селективного привлечения иностранной рабочей силы с цифровыми технологиями управления. Однако эффективность данной системы будет зависеть от качества методологического обеспечения расчетов квот, включая разработку научно обоснованных критериев определения потребностей экономики в иностранных работниках с учетом долгосрочных трендов развития трудового рынка. Перспективным направлением совершенствования механизма представляется дальнейшая алгоритмизация процессов принятия решений с использованием искусственного интеллекта для анализа

многомерных зависимостей между миграционными потоками, экономическими показателями и социальными параметрами развития регионов [5].

Репрессивные меры противодействия незаконной миграции претерпели существенные изменения в результате реформы миграционного законодательства 2023–2024 гг. В Уголовный кодекс РФ внесены дополнения, ужесточающие ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2023 г. № 567-ФЗ). Особое внимание уделено борьбе с фиктивной постановкой на миграционный учет, что нашло отражение в новой редакции ст. 322.2 УК РФ. Административное законодательство также было скорректировано: Кодекс об административных правонарушениях (в редакции Федерального закона от 25 ноября 2023 г. № 498-ФЗ) предусматривает теперь повышенные штрафы за нарушения миграционного режима, достигающие 700 тыс. рублей для юридических лиц.

Процедуры депортации и административного выдворения были оптимизированы в соответствии с изменениями, внесенными в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1]. Созданы специализированные центры содержания иностранных граждан, подлежащих депортации, деятельность которых регламентирована Постановлением Правительства РФ от 5 апреля 2024 г. № 467. Важной новацией стало введение ускоренной процедуры выдворения для граждан государств, с которыми заключены соглашения о реадмиссии.

Институциональные преобразования в сфере миграционного управления продолжают развиваться. В соответствии с Указом Президента РФ от 14 марта 2024 г. № 167 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» создан Координационный совет по вопросам миграционной политики при Правительстве Российской Федерации. Межведомственное взаимодействие выведено на новый уровень благодаря внедрению единой цифровой платформы «Миграционный контроль», объединяющей ресурсы МВД, ФСБ, Росгвардии, Федеральной налоговой службы и Пенсионного фонда. Особое внимание уделяется кадровому обеспечению миграционного контроля: с 2024 г. в ведомственных учебных заведениях МВД введена новая специализация «Миграционное право и администрирование».

Современная правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к ужесточению контроля за соблюдением миграционного законодательства. Согласно статистическим данным Главного управления по вопросам миграции МВД России в 2024 г. количество выявленных нарушений миграционного законодательства увеличилось на 18 % по сравнению с предыдущим годом, при этом 67 % случаев составляют нарушения режима пребывания. Судебная практика Верховного Суда РФ (Обзор за первый квартал 2025 г.) показывает рост дел по ст. 322.1 УК РФ на 23 %, что свидетельствует об

активизации борьбы с организованными формами незаконной миграции.

Перспективы развития системы противодействия незаконной миграции связаны с дальнейшей цифровизацией миграционного учета, совершенствованием межведомственного взаимодействия и развитием международного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств. Особое значение приобретает работа по гармонизации миграционного законодательства государств-членов ЕАЭС, что предусмотрено Дорожной картой по реализации Основных направлений миграционной политики на 2025–2030 гг., утвержденной Решением Высшего Евразийского экономического совета от 12 декабря 2024 г. № 12 [8].

В связи с чем, Российская Федерация за последние годы существенно модернизировала свою правовую базу в сфере миграционного контроля. В соответствии с Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» была усилена ответственность за нарушения миграционного законодательства. Особого внимания заслуживает введение института биометрического учета иностранных граждан, регламентированного Постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2022 г. № 2253. Данная мера позволила значительно повысить эффективность идентификации лиц, незаконно находящихся на территории страны.

В европейских странах также наблюдается тенденция к ужесточению миграционного законодательства. Например, Германия в 2023 г. приняла пакет поправок к Закону о пребывании, занятости и интеграции иностранцев, предусматривающий ускоренные процедуры депортации. Однако, в отличие от российской практики, где акцент делается на превентивных мерах (квотирование, электронный учет), европейские государства больше ориентированы на постфактумные меры воздействия.

Азиатский опыт, в частности Сингапура и Малайзии, демонстрирует эффективность жесткой системы балльной оценки мигрантов, учитывающей профессиональные качества, состояние здоровья и другие параметры. В Российской Федерации подобные элементы внедрены в рамках профессиональных стандартов для трудовых мигрантов, утвержденных Приказом Минтруда России от 15 марта 2024 г. № 156н.

Особый интерес представляет опыт стран СНГ в создании единых миграционных пространств. В отличие от Шенгенской зоны, где акцент делается на свободе перемещения, в рамках Евразийского экономического союза (Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.) выработана сбалансированная система, сочетающая либерализацию трудовой миграции с усилением контроля за незаконными перемещениями. Это нашло отражение в Соглашении о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей от 19 ноября 2024 г.

Сравнительный анализ показывает, что российская модель противодействия незаконной миграции отличается комплексным подходом, сочетающим:

1) усиленный приграничный контроль (Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [2]);

2) прозрачную систему квотирования (Постановление Правительства РФ от 28 февраля 2024 г. № 312);

3) эффективные механизмы депортации (Федеральный закон от 19 июля 2023 г. № 278-ФЗ).

В отличие от американской системы, где доминируют репрессивные меры (программа ICE), или европейской практики, основанной на принципе «крепости Европы», российский подход более сбалансирован и ориентирован на защиту национального рынка труда при сохранении притока квалифицированных кадров.

Таким образом российская модель противодействия незаконной миграции, сохраняя национальную специфику, развивается в русле общемировых тенденций, демонстрируя при этом большую сбалансированность между мерами контроля и стимулирования легальной миграции. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно учитывать как положительный зарубежный опыт, так и достижения отечественной правовой системы в области цифровизации миграционного учета и межведомственной координации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
2. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.
3. Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2022 г. № 2253 «Об утверждении Правил использования электронных носителей информации, содержащих биометрические персональные данные иностранных граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 51. Ст. 8432.
4. Приказ ФСБ России от 15 марта 2024 г. № 112 «Об утверждении порядка применения биометрических персональных данных при пограничном контроле» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2024. № 15.
5. Прудников А. С. Борьба с незаконной миграцией как основа предупреждения терроризма и экстремизма в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 145–148.
6. Серпионова А. И. Особенности влияния вынужденной миграции на миграционные процессы в Рос-

сией Федерации // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 105–108.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2025 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 апреля 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 5.

8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 12 декабря 2024 г. № 12 «Об утверждении Дорожной карты по реализации Основных направлений миграционной политики на 2025–2030 годы» // URL: <http://www.eurasiancommission.org/>

Bibliographic list

1. Federal Law of July 25, 2002 № 115-FZ «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.

2. Federal Law of August 15, 1996 № 114-FZ «On the order of departure from the Russian Federation and entry into the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 12, 2022 № 2253 «On Approval of the Rules for the use of electronic media containing

biometric personal data of foreign citizens» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 51. Art. 8432.

4. Order of the Federal Security Service of Russia from March 15, 2024 № 112 «On approval of the order of application of biometric personal data in border control» // Bulletin of normative acts of federal executive bodies. 2024. № 15.

5. Prudnikov A. S. Combating illegal migration as a basis for the prevention of terrorism and extremism in the Russian Federation // Criminological Journal. 2024. № 4. P. 145–148.

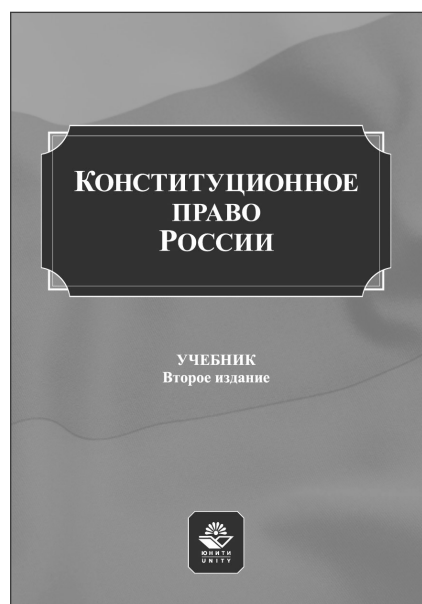
6. Serpionova A. I. Features of the impact of forced migration on migration processes in the Russian Federation // Public Service and Personnel. 2024. № 2. P. 105–108.

7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2025 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of April 15, 2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. № 5.

8. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 12, 2024 № 12 «On Approval of the Roadmap for the implementation of the Main Directions of Migration Policy for 2025–2030» // URL: <http://www.eurasiancommission.org/>

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Конституционное право России. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 349.2

EDN: <https://elibrary.ru/djcktu>

ИПОН: 2015-0066-1/26-392

MOSURED: 77/27-011-2026-01-591

Профессиональные стандарты и досрочная пенсия: проблемы правоприменения

Светлана Евгеньевна Титор¹, Адилья Камильевна Бикманова²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ setitor@mail.ru

² bikmanova.adilya@mail.ru

Аннотация. Право на получение досрочной пенсии в связи с вредными и опасными условиями труда возникает на основании нескольких составляющих частей, одной из которых является правильная организация учета и оценки трудовых функций работника на предприятии. Важным в этом процессе становится выбор верного (правильного) наименования трудовой функции, отнесенной к особым трудовым условиям, а также организация обследования или оценка рабочего места на предмет соответствия его нормальным условиям или наличия вредных или опасных условий труда. Институт профессиональных стандартов, введенный в оборот управления персоналом в начале 2000-х гг., требует учета его при формировании штатов организации. В настоящем исследовании проанализировано соотношение наименования трудовой функции с возможными наименованиями, закрепленными в профессиональных стандартах и ЕКС, и ЕТКС, а также со Списками 1 и 2, дающими право на досрочное пенсионное обеспечение. По итогам исследования сформулирован вывод о необходимости корректировки законодательства в целях более полного учета специальной оценки условий труда как фактора для получения права на досрочное пенсионное обеспечение.

Ключевые слова: досрочная пенсия, профессиональные стандарты, квалификационные справочники, специальная оценка условий труда, трудовая функция

Для цитирования: Титор С. Е., Бикманова А. К. Профессиональные стандарты и досрочная пенсия: проблемы правоприменения // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 112–117. EDN: DJCKTU.

Original article

Professional standards and early retirement: problems of law enforcement

Svetlana E. Titor¹, Adilya K. Bikmanova²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ setitor@mail.ru

² bikmanova.adilya@mail.ru

Abstract. The right to receive an early pension in connection with harmful and dangerous working conditions arises on the basis of several components, one of which is the correct organization of accounting and evaluation of an employee's work functions at the enterprise. In this process, it is important to choose the correct (proper) name of the work function that is classified as a special working condition, as well as to organize a survey or assessment of the workplace to determine whether it meets normal working conditions or has harmful or dangerous working conditions. The institute of professional standards, which was introduced in the field of personnel management in the early 2000s, requires consideration when forming the organization's staff. This study analyzes the correlation between the name of the work function and the possible names specified in the professional standards, the Unified Classification System, the Unified Labor Classification System, and Lists 1 and 2, which entitle employees to early retirement. Based on the results of the study, it was concluded that the legislation should be adjusted to take into account the special assessment of working conditions as a factor for obtaining early retirement benefits.

© Титор С. Е., Бикманова А. К., 2026

Keywords: early retirement, professional standards, qualification manuals, special assessment of working conditions, work function

For citation: Titor S. E., Bikmanova A. K. Professional standards and early retirement: problems of law enforcement. Bulletin of economic security. 2026;(1):112–7. (In Russ.). EDN: DJCKTU.

В соответствии со ст. 57 Трудового кодекса РФ если выполнение работы связано с предоставлением в соответствии с законодательством льгот, гарантий (включая предоставление досрочной пенсии), компенсаций или ограничений, трудовая функция должна именоваться в соответствии с квалификационными справочниками или профессиональными стандартами.

Требования по соответствию наименования трудовой функции профессиональным стандартам или квалификационным справочникам обязательны в том случае, если соответствующие льготы, гарантии или компенсации «привязаны» к конкретной профессии/должности, как, например, работа по определенным профессиям и должностям для предоставления досрочной пенсии¹.

Для определенных категорий работников пенсионным законодательством установлено право на получение досрочной пенсии. Перечень таких категорий работников определен списками производств, работ, профессий/должностей, утвержденными постановлением Правительства² (далее – Списки 1 и 2). Наименование профессий/должностей в указанных Списках определено в соответствии с ЕТКС и ЕКС. В профессиональных стандартах содержится раздел о возможных наименованиях должностей. В то же время законодательно установлено, что в некоторых случаях выполнение работы по профессии/должности соответствующего наименования для предоставления льгот, гарантий или компенсаций в соответствии с законодательством недостаточно. Так, например, для получения льгот, гарантий и компенсаций за работу во вредных или опасных условиях труда, включая и досрочную пенсию, необходимо подтверждение, что эти условия труда относятся к вредным или опасным условиям труда. Такое подтверж-

дение осуществляется в результате специальной оценки условий труда³.

Институт профессиональных стандартов приходит на смену институту квалификационных справочников, в соответствии с которыми ранее определялись наименования трудовых функций.

На первоначальном этапе разработчики и работодатели столкнулись с проблемой понятийного аппарата, который не был определен законодательно. Не были определены понятия, используемые в профессиональных стандартах: «вид профессиональной деятельности» (далее – ВПД), «компетенция». В законодательных актах различались понятия «квалификация», «трудовая функция». Отсутствовали четкие критерии и правила разработки профессиональных стандартов. И, как результат, на первом этапе стихийно начатая разработка профстандартов привела к нарушениям прав работников, в частности в части назначения им досрочного пенсионного обеспечения.

Практика показала, что на первоначальном этапе формирования профессиональных стандартов, возможные наименования должностей не соответствовали аналогичным трудовым функциям, предусмотренным в ЕКС и ЕТКС, и в Списках 1 и 2.

Введение профессиональных стандартов некоторым образом осложнило сохранение права работников на досрочную пенсию. В соответствии со ст. 57 Трудового кодекса РФ работодатели, в случаях, когда выполняемая работа предполагает предоставление работнику льгот, гарантий, компенсаций, должны именовать его трудовую функцию в соответствии с ЕТКС и ЕКС или в соответствии с профессиональными стандартами. Профессиональные стандарты формируются на «виде профессиональной деятельности», а не на конкретную профессию/должность. Это приводит к «свободе» выбора наименования должности, которые предлагаются в профстандарте, но не привязаны к конкретным трудовым функциям. Это может привести к тому, что вредные или опасные трудовые функции не будут соотнесены с наименованиями, определенными в Списках 1 или 2, что приведет к нарушениям прав работников на досрочное пенсионное обеспечение, которое на данный момент основывается на ЕКС и ЕТКС.

Для ряда работодателей применение профессиональных стандартов в 2016 г. стало обязательным. Поэтому перед ними встала дилемма, какой правовой акт использовать для определения трудовой функции, кото-

¹ Постановление Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781 «О списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/185191/>

² Постановление Кабинета Министров СССР от 26 января 1991 г. № 10 «Об утверждении Списков производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих право на льготное пенсионное обеспечение»; Постановление Совмина СССР от 22 августа 1956 г. № 1173 «Об утверждении списков производств, цехов, профессий и должностей, работа в которых дает право на государственную пенсию на льготных условиях и в льготных размерах» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=14338/>

³ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/

рая предполагает льготы, если наименования трудовых функций в профессиональных стандартах отличается от ЕКС и ЕТКС.

Соответственно, у работодателей возникли проблемы и вопросы по сохранению за работником права на досрочное пенсионное обеспечение.

В системе профессиональных стандартов наблюдается проблема с тождественностью наименований должностей в соответствии с профстандартами и их наименованием в соответствии с ЕКС¹ и ЕТКС². Одна из причин этого заключается в принципиальном подходе к разработке профстандартов. Они разрабатываются на «вид профессиональной деятельности», а не на профессию/должность. В профстандартах под одно и то же наименование должности могут собираться трудовые действия, относящиеся и не относящиеся к вредным или опасным условиям труда. Это приводит к «свободе» выбора наименования должности, которые предлагаются в профстандарте, но не привязаны к конкретным трудовым функциям. Это может привести к тому, что вредные или опасные трудовые функции не будут соотнесены с наименованиями, определенными в Списках 1 или 2, что приведет к нарушениям прав работников на досрочное пенсионное обеспечение, которое на данный момент основывается на ЕКС и ЕТКС.

Трудовой кодекс РФ предоставляет работодателю выбор, каким документом руководствоваться при наименовании трудовой функции: профессиональным стандартом или квалификационными справочниками. Очевидно, если работодатель выбирает профессиональный стандарт для регулирования отношений по управлению персоналом, то наименование трудовой функции должно соответствовать положениям профессионального стандарта. Некоторые авторы-исследователи предлагают корректировать должностные инструкции и название должностей в соответствии с профессиональными стандартами [1]. Однако, на наш взгляд, это будет затруднительно.

Во-первых, требования трудового законодательства именовать трудовую функцию в соответствии с профессиональным стандартом не дают четкого понимания, каким образом должна быть сформулирована профессия или должность. Наименование самого профессиональ-

ного стандарта, как правило, имеет обобщающий вид. Например, некоторые профессиональные стандарты имеют одно наименование, а описывают характеристику квалификаций и трудовые функции большого количества профессий/должностей:

- профстандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального, общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»³ описывает трудовые функции по должностям «учитель», «воспитатель»;

- профстандарт «Педагог-психолог»⁴ описывает трудовые функции по должностям «психолог», «педагог-психолог», «психолог образовательной организации»;

- профстандарт «Педагог дополнительного образования для детей и взрослых»⁵ описывает трудовые функции по должностям «педагог дополнительного образования», «старший педагог дополнительного образования», «тренер-преподаватель», «старший тренер-преподаватель», «преподаватель», «методист», «старший методист», «педагог-организатор».

Во-вторых, профессиональные стандарты имеют раздел «возможные наименования должностей», соответственно, можно предположить, что именно этим разделом следует воспользоваться для выбора наименования трудовой функции. Однако, как указано выше, одна обобщенная трудовая функция, как и в целом профстандарт, могут объединять несколько наименований должностей, причем не все эти должности дают право на получение досрочной пенсии. Например, не все педагоги дополнительного образования в соответствии с одноименным профстандартом имеют право на досрочную пенсию, а лишь те, которые работают с детьми дошкольного или школьного возраста.

Кроме того, в профессиональных стандартах встречается несоответствие возможных наименований должностей квалификационным справочникам, и, как результат, Списку 1 и 2 профессий с вредными и опасными условиями труда, дающими право на получение досрочной пенсии⁶. Так, например, профессиональный

¹ Постановление Минтруда РФ от 21 августа 1998 г. № 37 «Об утверждении Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих» // URL: <https://online1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=58053&rnd=fXpSkw#GNWgdjUfs27xUsC/>

² Постановление Минтруда РФ от 15 ноября 1999 г. № 45 «Об утверждении Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, выпуск 2, разделы: «Литейные работы», «Сварочные работы», «Котельные, холодноштамповочные, волочильные и давяльные работы», «Кузнечно-прессовые и термические работы», «Механическая обработка металлов и других материалов», «Металлопокрытия и окраска», «Эмалирование», «Слесарные и слесарно-сборочные работы» // URL: <https://online1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=77852&rnd=fXpSkw#JCRldjUlsiWTF6ev/>

³ Приказ Минтруда России от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=281205/>

⁴ Приказ Минтруда России от 24 июля 2015 г. № 514н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=258098/>

⁵ Приказ Минтруда России от 22 сентября 2021 г. № 652н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=414971/>

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781 «О списках работ, профессий, должностей, специ-

стандарт «Буровой супервайзер в нефтяной отрасли»¹ сопряжен с должностью «буровой мастер» по ЕКС². При этом профстандарт предлагает в качестве возможных наименований должностей: «буровой супервайзер» (старший или региональный). Списком 1 и 2 предусмотрена возможность досрочного пенсионного обеспечения для лиц, работающих в качестве «мастеров буровых и их помощников» (21301006-23196), а работа по должности «бурового супервайзера» такой льготы не предусматривает.

Закон о специальной оценке условий труда, вступивший в силу в 2014 г.³ определил, что наличие вредных и/или опасных условий труда на рабочих местах определяется с помощью этого механизма – специальной оценки условий труда. При установлении вредных и/или опасных условий труда у работодателя возникает обязанность оплачивать за работника дополнительные пенсионные взносы⁴.

Действующее законодательство на данный момент предоставляет работникам право на досрочную пенсию не только по факту его работы на тех должностях, которые отнесены к вредным и/или опасным условиям труда в соответствии со Списками 1 и 2. Кроме этого, необходимо, чтобы работодатель оплачивал страховые взносы за этого работника в повышенном размере.

Таким образом, право на досрочное пенсионное обеспечение зависит от нескольких факторов:

- правильное наименование трудовой функции, которая соотносится с вредными и/или опасными условиями труда в соответствии со Списками 1 и 2. При этом, если наименование трудовой функции в профессиональном стандарте отличается от ЕКС, ЕТКС и Списков 1 и 2, рекомендуется, несмотря на обязательность

профессионального стандарта, применять наименование, соответствующее ЕКС и ЕТКС;

- отнесение рабочего места к вредным и/или опасным условиям труда в соответствии со специальной оценкой условий труда;

- внесение работодателем дополнительных страховых взносов за работника.

Согласимся с мнением многих исследователей [2; 3; 4] в том, что окончательный переход от ЕКС и ЕТКС на профстандарты при назначении досрочной пенсии будет возможен тогда, когда льготная пенсия будет назначаться в зависимости от содержания работы, а не от наименования трудовой функции. Современное состояние системы профессиональных стандартов не позволяет использовать их в качестве инструмента для назначения работникам льготной досрочной пенсии. Методика формирования профстандартов не соотносит однозначно возможные наименования должностей с особыми (вредными или опасными) условиями труда, дающими дополнительные льготы, гарантии и компенсации.

Сравнительный анализ возможных наименований должностей из профстандартов с наименованиями профессий/должностей в Списках 1 и 2 в металлургической промышленности показал, что все наименования соответствуют друг другу, расхождений не имеется, а соответственно, права работников на досрочное пенсионное обеспечение соблюдены⁵. Однако, в других отраслях таких совпадений может и не быть. А с учетом развития системы профессиональных стандартов, следует предусмотреть вероятность нарушений пенсионных прав работников.

Приведем некоторые примеры.

Профессиональный стандарт «Сварщик»⁶ предусматривает в качестве возможных наименований должностей, профессий – наименование «сварщик». Списки 1 и 2 не предусматривают такое наименование должности в качестве льготной. Причем такое наименование предлагалось применять и в отношении работ, которые относятся в соответствии с ЕТКС к льготным, например «электрогазосварщик».

В 2017 г. в указанный профессиональный стандарт были внесены изменения⁷, добавлены льготные наименования трудовых функций: «электрогазосварщик», «электрогазосварщик ручной сварки», «сварщик пластмасс».

альностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/185191/>

¹ Приказ Минтруда России от 27 ноября 2014 г. № 942н «Об утверждении профессионального стандарта «Буровой супервайзер в нефтегазовой отрасли» // URL: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/19.005.pdf>

² Постановление Минтруда РФ от 20 декабря 2002 г. № 82 «Об утверждении Квалификационного справочника должностей руководителей и специалистов организаций геологии и разведки недр» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=58320&cacheid=B856864291A25A57CBF3B6B74F7744A4&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#UKFDPmUpJjkNfd46/>

³ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/

⁴ Ст. 428 Налогового кодекса РФ // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=475532&ds=t=13591#hLQmKnUoxsPFz9EA2/>

⁵ К отчету прилагается выборочный аналитический список в распечатанном виде, в электронном виде – весь список по металлургической промышленности.

⁶ Приказ Минтруда России от 28 ноября 2013 г. № 701н «Об утверждении профессионального стандарта «Сварщик» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=344074/>

⁷ Приказ Минтруда России от 10 января 2017 г. № 15н О внесении изменений в профессиональный стандарт «Сварщик», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. № 701н // URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1887/>

Еще один пример связан с профессиональным стандартом «Слесарь технологических установок»¹, который предусматривал в качестве возможных наименований следующие: «слесарь-ремонтник», «слесарь-сборщик», «слесарь по ремонту оборудования технологических установок». Список 1 и 2 и ЕТКС содержит иное наименование: «слесарь по ремонту технологических установок». Добавленное в наименование трудовой функции в профстандарте слово «оборудование» уже позволяло пенсионным службам отказать работнику, замещающему эту должность, в предоставлении льготной пенсии. Указанный профстандарт был отменен, вместо него был принят новый, исправивший указанную ошибку².

На данном этапе разработчики учли имеющиеся ошибки и придерживаются наименований трудовых функций, обозначенных в ЕКС и ЕТКС. Более того, в более поздних версиях Макета профессионального стандарта появился раздел о соотношении возможных наименований должности, установленных в профстандарте, с ЕКС или ЕТКС.

Норма ст. 195.2. Трудового Кодекса РФ, а также Правила разработки профессиональных стандартов³, предписывали Минтруду совместно с Российской трехсторонней комиссией установить тождественность наименований должностей, используемых в профессиональных стандартах, с наименованиями из ЕКС и ЕТКС в целях сохранения права работников на получение льгот. Однако, такого документа не появилось, нет его и в настоящий момент. Социальный фонд России рекомендует до установления тождественности наименований должностей в целях сохранения права работника на досрочную пенсию использовать наименования его трудовой функции в соответствии с ЕКС и ЕТКС⁴.

До настоящего момента не разработан документ, определяющий тождественность должностей из профстандартов и ЕКС, ЕТКС. Однако, на наш взгляд, не нужно «ломать» существующую систему наименований должностей, которые на данный момент фигурируют во многих нормативных актах, определяющих

дополнительные льготы работникам (более подробно о досрочных пенсиях в разд. 1.5.). Для категорий работников, которым законодательно предусмотрены льготы в сфере труда и пенсионного обеспечения, трудовую функцию следует определять в соответствии с ЕКС и ЕТКС.

Проблема с тождественностью наименований должностей в соответствии с профстандартами и их наименованием в соответствии с ЕКС и ЕТКС может привести к нарушению права работников на дополнительные гарантии за работу во вредных условиях труда. Решением проблемы может стать специальная оценка условий труда. Если при ее проведении будут выявлены вредные или опасные условия труда, то станет возможным предоставление дополнительных компенсаций в виде дополнительной оплаты, дополнительного отпуска и сокращенного рабочего дня. Одна из причин этого заключается в принципиальном подходе к разработке профстандартов. Они разрабатываются на «вид профессиональной деятельности», а не на профессию/должность. В профстандартах под одно и то же наименование должности могут собираться трудовые действия, относящиеся и не относящиеся к вредным или опасным.

Однако, для предоставления льготы в виде досрочной пенсии, требуется еще соответствие наименования должности Спискам 1 и 2. Норма ст. 57 Трудового кодекса РФ предусматривает, что в этих случаях трудовая функция должна указываться в соответствии с квалификационными справочниками или профессиональными стандартами. Однако, в профессиональных стандартах возможные наименования должностей могут не соотноситься с вредными или опасными условиями труда. При использовании наименований должностей в соответствии с профстандартами, а в обязательных случаях их применения – этого не избежать, использованное наименование трудовой функции может не соотноситься с наименованием вредных или опасных работ в соответствии со Списком. Причем, в некоторых случаях, наоборот, наименование трудовой функции номинально будет соотноситься со Списком, но не будет соотноситься с вредностью или опасностью труда. Один из выходов из проблемы – специальная оценка условий труда, которая, кроме всего прочего, еще и обяжет работодателя уплачивать дополнительные страховые взносы пенсионного страхования. Но пока законодательство для предоставления досрочной пенсии требует еще и соответствие наименования должности Спискам 1 и 2, одной специальной оценки условий труда будет недостаточно. В этой связи напрашиваются два вывода и предложения:

1. Исключить из второй части абзаца третьего слова «или соответствующими профессиональными стандартами», тем самым закрепив норму, обязывающую в льготных условиях применять наименования трудовой функции только в соответствии с ЕКС или ЕТКС. Учтя, что в ближайшем обозримом будущем не наблю-

¹ Приказ Минтруда России от 27 ноября 2014 г. № 944н «Об утверждении профессионального стандарта «Слесарь технологических установок». (утратил силу) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70729258/>

² Приказ Минтруда России от 31 марта 2021 г. № 201н «Об утверждении профессионального стандарта «Слесарь технологических установок нефтегазовой отрасли» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=384376&dst=100007&field=134&rnd=Uor76Q#K6edKnUQYz1TIPLy/>

³ Постановление Правительства РФ от 22 января 2013 г. № 23 «О Правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов». (утратило силу) // URL: <https://base.garant.ru/70304190/>; Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2023 г. № 580 «О разработке и утверждении профессиональных стандартов» // URL: <http://government.ru/docs/all/147144/>

⁴ Профессиональные стандарты и досрочное пенсионное обеспечение // URL: <https://sfr.gov.ru/branches/buryatia/news~2017/08/01/140008/>

дается полного перехода от ЕКС и ЕТКС к профстандартам, такая норма будет на данный момент уместна. В дальнейшем, если встанет вопрос о полной замене ЕКС и ЕТКС на профстандарты, норму можно будет вернуть. Такой подход исключит двоякое применение нормы по применению наименований льготных трудовых функций, что исключит возможные нарушения прав работников на досрочное пенсионное обеспечение.

2. Полностью перейти на досрочное пенсионное обеспечение на основании результатов специальной оценки условий труда, отказавшись от Списков 1 и 2. Для этого следует изменить норму ст. 30 «Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии» Федерального закона о страховых пенсиях¹, исключив из него ч. 2, где предоставление досрочной пенсии увязано со Списками. И, соответственно, изложить эту норму следующим образом: «Работы, производства, профессии, должности, специальности и учреждения (организации), с учетом которых назначается страховая пенсия по старости в соответствии с ч. 1 ст. 30 (Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии) настоящего закона (имеется ввиду – закон о страховых пенсиях), определяются по результатам специальной оценки условий труда. Порядок исчисления периодов работы (деятельности) и назначения указанной пенсии при необходимости утверждаются Правительством Российской Федерации». Однако, такой подход исследователям малопривлекателен, ввиду неразвитости системы специальной оценки условий труда.

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/

Список источников

1. Болдырева Н. Б. Компенсация неиспользованного отпуска во время работы // Журнал «Отдел кадров коммерческой организации» 2017. № 3 // URL: <https://base.garant.ru/55880096/>
2. Панина Д. Ю. Выгоды и трудности перехода на профстандарты // «Руководитель бюджетной организации». № 12, декабрь. 2014 // URL: <https://base.garant.ru/57482062/>
3. Митрофанова О. И. Профессиональные стандарты : учебно-практическое пособие (отв. ред. ДВА, ординарный профессор НИУ ВШЭ Д. Л. Кузнецов). «Юридическая фирма «Контракт», 2017 // URL: <https://base.garant.ru/77712742/>
4. Яворчук Н., Трибушкова К. Разработка профессиональных стандартов // «Кадровик. Трудовое право для кадровика». 2012. № 6 // URL: <http://hr-portal.ru/article/razrabotka-professionalnyh-standartov/>

References

1. Boldyreva N. B. Compensation for unused leave during work // «Department of Personnel of a Commercial Organization» magazine. 2017. № 3 // URL: <https://base.garant.ru/55880096/>
2. Panina D. Yu. Benefits and difficulties of transition to professional standards // «Head of a Public Organization». № 12, December. 2014 // URL: <https://base.garant.ru/57482062/>
3. Mitrofanova O. I. Professional standards : study Guide (ed. by DBA, Professor of the Higher School of Economics D. L. Kuznetsov). «Legal Firm «Kontrakt», 2017 // URL: <https://base.garant.ru/77712742/>
4. Yavorchuk N., Tribushkova K. Development of professional standards // «Personnel Manager. Labor Law for HR Managers». 2012. № 6 // URL: <http://hr-portal.ru/article/razrabotka-professionalnyh-standartov/>

Информация об авторах

С. Е. Титор – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент;

А. К. Бикманова – Государственный университет управления.

Information about the authors

S. E. Titor – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. K. Bikmanova – State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Научная статья

УДК 343.721

EDN: <https://elibrary.ru/dljtdn>

ИПОН: 2015-0066-1/26-393

MOSURED: 77/27-011-2026-01-592

Трансформация морской логистики Российской Федерации в условиях экономических санкций коллективного запада

Александр Владимирович Токолов¹, Артем Юрьевич Исаев²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ altok40@mail.ru

² Isaevay2005@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена беспрецедентными санкциями, наложенными на Россию со стороны «недружественных» государств, которые ограничивают свободную торговлю и экспорт российских энергоресурсов. В ответ Россия активно развивает систему «теневого» флота – новаторский для российской практики подход, позволяющий обходить введенные ограничения. Изучение этого феномена важно для понимания современных методов противодействия санкциям и их влияния на мировую торговлю. Целью исследования является анализ тенденций развития «теневого» флота и принципы его работы на основе доступной информации.

Ключевые слова: морская логистика, «теневого флота», трансформация, обход санкций, рынок энергоресурсов, политика недружественных государств, мировая торговля

Для цитирования: Токолов А. В., Исаев А. Ю. Трансформация морской логистики Российской Федерации в условиях экономических санкций коллективного запада // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 118–124. EDN: DLJTDN.

Original article

Transformation of the Russian Federation's maritime logistics in the context of economic sanctions by the collective West

Alexander V. Tokolov¹, Artyom Yu. Isaev²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ altok40@mail.ru

² Isaevay2005@mail.ru

Abstract. The relevance of this research topic is due to the unprecedented sanctions imposed on Russia by «unfriendly» countries, which restrict free trade and the export of Russian energy resources. In response, Russia is actively developing a «shadow» fleet system, an innovative approach that allows it to circumvent these restrictions. Studying this phenomenon is crucial for understanding modern methods of countering sanctions and their impact on global trade. The aim of this research is to analyze the trends and principles of the «shadow» fleet based on available information.

Keywords: maritime logistics, «shadow fleet», transformation, sanctions circumvention, energy market, policy of unfriendly states, global trade

For citation: Tokolov A. V., Isaev A. Yu. Transformation of the Russian Federation's maritime logistics in the context of economic sanctions by the collective West. Bulletin of economic security. 2026;(1):118–24. (In Russ.). EDN: DLJTDN.

Как известно, до 2022 г. Российской Федерации в энергетическом секторе Европы являлась крупнейшим поставщиком ископаемого топлива, а ее ключевыми внешнеторговыми партнерами были такие страны Европейского союза как Польша, Италия, Финляндия, Франция, Германия и др. На этот регион приходилось

около половины экспортируемых ресурсов нашей страны. Однако в 2022 г. Западные страны ввели против транспортной логистики нашей страны множество санкционных ограничений по ведению внешней торговли, препятствующие свободному товарообороту России как с «недружественными» странами, так и с нашими пар-

© Токолов А. В., Исаев А. Ю., 2026

терами, которые опасаются в свою очередь попасть под вторичные санкции.

Итак, почему же при росте количества экономических санкций со стороны «недружественных» государств на поставки как СПГ, так и нефтепродуктов не происходит существенного сокращения поставляемых энергоресурсов из России? Здесь хочется отметить, что РФ удалось полностью диверсифицировать свой экспорт, и важная роль в этом отводится «теневому» флоту, который смог повлиять на повышение роста транспортных перевозок санкционной нефти и нефтепродуктов. Россия имеет под своим флагом более 2 910 торговых судов, но благодаря теневому флоту в ее распоряжении могут быть еще сотни кораблей.

«Теневой» флот – это термин, который применяется к судам, задействованным в транспортировке грузов, подпадающих под международные санкции, с использованием методов, затрудняющих отслеживание их деятельности. Такие суда часто маскируют свое местоположение через отключение транспондеров, скрывают происхождение грузов и владельцев, чтобы обойти ограничения, наложенные международным сообществом. Этот феномен не возник внезапно – он имеет глубокие исторические корни, уходящие в середину XX в., когда страны, оказавшиеся под санкционным давлением, осуществляли попытки альтернативных путей для экспорта своих энергоресурсов.

Прежде эта практика уже применялась Венесуэлой и Ираном. Эти государства еще раньше, чем Россия подверглись незаконному санкционному давлению, ограничивающему их свободную торговлю своими природными и, в первую очередь, энергетическими ресурсами.

Таким образом, под «теневым» флотом традиционно принимают суда, которые участвуют в транспортировке энергетических (в первую очередь, нефтяных) грузов, находящихся под экономическими санкционными ограничениями. *«Зачастую, это вполне легальные танкеры, перешедшие в собственность, либо управляемые, либо нанимаемые российскими юридическими лицами через компании, зарегистрированные в зарубежных юрисдикциях. При этом часть так называемого «теневоего» флота относится к танкерам, ранее перевозившим венесуэльские и иранские нефтеналивные грузы. Незадекларированный или трудно отслеживаемый статус владения и страховки подобных судов позволяет легче работать в условиях ограничений и избегать соблюдения официальных процедур»* [16].

Исторически одним из первых заметных примеров использования «теневоего» флота можно считать действия Ирана во время ирано-иракской войны 1980-х гг. Столкнувшись с морской блокадой и санкциями, Иран стал использовать суда, зарегистрированные под флагами третьих стран, таких как Панама, для экспорта нефти. Эта практика позволяла скрывать происхождение грузов и продолжать торговлю, несмотря на международное давление. В 1990-х и 2000-х гг., с ужесточением санкций со стороны ООН и США, Иран усовершенство-

вал свои методы, создав сложную сеть подставных компаний, фальшивых документов и маршрутов, что стало прообразом современного «теневоего» флота.

Похожие подходы позже применила Венесуэла, особенно после введения американских санкций в 2010-х гг. Был применен санкционный механизм, действовавший США с целью нанести ущерб экономике и сместить законное правительство Венесуэлы [2]. Страна начала использовать старые танкеры, зарегистрированные в офшорных зонах, таких как Либерия и Маршалловы острова, для транспортировки нефти в дружественные государства, например, Китай и Индия. Эти суда часто меняли названия и флаги, чтобы избежать обнаружения, что стало характерной чертой «теневоего» флота. Впоследствии Россия, столкнувшись с санкциями после начала специальной военной операции в 2022 г., адаптировала и значительно расширила эту практику, увеличив масштабы использования «теневоего» флота для экспорта нефти в страны Азии и Африки.

Историческое развитие «теневоего» флота также связано с глобальными изменениями в международной торговле и судоходстве. Введение автоматических систем идентификации (AIS) в 1990-х гг. и их широкое распространение в XXI в. вынудило операторов «теневоего» флота искать способы обхода этих технологий, например, путем отключения AIS или подделки сигналов. Таким образом, «теневой» флот стал продуктом эволюции, где каждая новая волна санкций стимулировала развитие более изощренных методов уклонения.

Примеры из истории:

- В 1970-х гг. Северная Корея использовала небольшие суда под флагами Камбоджи для транспортировки угля и оружия, что можно считать ранним прототипом «теневоего» флота.

- В 1990-х гг. Ирак во время санкций ООН применял баржи и малые танкеры для контрабанды нефти через Персидский залив, что также способствовало формированию концепции «теневоего» флота.

Главным мотивом участия ряда танкерных владельцев в операциях «теневой» перевалки является повышенная прибыль [4]. *«Хотя этот рынок по своей природе очень непрозрачный, по оценкам наблюдателей, ставки на доставку венесуэльских или иранских нефтяных баррелей могут в два или три раза превышать рыночные ставки для перевозки «легальной» нефти»* [1].

Структура «теневоего» флота представляет собой сложную систему, включающую несколько элементов, которые обеспечивают его скрытность и эффективность в условиях санкций. Эти элементы можно разделить на юридические, технические и операционные аспекты.

«По данным Karatzas Marine Advisors, большинство судов «теневоего» флота ходят под флагами стран с мягкими правилами судоходства, таких как Панама, Либерия и Маршалловы острова. Как правило, владельцы подобных танкеров имеют ограниченный контакт с властями США или ЕС, что затрудняет контроль за соблюдением западных санкций. Этот процесс, за-

частую, облегчается наличием широкой и запутанной сети подставных компаний, в собственности которых зарегистрированы такие танкеры».

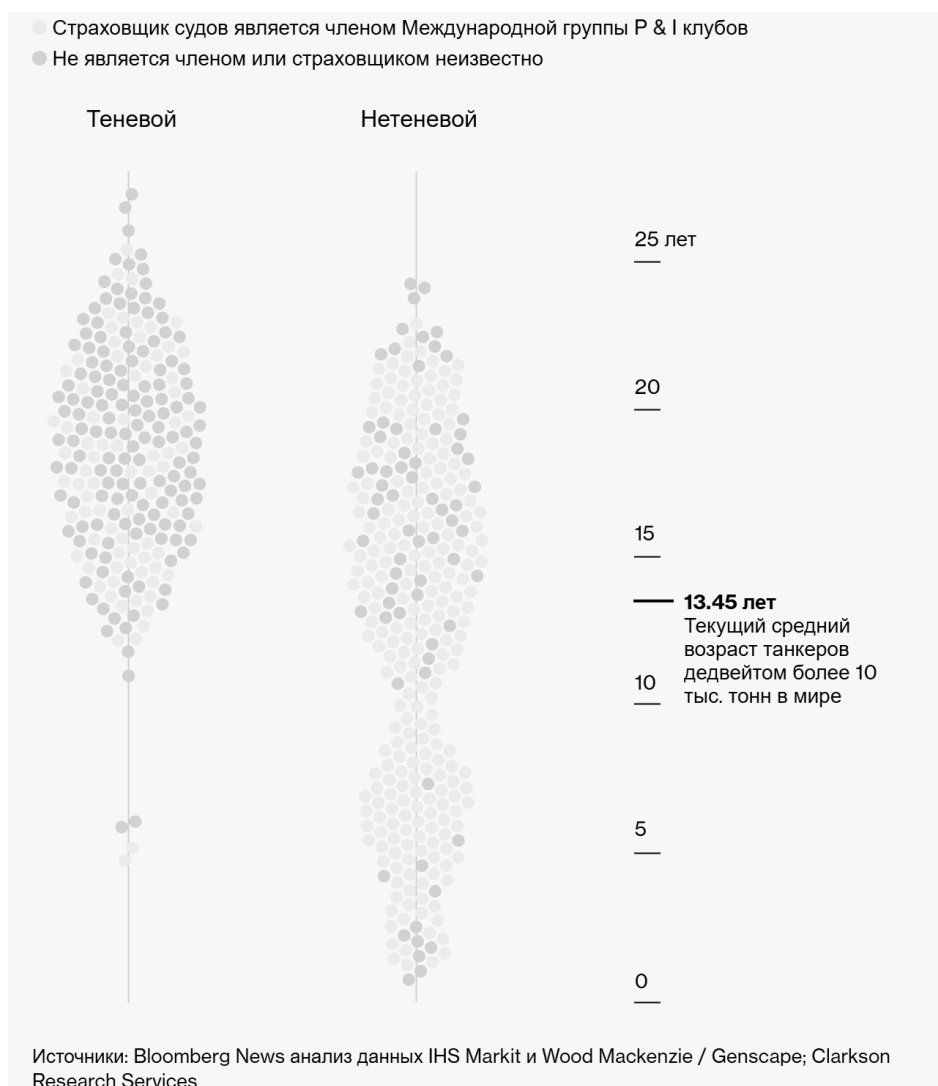
Особенностью «теневого» флота также является его возрастная структура. Большинству судов более 15–20 лет (рис. 1), и часть из них ранее входила в регулярный флот других стран. Главным мотивом участия ряда танкерных владельцев в операциях «теневой» перевалки является прибыль. Хотя этот рынок по своей природе очень непрозрачный, по оценкам наблюдателей, ставки на доставку венесуэльских или иранских нефтяных баррелей могут в два или три раза превышать рыночные ставки для перевозки «легальной» нефти.

Автоматическая система идентификации предназначена для отслеживания местоположения судов в реальном времени. Такие решения заложены в автоматической информационной системе (АИС), внедряемой в настоящее время на судах. АИС является информационно-технической системой, обеспечивающей автоматический обмен навигационной и иной информацией, свя-

занной с безопасностью мореплавания, между судовыми и другими станциями АИС по специальному каналу радиосвязи [5]. Однако суда «теневого» флота часто отключают AIS на длительные периоды, особенно при заходе в порты или во время операций по перегрузке нефти в открытом море. По данным MarineTraffic, в 2022 г. более 300 танкеров, связанных с перевозкой российской нефти, демонстрировали подозрительные отключения AIS вблизи портов Индии и Китая.

Перегрузка в открытом море. Одной из ключевых характеристик «теневого» флота является практика перегрузки грузов между судами (ship-to-ship transfer) вдали от портов. Это позволяет скрывать происхождение нефти, смешивая ее с продукцией из других источников. Например, российская нефть сорта Urals может быть смешана с нефтью из ОАЭ, после чего она продается как «несанкционная».

Сложные маршруты. Суда «теневого» флота часто следуют нелогичными маршрутами, чтобы запутать наблюдателей. Например, танкер может выйти из порта Новороссийска, пройти через Суэцкий канал, а затем

Источник: на основе [15]

Рис. 1. Возраст танкеров, входящий в теневой флот

неожиданно направиться в Южную Африку, прежде чем доставить груз в Азию.

Что касается размеров «теневого» флота, то тут, по понятным причинам, информация об его точном количестве отсутствует. Однако можно сделать вывод о его колоссальных масштабах. Так, американский телеканал CNN в середине 2023 г., заявил, что размер «теневого» флота, готового содействовать экспорту российской нефти, составляет примерно 600 судов. Это примерно 10 % от общего мирового количества крупных танкеров по данным статьи Коммерсантъ: «в конце января в публикации издания *Economist* число используемых танкеров под нефть из РФ оценивалось в 360 единиц» [17].

Санкции, введенные странами Запада в 2022 г. в ответ на геополитические события, существенно изменили структуру экспорта российской нефти. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), в 2022 г. поставки российской нефти в Европу сократились на 50 % – с 2,5 млн баррелей в день до 1,25 млн баррелей в день. Это стало результатом эмбарго на импорт российской нефти в страны ЕС, США и Великобританию, а также введения ценового потолка на уровне \$ 60 за баррель. Однако Россия смогла адаптироваться к этим ограничениям, перенаправив нефтяные потоки в другие регионы. Согласно Bloomberg, в 2023 г. экспорт российской нефти в Азию вырос на 30 %, достигнув 2,8 млн баррелей в день, что частично компенсировало потери на европейском рынке [6].

И так по данным РБК, Россия снизила экспорт в Европу с 115,4 млн тонн на сумму \$ 54,5 млрд в 2021 г. до 80–90 млн тонн (по мнению вице-премьера Александра Новака) на сумму \$ 29,26 млрд в 2023 г.

Что касается российского СПГ (сжиженный природный газ), то по данным Bloomberg, Европа нарастила поставки российского СПГ до рекордных уровней, так, если в 2020-м в Европу поступило около 10,5 млн тонн российского СПГ, то в 2024-м этот показатель вырос до

рекордных 15,5 млн тонн, несмотря на то, что западные страны наложили санкции на СПГ из России, запретив перевалку в европейских портах российского СПГ, предназначенного для поставки в другие регионы мира, а также фактически заморозив проект «Арктик СПГ-2» и закрыв доступ к танкерам ледового класса Arc7, по данным Коммерсантъ.

Исходя из данных экспорта российской нефти в Европу, все еще в достаточно крупных объемах и СПГ даже в рекордных, несмотря на подрыв «Северного морского потока 2» и остановке транзита через Украину, а также увеличением в несколько раз экспорта российских энергетических ресурсов в страны Азии и Африки, в первую очередь Индию, Китай и Египет, появляется вопрос, с помощью каких инструментов Россия обходит санкции, наложенный фактически на весь российский флот (рис. 2). Так по данным на конец декабря 2024 г. под санкциями находится 135 танкеров. Большинство из них попали под санкции в 15-ом пакете санкций ЕС.

«Теневой» флот опирается на ряд сложных методов, позволяющих обходить санкции и скрывать свою деятельность:

1. **Отключение автоматической системы идентификации (AIS):** суда регулярно отключают AIS, чтобы их местоположение оставалось неизвестным. По данным MarineTraffic, в 2023 г. более 400 танкеров, перевозивших российскую нефть, были замечены с отключенными AIS вблизи портов Индии, Китая и Турции. Это усложняет отслеживание маршрутов и идентификацию груза.

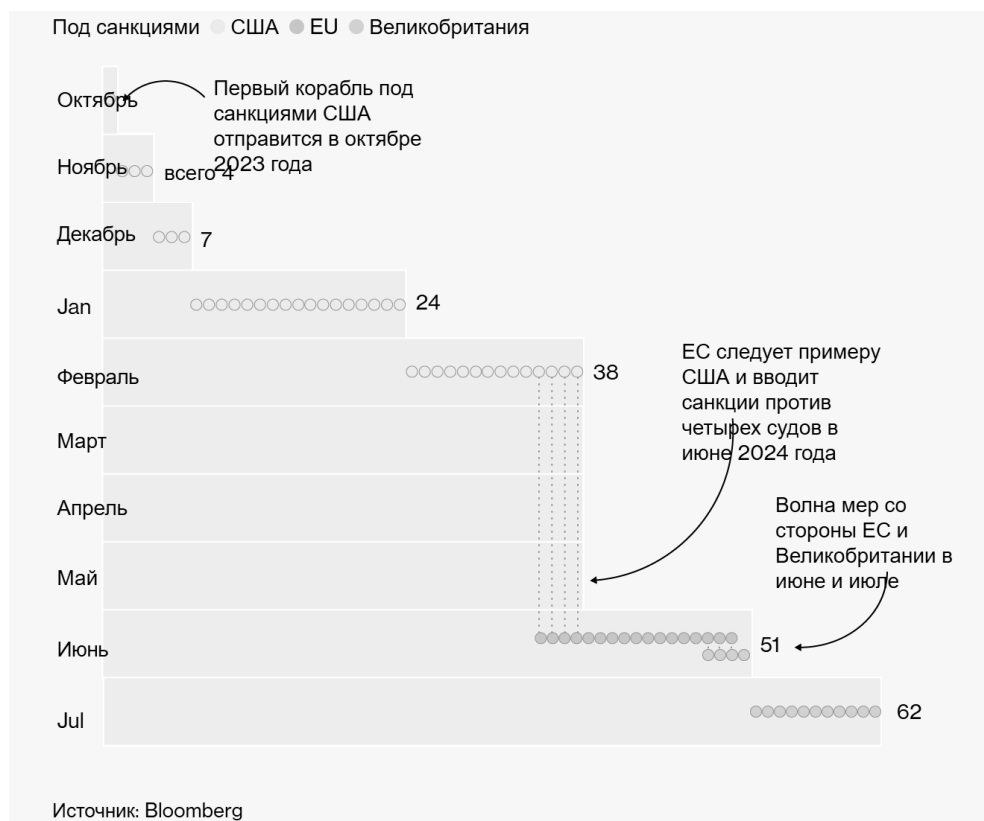
2. **Использование флагов удобства:** большинство судов «теневого» флота зарегистрированы в странах с мягкими правилами, таких как Панама, Либерия и Маршалловы острова. По данным Karatzas Marine Advisors, около 70 % таких судов ходят под этими флагами, что позволяет избегать строгого контроля.

Таблица 1

Основные направления экспорта российской нефти, январь-декабрь 2022 г.

Январь 2022 г., (тыс. баррелей/сутки)		Декабрь 2022 г., (тыс. баррелей/сутки)	
Страна	Количество	Страна	Количество
ЕС	2 568	Индия	1 088
Китай	553	Китай	691
Южная Корея	233	ЕС	345
Япония	103	Южная Корея	93
Турция	94	Турция	64
США	62	Египет	47
Малайзия	51	Япония	24
		Неизвестно	301

Источник: таблица создана на основе данных [9]

Источник: на основе [15]

Рис. 2. Подсанкционный флот РФ

3. Перегрузка в открытом море (ship-to-ship transfer): этот метод предполагает передачу нефти между судами вдали от портов. Например, российская нефть может быть перегружена на танкер, следующий в Китай, где она смешивается с нефтью из других источников, скрывая ее происхождение. По данным Reuters, в 2023 г. более 30 % экспорта российской нефти в Азию осуществлялось через такие операции.

4. Сложные маршруты и перерегистрация: суда часто меняют названия, флаги и владельцев. Например, танкер, загруженный в порту Новороссийск, может быть перерегистрирован в Дубае и получить новое имя перед доставкой груза в пункт назначения.

Эти методы эффективны, но дорогостоящи. Стоимость фрахта для «теневых» флотов в 2023 г. выросла на 20–30 % по сравнению с обычными танкерами из-за высоких страховых премий и рисков, что увеличило общие расходы на транспортировку.

«Теневой» флот оказал двойственное влияние на рынок нефти. С одной стороны, сохранение Россией экспорта предотвратило резкий скачок мировых цен, который мог бы произойти при полном исключении ее нефти с рынка. С другой стороны, из-за дополнительных затрат и санкционного давления российская нефть продается с дисконтом. По данным Argus Media, в 2023 г. нефть сорта «Urals» торговалась со скидкой 15–20 % к Brent, что эквивалентно \$ 10–15 за баррель. Этот дисконт усилил конкуренцию в Азии, где Россия соперничает с Саудовской Аравией и ОАЭ.

Дополнительные затраты на транспортировку через «теневой» флот составили \$ 5–7 за баррель, включая страхование и фрахт, что снизило чистую прибыль России. Однако доступность российской нефти по сниженным ценам поддержала стабильность поставок в страны, не присоединившиеся к санкциям, такие как Индия и Китай, что ограничило рост цен на энергоносители в этих регионах.

Использование «теневого» флота связано с серьезными рисками для окружающей среды. Средний возраст судов в этом флоте составляет 18–20 лет, что значительно выше среднего возраста мирового флота (около 10 лет). По данным Международной морской организации (ИМО), вероятность аварий для судов старше 15 лет возрастает на 30 %. В 2023 г. произошло несколько инцидентов.

- В марте 2023 г. танкер с российской нефтью сел на мель у берегов Индонезии, что привело к разливу 500 тонн нефти.

- В июле 2023 г. столкновение двух танкеров «теневого» флота у порта Козьмино вызвало утечку и пожар.

Отсутствие страховки у многих судов усугубляет проблему: в случае аварии ликвидация последствий ложится на прибрежные государства. Это повышает экологическую уязвимость регионов, через которые проходят маршруты «теневого» флота.

«Теневой» флот также поддерживает экспорт российского сжиженного природного газа (СПГ). Несмотря

на санкции, запрещающие перевалку российского СПГ в портах ЕС, поставки в Европу выросли до 15,5 млн тонн в 2024 г., по данным Bloomberg. Это стало возможным благодаря перегрузке СПГ в открытом море на танкеры под флагами третьих стран, таких как Мальта или Кипр, и доставке в порты Испании и Франции под видом «несанкционного» груза.

«Теневой» флот стал ключевым инструментом для России в условиях санкционного давления, обеспечив перенаправление экспорта нефти из Европы в страны Азии, такие как Индия и Китай, и сохранив значительные объемы поставок – около 2,8 млн баррелей в день в 2023 г. Его использование позволило минимизировать экономические потери, несмотря на введение ценового потолка и эмбарго, поддерживая доходы бюджета и стабильность на внутреннем рынке. Однако этот подход сопряжен с существенными издержками: высокие затраты на транспортировку, дисконт на нефть сорта Urals (15–20 % к Brent) и экологические риски, связанные с эксплуатацией устаревших танкеров, возраст которых достигает 18–20 лет.

«Теневой» флот, несомненно, стал одним из главных инструментов обхода западных санкций, наложенных на российский экспорт. Эта система постоянно растет и расширяется, появляется все больше новых методов ее применения, ведь западные государства вводят все больше и больше ограничений как на свободную международную торговлю России, так и всего мира в целом.

Если раньше работа «теневых» флота была связана с достаточно малыми объемами нефти, поставляемой из Ирана и Венесуэлы, а также работой контрабандистов, то сейчас эта система становится важной частью борьбы государств, не желающих быть частью однополярного мира. Растет количество теневых танкеров, в число которых уже входят не только старые суда, но и все чаще новые высокотехнологичные суда, перевозящие не только нефть, но и сжиженный природный газ (СПГ).

До введения против Российской Федерации беспрецедентного количества санкций «теневой» флот был мало кому известен и считался опасным, малоэффективным видом ведения международного бизнеса, однако сегодня – это достаточно эффективный способ борьбы России за право свободно торговать со своими партнерами, не взирая на многочисленные санкции со стороны «недружественных» стран.

Библиографический список

1. Громов А., Титов А. Перестройка российской нефтяной отрасли в условиях эмбарго и «потолка» цен // Энергетическая политика. 2023. № 5 (183). С. 6–19.
2. Мастепанов А., Сумин А., Чигарев Б. Венесуэла под сводом санкций : разрушенная, но не сломленная // Энергетическая политика. 2022. № 9 (175). С. 78–87.

3. Гребенников И. В. Влияние санкций на торговлю российской нефтью // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 2. С. 121–130.

4. Яковлев П. П. Новая география внешней торговли России : тенденции, проблемы, перспективы // Перспективы. Электронный журнал. 2024. № 3 (38). С. 7–22.

5. Мухарев А. А., Кубрин С. С. Прогнозирование траекторий перемещений транспортных производственных единиц в стесненных условиях (карьер, порт, буровая платформа) для обеспечения безопасности // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2016. № 8. С. 109–118.

6. Меликян Л. Ф., Миронова А. Г. Влияние санкций на внешнюю торговлю Российской Федерации : анализ современного состояния // Social Phenomena and Processes. 2023. № 2 (5). С. 136–144.

7. Нечаев И. Д., Подгорная В. Д. Развитие «теневых» флота России под влиянием санкций // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ) : сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27–30 апреля 2023 года. СПб : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 108–112.

8. Argus Neftransport Russian language version 20240118.pdf // URL: <https://www.argusmedia.com/ru/-/media/project/argusmedia/mainsite/russian/documents-and-files/sample-reports/argus--argus-nefttransport-russian-language-version-20240118.pdf?rev=-1/>

9. Интерактив: Глобальный трекер потока нефти // URL: <https://www.spglobal.com/energy/en/news-research/latest-news/crude-oil/072122-interactive-global-flow-tracker-recording-changes-russian-oil-exports/>

10. ЕС закупил у России почти на €30 млрд нефти и газа в прошлом году // URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2024/65ce0b359a79470ffd7493db?ysclid=m5maswg71929917091/>

11. Bloomberg сообщил о рекордной закупке российского СПГ Евросоюзом // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2025/677c548c9a79471274c95882?ysclid=m5mh0jduzv730071793/>

12. Итоги года: как санкции против «Арктик СПГ-2» изменили рынок СПГ // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7402508?ysclid=m5mbnc3k5797426289/>

13. Bloomberg: 135 танкеров заблокированы санкциями на перевозку нефти // URL: <https://www.ridus.ru/bloomberg--135-tankerov-zablokirovany-sankciyamina-perevozku-nefti-527264.html?ysclid=m5mh3330pg398495744/>

14. Россия наращивает объем танкеров для транспортировки нефти // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5844734?ysclid=m5metat5j7436278750/>

15. Russian Oil: Shadow Fleet in Baltic Sea Poses Threat to Environment // URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2024-russia-shadow-oil-fleet-denmark-baltic-environment/>

16. Флот в тени // URL: <https://itek.ru/analytics/flot-v-teni/>

17. Балог М. М., Демидова С. Е., Троян В. В. Влияние цифровой трансформации на теневую экономику // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 4. С. 58–72.

Bibliographic list

1. Gromov A., Titov A. Restructuring of the Russian oil industry in conditions of embargo and price ceiling // Energy policy. 2023. № 5 (183). P. 6–19.

2. Mastepanov A., Sumin A., Chigarev B. Venezuela under a set of sanctions : destroyed, but not broken // Energy policy. 2022. № 9 (175). P. 78–87.

3. Grebennikov I. V. The impact of sanctions on Russian oil trade // Russian Foreign Economic Bulletin. 2024. № 2. P. 121–130.

4. Yakovlev P. P. New geography of Russia's foreign trade : trends, problems, prospects // The prospects. Electronic journal. 2024. № 3 (38). P. 7–22.

5. Mukharev A. A., Kubrin S. S. Forecasting the trajectories of transport production units in cramped conditions (quarry, port, drilling platform) to ensure safety // Mining Information and Analytical Bulletin (scientific and technical journal). 2016. № 8. P. 109–118.

6. Melikyan L. F., Mironova A. G. The impact of sanctions on the foreign trade of the Russian Federation: an analysis of the current state // Social Phenomena and Processes. 2023. № 2 (5). P. 136–144.

7. Nechaev I. D., Podgornaya V. D. The development of the «shadow» fleet of Russia under the influence of sanctions // Intelligent Engineering Economics and Industry 5.0 (INPROM) : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 27–30, 2023. SPb. : POLYTECH PRESS, 2023. P. 108–112.

8. Argus Neftransport Russian language version 20240118.pdf // URL: [https://www.argusmedia.com/ru/-/](https://www.argusmedia.com/ru/-/media/project/argusmedia/mainsite/russian/documents-and-files/sample-reports/argus--argus-nefttransport-russian-language-version-20240118.pdf?rev=-1/)

[media/project/argusmedia/mainsite/russian/documents-and-files/sample-reports/argus--argus-nefttransport-russian-language-version-20240118.pdf?rev=-1/](https://www.argusmedia.com/ru/-/media/project/argusmedia/mainsite/russian/documents-and-files/sample-reports/argus--argus-nefttransport-russian-language-version-20240118.pdf?rev=-1/)

9. Interactive: Global Oil Flow Tracker // URL: <https://www.spglobal.com/energy/en/news-research/latest-news/crude-oil/072122-interactive-global-flow-tracker-recording-changes-russian-oil-exports/>

10. The EU bought almost €30 billion worth of oil and gas from Russia last year // URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2024/65ce0b359a79470ffd7493db?ysclid=m5maswg7l929917091/>

11. Bloomberg reported on the record purchase of Russian LNG by the European Union // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2025/677c548c9a79471274c95882?ysclid=m5mh0jduzv730071793/>

12. Results of the year: how the sanctions against Arctic LNG-2 have changed the LNG market // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7402508?ysclid=m5mbnc3k5797426289/>

13. Bloomberg: 135 tankers blocked by oil transportation sanctions // URL: <https://www.ridus.ru/bloomberg--135-tankerov-zablokirovany-sankciyamina-perevozkunefti-527264.html?ysclid=m5mh333opg398495744/>

14. Russia is increasing the volume of tankers for oil transportation // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5844734?ysclid=m5metat5j7436278750/>

15. Russian Oil: Shadow Fleet in Baltic Sea Poses Threat to Environment // URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2024-russia-shadow-oil-fleet-denmark-baltic-environment/>

16. The fleet in the shadow // URL: <https://itek.ru/analytics/flot-v-teni/>

17. Balogh M. M., Demidova S. E., Troyan V. V. The impact of digital transformation on the shadow economy // STAGE: economic theory, analysis, practice. 2020. № 4. P. 58–72.

Информация об авторах

А. В. Токолов – доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук;

А. Ю. Исаев – студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

A. V. Tokolov – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

A. Yu. Isaev – Student of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 02.12.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 02.12.2025.

Научная статья

УДК 347

EDN: <https://elibrary.ru/ldbqxq>

НИОН: 2015-0066-1/26-394

MOSURED: 77/27-011-2026-01-593

Цифровые посредники и правовое регулирование: вызовы и перспективы

Анастасия Игоревна Филиппова¹, Виктория Сергеевна Герасимова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ fipovaa@mail.ru

² vg045593@gmail.com

Аннотация. Проводится комплексный анализ правового регулирования отношений, возникающих в сфере цифровых посредников. Рассматривается взаимодействие платформ, пользователей и исполнителей услуг, выявляются пробелы действующего законодательства, исследуются вопросы защиты прав участников и особенности алгоритмического управления. Обосновывается необходимость междотраслевого подхода, объединяющего частноправовые аспекты. Приводятся примеры судебной практики, демонстрирующие актуальные проблемы правоприменения и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: цифровые посредники, правовое регулирование, частное право, исполнители услуг, алгоритмическое управление, цифровая экономика

Для цитирования: Филиппова А. И., Герасимова В. С. Цифровые посредники и правовое регулирование: вызовы и перспективы // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 125–133. EDN: LDBQXQ.

Original article

Digital intermediaries and legal regulation: challenges and prospects

Anastasia I. Filippova¹, Victoria S. Gerasimova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ fipovaa@mail.ru

² vg045593@gmail.com

Abstract. The comprehensive analysis of the legal regulation of relations arising in the field of digital intermediaries is provided. The interaction of platforms, users and service providers is considered, gaps in current legislation are identified, issues of protecting the rights of participants and features of algorithmic management are explored. The necessity of an interdisciplinary approach combining private and legal aspects is substantiated. Examples of judicial practice are given, demonstrating the actual problems of law enforcement and possible ways to overcome them.

Keywords: digital intermediaries, legal regulation, private law, service providers, algorithmic management, digital economy

For citation: Filippova A. I., Gerasimova V. S. Digital intermediaries and legal regulation: challenges and prospects. Bulletin of economic security. 2026;(1):125–33. (In Russ.). EDN: LDBQXQ.

Введение

Цифровая трансформация общественных отношений привела к фундаментальным изменениям в структуре экономики и социальных коммуникаций. У России есть все предпосылки для встраивания в цифровой мир на правах лидера. По ряду индикаторов цифрового благополучия Россия занимает передовые позиции среди экономически развитых стран мира [1]. Развитие цифровых технологий и внедрение информационно-комму-

никационных систем обусловило формирование новых моделей экономической и социальной деятельности, основанных на цифровых посредниках, роль которых становится все более значимой в современных условиях цифровизации экономики [2]. С каждым годом глобализация и воздействие новых технологий на общественные процессы становятся наиболее явными [3], а центральное место в экономических отношениях начинают занимать платформенные решения – от маркетплейсов

© Филиппова А. И., Герасимова В. С., 2026

и агрегаторов до социальных сетей и видеохостингов, сдвигая в сторону традиционные механизмы осуществления коммерческих сделок. Эти субъекты, объединенные в доктрине понятием «цифровые посредники» (информационные посредники), стали не просто техническими каналами передачи данных, а полноправными регуляторами цифровых экосистем, обладающими возможностью влиять на поведение миллионов пользователей. Как справедливо отмечается в современной научной литературе, «современный этап развития экономики стал именоваться «платформенной», а сами платформы стали самыми быстрорастущими компаниями в мире» [4]. Такие платформы обеспечивают взаимодействие между поставщиками услуг и потребителями, создавая уникальные юридические ситуации.

Однако стремительное развитие цифровых посредников опережает формирование адекватной правовой базы. Законодательство, создавшееся в эпоху «пассивного интернета», сталкивается с вызовами, порожденными активным использованием алгоритмических систем, искусственного интеллекта и новых бизнес-моделей. Правовой статус информационного посредника в российском праве до сих пор считается дискуссионным, а его определение в ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ [5] (далее – ГК РФ), ограниченное рамками защиты интеллектуальных прав, не охватывает всего многообразия функций, выполняемых современными платформами [6]. В результате возникает ситуация правовой неопределенности, которая негативно сказывается как на правах пользователей [7] (потребителей, правообладателей), так и на развитии самого бизнеса, вынужденного действовать в условиях непредсказуемых судебных рисков, что требует переосмысления существующих правовых конструкций и адаптации законодательства к новым реалиям. Одним из ключевых элементов этой адаптации является формирование норм об информационных посредниках, которые играют важную роль в обеспечении безопасного и эффективного обмена информацией, в том числе в научной и образовательной среде. Задача адаптации правовых условий к цифровой среде обозначена в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [8], в котором в качестве одной из приоритетных задач указано создание безопасной и комфортной цифровой среды для граждан и бизнеса.

Актуальность исследования определяется:

- стремительным ростом цифровых платформ и их влиянием на экономику, а также, популяризацией электронных услуг;
- необходимостью адаптации гражданско-правовых, трудовых и налоговых норм к новым формам взаимодействия между участниками рынка и защиты прав потребителей;
- отсутствием единой системы регулирования и недостаточной судебной практики, требующим разработки новых подходов и правовых норм.

Также, актуальным вопросом является активная нормотворческая деятельность как в России (принятие Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [9]), так и за рубежом, где ключевым событием стало полномасштабное применение Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2022/2065 от 19 октября 2022 г. о едином рынке цифровых услуг и о внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Акт о цифровых услугах) [10], который вступил в полную силу для всех платформ 17 февраля 2024 г. Анализ этого опыта критически важен для выработки сбалансированных подходов в российском праве, особенно в контексте обсуждения проекта нового закона о платформенной экономике и необходимости имплементации международных стандартов.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе трансформации правового статуса цифровых посредников, выявлении принципов и подходов к гармоничному правовому регулированию цифровых посредников с акцентом на частноправовые аспекты, а также выработке научно обоснованных предложений по его совершенствованию. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить правовой статус цифровых посредников и участников отношений;
- 2) проанализировать пробелы и противоречия действующего законодательства;
- 3) исследовать алгоритмическое посредничество как новый объект правового регулирования;
- 4) разработать предложения по комплексному регулированию с учетом частноправовых отношений;
- 5) проиллюстрировать выводы примерами судебной практики и зарубежного опыта.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания социальных и правовых явлений. В работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и частнонаучные юридические методы: формально-юридический (при анализе норм ст. 1253.1 ГК РФ и Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»), сравнительно-правовой (при сопоставлении российского, европейского и американского подходов), метод толкования права, а также метод правового моделирования (при разработке предложений по совершенствованию законодательства). Междисциплинарный подход позволил учесть технологические и экономические аспекты функционирования цифровых платформ.

Основная часть

Цифровые посредники представляют собой организации (платформы), обеспечивающие взаимодействие участников через цифровую инфраструктуру, объединяющую элементы рынка, социальной сети и технологической платформы [11].

Отмечается, что существующее понятие не отражает всей специфики современного явления. Требуется интегративное определение, которое учитывало бы как технический (информационный), так и организационно-экономический (платформенный) аспекты.

С учетом изложенного предлагается следующее *авторское определение*: «**цифровой посредник** – это осуществляющее на профессиональной основе лицо (субъект предпринимательской или иной экономической деятельности), которое с использованием информационно-коммуникационной технологической инфраструктуры (цифровой платформы, информационной системы, сайта в сети «Интернет») обеспечивает взаимодействие между пользователями путем предоставления технической возможности размещения, хранения и передачи информации (информационное посредничество), организации юридически значимых действий (содействие заключению сделок, обработка платежей) и (или) управления поведением пользователей посредством алгоритмических систем, преследуя цель извлечения прибыли или достижения иного экономического эффекта, и на которое в силу осуществляемой деятельности может быть возложена гражданско-правовая ответственность за действия пользователей или недостатки функционирования используемых технологических систем при наличии фактической возможности контроля и принятии разумных мер по предотвращению вреда».

Среди множества цифровых посредников можно выделить несколько видов:

- маркетплейсы – платформы для продажи товаров и услуг, такие как Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет и др.;
- сервисы совместного потребления – посредники, предоставляющие возможность обмена ресурсами (например, жильем, автомобилями и др.), такие как Яндекс.Такси, Авито, Tinkoff.Travel и др.;
- финансовые технологии – платформы для предоставления финансовых услуг, среди которых Tinkoff.Bank (Т-ОФП), ВТБ, Яндекс Банк и др. [12].

Подобные организации стимулируют конкуренцию, сокращают издержки, повышают доступность услуг и способствуют развитию инноваций, что, в свою очередь, положительно сказывается на экономическом росте, но одновременно с этим такая многоуровневая структура формирует уникальные юридические проблемы, требующие комплексного анализа.

В то же время, одной из центральных проблем как российской, так и зарубежной доктрины остается отсутствие единой и непротиворечивой классификации цифровых посредников, которая позволяла бы дифференцировать их ответственность в зависимости от реально выполняемых функций. Традиционное деление на простые каналы, кэширование и хостинг (*mere conduit*, *caching*, *hosting*), закрепленное в европейском праве и воспринятое российским законодательством в ст. 1253.1 ГК РФ, более не отражает многообразия деятельности платформ. Отсюда возникает необходимость в выработ-

ке четких критериев классификации различных видов информационных посредников, отражающих особенности их деятельности и характера взаимодействия с пользователями».

Авторами предлагается выделить три категории цифровых посредников на основе степени их вовлеченности в правоотношения и контроля за действиями пользователей:

1. *Технические посредники (инфраструктурные провайдеры)*. К ним относятся операторы связи, регистраторы доменных имен, провайдеры облачной инфраструктуры. Их роль действительно близка к роли «нейтрального проводника». Они не имеют доступа к содержанию передаваемой информации либо их вмешательство носит исключительно технический характер. Ответственность для них должна наступать лишь при условии, что они знали о противоправном использовании их сервисов и имели техническую возможность его предотвратить, но не сделали этого. Судебная практика (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 января 2023 г. № С01-2262/2022 по делу № А40-38393/2022 [13]) подтверждает, что передача материала в частном диалоге (например, через электронную почту) не подразумевает доведения до всеобщего сведения, поэтому операторы связи не должны нести ответственность за такой контент.

2. *Хостинговые платформы и площадки пользовательского контента*. Это социальные сети (ВКонтакте, Telegram-каналы, MAX), видеохостинги (Rutube, VK Видео, YouTube), форумы. Они предоставляют пользователям возможность размещать контент и делают его доступным для неопределенного круга лиц. В отношении таких платформ модель (правило) «безопасной гавани» уже работает с оговорками: они освобождаются от ответственности, если не знали о нарушении и, получив уведомление, своевременно удалили контент. Однако Акт о цифровых услугах существенно усиливает требования к ним, особенно в части прозрачности модерации и процедур рассмотрения жалоб. В российской практике остается нерешенным вопрос о том, можно ли считать платформу «знающей» о нарушении, если ее алгоритмы рекомендаций продвигают противоправный контент в рекомендации. Представляется, что алгоритмическое продвижение должно квалифицироваться, как действие, лишшающее платформу статуса «пассивного» посредника, поскольку она не просто хранит информацию, но и активно участвует в ее распространении. Так, например, в России с июля 2024 г. подвержен административным ограничениям (ограничение скорости доступа) видеохостинг YouTube из-за несоблюдения российского законодательства (распространения незаконного контента, нарушения авторских прав), на февраль 2026 г., домен видеохостинга YouTube полностью заблокирован в России [14].

3. *Экономические (транзакционные) платформы*. Это маркетплейсы (Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет), агрегаторы такси (Яндекс.Такси, Ситимобил, Uber

Russia), сервисы каршеринга (Яндекс.Драйв, Делимобиль, Ситидрайв), платформы для поиска исполнителей (Профи.ру, Яндекс.Исполнители, Авито). Их специфика заключается в том, что они не просто передают информацию, а организуют заключение сделок между пользователями. В отношении этой категории возникает наибольшее количество споров о применимости статуса информационного посредника.

Законодательство и судебная практика идут по пути дифференциации. Если платформа выступает лишь как «доска объявлений», сводя продавца и покупателя, но не участвуя в расчетах и доставке, она ближе подходит к посреднику второй категории. Если же платформа является «продавцом записи», обрабатывает платежи, берет на себя ответственность за доставку и качество товара, она фактически становится стороной в сделке и должна нести ответственность на общих основаниях. В российском праве эту функцию частично выполняет институт «агрегатора» по Закону РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [15], однако его применение к платформам, где обе стороны – предприниматели, остается неопределенным. Агрегатор, предоставляя посреднические услуги, не несет ответственности за возможный вред, однако судебная практика, в особенности касающаяся услуг такси, начинает отходить от этого принципа, признавая агрегатора ответственным за безопасность перевозки [16].

Предложенная классификация, основанная на функциональном критерии (техническая передача, хранение контента, организация транзакций), позволяет более точно определить объем прав и обязанностей каждой категории цифровых посредников, а также установить дифференцированные режимы ответственности. Для технических посредников должен сохраняться максимально широкий иммунитет. Для хостинговых посредников необходим сбалансированный режим, стимулирующий к ответственному администрированию, но не возлагающий на них обязанность тотальной предварительной проверки контента. Для транзакционных платформ следует законодательно закрепить критерии, при которых они перестают быть простыми посредниками и превращаются в квази-продавцов или квази-перевозчиков, принимая на себя соответствующий объем ответственности.

Цифровой посредник функционирует как организатор коммерческой и социальной деятельности. Современное законодательство не всегда однозначно квалифицирует его как предпринимателя или инфраструктурного посредника. Правовой статус исполнителей услуг находится на пересечении самозанятости и трудовых отношений, создавая сложность регулирования их прав и социальной защиты. Дискуссия о правовом статусе цифровых посредников традиционно ведется в публично-правовой плоскости: обсуждаются вопросы модерации контента, ответственности за распространение противоправной информации, взаимодействия с государственными органами. Однако не менее важным, а

для цивилистической науки – первостепенным, является частноправовой аспект проблемы. Каковы договорные основания возникновения отношений между платформой и пользователями? Является ли пользовательское соглашение договором присоединения или особым типом договора? В каких случаях платформа отвечает перед третьими лицами за действия пользователей? Эти вопросы имеют не только теоретическое, но и огромное практическое значение, поскольку ответов на них зависят права миллионов граждан и юридических лиц, ежедневно взаимодействующих с цифровыми платформами.

Основные отношения регулируются нормами гражданского права и включают:

- заключение пользовательских соглашений;
- оказание услуг через цифровых посредников;
- имущественные и финансовые отношения между участниками;
- ответственность за нарушение условий соглашений.

Эти отношения формируют особый частноправовой контекст, требующий уточнения правового статуса участников и внедрения стандартов защиты их интересов.

Отношения между цифровой платформой и пользователем (как потребителем, так и предпринимателем) опосредуются договором, который в подавляющем большинстве случаев именуется «пользовательским соглашением», «условиями использования» или «лицензионным договором» (в случае с социальными сетями, предоставляющими право размещать контент). С точки зрения гражданского права, ключевой вопрос заключается в том, к какому типу договоров, предусмотренных ГК РФ, относится это соглашение, либо является ли оно непоименованным (смешанным) договором.

Представляется, что в большинстве случаев пользовательское соглашение с цифровой платформой является смешанным договором (п. 3 ст. 421 ГК РФ), содержащим элементы различных договорных типов: возмездного оказания услуг (предоставление доступа), агентского договора (если платформа совершает сделки от своего имени), лицензионного договора (в части использования контента), а также элементов договора хранения (если платформа обеспечивает сохранность пользовательского контента). Такая квалификация позволяет применять к отношениям нормы о соответствующих договорах в части, не урегулированной соглашением сторон. Однако смешанная природа пользовательских соглашений порождает проблемы правоприменения, особенно в части определения применимых норм об ответственности. Например, подлежат ли применению к платформе нормы ст. 401 ГК РФ [17] об ответственности предпринимателя (независимо от вины) или же нормы ст. 403 ГК РФ об ответственности за третьих лиц? Судебная практика не дает однозначного ответа.

В целях устранения правовой неопределенности представляется целесообразным дополнить Граждан-

ский кодекс РФ специальной нормой о договорах, заключаемых с использованием цифровых платформ. В частности, предлагается ввести в гл. 39 ГК РФ ст. 779.1 «Договор об оказании услуг по предоставлению доступа к цифровой платформе», в которой закрепить:

- понятие цифровой платформы как информационной системы, обеспечивающей взаимодействие пользователей;
- существенные условия договора (порядок доступа, права и обязанности сторон, размер и порядок уплаты вознаграждения);
- особенности ответственности оператора платформы (в зависимости от степени его вовлеченности в отношения между пользователями);
- право оператора платформы на одностороннее изменение условий договора с обязательным уведомлением пользователей (что соответствует природе длящихся отношений в цифровой среде).

Вопрос о договорной ответственности цифрового посредника возникает в двух основных ситуациях: во-первых, при неисполнении или ненадлежащем исполнении платформой своих обязательств перед пользователем (например, при сбое в работе платформы, утрате пользовательских данных, неправомерной блокировке аккаунта); во-вторых, при нарушении платформой обязательств перед третьими лицами (например, при разглашении персональных данных).

В первом случае применяются общие нормы гл. 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств. Платформа, как коммерческая организация, осуществляющая предпринимательскую деятельность, несет ответственность независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ), если иное не предусмотрено договором или законом. Однако на практике пользовательские соглашения часто содержат положения, существенно ограничивающие ответственность платформы. Например, устанавливаются лимиты ответственности (в размере уплаченного пользователем вознаграждения), исключается ответственность за упущенную выгоду, за действия третьих лиц (хакеров, других пользователей).

Возникает вопрос о действительности подобных ограничений, особенно в отношениях с потребителями. В соответствии со ст. 16 Закона о защите прав потребителей, условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами РФ в области защиты прав потребителей, признаются недействительными. Следовательно, любые положения пользовательского соглашения, ограничивающие ответственность платформы за умышленные нарушения или за нарушения, причинившие вред жизни и здоровью, должны признаваться ничтожными.

В судебной практике встречаются дела, где пользователи оспаривали правомерность блокировки аккаунтов. В одном из показательных дел (Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-132383/2021 от 28 марта 2022 г.) суд указал, что «оператор социальной

сети, осуществляя модерацию контента в соответствии с правилами сообщества, действует в рамках договорных отношений с пользователем. Однако блокировка аккаунта должна быть соразмерна допущенному нарушению и не может носить произвольный характер. При отсутствии в правилах сообщества четких критериев блокировки, оператор обязан обосновать свое решение, а в случае немотивированной блокировки – возместить пользователю убытки» [18].

Таким образом, договорная ответственность цифрового посредника подчиняется общим нормам обязательственного права, но с учетом особенностей, связанных с массовым характером деятельности платформ и необходимостью балансирования интересов сторон. Важно, чтобы законодательство и судебная практика обеспечивали защиту пользователей (особенно потребителей) от произвольных действий платформ, но при этом не создавали препятствий для нормального функционирования цифровых сервисов.

Наиболее сложным и дискуссионным является вопрос о деликтной (внедоговорной) ответственности цифрового посредника за вред, причиненный действиями пользователей или работой алгоритмических систем. Традиционная модель, закрепленная в ст. 1253.1 ГК РФ, освобождает информационного посредника от ответственности за нарушение интеллектуальных прав, если он не знал и не должен был знать о нарушении, а также своевременно принял меры по его пресечению [19]. Однако эта норма ограничена сферой интеллектуальной собственности и не распространяется на иные виды вреда (например, вред жизни и здоровью от некачественного товара, проданного через маркетплейс; вред деловой репутации от клеветнического поста в социальной сети; имущественный вред от мошеннических действий, совершенных с использованием платформы).

В гражданском праве существуют две основные модели ответственности за действия третьих лиц:

1. Ответственность за свое виновное поведение, выразившееся в непринятии мер по предотвращению вреда (например, ст. 1068 ГК РФ об ответственности юридического лица за вред, причиненный его работником, основана на том, что работник действует под контролем работодателя);
2. Ответственность за действия третьих лиц как особый вид ответственности, возлагаемый в силу закона (например, ст. 1073 ГК РФ об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, или ст. 1079 ГК РФ об ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих).

Применительно к цифровым посредникам ключевым является вопрос: можно ли рассматривать пользователя как лицо, за которое платформа должна отвечать в силу наличия контроля? Очевидно, что в большинстве случаев такой контроль отсутствует: платформа не дает пользователю обязательных указаний, не контролирует его действия в реальном времени, не имеет возможно-

сти предотвратить конкретное правонарушение до того, как оно совершено. Однако платформа может и должна создавать условия, снижающие риск причинения вреда: верифицировать пользователей (особенно продавцов), внедрять механизмы модерации, оперативно реагировать на жалобы.

В зарубежной доктрине для описания этой ситуации используется концепция «duty of care» [20] (обязанность проявлять должную осмотрительность), которая возлагает на платформу позитивные обязанности по организации безопасной цифровой среды. В случае неисполнения этих обязанностей платформа может быть привлечена к ответственности за свое собственное бездействие, создавшее условия для причинения вреда.

Представляется, что российское гражданское законодательство позволяет применять аналогичный подход. В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Для возложения ответственности на платформу необходимо доказать наличие состава правонарушения, включая вину платформы.

В целях обеспечения единообразия судебной практики и защиты прав потерпевших предлагается дополнить гл. 59 ГК РФ специальной ст. 1084.1 «Ответственность за вред, причиненный с использованием информационных систем», в которой закрепить:

- презумпцию вины оператора информационной системы (цифровой платформы) во вред, причиненный третьим лицам вследствие недостатков функционирования системы или действий пользователей, если оператор имел техническую возможность предотвратить вред, но не принял разумных мер;
- право оператора на регресс к пользователю-причинителю вреда;
- обязанность оператора по страхованию гражданской ответственности за вред, причиненный при использовании платформы (для крупных платформ с высокой степенью риска).

Статья 1253.1 ГК РФ остается ключевой нормой, регулирующей ответственность информационных посредников в сфере интеллектуальной собственности. Однако, как показал анализ, эта норма не лишена недостатков.

Во-первых, статья не дает четкого определения понятия «информационный посредник», ограничиваясь перечислением видов деятельности (передача материала, предоставление возможности размещения, предоставление возможности доступа). Это порождает споры о том, можно ли отнести к информационным посредникам владельцев агрегаторов, поисковых систем, социальных сетей, мессенджеров. Судебная практика идет по пути расширительного толкования, что не всегда обоснованно.

Во-вторых, статья устанавливает единые условия ответственности для всех видов посредников, не учитывая их функциональных особенностей. Между тем, как справедливо отмечается в литературе, «провайдер хостинга, владелец социальной сети и оператор поисковой системы выполняют разные функции и обладают разными возможностями по контролю за контентом, поэтому и условия их ответственности должны быть дифференцированы» [21].

В-третьих, ст. 1253.1 ГК РФ не решает вопроса об ответственности за нарушение интеллектуальных прав, совершенное с использованием алгоритмических систем. Если платформа использует алгоритм, который генерирует контент, сходный до степени смешения с охраняемым произведением, или продвигает пиратский контент в выдаче, можно ли считать платформу «знающей» о нарушении? Формально она может не знать о каждом конкретном факте, но алгоритм спроектирован таким образом, что создает повышенный риск нарушения. По аналогии с концепцией «duty of care», платформа должна нести ответственность за недостатки дизайна своей системы.

В-четвертых, ст. 1253.1 ГК РФ не содержит механизмов, стимулирующих платформы к сотрудничеству с правообладателями. Норма об освобождении от ответственности при принятии «необходимых и достаточных мер» сформулирована оценочно, что порождает споры о том, какие именно меры являются достаточными.

В связи с изложенным представляется необходимой реформа ст. 1253.1 ГК РФ. Предлагаются следующие изменения:

1. Ввести в статью 1253.1 ГК РФ легальное определение информационного посредника через указание на осуществление деятельности по передаче, хранению и обеспечению доступа к информации, созданной пользователями (третьими лицами), при отсутствии контроля над содержанием этой информации.
2. Дифференцировать условия ответственности в зависимости от вида информационного посредника: установить, что для посредников, осуществляющих передачу информации (операторы связи), ответственность наступает лишь при наличии доказательств их непосредственного участия в нарушении; для посредников, осуществляющих хранение информации (хостинг-провайдеры, социальные сети), – при доказанности того, что они знали или должны были знать о нарушении, но не приняли мер; для посредников, активно участвующих в распространении информации (алгоритмические рекомендательные системы), – при доказанности того, что их деятельность объективно способствовала нарушению.
3. Закрепить в законе обязанность информационного посредника по применению эффективных технологических мер защиты интеллектуальных прав (фильтрация контента, системы идентификации), а также право посредника на ограничение ответственности при добросовестном применении таких мер.

4. Установить процедуру взаимодействия информационного посредника с правообладателями, включая требования к форме и содержанию уведомления о нарушении, сроки реагирования, порядок восстановления доступа к правомерно размещенной информации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, правовой институт цифрового посредничества переживает фундаментальную трансформацию, ст. 1253.1 ГК РФ, не соответствует реалиям современной платформенной экономики. Цифровые платформы являются активными участниками экономических отношений, они формируют информационную среду, модерируют контент и с помощью алгоритмов влияют на поведение пользователей. Это требует пересмотра концептуальных основ их регулирования.

Во-вторых, мировой опыт, и прежде всего Регламент ЕС о цифровых услугах, демонстрирует переход от реактивной модели «безопасной гавани» к проактивной модели «позитивных обязательств». Эта модель возлагает на платформы, соразмерно их размеру и влиянию, обязанности по управлению системными рисками, обеспечению прозрачности и предоставлению процессуальных гарантий пользователям. Российское законодательство, развиваясь в русле общемировых тенденций, пока остается фрагментарным и не содержит системного подхода к регулированию цифровых посредников.

В-третьих, необходима научно обоснованная классификация цифровых посредников, позволяющая дифференцировать режимы их ответственности. Предлагаемая в статье классификация на основе функционального критерия (технические посредники, хостинговые платформы, транзакционные платформы) может служить основой для дальнейших законодательных решений. Критерий «автономности пользователей» (степени контроля платформы над их действиями) должен стать ключевым при определении вины информационного посредника.

Таким образом, перспективы правового регулирования цифровых посредников лежат в плоскости создания комплексного и сбалансированного законодательного акта (возможно, Федерального закона «О цифровых платформах и цифровых услугах»), который заменил бы собой разрозненные нормы и установил бы единые «правила игры» для всех участников цифрового рынка. Этот закон должен, с одной стороны, стимулировать инновационное развитие платформенной экономики, а с другой – гарантировать защиту прав граждан и публичных интересов в цифровой среде. Только такой подход позволит превратить цифровых посредников из источника рисков в надежных партнеров и гарантов правопорядка в интернете.

Что касается итогов исследования частного правового аспекта статуса цифровых посредников, можно сформулировать следующие основные выводы и предложения:

Во-первых, деятельность цифровых посредников порождает сложный комплекс гражданско-правовых отношений, не сводимых к какой-либо одной договорной конструкции. Пользовательские соглашения с платформами по своей природе являются смешанными договорами, содержащими элементы возмездного оказания услуг, агентского договора, лицензионного договора, а также иных договорных типов. Это требует выработки специальных норм, учитывающих специфику цифрового посредничества.

Во-вторых, договорная ответственность цифрового посредника подчиняется общим нормам обязательственного права, но с учетом массового характера деятельности платформ. Ограничения ответственности, устанавливаемые в пользовательских соглашениях, не должны нарушать императивные требования закона, особенно в сфере защиты прав потребителей. Судебная практика должна выработать четкие критерии соразмерности блокировок аккаунтов и иных санкций, применяемых платформами.

В-третьих, деликтная ответственность цифрового посредника за вред, причиненный действиями пользователей или работой алгоритмических систем, должна строиться на основе критерия фактической возможности контроля. Платформа не отвечает за действия пользователей как за действия третьих лиц (по модели ст. 1068 или 1079 ГК РФ), но может нести ответственность за свое собственное виновное бездействие, выразившееся в непринятии разумных мер по предотвращению вреда. Необходимо законодательно закрепить презумпцию вины оператора платформы при причинении вреда вследствие недостатков функционирования алгоритмических систем.

В-четвертых, ст. 1253.1 ГК РФ об информационных посредниках нуждается в реформировании. Требуется уточнить понятие информационного посредника, дифференцировать условия ответственности в зависимости от вида посредника, урегулировать вопрос об ответственности за алгоритмические нарушения и создать стимулы для сотрудничества платформ с правообладателями.

Таким образом, частноправовой аспект статуса цифровых посредников представляет собой сложную, многоаспектную проблему, требующую комплексного решения на уровне доктрины, законодательства и судебной практики. Выработанные в настоящем исследовании предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании Гражданского кодекса РФ и принятии специальных законов о цифровой экономике.

Список источников

1. Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. М. : Издание Государственной Думы, 2019. 160 с.

2. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Балхашева С. Б. Право и цифровая информация // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 2. С. 4–23.
3. Тумаков А. В. Слияние, присоединение и поглощение кредитных организаций : гражданско-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 206 с.
4. Нуреев Д. О. К вопросу о лицах, являющихся информационными посредниками // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2025. № 3 (49). С. 142–151.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
6. Чекалкин В. Д. Проблемы правового регулирования ответственности информационных посредников в контексте научной и образовательной деятельности // *Управление наукой: теория и практика*. 2025. Т. 7. № 1. С. 100–115.
7. Дерюгина Т. В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2010. 437 с.
8. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50542/>
9. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 04.08.2025. № 31. Ст. 4643.
10. Регламент № 2022/2065 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О едином рынке цифровых услуг и о внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Акт о цифровых услугах)» [рус., англ.] (Принят в г. Страсбурге 19.10.2022) // *Официальный журнал Европейского Союза*. № L 277. 27.10.2022.
11. Цифровое право. Общая часть : учебное пособие / В. Э. Волков. Самара : Издательство Самарского университета. 2022. 111 с.
12. Шелепов А. В., Колмар О. И. Регулирование цифровых платформ в России // *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. № 2. С. 110–126.
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 января 2023 г. № C01-2262/2022 по делу № А40-38393/2022 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=104828#CEq4PBVYMIbPFba51/>
14. Роскомнадзор назвал основания для принятия мер в отношении YouTube // URL: <https://ria.ru/20241219/rkn-1990275332.html/>
15. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 15.01.1996. № 3. Ст. 140.
16. Самойлова А. К. Договорное регулирование правоотношений, возникающих с использованием пло-

щадок-агрегаторов информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 204 с.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

18. Решение Арбитражного суда города Москвы от 28 марта 2022 по делу № А40-132383/2021 // URL: <https://na.buhgalteria.ru/document/n199844/>

19. Непомнящая Н. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности информационных посредников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 179 с.

20. What is Duty of Care? // URL: <https://www.internationalosos.com/insights/what-is-duty-of-care/>

21. Гришина И. Н., Денисова Н. И. К вопросу нормативно-правового регулирования цифровой экономики // *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки*. 2023. № 1 (36). С. 12–16.

References

1. The main trends in the development of the digital economy in the financial sector. Legal aspects of regulation and practical application. M. : Edition of the State Duma, 2019. 160 p.
2. Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and digital information // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2021. № 2. P. 4–23.
3. Tumakov A. V. Mergers, acquisitions and acquisitions of credit institutions : civil law aspects : dis. ... cand. of legal sciences. M., 2009. 206 p.
4. Nureyev D. O. On the issue of persons who are information intermediaries // *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2025. № 3 (49). P. 142–151.
5. Civil Code of the Russian Federation (Part four) of December 18, 2006 № 230-FZ (as amended on 23.07.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 04.01.2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 25.12.2006. № 52 (1 part). Art. 5496.
6. Chekalkin V. D. Problems of legal regulation of responsibility of information intermediaries in the context of scientific and educational activities // *Management of science: theory and practice*. 2025. Vol. 7. № 1. P. 100–115.
7. Deryugina T. V. Theoretical problems in the implementation of subjective civil rights : dis. ... doctor of legal sciences. Volgograd, 2010. 437 p.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 № 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50542/>
9. Federal Law № 289-FZ of July 31, 2025 «On certain issues of regulating the platform economy in the Russian Federation» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 04.08.2025. № 31. Art. 4643.

10. Regulation № 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of the European Union «On the single market for digital services and on Amendments to Directive 2000/31/EC (Act on Digital Services)» [Rus., eng.] (adopted in Strasbourg on 19.10.2022) // Official Journal of the European Union. № L 277. 27.10.2022.

11. Digital law. General part : textbook / V. E. Volkov. Samara : Samara University Publishing House. 2022. 111 p.

12. Shelepov A. V., Kolmar O. I. Regulation of digital platforms in Russia // Bulletin of International Organizations. 2024. Vol. 19. № 2. P. 110–126.

13. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated January 11, 2023 № C01-2262/2022 in case № A40-38393/2022 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=104828#CEq4PBVYMlbPFba51/>

14. Roskomnadzor named the grounds for taking action against YouTube // URL: <https://ria.ru/20241219/rkn-1990275332.html/>

15. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 № 2300-1 (as amended on December 28, 2025) «On

consumer rights protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01/15/1996. № 3. Art. 140.

16. Samoylova A. K. Contractual regulation of legal relations arising from the use of information aggregator sites : dis. ... cand. of legal sciences. M., 2025. 204 p.

17. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, № 51-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended of 25.11.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01.08.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.

18. Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow dated March 28, 2022 in case № A40-132383/2021 // URL: <https://na.buhgalteria.ru/document/n199844/>

19. Nepomnyashchaya N. A. Civil law regulation of information intermediaries : dis. ... cand. of legal sciences. M., 2019. 179 p.

20. What is duty of care? // URL: <https://www.internationalso.com/insights/what-is-duty-of-care/>

21. Grishina I. N., Denisova N. I. On the issue of regulatory regulation of the digital economy // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2. Legal sciences. 2023. № 1 (36). P. 12–16.

Информация об авторах

А. И. Филиппова – доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. С. Герасимова – курсант международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. I. Filippova – Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of legal Sciences;

V. S. Gerasimova – Cadet of the Faculty of International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 342

EDN: <https://elibrary.ru/aobyjk>

ИИОН: 2015-0066-1/26-395

МОСРЕД: 77/27-011-2026-01-594

Формирование и развитие правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов: историко-правовой анализ

Анжела Курбановна Халифаева¹, Махач Абдулафисович Шамхалов²,Динара Рамазановна Алиева³^{1,2,3} Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия,

halifaeva@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный историко-правовой анализ процесса формирования и эволюции правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов с периода Древней Руси до начала XX в. Цель исследования – выявление системных проблем и закономерностей в развитии полицейских институтов России. На основе ретроспективного анализа нормативно-правовых актов и научной литературы авторы прослеживают процесс институционализации, расширения компетенции и попыток реформирования полиции. Исследование базируется на принципах историзма, системности и объективности, с применением сравнительно-правового и формально-юридического методов. В результате установлено, что ключевой проблемой российской полиции на протяжении всей ее истории являлась хроническая перегруженность несвойственными функциями при хроническом же недофинансировании и низком кадровом потенциале. В ходе исследования выявлены цикличность реформ, их фрагментарный характер, а также устойчивая тенденция к милитаризации полицейского аппарата в кризисные периоды. Обсуждение результатов позволяет утверждать, что многие системные дисфункции дореволюционной полиции имеют аналоги в современной правоохранительной системе, что указывает на необходимость учета исторического опыта при проведении современных реформ. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу эффективности полицейских реформ через призму их адекватности вызовам времени. Статья может быть полезна для историков права, юристов, государственных служащих и всех, кто интересуется проблемами развития правоохранительной системы.

Ключевые слова: полиция, правоохранительные органы, правоприменительная деятельность, историко-правовой анализ, реформы, Российская империя, эффективность, институционализация

Для цитирования: Халифаева А. К., Шамхалов М. А., Алиева Д. Р. Формирование и развитие правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов: историко-правовой анализ // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 134–139. EDN: AOBVJK.

Original article

Formation and development of law enforcement activities of Russian law enforcement agencies: historical and legal analysis

Anzhela K. Halifaeva¹, Makhach A. Shamkhalov²,Dinara R. Alieva³^{1,2,3} Dagestan State University, Makhachkala, Russia,

halifaeva@yandex.ru

Abstract. The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the process of formation and evolution of law enforcement activities of Russian law enforcement agencies from the period of Ancient Russia to the beginning of the XX century. The purpose of the study is to identify systemic problems and patterns in the development of police institutions in Russia. Based on a retrospective analysis of regulatory legal acts and scientific literature, the authors trace the process of institutionalization, expansion of competence and attempts to reform the police. The research is based on

© Халифаева А. К., Шамхалов М. А., Алиева Д. Р., 2026

the principles of historicism, consistency and objectivity, using comparative legal and formal legal methods. As a result, it has been established that the key problem of the Russian police throughout its history has been chronic overloading with unusual functions, with chronic underfunding and low human resources. The study revealed the cyclical nature of reforms, their fragmented nature, as well as a steady trend towards militarization of the police apparatus in times of crisis. A discussion of the results suggests that many of the systemic dysfunctions of the pre-revolutionary police have analogues in the modern law enforcement system, which indicates the need to take historical experience into account when carrying out modern reforms. The scientific novelty of the work lies in an integrated approach to analyzing the effectiveness of police reforms through the prism of their adequacy to the challenges of the time. The article may be useful for legal historians, lawyers, civil servants and anyone who is interested in the development of the law enforcement system.

Keywords: police, law enforcement agencies, law enforcement, historical and legal analysis, reforms, Russian Empire, efficiency, institutionalization

For citation: Halifaeva A. K., Shamkhalov M. A., Alieva D. R. Formation and development of law enforcement activities of Russian law enforcement agencies: historical and legal analysis. Bulletin of economic security. 2026;(1):134–9. (In Russ.). EDN: AOBYJK.

Правоохранительная система является неотъемлемым атрибутом любого государства, выполняющим ключевую функцию по обеспечению внутреннего порядка и реализации правовых норм. В современной России, находящейся в процессе перманентного реформирования органов внутренних дел, особую актуальность приобретает исторический опыт. Как справедливо отмечает А. В. Гончаров, «становление и трансформация правоохранительных институтов являются точным индикатором изменений в характере и природе самой государственной власти» [1, с. 45]. Историко-правовой анализ позволяет выявить не только преемственность организационных форм, но и цикличность системных проблем, что крайне важно для выработки эффективных управленческих решений сегодня.

Несмотря на обширную историографию, посвященную истории российской полиции (работы Р. С. Мулукаева, Н. В. Кучерук, А. В. Седунова и др.), комплексных исследований, фокусирующихся именно на эффективности правоприменительной деятельности в длительной исторической ретроспективе, остается недостаточно. Существующие исследования часто носят описательный характер, констатируя факты реорганизаций, но не давая им глубокой аналитической оценки. Современные авторы, такие как К. А. Федоров и Е. Р. Сидорова, лишь фрагментарно затрагивают аспекты результативности полицейской деятельности [4; 5]. Таким образом, возникает научная проблема, заключающаяся в отсутствии целостного понимания причин хронической низкой эффективности правоохранительной системы Российской империи, несмотря на многочисленные попытки ее реформирования.

Целью данного исследования является выявление системных факторов, обусловивших специфику и эффективность правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов в период с X по начало XX в.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) проследить генезис и эволюцию полицейских функций в российском государстве;

2) проанализировать основные направления и результаты ключевых реформ полицейского аппарата;

3) оценить влияние внешних (социально-политических) и внутренних (организационных, кадровых) факторов на эффективность правоохранительной деятельности.

Гипотеза исследования состоит в том, что низкая эффективность полицейской системы Российской империи к началу XX в. была обусловлена не столько частными просчетами, сколько системными причинами, главными из которых являлись: хроническая перегруженность несвойственными функциями, недостаточное ресурсное обеспечение и зависимость от общего состояния государственного аппарата и социальной среды.

Исследование базируется на комплексе общенаучных и частнонаучных методов:

1. Историко-правовой метод выступил в качестве основного, позволив реконструировать процесс развития полицейских институтов в их хронологической последовательности и правовой конкретике.

2. Сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления правового статуса, компетенции и организации полиции в разные исторические периоды, а также для сравнения выводов исследования с положениями современных научных трудов.

3. Формально-юридический метод применен для анализа нормативно-правовых актов (от Судебников до Уставов благочиния и Положений XIX в.), регулировавших деятельность правоохранительных органов.

4. Системный подход позволил рассмотреть полицию не как изолированный институт, а как элемент общей системы государственного управления, находящийся в тесной связи с социально-экономическими и политическими процессами.

Источниковая база включает в себя нормативно-правовые акты Российской империи, документы дело-

производства, а также современные научные монографии и статьи в рецензируемых журналах за последние пять лет, что обеспечивает репрезентативность и актуальность исследования.

Проведенное исследование позволило получить следующие ключевые результаты, структурированные по хронологическому принципу.

Период доинституционального регулирования (X–XV вв.). На данном этапе полицейские функции осуществлялись диффузно, в рамках многофункциональной системы княжеского управления. Как отмечает С. М. Костин, «в Древней Руси полицейская деятельность осуществлялась в рамках многофункциональной системы княжеского управления, где военные, судебные и административные функции не были разделены» [2, с. 32]. Отсутствие специализированных органов компенсировалось общинным самоуправлением и действием обычного права.

Этап первоначальной институционализации (XVI–XVII вв.). Создание при Иване Грозном губных изб стало первым шагом к созданию специализированного полицейского аппарата. Однако, как показывает анализ, эффективность этих органов была крайне низкой. По мнению Д. В. Левина, «введение губных учреждений, несмотря на свою прогрессивность, было обречено на низкую эффективность из-за отсутствия профессионального кадрового корпуса и системы материального обеспечения» [3, с. 80]. Данный период демонстрирует возникновение устойчивой проблемы – совмещения судебных и полицейских функций, что нарушало базовые принципы правоприменения.

Создание регулярной полиции и ее дальнейшее развитие (XVIII – сер. XIX вв.). Учреждение Петром I в 1718 г. Генерал-полицмейстерского управления ознаменовало качественно новый этап. Однако, как справедливо замечает Е. Р. Сидорова, «петровская полиция изначально создавалась как сверхцентрализованный и многофункциональный орган, что заложило основу для ее хронической перегруженности» [4, с. 58]. «Устав благочиния» 1782 г. Екатерины II систематизировал обязанности полиции, но не решил проблему ее ресурсного обеспечения.

Реформы начала XIX в., в частности создание МВД, централизовали управление, но не привели к качественным изменениям. Анализ данных показывает, что на протяжении всего этого периода полиция продолжала выполнять несвойственные ей хозяйственные, фискальные и даже судебные функции.

Пореформенный период и кризис системы (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Реформы 1860-х гг. (отделение следствия от полиции, объединение уездной и городской полиции) носили прогрессивный характер, но, как свидетельствует К. А. Федоров, были половинчатыми и не затронули основ системной организации [5, с. 115]. Создание сыскной полиции в 1908 г. стало запоздалой реакцией на рост профессиональной преступности.

К началу XX в. система находилась в состоянии системного кризиса. Как констатирует А. В. Седунов, «полиция была не в силах справляться с массивом обязанностей при численности около 145 тыс. человек на 250-миллионную империю, а мизерное жалование провоцировало массовую коррупцию» [6, с. 42]. Цифровые данные о росте преступности (на 66 % с 1899 по 1908 гг.), приведенные в исходном тексте, наглядно подтверждают тезис о неэффективности системы.

Полученные результаты полностью подтверждают выдвинутую гипотезу. Низкая эффективность правоприменительной деятельности действительно носила системный характер. Выявлены три ключевых системных дисфункции:

Функциональная диффузность. Полиция на протяжении всей истории совмещала правоохранные функции с судебными, хозяйственными и фискальными. Это полностью согласуется с выводом К. А. Федорова о непоследовательности процесса освобождения полиции от несвойственных функций [5].

Ресурсное голодание. Хроническое недофинансирование, малочисленность и низкий профессиональный уровень кадров были постоянным фоном ее существования. Этот тезис находит подтверждение в работах А. В. Седунова и других современных исследователей [6].

Зависимость от состояния государственного аппарата. Эффективность полиции была производной от общего уровня бюрократизации, коррумпированности и эффективности управления в империи в целом.

Наши выводы о цикличности и фрагментарности реформ совпадают с оценками, данными в современной историографии. Однако наше исследование позволяет сделать шаг вперед, объединив эти частные наблюдения в целостную модель системного кризиса.

Первоначальная гипотеза о системных причинах неэффективности нашла свое полное подтверждение. Исследование показало, что даже прогрессивные начинания (как реформы 1860-х гг.) разбивались о системные ограничения. Значимость работы заключается в том, что она предлагает не просто историческое описание, а аналитическую модель для диагностики проблем в правоохранительной системе, которая может быть применена (с соответствующими корректировками) и к анализу современных реформ МВД.

Основное ограничение данного исследования связано с его ретроспективным характером и опорой на существующую источниковую и историографическую базу. Трудности вызывает сравнительный анализ количественных данных (например, уровня преступности) за разные периоды из-за несовершенства учетных систем прошлого. Кроме того, исследование фокусируется на макроуровне, не углубляясь в региональные особенности, которые могли существенно варьироваться.

Современные параллели: историческая память и институциональные вызовы XXI в.

Анализ дореволюционной истории правоохранительной системы России позволяет не только реконструировать прошлое, но и выявить устойчивые паттерны, проявляющиеся и в современной практике. Как отмечает В. А. Томсин, «институциональная память государства нередко оказывается сильнее формальных правовых новаций» [7, с. 14]. Это особенно актуально применительно к органам внутренних дел, где, несмотря на радикальные политические и правовые трансформации XX века, сохраняются структурные и функциональные аналогии с имперской моделью.

Одним из наиболее ярких проявлений исторической преемственности является функциональная диффузность. Современная полиция Российской Федерации, несмотря на принятие в 2011 г. нового закона «О полиции», по-прежнему вовлечена в выполнение задач, выходящих за рамки классического правоприменения. Например, сотрудники полиции регулярно участвуют в реализации миграционной политики, контроле за соблюдением санитарно-эпидемиологических норм, обеспечении общественного порядка при проведении массовых мероприятий, а также в административном сопровождении выборов. Такая практика, с одной стороны, повышает оперативность реагирования на вызовы, но с другой – размывает профильное предназначение института и снижает качество выполнения его основных задач.

Кроме того, нехватка ресурсов, выявленная в дореволюционный период, сохраняется и в современных условиях. Несмотря на значительное увеличение финансирования МВД в последние десятилетия, проблема несоответствия объема возлагаемых функций и выделяемых ресурсов сохраняется. Особенно остро это проявляется на региональном и муниципальном уровнях, где наблюдается хроническая нехватка квалифицированных кадров, устаревшая материально-техническая база и недостаточное правовое обеспечение оперативной деятельности. По данным исследований Института проблем правоприменения (2023 г.), до 40 % сотрудников полиции в сельской местности вынуждены совмещать несколько должностей, что напрямую снижает эффективность профилактики и раскрытия преступлений [8].

Милитаризация как системный ответ на кризис.

Еще одной устойчивой тенденцией, прослеживающейся как в дореволюционной, так и в постсоветской России, является тенденция к милитаризации полицейского аппарата в периоды социальной нестабильности. В Российской империи это проявлялось в усилении роли жандармерии, создании специальных карательных отрядов и расширении полномочий охранных отделений. В современной России аналогичные процессы наблюдаются в контексте борьбы с терроризмом, экстремизмом и массовыми беспорядками. Создание подразделений ОМОН, СОБР, усиление роли Росгвардии – все это свидетельствует о переходе от полиции как института гражданского порядка к полиции

как элементу силового обеспечения государственной стабильности.

Хотя такие меры могут быть оправданы в условиях реальной угрозы, их систематическое применение ведет к подрыву доверия граждан к правоохранительным органам. Исторический опыт показывает, что милитаризованные структуры, даже при высокой оперативной эффективности, не способны обеспечить устойчивую легитимность и правовое качество управления. Как подчеркивает Е. А. Лукьянова, «полиция, воспринимаемая населением как оккупационная сила, теряет свой главный ресурс – социальный капитал» [9, с. 77].

Реформы как циклический процесс: от административных решений к институциональным изменениям.

История российской полиции демонстрирует цикличность реформ: каждое поколение реформаторов пытается решить одни и те же проблемы – перегруженность функциями, слабую кадровую базу, коррупцию, недостаток доверия. Однако, как правило, реформы ограничиваются административными перестановками и не затрагивают глубинные причины дисфункций. Так, реформа 1860-х гг., несмотря на прогрессивный характер, не смогла преодолеть бюрократическую инерцию и сословные барьеры. Аналогичным образом реформа 2011 г., направленная на «очеловечивание» полиции, столкнулась с сопротивлением внутрикорпоративной культуры и отсутствием механизмов общественного контроля.

Это позволяет сделать вывод о необходимости перехода от административно-организационных реформ к институциональным преобразованиям, затрагивающим не только структуру, но и саму логику функционирования правоохранительной системы. Ключевыми направлениями таких преобразований могут стать:

1. Дефункционализация полиции – четкое разграничение компетенций между полицией, миграционной службой, налоговыми органами, службами социального контроля и другими институтами.

2. Децентрализация и усиление местного компонента – развитие муниципальной полиции или участковых служб с реальными полномочиями и ресурсами, что способствовало бы повышению доверия на уровне сообществ.

3. Институционализация общественного контроля – создание независимых механизмов оценки деятельности полиции, включая участие граждан в формировании приоритетов и мониторинге результатов.

4. Инвестиции в человеческий капитал – повышение требований к профессиональной подготовке, создание карьерных траекторий, достойный уровень оплаты труда и социальных гарантий.

Историко-правовой анализ развития правоохранительной деятельности в России с X по начало XX в. позволяет не только констатировать наличие устойчивых системных проблем, но и выработать стратегию их преодоления в современных условиях. Выявленные дис-

функции – функциональная перегрузка, ресурсное голодание, милитаризация и бюрократическая инерция – не являются архаичными артефактами, а продолжают влиять на эффективность работы органов внутренних дел и сегодня.

Учет исторического опыта при разработке и реализации реформ имеет не только академическое, но и практическое значение. Игнорирование глубинных причин неэффективности правоохранительной системы приводит к повторению одних и тех же ошибок под новыми лозунгами. Только комплексный, системный подход, основанный на принципах правового государства, профессионализма и общественного доверия, может обеспечить устойчивое развитие правоохранительных институтов в XXI в.

Таким образом, историческая ретроспектива – это не просто воспоминание, а инструмент диагностики и проектирования будущего. В этом заключается не только научная, но и гражданская значимость подобных исследований.

Таким образом:

1. Формирование полицейских институтов в России носило поэтапный характер, от диффузного выполнения функций княжеской администрацией к созданию специализированной, но перегруженной системами обязанностей структуры.

2. Ключевой проблемой на протяжении всей истории являлась системная дисфункция, выражавшаяся в хронической перегруженности несвойственными функциями при хроническом недофинансировании.

3. Попытки реформирования, несмотря на их многочисленность, носили фрагментарный характер и не затрагивали основ системной организации, что предопределило кризис системы к началу XX в.

4. Исторический опыт свидетельствует, что успешное реформирование правоохранительной системы невозможно без решения ключевых системных проблем: четкого определения компетенции, адекватного ресурсного обеспечения и повышения качества человеческого капитала.

Направления для будущих исследований видятся в детальном изучении региональных моделей организации полицейской службы, сравнительном анализе с опытом европейских стран, а также в применении методов цифровой истории (анализ больших данных по преступности, личному составу) для верификации традиционных исторических нарративов.

Список источников

1. Гончаров А. В. Эволюция правоохранительной системы Российской империи в XVIII – начале XX вв. М. : Юрлитинформ, 2020. 216 с.
2. Костин С. М. Становление полицейских институтов в России : историко-правовое исследование // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 31–35.

3. Левин Д. В. Административно-правовые реформы в России XVIII–XIX веков : монография. СПб : Алетей, 2019. 328 с.

4. Сидорова Е. Р. Полиция Российской империи : организация и деятельность (1718–1917 гг.). М. : Норма, 2020. 304 с.

5. Федоров К. А. Реформирование правоохранительной системы России в XIX веке : проблемы и решения // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 110–125.

6. Седунов А. В. Российская полиция во второй половине XIX – начале XX в. : сфера компетенции, отношение к службе, реформирование // История государства и права. 2020. № 3. С. 41–43.

7. Томсин В. А. Институциональная память и правовые реформы в России // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 12–18.

8. Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ежегодный доклад о состоянии правоохранительной системы в России. СПб., 2023. 156 с.

9. Лукьянова Е. А. Полиция и общество : проблемы легитимности и доверия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 74–85.

References

1. Goncharov A. V. The evolution of the law enforcement system of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries. M. : Yurлитinform, 2020. 216 p.
2. Kostin S. M. The formation of police institutions in Russia : a historical and legal study // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. P. 31–35.
3. Levin D. V. Administrative and legal reforms in Russia of the XVIII–XIX centuries : monograph. SPb : Aleteya, 2019. 328 p.
4. Sidorova E. R. The police of the Russian Empire : organization and activity (1718–1917). M. : Norma Publ., 2020. 304 p.
5. Fedorov K. A. Reforming the Russian law enforcement system in the 19th century : problems and solutions // Journal of Russian Law. 2022. № 3. P. 110–125.
6. Sedunov A. V. The Russian police in the second half of the XIX – early XX century : sphere of competence, attitude to service, reform // History of the state and law. 2020. № 3. P. 41–43.
7. Tomsin V. A. Institutional memory and legal reforms in Russia // Law and the state: theory and practice. 2021. № 6. P. 12–18.
8. Institute of Law Enforcement Problems of the European University in St. Petersburg. Annual report on the state of the law enforcement system in Russia. SPb., 2023. 156 p.
9. Lukyanova E. A. Police and society : problems of legitimacy and trust // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2022. Vol. 25. № 2. P. 74–85.

Информация об авторах

А. К. Халифаева – профессор кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

М. А. Шамхалов – доцент кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Д. Р. Алиева – магистрантка кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета.

Information about the authors

A. K. Halifaeva – Professor of the Department of History of State and Law of the Dagestan State University, Doctor of Legal Sciences, Professor;

M. A. Shamkhalov – Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Dagestan State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

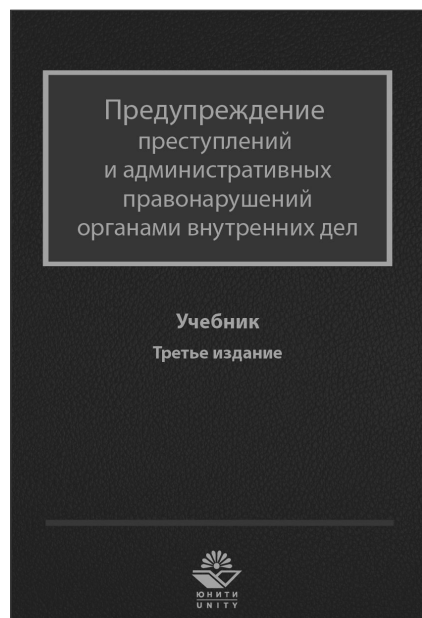
D. R. Alieva – Master's Student of the Department of History of State and Law of the Dagestan State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений.

Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/eznwog>

ИПОН: 2015-0066-1/26-396

MOSURED: 77/27-011-2026-01-595

Международное военное сотрудничество Российской Федерации в период проведения специальной военной операции: правовые вопросы

Иван Владимирович Холиков¹, Татьяна Юрьевна Наумова²

¹ Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России, Москва, Россия

^{1,2} Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ iv_kholik@mail.ru

² t.popova.d@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена правовым вопросам международного военного сотрудничества Российской Федерации в период проведения специальной военной операции. В указанный период усилия враждебных Российской Федерации сил и сторон сосредоточены на поддержке киевского режима денежными средствами, вооружением, военной техникой и наемными подразделениями, а также направлены на международную изоляцию нашей страны. В этой связи организация международного военного сотрудничества Российской Федерации с другими странами и закрепление порядка и условий такого сотрудничества в международно-правовых документах является важным фактором обеспечения обороны страны и безопасности государства. Основное внимание уделено раскрытию правовых характеристик международного военного сотрудничества Российской Федерации в период специальной военной операции, а также совершенствованию данной работы в правотворческом и правоприменительном аспектах. Авторами применены системный и сравнительно-правовой подход, а также практически реализующие их методы комплексного, функционального, структурного и генетического анализа, синтеза его результатов, научного обобщения, классификации, дедукции и сравнения. Основными научными результатами исследования является то, что авторами теоретически обобщены и практически выявлены международно-правовые характеристики международного военного сотрудничества Российской Федерации в период специальной военной операции, а также тенденции и векторы совершенствования правового обеспечения в рассматриваемом аспекте. Несмотря на скоординированные военные, политические, международные и негласные усилия коллективного Запада Российская Федерация продолжает эффективно осуществлять международное военное сотрудничество, при этом его вектор смещен в сторону государств Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона, БРИКС и некоторых стран СНГ. Эта работа потребовала как организации соответствующего правового обеспечения для фиксации в международно-правовых документах правил, так и условий такого сотрудничества. Перспективным направлением дальнейшего научного поиска является правовое прогнозирование его развития и закрепления в международно-правовых документах, регламентирующих организацию международного военного сотрудничества и корпусных изменений в подходах к нему.

Ключевые слова: международное право, международное военное сотрудничество, международно-правовые знания, военный конфликт, международные отношения, глобализация, национальная безопасность

Для цитирования: Холиков И. В., Наумова Т. Ю. Международное военное сотрудничество Российской Федерации в период проведения специальной военной операции: правовые вопросы // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 140–145. EDN: EZNWOG.

Original article

International military cooperation of the Russian Federation during a special military operation: legal issues

Ivan V. Kholikov¹, Tatiana Yu. Naumova²

¹ Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

^{1,2} Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ iv_kholik@mail.ru

² t.popova.d@mail.ru

© Холиков И. В., Наумова Т. Ю., 2026

Abstract. The article is devoted to legal issues of international military cooperation of the Russian Federation during a special military operation. During the specified period, the efforts of the forces and parties hostile to the Russian Federation were focused on supporting the Kyiv regime with funds, weapons, military equipment and mercenary units, and were also aimed at the international isolation of our country. In this regard, the organization of international military cooperation of the Russian Federation with other countries and the consolidation of the procedure and conditions for such cooperation in international legal documents is an important factor in ensuring the defense of the country and state security. The main attention is paid to the disclosure of the legal characteristics of international military cooperation of the Russian Federation during a special military operation, as well as to the improvement of this work in the law-making and law enforcement aspects. The authors applied a systemic and comparative legal approach, as well as the methods of complex, functional, structural and genetic analysis, synthesis of its results, scientific generalization, classification, deduction and comparison that practically implement them. Results. The main scientific results of the study are that the authors theoretically generalized and practically identified the international legal characteristics of international military cooperation of the Russian Federation during a special military operation, as well as trends and vectors for improving the legal support in the aspect under consideration. Conclusion. Despite the coordinated military, political, international and tacit efforts of the collective West, the Russian Federation continues to effectively implement international military cooperation, while its vector is shifted towards the states of the Middle East, the Asia-Pacific region, BRICS and some CIS countries. This work required both the organization of appropriate legal support for recording the rules and conditions of such cooperation in international legal documents. A promising direction for further scientific research is the legal forecasting of its development and consolidation in international legal documents regulating the organization of international military cooperation and corpus changes in approaches to it.

Keywords: international law, international military cooperation, international legal knowledge, military conflict, international relations, globalization, national security

For citation: Kholikov I. V., Naumova T. Yu. International military cooperation of the Russian Federation during a special military operation: legal issues. Bulletin of economic security. 2026;(1):140–5. (In Russ.). EDN: EZNWOG.

Международное военное сотрудничество Российской Федерации в период проведения специальной военной операции становится актуальным и важным направлением государственной политики Российской Федерации, как и правовое обеспечение данного сотрудничества [10; 12]. Организация международного военного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами и закрепление порядка и условий такого сотрудничества в международно-правовых документах является важным фактором обеспечения обороны страны и национальной безопасности государства [5; 9]. В условиях современных военных конфликтов важное место занимает правовое обеспечение сил и средств обороны и безопасности государств и использование правовых средств достижения победы [2; 7; 13; 14]. В современных военных конфликтах усиливается угроза деятельности частных военных компаний, что детерминирует активизацию сотрудничества государств по борьбе с данным явлением [15].

Исследование правовых характеристик международного военного сотрудничества Российской Федерации в период специальной военной операции является теоретико-правовым продолжением комплекса научных работ в области познания международно-правовых основ организации и осуществления международного военного сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, его ориентиров и тенденций развития, а также отдельных направлений его построения в современных условиях [11].

Общее празднование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне в период специальной военной операции важнейшее мероприятие с целью сохранения памяти о подвиге светского народа в борьбе с нацизмом и фашизмом и недопущения попыток искажения истории со стороны коллективного Запада [4].

Согласно Решению Совета глав государств СНГ от 18 декабря 2020 г. о Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации, основной целью СНГ является развитие сотрудничества в политической, экономической, гуманитарной, культурной и иных областях и формирование в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического объединения заинтересованных государств, обеспечивающего эффективное развитие каждого его участника.

Государства – участники СНГ придерживаются целей, принципов и норм, зафиксированных в Уставе ООН. В современных условиях СНГ представляет собой инструмент недопущения на пространстве СНГ междоусобиц, межэтнических и межгосударственных конфликтов, что возлагает особую ответственность на государства – участники СНГ. Сотрудничество в рамках СНГ основывается на уважении общечеловеческих гуманистических ценностей, являющихся основой для противодействия идеологии экстремизма, нетерпимости и терроризма, которые угрожают стабильности не только государствам – участникам СНГ, но и мира в целом.

Между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан действует договор о сотрудничестве в во-

енной области от 25 мая 1993 г. Военное сотрудничество стран поддерживается много лет с учетом общей истории и культурной близости. 17 марта 2025 г. Российской Федерацией и Таджикистаном была утверждена программа военного сотрудничества. Подписанная государствами на 2026–2030 гг. программа является стратегической, партнерство будет осуществляться в военной и военно-технической областях. Странами углубляется оборонное, военно-техническое, антитеррористическое и антинаркотическое сотрудничество. На территории Таджикистана располагается 201-я военная база Вооруженных Сил Российской Федерации с воинскими частями, подразделениями обеспечения и вспомогательными силами. Данное сотрудничество, с учетом террористических и военных угроз в Средней Азии, является важным и необходимым, при этом наша страна содействует поддержанию в данном регионе мира и стабильности.

Российской Федерацией активно поддерживается многолетнее международное военное сотрудничество с другими странами Азии, в частности, с Малайзией, Индонезией, Мьянмой, Китаем, и другими странами, несмотря на сложную политическую обстановку в мире, поддерживая мир и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Так, российско-малайзийское военно-техническое сотрудничество осуществляется с 1994 г. В апреле 1999 г. подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Малайзии по вопросам сотрудничества в области обороны, оборонных технологий и оборонной промышленности, и образована российско-малайзийская межправительственная совместная комиссия по данным вопросам. Российская сторона активно участвует в проводимых в Малайзии выставках морской и авиационной техники, в том числе «ЛИМА» и «Оборонные системы Азии». Стоит отметить, что с 1996 г. в Куала-Лумпуре работают представительства российских предприятий, в том числе и «Рособоронэкспорта».

Российско-мьянманские связи носят традиционно дружественный характер. Государствами оказывается взаимная поддержка на фоне развязанной коллективным Западом санкционной кампании как против России, так и в отношении Мьянмы. Россией и Мьянмой в 2024 г. было проведено около 50 мероприятий двустороннего военного сотрудничества, включая взаимные визиты главнокомандующих видами вооруженных сил, участие в таких мероприятиях, как военно-морской парад, Армейские международные игры-2024, Международный военно-технический форум «Армия-2024», XII Московская конференция по международной безопасности, стратегические командно-штабные учения «Океан-2024» и совместные проекты оперативной и боевой подготовки.

Укрепляется военное сотрудничество Российской Федерации с Индонезией. В 2025 г. Российская Федерация и Индонезия подписали Декларацию о стратегическом партнерстве, которая опубликована на сайте

Кремля. В документе отмечается, что целью развития военно-технического сотрудничества является укрепление оборонных потенциалов данных стран. Стоит подчеркнуть, что Индонезия является полноправным членом БРИКС. Военное сотрудничество наших стран усиливает обороноспособность Индонезии, а Российская Федерация получает военные технологии, разработанные Индонезией. Минобороны Индонезии сообщили о готовности вместе с РФ не просто сотрудничать в военно-технической сфере, но и участвовать в военных учениях «Запад-2025», которые проводятся совместно с Белоруссией.

Россия и Китай активно развивают военное сотрудничество на фоне санкционного давления российскую экономику. Для целей обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, корабли ВМФ России и ВМС Народно-освободительной армии Китая сформировали совместный отряд и действуют на морских акваториях. Ранее российские и китайские корабли провели учение в Японском море, выполняя практические артиллерийские стрельбы, отрабатывая противолодочные задачи и задачи противовоздушной обороны. Проведение ряда военных учений с Китаем стало реакцией России на наращивание военного потенциала США в АТР. Сотрудничество вооруженных сил Китая и России вносит существенный вклад в поддержание глобальной стабильности.

Международное сотрудничество осуществляется Российской Федерацией с КНДР, в том числе по военным аспектам. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-демократической Республикой был заключен 19 июня 2024 г. и вступил в законную силу 4 декабря 2024 г. Российская Федерация и КНДР, согласно ст. 3 Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-демократической Республикой договорились, что в случае возникновения непосредственной угрозы совершения против одной из Сторон акта вооруженной агрессии Стороны по требованию одной из Сторон незамедлительно задействуют двусторонние каналы для проведения консультаций с целью координации своих позиций и согласования возможных практических мер по оказанию помощи друг другу для содействия устранению возникшей угрозы.

4 июля 2025 г. Министр обороны КНДР генерал армии Но Гван Чхоль и заместитель главы российского военного ведомства генерал-полковник Александр Фомин обсудили план сотрудничества в военной области двух государств на встрече в Пхеньяне.

Российской Федерацией и КНДР активно поддерживается диалог о развитии ситуации на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в связи с ростом напряженности в субрегионе, причиной которого является наращивание военной активности США и их союзников, участвовавшее проведение военных маневров с привлечением ядерного компонента.

В целях развития белорусско-российского военного сотрудничества, организации практической работы по реализации положений нормативных правовых документов и международных договоров в сфере обеспечения военной безопасности Союзного государства работает совещательный орган министерств обороны Республики Беларусь и Российской Федерации – совместная Коллегия министерств обороны Республики Беларусь и Российской Федерации, которая ежегодно проводит заседания.

В период с 2022 по 2025 г. предприятия оборонно-промышленного комплекса России наряду с белорусскими партнерами принимают активное участие в модернизации белорусских вооруженных сил путем выполнения заказов минобороны Беларуси на поставки военной техники, что укрепляет обороноспособность Союзного государства [3]. Военное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь обусловлено схожестью культурных и духовных традиций, а также нравственных и идеологических ценностей, господствующих в государствах [4]. Данное сотрудничество осуществляется по многим направлениям в военной сфере, укрепляя дружеские отношения между странами и поддерживая их военную мощь.

Активно поддерживается международное военное сотрудничество по различным направлениям Российской Федерации со странами Южной Америки, такими как Венесуэла, Никарагуа и Куба, в рамках БРИКС поддерживается сотрудничество с Бразилией. При наличии общего оппонента в лице США укрепляется военнотехническое сотрудничество, обмен современными военными технологиями, закупка вооружений, строительство оборонных заводов в данных странах.

Правительством Российской Федерации 30 ноября 2024 г. было издано распоряжение № 3510-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Никарагуа о военном сотрудничестве». Данное соглашение предварительно подготовлено, состоит из 16 статей и планируется к подписанию в 2025 г. В соответствии с ним Москва и Манагуа будут на регулярной основе обмениваться опытом и информацией в различных отраслях военнотехнического сотрудничества, проводить совместные военные учения, подготавливать военнотехнических специалистов. Известно, что никарагуанская сторона примет участие в российских военных учениях во второй половине 2025 г.

Российскую Федерацию и Сербию связывают давние дружеские отношения и длительное военное сотрудничество. Между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербия заключено и вступило в силу 2 сентября 2014 г. Соглашение о военном сотрудничестве, которое продолжает действовать и сегодня. Государства сотрудничают в военной области на основе взаимности и общности интересов в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. После начала специальной

военной операции Сербия столкнулась с дипломатическим давлением со стороны Запада, однако продолжила поддерживать Российскую Федерацию в политическом, дипломатическом и военном контексте. Тема военнотехнического сотрудничества с Сербией регулярно обсуждается в ходе политических контактов с руководством этой страны. Кроме того, сотрудничество России и Сербии имеет высокий уровень эффективности в сфере военно-промышленного комплекса, в здравоохранении, а также в сфере радиоэлектронной борьбы с малоразмерными беспилотными летательными аппаратами. В рамках данного сотрудничества Сербия получила комплекс российского производства по радиоэлектронной борьбе с малоразмерными беспилотными летательными аппаратами «Репеллент». Сербия в условиях санкционного давления находит способы обеспечить устойчивые и гибкие поставки российского вооружения и способна организовать его техническое обслуживание на высоком уровне.

Таким образом, в период специальной военной операции перед Российской Федерацией стоят новые цели, угрозы и вызовы в военной сфере, что детерминирует необходимость осуществления военного сотрудничества с иностранными государствами. Несмотря на давление, в том числе санкционное, со стороны коллективного Запада зарубежные страны не прекращают военное сотрудничество с Российской Федерацией и оказывают ей поддержку в изучаемой сфере [1; 4]. Перспективы международного военного сотрудничества Российской Федерации в условиях геополитических изменений открываются в различных сферах взаимодействия, поскольку Российская Федерация остается государством, имеющим высокий уровень развития в военнотехнической, оборонно-промышленной сфере, в области военного образования, военной медицины и здравоохранения, а также осуществляющим активную борьбу с мировыми угрозами, в том числе с такими как терроризм и экстремизм [6; 8]. На современном этапе Российской Федерацией смещен вектор международного военного сотрудничества в сторону Ближнего Востока, стран Азиатско-Тихоокеанского региона, БРИКС и некоторых стран СНГ. Международное военное сотрудничество Российской Федерации в период проведения специальной военной операции становится актуальным и важным направлением государственной политики Российской Федерации. Российская Федерация и государства, поддерживающие с ней военное сотрудничество, сохраняют общность подходов к урегулированию комплекса проблем в сфере международной безопасности по борьбе с мировыми угрозами.

Список источников

1. Алаамери А. Х., Эриашвили Н. Д. К вопросу о теоретико-правовом понимании содержания понятия «санкции»: международно-правовой аспект // Международный научный вестник. 2024. № 7. С. 23–26.

2. Безбабнов О. Г., Кудашкин А. В. Правовые средства достижения победы в вооруженной борьбе // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2024. № 6 (323). С. 24–29.

3. Воронов А. М. Теория безопасности союзного государства: состояние и концепты развития // *Вестник Московского университета МВД России*. 2024. № 1. С. 25–30.

4. Григорьев О. В. Вопросы политико-правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки*. 2019. № 1. С. 67–71.

5. Гусева Т. А. Трансформация международно-правовых основ сотрудничества органов прокуратуры в борьбе с экстремизмом : вызовы специальной военной операции и поиск новых форматов взаимодействия // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2025. № 1 (59). С. 117–121.

6. Дамаскин О. В., Холиков И. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // *Вестник Академии военных наук*. 2018. № 4 (65). С. 121–128.

7. Загоруйко Л. П., Калимулин С. М. Роль офицера со знанием иностранного языка в контексте расширения международного военного сотрудничества // *Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации*. 2020. № 2. С. 40–43.

8. Землин А. И. Актуальные вопросы военной деятельности государства : правовое измерение // *Военное право*. 2022. № 6 (76). С. 233–237.

9. Ирошников Д. В. Понятие и правовая природа специальной военной операции как средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2025. № 1 (330). С. 21–26.

10. Корякин В. М., Скулаков Р. М. Обеспечение территориальной целостности Российской Федерации как задача специальной военной операции // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2025. № 7 (336). С. 52–62.

11. Кудашкин А. В., Мельник Н. Н. Международный вооруженный конфликт: важные аспекты в современных условиях // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2024. № 11 (328). С. 2–13.

12. Кудашкин В. В. Военно-силовое воздействие права на системы социальных отношений : международный и внутригосударственный аспекты // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2024. № 10 (327). С. 85–91.

13. Наумов П. Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // *Пути к миру и безопасности*. 2023. № 2 (65). С. 207–218.

14. Померлян А. Н., Кононов А. Н., Григорьев О. В. Адекватные ответы современным террористическим вызовам и угрозам // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 3. С. 25–29.

15. Шейренов Б. Ш. Вооруженные Силы Кыргызской Республики в системе международных военных организаций (ОДКБ, ШОС) // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 4. С. 49–54.

References

1. Alaameri A. Kh., Eriashvili N. D. On the theoretical and legal understanding of the concept of «sanctions» : an international legal aspect // *International Scientific Bulletin*. 2024. № 7. P. 23–26.

2. Bezbabnov O. G., Kudashkin A. V. Legal means of achieving victory in the armed struggle // *Law in the Armed Forces – Military and Legal review*. 2024. № 6 (323). P. 24–29.

3. Voronov A. M. Theory of security of the Union State: status and concepts of development // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. № 1. P. 25–30.

4. Grigoriev O. V. Issues of political and legal provision of national security of the Russian Federation // *Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Cultural studies. Political sciences*. 2019. № 1. P. 67–71.

5. Guseva T. A. Transformation of the international legal foundations of cooperation between prosecutor's offices in the fight against extremism : challenges of a special military operation and the search for new formats of interaction // *Problems of law enforcement activity*. 2025. № 1 (59). P. 117–121.

6. Damaskin O. V., Kholikov I. V. Actual issues of legal support for the forces and means of defense and security of Russia in the context of modern military conflicts // *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2018. № 4 (65). P. 121–128.

7. Zagorulko L. P., Kalimulin S. M. The role of an officer with knowledge of a foreign language in the context of expanding international military cooperation // *Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation*. 2020. № 2. P. 40–43.

8. Zemlin A. I. Actual issues of military activity of the state : the legal dimension // *Military law*. 2022. № 6 (76). P. 233–237.

9. Iroshnikov D. V. The concept and legal nature of a special military operation as a means of ensuring the national security of the Russian Federation // *Law in the Armed Forces – Military and Legal Review*. 2025. № 1 (330). P. 21–26.

10. Koryakin V. M., Skulakov R. M. Ensuring the territorial integrity of the Russian Federation as a task of a special military operation // *Law in the Armed Forces – Military and Legal Review*. 2025. № 7 (336). P. 52–62.

11. Kudashkin A. V., Melnik N. N. International armed conflict: important aspects in modern conditions // Law in the Armed Forces – Military and Legal Review. 2024. № 11 (328). P. 2–13.

12. Kudashkin V. V. Military-force impact of law on social relations systems : international and domestic aspects // Law in the Armed Forces – Military and Legal Review. 2024. № 10 (327). P. 85–91.

13. Naumov P. Y. Social functions of private military companies in the context of the transformation of the modern

world order // Paths to peace and security. 2023. № 2 (65). P. 207–218.

14. Pomerlian A. N., Kononov A. N., Grigoriev O. V. Adequate responses to modern terrorist challenges and threats // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3. P. 25–29.

15. Sheyrenov B. S. The Armed Forces of the Kyrgyz Republic in the system of international military organizations (CSTO, SCO) // State power and local self-government. 2014. № 4. P. 49–54.

Информация об авторах

И. В. Холиков – профессор 25 кафедры Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России, главный научный сотрудник Центра международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Т. Ю. Наумова – аспирант кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

I. V. Kholikov – Professor of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense, Chief Researcher of the Center for International Law and Comparative Law Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor;

T. Yu. Naumova – Graduate Student of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted 03.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 20.12.2025.

Научная статья

УДК 34.096

EDN: <https://elibrary.ru/apodwn>

ИИОН: 2015-0066-1/26-397

MOSURED: 77/27-011-2026-01-596

К проблеме употребления термина «интегративный» в публично-правовых науках

Александр Александрович Храмов

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия,

Khramov_alexandr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме употребления термина «интегративный» в современных публично-правовых науках. На основе анализа юридической литературы делается вывод, что в настоящее время на страницах юридической печати термин «интегративный» применительно к публично-правовым отраслям используется, как минимум, в нескольких контекстах: с позиции определения источников той или иной отрасли права, ее системы (структурных элементов), а также предмета правового регулирования (а, быть точнее – расширения). Это, однако, не означает неправильность какого-либо из указанных выше смыслов, поскольку этимология слова «интегративный», «интеграция» допускает употребление данного термина в любом из перечисленных выше контекстов.

Обосновывается, что, несмотря на полисемическое значение термина «интегративный» в государственно-правовых науках, следует четко разграничивать между собой данный термин с устоявшимся и широко употребляемым понятием «комплексной», а также «интеграционной» правовой отрасли.

Ключевые слова: «интегративное» право, публично-правовые науки, отрасль права, источники права, предмет регулирования, система права

Для цитирования: Храмов А. А. К проблеме употребления термина «интегративный» в публично-правовых науках // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 146–150. EDN: APODWN.

Original article

On the issue of using the term «integrative» in public law sciences

Alexand A. Khramov

Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk city, Russia,

Khramov_alexandr@mail.ru

Abstract. The article addresses the issue of using the term «integrative» in contemporary public law sciences. Based on analysis of legal literature, it concludes that currently the term «integrative», when applied to public-law sectors, is used at least in several contexts: with respect to determining the sources of a particular branch of law, its systemic structure (structural elements), and the scope of legal regulation (more precisely – its expansion). However, this does not imply any incorrectness of these meanings since the etymology of the words «integrative» and «integration» allows their use in all listed contexts.

It is argued that despite the polysemantic nature of the term «integrative», it should be clearly distinguished in state law studies from established and widely used terms like «comprehensive» and «integration-based» legal sector.

Keywords: integrative law, public law sciences, branch of law, sources of law, object of regulation, legal system

For citation: Khramov A. A. On the issue of using the term «integrative» in public law sciences. Bulletin of economic security. 2026;(1):146–50. (In Russ.). EDN: APODWN.

Современная юридическая наука характеризуется разнообразием взглядов на право (и законодательство как внешнюю форму его выражения), существенными

разногласиями относительно его сущности, структуры, составляющих компонентов. Среди них заметное место занимает «интегративный» подход, сменивший

традиционные представления ученых в общей теории права и отраслевых наук, в том числе – публично-правовых.

Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод, что ныне в государственно-правовых науках вслед за другими отраслями категория «интегративный» (лат. *integration* – восполнение, восстановление, от *integer* – целый) употребляется, как минимум, в нескольких аспектах. Это связано, прежде всего, с отсутствием в общей теории права единства о том, что считать «интегративной» отраслью права.

В научной литературе при исследовании отрасли права, как правило, термин «интегративный» свидетельствует о применении тем или иным автором широкого подхода к определению его источников. В публично-правовых отраслях к таковым, во всяком случае, принято относить непосредственно Конституцию РФ, которая устанавливает фундаментальные характеристики общественного устройства и статус личности, а также фиксирует структуру и иерархию источников российского права (ст. 15, 71, 72, 76 Конституции РФ). Помимо этого, как отмечает Е.В. Кривошеев, перечень источников рассматриваемых отраслей дополняют: международные соглашения РФ, общепринятые международно-правовые принципы и нормы, федеральные конституционные законы, федеральные законы, законодательные и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации [6, с. 75]. С подобной интерпретацией источников публично-правовых отраслей в целом согласны и другие ученые.

Так, рассматривая источники бюджетного права, Ю. А. Крохина выделяет официально признаваемые государством правовые формы, содержащие бюджетно-правовые предписания, относя к таковым законы, международные договоры, подзаконные нормативные правовые акты и т. д. [7, с. 123] Схожее определение источникам права дает и Д. Г. Демидов, но уже применительно к таможенной правовой отрасли [4, с. 51].

Имеются в государственно-правовых науках и позиции по признанию локальных актов в качестве правовых источников соответствующих отраслей. Так, например, О. Н. Ордина считает, что в условиях современного этапа эволюции административно-правовых связей внутриорганизационный нормативный акт приобретает значение самостоятельного источника (формы) права. Подобный акт, по мнению автора, представляет собой итог законодательно регламентированной деятельности уполномоченных субъектов конкретной организации по установлению обязательных для исполнения нормативных предписаний (локальных норм) [12, с. 181]. Также в науке административного права к источникам ее отрасли отдельные авторы относят межведомственные договоры и соглашения [13, с. 166].

Что касается налогового права, то здесь отдельные исследователи включают в число его источников, помимо прочего, судебные прецеденты и толкования компетентных государственных ведомств, получивших

благодаря действиям исполнительных органов де-факто статус нормативного документа (оформленных, как правило, в виде писем). На это, впрочем, ориентирует и содержание Постановления Конституционного суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П, где подчеркивается, что если письмо налогового ведомства вводит новые юридические положения, затрагивающие широкий круг субъектов и действующие продолжительное время, такое разъяснение обретает признаки нормативного акта [18, с. 71]. Тем не менее, указанное обстоятельство не позволяет автоматически считать изложенное выше юридически значимыми и квалифицировать данные документы в качестве источников соответствующей отрасли права, ведь, как отмечается в п. 2 Постановления Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, издание нормативных правовых актов в виде писем не допускается.

Имеется в науке и точка зрения, согласно которой к источникам публичных отраслей права следует относить правовой обычай. Несмотря на то, что последний не закреплен в письменном документе, однако он является, по мнению отдельных ученых, результатом весьма длительной сознательной совместной деятельности людей [9, с. 8].

Таким образом, с позиции интегративного подхода в публично-правовых науках нет единства относительно того, что считать источниками права. Это, в конечном итоге, негативно влияет не только на теорию, но и на правоприменительную практику, когда права и свободы человека и гражданина ограничиваются не только федеральными законами, но и документами, не являющимися нормативно-правовыми актами вообще.

В публично-правовых науках термин «интегративный» употребляется также и как признак системы той или иной отрасли права. Это позволяет ученым говорить о системе отрасли права как о категории более высокого порядка.

Так, например, в конституционном праве интегративность отрасли, по мнению О. А. Бабошина, заключается в несведении к сумме свойств образующих отрасль компонентов, а представляющих результат взаимодействия. К числу подобных качеств системы отрасли относит ее объективно-субъективный характер, единство и дифференциацию, а также динамизм [1, с. 39]. Таким образом, термин «интегративный» в указанном контексте является синонимом «целостности» (внутриотраслевой).

Говоря о формировании интегративного административного права, Н. В. Нагорных отмечает, что его суть состоит в рациональном группировании основных институтов административного права на основе идеи приоритета права и свобод человека, баланса между интересами общества и государства основе широкого политического и идеологического плюрализма [10, с. 38]. К сожалению, из данного определения точно нельзя установить, во-первых, какие институты должны вхо-

дить в рассматриваемую «интегративную» отрасль, на каких отраслевых (специфических) целях, задачи и принципах она должна строиться, во-вторых, чем отличается существующая отрасль административного права от предлагаемого автором «интегративного» ее варианта.

В свою очередь А. Н. Жеребцов, рассматривая правовое регулирование административных отношений, говорит об интегративном качестве не самой отрасли, а ее структурных элементов – подотраслей (институтов) российского административного права. Их интегративность, по мнению автора, заключается в неразрывной связанности с иными элементами в рамках отраслевой структуры современной административно правовой отрасли и одновременно с этим – самостоятельности. Автор приводит в пример формирование регионального сегмента в структуре административного права, который является одной из особенностей данной, отличающейся от иных отраслей российского права (уголовного, уголовно-процессуального и иных, формирование которых находится в федеральном ведении) [5, с. 99].

Наконец, термин «интегративный» (в отличие от дефиниции «комплексный», «полиативный» и пр.), не так часто, но все же употребляется в контексте рассмотрения вопроса о расширении предмета правового регулирования той или иной существующей (либо будущей) отрасли. Наиболее отчетливо это проявляется в работах по административному праву и обусловлено, прежде всего, отсутствием легального закрепления предмета административного законодательного регулирования, а также многозначностью понятия «государственное управление», понимания его в узком и широком смыслах.

По мнению Н. И. Петрыкиной, предмет административно-правовой отрасли неуклонно расширяется за счет появления новых общественных отношений и постоянного развития соответствующих групп законодательства [15, с. 48]. В этой связи в административно-правовой и других науках предлагается два варианта развития событий: осуществлять дифференциацию либо интеграцию отрасли. Последний подход заключается в расширении предмета административного правового регулирования за счет включения в него иных общественных отношений, но сохраняя за ними статус институтов (подотраслей) [8].

Так, например, А. В. Мингес отмечает, что предмет административно-правового регулирования должны войти отношения, связанные с созданием международных организаций, наделенных отдельными административными (квазиадминистративными) полномочиями в области осуществления межгосударственного взаимодействия и координации, надгосударственного административного регулирования, контроля в области защиты национальных и общемировых интересов по обеспечению безопасности, экономического и культурного развития различных государств и народов, и непосред-

ственного участия национальных субъектов публичного управления в их деятельности [8, с. 20–22].

В свою очередь А. М. Воронов считает, что административно-правовая отрасль в свете существующих реалий должна пониматься как отрасль, которая генетически связана с практикой защиты прав человека юридическими средствами. В предмет регулирования должны входить отношения в сфере обеспечения безопасности личности и всего гражданского общества в целом [2, с. 128].

В то же время едва ли правильно признавать «интегративным» административное право при появлении в нем новых норм и институтов, не выходящих за пределы существующих границ законодательного регулирования. В частности, речь идет о предложениях ученых [3; 11] и законодателя¹ закрепить в законодательстве об административных правонарушениях новые виды административных наказаний (административный запрет на посещение публичных и иных массовых мероприятий, пользование услугами авиаперевозчиков, ликвидация юридического лица и другое) либо новые составы административных правонарушений.

То же самое следует сказать и о случаях подмены термина «интегративный» словом «интеграционный», под которым в общем виде понимается совокупность правовых норм различного происхождения и содержания, регулирующих общественные отношения в рамках конкретной международной межгосударственной организации [17].

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что в настоящее время в публично-правовых науках термин «интегративный» используется, как минимум, в нескольких контекстах: с позиции определения (1) источников той или иной отрасли права, (2) ее системы (структурных элементов), а также (3) предмета правового регулирования (а, быть точнее – расширения). Это, однако, не означает неправильность какого либо из указанных выше смыслов, поскольку этимология слова «интегративный», «интеграция» допускает употребление данного термина в любом из перечисленных выше контекстов. В то же время в государственно-правовых науках следует четко разграничивать между собой понятия «интегративный» с устоявшимся и широко употребляемым понятием «комплексной», а также «интеграционной» правовой отрасли.

Библиографический список

1. Бабошин О. А. Система отрасли конституционного права : вопросы формирования и структурного содержания // Российский юридический журнал. 2000. № 3 (27). С. 37–44.

¹ Проект Федерального закона № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» / URL:// https://www.consultant.ru/law/doc/pr_koan/

2. Воронов А. М., Гоголев А. М. К предмету административного права современной России // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21, № 1 (97). С. 125–130.

3. Голованова Т. В. Перспективы и пути правового развития административных наказаний в Российской Федерации // Вестник Университета «Кластер». 2022. № 3 (3). С. 26–37.

4. Демидов, Д. Г. Интеграционные процессы и их влияние на систему источников российского Таможенного права // Время и право. 2012. № 4. С. 51–53.

5. Жеребцов А. Н. Концепция регионального административного права и его место в системе современного российского права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 96–101.

6. Кривошеев Е. В. Договоры как источники публичного права // Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 1. С. 74–78.

7. Крохина Ю. А. Исторические предпосылки и современные тенденции в определении источников бюджетного права // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 1-1. С. 119–125.

8. Мингес А. В. Разделение властей и предмет административного права // Полицейское право. 2005. № 1 (1). С. 20–22.

9. Миронова И. Н. Правовой обычай как источник современного российского публичного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

10. Нагорных Р. В. Теоретические модели построения системы российского административного права // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2020. Т. 10. № 3. С. 38–48.

11. Овакимян К. Б. Проблемы административной ответственности за нарушение требований, предъявляемых к экономической концентрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. (7). С. 39–49.

12. Ордина О. Н. Локальные нормативные акты как источники административного права Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 177–182.

13. Ордина О. Н. Межведомственные договоры и соглашения как источники административного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: право. 2008. С. 166–167.

14. Петров М. П. Единство предмета административного права в условиях дальнейшей дифференциации публичного управления // Российское право онлайн. 2017. № 3. С. 5–20.

15. Петрыкина Н. И. О некоторых аспектах развития российского административного права на современном этапе // Право и управление. XXI век. 2017. № 2 (43). С. 45–53.

16. Сидоров В. Н. Нормы «soft law» как источник таможенного права таможенного союза // Государственный аудит. Право. Экономика. 2012. № 4. С. 161–165.

17. Хорошаев Е. С. Становление и регулирование интегративного фискального права ЕС // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 1 (74). С. 101–109.

18. Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И. Парадигма источников налогового права : теоретическое переосмысление // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 69–74.

Bibliographic list

1. Baboshin O. A. System of Constitutional Law Branch : Issues of Formation and Structural Content // Russian Journal of Law. 2000. № 3 (27). P. 37–44.

2. Voronov A. M., Gogolev A. M. On the Subject Matter of Administrative Law in Modern Russia // Bulletin of Financial University. 2017. Vol. 21, № 1 (97). P. 125–130.

3. Golovanova T. V. Prospects and Ways of Legal Development of Administrative Penalties in the Russian Federation // Bulletin of Cluster University. 2022. № 3 (3). P. 26–37.

4. Demidov D. G. Integration Processes and Their Impact on the System of Sources of Russian Customs Law // Time and Law. 2012. № 4. P. 51–53.

5. Zherebtsov A. N. Concept of Regional Administrative Law and Its Place in the System of Contemporary Russian Law // Legal Herald of Kuban State University. 2020. № 2. P. 96–101.

6. Krivosheev E. V. Treaties as Sources of Public Law // Legal Paradigm. 2018. Vol. 17, № 1. P. 74–78.

7. Krokhina Yu. A. Historical Preconditions and Current Trends in Determination of Budgetary Law Sources // Questions of Russian and International Law. 2019. Vol. 9, № 1-1. P. 119–125.

8. Minges A. V. Separation of Powers and Subject Matter of Administrative Law // Police Law. 2005. № 1 (1). P. 20–22.

9. Mironova I. N. Legal Custom as Source of Modern Russian Public Law : Abstract of PhD Dissertation. M., 2009. 25 p.

10. Nagorykh R. V. Theoretical Models of Building the System of Russian Administrative Law // Bulletin of Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. 2020. Vol. 10, № 3. P. 38–48.

11. Ovakimyan K. B. Problems of Administrative Responsibility for Violations of Requirements Imposed on Economic Concentration // Bulletin of Kutafin University. 2022. № 7. P. 39–49.

12. Ordina O. N. Local Normative Acts as Sources of Russian Administrative Law // Actual Problems of Russian Law. 2009. № 3. P. 177–182.

13. Ordina O. N. Interdepartmental Agreements and Contracts as Sources of Administrative Law // Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Series : Law. 2008. P. 166–167.

14. Petrov M. P. Unity of Subject Matter of Administrative Law Amid Further Differentiation of Public Administration // Online Russian Law. 2017. № 3. P. 5–20.

15. Petrykina N. I. On Certain Aspects of Development of Russian Administrative Law at Present Stage // Law and Governance. XXI Century. 2017. № 2 (43). P. 45–53.

16. Sidorov V. N. Soft Law Rules as Source of Custom Union's Customs Law // State Audit. Law. Economy. 2012. № 4. P. 161–165.

17. Khorochaev E. S. Establishment and Regulation of Integrative Fiscal Law of EU // Humanities and Social-Economic Sciences. 2014. № 1 (74). P. 101–109.

18. Eriashvili N. D., Grigoriev A. I. Paradigm of Tax Law Sources : Theoretical Reconsideration // Bulletin of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2. P. 69–74.

Информация об авторе

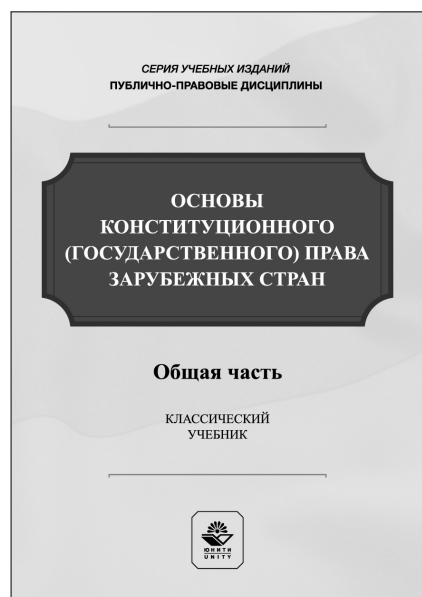
А. А. Храмов – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Khramov – Associate Professor of the Department of Criminal Executive Law and Organization of Execution of Punishments Not Involving Isolation of Convicted Persons from Society of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Основы конституционного государственного права зарубежных стран. Общая часть. Учебник. Под ред. Б. С. Эбзеева, Г. А. Гаджиева, Л. Т. Чихладзе, Т. Э. Каллагова. 367 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены основные проблемы учебной дисциплины «Конституционное (государственное) право зарубежных стран». В Общей части учебника дана характеристика источников конституционного (государственного) права зарубежных стран, освещено содержание конституционно-правовых институтов.

Как в подстрочнике, так и в самом тексте предложены различные точки зрения известных российских и зарубежных правоведов и общественных деятелей, что предоставляет студентам возможность самостоятельного размышления над вопросами, изложенными в главах учебника. Широко представлена национальная судебная практика как различных стран, так и Европейского суда по правам человека.

Для студентов юридических вузов и факультетов всех форм обучения, аспирантов, обучающихся по социально-гуманитарным специальностям. Может быть полезен практическим работникам и преподавателям отраслевых обществоведческих и юридических дисциплин.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/auffga>

НИОН: 2015-0066-1/26-398

MOSURED: 77/27-011-2026-01-597

Конституционно-правовые и организационные основы местного самоуправления в единой системе публичной власти Российской Федерации

Наталья Михайловна Чепурнова¹, Максим Константинович Штепа²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

¹ chepurnovana@mail.ru

² mmmshtepa@gmail.com

Аннотация. Анализируются изменения нормативного правового регулирования статуса, роли и места местного самоуправления в Российской Федерации в контексте Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»; исследуется процесс изменения полномочий и соотношения местного самоуправления с органами государственной власти федерального уровня и субъектов федерации, изменения правовой природы местного самоуправления в качестве полноценного элемента единой системы публичной власти. Авторами обоснованы институциональные аспекты местного самоуправления в системе публичной власти, исследован обновленный подход конституционно-правового регулирования местного самоуправления, проанализированы юридические механизмы интеграции местного самоуправления в систему публичной власти.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, публичная власть, местное самоуправление, единая система публичной власти, конституционно-правовое регулирование

Для цитирования: Чепурнова Н. М., Штепа М. К. Конституционно-правовые и организационные основы местного самоуправления в единой системе публичной власти Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 151–156. EDN: AUFFGA.

Original article

Constitutional and legal and organizational foundations of local self-government in the unified system of public authority of the Russian Federation

Natalia M. Chepurnova¹, Maxim K. Shtepa²

^{1,2} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹ chepurnovana@mail.ru

² mmmshtepa@gmail.com

Abstract. Analyzed the changes in the regulatory legal regulation of the status, role and place of local self-government in the Russian Federation in the context of the Federal Law «On general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority»; examined the process of changing the powers and the relationship of local self-government with state authorities at the federal level and subjects of the Federation, changes in the legal nature of local self-government as a full-fledged element a unified system of public authority. The authors substantiate the institutional aspects of local self-government in the system of public authority, explore an updated approach to constitutional and legal regulation of local self-government, and analyze the legal mechanisms for integrating local self-government into the system of public authority.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, public authority, unified system of public authority, local self-government, constitutional and legal regulation

For citation: Chepurnova N. M., Shtepa M. K. Constitutional and legal and organizational foundations of local self-government in the unified system of public authority of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(1): 151–6. (In Russ.). EDN: AUFFGA.

© Чепурнова Н. М., Штепа М. К., 2026

Конституционно-правовая реформа 2020 г., ознаменовавшая внесение поправок в главы 3–8 Конституции Российской Федерации 1993 г., дала импульс масштабному процессу формирования нормативно-правовой базы, призванной обеспечить условия и механизмы реализации конституционных новелл. Реформирование системы организации государственной власти и местного самоуправления продолжается по сей день: учреждаются новые правовые институты, законодательно закрепляются принципы функционирования местного самоуправления как на уровне субъектов федерации, так и на общефедеральном уровне, последовательно формируется система публичной власти в стране. Ключевыми вехами данного процесса стали принятие Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», а также, в особенности, Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [1; 2]. Названный акт занимает центральное место в архитектуре отечественной системы публичного управления: именно в нем получает нормативное воплощение глубокая трансформация конституционно-правового статуса местного самоуправления. Анализ законодательных новелл позволяет выявить принципиально иные подходы к организации муниципальной власти, затрагивающие само основание ее построения и характер взаимоотношений с институтами государственной власти как регионального, так и федерального уровня. По существу, принятый закон представляет собой логическое завершение и нормативное оформление той структурно-организационной и концептуальной смены парадигмы, которая была инициирована в ходе конституционной реформы 2020 г. Сердцевиной указанной трансформации стало кардинальное переосмысление сущности и правового положения местного самоуправления в иерархии публичных институтов.

Для более полного осмысления масштаба происходящих изменений целесообразно обратиться к характеристикам предшествующего периода развития местного самоуправления, начало которому положило принятие в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ. Отличительной чертой той эпохи являлась содержащаяся в законе дефиниция, трактовавшая местное самоуправление как «форму осуществления народом своей власти» [3]. Подобная формулировка акцентировала автономный, суверенный характер муниципальной власти, последовательно разграничивая ее с властью государственной. Соответствующее понимание находило прямое закрепление в ч. 3 ст. 12 Конституции Российской Федерации, которая провозглашала самостоятельность местного самоуправления и тем самым проводила четкую разделительную линию между системой органов государственной власти и системой органов местного самоуправления [4]. Конституционно-правовое регулирование того периода было ориентировано на создание модели, где

самостоятельность выступала базовым принципом для двух уровней публичной власти, каждый из которых обладал собственной сферой компетенции, перечнем прав и полномочий, а также самостоятельными механизмами легитимации. Ретроспективная оценка показывает, что подобное разграничение оказывало негативное воздействие на эффективность социального управления и на качество взаимодействия между уровнями публичной власти.

Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» коренным образом меняет устройство и логику взаимодействия двух обозначенных уровней государственного и социального управления. Уже из самого наименования закона вытекает формирование нового статуса местного самоуправления, причем с двойственной характеристикой: с одной стороны, единство системы публичной власти служит предпосылкой для органичной интеграции в нее местного самоуправления, с другой – системный характер и свойство единства публичной власти представляют собой следствие эволюции как институционального, так и функционального содержания местного самоуправления как разновидности социального управления.

Статья 1 рассматриваемого закона прямо закрепляет вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти Российской Федерации [5]. Тем самым законодатель предлагает иную – интеграционную модель взаимоотношений, приходящую на смену прежней, основанной на доминировании принципа самостоятельности и институциональной обособленности. Принципиально важно, что новая модель сохраняет трехуровневую архитектуру публичного управления. Согласно ч. 6 ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [5]. Перед нами, таким образом, гибридная конструкция: органы местного самоуправления признаются неотъемлемой частью единой системы публичной власти и одновременно сохраняют обособленность от системы органов государственной власти. Как справедливо отмечается в литературе, рассматриваемая модель фактически замещает принцип разделения и взаимодействия принципом функциональной целостности и координированной деятельности всех элементов системы [1].

Существенному переосмыслению подверглось и легальное определение местного самоуправления. Если прежнее законодательство акцентировало его политическую природу как формы осуществления народовластия [3], то Федеральный закон № 33 определяет его как «признаваемую и гарантируемую Конституцией Российской Федерации форму самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти» [5]. На первый взгляд, речь идет о незначительной лингвистической корректировке, однако подобная трактовка несет

в себе глубокий смысловой сдвиг: акцент перемещается с политического суверенитета, выражаемого через народное волеизъявление, на организационно-функциональное измерение – саму самоорганизацию граждан как проявление народовластия [6]. Местное самоуправление больше не трактуется как автономная форма народовластия: отныне оно позиционируется как инструмент функционального воплощения народовластия, органически встроенный в схему общегосударственного устройства. Закон № 33 конкретизирует целевую направленность местного самоуправления, указывая на решение «вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения».

С концептуальной точки зрения, Федеральный закон № 33 органично вписывается в законодательную логику развития и детализации конституционных норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с организацией и функционированием системы публичной власти в России. Закон закрепляет как принципы правового регулирования местного самоуправления, так и принципы его территориальной организации: автономию местного самоуправления в пределах установленной компетенции, запрет подчинения одного муниципального образования другому, зависимость от федерального и регионального законодательства, а также учет специфических локальных условий. Сказанное позволяет заключить, что новый закон призван не декларировать формальную интеграцию различных уровней власти под эгидой единой системы, а создать реальные правовые основы для гармоничного сочетания элементов публичной власти при сохранении относительной самостоятельности местного самоуправления.

Вместе с тем признание позитивных сторон новой системы не исключает критического анализа ее недостатков. Высказывается мнение, что интеграция местного самоуправления в систему публичной власти несет в себе риск восприятия данного процесса как органического слияния, способного подорвать статус местного самоуправления как полноценной формы народовластия [7]. Профессор Е. С. Шугрина обращает внимание на недостаточную проработанность терминологического аппарата закона: в частности, отсутствие легальных дефиниций таких ключевых понятий, как «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», способно породить правовую неопределенность и разночтения в правоприменительной практике [8].

Трансформация концептуального статуса местного самоуправления, нашедшая законодательное закрепление в Федеральном законе № 33-ФЗ, представляет собой безусловную новеллу: она означает переход от модели, основанной на разделении и равноправном партнерстве двух уровней публичной власти, к модели, предполагающей функциональную интеграцию и координацию в рамках единого государственного устройства. Подготовленный конституционной реформой 2020 г., указанный

переход получил законодательное оформление через новое определение местного самоуправления как «формы самоорганизации граждан» и его включение в «единую систему публичной власти». Несмотря на сохранение формальной обособленности муниципальных органов от системы государственной власти, практическая реализация новых норм может повлечь усиление вертикали власти и сужение самостоятельности местного самоуправления – обстоятельство, которое, без сомнения, станет предметом дальнейших научных дискуссий и правовых оценок.

Среди практически значимых нововведений Федерального закона № 33, связанных с переходом от модели самостоятельного разделения к интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти, особого внимания заслуживает пересмотр системы распределения полномочий. Именно компетенционное измерение реформы является ключевым, поскольку объем и содержание полномочий определяют функциональную роль органа власти и степень его влияния на повседневную жизнь граждан. Важным нововведением выступает замена понятия «вопросы местного значения» на «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», вокруг которых выстраивается вся система полномочий органов местного самоуправления. Федеральный закон № 33 формирует трехкомпонентную систему полномочий.

Первую группу составляют полномочия, не подлежащие перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Речь идет о ядре компетенций, без которых само существование муниципального образования утрачивает смысл. К ним относятся принятие и изменение устава, подготовка и утверждение местного бюджета, осуществление финансового контроля, управление муниципальной собственностью, установление местных налогов и сборов, организация выборов и референдумов, ведение антикоррупционной работы, обеспечение гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также ряд иных функций, непосредственно связанных с жизнедеятельностью населения [5]. Принципиальным отличием полномочий этой группы является их абсолютная неделимость: ни одно из них не может быть передано иному уровню публичной власти, что служит гарантией минимального объема компетенций для каждого муниципального образования.

Вторую группу образуют полномочия, которые могут быть перераспределены в пользу органов государственной власти субъекта Российской Федерации путем принятия соответствующего регионального закона. К ним относятся жилищно-коммунальное хозяйство, обеспечение малоимущих граждан жилыми помещениями, организация образования всех уровней – от дошкольного до среднего, развитие культуры и спорта, поддержка малого и среднего предпринимательства и ряд других сфер [5]. Подобный механизм предоставляет

органам публичной власти субъекта Федерации возможность централизовать управление в важнейших отраслях жизнеобеспечения, принимая на себя прямую ответственность за их реализацию. Применительно к органам местного самоуправления это означает возможное сужение их роли в соответствующих сферах, хотя одновременно освобождает их от необходимости самостоятельно решать сложные финансовые и организационные задачи.

Третья группа охватывает полномочия, которые органы государственной власти субъекта Российской Федерации вправе возложить на органы местного самоуправления. Речь идет о компетенциях, изначально отнесенных к уровню субъекта Федерации: дорожная деятельность, организация транспортного обслуживания населения, градостроительство, обеспечение экологической безопасности, гражданская оборона и иные направления [5]. При делегировании таких полномочий законодатель требует их финансово-бюджетного обеспечения.

Трехкомпонентная система полномочий представляет собой не просто техническое усовершенствование, но фундаментальный инструмент реорганизации механизма функционирования властной вертикали. Она обеспечивает гибкий и дифференцированный подход к распределению компетенций в каждом конкретном субъекте Российской Федерации, позволяя адаптировать их к местным условиям. Анализ ст. 32 Федерального закона № 33-ФЗ показывает, что перечень гарантированных муниципальных полномочий носит закрытый характер и количественно уступает тем категориям, где допускается перераспределение. Такое смещение регулятивного акцента с децентрализации на управляемую ротацию полномочий обосновывается стремлением обменять формальную, но плохо обеспеченную самостоятельность на повышение эффективности управления в рамках целостной системы публичной власти.

Экономическое измерение изменений в правовом регулировании местного самоуправления заслуживает отдельного рассмотрения: бюджетная обеспеченность полномочий выступает одним из ключевых факторов, предопределяющих как их распределение, так и качество исполнения. По данным Министерства финансов Российской Федерации за 2023 г., более 50 % муниципалитетов получали субсидии, превышающие 20 % от их собственных доходов, а 93 % являлись получателями субвенций [1], – все это свидетельствует о высокой степени финансовой зависимости муниципальных образований. Закон № 33 нацелен на решение данной проблемы посредством принципа пропорциональности полномочий и их финансового обеспечения. По оценке одного из авторов законопроекта, председателя Комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинникова, именно этот принцип является центральным в новой модели самоуправления [9].

Складывающаяся система построения местного самоуправления проявляется не только через перечисленные характеристики, но и через принципы, заложенные законодателем при правовом регулировании распределения полномочий между уровнями публичной власти и их материально-финансового обеспечения. Анализ положений Федерального закона № 33 позволяет констатировать формирование новых правовых и организационных подходов к взаимодействию государственной власти и местного самоуправления на основе принципов согласованности и эффективности, внедрение механизмов перераспределения и делегирования полномочий при обеспечении их бюджетного покрытия. Подобный подход направлен на создание организационной и финансовой базы для реального исполнения полномочий органами всех уровней публичной власти и прежде всего органами местного самоуправления – на смену декларативному закреплению полномочий приходит их наполнение реальным содержанием.

Федеральный закон № 33-ФЗ, закрепляя интеграцию местного самоуправления в единую систему публичной власти, вводит ряд существенных изменений в организационные основы деятельности органов местного самоуправления. Среди них следует выделить реформу порядка формирования главы муниципального образования. Часть 2 ст. 19 закона устанавливает альтернативные механизмы его избрания: на муниципальных выборах; представительным органом муниципального образования из своего состава; представительным органом из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации; наконец, представительным органом из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией по результатам конкурса [5, ч. 2 ст. 19]. Закрепление столь разнообразных механизмов легализует участие региональных органов власти в кадровых процессах на муниципальном уровне и тем самым усиливает их влияние на деятельность органов местного самоуправления.

Помимо этого, принятый закон наделяет главу региона правом издавать акт об отрешении от должности руководителя муниципального образования. Основаниями для этого служат два состава правонарушений, подтвержденных в судебном порядке: во-первых, принятие муниципальным главой нормативного правового акта, противоречащего Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству или иным нормативным документам; во-вторых, совершение должностным лицом действий, повлекших нарушение прав и свобод граждан, создавших угрозу территориальной целостности страны, либо нецелевое использование средств межбюджетных трансфертов [5]. Указанный механизм формирует систему вертикального контроля, при которой должностное лицо субъекта Российской Федерации располагает реальными правовыми инструментами воздействия на органы местного самоуправления.

В части территориальной организации закон ориентируется на переход к преимущественно одноуровневой модели, отказываясь от традиционной двухуровневой системы, предполагавшей деление на районы и поселения. Ряд исследователей полагает, что одноуровневая модель позволит более рационально использовать бюджетные ресурсы, выравнивать финансирование и повышать качество оказываемых населению услуг [1]. Одновременно законодатель допускает сохранение двухуровневой системы там, где это обусловлено социально-экономическими, историческими, национальными и иными особенностями конкретного муниципалитета. Закрепляемые законом принципы территориальной организации местного самоуправления выполняют двоякую функцию – инструмента унификации и механизма адаптации территориальной конфигурации органов местного самоуправления к географическим и социально-экономическим реалиям страны. Существенная роль при этом отводится субъектам Российской Федерации как субъектам территориального размежевания: именно региональные законы устанавливают и изменяют границы муниципальных образований, определяют применение исключений и регулируют особенности управления в зонах традиционного природопользования.

Таким образом, Федеральный закон № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» знаменует законодательное оформление системной реорганизации публично-властной вертикали в Российской Федерации. Внесенные изменения фиксируют отказ от концепции автономии местного самоуправления по отношению к государственной власти в пользу его органичного включения в общую систему публичного управления. Интеграция проявляется в трансформации правового положения муниципалитетов, перераспределении их полномочий, корректировке организационных основ и обновлении форматов взаимодействия с гражданами. Ключевым изменением выступает переосмысление самой сущности местного самоуправления: закрепляя присутствие муниципальных органов в единой системе публичной власти, федеральный законодатель вместе с тем подчеркивает их институциональную обособленность от системы органов государственной власти. Замена дефиниции «формы осуществления народом своей власти» определением «форма самоорганизации граждан» отражает глубинную переориентацию предмета правового регулирования: акцент смещается с реализации народного суверенитета на организацию и повседневное функционирование публичных институтов.

Список источников

1. Особенности конституционно-правового регулирования местного самоуправления в условиях реформы // Вестник Казанского университета. 2025.

2. Алимов Э. М. Муниципальная реформа : как новый закон повлияет на местное самоуправление // URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/alimov_email/1804356/

3. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. до 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 67.

5. Федеральный закон от 20 марта 2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1156.

6. Путеводитель по реформе местного самоуправления : ключевые изменения ФЗ-33 и их последствия для муниципалитетов // Закон.ру. 2025.

7. Новый закон о местном самоуправлении : начало нового этапа дискуссий и обсуждений // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-zakon-o-mestnom-samoupravlenii-nachalo-novogo-etapa-discussiy-i-obsuzhdeniy/>

8. Читаем новый федеральный закон о местном самоуправлении // URL: <https://www.budget.ru/article/505704.php/>

9. Полномочия органов местного самоуправления в новых законодательных условиях // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-novyh-zakonodatelnyh-usloviyah/>

References

1. Features of the constitutional and legal regulation of local self-government in the context of the reform // Bulletin of Kazan University. 2025.

2. Alimov E. M. Municipal reform : how the new law will affect local government // URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/alimov_email/1804356/

3. Federal Law of October 6, 2003 № 131-FZ «On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation» (as amended dated 20.03.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822.

4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended until 20.03.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1993. № 2. Art. 67.

5. Federal Law of March 20, 2025 № 33-FZ «On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 12. Art. 1156.

6. Guide to the reform of local government : key amendments to FZ-33 and their consequences for municipalities // Закон.ru. 2025.

7. The new law on local self-government : the beginning of a new stage of discussions and discussions // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyiy-zakon-o-mestnom-samoupravlenii-nachalo-novogo-etapa-discussiy-i-obsuzhdeniy/>

8. We are reading the new federal law on local self-government // URL: <https://www.budget.ru/article/505704.php/>

9. Powers of local self-government bodies in the new legislative conditions // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-novykh-zakonodatelnyh-usloviyah/>

Информация об авторах

Н. М. Чепурнова – заведующая кафедрой междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции Высшей школы правоведения юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

М. К. Штепа – аспирант Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the authors

N. M. Chepurnova – Head of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence of the Higher School of Law of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

M. K. Shtepa – Postgraduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/awcdik>

NIION: 2015-0066-1/26-399

MOSURED: 77/27-011-2026-01-598

Цифровая среда и цифровое право: структурные и генетические связи (закономерности)

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. В условиях бурно развивающихся цифровых технологий создание нового – цифрового права, которому аналоговое право должно уступить свое место, приобретает экзистенциальное значение. Вопросы о том, каким должно быть новое право и присущий ему инструментарий; в какой мере цифровые регуляторы и собственно правовые регуляторы могут взаимодействовать в цифровой среде; уступают ли нормы права (традиционный правовой регулятор) присущую им роль в механизме социальной регуляции программному коду; какова роль так называемых универсальных или общих (исходных, отправных) правовых регуляторов, среди которых особое место принадлежит принципам права, и др. – предмет анализа данной статьи.

Ключевые слова: аналоговое право, традиционные правовые регуляторы, цифровые регуляторы, программный код, избыточность правового регулирования цифровой среды, пробел в позитивном праве, принципы права как правовое основание разрешения дела

Для цитирования: Червонюк В. И. Цифровая среда и цифровое право: структурные и генетические связи (закономерности) // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 157–161. EDN: AWCDIK.

Original article

Digital environment and digital law: structural and genetic relationships (patterns)

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. In the context of rapidly developing digital technologies, the creation of a new digital law, which analog law must give way to, is becoming increasingly important. The following questions: what kind of the new law and its tools should be like; to what extent digital regulators and legal regulators can interact in the digital environment; whether legal norms (traditional legal regulators) are being replaced by software code in the mechanism of social regulation; and the role of so-called universal or general (initial) legal regulators, including the principles of law, – all are the subjects of this article.

Keywords: analog law, traditional legal regulators, digital regulators, software code, redundancy of legal regulation of the digital environment, gap in positive law, principles of law as a legal basis for resolving a case

For citation: Chervonyuk V. I. Digital environment and digital law: structural and genetic relationships (patterns). Bulletin of economic security. 2026;(1):157–61. (In Russ.). EDN: AWCDIK.

Оценка современной правовой реальности, в том числе основанная на анализе множества актов стратегического планирования, с высокой степенью вероятности позволяет сделать вывод о том, что необходимость найти место праву, а значит и государству в условиях агрессивно утверждающейся цифровизации, прежде всего (но не только) для развивающейся экономики, имеет экзистенциальную значимость [1]. Действительно, совпавшая в том числе с «эпохой глубинной трансформации», «макросдвигом» [2], социальным «фазовым

переходом» [3], цифровизация в условиях окончания первой четверти XXI в., действительно, создает новую реальность, технологическую, или цифровую, среду, отличную от привычного для человека физического мира – среду его обитания. Стремительно развивающаяся и постоянно раздвигающая границы своего влияния, цифровая среда вовлекает в орбиту своего влияния едва ли не каждого человека, множество людей разных возрастных групп, национальностей, верований, культур, социального статуса, при этом существенно изменяя ха-

ракетер межличностных коммуникаций, воздействуя на психику отдельного человека и больших групп людей. При этом, подчиняя интересы и мотивацию людей своему воздействию, не желающая действовать в границах права и морали, цифровая среда формирует образы и стандарты человеческих действий и поступков, которые принципиально отличны от общепринятых и социально допустимых в современном социуме.

То обстоятельство, что цифровое пространство, в том числе охватывается сферой действия права становится все более очевидным. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, как эта специфическая и до сих пор непознанная сфера правового регулирования может и должна быть урегулирована правом. Сформировавшиеся и раздвигающие пределы своего влияния виртуальная и дополненная цифровые реальности весьма избирательно относятся к директивным и централизованным средствам социальной регуляции. Соответственно, возникает ряд принципиально новых для национально-го законодателя вопросов: в каких пределах цифровое пространство может быть частью действия права и в каких оно недоступно для него; как цивилизовать возникающие в данной сфере отношения, снизить порог конфликтности сталкивающихся в нем различных интересов; применимы ли традиционные средства регуляции для упорядочения разнообразных информационных отношений или же нужен поиск инновационных регуляторов (в том числе не являющихся по своей природе правовыми регуляторами); можно ли рассматривать цифровую среду – виртуальную и дополненную реальность – как целостный объект правового регулирования или же оно поддается правовому опосредствованию на локальных участках [4, с. 502–536].

Принципиально важен в этой связи вопрос о том, как в этой новой гипертитуации должно реагировать право, способно ли оно встроиться в цифровую среду, при этом будучи не тормозом, а драйвером развития в ней инновационного и прогрессивного, оказывается чрезвычайно злободневным и сохраняет экзистенциальную значимость¹. В том случае если право не способно будет в новой для него цифровой среде действия «навязывать» присущие ему стандарты поведения, используя в этих целях универсальные способы и средства правового воздействия, то оно (право) утратит свою самобытность и качество социального регулятора². Следо-

вательно, и государство в этой ситуации должно будет покинуть сферу «обитания» цифровых технологий. Как известно, не только природа не терпит пустоты: неурегулированность цифровой среды способна привести к тому, что огромная по размерам серая зона, или цифровое пространство, будет наводнена квазирегуляторами и теневыми структурами их обеспечения. В таком случае ситуация неурегулированности в сфере экономики 1990-х гг. станет неизбежной и в новейших условиях; уход государства и его структур из цифровой среды одновременно повлечет за собой неиспользование правового ресурса и, соответственно, даже в минимальной степени юридикацию цифровых технологий, а следовательно, исключает придание процессам цифровой среды цивилизованного характера.

Можно соглашаться или не соглашаться с мнением о том, что под влиянием технологий сформировано право XXI в., принципиально перестроены национальные правовые системы. Однако нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что не без влияния цифровизации наблюдается диверсификация нормативности правовых регуляторов. Не утрачивая присущей ему регулятивной самобытности, право вместе с тем наполняется новым содержанием; существенным изменениям подвержено правовое регулирование, титульная особенность которого – переориентация средств правовой регуляции. При этом нормы права не уступают место программному коду и не утрачивают присущего им специально-юридического своеобразия. Хотя, конечно, все более очевидной становится необходимость диверсификации правовых регуляторов в данной сфере. Одновременно наряду с действием норм права все большее значение приобретают так называемые универсальные, или общие (исходные, отправные), правовые регуляторы, среди которых особое место принадлежит принципам права.

В то же время был бы преждевременным вывод о том, что право и нарождающаяся цифровая среда оказались полностью несовместимыми. Хотя, безусловно, в данном случае «не срабатывает» попытка решения проблемы с позиции традиционных представлений о правовом регулировании, его механизме. Как показывает анализ, требуется принципиально иной – *инновационный* – подход к оценке правового опосредования цифрового пространства, базирующийся на принципиально иной парадигме. Суть новой парадигмы применительно к радикально меняющейся правовой реальности может быть представлена следующим образом: цифровая среда есть относительно обособленная область действия права, отличающаяся особым субъектным составом, специфическими юридическими фактами и возникающими на их основе юридическими связями, содержанием правового поведения участников таких связей, трансграничной и внутригосударственной сферами их распространения, качественно иными пределами государственного регулирования (вмешательства), сочетанием «мягких» и жестких средств правового воздействия, имеющих целью обеспечить баланс свободы и

¹ Право действительно обладает мощной созидательной силой. Однако фетишизация его возможностей, как это представляется не только для среды политического истеблишмента, способна придать ему обратный эффект. В этой связи, мягко говоря, чрезмерно оптимистичен тезис о том, что право «создатель социальной реальности» [5].

² В контексте приведенных рассуждений о соотношении «старого» («аналогового») и «нового» («цифрового») права напрашивается еще одно соображение: если цифровое право «отменяет» «классическое» право, то можно ли его считать правовым регулятором и обозначать лексемой «цифровое право»; и не лучше бы к таким характеристикам цифровых регуляторов подошло название «цифровое неправое» (цифровой экономики прежде).

безопасности в цифровой среде; цифровая среда идентифицируется типологией интересов, взаимодействующих в цифровой среде субъектов, специально-юридической природой регуляторного воздействия, особенной предрасположенностью к механизмам саморегулирования.

Вместе с тем в западной и отечественной доктрине и на практике сложилось довольно устойчивое убеждение относительно связи права и цифровизации, суть которой, если коротко, может быть выражена следующим образом: право – это тормоз на пути внедрения новых цифровых технологий. Считается приемлемым «к употреблению» рецепт – мультиплицируемая идея профессора права Гарвардского университета Лоуренса Лессига – о программном коде, признаваемом в качестве базовой и первичной единицы (средства) регулирования. Несмотря на то, что программный код мыслится как программная оболочка, или алгоритм, позволяющий ему в том числе функционировать как системе, *он квалифицируется* заменителем нормы права или новым правовым регулятором. Соответственно, в предложенной версии программный код, а не норма права непосредственно задает границы должного и возможного для участников правоотношений, взаимодействующих только посредством программного обеспечения. По буквальному выражению Ф. Лессига, «право найдет воплощение в программном коде»¹.

Понятно, что вместе с применением робототехники, искусственного интеллекта в производственных процессах особенно возрастает роль собственно так называемых цифровых регуляторов, которые лишь отчасти или и вовсе не имеют юридической природы, при том, что технико-юридически исключается возможность перевести их на язык права. Однако отмеченное не следует понимать так, что вместе с этим происходит замена (читай: отмена) действия собственно правовых регуляторов. Принципиально важно здесь и то обстоятельство, что программный код может быть модифицирован, перепрограммирован (даже если он и будет защищен авторским правом), действуя в таком случае *ad hoc* и не обладая свойством нормативного регулятора. Несложно в этом случае предположить, что его (программного кода) регулятивные возможности могут быть применены для иных целей, помимо тех, для достижения которых он был создан. Соответственно, нормативные свойства программного кода оказываются весьма ограниченными и несопоставимыми с регулятивным потенциалом классического регулятора. Что также особо значимо: регулирование посредством программного кода невозможно в соответствии с устоявшимися ценностями, идеями или этикой, которая закладывается разработчиками, производителями и контролерами программного и инфраструктурного обеспечения работы Интернета [6, с. 32].

Итак, из приведенных рассуждений вывод методологического свойства может быть сформулирован следующим образом: цифровой среде противодействует не право, а попытка адаптировать к этой среде традиционные правовые регуляторы.

Отсюда необходимо обратить внимание на обстоятельство, которое применительно к обсуждаемой проблеме имеет принципиальное методологическое значение. Далеко не отдельными авторами в новейшей литературе настойчиво постулируется мысль о том, что от права в условиях цифровизации требуется немного, а именно: уже имеющимися у него ресурсами сопроводить внедряемые в практику новации экономического характера; по этой логике право-де следует за технологиями, чем, собственно, его миссия и исчерпывается [в частности, 7, с. 33–40, 190–195 и др.]. Однако, как показывает обстоятельный анализ проблемы, подобные суждения отличает глубокое заблуждение, указывающее на недооценку сути трансформации среды действия права в радикально изменяющихся условиях. В действительности речь идет о принципиально ином, а именно: о поиске нового права. Говоря иначе, цифровая среда требует цифровое право, при том не слегка адаптированное, а *новое право*, существенно и сущностно отличающееся от аналогового права. Если основываться на материалах проведенного исследования, мнению экспертного сообщества, оценке формирующихся в новых условиях законодательных стратегий, то решение данной проблемы может быть представлено именно таким образом.

Данный вывод подтверждается практическими мерами, реализующихся в контексте современных законодательных стратегий – осуществлением правотворческой экспериментальной деятельности, как раз и призванной доказать совместимость права и цифровой экономики, права и цифровой среды вообще. Думается, что именно для достижения такой цели применительно к отдельным сегментам цифровой среды реализуются законодательные стратегии в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [8]. Представляется, что данный Закон следует рассматривать в качестве способа (механизма) нахождения баланса между агрессивно утверждающимися цифровыми технологиями (или частным интересом преимущественно) и цивилизованными и современными механизмами их юридического сопровождения, т. е. внедрения в жизнь (публичным интересом). В этой связи применительно к данной сфере актуализируется проблема правового эксперимента².

¹ Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Цит. по: Амелин Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий : монография / Р. В. Амелин, С. Е. Чанов. М. : Норма, 2023. С. 45.

² То обстоятельство, что концепт экспериментов в праве оказался в фокусе внимания форума – большая заслуга его организаторов, а равно и участников, вовлеченных в данный дискурс. Чувство нового и так необходимого стране, следовательно, не остается без внимания исследовательской среды юридического сообщества.

В данном контексте логичен вопрос принципиальной значимости о том, в каких формах и посредством каких инструментов (читай: правовых регуляторов) право может влиять на цифровые интеракции, имея в виду, что все, что было известно о данном регуляторе, оказывается неработающим или если не утрачивает своего значения, то требует существенной модификации – трансформированным до такой степени, что традиционные представления о праве практически утрачивают свое значение.

В силу отмеченного важное значение имеют новые подходы к использованию таких правовых регуляторов, как принципы права, судебное право (судебные акты), в особенности судебный прецедент. В этой связи обращает на себя внимание настойчиво проводимая в доктрине мысль о том, что принципы права – такие же регуляторы, как и нормы права¹. Представлены доказательства того, что применение принципов права (в специально-юридическом значении – как правового основания разрешения спора) возможно в двух случаях: во-первых, если норма признана недействительной и, во-вторых, при пробелах в праве (не в законодательстве; устоявшееся понятие пробела в праве требует существенного уточнения, которые классики права должны это принять). В частности, с позиции современного понимания закономерностей действия права пробелом в позитивном праве следует считать отнюдь не отсутствие необходимой нормы (нормативного предписания). Скорее наоборот, отсутствие таковой или даже кажущегося необходимым закона или иного законодательного акта может и не свидетельствовать о действительном пробеле. Укоренившаяся идеология в современных реалиях способна лишь стимулировать принятие не востребуемых (читай: бесполезных) законов (действие которых будет напоминать «эффект бумеранга»), внесению далеко не точечных изменений и дополнений в действующее законодательство, приобретающее на практике характер явления [10; 11, с. 601–623]. Избыточность правового регулирования ведет к правовой энтропии, в конечном счете ослабляет силу права, девальвирует его ценность. С учетом отмеченного *пробелом в позитивном праве следует считать отсутствие эффективного правового средства, необходимого для реализации права (охраняемого законом интереса), обязанности, осуществления полномочия* [12, с. 234–235]. Констатируется, что в современных реалиях действие принципов права меняется; взамен норм они становятся ординарным правовым регулятором, действуя не *ad hoc*, по исключению, а применительно к ситуациям, когда конкретный правовой регулятор оказывается неспособным быть воспринятым в качестве правового основания разрешения возникшего спора, т. е. вследствие его недействительности. При этом регулятивное значение

имеют не только позитивированные в праве принципы. Западные исследователи правовых аспектов биомедицины обращают внимание на существование минимального этического принципа, содержащего комплекс требований, которые имеют определенное юридическое значение и обращены непосредственно к национальному законодателю, который должен учитывать, что: а) жизнь человека взаимосвязана с окружающей его средой и что человеческое тело не может быть превращено в объект конкуренции и отбора; б) любая человеческая проблема связана с этикой, сосредоточенной на человеческом эго, на его генетической идентичности и его культурно-исторической самобытности; в) любая человеческая проблема требует междисциплинарного этического, научного и юридического согласия². Одновременно в эпоху цифрового права особо востребуемым, как это показывает анализ, следует признать судейский активизм; цифровая среда, цифровая экономика в особенности, особо нуждается в использовании в правовом регулировании судебной практики. Цифровая эпоха, необычайно усиливающая динамизм общественных процессов, настоятельно диктует использование отнюдь не по исключению, а в качестве ординарного регулятора прецедентное право [4, с. 566–610].

Список источников

1. Червонюк В. И. Правотворческий эксперимент в структуре прикладной юриспруденции и в инструментари законодательных стратегий в условиях цифровизации // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 45–60.
2. Ласло Э. Макросдвиг : к устойчивости мира курсом времен. М., 2004.
3. Степин В. С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018.
4. Червонюк В. И. Структура права : теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М. : Юстицинформ, 2024.
5. Право как созидатель новой социальной реальности : монография / Г. М. Азнагулова, Ж. А. Гаукова, О. Ю. Еремина и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Проспект, 2024.
6. Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. Москва : Проспект, 2024.
7. Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника) : материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического

¹ Попытка представить доказательства применения принципов права, сопоставимого с нормами права, а равно имеющим преимущество перед ними, представлена нами в ряде работ: [9; 4, с. 286–339].

² См.: Furnica C., Scripcaru C. Science, Biomedical Technology and Biolaw // Human Reproduction and Genetic Ethics. 2009. Vol 15 (1). P. 30–34 // Цит. по: Цифровизация и биотехнология в обеспечении права на здоровье в условиях чрезвычайных ситуаций : монография / под общ. ред. В. В. Комаровой. М. : Проспект, 2024. С. 108.

форума (Н. Новгород, 25–28 сентября 2024 г.) // Юридическая техника. Ежегодник. Н. Новгород, 2025.

8. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (Часть I). Ст. 5017.

9. Червонюк В. И. Методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. 2021. № 9. С. 21–31.

10. Червонюк В. И. Концепт интереса в механизме правообразования и в системе факторов изменений законодательства // Юридическая техника. 2022. № 5. С. 112–128.

11. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Том II. Теория конституционного права : сравнительно-правовой и страноведческий анализ : в 2 книгах. Книга 2. Организация публичной власти : монография. М. : Юстицинформ, 2023.

12. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права : монография. М. : Юстицинформ, 2021.

References

1. Chervonyuk V. I. Law-making experiment in the structure of case law and in the tools of legislative strategy in terms of digitisation // Legal Technique. 2025. № 19. P. 45–60.

2. Laslo E. Macro shift : to sustain the peace course of time. M., 2004.

3. Stepin V. S. Modern civilizational crises and the problem of new development strategies. M., 2018.

4. Chervonyuk V. I. Structure of right : theory, methodology, technologies and practices of formation : monograph. M. : Yusticinform, 2024.

5. How to identify new social realities : monograph / D. M. Aznagulova, G. A. Gaukova, O. Yu. Eremina and others ; rev. red. Yu. A. Tihomirov ; Institute of legislation and comparative legal studies of the Government of the Russian Federation. M. : Prospect, 2024.

6. Law of the digital environment : monograph / Ed. T. P. Podshivalova, E. V. Titova, E. A. Gromova. M. : Prospect, 2024.

7. Experiment in legal regulation (doctrine, practice, technique) : Materials of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum (N. Novgorod, 25–28 September 2024) // Legal Technique. Annual. N. Novgorod, 2025.

8. Federal Law of July 31, 2020 № 258-FZ «On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (Part I). Art. 5017.

9. Chervonyuk V. I. Methodological approach to fundamental rights in discourse of domestic jurisprudence // Public Law and law. 2021. № 9. P. 21–31.

10. Chervonyuk V. I. Concept interest in the mechanism of legal education and in the system of factors of amendments of legislation // Legal Technique. 2022. № 5. P. 112–128.

11. Chervonyuk V. I. Idea of right and right in ideas : in 2 vol. V. II. Constitutional rights theory : comparative law and country analysis : in 2 books. Book 2. Organization of public authorities : monograph. M. : Yusticinform, 2023.

12. Chervonyuk V. I. Idea of right and right in ideas : in 2 vol. V. I. Theory, philosophy and methodology rights : monograph. M. : Yusticinform, 2021.

Информация об авторе

В. И. Червонюк – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья

УДК 34.343

EDN: <https://elibrary.ru/gxreoi>

ИПОН: 2015-0066-1/26-400

MOSURED: 77/27-011-2026-01-599

Еще раз к вопросу о понятии следственной ситуации

Любовь Евгеньевна Чистова^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
tchistova-lubov@yandex.ru

² Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена одной из криминалистических категорий – следственной ситуации. Проводится подробный анализ мнений различных ученых по поводу ее понятия. Обращается внимание на полемический характер содержания следственной ситуации, в том числе и складывающейся при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Аргументируется собственное мнение автора по этой проблеме.

Ключевые слова: расследование преступлений, следственная ситуация, наркотические средства

Для цитирования: Чистова Л. Е. Еще раз к вопросу о понятии следственной ситуации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 162–167. EDN: GXREOI.

Original article

Once again on the issue of the concept of the investigative situation

Lyubov E. Chistova^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
tchistova-lubov@yandex.ru

² Moscow University named after S.Yu. Witte, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to one of the forensic categories – the investigative situation. A detailed analysis of the opinions of various scientists on its concept is carried out. Attention is drawn to the polemical nature of the content of the investigative situation, including that which develops during the investigation of crimes related to the illegal trafficking of drugs. The author's own opinion on this issue is argued.

Keywords: crime investigation, investigative situation, narcotics

For citation: Chistova L. E. Once again on the issue of the concept of the investigative situation. Bulletin of economic security. 2026;(1):162–7. (In Russ.). EDN: GXREOI.

Следственная ситуация является до сих пор одной из дискуссионных криминалистических категорий. Несмотря на то, что понятие и содержание следственной ситуации исследуется уже довольно длительное время, но ученые так и не пришли к единообразному ее пониманию.

Самое первое определение данной категории дал А. Н. Колесниченко. По его мнению, «под следственной ситуацией принято понимать определенное положение в расследовании преступлений, характеризующее наличие тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки» [9, с. 16].

Исходя из этого понятия, как нам представляется, автор в суть следственной ситуации вкладывал информационный аспект, поскольку доказательства в уголов-

ном судопроизводстве понимаются как любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. А другой информационный материал – это информация, получаемая не процессуальным путем, к примеру, оперативная. На основе информации, имеющейся у следователя в данный момент, и определяются задачи, которые необходимо решить в процессе расследования того или иного уголовного дела, а также те следственные и иные действия, с помощью которых эта задача будет решаться.

Практически аналогичный подход к определению следственной ситуации у Л. Я. Драпкина, представляющего ее как «динамическую информационную систему,

отражающую с различной степенью адекватности многообразные логико-познавательные связи между установленными и еще неизвестными обстоятельствами, имеющими значение для дела» [5, с. 163].

Следственную ситуацию как информационную модель рассматривают и другие авторы, например, Н. А. Селиванов [12], А. Г. Филиппов [13, с. 93], М. А. Киселева [8], В. П. Крамаренко [10], М. Е. Игнатьев [6] и др.

Следует отметить, что некоторые авторы помимо информационного аспекта включают в понятие следственной ситуации ее анализ и оценку.

Например, Т. С. Волчецкая следственную ситуацию понимает, как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяет следователю принять наиболее целесообразные по делу решения» [3, с. 93].

Такую же позицию занимают В. К. Гавло [15, с. 40], И. Ф. Герасимов [16], В. А. Образцов и В. Г. Танасевич [17] и др.

Однако, как нам представляется, следственная ситуация и ее оценка следователем понятия совершенно различные и не имеющие вообще ничего между собой общего.

Во-первых, следственная ситуация категория объективная, т. е. та информация, которая свидетельствует о том, что же произошло в определенном месте и в определенное время, существует не зависимо от того познал ее следователь или нет. То есть в результате совершения незаконных действий, к примеру с наркотическими средствами или психотропными веществами, а именно нападения на сотрудников скорой помощи с целью хищения наркотикосодержащих лекарственных препаратов, остаются разнообразные следы. Поскольку данное преступление совершается с предварительной подготовкой, то для ожидания прибытия таких сотрудников преступник ждет их в месте засады. В этом месте может оставаться наибольшее количество следов, например, обуви, если почва грунтовая, окурки сигарет, поскольку преступник все же волнуется, чтобы его замысел не сорвался по каким-либо причинам, пустые банки из-под любой жидкости, которые он употреблял, слюна, как на окурках, так и на банках, а, может быть, и на земле, какие-то случайно оброненные личные мелкие вещи и т. д. В месте нападения также могут оставаться следы борьбы, когда преступник выхватывал чемодан с лекарствами у сотрудников скорой помощи, выпавшие из этого чемодана лекарственные препараты и другие предметы. А, поскольку, преступника интересуют только те лекарственные препараты, которые содержат наркотики, остальные ему не нужны, то, как правило, этот чемодан он бросает в каком-либо месте и в некоторой близости от места нападения. А на этом чемодане могут оставаться следы его рук, различные микрообъекты и т. д.

О том, что в этом месте совершалось именно конкретное преступление следователь делает вывод на основе исследования этой обстановки, а результаты исследования представляются в виде информации, т. е. сведений об отражаемом в этом месте преступном событии.

Но исследовать данную обстановку следователь может по-разному: подойти к данному процессу профессионально, используя все технические средства, необходимые для этого, пригласить всех необходимых специалистов для оказания помощи в обнаружении, фиксации и изъятии предметов и следов, могущих в последствии стать вещественными доказательствами и т. д. Но может подойти и по другому: исследовать это место небрежно, не обратив внимание на важные объекты и предметы, изъять не все следы, протокол осмотра данного места происшествия составить не полно и не объективно и т. п.

Исходя из этого, в его распоряжении будет разная информация о происшедшем событии и даже может случиться такой факт, что следователь сделает вывод об отсутствии вообще какого-либо незаконного действия.

Но это не значит, что криминальная ситуация изменилась. Нет. Она осталась прежней. Поскольку преступник, совершая свои незаконные действия вступает во взаимодействие с окружающей обстановкой, то, согласно теории криминалистической идентификации, оставляет свои следы, изменяет существующую обстановку. И даже если эти изменения не были следователем обнаружены, не значит, что их вовсе не существовало.

А означает это следующее: оценка происшедшего преступного события носит субъективный характер. И это второй очень важный момент. То есть какой вывод о происшедшем событии сделает следователь зависит от его личных качеств: профессионализма, наблюдательности, умственного развития, умения мыслить логически, стажа в работе следователя и др. И именно от этого будет зависеть дальнейший ход расследования: сможет ли он определить следственную ситуацию на конкретный момент адекватно существующим реалиям и исходя из этого наметить реальный план своих действий; или же он пойдет по ложному пути и уголовное дело в таком случае будет расследовано не полно, не объективно и не всесторонне.

Таким образом, исходя из изложенного, следует согласиться с В. О. Давыдовым, полагающим, что «и оценочный момент, и определение на основе оценки последующего решения следователя, составляющие «перспективное» в следственной ситуации, ... представляют собой относительно самостоятельную категорию, которая существует вне рамок содержания следственной ситуации» [4, с. 23].

Необходимо отметить, что большинство авторов следственную ситуацию понимают, как обстановку, в которой протекает расследование. В числе таких авторов Р. С. Белкин [2, с. 453], В. И. Шиканов [14, с. 157], В. П. Лавров [11] и др.

При этом основой такого определения они полагают значение в словарях русского языка понятия «ситуации» как совокупности обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение [18].

Да, это так. Расследование протекает в определенных условиях. Но нужно иметь в виду, что следователь, приступая к расследованию какого-либо преступления, имеет дело с событиями прошлого. Пусть даже совсем недавнего, совершенного даже несколько минут назад. Но уже прошлого. Поэтому сам он не мог наблюдать это событие. А, даже если и наблюдал, то он не может вести его расследование. Поэтому другой следователь судит о происшедшем либо исходя из полученной информации от потерпевших и очевидцев, либо исходя из результатов осмотра места происшествия, либо из других источников. Но картина того, что же произошло, у него складывается исходя именно из полученной информации. Таким образом он реконструирует в своем сознании и действия преступника, и действия потерпевших, либо иных лиц, и последствия данного незаконного действия. Именно сложившаяся на данный момент в определенном месте и в определенное время криминальная ситуация после возбуждения уголовного дела меняет свое процессуальное положение и становится следственной.

А вот насколько объективно следственная ситуация будет отражать криминальную, зависит от того, насколько полная и качественная информация о происшедшем событии будет находиться в его распоряжении. Таким образом, информационная составляющая является определяющей в понимании той ситуации, в которой в данный момент действует следователь. И не иначе как исходя из совокупности имеющейся информации следователь определяет направление дальнейшего расследования.

Определяя же следственную ситуацию как совокупность условий или обстановку, в которой осуществляется расследование, как нам представляется, акцент переносится на организационно-деятельностную функцию следователя, поскольку насколько эффективно будет осуществляться расследование конкретного преступления зависит от многих факторов: опыта самого следователя, его взаимодействия с другими подразделениями правоохранительных органов и т. д. Но это уже совсем другая ситуация. Не следственная, а ситуация расследования. Поэтому мы полностью поддерживаем мнение О. Я. Баева в том, что при понимании следственной ситуации как обстановки расследования, в нее неизбежно вовлекается личность следователя, а это формирует ситуацию расследования конкретного преступления [1, с. 107].

К тому же, если проанализировать факторы, влияющие на формирование следственной ситуации, приводимых вышеуказанными авторами, то, скорее всего, они влияют именно на процесс расследования конкретного преступления.

Например, «наличие и устойчивость существования еще неиспользованных источников доказательственной информации и надежных каналов поступления ориентирующей информации» [2, с. 455], свидетельствует о том, что следователь при определении направления расследования либо не учел возможность включения в план проведения всех необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, либо вообще неправильно это направление определил. Но на существование самой следственной ситуации это никак не сказывается. Она как существовала на момент возбуждения уголовного дела, так и существует. А то, что следователь по каким-то причинам не может получить о ней необходимые сведения, ничего не меняет.

Или же «наличие в данный момент в распоряжении следователя, органа дознания необходимых сил, средств, времени и возможность их использования оптимальным образом» [2, с. 455] также никак не влияет на следственную ситуацию.

Можно это разобрать на следующем примере. Обнаружена съемная квартира, в которой осуществлялось изготовление наркотических средств из растительного сырья, к примеру, каннабиса. При осмотре места происшествия обнаружены непосредственно наркотикосодержащие растения, готовая продукция в виде порошка, брикетов, блоков и т. д.; прессы, кофемолки, кухонные комбайны и др.; литература по их изготовлению и т. д.

Следственную ситуацию можно охарактеризовать как: совершено изготовление наркотических средств, но преступники не обнаружены. И тот факт, что у следователя нет информации о том, кто это преступление совершил, потому что оперативные сотрудники ему не представили оперативной информации об этом, или у него в производстве находится еще много уголовных дел и на выяснение обстоятельств по данному преступлению у него нет времени, а если еще к тому же он только что пришел на эту должность и у него отсутствует необходимый опыт в расследовании, в том числе, и преступлений данного вида, никак на следственную ситуацию не повлияет. Факт остается фактом: преступники сняли квартиру в многоэтажном доме для того, чтобы в ней заниматься незаконной деятельностью по изготовлению наркотических средств. И, поэтому, для того чтобы данное преступление расследовать эффективно, как, впрочем, и все остальные, следователю необходимо заниматься познавательной деятельностью. А познавательная деятельность возможна только в результате производства следственных действий и оценки результатов оперативно-розыскных мероприятий, которые находятся в распоряжении следователя.

Поэтому в данном случае, чтобы следственная ситуация изменилась, нужно получить дополнительную информацию. В нашем примере – получить сведения с камер наблюдения, расположенных при входе в подъезд, кто входил в него в последнее время; поговорить с соседями по этой квартире относительно лиц, приходящих в нее; в случаях установления таких лиц назначить дакти-

люскопическую или иную экспертизу, в зависимости от того, какие следы были обнаружены при осмотре места происшествия – квартиры, где изготавливались наркотические средства в целях установления не принадлежат ли они заподозренным лицам и т. д.

Вот тогда, когда будет получена новая информация, тогда существующая следственная ситуация может, действительно, измениться. Но изменится она не потому, что изменилось психологическое состояние следователя [2, с. 425], а потому, что благодаря его же стараниям получена новая информация относительно расследуемого события.

Исходя из этого, следственная ситуация и ситуация расследования находятся между собой во взаимной связи. Чем рациональнее следователь будет подходить к организации расследования конкретного преступления, чем реалистичнее будет оценивать находящиеся в его распоряжении сведения, чем полнее будет составлен план расследования, тем больше информации как доказательственной, так и ориентирующей, сможет получить и, соответственно, объективно оценить существующую в настоящий момент следственную ситуацию.

Таким образом, совершенно прав Р. С. Белкин в том, что «следственная ситуация по отношению к процессу расследования носит преимущественно внешний характер» [2, с. 453], т. е., как мы уже отмечали ранее, существует независимо от того, познал или не познал ее следователь и, если познал, в какой части. Но в ее основе находится имеющаяся в распоряжении следователя информация на определенный момент расследования. Она может полностью отражать криминальную ситуацию, может частично (особенно на первоначальном этапе сразу после возбуждения уголовного дела), но сама по себе остается той, которая возникла в результате совершения конкретного незаконного действия. И, чтобы она нашла свое объективное отражение в расследовании данного преступления, необходимо и сам процесс расследования строить профессионально грамотно и эффективно.

Следует остановиться еще на одном определении следственной ситуации. Д. В. Ким определяет ее «как особым образом детерминированную систему, которая, в свою очередь, выполняет системообразующую функцию по отношению ко всей деятельности по расследованию преступления, обеспечивая ее направленное и устойчивое развитие» [7, с. 127].

Как нам представляется, данное определение не совсем удачное по следующим причинам.

Первая – термины «детерминированная система» используются в математике, информатике, физике, где понимается как «система, выходы которой однозначно определяются оказанными на нее управляющими воздействиями» [19].

Совокупность информации, отражающей в окружающей действительности совершенное преступление (различные следы рук, обуви, транспортных средств и

др., орудия преступления, предметы, принадлежащие преступнику, к примеру, оторванная пуговица от его одежды, в случае, если жертва оказывала сопротивление; или даже обнаруженная на электронных средствах связи информация, свидетельствующая о посещении пронаркотических сайтов, приобретении наркотических средств, переписке с соучастниками и т. д.) еще можно признать системой, поскольку данные следы находятся между собой в определенном взаимодействии, но кто же этой системой управляет? И как, и чем на нее воздействует?

Термины «детерминированная система» используются и в теории управления. В Большом экономическом словаре она определяется следующим образом: «система, функционирование которой заранее и полностью обусловлено, не подвержено случайностям» [19].

Но процесс отражения незаконных действий в окружающей среде зависит именно от тех условий, в которых он осуществляется. Еще Р. С. Белкин писал: «Процесс возникновения доказательств, как и всякий процесс отражения, является ситуационным» [2, с. 281]. И далее: «...в действительности полного отражения может и не быть либо ставшая известной доказательственная информация может быть не полной» [2, с. 281].

Таким образом, процесс возникновения информации о совершенном преступном деянии носит именно случайный характер и зависит от многих факторов, в том числе субъективных и объективных, влияющих на этот процесс.

И совсем не понятно, как следственная ситуация может быть системообразующей функцией по отношению к деятельности по расследованию преступлений. Получается, что именно следственная ситуация, как понятие теоретическое, диктует следователю какие следственные действия и другие мероприятия проводить, на что обращать внимание в процессе расследования, в каком направлении работать и др. То есть следователь полностью лишается своей процессуальной самостоятельности и находится в полной зависимости от следственной ситуации. Но в таком случае что-то складывается не так.

Скорее всего, наоборот, следователь оценивает сложившуюся на данный момент следственную ситуацию: какие обстоятельства ему уже известны, какие – нет; как это все влияет на эффективность расследования и что необходимо предпринять, для выяснения полной картины происшедшего. То есть, именно следователь воздействует на следственную ситуацию с целью ее изменения для успешного расследования конкретного уголовного дела. А следственная ситуация, как категория теоретическая является информационной основой для дальнейшего определения направления расследования.

Как нам представляется, наиболее удачное определение следственной ситуации дал А. Г. Филиппов, который представлял ее как «сумму значимой для расследования информации, имеющейся в распоряжении следователя к определенному моменту» [13, с. 93].

Список источников

1. Баев О. Я. Следственные ситуации : их тактическая и методическая сущность // Роль и значение деятельности Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики : материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). М., 2002.
2. Белкин Р. С. Избранные труды. М. : Норма, 2014.
3. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия : монография. М. : Изд-во МГУ, 1977.
4. Давыдов В. О. Несколько тезисов к вопросу о включении оценки следственной ситуации в ее непосредственное содержание // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2.
5. Драпкин Л. Я. Избранные труды. Екатеринбург : Изд-во дом Уральского государственного юридического университета, 2017.
6. Игнатьев М. Е. Несколько тезисов об отношениях следственных ситуаций и криминалистических причинно-следственных связей // Ситуационный подход в юридической науке и практике : современные возможности и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии. Калининград : БФУ им. И. Канта. 2017. С. 78–80.
7. Ким Д. В. Следственная ситуация как поисково-познавательная система в криминалистике // Алтайский юридический вестник. № 3 (15). 2016.
8. Киселева М. А. Следственная ситуация как информационная модель реальных ситуаций расследования // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаульский юридический институт МВД РФ. 2021. № 187. С. 24.
9. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков. 1967.
10. Крамаренко В. П. Учет фактора времени и временных связей при познании криминальной и следственной ситуации // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы международной научно-практической конференции. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета России. 2017. С. 157.
11. Лавров В. П. Исходные следственные ситуации как объект кафедрального научного исследования // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения : сборник научных трудов. М., 1991. С. 6–7.
12. Селиванов Н. А. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 58.
13. Филиппов А. Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М. : Юрлитинформ, 2007.

14. Шиканов В. И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения) : материалы научно-практической конференции. М., 1976.

15. Гавло В. К. Следственная ситуация // Следственная ситуация. Сборник научных трудов. М., 1985.

16. Герасимов И. Ф. К вопросу о следственной ситуации // Следственная ситуация. Сборник научных трудов. М., 1985. С. 6–11.

17. Образцов В. А., Танасевич В. Г. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Советское государство и право. 1979. С. 109–115.

18. URL: <https://kartaslov.ru/>

19. URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru/14154/

References

1. Baev O. Ya. The investigative situations : their tactical and methodological essence // The role and significance of R. S. Belkin's activity in the formation of modern criminology : proceedings of the International Scientific Conference (on the 80th anniversary of the birth of R. S. Belkin). M., 2002.
2. Belkin R. S. Selected works. M. : Norma, 2014.
3. Volchetskaya T. S. Forensic situationology : monograph. M. : Publishing House of Moscow State University, 1977.
4. Davydov V. O. Several theses on the inclusion of an assessment of the investigative situation in its immediate content // Izvestiya of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 2.
5. Drapkin L. Ya. Selected works. Yekaterinburg : Publishing House of the Ural State Law University, 2017.
6. Ignatiev M. E. Several theses on the relationship between investigative situations and criminalistic causal relationships // Situational approach in legal science and practice : current opportunities and prospects for development : proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th anniversary of the scientific school of Criminalistic Situationology. Kaliningrad : BFU named after I. Kant. 2017. P. 78–80.
7. Kim D. V. Investigative situation as a search and cognitive system in criminology // Altai Law Bulletin. № 3 (15). 2016.
8. Kiseleva M. A. Investigative situation as an information model of real investigation situations // Collection of materials of criminalistic readings. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. № 187. P. 24.
9. Kolesnichenko A. N. Scientific and legal foundations of the investigation of certain types of crimes :

abstract of the dissertation of dr. legal sciences. Kharkov, 1967.

10. Kramarenko V. P. Consideration of the time factor and time connections in the cognition of criminal and investigative situations // Law and order in the third millennium : proceedings of the international scientific and practical conference. Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of Russia. 2017. P. 157.

11. Lavrov V. P. Initial investigative situations as an object of scientific research // Initial investigative situations and criminalistic methods of their resolution : collection of scientific papers. M., 1991. P. 6–7.

12. Selivanov N. A. Criminalistic characteristics of crimes and investigative situations in the investigation methodology // Socialist legality. 1977. № 2. P. 58.

13. Filippov A. G. Problems of criminalistics. Selected articles. M. : Yurlitinform, 2007.

14. Shikanov V. I. The development of the theory of tactical operations is the most important condition for improving the methodology of crime investigation // Methods of crime investigation (general provisions) : materials of a scientific and practical conference. M., 1976.

15. Gavlo V. K. Investigative situation // Investigative situation. Collection of scientific papers. M., 1985.

16. Gerasimov I. F. On the issue of the investigative situation // Investigative situation. Collection of scientific papers. M., 1985. P. 6–11.

17. Obraztsov V. A., Tanasevich V. G. The concept and criminalistic significance of the investigative situation // The Soviet State and law. 1979. P. 109–115.

18. URL: <https://kartaslov.ru/>

19. URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru/14154/

Информация об авторе

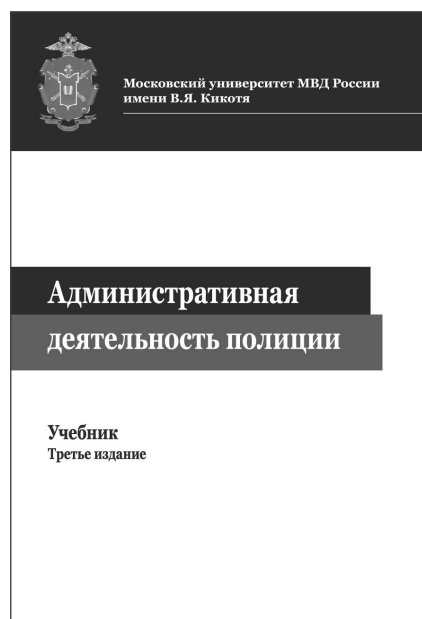
Л. Е. Чистова – доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L. E. Chistova – Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Moscow University named after S.Yu. Witte, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 02.12.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 02.12.2025.

Административная деятельность полиции. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардашевского. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/xnilgz>

ИПОН: 2015-0066-1/26-401

MOSURED: 77/27-011-2026-01-600

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина органами внутренних дел РФ при осуществлении административного выдворения иностранных граждан из РФ

Парвиз Махмадович Шарипов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Научный руководитель: профессор кафедры конституционного и муниципального права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор **Ш. М. Нурадинов**

Аннотация. Рассматривается проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина в контексте административного выдворения иностранных граждан из Российской Федерации органами внутренних дел. Анализируется законодательная база, регулирующая процесс выдворения, а также действия правоохранительных органов, направленные на соблюдение правовых норм. Особое внимание уделяется ключевым отличительным признакам административного выдворения и правам иностранных граждан в процессе административного выдворения, включая возможность обжалования решений и доступ к юридической помощи. Исследуются случаи нарушения прав человека в ходе данного процесса и предлагаются рекомендации по улучшению практики обеспечения прав и свобод в рамках миграционного законодательства.

Ключевые слова: административное выдворение, права человека, иностранные граждане, лица без гражданства, органы внутренних дел, обжалование решений, наказание, юридическая помощь, нарушение прав, миграционные процессы

Для цитирования: Шарипов П. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина органами внутренних дел РФ при осуществлении административного выдворения иностранных граждан из РФ // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 168–171. EDN: XNILGZ.

Original article

Enforcement of human and citizen rights and freedoms by the internal affairs bodies of the Russian Federation in the implementation of administrative expulsion of foreign citizens from the Russian Federation

Parviz M. Sharipov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Scientific supervisor: Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law

of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Doctor of Legal Sciences, Professor **Sh. M. Nuradinov**

Abstract. The problem of ensuring human and civil rights and freedoms in the context of administrative expulsion of foreign citizens from the Russian Federation by internal affairs bodies is being considered. The legislative framework regulating the expulsion process, as well as the actions of law enforcement agencies aimed at compliance with legal norms are analyzed. Particular attention is paid to the key distinguishing features of administrative expulsion and the rights of foreign citizens in the process of administrative expulsion, including the possibility of appealing decisions and access to legal assistance. Cases of human rights violations during this process are examined and recommendations are offered to improve the practice of ensuring rights and freedoms within the framework of migration legislation.

Keywords: administrative expulsion, human rights, foreign citizens, stateless persons, internal affairs agencies, appealing decisions, punishment, legal assistance, violation of rights, migration processes

For citation: Sharipov P. M. Enforcement of human and citizen rights and freedoms by the internal affairs bodies of the Russian Federation in the implementation of administrative expulsion of foreign citizens from the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(1):168–71. (In Russ.). EDN: XNILGZ.

© Шарипов П. М., 2026

В современных условиях глобализации и миграционных процессов вопросы обеспечения прав и свобод человека становятся особенно актуальными. В Российской Федерации органы внутренних дел играют ключевую роль в реализации законодательства, касающегося административного выдворения иностранных граждан. Это требует от них не только строгого соблюдения норм права, но и уважения к правам человека, что является основополагающим принципом правового государства.

Как утверждает ряд авторов, таких как Луговых Т. А. [8] и Чернышов К. И. [11], в целях реализации суверенитета Российской Федерации административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации является одной из наиболее эффективных мер по обеспечению профилактики совершения преступлений и административных правонарушений, а также по обеспечению миграционного порядка в России.

В соответствии со ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства в России пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных законодательством Российской Федерации или международными договорами [1].

Административное выдворение иностранных граждан с территории Российской Федерации, как мера административного наказания регулируется рядом нормативных актов, среди которых основное место занимает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. Так, например, ст. 27.18 КоАП РФ определяет ключевые основания для выдворения иностранных граждан, включая нарушение миграционного законодательства. Важно отметить, что процесс выдворения должен осуществляться с учетом принципов законности, справедливости и пропорциональности.

Согласно ст. 3.10 КоАП РФ административное выдворение, как мера административного наказания в Российской Федерации реализуется в двух вариациях: принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а также контролируемый самостоятельный выезд иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации.

Также стоит отметить, что правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства установлен Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ) [4]. При этом, в Федеральном законе № 115-ФЗ отсутствует определение административного выдворения, но вместе с тем ст. 34 устанавливает порядок реализации данной меры административного наказания.

Так, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел осуществляет контроль за ис-

полнением иностранным гражданином или лицом без гражданства назначенного ему административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации. Таким образом, органы внутренних дел являются одним из основных исполнителей решений о выдворении. Их действия должны соответствовать не только внутреннему законодательству, но и международным стандартам в области прав человека.

Согласно действующей редакции КоАП РФ, в соответствии с ч. 2 ст. 3.10 административное выдворение за пределы Российской Федерации как мера административного наказания назначается судьей. Но согласно предусмотренным Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) изменениям, должностные лица органов внутренних дел (полиции) также будут наделены полномочиями по принятию решений об административном выдворении за пределы РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, после его вступления в законную силу [5].

По мнению Кенжаева О. З. и Горбуновой И. В. административное выдворение, как мера административного наказания обладает ключевыми признаками, которые позволяют ее идентифицировать и отличить от иных мер наказания [7]. Как считает Саркисян В. А., к таким признакам можно отнести, например, невозможность применения административного выдворения в отношении граждан РФ, а также иностранных граждан – военнослужащих [10]. Еще одним отличительным признаком является субъект принятия решения – судья, который принимает решение о назначении административного выдворения, как меры административного наказания.

Важным аспектом действующей редакции КоАП РФ является ч. 4 ст. 3.10, которая обязывает должностных лиц при назначении административного выдворения за пределы Российской Федерации учитывать продолжительность проживания иностранного гражданина, его семейное положение, отношение к уплате налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, а также его род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в гражданство Российской Федерации и другие обстоятельства. Таким образом, после вступления в законную силу Федерального закона № 248-ФЗ, сотрудники органов внутренних дел также будут обязаны учитывать индивидуальные обстоятельства каждого случая, включая возможные риски для жизни и здоровья иностранного гражданина в случае его возвращения на родину.

При осуществлении административного выдворения органы внутренних дел также обязаны обеспечивать соблюдение прав и свобод личности. Ключевые гарантии в себя включают следующие аспекты.

1. Право на защиту. Например, согласно ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ) [3] органы внутренних дел предназначены для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан, лиц без гражданства.

2. Право на обжалование. В соответствии с ч. 4 ст. 5 Федерального закона № 3-ФЗ в случае применения мер, ограничивающих права и свободы человека, сотрудник органов внутренних дел обязан разъяснить причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности. Например, возможность обратиться за юридической помощью для обжалования решения о выдворении в судебном порядке.

3. Запрет на недопустимые меры. Так, ч. 3 ст. 5 Федерального закона № 3-ФЗ сотрудникам органов внутренних дел запрещает прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Также сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми иностранному гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание.

4. Учет гуманитарных аспектов. Как было описано выше, при принятии решения о выдворении органам внутренних дел необходимо также учитывать гуманитарные обстоятельства, такие как наличие семьи в России, состояние здоровья и другие факторы, которые могут существенно повлиять на жизнь иностранного гражданина.

Однако на практике реализация описанных гарантий может сталкиваться с различными трудностями. Например, одной из ключевых проблем является недостаточная осведомленность иностранных граждан о своих правах. При этом стоит отметить, что владение иностранными гражданами и лицами без гражданства информацией о своих законных правах существенно влияет на исход назначения им административного наказания.

Например, в ходе обращения иностранного гражданина за юридической помощью к правозащитным структурам, в рамках Дела № 7п-652/2021 [6] в адрес судьи была подана жалоба. Описанные в жалобе доводы были приняты к рассмотрению и назначение иностранному гражданину административного наказания в виде административного принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, с помещением и содержанием в Центре временного содержания иностранных граждан было заменено на административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации.

Кроме того, до момента выезда из Российской Федерации иностранных граждан или лицо без гражданства содержится в Центре временного содержания иностранных граждан, расходы на содержание которого несет Российская Федерация. Как утверждает Панфилов А. А. [9] в целях сокращения указанных рас-

ходов, при въезде в России иностранных граждан следует обязать подтверждать наличие денежных средств для возможности покинуть Российскую Федерацию в случае необходимости. Данное обстоятельство создаст не только благоприятные условия для применения описанной выше меры административного наказания, но и поспособствует реализации указанных ключевых гарантий.

Таким образом, обеспечение прав и свобод человека в процессе административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства является важной задачей для органов внутренних дел Российской Федерации. Уважение к правам личности должно стать неотъемлемой частью работы правоохранительных органов, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению правового государства и соблюдению международных обязательств России в области прав человека. Реализация этих принципов требует комплексного подхода, включающего как законодательные изменения, так и практические меры по информированию как сотрудников органов внутренних дел, так и самих иностранных граждан.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ от 1 июля 2020 г. № 11-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.11.2024, с изм. от 12.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. № 25.
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 140.
5. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2024. № 179.
6. Решение Красноярского краевого суда от 27 мая 2021 г. по делу № 7п-652/2021 // URL: <https://sudrf.cntd.ru/>
7. Кенжаев О. З. Административное выдворение из Российской Федерации как мера административной ответственности // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 256–258.
8. Луговых Т. А. Административное выдворение : теория и практика применения // Молодой ученый. 2018. № 45 (231). С. 154–160.
9. Панфилов А. А. Административное выдворение как специальный вид административного наказания // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 2 (25). С. 39–43.

10. Саркисян В. А. Актуальные проблемы административного выдворения в России на современном этапе развития административного законодательства // Развитие общественных наук российскими студентами : сборник научных трудов, Краснодар, 30 апреля 2017 года. Том Выпуск VI. Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью «Ассоциация молодых ученых», 2017. С. 167–171.

11. Чернышев К. И. Административное выдворение и депортация : юридическая природа и целевая направленность санкций // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3, № 4 (12). С. 53–60.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by the Law of the Russian Federation dated July 1, 2020 № 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 4398.

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on 09.11.2024, as amended dated 12.11.2024) // LRS «ConsultantPlus».

3. Federal Law № 3-FZ dated February 7, 2011 «On the police» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 25.

4. Federal Law № 115-FZ of July 25, 2002 «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2002. № 140.

5. Federal Law № 248-FZ of August 8, 2024 «On amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2024. № 179.

6. Decision of the Krasnoyarsk Regional Court of May 27, 2021 in case № 7p-652/2021 // URL: <https://sudrf.cntd.ru/>

7. Kenzhaev O. Z. Administrative expulsion from the Russian Federation as a measure of administrative responsibility // Young Scientist. 2023. № 24 (471). P. 256–258.

8. Lugovykh T. A. Administrative expulsion : theory and practice of application // Young Scientist. 2018. № 45 (231). P. 154–160.

9. Panfilov A. A. Administrative expulsion as a special type of administrative punishment // Law and order : history, theory, practice. 2020. № 2 (25). P. 39–43.

10. Sarkisyan V. A. Actual problems of administrative expulsion in Russia at the current stage of development of administrative legislation // Development of social sciences by Russian students : collection of scientific papers, Krasnodar, April 30, 2017. Volume Issue V9I. Krasnodar : Limited Liability Company «Association of Young Scientists», 2017. P. 167–171.

11. Chernyshev K. I. Administrative expulsion and deportation : the legal nature and target orientation of sanctions // Science. Society. State. 2015. Vol. 3, № 4 (12). P. 53–60.

Информация об авторе

П. М. Шарипов – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

P. M. Sharipov – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Научная статья

УДК 33

EDN: <https://elibrary.ru/sasopf>

ИИОН: 2015-0066-1/26-402

MOSURED: 77/27-011-2026-01-601

Инвентаризация как метод обеспечения безопасности имущества компании: современные технологии против формального подхода

Владимир Иванович Бобошко¹, Егор Сергеевич Бурмистров²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ v.boboshko@mail.ru

² egorburmistrov110@gmail.com

Аннотация. Исследуется трансформация роли процедуры проведения инвентаризации в системе обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Уделено внимание анализу рисков, порождаемых формальным подходом. Особое значение придается переходу на новый федеральный стандарт ФСБУ 28/2023 и внедрению высокотехнологичных инструментов контроля. Делается вывод о том, что интеграция современных информационных технологий, в том числе, искусственного интеллекта, в проведение инвентаризации позволяет превратить данную процедуру в эффективный метод защиты имущественных интересов компании.

Ключевые слова: инвентаризация, экономическая безопасность, современные технологии, формальный подход, федеральный стандарт, автоматизация, цифровизация

Для цитирования: Бобошко В. И., Бурмистров Е. С. Инвентаризация как метод обеспечения безопасности имущества компании: современные технологии против формального подхода // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 172–177. EDN: SASOPF.

Original article

Inventory as a method of ensuring the safety of the company's property: modern technologies against a formal approach

Vladimir I. Boboshko¹, Egor S. Burmistrov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ v.boboshko@mail.ru

² egorburmistrov110@gmail.com

Abstract. The transformation of the role of inventory procedures in a business entity's economic security system is being examined. Attention is paid to the analysis of risks generated by a formal approach. Particular attention is given to the transition to the new federal standard FSBU 28/2023 and the implementation of high-tech control tools. It is concluded that the integration of modern information technologies, including artificial intelligence, into inventory procedures enables this procedure to be transformed into an effective method for protecting a company's property interests.

Keywords: inventory, economic security, modern technologies, formal approach, federal standard, automation, digitalization

For citation: Boboshko V. I., Burmistrov E. S. Inventory as a method of ensuring the safety of the company's property: modern technologies against a formal approach. Bulletin of economic security. 2026;(1):172–7. (In Russ.). EDN: SASOPF.

Введение

В современном мире информационные технологии быстро развиваются и оказывают значительное влияние на все сферы жизни человека, включая бухгалтерский учет, исходя из этого становится актуальным вопрос об эффективном использовании ресурсов хозяйствующего субъекта и повышение его конкурентоспособности.

В условиях нестабильной макроэкономической среды и усложнения внутренних бизнес-процессов роль процедуры проведения инвентаризации претерпевает существенную трансформацию.

С вступлением в юридическую силу нового Федерального стандарта ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» ужесточаются требования к качеству и прозрачности

© Бобошко В. И., Бурмистров Е. С., 2026

проверочных процедур, с одной стороны; с другой – внедрение современных технологий в процессы бухгалтерского учета допускается на законодательном уровне.

Цель настоящего исследования – анализ значения процедуры проведения инвентаризации как активного метода защиты имущественных интересов компании.

Теоретико-методологические основы процедуры проведения инвентаризации

В современной мировой экономике умелое сокращение издержек и увеличение финансовых резервов является основой поддержания конкурентоспособности организации.

В ходе исторического развития в сфере бухгалтерского учета закрепились основная терминология. Инвентаризация – проверка фактического наличия активов организации на местах их хранения, необходимая для уточнения и сверки остатков.

Сама процедура инвентаризации включает в себя ряд этапов.

1. Подготовительный. Данный этап подразумевает издание приказа руководителя (унифицированная форма ИНВ-22), определяющего цель, задачи и сроки инвентаризации, а также представление его членам инвентаризационной комиссии. В некоторых случаях разрабатывается программа и план инвентаризации.

2. Основной (непосредственное проведение контрольных процедур). Перед проведением инвентаризации материально ответственное лицо ознакомляется с приказом. Основной этап представляет собой контрольные процедуры, в ходе которых подтверждается фактическое и качественное наличие объектов бухгалтерского

учета, фиксируются результаты и учитываются выявленные недостатки и излишки.

3. Оформление результатов. Основным документом является акт инвентаризации, содержащий результативную информацию о проведенных проверках и подписываемый всеми участвующими сотрудниками (комиссией, материально ответственными лицами). Если были выявлены недостатки или излишки, заполняются сличительные ведомости (унифицированные формы ИНВ-18, 19). По результатам составляются ведомости учета (ИНВ-26).

Основные учетные функции инвентаризации представлены на рис. 1.

Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ определяет процедуру инвентаризации, обязательной для организации при: составлении бухгалтерской финансовой отчетности (ежегодная); при смене материально ответственного лица (МОЛ); сдаче имущества в аренду; реорганизации или ликвидации; а также выявлении фактов хищения или порчи имущества. Однако данная процедура выходит за формальные рамки и является элементом системы внутреннего контроля (СВК). Таким образом, качественная организация проведения инвентаризации позволяет обеспечить финансовую и физическую безопасность предприятия, не допуская злоупотреблений и возможности хищения.

Отметим, что по периодичности проведения выделяют:

- плановую инвентаризацию. Проводится по заранее установленному графику в соответствии с требованиями нормативных правовых актов и внутренних распоряжений организации;

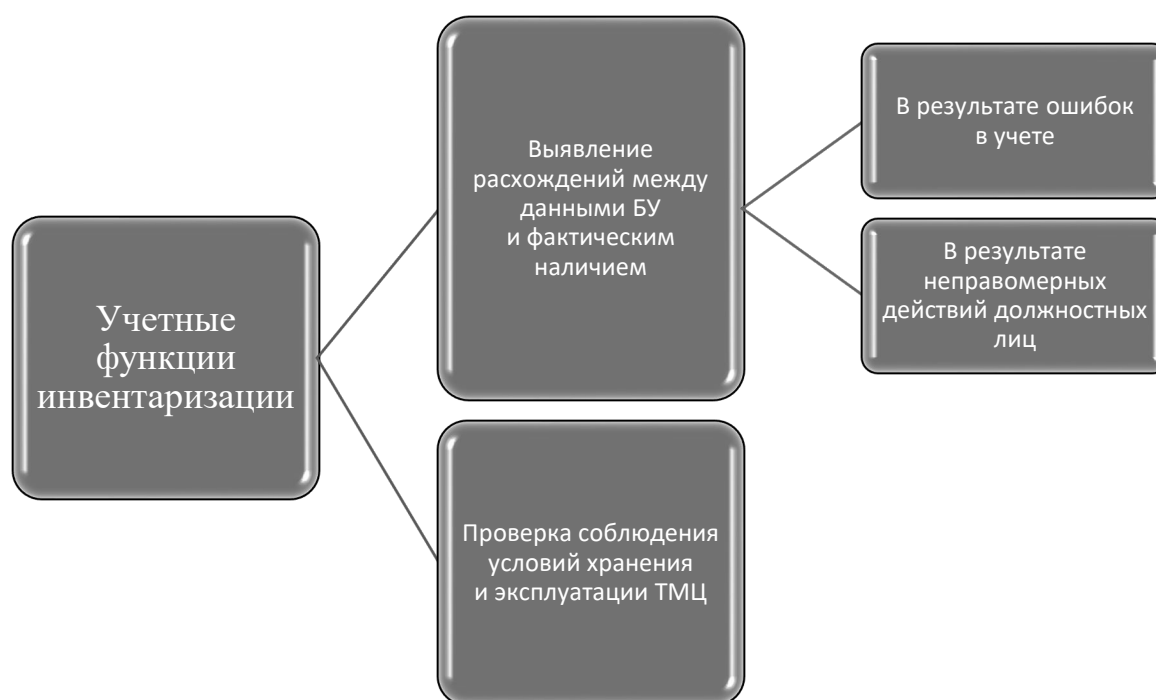

Рис. 1. Учетные функции инвентаризации

- внезапную инвентаризацию. Как правило, назначается в целях дополнительного контроля: при подозрении МОЛ в хищение, ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, реорганизации или ликвидации фирмы.

В случае внезапной инвентаризации СВК осуществляет контроль за процедурой проверки. Преимущество такой инвентаризации в том, что о ее проведении заранее неизвестно проверяемым лицам и, как следствие, отсутствует время на возможное сокрытие следов умышленного искажения бухгалтерской финансовой отчетности и возможных злоупотреблений.

Риск допущения формальности при проведении инвентаризации

Проведение инвентаризации собственными силами в российском бизнесе нередко сводится к формальности, когда процедура превращается в «бумажное» мероприятие.

Рассмотрим основные признаки допущения формальности при проведении инвентаризации.

- Процедура проведения инвентаризации зависит от численности сотрудников и объемов производства хозяйствующего субъекта. Крупные фирмы с большим штатом рабочих способны создавать постоянную инвентаризационную комиссию, включая в нее наиболее подготовленных и ответственных сотрудников, тогда как небольшие организации для проведения инвентаризации привлекают сотрудников, обремененных иными служебными обязанностями, что может способствовать допущению формальности.

- В настоящее время большинство фирм организует ведение бухгалтерского учета в автоматизированных учетных системах (например, 1С: Бухгалтерия). В некоторых случаях члены комиссии, не пересчитывая товар, используют данные БУ для заполнения ведомости.

- Инвентаризация – достаточно длительная и трудоемкая процедура, требующая концентрации сил и времени, а также определенного оборудования. Проведение проверки на крупном объекте с использованием традиционных методов пересчета за короткий промежуток времени является явным признаком допущения нарушений.

- В процессе жизнедеятельности хозяйствующего субъекта возникновение излишков и недостат – естественное явление. Причиной тому могут служить ошибки в учете (неправильное оприходование ТМЦ на складе), пересортица, потери сверх норм естественной убыли и другие. При этом постоянное невыявление отклонений в ходе инвентаризации может свидетельствовать о наличии признаков допущения нарушения.

Таким образом, такое важное в деятельности фирмы мероприятие, как инвентаризация, может свестись к условности, что делает ее проведение неэффективным и не дает точной оценки активов.

Разберем возможные риски проведения формальной инвентаризации.

Для собственника организации существует риск обнаружения недостачи активов и оборотных средств, в том числе, путем хищения. Невыявленные ошибки в бухгалтерском учете приводят к искажению бухгалтерской финансовой отчетности.

Таким образом, можно рассматривать недобросовестное проведение инвентаризации как фактор простоев производственных линий, технологических процедур и, как следствие, образования существенных убытков.

Недобросовестное проведение инвентаризации несет большую угрозу для безопасности предприятия, чем ее отсутствие. Искорженная информация о состоянии активов и имущества организации препятствует правильности организации учета и планирования, влечет принятие неверных управленческих решений, что может серьезно повлиять на экономическую стабильность, безопасность и конкурентоспособность хозяйствующего субъекта.

Изменение нормативно-правового регулирования инвентаризации

С 1 апреля 2025 г. вступил в действие Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» [2], заменив устаревшие методические указания [3].

Федеральный стандарт конкретизирует регламентацию процедуры проведения инвентаризации, устанавливая единые правила по всем видам активов и обязательств. Так, одним из основных нововведений выступает принцип системности – инвентаризация становится неотрывным элементом процесса учета, отражая специфику активов и особенности деятельности организации.

Инвентаризация трансформируется в управленческий инструмент, выходя за рамки пересчета перед составлением годовой бухгалтерской отчетности. Хозяйствующий субъект теперь вправе самостоятельно определять частоту и порядок ее проведения, учитывая регламентацию нормативных правовых актов.

По правилам ФСБУ 28/2023 состав инвентаризационной комиссии может быть постоянным, что позволяет руководству организации включить в нее доверенных и наиболее ответственных сотрудников, повышая результативность процесса. Помимо этого, хозяйствующий субъект получает право привлекать для проведения инвентаризации аудиторские компании, повышая прозрачность и достоверность контрольных процедур.

Проведем сравнительный анализ утративших силу методических указаний и принятого ФСБУ 28/2023 (табл. 1).

Главная задача стандарта – улучшение точности и качества бухгалтерской финансовой отчетности.

Таким образом, вступление в юридическую силу нового Федерального стандарта является одним из этапов перехода от формального «бумажного учета» к

передовым технологиям и риск-ориентированному подходу. С одной стороны, ФСБУ 28/2023 конкретизирует требования проведения инвентаризации, требуя более глубокого анализа проверяемого имущества, с другой – организация получает право использования передовых технологий (внедрение искусственного интеллекта, использование видеофиксации и дронов). Помимо унифицированных форм (ИНВ-1, ИНВ-3 и др.) хозяйствующий субъект получает право разрабатывать собственные документы, адаптированные под автоматизированные системы.

Цифровая интеграция в основе процедуры проведения инвентаризации

Современная структура бизнеса и менеджмента выходит на достаточно высокий операционный уровень. Ежедневный процесс планирования деятельности требует большой объем информации, при этом ужесточаются критерии – оперативность и достоверность данных. Традиционная процедура установления фактического наличия выходит за рамки обязательства перед составлением годовой отчетности. Инвентаризация становится универсальным инструментом и источником информации для СВК и менеджеров различных уровней.

По большей мере, все это становится возможным благодаря переходу инвентаризации в цифровую плоскость.

Ключевые технологии, упрощающие и автоматизирующие процедуру инвентаризации:

- штрихкоды и QR – передовой способ маркирования товаров, ускоряющий складские процессы и облегчающий учет;
- RFID – системы на основе радиосигналов. Составляют из метки (транспондера), считывателя меток и программного обеспечения. Используются для марки-

ровки крупных объектов, а также контроля перемещения в режиме реального времени;

- для автоматизированной проверки штрихкодов и RFID-меток применяется техническое оборудование – терминалы сбора данных (ТСД). Данный прибор представляет собой портативное мобильное устройство, сочетающее функции сканера и мини-компьютера. Позволяет считывать информацию с маркированной продукции, обрабатывать и передавать ее в базу данных автоматизированной учетной системы;

- летательные аппараты (БПЛА) для полной автоматизации процедуры инвентаризации складских помещений.

Современные склады представляют собой, как правило, одноэтажное здание высотой более 10 метров с многоуровневым стеллажным оборудованием. Проведение инвентаризации в таких условиях требует задействования различных складских подъемников и прочего оборудования. БПЛА позволяют автоматизировать данный процесс. Складской дрон оснащен множеством датчиков-сканеров, обеспечивающих быстрый и точный сбор данных о запасах на складе. Беспилотный аппарат способен пролетать по рядам стеллажей на любой высоте в ограниченном пространстве и работать до 35 минут без замены аккумулятора. При этом время сканирования одного паллета составляет до 5 секунд [9].

В зарубежной практике в 2021 г. компания «IKEA» совместно с поставщиком робототехники и искусственного интеллекта «Verity» внедрила дроны в проведение внутреннего аудита на распределительном центре в Бельгии.

В 2020 г. компания «Кимберли-Кларк» впервые в России провела полную инвентаризацию складского помещения готовой продукции площадью око-

Таблица 1

Сравнение методических указаний и ФСБУ 28/2023

Критерии	Методические указания	ФСБУ 28
Юридическая сила	Несут рекомендательный характер	Федеральный стандарт обязателен для всех хозяйствующих субъектов, за исключением случаев, предусмотренных Стандартом
Объекты инвентаризации	Имущество и финансовые обязательства	Активы и обязательства + забалансовые объекты
Цель процедуры	Проверка фактического наличия	Помимо фактического наличия подтверждается состояние объектов и обоснованность оценки
Оценка выявленных отклонений	Оценка по себестоимости	Выявленные излишки оцениваются по <i>справедливой</i> или <i>балансовой</i> стоимости
Способы проведения	Физическое взвешивание/ пересчет/обмер имущества	Допускается использование современных технологий: видеофиксация, лазерное сканирование и другие

ло 25 тыс. кв. м. в г. Домодедово с использованием БПЛА.

Компания «Метро» на складе в г. Ногинск с использованием 4-х дронов провела инвентаризацию 12 тыс. паллета-мест за 8 часов, что существенно упростило трудоемкий процесс [10].

Использование беспилотных летательных аппаратов с искусственным интеллектом позволяет сократить время проведения инвентаризации в среднем на 75 %, повысить точность собираемых данных и сократить затраты на персонал, высвобождая человеческие ресурсы.

Цифровая трансформация процедуры инвентаризации – наиболее эффективный способ минимизации ошибок и злоупотреблений. Несмотря на необходимость первоначальных инвестиций в оборудование и программное обеспечение, внедрение современных технологий обеспечивает беспрецедентную точность и скорость учета, способствует оперативному реагированию на любые изменения, позволяет снизить трудозатраты и минимизировать потери. С вступлением в юридическую силу ФСБУ 28/2023 технологическое обновление инвентаризационных процессов становится путем к обеспечению достоверности бухгалтерской финансовой отчетности и повышению общей эффективности бизнеса.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо сказать о выводах, имеющих принципиальное значение для модернизации процедуры проведения инвентаризации как метода обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Во-первых, проведение инвентаризации в современной бизнес-среде перестала быть исключительно бухгалтерской процедурой и эволюционировало в стратегический инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия.

Переход от формального подхода к цифровизации и внедрению современных технологий становится жизненно необходимым шагом для любой компании, стремящейся к устойчивому развитию и прозрачности.

Во-вторых, вступление в юридическую силу ФСБУ 28/2023 не только ужесточает требования к качеству и содержанию процедуры, но и создает юридические условия для технологической модернизации и цифровой интеграции в методику проведения инвентаризации.

В-третьих, автоматизация процедуры проведения инвентаризации позволяет значительно экономить трудовые ресурсы организации, а также повышает качество и эффективность результатов; снижает временные затраты на ее проведение.

Таким образом, инвестиции во внедрение современных цифровых технологий выходит за рамки дополнительных расходов. Прежде всего, это стратегические вложения в безопасность, эффективность и репутацию бизнеса, а также один из путей к управляемости риска-

ми, обеспечению прозрачности и повышению конкурентоспособности организации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/
2. Приказ Минфина России от 13 января 2023 г. № 4н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443995/
3. Приказ Минфина России от 13 июня 1995 г. № 49 «Об утверждении Методических указаний по инвентаризации имущества и финансовых обязательств» (утратил силу) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7152/
4. Приказ Минфина России от 29 июля 1998 г. № 34н (ред. от 11.04.2018) «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20081/
5. Рахманов Н. И. Применение технологий радиочастотной идентификации в автоматизации склада хранения готовой продукции на полиграфическом предприятии // Молодой ученый. 2023. № 29 (476). С. 9–14.
6. Рогозина А. В. Влияние человеческого фактора в эпоху цифровизации : как системные ошибки сохраняют неточности инвентаризации // Молодой ученый. 2025. № 49 (600). С. 126–127.
7. Темури Кудратуллах. Роль цифровизации в современном бизнесе // Молодой ученый. 2024. № 17 (516). С. 32–35.
8. Шевырькова М. И. Цифровизация учетно-аналитических процессов организации : действующая практика, перспективы и риски // Молодой ученый. 2025. № 6 (557). С. 51–56.
9. Ширяева И. А. Автоматизация процесса инвентаризации в складской логистике // Молодой ученый. 2024. № 49 (548). С. 62–65.
10. Инвентаризация дронами // URL: <https://sustainability.metro-cc.ru/resursoeffektivnye-tcz/inventarizacziya-dronami-v-rcz/>

Bibliographic list

1. Federal Law of December 6, 2011 № 402-FZ «On accounting» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/
2. Order of the Ministry of Finance of Russia dated January 13, 2023 № 4n «On approval of the Federal Accounting Standard FSBU 28/2023 «Inventory» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443995/
3. Order of the Ministry of Finance of Russia dated June 13, 1995 № 49 «On approval of the Methodological

Guidelines for the Inventory of property and financial liabilities» (no longer in effect) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7152/

4. Order of the Ministry of Finance of Russia dated July 29, 1998 № 34n (as amended on April 11, 2018) «On approval of the Regulation on accounting and financial reporting in the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20081/

5. Rakhmanov N. I. Application of radio frequency identification technologies in automation of a finished goods storage warehouse at a printing enterprise // Young Scientist. 2023. № 29 (476). P. 9–14.

6. Rogozina A. V. The influence of the human factor in the age of digitalization : how systemic errors maintain

inventory inaccuracies // Young Scientist. 2025. № 49 (600). P. 126–127.

7. Temuri Qudratullah. The role of digitalization in modern business // Young Scientist. 2024. № 17 (516). P. 32–35.

8. Shevyrkova M. I. Digitalization of accounting and analytical processes of an organization: current practice, prospects and risks // Young scientist. 2025. № 6 (557). P. 51–56.

9. Shiryayeva I. A. Automation of the inventory process in warehouse logistics // Young scientist. 2024. № 49 (548). P. 62–65.

10. Inventory using drones // URL: <https://sustainability.metro-cc.ru/resursoeffektivnye-tcz/inventarizacziya-dronami-v-rcz/>

Информация об авторах

В. И. Бобошко – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Е. С. Бурмистров – командир отделения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. I. Boboshko – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

E. S. Burmistrov – Commander of the Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 20.02.2026.

Научная статья

УДК 336.225.673

EDN: <https://elibrary.ru/klewwq>

ИДЕН: 2015-0066-1/26-403

MOSURED: 77/27-011-2026-01-602

Эффективность камеральных и выездных налоговых проверок в 2020–2025 гг.: статистический анализ и перспективы развития контрольной работы

Наталья Михайловна Бобошко¹, Дарья Андреевна Сапожникова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ natmb@list.ru

² Dary-04@yandex.ru

Аннотация. Проводится комплексный анализ современных тенденций в организации налоговых проверок и их результативности в Российской Федерации на основе открытых данных Федеральной налоговой службы Российской Федерации (форма № 2-НК) и аналитических публикаций. Выявлена устойчивая динамика сокращения общего количества проверок при одновременном улучшении качества контрольной работы, где доля результативных проверок растет, однако средняя и общая суммы доначислений увеличиваются. Представлены описательная и аналитическая части с табличными сводками по ключевым показателям; проведен регрессионно-логический анализ возможных причин роста сумм доначислений; предложены практические рекомендации по снижению сумм доначислений при сохранении высокого качества контрольной работы.

Ключевые слова: налоговый контроль, форма № 2-НК, камеральные проверки, выездные проверки, результативность, доначисления, органы ФНС России, аналитика налоговой статистики

Для цитирования: Бобошко Н. М., Сапожникова Д. А. Эффективность камеральных и выездных налоговых проверок в 2020–2025 гг.: статистический анализ и перспективы развития контрольной работы // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 178–182. EDN: KLEWWQ.

Original article

The effectiveness of office-based and on-site tax audits in 2020–2025: statistical analysis and prospects for the development of control work

Natalya M. Boboshko¹, Darya A. Sapozhnikova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ natmb@list.ru

² Dary-04@yandex.ru

Abstract. Held a comprehensive analysis of current trends in the organization and effectiveness of tax audits in the Russian Federation, based on open data from the Federal Tax Service of the Russian Federation (Form № 2-NK) and analytical publications. A steady decline in the overall number of audits, coupled with an improvement in the quality of audits, is identified, where the share of successful audits is growing, and the average and total amount of additional assessments is increasing. Presented descriptive and analytical sections with tabular summaries of key indicators, a regression-logical analysis of the possible causes of the increase in additional assessments, and practical recommendations and measures aimed at reducing the amount of additional assessments while maintaining high audit quality are proposed.

Keywords: tax audits, form № 2-NK, desk audits, on-site audits, effectiveness, additional assessments, Federal Tax Service of Russia, tax statistics analytics

For citation: Boboshko N. M., Sapozhnikova D. A. The effectiveness of office-based and on-site tax audits in 2020–2025: statistical analysis and prospects for the development of control work. Bulletin of economic security. 2026;(1):178–82. (In Russ.). EDN: KLEWWQ.

© Бобошко Н. М., Сапожникова Д. А., 2026

Введение

Налоговый контроль представляет собой один из ключевых инструментов обеспечения фискальной дисциплины и стабильности пополнения бюджета Российской Федерации. За последние годы в организационной практике налоговых органов Российской Федерации наблюдается существенная модернизация подходов к отбору объектов контроля, к методикам проведения проверок и к взаимодействию с другими государственными органами. Параллельно, на портале Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС России), публикуются стандартизованные формы статистической отчетности, одна из которых форма № 2-НК «Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов» [3]. Данный отчет служит основным источником агрегированной информации о масштабах и результатах контрольной деятельности ФНС России.

Цель данного исследования – на основании агрегированных статистических данных (за период 2020–2025 гг.) проанализировать динамику камеральных и выездных проверок, оценить их результативность и предложить меры, позволяющие снизить сумму доначислений, не снижая при этом качества налогового контроля. Поскольку ФНС публикует детализированные отчеты и формы статистики (включая формы № 2-НК и аналитические отчеты), анализ тесно связан с официальными источниками и мнениями ученых по данной тематике.

Теоретико-методологические основы исследования статистических показателей камеральных и выездных налоговых проверок в 2020–2025 гг.

В основе исследования лежит анализ агрегированных количественных показателей за 2020–2025 гг. Для сопоставимости и наглядности рассчитаны относительные индикаторы:

- доля выявленных нарушений от числа камеральных проверок (в %);
- средняя сумма доначислений на одну камеральную проверку (в руб.);
- средняя сумма доначислений на одно выявленное нарушение (в руб.);
- динамика количества выездных проверок.

Такой набор показателей позволяет оценить как масштаб контрольной деятельности, так и ее «эффек-

тивность» с точки зрения выявления финансового эффекта. Методологически также принято указывать, что за 2025 г. приняты показатели на 1 июля 2025 г. (полугодие), поэтому при интерпретации годовых тенденций 2025 г. рассматривается с оговоркой о неполноте периода.

В качестве контрольных рамок и методических ориентиров использованы профильные определения и нормативные акты, регламентирующие порядок проведения камеральных проверок (ст. 88 НК РФ и связанные нормативные акты), а также аналитические отчеты ФНС России и обзоры научных сообществ по трендам налогового контроля [1].

В табл. 1 приведены исходные агрегированные данные.

Анализ агрегированных данных по результатам отчетов о результатах контрольной работы налоговых органов за период 2020–2025 гг.

Из представленных данных видно, что общее число камеральных проверок, которое в 2020–2024 гг. колебалось 7,6–8,0 млн в год, в первом полугодии 2025 г. уже составляет 3,937 млн. Если экстраполировать полугодовой показатель 2025 г. на год (простое умножение на 2 – грубая оценка), годовой показатель 2025 г. мог бы быть порядка около 7,87 млн, что близко к показателям 2021–2024 гг. Однако важно подчеркнуть, что показатель на 1 июля 2025 г. нельзя напрямую приравнять к годовому без учета сезонности, поэтому в интерпретациях 2025 г. стоит ограничиться полугодовыми выводами.

При этом наблюдается выраженная тенденция, где средняя сумма доначислений на одну камеральную проверку и на одно выявленное нарушение существенно возросла с 2020 по 2024 гг., а в полугодии 2025 г. этот показатель также остается высоким (средняя сумма доначислений на одно выявленное нарушение в 2024 г. превышает 100 тыс. руб., а в полугодии 2025 г. порядка 125 тыс. руб.). Это может свидетельствовать о двух факторах, действующих совместно.

1. Смещение в сторону более адресных и «глубоких» камеральных проверок, когда алгоритмы отбора и автоматический предварительный анализ (включая межбазовые сопоставления) указывают на декларации с существенными расхождениями, которые требуют детального разбора.

Таблица 1

Агрегированные данные по результатам отчетов о результатах контрольной работы налоговых органов за период 2020–2025 гг. (ф. № 2-НК)

Период	Камеральные проверки (шт.)	Выявленные наруш. (шт.)	Доначислено (тыс. руб.)	Выездные проверки (шт.)	Доля наруш. от КНП (%)	Среднее доначис. на 1 наруш. (руб.)
2020	7 772 543	312 187	6 177 885	3 775	4 %	19 789,1
2021	8 028 196	410 540	8 323 613	6 971	5,1 %	20 274,8
2022	7 666 534	364 200	17 703 692	6 958	4,7 %	48 611,5
2023	7 664 656	379 912	22 231 722	3 818	4,9 %	58 538,8
2024	7 936 286	431 925	43 736 223	4 527	5,4 %	101 258,8
2025	3 937 270	168 263	21 065 536	2 638	4,3 %	125 194,1

2. Повышение эффективности выявления крупных налоговых расхождений, в том числе в сферах НДС, трансфертного ценообразования, налогообложения доходов (переводы, схемы с использованием разницы в ставках), приводит к увеличению среднего «чека» доначислений. Оба фактора тесно связаны с внедрением цифровых инструментов у ФНС (автоматизированный анализ, АСК НДС-2, аналитические алгоритмы).

При этом доля нарушений от числа камеральных проверок варьирует в пределах 4–5,5 % по годам. На первый взгляд это выглядит как небольшая доля, так как лишь часть деклараций вызывает формальные расхождения, однако совокупный финансовый эффект этих расхождений (величина доначислений) растет. Это подтверждает мысль о том, что налоговые органы все чаще выявляют не «мелкие» формальные ошибки, а глубокие расхождения, диктуемые либо рисковыми схемами, либо ошибками, требующими существенной корректировки налоговой базы. Экспертные публикации отмечают, что ФНС России активно использует критерии риска и межсистемную сверку данных, что повышает вероятность выявления «существенных» расхождений.

Число же выездных проверок, приведенное в данных, демонстрирует неоднородную динамику, а именно – резкий рост в 2021 г. по сравнению с 2020 г. и 2022 г., затем снижение в 2023 г. и небольшое восстановление в 2024 г. Выездная проверка традиционно рассматривается как инструмент более глубокого анализа и верификации, поэтому их «удельный» вклад в общую сумму доначислений исторически огромный. При этом современные тенденции указывают на то, что ФНС России стремится уменьшить число затратных по ресурсам выездных проверок, заменяя их цифровым предпроверочным анализом и требованиями о представлении пояснений в рамках камеральной проверки, что экономит ресурсы, но при этом может увеличивать долю доначислений, выявляемых «без посещения».

Таким образом, система налогового контроля в Российской Федерации в анализируемый период демонстрирует переход от массового покрытия к избирательному и глубокому анализу, где меньший процент проверок дает больший удельный финансовый эффект. Это соответствует стратегии риск-ориентированного контроля и активному внедрению цифровых аналитических технологий ФНС России.

Рост сумм доначислений – это не просто статистический индикатор «эффективности» налогового контроля, но фактор, несущий серьезные негативные последствия для экономики, бизнеса и самой налоговой системы, и с ним необходимо последовательно бороться. Рост доначислений объясняется не только тем, что выявляется больше нарушений. С 2025 г. изменился порядок расчета пени: за просрочку свыше месяца ставка теперь удваивается. На итоговые суммы повлияло и повышение ключевой ставки Банка России в прошлом году с 16 % до 21 %. Дополнительно на рис. 1 дано графическое отражение роста сумм доначислений.

Чаще всего доначисляют налоги в отраслях, где высокая доля наличных расчетов, дробления и схем ухода от уплаты НДС – строительство, розница, общепит, логистика и услуги.

НДС традиционно занимает одно из первых мест по доначислениям. Ситуация может усугубиться, ведь плательщиков этого налога стало еще больше: с 2025 г. компании и ИП на УСН при доходе свыше 60 млн рублей обязаны платить НДС. Начинать его уплату нужно с 1 числа месяца, следующего за тем, в котором был преодолен лимит в 60 млн рублей. В месяце, в котором лимит был превышен, операции НДС не облагаются – на это обращает внимание Минфин РФ в своем письме от 24 июня 2025 г. № 03-07-11/61264 [2].

Наконец, чрезмерные доначисления и связанные с ними санкции могут стимулировать уход бизнеса в «теневого» сектор и усложнить администрирование нало-

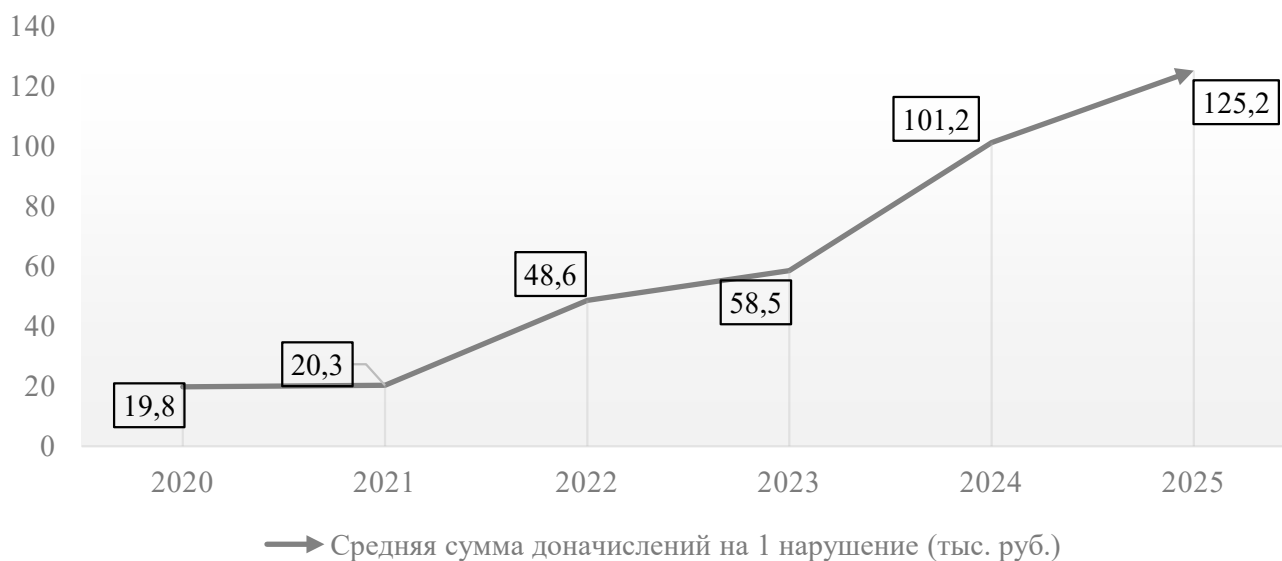

Рис. 1. Средняя сумма доначислений на 1 нарушение за период 2020–2025 гг. в тыс. руб.

гов, сводя на нет положительный эффект контроля. Рекордные доначисления ставят под угрозу стабильность и существование ряда компаний. Поэтому задача состоит не в ослаблении контроля, а в его совершенствовании, а именно – снижении числа необоснованных или непропорционально крупных доначислений за счет повышения прозрачности критериев, улучшения предпроверочного взаимодействия, валидации аналитических моделей и многоступенчатого управленческого контроля по крупным резонансным делам. Только так можно сохранить собираемость налогов и одновременно минимизировать социально-экономические и институциональные риски.

Результаты анализа эффективности камеральных и выездных налоговых проверок с предложениями по совершенствованию текущей практики

На основании проведенного анализа нами предлагается ряд мер по снижению суммы доначислений, не связанных со снижением качества налогового контроля.

Первым и важным направлением выступает повышение качества предпроверочного взаимодействия. Так, в рамках проведения камеральной проверки необходимо использовать расширенный перечень типовых пояснений и образцов подтверждающих документов, чтобы снизить число случаев, требующих доначислений из-за формального непонимания. Статья 88 НК РФ уже предусматривает процедуру запроса пояснений, поэтому важно усилить стандартизацию требований. Для практической же реализации предлагается создание «сервисных» каналов для налогоплательщиков (онлайн-порталы, чат-боты, автоматические напоминания), которые помогают заранее устранять типичные ошибки при подаче деклараций и сокращают количество ошибочных доначислений. Например, будет проводиться предварительная проверка деятельности юридического лица, где заранее результаты проверки будут ему показываться без юридических последствий, а через определенное время будет проводиться камеральная проверка с наложением санкций.

В рамках второго направления следует провести корректировку критериев риск-отбора и прозрачности алгоритмов, используемых ФНС России в рамках налогового контроля. Раскрытие такой информации на официальном сайте ФНС России позволит добросовестным налогоплательщикам предупреждать потенциальные недоразумения и повышать соответствие подаваемых данных. При этом налоговым органам следует проводить проверку алгоритмов риск-аналитики, чтобы уменьшить число ложных срабатываний, приводящих к необоснованным доначислениям и судебным спорам.

Следующее направление – разработка превентивной системы, которая будет основываться на расширении обучающих программ и методических материалов для налогоплательщиков. Кроме этого, важно создать цифровые инструменты самодиагностики для юридиче-

ских лиц (простые чек-листы, которые позволяют оценить уязвимые места в налоговой отчетности еще до подачи декларации внутри организации). Это направление уже обсуждается научным сообществом и требует особого внимания со стороны ФНС России. В рамках создания превентивной системы также важно рассмотреть возможность по дифференциации санкций и льгот для тех налогоплательщиков, которые добровольно устраняют выявленные несоответствия. Такие поощрения добросовестного поведения позволяют снизить число тяжелых споров и ускорить реализацию корректировок. При этом для оценки эффективности такой системы могут быть введены пилотные механизмы реструктуризации доначислений в случаях, где экономическая устойчивость предприятия под угрозой, что снизит риски и позволит избежать ухудшения экономической ситуации в отдельных отраслях.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует, что в 2020–2025 гг. российская система налогового контроля демонстрирует явный сдвиг от массового охвата к избирательному и более глубокому анализу деятельности налогоплательщиков. Количество камеральных проверок в год оставалось на уровне примерно 7,6–8,0 млн, при этом суммарные доначисления выросли с 6,18 млрд руб. в 2020 г. до 43,74 млрд руб. в 2024 г. Средний размер доначислений на одну камеральную проверку и на одно выявленное нарушение существенно увеличился, особенно в 2023–2025 гг. Такая динамика объясняется цифровизацией налогового контроля, внедрением риск-ориентированных критериев отбора и совершенствованием аналитических инструментов ФНС России. Эти изменения повышают результативность контрольной работы, но одновременно создают определенные проблемы. Предложенные практические рекомендации направлены на снижение суммы доначислений без снижения эффективности налогового контроля.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 31. Ст. 3824.
2. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 24 июня 2025 г. № 03-07-11/61264 «О применении с 1 января 2025 г. НДС организацией, применяющей УСН» // URL: <https://base.garant.ru/412309122/>
3. ФНС России. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Отчет формы № 2-НК «О результатах контрольной работы налоговых органов (сведения о проведении камеральных и выездных проверок)» // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn14/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

References

1. Part One of the Tax Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 № 146-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 31. Art. 3824.
2. Letter of the Tax Policy Department of the Ministry of Finance of Russia dated June 24, 2025 № 03-07-11/61264 «On the application of VAT by organizations applying the

simplified tax system (STS) as of January 1, 2025» // URL: <https://base.garant.ru/412309122/>

3. Federal Tax Service of Russia. Data on Statistical Tax Reporting Forms. Report Form № 2-NK «On the results of control work by tax authorities (information on the conduct of desk and on-site audits)» // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn14/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Информация об авторах

Н. М. Бобошко – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Д. А. Сапожникова – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. M. Boboshko – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

D. A. Sapozhnikova – Cadet of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Предпринимательское право. Под ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанова ; под общ. ред. Т. В. Дерюгиной, А. В. Тумакова. Учебник. 9-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

В учебнике рассмотрены становление и развитие предпринимательства в России, организационно-правовые формы предпринимательской деятельности и ее правовое регулирование со стороны государства, в том числе в сфере лицензирования, конкуренции (антимонопольное законодательство), налогообложения, расчетно-финансовых отношений, выполнения договорных обязательств, рассмотрения гражданско-правовых споров с участием предпринимателей, корпоративных споров.

Особое внимание уделено вопросам защиты прав и интересов предпринимателей, правового регулирования инновационной и внешнеэкономической деятельности, регламентации имущественных отношений участников обществ с ограниченной ответственностью.

Для студентов юридических и экономических вузов и факультетов, а также специалистов в сфере предпринимательской деятельности, руководителей предприятий и организаций, предпринимателей.

Научная статья

УДК 336.148

EDN: <https://elibrary.ru/wqvfmw>

НИОН: 2015-0066-1/26-404

MOSURED: 77/27-011-2026-01-603

Трансформация методологии государственного финансового контроля в условиях цифровизации: переход к предиктивному интеллектуальному аудиту

Светлана Алексеевна Веселкина¹, Михаил Владимирович Дородных²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ veselkinasveta@bk.ru

² mibanan97@mail.ru

Аннотация. Исследуется трансформация системы государственного финансового контроля в условиях перехода к технологическому суверенитету и реализации национального проекта «Цифровая экономика». Обосновывается парадигмальный сдвиг от реактивных методов фиксации нарушений к модели предиктивного интеллектуального аудита, базирующегося на технологиях машинного обучения и глубокого семантического анализа. Проведен сравнительный анализ опыта трех ведущих юрисдикций (Бразилии, Великобритании и Китая), позволивший выявить эффективность интеллектуального скоринга и межведомственной конвергенции данных. На основе исследования фрагментированной архитектуры отечественных информационных систем – ГИИС «Электронный бюджет», ЕИС, АСК НДС-2 – предложена авторская четырехэтапная концепция Единой платформы аналитического прогнозирования. Особое внимание уделено математическому обоснованию вектора риска на базе алгоритмов интеллектуального анализа данных и правовой легитимации выводов ИИ через внедрение принципов интерпретируемого искусственного интеллекта.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, искусственный интеллект, предиктивная аналитика, Федеральное казначейство, цифровая трансформация, экономическая безопасность

Для цитирования: Веселкина С. А., Дородных М. В. Трансформация методологии государственного финансового контроля в условиях цифровизации: переход к предиктивному интеллектуальному аудиту // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 183–194. EDN: WQVFMW.

Original article

Transformation of the methodology of state financial control in the context of digitalization: transition to predictive intelligent audit

Svetlana A. Veselkina¹, Mikhail V. Dorodnykh²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ veselkinasveta@bk.ru

² mibanan97@mail.ru

Abstract. The transformation of the state financial control system in the context of the transition to technological sovereignty and the implementation of the national project «Digital Economy» is examined. The authors substantiate a paradigmatic shift from reactive methods of fixing violations to a model of predictive intelligent auditing based on machine learning technologies and deep semantic analysis. A comparative analysis of the experience of three leading jurisdictions (Brazil, Great Britain and China) was carried out, which made it possible to identify the effectiveness of intelligent scoring and interdepartmental data convergence. Based on the study of the fragmented architecture of domestic information systems – GIIS «Electronic Budget», EIS, ASK VAT-2 – the author's four-stage concept of a single analytical forecasting platform is proposed. Special attention is paid to the mathematical justification of the risk vector based on data mining algorithms and the legal legitimization of AI conclusions through the introduction of principles of interpreted artificial intelligence.

Keywords: state financial control, artificial intelligence, predictive analytics, Federal Treasury, digital transformation, economic security

For citation: Veselkina S. A., Dorodnykh M. V. Transformation of the methodology of state financial control in the context of digitalization: transition to predictive intelligent audit. Bulletin of economic security. 2026;(1):183–94. (In Russ.). EDN: WQVFMW.

© Веселкина С. А., Дородных М. В., 2026

Введение

Современный этап развития системы государственных финансов характеризуется глубокой трансформацией, обусловленной усложнением архитектуры бюджетных потоков и экспоненциальным ростом объемов неструктурированной информации (Big Data). Масштаб цифровизации государственного сектора в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [4] определяет необходимость пересмотра традиционных подходов к управлению общественными ресурсами.

Индикатором масштабности обрабатываемых массивов данных выступает функционирование Единой информационной системы в сфере закупок (далее ЕИС). По итогам 2024 г. через данную платформу были заключены контракты на общую сумму порядка 12 трлн руб. (в рамках Федерального закона № 44-ФЗ), при этом показатель экономии бюджетных средств составил 418 млрд руб. В сегменте корпоративных закупок (Федеральный закон № 223-ФЗ) стоимостный объем достиг 35,3 трлн руб. [13], что свидетельствует о колоссальной концентрации финансовых обязательств в цифровом контуре. Столь значительная концентрация финансовых ресурсов требует адекватных механизмов мониторинга и защиты, предусмотренных ведомственной программой цифровой трансформации Федерального казначейства [5].

В условиях существующих бюджетных ограничений и нарастающих геополитических вызовов обеспечение экономической безопасности государства смещается из области констатации совершенных правонарушений в сферу их гарантированного предотвращения. Традиционная методология государственного финансового контроля (далее – ГФК), сформированная в доцифровую эпоху и ориентированная на выборочные документарные проверки постфактум, практически исчерпала свой потенциал эффективности.

Данный тезис подтверждается анализом отчетов Счетной палаты РФ [9; 10], согласно которым объем выявленных нарушений сохраняет стабильно высокую динамику. При этом значительная часть девиаций обнаруживается уже после совершения кассового расхода, когда возврат средств в бюджет или применение мер административной ответственности становятся затруднительными. Как справедливо подчеркивают Н. М. Бобошко и В. И. Бобошко [7], обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации требует разработки и внедрения принципиально новых инструментов, способных превентивно купировать угрозы нецелевого использования бюджетных средств еще на этапе планирования и санкционирования транзакций.

Научное осмысление данных проблем в рамках концепций стратегической трансформации казначейской системы в цифровую эпоху [11] и риск-ориентированного подхода формирует базу для качественного изменения контрольной деятельности. Цель данного исследования – концептуальное и научно-методическое обосно-

вание перехода к парадигме предиктивного (предсказательного) интеллектуального аудита. Данный переход рассматривается нами как фактор повышения результативности деятельности Федерального казначейства и Счетной палаты РФ в условиях обеспечения цифрового суверенитета.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение) и специальные методы финансового контроля. В работе использованы данные официальных отчетов Счетной палаты РФ [9; 10], статистические показатели Министерства финансов РФ и портала «Госзакупки» [13], а также результаты анализа международного опыта внедрения систем предиктивного контроля, таких как «Alice» (Бразилия) [20–22] и моделей Департамента труда и пенсий (Великобритания) [19; 23; 24], а также платформы «Золотой налог» (Китай) [17; 26; 27; 28].

Теоретической базой послужили труды ведущих ученых в области финансового права, государственного аудита и экономической безопасности: Н. М. Бобошко и В. И. Бобошко [7], Т. И. Кришталева [8], С. Е. Прокофьева [11], И. И. Кучерова [15], С. А. Аблязова [6], Е. В. Филатова [14] и др.

Исследование базируется на гипотезе о том, что интеграция методов машинного обучения в процессы ГФК позволит снизить коррупциогенные риски в процессе выполнения государственных заказов на 15–20 % в первый год внедрения. Для проверки гипотезы использовались:

1) нормативно-правовой базис: Бюджетный кодекс РФ [1], КоАП РФ [2], а также ведомственные акты, регулирующие цифровую трансформацию финансовой сферы [3; 4; 5];

2) эмпирические данные: сводная статистика портала «Госзакупки» (zakupki.gov.ru) [13], статистические сборники НИУ ВШЭ [16], отчеты Счетной палаты РФ за период 2020–2024 гг. [9; 10];

3) методы моделирования: для демонстрации возможностей ИИ применялось два класса алгоритмов, релевантных для задач непрерывного аудита (на основе зарубежных практик [17; 24]):

- «Random Forest» (случайный лес) – для классификации контрактов по уровню риска (низкий/средний/высокий) на основе исторических данных о нарушениях;

- «Isolation Forest» (изолирующий лес) – для выявления аномалий в платежных потоках, когда система идентифицирует транзакции, отклоняющиеся от стандартного профиля бюджетного учреждения без предварительного обучения на размеченных данных.

Обзор литературы и теоретическая база

Вопросы цифровизации контроля находятся в фокусе внимания как российских, так и зарубежных исследователей, вместе с тем теоретический базис претерпевает существенные изменения в связи с переходом от простой автоматизации к внедрению систем искус-

ственного интеллекта. Фундаментальный вклад в трансформацию методологии ГФК внес С. Е. Прокофьев [11], обосновавший необходимость стратегической трансформации казначейской системы в цифровую эпоху. В его трактовке казначейство эволюционирует из регистратора бюджетных операций в интеллектуальный хаб, обеспечивающий прозрачность и сквозной мониторинг общественных финансов через создание единой цифровой экосистемы сервисов.

Развивая эту мысль, Т. И. Кришталева [8] акцентирует внимание на модернизации риск-ориентированного подхода. Автор доказывает, что в условиях цифровизации контроль должен трансформироваться из репрессивного механизма в систему «умного» мониторинга зон высокой концентрации рисков, что позволяет минимизировать административное давление на добросовестных участников бюджетного процесса. Это перекликается с выводами Н. М. Бобошко и В. И. Бобошко [7], которые подчеркивают, что в системе обеспечения экономической безопасности ГФК должен играть превентивную роль. По мнению авторов, эффективность контроля прямо пропорциональна его способности купировать угрозы нецелевого использования средств еще на стадии санкционирования транзакций.

Несмотря на значительный объем теоретических наработок, в отечественной литературе наблюдается определенный дефицит междисциплинарных исследований на стыке финансов и права. Так, И. И. Кучеров и Н. А. Поветкина [15] указывают на возникновение «циф-

ровой сущности» финансового права, отмечая, что новые технологические инструменты требуют адекватного правового регулирования. В свою очередь, С. А. Аблязова и Е. В. Филатова [6; 14] рассматривают ИИ не просто как техническое средство, а как фактор трансформации профессиональных компетенций аудитора, подчеркивая потенциал нейронных сетей в выявлении латентных финансовых нарушений. Однако, как показывает критический анализ, проблема юридической легитимации «машинных» выводов в системе правоохранительных органов до сих пор остается открытой.

В зарубежной научной мысли доминирует концепция «Continuous Auditing» (непрерывного аудита) и «Auditing 4.0», успешно реализуемая в практиках ОЭСР и Великобритании [22; 24]. В отличие от традиционных методов, предполагающих периодические проверки, непрерывный аудит базируется на анализе данных в режиме реального времени. Это позволяет перейти от выборочного анализа (традиционно охватывающего не более 5–10 % транзакций) к анализу 100 % популяции данных, чтократно повышает вероятность обнаружения аномалий и сетевых признаков мошенничества. Таким образом, теоретический фундамент «непрерывного аудита», заложенный зарубежными исследователями и апробированный в системах «Alice» и «UC Advances» [20; 23], создает необходимые предпосылки для практической имплементации предиктивных моделей в отечественную практику ГФК. Опираясь на данные концепции, нами были проанализированы количественные

Рис. 1. Сравнительная модель детерминант трансформации ГФК

и качественные изменения, возникающие при переходе к интеллектуальному контролю в условиях российской цифровой экосистемы.

Результаты исследования и их обсуждение

Практическая реализация предиктивной парадигмы требует четкого понимания детерминант эффективности. Интеграция технологий искусственного интеллекта в методологию государственного аудита определяет качественную трансформацию контрольной деятельности, позволяя нивелировать деструктивное влияние субъективных факторов и минимизировать риск возникновения операционных ошибок [6; 7].

Разработанная нами сравнительная модель бимодальной трансформации ГФК (рис. 1) отражает качественный скачок в архитектуре государственного аудита. В отличие от традиционного подхода, ограниченного информационными лагами и селективностью выборки, предиктивная модель Auditing 4.0 обеспечивает полную транспарентность бюджетных потоков [22; 24].

Ключевым показателем эффективности здесь выступает смещение временного вектора контроля: из области фиксации кассового расхода в область анализа намерений и рисков на этапе планирования. Это позволяет трансформировать деятельность контрольных органов из «карательной» в «превентивно-консультационную», что полностью соответствует целям обеспечения цифрового суверенитета и экономической безопасности [3; 11]. Реализация указанного вектора развития в условиях сверхвысоких скоростей движения финансовых потоков представляется труднодостижимой в рамках классических алгоритмов, основанных на детерминированных правилах. Переход к гибкому, адаптивному контролю объективно обуславливает необходимость внедрения когнитивного инструментария, способного выявлять латентные закономерности в массивах больших данных.

Практическим воплощением данной потребности выступает использование алгоритмов глубокого обучения. В отличие от традиционного статистического аппарата, нейросетевые модели обладают способностью верифицировать скрытые нелинейные зависимости в гетерогенных массивах Big Data, что является критически важным условием для выявления латентных схем хищения бюджетных средств [14; 16]. Способность ИИ к самообучению на основе ретроспективных данных позволяет не только идентифицировать уже известные формы финансовых девиаций, но и прогнозировать появление новых способов обхода контрольных процедур.

В то же время масштабная имплементация подобных методов в отечественную практику закономерно сталкивается с барьером институциональной инерции. Внедрение предиктивного аудита требует комплексной адаптации нормативно-правового поля, в частности – в вопросах жесткой регламентации процессуальных сроков и стандартов легитимации цифровой доказательной базы [15]. Поиск путей преодоления указанных ограничений обуславливает необходимость обращения к

передовому мировому опыту, где трансформация контрольных механизмов уже перешла из стадии концептуального проектирования в плоскость системной эксплуатации.

Анализ деятельности Высших органов аудита стран БРИКС и ОЭСР подтверждает, что искусственный интеллект эволюционировал из футурологической концепции в базовый инструментальный обеспечения финансовой дисциплины [18; 22]. Ведущие мировые практики демонстрируют переход к использованию распределенных аналитических платформ, позволяющих автоматизировать поиск признаков коррупционной аффилированности. Одним из наиболее репрезентативных примеров такой трансформации является опыт Бразилии, где синергия технологических инноваций и государственного контроля позволила создать эталонную систему непрерывного аудита [20; 22].

Экосистема роботизированного аудита «Alice» как бенчмарк предиктивного контроля

Бразилия в лице Генеральной контрольной службы Союза и Федерального суда аудита демонстрирует одну из наиболее совершенных в мире моделей применения искусственного интеллекта для обеспечения честности государственных закупок. Ключевым технологическим драйвером данной трансформации выступает интеллектуальная система Alice (Analizador de Licitações, Contratos e Editais), разработанная для автоматизированного анализа тендерной документации и выявления рисков мошенничества на ранних стадиях [20; 22].

Методологическая уникальность Alice заключается в использовании комбинации технологий искусственного интеллекта, роботизированной автоматизации процессов и глубокого интеллектуального анализа текстов. Система осуществляет ежедневный автоматизированный мониторинг всех ключевых порталов закупок страны, включая *Compras.gov.br* [21], систему Банка Бразилии *Licitações-e*, портал *Caixa Econômica Federal*, а также официальное правительственное издание *Diário Oficial da União*. Аналитическая мощь платформы позволяет консолидировать около 40 различных типологий рисков – от признаков картельного сговора и аффилированности участников до выявления необоснованного завышения цен или избыточности объемов закупаемых товаров [22].

Динамика внедрения Alice иллюстрирует экспоненциальный рост эффективности государственного аудита. Если традиционные методы контрольных проверок в Бразилии ранее требовали в среднем более 400 дней, то внедрение предиктивных алгоритмов позволило сократить время проведения превентивного анализа до 8 календарных дней. Это создает условия для так называемого «tempestive action» – своевременного вмешательства, позволяющего приостановить или скорректировать торги еще до момента расходования бюджетных средств. Масштабы охвата системы впечатляют: в 2023 г. Alice проанализировала 190 923 закупочные процедуры, что привело к инициированию 203

аудиторских проверок на общую сумму 27 млрд реалов. По итогам 2023 г. превентивные действия, основанные на алертах системы, позволили отменить или приостановить закупки с выявленными признаками нарушений на сумму более 2,08 млрд реалов [20].

В 2024 г. система продемонстрировала еще более высокие показатели результативности. За отчетный период Alice проанализировала более 161 тыс. процессов закупок, из которых 35 210 пришлось на органы, непосредственно контролируемые CGU. Результатом этой работы стали 212 глубоких аудиторских проверок процедур на колоссальную сумму 30,57 млрд реалов. Прямая экономическая выгода от превентивных мер, скоординированных системой, только за 2024 г. оценивается в 1,25 млрд реалов. В ретроспективе периода 2019–2022 гг. благодаря оповещениям Alice было приостановлено или отменено тендеров на сумму свыше 9,7 млрд реалов, при этом чистая финансовая выгода государству за этот период превысила 1,3 млрд реалов [20].

Институциональный успех Alice обусловлен созданием широкой сети пользователей: оповещения системы получают более 500 квалифицированных аудиторов из органов исполнительной, судебной власти, прокуратуры и контрольных ведомств штатов и муниципалитетов. В рамках реализации «Плана обеспечения честности и борьбы с коррупцией на 2024–2027 годы» Alice была интегрирована непосредственно в рабочие интерфейсы государственных менеджеров, что позволяет купировать риски еще на этапе планирования закупки [20–22]. Техническая эффективность системы базируется на способности алгоритма распознавать идентичные метаданные в файлах разных поставщиков, что практически невозможно выявить при ручном анализе сотен тысяч документов, но является неоспоримым доказательством сговора. Таким образом, бразильский опыт подтверждает, что переход к предиктивному аудиту не только оптимизирует работу государственных служащих, но и радикально повышает прозрачность и честность управления государственными финансами, выступая глобальной моделью для стран, сталкивающихся с аналогичными вызовами в сфере закупок.

Великобритания: предиктивный мониторинг социальных трансфертов в системе DWP

Продолжая анализ глобальных траекторий цифровизации государственного контроля, целесообразно рассмотреть опыт Великобритании. В то время как бразильская модель сфокусирована на предотвращении картелизации в закупках, британский Департамент труда и пенсий демонстрирует глубокую интеграцию предиктивной аналитики в сферу управления социальными рисками и предотвращения фрода при выплате пособий [19; 23].

Ключевым инструментом DWP выступает модель машинного обучения UC Advances, предназначенная для оценки рисков при запросах на авансовые платежи по Универсальному кредиту [24]. В условиях масштабного функционирования системы, когда за 2024/2025

финансовый год было выдано 1,4 млн авансов на общую сумму 0,8 млрд фунтов стерлингов, предиктивный скоринг становится критически важным элементом защиты государственных средств [23].

Методологические и операционные параметры британской модели характеризуются следующими данными:

- *эффективность идентификации рисков*: по результатам мониторинга 2024/2025 гг., модель оказалась в три раза более эффективной в выявлении случаев мошенничества по сравнению с методом случайной выборки;

- *масштаб потерь*: совокупный объем мошенничества и ошибок в сегменте UC Advances за указанный период оценивается в диапазоне до 60 млн фунтов стерлингов, что требует внедрения высокоточных инструментов контроля для защиты публичных финансов;

- *влияние на добросовестных получателей*: одной из приоритетных задач системы является минимизация задержек для легитимных заявителей. Медианная задержка платежа при срабатывании риск-модели и последующем одобрении инспектором составляет всего один день, что сопоставимо с традиционными методами контроля [19; 23].

Особое внимание в британской практике уделяется принципам алгоритмической прозрачности и справедливости. Департамент официально публикует отчеты о работе модели, признавая наличие определенных статистических диспропорций в группах риска (например, для заявителей старше 66 лет и лиц, не являющихся гражданами Великобритании) [24]. В рамках программы развития на 2026 г. запланировано переобучение модели для более точного соответствия современным паттернам фрода и снижения необоснованных отклонений [23].

Фундаментальным залогом легитимности системы в Великобритании остается принцип «человек в контуре». Модель не принимает окончательных решений об отказе в выплате; она лишь перенаправляет высокорисковые кейсы сотруднику DWP, который принимает итоговое решение на основе всей совокупности данных [24]. Это обеспечивает защиту прав граждан и предотвращает автоматизированную дискриминацию.

Интересно отметить, что стремление к прозрачности и стандартизации данных в Великобритании коррелирует с общеевропейскими инициативами. Примером такой унификации в другой сфере является Европейская система перевода и накопления кредитов, которая делает учебные программы прозрачными и сопоставимыми за счет фиксации нагрузки (60 кредитов за учебный год) [25]. Аналогично ECTS, создающей единый «язык» для академической мобильности, реестры алгоритмической прозрачности Великобритании создают единый стандарт подотчетности государственных ИИ-систем перед обществом.

Таким образом, британский опыт подтверждает тезис о том, что предиктивный аудит наиболее эффективен

при соблюдении баланса между жестким финансовым контролем и обеспечением прав граждан через механизмы аудиторской и алгоритмической верификации.

Китай: система «Golden Tax» как глобальный эталон цифровой конвергенции и тотального мониторинга

Переход от британской модели предиктивного скоринга социальных рисков, ориентированной на защиту прав граждан и предотвращение фрода в системе DWP, к китайской практике «Золотого налога» знаменует собой переход к концепции тотальной фискальной транспарентности. Если опыт Великобритании демонстрирует возможности ИИ в узких сегментах социальной поддержки, то Китайская Народная Республика реализовала самый масштабный в мире проект по переводу всей системы государственного управления финансами на рельсы «управления через данные» [26; 28].

Китайская система Golden Tax (далее – GTS), запущенная в своей первой итерации еще в 1994 г., на текущем этапе выступает глобальным эталоном централизованного цифрового контроля. Фундаментальный сдвиг в эффективности государственного финансового контроля произошел с внедрением Golden Tax Phase III. В отличие от предыдущих фаз, GTP III стала не просто инструментом учета НДС, а комплексной платформой, базирующейся на принципах одной платформы и двух уровней обработки. Эта архитектура позволила создать единую технологическую среду, в которой налоговая информация беспрепятственно циркулирует между различными государственными ведомствами, реализуя механизмы перекрестной проверки и непрерывного мониторинга в режиме реального времени [27; 28].

С технической точки зрения, GTP III опирается на «три охвата и четыре подсистемы», что позволяет системе контролировать все виды налогов и мониторить каждую транзакцию вне зависимости от географического положения контрагентов. Использование технологий Big Data и облачных вычислений позволило налоговым органам КНР совершить качественный скачок в точности и своевременности получения информации о бизнес-активности предприятий. Эмпирические исследования подтверждают, что внедрение GTP III радикально ограничило дискреционные полномочия местных налоговых органов и эффективно подавило коррупционные риски в процессе администрирования [27].

Особый научный интерес представляет влияние GTP III на корпоративное поведение. Согласно данным квазиприродного эксперимента, охватившего период с 2010 по 2018 г., улучшение технологий налогового администрирования привело к сокращению уровня пожертвований частных предприятий на 21,6 % [28]. Этот парадоксальный, на первый взгляд, результат объясняется разрушением негласного контракта «пожертвование в обмен на налоги». В условиях дефицита технологического контроля местные власти часто вступали в скрытые сделки с бизнесом, допуская уклонение от налогов в

обмен на добровольное финансирование социальных проектов. Предиктивные возможности GTP III сделали такие «рентоориентированные» пожертвования бессмысленными, поскольку система автоматически выявляет любые аномалии в налоговых выплатах.

Более того, цифровой апгрейд налогового контроля стал мощным драйвером реального сектора. Исследования на выборке листинговых компаний Шанхайской и Шэньчжэньской бирж (2010–2021 гг.) показывают, что внедрение GTP III стимулировало исследовательские инновации предприятий [27]. Механизм этого влияния заключается в снижении уровня «финансализации» компаний: когда возможности для налогового маневрирования исчезают, бизнес вынужден фокусироваться на повышении операционной эффективности и технологическом развитии. Таким образом, предиктивный аудит в КНР стал инструментом принуждения к инновациям и обеспечения высококачественного развития экономики.

Следующим этапом эволюции ГФК в Китае стал запуск Golden Tax Phase IV. Если фаза III была направлена на «управление налогами через счета-фактуры», то фаза IV знаменует переход к стратегии «управления налогами через большие данные» [17; 26]. GTS IV значительно расширяет сферу контроля, включая в нее не только фискальные платежи, но и «неналоговые» обязательства, такие как социальные страховые взносы. Система реализует концепцию глубокого межведомственного обмена информацией, объединяя каналы верификации данных между налоговой службой, банками, органами регистрации рынка и министерствами.

Уникальной особенностью GTS IV является способность формировать «цифровой портрет» каждого налогоплательщика. Платформа осуществляет автоматический кросс-анализ финансовых деклараций с физическими индикаторами деятельности [17]. Например, интеграция данных об энергопотреблении позволяет системе выявлять скрытое производство: если промышленное предприятие декларирует убытки или простой, но интеллектуальные счетчики фиксируют рост потребления электричества, система мгновенно генерирует сигнал для проверки. Такой уровень прозрачности делает невозможным использование подставных счетов или «пустых» предприятий для уклонения от обязательств.

Китайский опыт доказывает, что создание интеллектуальной налоговой системы на базе Big Data и облачных технологий не только повышает собираемость доходов, но и фундаментально меняет информационную среду. Налоговые органы получают возможность видеть бизнес, капитал и персонал каждой компании как на ладони [27]. Это стимулирует предприятия переходить к прозрачным моделям управления и инвестировать в долгосрочное развитие вместо краткосрочного извлечения ренты.

Подводя итог международному обзору, можно констатировать, что мировые лидеры – от Бразилии с ее

роботизированной системой Alice [20; 21; 22] до Китая с его конвергентной платформой Golden Tax [26] – выбрали путь создания единых аналитических хабов. Эти системы преодолевают ведомственную разобщенность и превращают ГФК из карательного инструмента в интеллектуальную систему управления рисками.

Российские реалии: цифровой суверенитет и масштабный потенциал интеллектуальной трансформации

Проекция опыта КНР, Бразилии и Великобритании на отечественную почву позволяет сделать вывод, что для Российской Федерации международные практики служат не просто примером, а стратегическим ориентиром при проектировании Единой платформы аналитического прогнозирования (далее – ЕПАП ГФК). Предложенная нами в следующем разделе авторская концепция преследует цель не просто автоматизировать дискретные процессы, но реализовать системный переход к «управлению через данные», адаптированный к специфике отечественного правового поля и оперативным задачам Министерства внутренних дел.

Россия объективно выступает одним из глобальных лидеров в области государственного управления на основе ИКТ. Согласно отчету Организации Объединенных Наций за 2024 г., по Индексу развития электронного правительства Российская Федерация занимает 43-е место среди 193 стран – членов ООН с общим индексом 0,8533 [12; 18]. Данный показатель относит Россию к элитной группе государств с «Очень высоким» (Very High EGD) уровнем развития. Примечательно, что в этом глобальном рейтинге Россия опережает ряд крупнейших экономик мира и признанных цифровых лидеров, таких как Канада (47-е место), Португалия (49-е место), Бразилия (50-е место) и Италия (51-е место).

Потенциал перехода к интеллектуальной модели ГФК базируется на трех уникальных технологических активах:

1. ГИИС «Электронный бюджет» обеспечивает прозрачность бюджетных потоков на всех стадиях исполнения [5].
2. Единая информационная система в сфере закупок аккумулирует детализированные Big Data о каждом государственном контракте [13].
3. Система АСК НДС-2 позволяет визуализировать цепочки создания добавленной стоимости в масштабах всей страны, обеспечивая уровень прозрачности, недоступный многим западным юрисдикциям [8; 15].

Однако парадокс текущей ситуации заключается в феномене, который можно определить как «фрагментированная цифровизация». Несмотря на наличие массивов данных «золотого стандарта», эффективность выявления латентных хищений не растет пропорционально мощностям. Глубокий анализ позволяет выделить три системных барьера, преодоление которых требует интеграции зарубежного опыта.

А. Ведомственная инкапсуляция данных. Несмотря на высокий уровень первичной цифровизации, данные

остаются «запертыми» внутри систем Казначейства, ФНС и Росфинмониторинга. В отличие от китайской системы *Golden Tax*, обеспечивающей сквозную конвергенцию данных между банками, налоговыми органами и министерствами [26], в РФ отсутствует единый аналитический контур. Для оперативного состава УЭБиПК МВД России это означает сохранение зависимости от ручной сверки данных, что дает экономическим преступникам критическую фору во времени.

Б. Когнитивный барьер. Даже при наличии доступа к риск-ориентированным модулям конечным звеном остается человек, вынужденный интерпретировать сотни дискретных индикаторов. Если британская модель *UC Advances* использует машинное обучение для приоритизации наиболее рискованных кейсов, оказываясь в 2,9 раза эффективнее случайной выборки и сохраняя медианную задержку выплат легитимным гражданам всего в один день [23; 24], то российские системы зачастую перегружают инспектора «сырыми» данными. Без ИИ-ассистента цифровизация лишь увеличивает административную нагрузку, не трансформируя ее в качество превентивного контроля.

В. Детерминированный характер алгоритмов. Большинство риск-модулей в системе ГФК РФ функционируют на основе жестко заданных правил, к которым правонарушители быстро адаптируются. Отсутствие самообучающихся нейросетей, способных идентифицировать нелинейные зависимости (как в бразильской системе *Alice* [20; 22]), делает ГФК уязвимым перед новыми схемами. Как показывает опыт внедрения *GTS Phase III* в Китае, именно глубокая аналитика Big Data позволяет не только выявлять нарушения, но и на 21,6 % снижать уровень рентоориентированных пожертвований, разрушая скрытые коррупционные связи [28].

Таким образом, на текущем этапе в РФ сложилась ситуация «инфраструктурного разрыва»: наличие мощных инструментов сбора данных при дефиците технологий их интеллектуальной обработки. Переход к созданию Единой платформы аналитического прогнозирования призван ликвидировать этот разрыв, обеспечив переход от констатации совершенных преступлений к их предиктивному предотвращению на основе синтеза лучших мировых практик.

Авторская концепция Единой платформы аналитического прогнозирования.

Выявленный нами инфраструктурный разрыв обуславливает необходимость парадигмального сдвига: от фрагментарной автоматизации отдельных контрольных функций к созданию Единой платформы аналитического прогнозирования. В отличие от существующих систем, ЕПАП проектируется как конвергентная среда, объединяющая потоки данных ведомственных систем в единый когнитивный контур. Реализация данной концепции предлагается в рамках трехстадийной эволюции (на примере архитектуры Межрегионального контрольно-ревизионного управления Федерального казначейства [5; 11]).

Этап 1: Автоматизация регламентированных процедур.

На данном этапе осуществляется делегирование типовых, повторяющихся операций программным алгоритмам. Основная цель – ликвидация рутинной нагрузки на ревизора и исключение ошибок, вызванных «человеческим фактором».

- **Механизм:** алгоритмы в автоматическом режиме проводят перекрестную сверку данных: ежедневно проверяют победителей закупок по реестрам налоговой службы и спискам недобросовестных поставщиков.

- **Результативность:** опыт бразильской системы *Alice* показывает, что такая автоматизация позволяет сократить срок превентивной проверки в 50 раз – с 400 до 8 календарных дней [20; 22]. Это дает возможность блокировать подозрительные контракты до момента подписания экономя до 30 % рабочего времени персонала.

Этап 2: Интеллектуальное прогнозирование и скоринг рисков.

Второй этап предполагает переход от формальной проверки к глубокому анализу скрытых угроз. Вместо статичных фильтров внедряется система динамической оценки вероятности нарушений. Для этого нами сформулирована математическая модель расчета вектора риска (R) государственного контракта:

$$R = w_1 * C_{\text{dump}} + w_2 * A_{\text{adv}} + w_3 * S_{\text{chain}} + w_4 * L_{\text{hist}},$$

где:

- C_{dump} – коэффициент демпинга (аномальное снижение цены более чем на 25 %);

- A_{adv} – удельный вес авансирования, определяющий риск невозврата средств;

- S_{chain} – глубина цепочки соисполнителей, выявляемая через сетевой анализ финансовых потоков;

- L_{hist} – ретроспективный показатель судебной и исполнительской нагрузки на поставщика;

- W_i – весовые коэффициенты, адаптируемые системой на основе анализа ранее выявленных правонарушений.

Применение подобных методов интеллектуального скоринга (на примере британской модели *UC Advances*) позволяет достичь точности, которая в 2,9 раза превышает результаты ручной или случайной выборки [23]. Платформа формирует «Матрицу вероятности бюджетных нарушений» (рис. 2), где критические аномалии подсвечиваются для немедленного вмешательства сотрудников УЭБиПК МВД России.

Этап 3: Смысловой анализ и когнитивная поддержка.

Заключительный этап направлен на автоматизированную экспертизу неструктурированной информации. Использование технологий обработки естественного языка позволяет системе «понимать» содержание контрактов и технических заданий.

Функционал: технологии анализа текстов сравнивают сотни тысяч аналогичных закупок. Система находит «индивидуальные маркеры» – когда ТЗ содержит специфические параметры товара, которые соответствуют продукции только одного аффилированного поставщика.

Значимость: данный инструмент позволяет пресекать коррупционные сговоры еще на этапе планирования закупок, что способствует росту инновационной

Матрица вероятности бюджетных нарушений (Модель Random Forest)

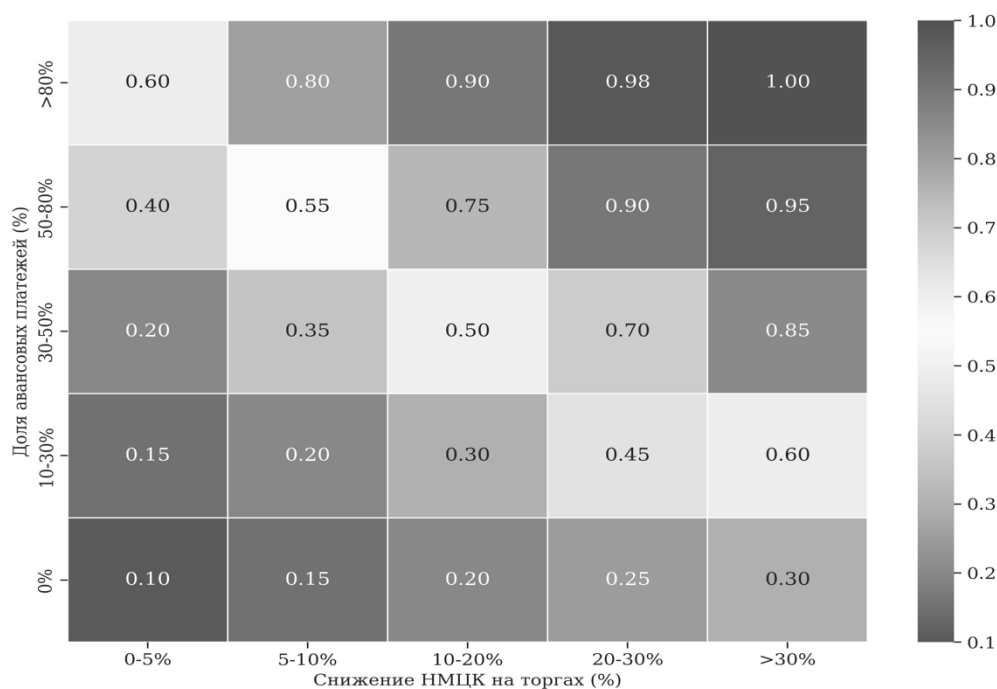

Рис. 2. Матрица вероятности бюджетных нарушений

активности предприятий и снижению уровня рентных платежей в экономике. Как показывает опыт внедрения системы *Golden Tax III* в КНР, переход к «управлению через большие данные» позволяет разрушать неявные коррупционные контракты («донации в обмен на налоги»), что в ряде случаев снижает уровень рентных издержек бизнеса на 21,6 % и стимулирует реальные технологические инновации вместо их имитации [28].

Эмпирическое обоснование эффективности модели

Для верификации предлагаемой концепции было проведено имитационное моделирование на репрезентативном наборе данных, сформированном на основе открытой статистики Единой информационной системы [13]. Сравнительный анализ традиционных методов контроля и предлагаемой интеллектуальной платформы выявил качественную трансформацию операционных показателей (см. рис. 3).

Переход к целевой модели обеспечивает кратный рост охвата контрольных мероприятий: с текущих 15–20 % (выборочный контроль) до 100 % (сплошной предиктивный мониторинг). Применение алгоритма «Изоляционный лес» к массиву транзакций позволяет выявлять скрытые нелинейные зависимости и аномалии, недоступные для стандартных фильтров.

В частности, модель демонстрирует высокую точность в идентификации схем дробления закупок. Алгоритм автоматически кластеризует однотипные договоры (например, до 600 тыс. руб.), заключенные в узком временном интервале с группой аффилированных индивидуальных предпринимателей. В условиях, когда человеческий анализ в массиве из тысяч платежных поручений объективно ограничен, интеллектуальная система фиксирует подобные паттерны за секунды, формируя готовую доказательную базу.

Правовой аспект: проблема легитимации искусственного интеллекта в системе МВД и ГФК

Научная новизна исследования в плоскости юриспруденции заключается в решении проблемы право-

вого статуса «алгоритмического вывода». В настоящий момент ИИ не является субъектом права, и его «мнение» о подозрительности транзакции юридически ничтожно [15]. Критической проблемой остается эффект «черного ящика»: неспособность сложных нейросетей интерпретировать логику принятия решения, что недопустимо в судебном процессе.

Для преодоления данных барьеров нами предлагается следующий комплекс правовых решений.

1. Принцип «Объяснимого искусственного интеллекта»: для нужд МВД РФ и ГФК приоритет должен отдаваться интерпретируемым алгоритмам (деревьям решений, логистической регрессии). Система должна генерировать отчет, доступный для юридической экспертизы: «Уровень риска: Высокий. Основание: 1) смена учредителя за 72 часа до конкурса; 2) совпадение IP-адреса участника и заказчика». Это соответствует международным стандартам прозрачности, зафиксированным в отчетах DWP Великобритании [23; 24].

2. Процессуальный статус «цифрового следа»: необходима адаптация КоАП РФ [2] и Бюджетного кодекса РФ [1] в части признания данных автоматизированных систем контроля в качестве самостоятельных доказательств (по аналогии с данными средств фотовидеофиксации в ГИБДД).

3. Институт «Электронного акта верификации»: вывод системы должен в обязательном порядке верифицироваться квалифицированной электронной подписью должностного лица. Это реализует принцип «человек в контуре контроля», где ИИ выступает инструментом глубокой экспертизы, но ответственность за итоговое решение несет сотрудник УЭБиПК МВД России [24].

Заключение

Переход к предиктивному интеллектуальному аудиту в эпоху тотальной цифровизации является не факультативным процессом, а условием выживания системы государственного управления. Предложенная концепция ЕПАП ГФК позволяет трансформировать контроль

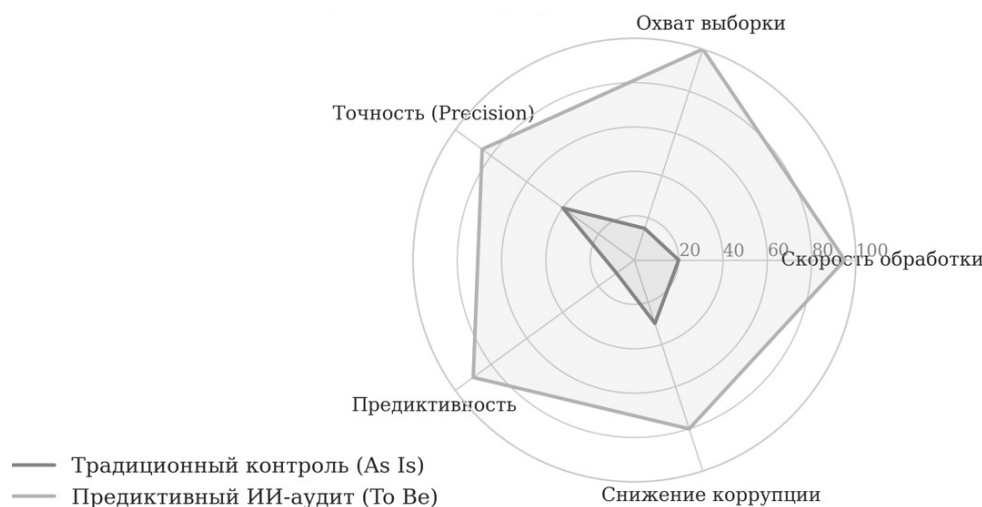

Рис. 3. Сравнительный профиль эффективности

из «реактивного инструмента наказания» в «превентивный механизм защиты» национальных интересов.

Главный вывод исследования: технологическая база для перехода полностью сформирована. Россия, обладая 43-м местом в мировом рейтинге цифрового правительства, имеет все шансы войти в топ-10 за счет интеллектуальной обработки накопленных Big Data. Основным барьером остается нормативная неурегулированность статуса алгоритмических решений. Решение этой задачи требует междисциплинарной конвергенции экономики, ИТ и права, что позволит сформировать новую культуру «добросовестности на основе данных».

Список источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901807667/>
3. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 201 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
5. Приказ Казначейства России от 14 января 2022 г. № 10 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации на 2022–2024 годы» (ред. от 19.09.2022) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408435/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd5f18/
6. Аблязова С. А., Ваниева Э. А. Искусственный интеллект в аудите : новые возможности для развития // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2023. № 1 (79). С. 17–21.
7. Бобошко В. И., Бобошко Н. М. Государственный финансовый контроль в России в условиях новой реальности // Инновационное развитие экономики. 2023. № 3 (75). С. 106–110.
8. Кришталева Т. И. Внутренний контроль расчетов по налогам и его информационное обеспечение в организациях бюджетной сферы. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. 244 с.
9. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2023 году // URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2023/
10. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году // URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2024/
11. МФФ-2025: Станислав Прокофьев о цифровых трендах казначейской системы России // URL: <https://www.fa.ru/university/press-center/mff-2025-stanislav-prokofev-o-tsifrovyykh-trendakh-kaznacheyskoy-sistemy-rossii/>
12. Рейтинг стран мира по Индексу развития электронного правительства // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index/>
13. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за 2024 г. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=312679-svodnyi_analiticheskii_otchet_o_rezultatakh_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_a_takzhe_zakupok_tovarov_rabot_uslug_otdelnymi_vidami_yuridicheskikh lits_za_2024_g/
14. Филатова Е. В., Выжевская И. А. Применение технологий искусственного интеллекта в практике государственного аудита // Парадигма. 2025. № 10-1. С. 286–289.
15. Цифровая сущность финансового права : прошлое, настоящее, будущее / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина, Н. Е. Абрамова [и др.]. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2022. 272 с.
16. Цифровая экономика: 2024 : краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 124 с.
17. China's Golden Tax System Phase IV: An Explainer // URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-golden-tax-system-phase-iv-an-explainer/>
18. E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. New York : United Nations, 2024. 320 p. // URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf>
19. Fraud and error in the benefit system: financial year 2023 to 2024 estimates. London : Department for Work and Pensions, 2024 // URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/fraud-and-error-in-the-benefit-system-financial-year-2023-to-2024-estimates/>
20. Analisador de Licitações, Contratos e Editais (Alice) // URL: <https://www.gov.br/cgu/pt-br/assuntos/auditoria-e-fiscalizacao/alice/>
21. Conheça o Alice // URL: <https://www.gov.br/compras/pt-br/sistemas/conheca-o-compras/alice/>
22. Robot Alice – Bid, Contract and Notice Analyser // URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/robot-alice-bid-contract-and-notice-analyser/>
23. UC Advances Model – Fairness Assessment: Statistical Analysis 1 April 2024 to 31 March 2025 // URL:

<https://www.gov.uk/government/publications/fairness-assessment-including-statistical-analysis-of-the-universal-credit-advances-machine-learning-model-1-april-2024-to-31-march-2025/>

24. Algorithmic Transparency Record: DWP Universal Credit Advances Model // URL: <https://www.gov.uk/algorithmic-transparency-records/dwp-universal-credit-advances-model/>

25. European Credit Transfer and Accumulation System (ECTS) // URL: <https://education.ec.europa.eu/education-levels/higher-education/inclusive-and-connected-higher-education/european-credit-transfer-and-accumulation-system/>

26. Zhang Z. China's Golden Tax System Phase IV: An Explainer // URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-golden-tax-system-phase-iv-an-explainer/>

27. Zhou D., Zhang Z. Big data tax collection and management, enterprise financialization and enterprise innovation: Quasi-natural test evidence based on the «Golden Tax Phase III» // URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11658519/>

28. Jin Z., Huang C. Tax enforcement and corporate donations : evidence from China's 'Golden Tax Phase III' // China Journal of Accounting Studies. 2021. Vol. 9. № 4. P. 526–548. URL: <https://doi.org/10.1080/21697213.2022.2053375>.

References

1. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 № 145-FZ (as amended on December 28, 2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on November 28, 2025) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901807667/>

3. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 20. Art. 2901.

4. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-r «On approval of the program «Digital Economy of the Russian Federation» // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

5. Order of the Treasury of Russia of January 14, 2022 № 10 «On approval of the departmental digital transformation program for 2022–2024» (as amended on September 19, 2022) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408435/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/

6. Ablyazova S. A., Vanieva E. A. Artificial intelligence in audit : new opportunities for development // Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. 2023. № 1 (79). P. 17–21.

7. Boboshko V. I., Boboshko N. M. State financial control in Russia in the context of the new reality // Innovative development of the economy. 2023. № 3 (75). P. 106–110.

8. Kristaleva T. I. Internal control of tax settlements and its information support in budgetary organizations. M. : Rusains Limited Liability Company, 2024. 244 p.

9. Report on the work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2023 // URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2023/

10. Report on the work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2024 // URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2024/

11. MFF-2025: Stanislav Prokofiev on Digital Trends of the Russian Treasury System // URL: <https://www.fa.ru/university/press-center/mff-2025-stanislav-prokofev-otsifrovyykh-trendakh-kaznachey-skoy-sistemy-rossii/>

12. Ranking of Countries by the E-Government Development Index // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index/>

13. Consolidated analytical report on the results of monitoring the procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs, as well as the procurement of goods, works, and services by certain types of legal entities for 2024 // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=312679-svodnyi_analiticheskii_otchet_o_rezultatakh_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_a_takzhe_zakupok_tovarov_rabot_uslug_otdelnymi_vidami_yuridicheskikh_lits_za_2024_g/

14. Filatova E. V., Vyzhevskaya I. A. Application of Artificial Intelligence Technologies in the Practice of Public Audit // Paradigm. 2025. № 10-1. P. 286–289.

15. Digital essence of financial law : past, present, future / I. I. Kucherov, N. A. Povetkina, N. E. Abramova [et al.]. M. : Limited Liability Company «Publishing House «Jurisprudence», 2022. 272 p.

16. Digital economy: 2024: brief statistical digest / V. L. Abashkin, G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg et al. ; National Research University Higher School of Economics. M. : ISSEK HSE, 2024. 124 p.

17. China's Golden Tax System Phase IV: An Explainer // China Briefing. 2024. URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-golden-tax-system-phase-iv-an-explainer/>

18. E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. New York: United Nations, 2024. 320 p. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf>

19. Fraud and error in the benefit system: financial year 2023 to 2024 estimates. London : Department for Work and Pensions, 2024 // URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/fraud-and-error-in-the-benefit-system-financial-year-2023-to-2024-estimates/>

20. Analisador de Licitações, Contratos e Editais (Alice) // URL: <https://www.gov.br/cgu/pt-br/assuntos/auditoria-e-fiscalizacao/alice/>

21. Conheça o Alice // Compras.gov.br. URL: <https://www.gov.br/compras/pt-br/sistemas/conheca-o-compras/alice/>

22. Robot Alice – Bid, Contract and Notice Analyser // URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/robot-alice-bid-contract-and-notice-analyser/>

23. UC Advances Model – Fairness Assessment: Statistical Analysis 1 April 2024 to 31 March 2025 // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/fairness-assessment-including-statistical-analysis-of-the-universal-credit-advances-machine-learning-model-1-april-2024-to-31-march-2025/>

24. Algorithmic Transparency Record: DWP Universal Credit Advances Model // URL: <https://www.gov.uk/algorithmic-transparency-records/dwp-universal-credit-advances-model/>

25. European Credit Transfer and Accumulation System (ECTS) // URL: <https://education.ec.europa.eu/education-levels/higher-education/inclusive-and-connected-higher-education/european-credit-transfer-and-accumulation-system/>

26. Zhang Z. China's Golden Tax System Phase IV: An Explainer // URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-golden-tax-system-phase-iv-an-explainer/>

27. Zhou D., Zhang Z. Big data tax collection and management, enterprise financialization and enterprise innovation: Quasi-natural test evidence based on the «Golden Tax Phase III» // URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11658519/>

28. Jin Z., Huang C. Tax enforcement and corporate donations: evidence from China's 'Golden Tax Phase III' // China Journal of Accounting Studies. 2021. Vol. 9. № 4. P. 526–548. URL: <https://doi.org/10.1080/21697213.2022.2053375>.

Информация об авторах

С. А. Веселкина – старший преподаватель кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук;

М. В. Дородных – командир отделения факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

S. A. Veselkina – Senior Lecturer of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences;

M. V. Dorodnykh – Commander of the Department of Training for Economic Security and Anti-Corruption Units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 20.02.2026.

Научная статья

УДК 336.14

EDN: <https://elibrary.ru/wysxjz>

НИОН: 2015-0066-1/26-405

MOSURED: 77/27-011-2026-01-604

Финансовая устойчивость и бюджетный процесс муниципального образования

Игорь Андреевич Гамарник

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

Gamarnik.IA@rea.ru,

ORCID: 0009-0002-5982-7492

Аннотация. Статья посвящена изучению финансовой устойчивости муниципального образования на примере городского округа город Рязань. Исследование направлено на рассмотрение ключевых аспектов финансовой устойчивости муниципалитета, выявление факторов, влияющих на нее, а также анализ нормативно-правовых основ бюджетного процесса в регионе. В работе рассматриваются теоретические основы финансовой устойчивости, ее роль в обеспечении стабильного функционирования местных органов власти. Анализируются внешние и внутренние факторы, которые оказывают воздействие на финансовую устойчивость города Рязани, такие как доходы и расходы бюджета, налоговые поступления, задолженность перед кредиторами и инвестиционные возможности. Особое внимание уделено правовому регулированию бюджетного процесса в городском округе. Изучены основные нормативные акты, регламентирующие формирование и исполнение бюджета, а также механизмы взаимодействия различных уровней власти в рамках бюджетного федерализма. Также в статье освещаются актуальные проблемы и недостатки в сфере финансовой устойчивости города Рязани. Выявлены слабые стороны существующей системы управления финансами, включая низкую эффективность использования бюджетных средств, высокую зависимость от внешних источников финансирования и недостаточную прозрачность бюджетного планирования. На основании проведенного анализа предлагаются практические рекомендации по улучшению финансовой устойчивости городского округа, среди которых – совершенствование механизмов управления государственными и муниципальными финансами, увеличение налоговых поступлений и развитие инвестиционной активности. Результаты исследования могут найти применение в практике органов местного самоуправления, а также будут полезны специалистам в области государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, муниципальное образование, муниципальные финансы, бюджетный процесс, правовые аспекты финансовой устойчивости

Для цитирования: Гамарник И. А. Финансовая устойчивость и бюджетный процесс муниципального образования // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 195–204. EDN: WYSXJZ.

Original article

Financial sustainability and budgetary process of the municipality

Igor A. Gamarnik

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

Gamarnik.IA@rea.ru,

ORCID: 0009-0002-5982-7492

Abstract. The article is devoted to the study of financial sustainability of the municipality on the example of the urban district of the city of Ryazan. The study aims to consider the key aspects of financial sustainability of the municipality, to identify the factors affecting it, as well as to analyze the regulatory and legal framework of the budget process in the region. The paper considers the theoretical foundations of financial sustainability, its role in ensuring the stable functioning of local authorities. The external and internal factors that affect the financial sustainability of the city of Ryazan, such as budget revenues and expenditures, tax revenues, debt to creditors and investment opportunities are analyzed. Special attention is paid to the legal regulation of the budgetary process in the urban district. The main normative acts regulating the formation

© Гамарник И. А., 2026

and execution of the budget, as well as mechanisms of interaction between different levels of government in the framework of budgetary federalism are studied. The article also highlights the current problems and shortcomings in the field of financial sustainability of the city of Ryazan. The weaknesses of the existing system of financial management are identified, including low efficiency of the use of budget funds, high dependence on external sources of funding and lack of transparency of budget planning. Based on the analysis, practical recommendations to improve the financial sustainability of the city district are offered, including the improvement of public and municipal finance management mechanisms, increasing tax revenues and the development of investment activity. The results of the study can be applied in the practice of local self-government bodies, as well as will be useful to specialists in the field of public and municipal administration.

Keywords: financial sustainability, municipal education, municipal finances, budget process, legal aspects of financial sustainability

For citation: Gamarnik I. A. Financial sustainability and budgetary process of the municipality. Bulletin of economic security. 2026;(1):195–204. (In Russ.). EDN: WYSXJZ.

Финансовая устойчивость бюджета является одной из основных характеристик его финансового состояния. Диагностика устойчивости финансовой системы позволяет разрабатывать стратегический план социально-экономического и политического развития муниципального образования, в том числе привлекать долгосрочные займы и инвестиции, модернизировать и развивать инфраструктуру. Именно поэтому анализ финансовой устойчивости территориального бюджета имеет особую значимость.

Целью исследования является изучение финансовой устойчивости муниципального образования и направлений ее повышения (на примере городского округа город Рязань).

На основании цели, поставленной в работе, требуется решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие финансовой устойчивости муниципального образования;
- выявить факторы влияния на финансовую устойчивость муниципалитета;
- рассмотреть нормативно-правовое регулирование бюджетного процесса в городе Рязани;
- выявить проблемы и недостатки финансовой устойчивости города Рязани.

Финансовая устойчивость входит в число параметров, описывающие состояние местного бюджета в финансовом отношении. Для муниципальных образований (далее – МО) финансовая устойчивость бюджета представлена в виде коэффициента, отображающего, насколько этот бюджет сбалансирован и самодостаточен.

Для определения степени развития МО есть разные важные критерии, но именно финансовая устойчивость и связанные с ней вопросы остаются одними из наиболее критических. Ее обеспечение было и остается одним из первоочередных приоритетов в работе органов местного самоуправления.

В текущее время общепринятого определения для термина «финансовой устойчивости муниципального образования» не имеется. Различные источники и работы приводят собственные формулировки для этого понятия. Например, финансово-кредитный энциклопедический словарь обозначает финансовую устойчи-

вость бюджета, как «состояние бюджета, при котором обеспечивается нормальное функционирование субъекта публичной власти, реализация всех закрепленных за ним полномочий на основе полного своевременного финансирования предусмотренных по бюджету расходов, включая погашение и обслуживание внутреннего и внешнего долга» [10].

С другой стороны, С. М. Каратаев дает более пространную и всеобъемлющую формулировку в своих работах. Согласно им, устойчивостью бюджета обозначают вероятность того, что органы публичной власти сумеет успешно воспользоваться бюджетными средствами, чтобы покрыть расходы на собственное функционирование, инвестиции в подконтрольные территории и выполнение финансовых обязательств, включая кредиты и кредитное обслуживание [3, с. 41].

Еще одно определение приведено в работах Поляка Г. Б., считающего, что финансово-бюджетная устойчивостью можно назвать параметр, отражающий, насколько финансовое положение, обеспечение бюджетом и баланс МО сбалансированы. Также он указывает в своем определении, что она обеспечивается высоким соотношением собственных источников к общей сумме источников бюджетных средств [7].

В соответствии с работами и определениями Игониной Л. Л. финансовая устойчивость МО может быть охарактеризована, как наличие у всех составляющих способности реализовывать заявленные цели даже вопреки отрицательным факторам без внесения значительных поправок в планы, используя для этого мероприятия по мобилизации и распределению государственных финансовых фондов [8].

Основываясь на сравнительном анализе приведенных выше позиций различных авторов, можно сделать вывод и сформулировать собственное определение. Так, финансовой устойчивостью бюджета можно обозначать специфическое состояние бюджета, при котором те или иные властные субъекты могут вести свою финансово-хозяйственную деятельность в соответствии с нормальными планами, в том числе погашая имеющиеся внешний и внутренний долги. Однако недостаток средств, характерный для многих местных бюджетов, часто ста-

новится причиной для финансового дефицита, что ведет к нарушению устойчивости.

Оценивая финансовую устойчивость МО, важно принимать во внимание различные последовательные этапы, через которые она проводится [5, с. 93]:

- отбор альтернативных подходов, которые нужны данному МО для достижения поставленных целей;
- сравнение данных альтернатив и обсуждение результатов, которые дают их модели;
- выбор одной альтернативы, которая позволит наиболее эффективным образом достичь поставленных задач [4].

При оценке следует воспользоваться так называемой «матрицей принятия решений». Она призвана помочь с решением сложных задач, включая такие, как выбор оптимальной альтернативы из рассматриваемых. Данная матрица позволяет дать каждому из альтернатив оценку по одному из критериев. Оценки могут быть:

- отрицательная, -1 балл – если данный вариант имеет негативные последствия по критерию;
- нейтральная, 0 баллов – если данный вариант никак не влияет на критерий;
- положительная, +1 балл – если данный вариант имеет позитивные последствия по критерию [5].

Также для оценки используется повышающий коэффициент. Он варьируется от 0 до 5,5 – наибольшее по важности значение для критерия.

Таблица 1 содержит матрицу, которая служит для выбора наилучшей управленческой альтернативы для эффективного обеспечения финансовой устойчивости МО.

Представленная таблица позволяет проанализировать оценки всех имеющихся критериев и заключить, что самым оптимальным вариантом действий будет повышение значимости муниципальных служащих в работе МО для управления финансовой устойчивостью. Но важно также учесть и то, что, когда муниципальные служащие принимают решения по подобным вопросам

и осуществляют их реализацию, возникают некоторые дополнительные риски.

В характерных для текущих условий одним из наиболее важных инструментов для улучшения финансовой устойчивости МО является участие общества. Это влияет на то, как развивают все жизненные процессы. Социум может оказывать свое влияние на улучшение финансовой устойчивости на каждой стадии, от планирования проектов до их воплощения в жизнь. Особенно большую помощь и пользу может принести профессиональная прослойка социума. Она включает архитекторов, урбанистов, прочих специалистов различных профилей. Так как они все также в значительной мере являются заинтересованными сторонами, взаимодействие с ними обеспечивает лучший контроль над достижением и поддержанием финансовой устойчивости МО [6].

Вовлеченность социума обладает большим потенциалом к достижению финансовой устойчивости в целом. Если его удастся реализовать, то можно будет не только учесть интересы и нужды общественных групп и жителей в МО, но также добиться большей эффективности при контроле урбанизированной среды, добиться комфортабельных условий для жителей любых категорий.

Вовлеченность общества в финансовую устойчивость МО и в правильное функционирование ОМС – критические важные элементы для создания и самосовершенствования. Граждане способны помогать этим процессам с помощью своих мнений, заявок, предлагая свои идеи. Главные преимущества такого подхода – создание более гармоничного и удобного для жизни муниципального образования, жители которого будут им довольны.

То, какие у МО перспективы на развитие в социальном и экономическом плане, во многом определяется тем, насколько активна и продвинута инвестиционная деятельность. А для этого важную роль играет качество администрирования нематериальных активов в распо-

Таблица 1

Матрица выбора управленческих решений

Критерии при принятии решений	Оценка	Формирование результатов			
		Рост эффективности	Снижение материальных затрат	Стимулирование трудовой деятельности	Доходы
Увеличение роли муниципальных служащих	5	+1	+1	+1	+1
Снижение затрат	5	+1	+1	-1	+1
Снижение прочих расходов	5	0	+1	0	+1
Работа с обращениями граждан	5	+1	+1	0	0

Источник: составлено автором

ряжении муниципального образования. Для успешной экономической и финансовой политики постоянным элементом должно быть эффективное управление этими процессами.

Согласно работам Никифоровой А. А., все факторы, влияющие на устойчивости муниципалитета, могут быть классифицированы как «внутренние» или «внешние», в зависимости от их источника. Она соотносит внутренние факторы с теми, что в своем влиянии зависят в первую очередь от эффективности управления самим МО. Другими словами, органы местного самоуправления (далее – ОМС) могут осуществлять наблюдение за этими факторами обладают полным контролем над ними. В свою очередь, внешние факторы воздействуют на устойчивость бюджетов, но находятся вне контроля ОМС, а также часто даже и вне их наблюдения [6]. Что характерно, Никифорова А. А. не выделила ни одного фактора, ни внешнего, ни внутреннего, который бы позитивно влиял на устойчивость бюджета [6].

Иную позицию высказывает в своих работах С. М. Каратаев. Так, он полагает, что деление на две широкие категории внутренних и внешних факторов недостаточно, чтобы полностью разобрать влияние на устойчивость муниципалитета. На критерии устойчивости оказывают влияния факторы разных типов, от статей расходов и имеющихся бюджетных обязательств, до базы доходов и качества финансового менеджмента. Эти факторы, в свою очередь, также подвержены влиянию уже собственных факторов, которые могут быть внутренними или внешними [3, с. 44].

Захарчук Е. А. предложила объединять факторы финансовой устойчивости МО на основании способности ОМС к влиянию на них для достижения и укрепления финансовой устойчивости. В свою очередь, такой подход позволяет разделить все связанные факторы на регулируемые и нерегулируемые.

Соответственно, в научных работах есть три основных парадигмы касательно факторов бюджетной или финансовой устойчивости:

- деление на внутренние или внешние по среде возникновения в соответствии с Никифоровой [6];
- деление на объекты влияния с последующим разделением на среду возникновения в соответствии с Каратаевым [3];
- деление по способности органов к контролю на регулируемые и нерегулируемые по Захарчук.

В существующих условиях главная задача финансовой устойчивости МО заключается в обеспечении комфортабельного проживания граждан, которое способствовало бы их жизнедеятельности, отдыху, труду и досугу, а также в создании и поддержке необходимой инфраструктуры.

Многие из факторов, влияющих на финансовую устойчивость, негативны. В случаях, когда это возможность, нужно предпринимать меры для предотвращения или смягчения их отрицательного влияния [2, с. 96]:

– улучшать экономику и экономическую деятельность город, ускорять экономический рост. Это включает открытие новых предприятий и бизнесов, а также привлечение новых инвесторов для развития основных отраслей за счет их вложений;

– увеличение налоговых сборов для больших доходов, создание для этого новых рабочих мест в МО;

– проведение мероприятия для стимуляции экологического развития. Безопасность территории, ее водные, земельные и воздушные ресурсы, их защита и охрана находятся в числе факторов, над которыми администрация обладает полным влиянием. Можно внедрять новые технологические решения и процессы, которые позволили бы двигать в сторону экологических чистых предприятий;

– координация проектов градостроения, проверка застройки на актуальность и уместность, обеспечение безопасности при их реализации, в частности, при строительстве в близости от жилых строений. Также включает социальное вовлечение в предстоящие строительные работы общественных представителей, призванных представлять интересы жителей населенного пункта при принятии решений, а также предоставлять идеи по повышению показателей развития.

Рисунок 1 демонстрирует, какие виды деятельности в МО управляют факторами финансовой устойчивости.

МО должно достигнуть высокой степени финансовой устойчивости. Поэтому для МО главная цель это еще и обеспечение постоянного развития города, повышение качества жизни его граждан, а также предоставление для бизнеса комфортных условий, которые бы сделали его ведение более выгодным.

Муниципальное образование – это базовое территориальное самоуправляющееся сообщество граждан, образующее территориальную единицу, определяемую границами муниципального образования. В правоотношениях муниципалитет действует от своего имени и несет полную ответственность, вытекающую из этих отношений.

Полномочия муниципального образования делятся на самостоятельные и переданные. Переданная компетенция означает передачу функций государственного управления, которая может осуществляться только в форме закона. Если муниципалитету поручено осуществлять государственное управление таким образом, это его делегированные полномочия. В своем исполнении органы местного самоуправления при издании муниципальных постановлений руководствуются законами и другими правовыми актами, в других случаях также постановлениями правительства, распоряжениями центральных административных органов и мерами соответствующих органов государственного управления.

В основу бюджетной политики положены стратегические цели, сформулированные в соответствии с основными положениями Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Россий-

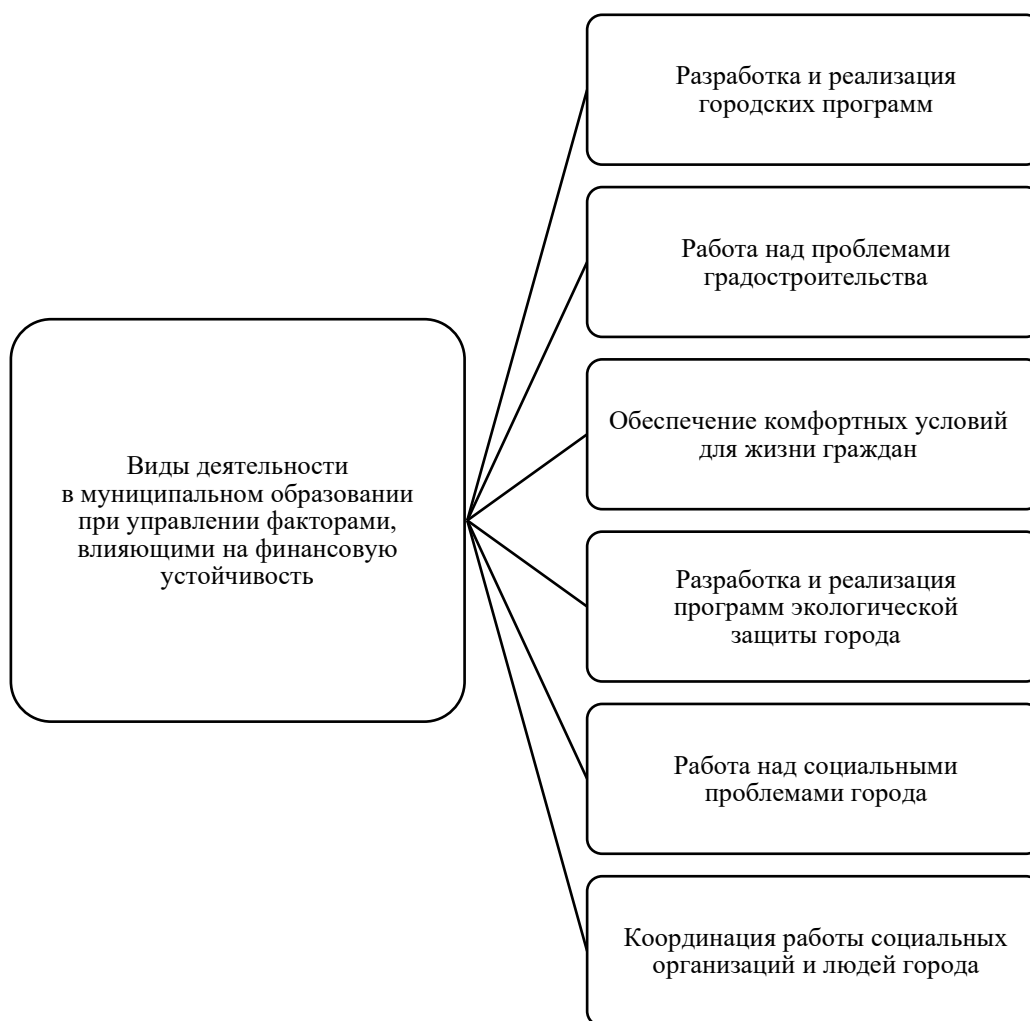

Рис. 1. Виды деятельности в муниципальном образовании [4, с. 32]

Источник: составлено автором

ской Федерации от 21 апреля 2021 г., Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», «майскими» указами Президента Российской Федерации, Стратегией социально-экономического развития города Рязани до 2030 года, утвержденной решением Рязанской городской Думы от 21 июня 2021 г. № 108-III [1].

Муниципальные финансы города Рязань – это совокупность доходов и расходов и система создания, распределения и использования этих средств. Для финансирования различных реализуемых экономических, социальных и других программ городу Рязань необходимо финансирование, то есть муниципалитет должен получать доход. Оценка полученных доходов и понесенных расходов представляет собой бюджет. Город Рязань имеет самостоятельный бюджет, который является одним из важнейших элементов администрирования и управления муниципальной деятельностью, поэтому рост экономики и культуры муниципалитета определяется именно стабильным бюджетом и экономически надежными источниками пополнения его доходов.

Нормативно-правовая основа управления бюджетным процессом в городе Рязани осуществляется в соответствии с Положением о бюджетном процессе.

Бюджетные правоотношения в городе Рязань, как и в других, регламентируют нормативные акты. Вместе они составляют трехуровневую правовую систему. Эти уровни – федеральный, региональный и муниципальный.

1. На верхнем уровне находятся федеральные правовые акты. Они регулируют, как организовывается, составляется и исполняется локальный бюджет в городе Рязань. Эти документы включают в себя:

- Конституцию Российской Федерации. В ее ст. 132 заложены основы для местного бюджета, так как она наделяет ОМС правом самостоятельно формировать, утверждать и исполнять бюджеты, а также устанавливать локальные налоги и сборы.

- Бюджетный Кодекс Российской Федерации. Второй по важности для бюджетных правоотношений правовой акт выполняет ряд функций:

- определяет, в каком порядке организуются бюджетные системы и очередность их функционирования;

- отношения между муниципальными образованиями и внутри них;
- предписывает порядок и принципы, на которых основаны отношения между бюджетами;
- как исполняются судебные акты взысканий из бюджетных средств;
- какая форма ответственности полагается за нарушение законов РФ о бюджетах [2].

Также БК РФ постановил, что органы местного самоуправления (далее – ОМС) могут принимать муниципальные нормативные акты, если они соответствуют ему. Эти правовые акты регулируют, как отношения в связи с бюджетом ведутся на местном уровне.

В городе Рязань ОМС обладают следующим списком полномочий в отношении своего бюджета:

- принятие правовых актов, регламентирующих, в каком порядке составляется и рассматривается проект бюджета для этого образования, как проводится мониторинг по его исполнению, какие меры контроля принимаются и как утверждается отчет о правильном исполнении бюджета;
- составление бюджета Рязани;
- выявление и выполнение всех обязательств муниципалитета по расходам;
- регламент порядка, в котором денежные средства могут переводиться из общей суммы бюджета посредством трансфера;
- управление муниципальным долгом Рязани, включая взятие новых заимствований и кредитов.

В основе местного бюджета Рязани лежит составление входящих в них доходных частей.

- Федеральный закон № 131-ФЗ определяет, какие доходы, поступающие в бюджет города, могут считаться собственными. Статья 18 этого закона при этом ставит запрет на положения объема расходов за счет денег из локальных бюджетов;

2. Следующий уровень – региональный. Включенные в него нормативно-правовые акты, связанные с регулированием бюджета города Рязань, их организации, составления и выполнения, включают в себя:

- устав субъекта РФ (Рязанской области). От него зависит то, в каком порядке ведутся межбюджетные взаимоотношения на территории региона;

- законы субъекта Российской Федерации. Они предписывают правильно налогообложения и бюджетные взаимоотношения;

- закон о бюджете Рязанской области. Принимается на каждый год отдельно [2].

Помимо этого, законы субъектов Российской Федерации предписывают, в каком порядке выделяется целевая финансовая поддержка для МО, а также какая доля отчислений от налогов направляется в региональный бюджет.

Устав города Рязань является правовым актом, который обладает юридической силой выше остальных нормативно-правовых актов, которые выпускают ОМС. Он определяет, помимо прочего, общие принципы, на которых основываются местные бюджетные процессы и налоги, как самостоятельно облагаются налогом граждане и как проводятся муниципальные заимствования.

Каждый муниципальный орган в обязательном порядке должен через свой представительный орган принять акт о своем бюджетном процессе [1; 9]. В этом документе описывается, как, когда, в каком порядке формируется и исполняется местный бюджет, кто входит в его работу, какие полномочия предоставлены местным органам самоуправления, какую ответственность и какие права получают участники этого процесса.

Объем общественных дел, вверенных органам местного самоуправления города Рязань, постоянно увеличивается. Однако муниципальное финансирование не всегда отвечает возникающим потребностям. Большая часть муниципальных доходов перераспределяется через межбюджетные трансферты, использование которых является целевым и город Рязань не может свободно использовать эти средства. По этой причине перед городом стоит непростая задача – определить наиболее важные приоритеты и рационально и эффективно распределить средства, поэтому постоянный анализ финансовых ресурсов очень важен, поскольку он показывает,

Рис. 2. Факторы ухудшения финансовой устойчивости городского бюджета Рязани в 2023 г.

Источник: составлено автором

эффективно ли планируется бюджет, осуществляется ли сбор муниципальных средств, улучшаются ли доходы, используются ли выделенные средства целенаправленно [7]. Детальный анализ доходов и расходов местного бюджета Рязани дает много информации о структуре и динамике доходов и расходов, поэтому помогает выявить слабые стороны и резервы снижения расходов и сбора доходов, т. е. заметить тенденции изменения собираемости доходов и выяснить причины, принять соответствующие решения.

В результате проведенного анализа было установлено, что проблемами финансовой устойчивости бюджета города Рязань являются:

- заметный рост объемов муниципального долга к 2023 г.;

- снижение ключевых финансовых коэффициентов устойчивости бюджета г. Рязани может указывать на риски недостаточной финансовой устойчивости, что может затруднить выполнение финансовых обязательств и обеспечение стабильности бюджета;

- рост объемов дефицита бюджета в 2023 г. Отмечается риск превышения установленных п. 3 ст. 92.1 БК РФ ограничений по дефициту бюджета города по итогам года в связи с исполнением годовых обязательств по дефициту бюджета;

- недостаточная точность плановой работы в финансово-казначейском управлении администрации города Рязани [5].

Выявленные проблемы и недостатки в управлении финансовой устойчивостью городского бюджета Рязани одновременно выступают и резервами совершенствования работы. В процессе разработки предложений по укреплению финансовой устойчивости местного бюджета целесообразно сфокусировать внимание на данных резервах.

Оценка эффективности использования средств бюджета, проведенная Контрольно-счетной палатой города Рязани за 2023 г., в соответствии с данными эффективности муниципальных программ, с учетом составляющего объема средств бюджетов (18 526 793,3 тыс. рублей), составила:

- 15,7 % – 2 908 580,8 тыс. рублей, объем средств бюджетов высокоэффективных муниципальных программ и ведомственных целевых программ;

- 65,6 % – 12 157 514,9 тыс. рублей, объем средств бюджетов муниципальных программ средней эффективности;

- 18,7 % – 3 460 697,9 тыс. рублей, объем средств бюджетов муниципальных программ с низким уровнем эффективности [8].

Таким образом, резервы снижения дефицита бюджета города Рязани за счет повышения эффективности использования средств бюджета могут составить 18 526 млн руб.

Проектом бюджета был предусмотрен значительный рост объема муниципального долга на 2024 г. – на 19,7 % (на 01.01.2025), на 2025 г. на 19,4 %, на 2026 г.

на 18,0 %, при этом из общего объема привлечения муниципальных внутренних заимствований кредиты от кредитных организаций составят: в 2024, 2025 и 2026 гг. по 100,0 %, что не соответствует требованиям взвешенной долговой политики, направленной на оптимизацию объема муниципального долга, определенной Основными направлениями бюджетной и налоговой политики города Рязани на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг., утвержденными постановлением администрации города Рязани от 13 октября 2023 г. № 13260 [10]. На 2024 г. запланировано 19 муниципальных программ. При этом из них десятков получают снижение бюджетных расходов по сравнению с прошедшим годом, который оказался весьма неблагоприятным. Данные трудности затронули даже ориентированную на социальную поддержку программу «Обеспечения отдельных категорий граждан социальной поддержкой, гарантиями и выплатами». В ней на текущий год планируется урезать почти в два раза расходы на оплату проезда общественным транспортом для пассажиров-льготников.

Помимо этого, снижение ударило и по некоторым важным статьям расходов в программах социального блока, хотя они, в целом, и вышли в плюс. Эти статьи:

- укрепление материально-технической базы образовательных, культурных или спортивных учреждений;

- обеспечение безопасности учащихся в образовательных, спортивных или культурных учреждениях.

Подверглись этому не только те статьи, по которым в грядущем году на его протяжении, возможно, выделяют субсидии из областного или федерального бюджета, но также средства для финансирования, изначально полученные с помощью городских средств.

Помимо этого, планы капитального ремонта школ сократили. Вместо изначальных семи учреждений в проекте реновации только два. Даже время, к которому средства на строительство новых школ в микрорайонах Мервино и Дашково-Песочни, все еще неизвестно.

Но эти муниципальные программы сохранили хотя бы часть от изначальных планов – другим повезло меньше. В «глубокий минус» ушли, по большей части, мероприятия, которые относились к городскому муниципальному хозяйству и экономическому блоку. Это включает и транспортную инфраструктуру, и обновление жилого фонда, и так далее. Программа переселения граждан из аварийного жилья на 2024 г. получает только 15 % от финансирования в 2023 г., развитие комплекса ЖКХ и энергосбережение – 22,5 % от прошлогодней, программа «Жилище» – 32,6 %, создание современной урбанизированной среды – 36 %, общественный транспорт – 41 % [6].

Для полного осознания масштабов сокращения бюджета его можно сравнить с динамикой цен. Это означает, что бюджет не способен покрыть все нужды городского хозяйства, экологические потребности и общественные запросы. Бюджет не подходит для нормального развития Рязани.

Городская администрация объяснила уменьшение расходов из бюджета тем, что бюджеты более высокого уровня не выдали субсидии, и их распределение состоится лишь в 2024 г. Из-за того, что их объемы и время передачи неизвестно, планировать бюджет с расчетом на них нельзя. По иным пунктам расходы просто уменьшаются [10].

Кроме того, более 90 % всех заключенных в 2022–2023 гг. муниципальными предприятиями договоров (в среднем) – это закупки у единственного поставщика, причем значительное количество договоров заключалось предприятиями с одними и теми же поставщиками (подрядчиками, исполнителями) [9].

Вместе с тем, очевидным резервом повышения эффективности муниципальных расходов является совершенствование расходования средств на государственные закупки по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ [1].

В результате работы контрольно-счетной палаты города Рязани в 2023 г. выявлены следующие нарушения по данным направлениям.

Нарушения, допущенные объектами контроля при осуществлении закупок в рамках Федерального закона № 44-ФЗ, в соответствии с Классификатором отнесены к 18 видам нарушений, при этом только по 4 видам выявленные нарушения подлежат отражению в денежном выражении, в том числе:

1) нарушения при осуществлении закупок в части обоснования выбора объекта (объектов), определения и обоснования начальной (максимальной) цены контракта (договора), цены контракта (договора), заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной суммы цен единиц товара, работы, услуги – 19 нарушений на сумму 77 878,7 тыс. рублей. К данному виду отнесены нарушения, которые, в том числе привели к избыточному расходованию средств в связи с завышением начальной (максимальной) цены контрактов и/или цены контрактов, заключенных с единственным поставщиком, на общую сумму 77 878,7 тыс. рублей [6]:

– МУП «РМПТС» – суммарное завышение сметной стоимости выполнения работ в результате неприменения (нарушения) сметных нормативов по пяти контрактам составило 44329,88 тыс. рублей;

– МБОУ «Школа № 15» – завышение сметной стоимости выполнения работ по одному контракту на сумму 114,3 тыс. рублей в результате указания недостоверных данных объемов работ и нормативных расходов материальных ресурсов;

– МБОУ «Школа № 41» – завышение сметной стоимости выполнения работ по благоустройству территории школы по одному контракту на сумму 75,2 тыс. рублей (необоснованное применение асфальтобетонной смеси типа В марки III и соответствующей расценки);

– МБОУ «Школа № 70» – завышение сметной стоимости выполнения работ по одному контракту на сум-

му 242,5 тыс. рублей (завышение нормативов накладных расходов и сметной прибыли, а также нормативного расхода материальных ресурсов);

2) неприменение мер ответственности по контракту (договору) (отсутствуют взыскания неустойки (пени, штрафы) с недобросовестного поставщика (подрядчика, исполнителя), применение указанных мер с нарушением требований законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок – 12 случаев на сумму 481,2 тыс. рублей. Объектами контрольных мероприятий не применены меры ответственности за нарушение поставщиками (подрядчиками, исполнителями) договорных обязательств (МБУ «ДБГ», УБГ, МБОУ «Школа № 33», МБОУ «Школа № 63»). Непоступление (недопоступление) средств составило 481,2 тыс. рублей (расчетный размер неустойки, штрафа, пени);

3) неправомерная приемка и оплата фактически невыполненных объемов работ (неоказанных услуг, непоставленных товаров) по контрактам, заключенным в рамках Федерального закона от 5 декабря 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» – 26 случаев на сумму 2 424,9 тыс. рублей. Нарушения выявлены в ходе проведения двух контрольных мероприятий:

– «Проверка законности и эффективности использования средств бюджета, выделенных в 2021–2022 годах на реализацию мероприятия «Благоустройство дворовых территорий города исходя из минимального перечня работ по благоустройству» основного мероприятия «Благоустройство дворовых территорий города и проездов к ним» муниципальной программы «Формирование современной городской среды города Рязани» (выборочно)» – заказчиком (УБГ) приняты фактически невыполненные работы на 21 дворовой территории на общую сумму 1 920,9 тыс. рублей.

– «Аудит в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд, осуществленных в муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении «Школа № 33» – заказчиком приняты фактически невыполненные работы на общую сумму 504,0 тыс. рублей. Материалы по мероприятию направлены в органы прокуратуры. Для принятия мер по устранению выявленных нарушений в адрес директора МБОУ «Школа № 33» было внесено представление от 25.05.2023 г., в том числе для принятия меры по возмещению стоимости фактически невыполненных работ. По результатам рассмотрения представления от 25.05.2023 г. только часть работ была выполнена подрядчиком. В связи с неисполнением представления от 25.05.2023 г. в адрес директора МБОУ «Школа № 33» внесено предписание от 30.08.2023 г., кроме того, соответствующая информация была направлена в правоохранительные органы. По истечении срока исполнения предписания Контрольно-счетная палата провела осмотр здания школы и установила факт невыполнения

работ, также было установлено, что возмещение стоимости фактически невыполненных объемов работ подрядчиком не произведено. В связи с невыполнением предписания от 30.08.2023 г. был составлен протокол об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена ч. 20 ст. 19.5 КоАП РФ, в отношении директора МБОУ «Школа № 33». Дело рассмотрено мировым судьей, руководитель образовательного учреждения признана виновной, ей назначено наказание в виде штрафа в размере 20 тыс. рублей [8].

Таким образом, анализ принятых объектом контроля мер по устранению выявленных нарушений свидетельствует о бездействии как со стороны проверяемого объекта, так и со стороны администрации города Рязани. Исковое заявление о взыскании с подрядчика денежных средств, оплаченных фактически невыполненных работ, было подано заказчиком только 20.12.2023, то есть по истечении семи месяцев с момента получения объектом контроля акта по результатам контрольного мероприятия.

Бюджеты муниципальных образований могут быть сбалансированными, а при определенных законом условиях даже профицитными или дефицитными. Утвердив профицитный бюджет, муниципалитет может перенести свои доходы из бюджета соответствующего года на последующие годы, тем самым обеспечив средства для будущих нужд. Если муниципалитет утверждает дефицитный бюджет, он должен заранее указать, как будет погашен образовавшийся бюджетный дефицит (например, за счет собственных, ранее сэкономленных денег). Долгосрочной целью экономики муниципалитета должно быть составление либо сбалансированного, либо профицитного бюджета.

Местные бюджеты вступают во множество договорных отношений с долгосрочными правами и обязанностями, что также влияет на будущие бюджеты. По этим причинам устанавливается так называемый бюджетный прогноз, который выступает вспомогательным инструментом среднесрочного финансового планирования экономического развития. Прогноз бюджета формируется согласно заключенным договорным отношениям и принятым обязательствам.

Налоговые доходы местного бюджета состоят из вверенных или разделенных налогов, а также местных, административных и других сборов, которые поступают в бюджет муниципалитета. Налоговые сборы, поступающие в муниципальный бюджет, регулируются Бюджетным кодексом РФ [1].

В текущих условиях основной целью финансовой устойчивости муниципального образования является создание для граждан комфортных условий проживания, которые будут благоприятны для осуществления жизнедеятельности, обеспечения отдыха и досуга, формирование различной инфраструктуры.

В результате проведенного анализа было установлено, что проблемами финансовой устойчивости бюджета города Рязань являются:

– заметный рост объемов муниципального долга к 2023 г.;

– снижение ключевых финансовых коэффициентов устойчивости бюджета г. Рязани может указывать на риски недостаточной финансовой устойчивости, что может затруднить выполнение финансовых обязательств и обеспечение стабильности бюджета;

– рост объемов дефицита бюджета в 2023 г. Отмечается риск превышения установленных п. 3 ст. 92.1 БК РФ ограничений по дефициту бюджета города по итогам года в связи с исполнением годовых обязательств по дефициту бюджета;

– недостаточная точность плановой работы в финансово-казначейском управлении администрации города Рязани [9].

Возможным решением для улучшения бюджета Рязани является увеличение доходов или сокращение расходов городского бюджета. В идеале это должна быть комбинация упомянутых выше решений. Увеличение поступлений в муниципальный бюджет означает в большинстве случаев увеличение местных налогов и сборов, что является не совсем выгодным вариантом для местных жителей, которые не согласятся по поводу любого, даже небольшого повышения. Однако сокращение расходов также не является решением, которое принесло бы существенную пользу городу. Город должен стремиться к развитию и процветанию своей территории, а это в большинстве случаев означает и увеличение расходов. Поэтому надо найти решения, которые устроили бы обе стороны, как жителей города, так и сам город.

Основным предложением для включения данного резерва здесь может стать совершенствование финансового контроля в сфере государственных закупок. В результате весь объем выявленных резервов может быть предотвращен за счет автоматизации процесса подготовки цифрового контракта.

Таким образом, объем дефицита бюджета в результате автоматизации процесса подготовки цифрового контракта может сократиться на 87 %, как следствие внедрения цифрового контракта. Следовательно, автоматизация может оказать положительное влияние на финансовую сбалансированность местного бюджета.

Список источников

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бурдакова Г. И., Рассказова А. Н., Бянкин А. С. Совершенствование программно-целевого бюджетирования в муниципальном образовании // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 4 (52). С. 93–98.
3. Каратаев С. М. К вопросу о понятии устойчивости бюджета // Дайджест-Финансы. 2019. № 5. С. 39–46.

4. Локтионова Э. А., Минакова Е. И., Тепляков А. И. Основные направления реформирования муниципальных образований на основе механизма инициативного бюджетирования // Научные Записки ОрелГИЭТ. 2021. № 1 (37). С. 30–33.

5. Макаревич Е. В., Игнатова Л. Н. Развитие системного подхода к управлению бюджетированием в организации // Вопросы региональной экономики. 2021. № 1 (46). С. 92–99.

6. Никифорова А. А. Факторы финансовой устойчивости и безопасности местного бюджета : автореф. дис. канд. экон. наук. Волгоград, 2007. 26 с.

7. Поляк Г. Б. Государственные и муниципальные финансы. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 391 с.

8. Региональные и муниципальные финансы : учебник и практикум для вузов / Л. Л. Игонина [и др.] ; под редакцией Л. Л. Игониной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2021. 555 с.

9. Сумская Т. В. Оценка устойчивости бюджетов муниципальных образований // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. № 3. С. 7–12.

10. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А. Г. Грязновой. М. : Финансы и статистика, 2019. 1168 с.

References

1. Federal Law of October 6, 2003 № 131-FZ (as amended on 14.02.2024) «On the general principles of organizing local Self-government in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

2. Burdakova G. I., Rasskazova A. N., Byankin A. S. Improving program-oriented budgeting in municipal education // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2021. № 4 (52). P. 93–98.

3. Karataev S. M. On the concept of budget sustainability // Digest-Finance. 2019. № 5. P. 39–46.

4. Loktionova E. A., Minakova E. I., Teplyakov A. I. The main directions of reforming municipalities based on the mechanism of initiative budgeting // Scientific Notes of OrelGIET. 2021. № 1 (37). P. 30–33.

5. Makarevich E. V., Ignatova L. N. Development of a systematic approach to budgeting management in an organization // Regional economic issues. 2021. № 1 (46). P. 92–99.

6. Nikiforova A. A. Factors of financial stability and security of the local budget : abstract of the dissertation of the candidate of economic sciences. Volgograd, 2007. 26 p.

7. Polyak G. B. State and municipal finances. M. : UNITY-DANA, 2020. 391 p.

8. Regional and municipal finance : textbook and workshop for universities / L. L. Igonina [et al.] ; edited by L. L. Igonina. 2nd ed., revised and add. M. : Yurait Publishing House, 2021. 555 p.

9. Sumy T. V. Assessment of the sustainability of municipal budgets // Interexpo Geo-Siberia. 2021. № 3. P. 7–12.

10. Financial and credit encyclopedic dictionary / under the general editorship of A. G. Gryaznova. M. : Finance and Statistics, 2019. 1168 p.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 26.12.2025.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 26.12.2025.

Научная статья

УДК 31:33

EDN: <https://elibrary.ru/wkisns>

НИОН: 2015-0066-1/26-406

MOSURED: 77/27-011-2026-01-605

Особенности статистического изучения растениеводства как отрасли обеспечения устойчивого развития

Дмитрий Владимирович Дианов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

skad71@mail.ru, SPIN-код: 2528-1252, ORCID: 0000-0003-2971-2266

Аннотация. Статья посвящена растениеводству как части агропромышленного комплекса, представляющего собой одну из фундаментальных сфер материального производства, являющуюся основой существования общества в части удовлетворения биологических потребностей людей в пище и развития общественных производительных сил. Рассматриваются вопросы методического характера, проблематика которых связана со статистическим анализом развития растениеводства в сопряжении с процессами концентрации производства, углубления региональной специализации и усиления влияния социально-экономических факторов, определяющих доступ к ресурсам, инвестициям и рынкам сбыта.

Ключевые слова: статистика растениеводства, бонитет земли, урожайность, валовой сбор

Для цитирования: Дианов Д. В. Особенности статистического изучения растениеводства как отрасли обеспечения устойчивого развития // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 205–211. EDN: WKISNS.

Original article

Features of statistical study of crop production as a branch of sustainable development

Dmitry V. Dianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

skad71@mail.ru, SPIN-код: 2528-1252, ORCID: 0000-0003-2971-2266

Abstract. The article is devoted to crop production as part of the agro-industrial complex, which is one of the fundamental spheres of material production, which is the basis of society's existence in terms of meeting people's biological needs for food and developing social productive forces. The article discusses methodological issues, the problems of which are related to the statistical analysis of crop production development in conjunction with the processes of concentration of production, deepening regional specialization and increasing the influence of socio-economic factors determining access to resources, investments and sales markets.

Keywords: crop production statistics, land bonus, yield, gross harvest

For citation: Dianov D. V. Features of statistical study of crop production as a branch of sustainable development. Bulletin of economic security. 2026;(1):205–211. (In Russ.). EDN: WKISNS.

Введение

Растениеводческая отрасль формирует базис продовольственного обеспечения и сырьевой базы для ряда промышленных производств, выступая ключевым элементом создания валового внутреннего продукта, тех его частей, которые оцениваются показателями, как конечного потребления (в основном), так и валового накопления, касательно прироста государственных продовольственных запасов.

Актуальность исследования данной отрасли определяется тем, что применение статистических методов позволяет вскрывать доминанты и давать описание со-

временного ее развития, выявить закономерности, оцениваемые на основе показателей валовых результатов и производительности земельных и трудовых ресурсов, проследить взаимодействие отрасли с социально-экономическими структурами. Именно статистический анализ дает возможность не только оценить текущую ситуацию, но и определить направления дальнейшего развития отрасли в условиях углубляющегося противоречия между развитием производительных сил и ограничениями производственных отношений. Добавим, что кризисные явления, вызванные изменениями в климатических условиях, глобальной экономической нестабильностью

© Дианов Д. В., 2026

и неравномерным развитием аграрных регионов, лишь обостряют необходимость научного анализа закономерностей этой отрасли.

1. Современные задачи статистического исследования растениеводческого комплекса

Проведение статистического анализа развития отраслей растениеводства в России основано на использовании методов многомерного анализа, корреляции, регрессии, прогнозирования, индексном и др. Задачи статистического анализа растениеводства в своей последовательности параллельны общим этапам статистического исследования: систематизация статистических данных о растениеводческом комплексе России на основе метода многомерных группировок для выделения однородных групп регионов по показателям отрасли, с последующим всесторонним применением методов математической статистики.

Объекты исследования при этом самые разнообразные: межотраслевые комплексы, регионы, тогда как предметом могут выступить, например, обеспеченность ресурсами, «достаточность» производства, наполняемость и обновление государственных товарных запасов. При этом, достаточность рассматривается как полнота удовлетворения потребностей общества в целом именно в результатах работы растениеводческого комплекса: в достижении должного уровня продовольственной безопасности и импортозамещения, «обнулении» значимости международных санкций против отечественной экономики, пополнении и обновлении государственных стратегических продовольственных запасов. Объектом исследования является совокупность статистических данных о растениеводческом комплексе России, представленных в разрезе регионов. Информационной статистической базой исследования являются количественные показатели, характеризующие объемы, структуру и динамику растениеводства, а также их взаимосвязи с социально-экономическими условиями.

Таким образом, значимость статистических исследований растениеводства определяется выявлением ключевых тенденций и факторов, влияющих на развитие отрасли, что способствует повышению ее эффективности и устойчивости, а также дает возможность для разработки обоснованных рекомендаций по стратегическому развитию растениеводческого сектора.

Как мы успели отметить, растениеводческий комплекс Российской Федерации является важнейшей частью аграрного сектора и ключевым источником продовольствия и сырья для целых отраслей промышленности. В условиях социально-экономических особенностей страны, природно-климатических ограничений и необходимости наращивания государственных продовольственных стратегических запасов, а также проведения специальной военной операции, развитие растениеводства требует регулярного статистического внимания, результаты которого позволят оценить текущее состояние отрасли, изучить динамику изменений и определить перспективы ее дальнейшего развития. В

особенности, данное положение затрагивает те регионы, которые почти ежегодно пестрят климатическими рекордами по жаре, т. е. там, где выращивается основная масса сельскохозяйственных культур. К примеру, в Краснодарском крае, где 2010 г. наивысшая температура составляла 36 градусов, но уже в 2022–2024 гг. данный показатель поднялся уже до 40–42 градусов. Из-за таких изменений множество биокультур теряют возможность их выращивания, что создает особую проблему, которая решается, опираясь на результаты проведения соответствующих статистических исследований.

Кроме того, важно отметить, что статистика растениеводства охватывает широкий спектр показателей, таких как посевные площади, урожайность и объемы производства сельскохозяйственных культур. Эти данные являются основой для разработки стратегий повышения продуктивности, внедрения агротехнических инноваций и обеспечения продовольственной безопасности. Особое внимание уделяется влиянию природных факторов и технологических изменений, которые напрямую влияют на эффективность растениеводства.

Статистические данные о всех сборах сельскохозяйственных культур, агротехнических мероприятиях, состоянии посевных площадей и многолетних насаждений позволяют выявить ключевые тенденции в развитии отрасли и ее устойчивость к внешним факторам, таким как погодные условия (в особенности температурные изменения) или экономические кризисы в отдельных регионах.

Кроме того, в условиях глобальной информатизации и развития технологий искусственного интеллекта необходимо проведение статистического изучения влияния инновационных технологий на рост урожайности и качество продукции, на маркетинговое движение созданной в растениеводстве стоимости. Современные методы обработки почвы, применения удобрений, выбора высокопродуктивных сортов и технологий защиты растений играют значительную роль в повышении эффективности растениеводства Российской Федерации. Поэтому статистические исследования растениеводства охватывают анализ долгосрочных изменений в структуре посевных площадей и производительности, что позволяет разрабатывать обоснованные прогнозы по объемам производства. Это особенно важно для менеджмента и планирования агропромышленного комплекса не только в целом, но и для отдельных сельскохозяйственных предприятий, стремящихся к оптимизации своей деятельности.

С учетом специфики российского растениеводства, статистическое наблюдение и анализ следует направить на выявление особенностей производства в различных климатических зонах, где факторы, такие как плодородие почв и доступность водных ресурсов, оказывают значительное влияние на результаты сельскохозяйственной деятельности.

Если резюмировать вышесказанное, то мы установили, что растениеводческий комплекс России, как важ-

нейший сектор сельского хозяйства, представляет собой сложную и многогранную систему, где переплетаются природные и экономические процессы. Статистические исследования этой отрасли не только помогают объективно оценивать текущее состояние сельскохозяйственного производства, но и выявлять потенциальные возможности для его роста. Совершенствование статистических методов и показателей в сфере растениеводства способствует более точной оценке объемов продукции, эффективности агротехнических мероприятий и влияния природных факторов на урожайность [7]. Прогнозирование на основе статистических данных играет важную роль в планировании устойчивого развития отрасли, что особенно актуально в условиях необходимости повышения продовольственной безопасности и увеличения объемов производства. В результате, статистический анализ растениеводства позволяет не только контролировать выполнение текущих производственных планов, но и разрабатывать стратегические меры по увеличению эффективности производства в долгосрочной перспективе.

2. Структуризация растениеводства как объекта статистических исследований

В процессе изучения растениеводства особое значение приобретают статистические исследования, которые позволяют не только оценить текущее состояние отрасли, но и выявить тенденции и факторы, влияющие на ее развитие. Однако, без применения обоснованных классификаций невозможно дать объективную оценку структуры изучаемых процессов. Классификации помогают исследователям систематизировать информацию о промышленных процессах переработки сельскохозяйственной продукции и ее реализации на оптовых и розничных рынках. В статистике выделяют множество различных критериев построения классификаций, поэтому в рамках данной публикационной работы обозначим только ключевые классификации, присущие растениеводческой отрасли, представленные на рис. 1.

Открывает классификационное пространство следующая дифференциация сельскохозяйственных посевных площадей:

– по видам выращиваемых сельскохозяйственных культур – зерновые, овощные, фруктовые и другие. Такая классификация способствует установлению оптимального соотношения посевных площадей, что в конечном итоге позволит определить ожидаемый результат конечных сборов с таких площадей;

– по территориальному признаку, который аккумулирует климатический фактор, а, следовательно, сельскохозяйственную специализацию регионов. Существует ряд географических классификаций посевных площадей по регионам или административным единицам, что позволяет разделить общий массив посевных площадей на конкретные группы;

– по типу земли – отчасти экономическое содержание и ее биологическая основа нашли юридическое отражение в ст. 7 Земельного кодекса РФ: сельскохозяйственные, населенных пунктов, видов экономической деятельности государственного использования, особо охраняемых территорий, лесного и водного фондов, запаса;

– по срокам посева, позволяющая определить земли ранних или поздних сроков посевных работ.

Дополнительно различают следующие категории посевных площадей: обсемененная посевная, весенне-продуктивная, уборочная, фактически убранная [10].

Вторая классификационная система предназначена для статистической оценки многолетних насаждений и агротехнических мероприятий:

– по видам насаждений (сады, виноградники, лесные насаждения);

– по возрасту насаждений, которая позволяет растениеводческому комплексу делить растения на молодых, продуктивных и старых;

– по методам обработки при проведении агротехнических мероприятий, например, орошение, удобрение, обрезка;

– по эффективности осуществления растениеводческой деятельности, а именно проводится анализ интенсивных и экстенсивных методов ведения сельского хозяйства.

Третья система классификаций ориентирована на статистическое изучение результатов растениеводческой деятельности и продуктивности земель.

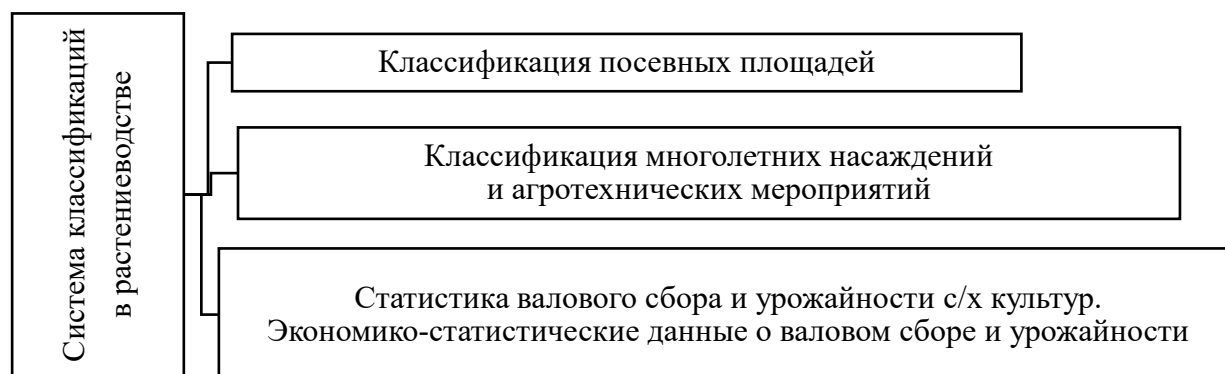

Рис. 1. Система классификаций, применяемых для статистического изучения растениеводческого комплекса

Подводя итог, отметим, что рассмотренные классификации позволяют не только систематизировать данные, но и проводить детальный и обширный статистический анализ состояния растениеводческого комплекса Российской Федерации, для способствования оптимизации процессов производства, повышения эффективности функционирования всего сельского хозяйства и, в конечном итоге, уровня жизни населения в России.

3. Количественные оценки в анализе растениеводческого комплекса

Каждый эксперт-аналитик подбирает определенные блоки исследуемой системы показателей, так как использовать все – невозможно: их подборка зависит от конкретных целей исследования. Важно отметить, что при формировании блоков дополняющих друг друга и взаимосвязанных между собой статистических показателей необходимо ориентироваться на применение современных подходов, которые предполагают использование, как традиционных, так и инновационных статистических методов и актуальных данных, таких как спутниковые, метеорологические наблюдения и показания, а также альтернативные цифровые платформы для исследования состояния растениеводческого комплекса. Статистические показатели должны позволять оценивать изменения в режиме реального времени. Также подметим, что первоначальная и конечная стоимость продукции растениеводства являются ключевыми статистическими показателями и позволяют оценить возникающие издержки исследуемого комплекса. Структура отраслевой вновь созданной стоимости представлена на рис. 2.

Также в растениеводстве принято деление продукции на сорта, либо на стандартную и нестандартную.

Специфическими для отрасли признаками выступают качество земельных ресурсов, их природное плодородие,

оцениваемое по балльной системе, бонитет земли. Актуальность статистического исследования земельного фонда в современных условиях, чего не наблюдалось раньше, обусловлена нарастающим дефицитом земельных площадей. Статистика земельных ресурсов должна способствовать оценке их состава, текущего состояния, динамики изменений, а также выявлять и проводить анализ влияния различных факторов на эффективность использования этих ресурсов. Особое значение земельный фонд имеет, и для строительного сектора, и для лесозаготовок, и для промышленного сектора обрабатывающих производств, и для добывающих отраслей, и для личного строительства населения. Сельскохозяйственный вклад земельного фонда в ресурсообеспечение растениеводства и животноводства, его непосредственное факторное влияние на продовольственную безопасность страны трудно переоценить. В условиях быстро меняющихся экономических, социальных и экологических реалий, а также растущей урбанизации, актуальность данного направления статистического изучения усиливается. Эффективное управление земельными ресурсами является залогом устойчивого развития экономики и охраны окружающей среды, реализации государственных программ. Анализ земельного-ресурсного комплекса необходим для формирования стратегий управления, а также для обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития регионов.

Объектом исследования следует рассматривать земельный фонд Российской Федерации, включая все его категории, такие, как земли городские, городских поселений и урбанизируемые; сельскохозяйственные и садоводческие; лесозаготовительного, промышленного и рекреационного использования; земельные участки текущего и перспективного строительства, а также территории предназначены для охраны природы. Для реше-

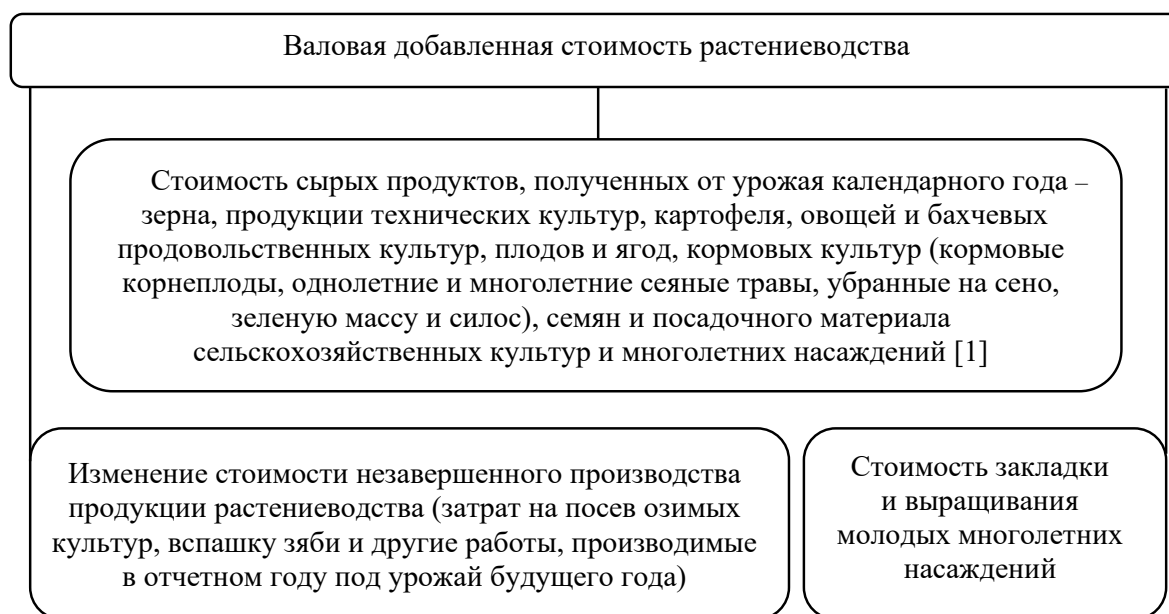

Рис. 2. Структура стоимости продукции растениеводства

ния задач количественной оценки земельных ресурсов растениеводства используют статистические методы анализа рядов динамики и прогнозирования, корреляционного и регрессионного анализа.

Среди задач применения математико-статистических методов в изучении земельного фонда особое место принадлежит стоимостной оценке земельных экономических активов в формате 135-ФЗ «Об оценочной деятельности», когда речь идет о массовом статистическом наблюдении за операциями на рынке с объектами-аналогами, формировании и анализе больших массивов данных. Полученные в результате статистического моделирования стоимостные оценки являются полноценной реализацией сравнительного подхода, выполнение которого необходимо в соответствии со стандартами оценочной деятельности.

Земельный фонд включает в себя не только земельные ресурсы, но и разнообразные природные богатства: полезные ископаемые, водные ресурсы, лесные массивы и др., а также, что представляет основную ценность для растениеводства, непосредственно почву.

Земельно-ресурсный комплекс России необходимо анализировать исходя из использования его в различных областях хозяйственной деятельности, в различных экономических, географических и климатических условиях. Основной задачей статистического анализа будет являться выявление направленности в использовании земель, оценки их состояния и разработки рекомендаций не только по эффективному управлению в хозяйственной деятельности, но и в организации воспроизводства земельных ресурсов.

Важной проблемой остается недостаточность эффективных данных о сельскохозяйственном земельном фонде, так как во многих регионах эти данные попросту устарели, а в некоторых и вообще отсутствуют. Из-за данной проблемы мы теряем достоверность и актуальность информации, что стесняет быстроту ее обработки, ограничивает возможности анализа и принятия решений.

Основными классификационными критериями земельных ресурсов, позволяющими осуществить их статистическую структуризацию, выступают: их распределение – соответствует перечню, приведенному в ст. 7 ЗК РФ; исчерпаемость – исчерпаемые и неисчерпаемые; качество – высококачественные, средне-качественные и низкокачественные.

Классификации помогают более системно собирать, обрабатывать и анализировать статистические данные для лучшего понимания их состояния, использования и воспроизводства земельных ресурсов.

Принятие необходимых и своевременных решений по использованию земельных ресурсов во многом зависит от наличия адекватной информационной базы, основанной на разработанной и обоснованной системе статистических показателей, которые позволяют не только оценить текущее состояние земель, но и предсказывать их будущее применение.

Система статистических показателей является мощным инструментом, который помогает нам получать объективную информацию о различных аспектах землевладения. Данная система предоставляет нам возможность проводить сравнительный анализ, выявлять тенденции и закономерности, на них основано земельное ценообразование и принятие обоснованных управленческих решений.

Для того чтобы определить результативность эксплуатации земельных ресурсов, применяют систему обобщающих, частных и вспомогательных показателей.

Обобщающими показателями описывается производительность земель, эффективность их применения в общем количестве. К ним, например, могут быть отнесены: размер доходов на 100 га сельских угодий; выход кормовых единиц на 100 га сельских угодий и др. Частные показатели, помогающие нам выявить продуктивность земельных ресурсов, представлены плодородностью земель, объемом производства конкретного вида сельскохозяйственной продукции на 100 га сельских угодий. Вспомогательные показатели дают возможность оценки емкости земельного фонда, т. е. в обратном соотношении с трудовыми и материальными ресурсами: сколько единиц трудовых ресурсов и основных фондов приходится на 100 га сельскохозяйственных угодий. Согласно общей теории статистики, это наглядные относительные величины интенсивности. Это, и себестоимость продукции, и трудовая емкость, и фондовая емкость, и окупаемость сельскохозяйственных издержек.

Также популярен и весьма информативен блок показателей, которые характеризуют возможности земли для ее использования в сельскохозяйственном производстве, в котором содержательно дополняют друг друга, как натуральные, так и стоимостные показатели. Натуральные показатели земельных ресурсов знаменуют собой степень эксплуатации ограниченной области сельских угодий при изготовлении определенной продукции. К натуральным показателям могут быть отнесены: урожайность, качество почв, выраженное оценкой, которая позволяет определить пригодность почвы для ведения сельского хозяйства; объем изготовленной продукции на расчетную единицу посевных или угодий для кошения и др. К стоимостным показателям земельных ресурсов относят денежное выражение богатства земли. Данный показатель может быть оценен: рыночной стоимостью, представляющей собой денежную величину, по которой земля будет продана с учетом конкуренции за определенный период времени; земельно-кадастровой стоимостью; потребительской стоимостью, аккумулирующей зависимость цены от качества и местоположения участка, с учетом прибыли и срока окупаемости; ликвидационной стоимостью, необходимой ввиду сложившихся неопределенных ситуаций, при которых сельскохозяйственный производитель вынужден продавать угодья ниже рыночной стоимости.

Существуют и дополнительные показатели результативности эксплуатации земли, которые также

находят повсеместное применение: общий объем сельских угодий в общей земельной площади; процентное отношение посевов отдельных сельскохозяйственных культур в общей площади, располагаемой производителем и др.

Систематический анализ позволяет нам проводить глубинные исследования и принимать обоснованные решения, направленные на оптимизацию земельных отношений в столь вариативной отрасли, коей является растениеводство. Поэтому нам необходимо продолжать развивать и адаптировать систему статистических показателей к современным вызовам, обеспечивая тем самым более точное и эффективное управление земельными ресурсами в сельском хозяйстве.

Заключение

Таким образом, в ходе теоретического осмысления подходов к статистическому анализу растениеводческого комплекса Российской Федерации установлено, что это один из основных секторов сельского хозяйства, от которого напрямую зависит продовольственная безопасность и стабильное развитие аграрного сектора Российской Федерации, что становится как никогда актуально в современных политических условиях. Статистическое исследование данного комплекса играет ключевую роль в оценке текущего состояния отрасли, а также в прогнозировании тенденций на будущее и стратегий развития всей России по данному направлению.

Правильное использование статистических методов позволяет объективно оценить эффективность производства в растениеводстве, а также выявить влияние различных факторов, таких как климатические условия и агротехнические инновации. Кроме того, применение классификаций и системы статистических показателей обеспечивают проведение углубленного анализа, результаты которого становятся информационной базой для оптимизации производственных процессов и повышения урожайности.

Библиографический список

1. Постановление Госкомитета РТ по статистике от 19 апреля 2001 г. № 5 «Об утверждении квартальной формы республиканского государственного статистического наблюдения № 1-ДС «Сведения о добавленной стоимости предприятия» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Госкомстата РФ от 27 июня 2000 г. № 55 «Об утверждении Методических указаний по расчету выпуска, промежуточного потребления и валовой добавленной стоимости сельского хозяйства в фактических и сопоставимых ценах» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Акчибаш В. Г., Васильева В. Н. Вопросы формирования балансов продовольственных ресурсов в странах СНГ // Вопросы статистики. 2024. Т. 31, № 3. С. 10–34.
4. Врублевская В. В. Анализ воспроизводства и агропродовольственного рынка растениеводства

в условиях продовольственной независимости региона // Статистика и Экономика. 2023. Т. 20, № 4. С. 32–43.

5. Китаев Ю. А., Бочарникова В. Н. Анализ тенденций развития крестьянских (фермерских) хозяйств в Белгородской области // Вестник аграрной науки. 2024. № 2 (107). С. 126–131.

6. Комшанов Д. С. Условия формирования рыночных доходов сельского хозяйства в макроэкономической статистике // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 1 (27). С. 24–39.

7. Лобачевский Я. П., Дорохов А. С., Сибирев А. В. Современное состояние технологического обеспечения производства овощных культур в Российской Федерации // Овощи России. 2023. № 5. С. 5–17.

8. Невзоров А. С., Бекетова О. Н., Иванов А. М. Роль и место больших данных в официальной статистике сельского хозяйства // Бухучет в сельском хозяйстве. 2024. № 7. С. 484–494.

9. Паршинцева Л. С., Першина Т. А. Обзор международного опыта в области распределения годового объема продукции сельского хозяйства // Социальные и экономические системы. 2024. № 7 (57). С. 263–291.

10. Рагимов А. О. Статистический анализ данных в сельском хозяйстве : учеб.-практ. пособие / А. О. Рагимов, М. А. Мазиров ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. 454 с.

11. Ханова О. Математический анализ в сельском хозяйстве : значение, применение и перспективы // Cognito Rerum. 2024. № 12. С. 77–79.

Bibliographic list

1. Resolution of the State Committee of the Republic of Tatarstan on Statistics dated April 19, 2001 № 5 «On approval of the quarterly form of the Republican State Statistical Observation № 1-DS «Information on the added value of the enterprise» // LRS «ConsultanPlus».
2. Resolution of the State Statistics Committee of the Russian Federation dated June 27, 2000 № 55 «On approval of Methodological Guidelines for calculating output, intermediate consumption and gross value added of agriculture in actual and comparable prices» // LRS «ConsultanPlus».
3. Akchibash V. G., Vasilyeva V. N. Issues of formation of food resource balances in the CIS countries // Issues of statistics. 2024. Vol. 31, № 3. P. 10–34.
4. Vrublevskaya V. V. Analysis of reproduction and the agro-food market of crop production in conditions of food independence of the region // Statistics and Economics. 2023. Vol. 20, № 4. P. 32–43.
5. Kitaev Yu. A., Bocharnikova V. N. Analysis of trends in the development of peasant (farm) farms in the Belgorod region // Bulletin of Agrarian Science. 2024. № 2 (107). P. 126–131.

6. Komshanov D. S. Conditions for the formation of agricultural market incomes in macroeconomic statistics // Socio-economic and Humanitarian Journal. 2023. № 1 (27). P. 24–39.

7. Lobachevsky Ya. P., Dorokhov A. S., Sibirev A. V. The current state of technological support for the production of vegetable crops in the Russian Federation // Vegetables of Russia. 2023. № 5. P. 5–17.

8. Nevzorov A. S., Beketova O. N., Ivanov A. M. The role and place of big data in official agricultural statistics // Accounting in agriculture. 2024. № 7. P. 484–494.

9. Parshintseva L. S., Pershina T. A. Review of international experience in the distribution of annual agricultural output // Social and economic systems. 2024. № 7 (57). P. 263–291.

10. Ragimov A. O. Statistical data analysis in agriculture : textbook. manual / A. O. Ragimov, M. A. Mazirov ; Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov. Vladimir : Publishing House of the All-Russian State University, 2022. 454 p.

11. Khanova O. Mathematical analysis in agriculture : meaning, application and prospects // Cognitio Rerum. 2024. № 12. P. 77–79.

Информация об авторе

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 01.11.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 01.11.2025.

Основы инвестиционного анализа. Под ред. В. С. Осипова, Н. Д. Эриашвили; под общ. ред. Т. Н. Агаповой, Е. Л. Логинова. Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. 455 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Цель пособия — изучение основ инвестирования, инвестиционного анализа, условий риска и неопределенности, мирового опыта и российской специфики инвестиционного анализа.

Рассматриваются теоретические основы международного инвестиционного анализа, роль финансовых и реальных инвестиций, оценка эффективности инвестиционного анализа по мировым стандартам. Обозначены пути определения направлений инвестиционной деятельности фирмы и формирование стратегических направлений ее развития, оценка, анализ ситуации на финансовом рынке. Анализируются методы и приемы оценки инвестиционных проектов, применяемые в мировой практике,

особенности составления бизнес-плана инвестиционного проекта по международным стандартам, процессы реализации и финансирования инвестиционных проектов.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям экономики и управления.

Научная статья

УДК 343.352

EDN: <https://elibrary.ru/wkuhgv>

ИИОН: 2015-0066-1/26-407

MOSURED: 77/27-011-2026-01-606

Коррупционные риски в деятельности органов внутренних дел как угроза экономической безопасности России: анализ и пути минимизации

Людмила Николаевна Иванова¹, Мария Александровна Симакова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ nxt200@yandex.ru

² simakova2004@mail.ru

Аннотация. Исследуется коррупция в органах внутренних дел в контексте обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. На основе статистических данных ГИАЦ МВД России и результатов социологического исследования (опрос обучающихся ведомственных вузов) выявлены закономерности трансформации коррупционных практик в условиях цифровой трансформации общества. Кроме того, внимание уделено деструктивному влиянию коррупции на рыночную конкуренцию, инвестиционную привлекательность регионов и стабильность государственных институтов. Обоснована необходимость перехода к цифровым моделям антикоррупционного мониторинга на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта. Предложена авторская концепция минимизации дискреционных полномочий через автоматизацию контрольных процедур.

Ключевые слова: экономическая безопасность, системная коррупция, органы внутренних дел, теневая экономика, профессиональная деформация, цифровизация

Для цитирования: Иванова Л. Н., Симакова М. А. Коррупционные риски в деятельности органов внутренних дел как угроза экономической безопасности России: анализ и пути минимизации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 212–219. EDN: WKUHGTV.

Original article

Corruption risks in the activities of internal affairs bodies as a threat to Russia's economic security: analysis and ways to minimize them

Lyudmila N. Ivanova¹, Maria A. Simakova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ nxt200@yandex.ru

² simakova2004@mail.ru

Abstract. The corruption in law enforcement agencies in the context of ensuring the economic security of the Russian Federation is being examined. Using statistical data from the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the results of a sociological study (a survey of students at departmental universities), patterns in the transformation of corrupt practices in the context of the digital transformation of society are identified. Furthermore, attention is paid to the destructive impact of corruption on market competition, the investment attractiveness of regions, and the stability of state institutions. The need for a transition to digital models of anti-corruption monitoring based on big data and artificial intelligence technologies is substantiated. The authors' concept for minimizing discretionary powers through the automation of control procedures is proposed.

Keywords: economic security, systemic corruption, internal affairs bodies, shadow economy, professional deformation, digitalization

For citation: Ivanova L. N., Simakova M. A. Corruption risks in the activities of internal affairs bodies as a threat to Russia's economic security: analysis and ways to minimize them. Bulletin of economic security. 2026;(1):212–9. (In Russ.). EDN: WKUHGTV.

© Иванова Л. Н., Симакова М. А., 2026

Введение

В современной архитектуре государственного управления проблема коррупции в правоохранительной системе вышла далеко за рамки классического уголовно-правового дискурса. Она трансформировалась в серьезную угрозу экономической безопасности, подрывающую основу суверенного развития страны. Органы внутренних дел, будучи ключевым субъектом обеспечения законности, при поражении коррупционными процессами превращаются из гаранта безопасности в источник системного риска. Опасность данного явления заключается в том, что коррупция в МВД не просто изымает финансовые ресурсы из бюджетного оборота, но и фундаментально искажает механизмы рыночной конкуренции.

В этой связи следует подчеркнуть, что деструктивное влияние коррупции проявляется в формировании устойчивых связей между представителями ОВД и теневым бизнесом. Подобное поведение должностных лиц позволяет недобросовестным участникам рынка избегать налогообложения и игнорировать государственные стандарты, что создает непреодолимые барьеры для легального предпринимательства. Происходит замещение правовых принципов управления экономикой коррупционными договоренностями, что неизбежно ведет к снижению инвестиционной привлекательности регионов. Рациональный инвестор, оценивая риски, избегает территорий, где правовая защита подменяется коррупционным торгом, что провоцирует отток капитала и замедление темпов социально-экономического развития [14]. Коррупция в ОВД фактически выступает катализатором расширения теневого сектора экономики, обеспечивая его институциональную выживаемость [9].

Научная новизна представленного исследования заключается в обосновании специфических механизмов влияния коррупции на показатели экономической безопасности через выявление корреляций между «коррупцией прикрытия» и деформацией рыночных индикаторов. В отличие от существующих подходов, акцентированных на карательных мерах, данная работа предлагает переход к анализу скрытых угроз, в которые попадает правоохранительная система. Актуальность исследования подтверждается обзором публикаций за последние три года, в которых такие авторы, как Т. Н. Ахтямов, Ф. С. Растегаева [6], М. О. Плывч [14], а также генеральный прокурор России И. В. Краснов [8], указывают на необходимость технологической трансформации антикоррупционного контроля. Зарубежный опыт, в частности практики Сингапура и Китая, демонстрирует, что успех в борьбе с коррупцией в силовом блоке возможен только при условии жесткого мониторинга не только доходов, но и жизненных стандартов должностных лиц, что требует внедрения современных аналитических систем.

Теоретико-методологические основы исследования коррупционной деятельности

Для формирования научного понимания проблемы необходимо провести четкое разграничение между

юридическим составом коррупции и более широким понятием коррупционной деятельности. В рамках настоящего исследования коррупционная деятельность в ОВД рассматривается как динамический процесс использования публичного статуса для формирования теневых сетей влияния, направленных на извлечение преференций в ущерб государственным интересам [9]. Специфика правоохранительной деятельности обуславливает наличие широких дискреционных полномочий, т. е. права сотрудника принимать юридически значимые решения по своему усмотрению, что создает объективные условия для возникновения коррупционных рисков.

Основываясь на научном исследовании Р. Х. Гафурова, можно провести институциональный анализ функционирования подразделений собственной безопасности (далее – ПСБ) МВД России как ключевого элемента обеспечения экономической и правовой устойчивости системы правоохранительных органов. Автор подчеркивает, что государственная политика в этой сфере направлена на создание защищенной среды, способной эффективно противостоять деструктивным внутренним и внешним угрозам. В данном контексте классификация показателей, влияющих на безопасность ведомства, может быть разделена на структурно-функциональные и социально-репутационные факторы.

К первой группе относятся механизмы оперативного противодействия коррупции и фильтрации кадрового состава, где ПСБ выступают в роли институционального барьера, предотвращающего проникновение криминальных элементов в государственную структуру. Р. Х. Гафуров указывает на критическую важность контроля за достоверностью сведений о доходах и имуществе сотрудников, что напрямую коррелирует с задачами обеспечения экономической безопасности. Ко второй группе факторов следует отнести информационное сопровождение деятельности МВД и уровень доверия граждан, поскольку медийные сообщения о коррупции формируют зачастую искаженное представление о системе в целом, нанося ей серьезный репутационный ущерб.

Особое внимание автор уделяет дисбалансу в деятельности ПСБ, отмечая превалирование карательной функции над защитной и профилактической. Анализируя имеющуюся проблематику, исследователь делает акцент на необходимости смещения приоритетов в сторону превентивных мер и объективной оценки эффективности работы подразделений, исходя из минимизации общего числа правонарушений, а не только количества выявленных преступлений.

Опираясь на выводы Р. Х. Гафурова, можно констатировать, что модернизация системы собственной безопасности требует перехода от ситуативного реагирования к комплексной профилактике. Оптимизация статистических показателей и усиление контроля за руководящим составом позволят трансформировать ПСБ из карательного органа в эффективный инструмент обеспечения целостности и стабильного функционирования

ния системы МВД, что является обязательным условием национальной экономической безопасности [7].

Особое внимание в рамках представленного исследования уделено анализу феномена институционального патронажа (традиционно определяемого как «коррупция прикрытия») и преднамеренного искажения отчетности, которые выступают катализаторами деструктивной трансформации рыночной среды. В ситуации, когда в деятельности правоохранительных органов наблюдается эрозия защитной функции и происходит переход к состоянию институционального симбиоза с субъектами теневой экономики, фиксируется системный сбой в механизмах государственного управления.

Данная конфигурация формирует среду, в которой добросовестные участники рынка утрачивают конкурентные преимущества перед криминализированными структурами, обладающими доступом к административному ресурсу и лояльностью должностных лиц. Подобная институциональная деформация создает входные барьеры, преодоление которых легальными методами становится экономически нецелесообразным. Это провоцирует возникновение так называемой «коррупционной ловушки», вынуждающей субъектов легального сектора имплементировать неформальные практики для сохранения жизнеспособности бизнеса. Таким образом, коррупционные проявления в системе органов внутренних дел обладают выраженным мультипликативным эффектом, инициируя диффузию вне рыночных практик в смежные отрасли экономики и дестабилизируя общественный правовой порядок (табл. 1).

Анализ оперативной обстановки и коррупционных рисков в сфере правоприменения

Для объективной оценки коррупционных рисков в системе МВД России необходимо проанализировать масштаб и динамику коррупционной преступности, пресекаемой ведомством. Мощный контрольно-надзорный ресурс, сосредоточенный в руках сотрудников ОВД, напрямую коррелирует с объемом выявляемых ими правонарушений. В данном контексте статистика ГИАЦ МВД России за 2020–2025 гг. выступает индикатором «стоимости» управленческих решений и демонстрирует масштаб коррупционного давления на экономику, в ус-

ловиях которого сотрудники ОВД выполняют свои служебные обязанности (табл. 2).

Анализ представленных статистических данных позволяет оценить фундаментальную трансформацию качественных характеристик криминогенной среды. Резкий рост выявляемости фактов дачи взятки (+135 %) и получения взятки (+86,89 %) свидетельствует не только об интенсификации работы контролирующих органов, но и о высокой степени институционализации коррупционных отношений в экономике. Столь значительный «спрос» на внеправовые услуги указывает на то, что коррупция начинает выполнять роль «теневых регулятора» рыночных процессов.

Для контекста нашего исследования данный тренд имеет определяющее значение: экспоненциальный рост выявляемых преступлений по линии ЭБиПК и следствия де-факто означает, что сотрудники ОВД ежедневно функционируют в эпицентре высокорисковых финансовых потоков. В условиях, когда коррупционный оборот в частном секторе растет, должностное лицо, наделенное полномочиями по его пресечению, неизбежно подвергается деструктивному психологическому и материальному давлению.

Высокие показатели выявляемости по ст. 290 и 291 УК РФ верифицируют гипотезу о наличии избыточных дискреционных полномочий у должностных лиц ОВД. В правоприменительной практике под дискрецией понимается возможность субъекта власти действовать по собственному усмотрению в рамках закона. Однако именно здесь кроется системный риск: широкая свобода в интерпретации доказательной базы, квалификации сложных экономических составов и принятии ключевых процессуальных решений (например, о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела) в условиях агрессивной коррупционной среды формирует «дискреционную ловушку». В такой модели поведение должностного лица может трансформироваться из служебно-ориентированного в «рентоориентированное», где должностное полномочие рассматривается как актив, приносящий личный доход.

Особого внимания заслуживает дивергенция показателей: существенное снижение регистраций по

Таблица 1

Виды коррупционных рисков в ОВД по сферам влияния на экономику

Сфера деятельности	Характер коррупционной деформации	Экономические последствия
Государственные закупки	Манипуляция контрактными условиями, ограничение конкуренции	Нецелевое использование бюджетных средств, снижение качества обеспечения ведомства
Экономическая безопасность (ЭБиПК)	Институциональный патронаж теневых структур, «заказное» давление	Формирование искусственных монополий, подавление инвестиционной активности
Следствие и дознание	Коммерциализация процессуальных полномочий, фальсификация доказательств	Дестабилизация института собственности, рост рисков ведения бизнеса
Кадровая политика	Протекционизм, замещение меритократии личной лояльностью	Профессиональная деградация аппарата, консервация коррупционных сетей

Таблица 2

Динамика преступлений коррупционной направленности,
выявленных сотрудниками ОВД за период 2020–2025 гг.

Вид преступления	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Динамика 2020–2025, (%)
Коррупционные преступления. ИТОГО	17 510	18 587	19 065	20 179	21 080	23 098	+31,91 %
Присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ)	4 868	4 223	3 907	3 744	3 060	2 981	-38,77 %
Получение взятки (ст. 290 УК РФ)	2 906	3 347	4 022	4 417	5 305	5 431	+86,89 %
Дача взятки (ст. 291 УК РФ)	2 474	2 910	3 454	4 158	4 621	5 822	+135 %
Коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ)	1 013	1 048	1 060	1 325	1 767	1 964	+93,88 %

Источник: по данным ГИАЦ МВД России [12]

ст. 160 УК РФ [3] (присвоение и растрата) на фоне лавинообразного роста взяточничества свидетельствует о «цифровизации» и интеллектуализации преступных схем. Прямое хищение имущества (растрата) становится менее привлекательным из-за прозрачности банковских операций и систем бухгалтерского учета. В то же время коррупционные сделки становятся более латентными, бесконтактными и сложными для документирования. Это требует от системы МВД симметричного ответа: перехода от традиционных методов контроля к внедрению предиктивных алгоритмов мониторинга деятельности самих правоприменителей, основанных на анализе аномалий в их процессуальной деятельности и имущественном положении.

Таким образом, репрезентативная статистика ГИАЦ МВД России должна интерпретироваться не только как индикатор эффективности ведомства, но и как динамическая карта «зон максимального коррупционного риска». Существует прямая корреляция: чем выше концентрация капитала и интенсивность коррупционных обменов в конкретном секторе (например, в сфере недропользования или государственных закупок), тем выше вероятность административно-правовой деформации сотрудников ОВД, осуществляющих надзор в данных сегментах.

Данный вывод диктует методологическую необходимость разработки дифференцированных мер минимизации рисков. Борьба с коррупцией внутри ведомства не может быть универсальной; она должна быть сфокусирована именно на тех подразделениях, которые показывают наибольшую активность в борьбе с экономическим криминалом. Речь идет о внедрении системы двойного контроля за принятием решений в сфере ЭБиПК, ротации кадров в «высокорисковых» подразделениях и полной цифровой фиксации каждого этапа проверки сообщений о преступлениях, что позволит снизить уровень

асимметрии информации между рядовым исполнителем и контролирующим аппаратом.

Социологический анализ: профессиональная деформация и психологическая лояльность

Для объективной оценки эффективности антикоррупционного воспитания в рамках работы было проведено сравнительное исследование правосознания обучающихся ведомственных вузов МВД России и студентов гражданских специальностей. Такой подход позволяет определить специфику профессионального становления будущего офицера на фоне общесоциальных ценностных трендов молодежной среды.

Согласно полученным данным, курсанты МВД России демонстрируют принципиально более высокий уровень антикоррупционной устойчивости. В частности, 95 % опрошенных курсантов выразили однозначное неприятие любых форм коррупционных проявлений, квалифицируя их как нарушение профессиональной этики, дискредитацию статуса сотрудника органов внутренних дел и акт, подрывающий основы государственной стабильности. В отличие от гражданской молодежной среды, где зачастую фиксируется определенная «бытовая лояльность» к мелким нарушениям (среди студентов гражданских вузов этот показатель «терпимости» достигает 54 %), будущие офицеры ОВД проявляют высокую степень правового идеализма и дисциплины.

Данное расхождение в показателях объясняется спецификой ведомственной социализации. В системе МВД России воспитательная работа не ограничивается формальным изучением норм права, она базируется на принципах верности Присяге, офицерской чести и осознании высокой социальной ответственности. Если в гражданской среде правонарушение может восприниматься через призму «личного удобства», то для курсанта МВД оно является абсолютно недопустимым поступком, разрушающим профессиональную идентичность.

Таким образом, исследование подтверждает, что ведомственная образовательная модель МВД России эффективно нивелирует негативные общесоциальные тренды правового нигилизма. Высокая антикоррупционная устойчивость личного состава закладывается именно в период обучения через погружение в служебную культуру и жесткую систему этического контроля.

Выявленный высокий уровень правосознания курсантов позволяет рассматривать кадровый потенциал МВД как надежный фундамент экономической безопасности страны. Вместе с тем для сохранения и укрепления этой устойчивости в процессе последующей практической деятельности необходимо развивать механизмы непрерывного психологического сопровождения и совершенствовать меры институциональной защиты сотрудников от внешних коррупционных вызовов.

Результаты проведенного исследования правосознания курсантов позволяют сделать важный вывод: система ведомственного образования успешно формирует внутренний «иммунитет» будущего офицера. Однако одного лишь этического фундамента недостаточно в условиях, когда внешняя экономическая среда остается агрессивной. Для того чтобы защитить сотрудника от внешнего давления и исключить саму возможность коррупционного маневра, необходимо дополнить ценностный каркас личности современным технологическим щитом.

Стратегия минимизации коррупционных рисков через цифровую трансформацию

В современных условиях наиболее перспективным вектором развития системы безопасности становится переход от традиционных форм надзора к комплексному цифровому мониторингу. Этот процесс подразумевает не просто автоматизацию отчетности, а внедрение интеллектуальных систем, способных в режиме реального времени оценивать коррупциогенные риски. Логика такого перехода базируется на использовании технологий искусственного интеллекта и Big Data, которые позволяют перевести антикоррупционный контроль из субъективной плоскости в объективную, математически выверенную среду [5].

Особое значение здесь приобретает создание систем предиктивного анализа. Речь идет о программных комплексах, способных проводить перекрестный аудит данных из разрозненных государственных и коммерческих реестров. Автоматизированный алгоритм может без участия человека сопоставлять сведения из баз Росреестра, ФНС, ГИБДД и банковских структур, выявляя скрытые аномалии. Например, система способна зафиксировать существенное расхождение между официально задекларированными доходами и реальным уровнем расходов, отраженным в «цифровом следе» должностного лица. Подобный подход не только повышает прозрачность, но и, что крайне важно, снимает с проверяющих органов риск «избирательного подхода», делая процедуру контроля одинаково неотвратимой для каждого.

Развитие этих технологий логично ведет к необходимости внедрения так называемых «цифровых фильтров» непосредственно в процессуальную деятельность. В подразделениях, связанных с борьбой с экономическими преступлениями и следствием, где объем дискреционных полномочий наиболее высок, цифровизация документооборота должна стать барьером для злоупотреблений. Это достигается за счет алгоритмизации каждого этапа проверки: система может верифицировать обоснованность затягивания сроков или внезапного прекращения дела, блокируя юридически значимые действия, если они не соответствуют установленным критериям. Таким образом, техника берет на себя роль беспристрастного арбитра, защищая честного сотрудника от попыток внешнего манипулирования его решениями.

Рассматривая технологический контроль как фундамент, нельзя забывать об экономической подоплеке антикоррупционной устойчивости. Опыт ведущих мировых систем, в частности Сингапура и Китая, доказывает, что эффективность правоохранительных органов напрямую зависит от реализации принципа «экономической бессмысленности» коррупции.

Сингапурская модель базируется на институциональной независимости и экономической превенции. Ключевым звеном является Бюро по расследованию коррупционной деятельности, подотчетное напрямую премьер-министру, что исключает ведомственное давление, характерное для РФ. В Сингапуре принцип «честность должна быть выгодной» доведен до совершенства: сверхвысокая оплата труда и обширные социальные гарантии создают ситуацию, при которой риск потери «социального капитала», таких как льготные пенсии и жилье, в случае правонарушения становится неприемлемым. Безупречная служба здесь – это наиболее рациональная жизненная стратегия.

Анализ судебных прецедентов, включая дела Лай Вай Кхуэна, Сундара Мурти, Марзуки Бин Ахмада и Пхуа По Сима, позволяет проследить стратегию сингапурского правосудия, направленную на искоренение скрытых форм коррупции. Динамика рассмотренных дел наглядно демонстрирует, что любая попытка замаскировать взятку под гражданско-правовой заем или дружеский кредит неизменно квалифицируется как уголовное преступление. Характерно, что под пристальное внимание Бюро по расследованию коррупционной деятельности (СРИБ) попадают должностные лица всех уровней – от технических инспекторов в сфере жилищного строительства до высокопоставленных офицеров вооруженных сил и заместителей директоров государственных управлений.

Проведенный анализ выявляет четкую закономерность – судебная система Сингапура фокусируется на пресечении конфликта интересов на самой ранней стадии. Использование должностных полномочий для получения личных финансовых выгод, даже при наличии формального обязательства по возврату средств,

трактуются как извлечение административной ренты. Особенно показательны случаи, когда коррупция становится следствием личной финансовой неустойчивости должностного лица, что подтверждает необходимость внедрения систем мониторинга долговых обязательств чиновников [13].

Судебная практика Сингапура подтверждает, что эффективность борьбы с коррупцией напрямую зависит от невозможности подмены понятий. Приравнивание любых кредитов от подконтрольных субъектов к прямому взяточничеству в сочетании с обязательным штрафом, эквивалентным сумме выгоды, делает коррупционную сделку экономически бессмысленной. Для развития российской антикоррупционной политики данный опыт крайне актуален, так как он задает стандарт нулевой толерантности к любым формам неформальных финансовых связей между государством и бизнесом.

Китайская же практика делает упор на жесткие регрессивные меры и технологический контроль. Использование анализа больших данных для мониторинга аффилированных связей позволяет эффективно пресекать такой вид преступлений как nepotизм. Важным элементом выступает презумпция незаконности активов [8], который говорит о том, что, если чиновник не может обосновать расходы, имущество конфискуется. Кроме того, КНР активно использует цифровизацию – трансляции судебных процессов онлайн минимизируют риски подкупа судей [17].

Китайская антикоррупционная стратегия в современную эпоху опирается на интеллектуальный анализ данных и непрерывное профильное обучение. Система «умной» аналитики позволяет выявлять скрытые связи и подозрительные закономерности на ранних этапах, превращая разрозненную информацию в мощный инструмент контроля [18]. Параллельно с этим функционируют специализированные образовательные платформы, обеспечивающие гибкую подготовку кадров и соответствие компетенций государственных служащих актуальным вызовам [19]. Интеграция высокотехнологичного мониторинга и преемственности профессиональных знаний формирует надежный заслон против системных злоупотреблений.

Для российской системы наиболее рациональным путем является интеграция этих подходов: сочетание жесткого контроля с расширением системы материальных стимулов. Необходимо рассмотреть создание единого независимого антикоррупционного органа и введение полной конфискации имущества, приобретенного на недоказанные доходы.

Изучение опыта лидеров южных стран подтверждает вывод о том, что победа над коррупцией возможна лишь при одновременном воздействии на институциональную среду, правосознание и экономическую мотивацию служащих. Учет сингапурских методов стимулирования и китайских механизмов цифрового контроля позволит России перейти от декларативных мер к соз-

данию системы, где коррупция станет экономически и социально невыгодной [10].

Однако технологические барьеры достигают максимальной эффективности лишь в сочетании с глубокой внутренней убежденностью самого сотрудника. Проведенный нами опрос показал, что фундамент этой убежденности закладывается в стенах ведомственных вузов. Именно поэтому профилактический аспект должен быть направлен на трансформацию правосознания: от формального знания запретов к осознанному неприятию коррупции как явления, разрушающего профессиональную идентичность.

Опираясь на результаты исследования, представляется необходимым внедрение в образовательный процесс специализированных тренингов и кейс-стади, направленных на преодоление остатков «бытовой лояльности» к нарушениям. Будущий офицер должен воспринимать коррупционный акт не сквозь призму личной выгоды, а как прямую деструкцию экономической устойчивости региона и подрыв доверия общества к государственной власти. Только синергия ценностного воспитания и безупречного технологического контроля позволит создать кадровую основу, способную эффективно противостоять современным вызовам.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы, имеющие принципиальное значение для совершенствования государственной политики в сфере экономической безопасности.

Во-первых, коррупцию в системе правоохранительных органов следует рассматривать не как сумму отдельных должностных проступков, а как серьезную угрозу макроэкономической стабильности. Выступая сервисным элементом теневой экономики, коррупционные связи искажают рыночную конкуренцию и создают условия для нецелевого использования государственных ресурсов.

Во-вторых, анализ показал, что одних лишь штрафных санкций недостаточно. В основу государственной стратегии должен быть положен принцип абсолютной невыгодности коррупционного поведения. Это требует дальнейшего развития законодательных механизмов, включая расширение практики обращения в доход государства имущества должностных лиц, законность происхождения которого не подтверждена. Создание условий, при которых риск потери социального статуса и активов многократно превышает потенциальную «ренту», является ключевым фактором превенции.

В-третьих, стратегическим приоритетом является переход от фиксации совершенных нарушений к их автоматизированному предупреждению. Интеграция систем на базе искусственного интеллекта в повседневный документооборот позволит минимизировать влияние человеческого фактора на принятие процессуальных решений. Создание «цифровых фильтров» и алгоритмизация контроля за расходами

превратят систему МВД в высокотехнологичный институт, максимально защищенный от коррупционного давления.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
2. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138550/
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: [принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914053/>
5. Алиева Д. Р. Формирование полиции в современной России // URL: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2023/02/22.pdf/>
6. Ахтямов Т. Н., Растегаева Ф. С. Эффективность антикоррупционной политики и ее основные принципы // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 10. С. 2253–2262.
7. Гафуров Р. Х. Роль подразделений собственной безопасности в системе МВД России // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 38–41.
8. Краснов И. Интервью // Российская газета. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e495306/>
9. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). Репринт. Воспр. изд. 1968 г. М. : Норма : Инфра-М, 2020. 173 с.
10. Линхоева Е. М. Борьба с коррупцией в Российской Федерации, КНР и Сингапуре: сравнительно-правовой анализ // URL: <https://meridian-journal.ru/site/article3b2/>
11. Лунеев В. В. Криминология : учебник для вузов . Москва : Издательство Юрайт, 2025. 686 с.
12. Официальный сайт ГИАЦ МВД России // URL: <https://мвд.рф/reports/>
13. Официальный сайт Правительственного агентства Сингапура // URL: <https://www.cpip.gov.sg/about-corruption/case-studies/public-sector/>
14. Плывч М. О. Возможности использования зарубежного опыта борьбы с коррупцией в России // Молодой ученый. 2020. № 8 (298). С. 183–185.
15. Смирнов А. А. Коррупция в правоохранительных органах как угроза деятельности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации // Евразийская ад-

вокатура 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-pravoohranitelnyh-organah-kak-ugroza-deyatelnosti-hozyaystvuyuschih-subektov-v-rossiyskoy-federatsii/>

16. Сотрудничество с правоохранительными органами. Китайская Народная Республика. Ст. 395 // URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm/
17. Трошинский П. В. Судебная система КНР в эпоху цифровизации: основные направления развития // Право зарубежных государств. URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/2021_Troschinsky_Judicial_system_PRC.pdf/
18. Intelligence & Analytics // National Insurance Crime Bureau // URL: <https://www.nicb.org/how-we-help/intelligence-analytics/>
19. Learning & Development // National Insurance Crime Bureau // URL: <https://www.nicb.org/how-we-help/learning-development/>
20. National Corruption Prevention Bureau Established // URL: <http://www.china.org.cn/english/government/224301.htm/>

Bibliographic list

1. Federal Law of December 25, 2008 № 273-FZ «On combating corruption» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
2. Federal Law of December 3, 2012 № 230-FZ «On monitoring the compliance of expenses of persons holding government positions and other persons with their income» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138550/
3. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on December 29, 2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
4. United Nations Convention against Corruption: [adopted in New York on October 31, 2003, by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914053/>
5. Alieva D. R. Formation of the Police in Modern Russia // URL: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2023/02/22.pdf/>
6. Akhtyamov T. N., Rastegaeva F. S. Effectiveness of anti-corruption policy and its basic principles // Creative Economy. 2020. Vol. 14, № 10. P. 2253–2262.
7. Gafurov R. Kh. The role of internal security units in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Economic Security. 2023. № 6. P. 38–41.
8. Krasnov I. Interview // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e495306/>
9. Kudryavtsev V. N. Causality in criminology (On the structure of individual criminal behavior). Reprint. Reproduced 1968 ed. M. : Norma : Infra-M, 2020. 173 p.

10. Linkhoeva E. M. The fight against corruption in the Russian Federation, China and Singapore: a comparative legal analysis // URL: <https://meridian-journal.ru/site/articlee3b2/>
11. Luneev V. V. Criminology : textbook for universities. M. : Yurait Publishing House, 2025. 686 p.
12. Official Website of the State Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL: <https://мвд.рф/reports/>
13. Official website of the Government Agency of Singapore // URL: <https://www.cpi.gov.sg/about-corruption/case-studies/public-sector/>
14. Plyvch M. O. Possibilities of using foreign experience in the fight against corruption in Russia // Young scientist. 2020. № 8 (298). P. 183–185.
15. Smirnov A. A. Corruption in law enforcement agencies as a threat to the activities of economic entities in the Russian Federation // Eurasian Advocacy Journal, 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-pravoohranitelnyh-organah-kak-ugroza-deyatelnosti-hozyaystvuyuschih-subektov-v-rossiyskoy-federatsii/>
16. Cooperation with Law Enforcement Agencies. People's Republic of China. Article 395 // /URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm/
17. Troshchinsky P. V. The judicial system of the PRC in the digital age : main development directions // URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/2021_Troschinsky_Judicial_system_PRC.pdf/
18. Intelligence & Analytics. National Insurance Crime Bureau // URL: <https://www.nicb.org/how-we-help/intelligence-analytics/>
19. Learning & Development. National Insurance Crime Bureau // URL: <https://www.nicb.org/how-we-help/learning-development/>
20. National Corruption Prevention Bureau Established // URL: <http://www.china.org.cn/english/government/224301.htm/>

Информация об авторах

Л. Н. Иванова – начальник кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент;

М. А. Симакова – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

L. N. Ivanova – Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

M. A. Simakova – Cadet of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 20.02.2026.

Научная статья

УДК 31:33

EDN: <https://elibrary.ru/wkurfh>

ИПОН: 2015-0066-1/26-408

MOSURED: 77/27-011-2026-01-607

Статистический очерк о дебиторской задолженности организаций

Игорь Евгеньевич Линьков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

linkov59ie@gmail.com

Аннотация. Методологический очерк посвящен статистическим аспектам анализа дебиторской задолженности организаций как экономического явления, фактора непрерывности и результативности хозяйственной деятельности, а также как важнейшего экономико-статистического показателя. В статье затронуты вопросы факторно-классификационного и структурного анализа дебиторской задолженности, статистических показателей, применяемых для ее анализа; проанализирована динамика в сравнении с сальдированным финансовым результатом организаций; выполнен краткосрочный прогноз.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, статистика финансов организаций, структуризация задолженности, дебиторский портфель

Для цитирования: Линьков И. Е. Статистический очерк о дебиторской задолженности организаций // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 220–226. EDN: WKURFH.

Original article

Statistical essay on accounts receivable of organizations

Igor E. Linkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

linkov59ie@gmail.com

Abstract. The methodological essay is devoted to statistical aspects of the analysis of accounts receivable of organizations as an economic phenomenon, a factor of continuity and effectiveness of economic activity, as well as as the most important economic and statistical indicator. The article touches upon the issues of factor classification and structural analysis of accounts receivable, statistical indicators used for its analysis; analyzes the dynamics in comparison with the balanced financial result of organizations; and makes a short-term forecast.

Keywords: accounts receivable, financial statistics of organizations, debt structuring, accounts receivable portfolio

For citation: Linkov I. E. Statistical essay on accounts receivable of organizations. Bulletin of economic security. 2026;(1):220–6. (In Russ.). EDN: WKURFH.

1. *Дебиторская задолженность как современное финансовое явление и неизбежный вид деятельности организации*

Целью данного научного очерка является рассмотрение дебиторской задолженности как социально-экономического явления, а также объекта учета и статистического анализа.

Основу рыночных отношений создает участие двух субъектов, т. е. контрагентов по экономической операции, связанной с движением стоимости – это продавец и покупатель, причем в устойчивом, далеком от «бартерного» рынке. Существует объективная потребность и реальность сперва получить товар или принять услугу, а после заплатить за них. Зачастую, для того чтобы закре-

пить свои позиций на рынке, производителям выгодно предоставлять коммерческие кредиты в виде отсрочки своим покупателям, тем самым они позиционируют себя, как выгодные для сотрудничества компании. Временной лаг, т. е. несовпадение моментов, как поставки товаров, так и оказания услуг – с одной стороны, с их оплатой – с другой, вызывает дебиторскую задолженность, причем неважно, носит ли такая отсрочка плановый характер, т. е. договорной, либо речь идет о просроченной задолженности. То есть дебиторская задолженность представляет собой сумму долгов, которые обязаны вернуть предприятию физические или юридические лица за оказанную ранее услугу или поставленный товар. В статистике финансов любая операция, предполагаю-

щая отсрочку оплаты, классифицируется как возвратная, т. е. потоку товаров и услуг противостоит поток не денег, а обязательств. Другими словами, возвратные операции в трактовке системы национальных счетов (СНС) – это те, которые образуют, или в дальнейшем – погашают эти самые обязательства.

Актуальность статистического изучения дебиторской задолженности заключается в ее сложности как экономического явления. Стоимость, причем уже созданная, учитывается как уже имеющиеся оборотные активы, но их по факту еще нет в наличии. Появляется риск неполучения поставщиком денежных средств или иных экономических активов по выдвинутым требованиям, что повлечет трудности, с которыми столкнется производитель. Повышение дебиторской задолженности при стабильном финансово-хозяйственном состоянии покупателя продукции или потребителя услуг не должна вызывать опасений и веяний «кризиса неплатежей», напротив следует интерпретировать ситуацию как следствие высокого восприятия организации ее контрагентами, что, безусловно, сгенерирует увеличение масштабов деятельности и приведет к росту финансовых результатов обоих участников рыночных отношений. Иная ситуация при необоснованных отсрочках платежей или росте простроченной дебиторской задолженности. Это ставит под угрозу финансовую устойчивость и хозяйственную стабильность организации, «владеющей» (в трактовке СНС) финансовыми требованиями. Организация-контрагент, принимающая обязательства, тоже несет риски «долговой ямы». Таким образом, явление задолженности, представленное «близнецами» – дебиторской и кредиторской, необходимо для нормального функционирования компаний, как дебиторов, так и кредиторов в современных рыночных отношениях. Даже государство берет на себя роль кредитора и «подписывается» на дебиторскую задолженность и связанные с ней риски, например, при налоговом кредитовании или отсрочках выполнения налогоплательщиками своих налоговых обязательств.

Под призмой экономической теории, а именно политической экономии, а также под статистическим углом зрения, дебиторской задолженностью принято называть денежные средства, которые должны получить организации-кредиторы как встречный поток, противостоящий финансовым требованиям, которыми владеют эти организации, и являются стоимостной величиной, как уже совершенной возвратной операции, так и той, которая будет совершена. Ранее совершенная – потоку товаров и услуг противостоит поток финансовых обязательств, а в будущем – потоку финансовых требований противостоит денежный поток.

Из сказанного ранее, дебиторская задолженность представляет собой необходимый элемент финансовой и хозяйственной работы предприятия. Если дебиторская задолженность не будет погашена, то это повлечет за собой дефицит оборотного капитала, увеличит потребность в дополнительном его привлечении со стороны, за

что придется платить, что в свою очередь означает неизбежный рост непредвиденных расходов и негативно повлияет на показатели ликвидности и платежеспособности коммерческой организации.

Однако, это совсем не означает, что дебиторская задолженность представляет собой денежные средства, которые должны предприятию только другие организации и прочие клиенты: дебиторами могут выступать и налоговые, и иные государственные органы.

Возврат дебиторской задолженности можно осуществлять разными вариантами действий, например, вести претензионную работу по отношению к должнику или же обратиться в судебные органы. В рамках современного законодательства задолженность считается просроченной, если наступает истечение срока исковой давности долга в течении 3-х лет, т. е. задолженность становится безнадежной, однако в том случае, если компания не имеет возможности выплачивать долги. На данных основаниях, фирма имеет право списать задолженность, что можно сделать в последний день срока исковой давности.

Анализ уже имеющихся материалов инвентаризации дебиторской задолженности на проверяемом предприятии либо проведение инвентаризации самими аудиторами делает аудит дебиторской задолженности более полным и тщательным, дает возможность обратить внимание на более серьезные расхождения, неточности, неясности, наметить варианты ликвидации данной финансовой проблемы.

2. Факторно-классификационный анализ дебиторской задолженности

Дебиторская задолженность представляет собой неотъемлемый элемент оборотного капитала практически любого современного предприятия и является важным объектом экономического и статистического анализа. По своей сути, она образуется по причине возникновения имущественных или денежных обязательств у различных субъектов хозяйствования, которые должны быть погашены перед организацией-кредитором в установленные договором или законодательством сроки. В бухгалтерском учете и финансовом анализе принято различать два основных вида возможной задолженности в зависимости от срока ее погашения – краткосрочную и долгосрочную. За первую стоит принимать такую задолженность, которая, согласно ожиданиям, будет погашена в течение одного отчетного периода, как правило, не превышающего календарный год. Этот вид задолженности является наиболее ликвидной частью оборотных активов. В качестве долгосрочной задолженности признаются такие обязательства контрагентов, которые будут погашаться в более продолжительные сроки, превышающие двенадцать месяцев с отчетной даты. Возникновение долгосрочной дебиторской задолженности создает определенную, повышенную степень риска для финансовой устойчивости компании, поскольку отвлекает средства из операционного оборота на длительный период и увеличивает неопределенность их возврата.

Безусловно, на величину и структуру дебиторской задолженности оказывает влияние большой спектр факторов и рисков, исходящих, как из внешней макроэкономической среды, так и из внутренней политики самой организации. Внешние угрозы чаще всего связаны с такими процессами, как инфляция, которая обесценивает будущие денежные поступления, общая конъюнктура рынка, определяющая платежеспособность покупателей, изменения ключевой ставки центрального банка, влияющие на стоимость кредитных ресурсов, а также общая политическая и экономическая нестабильность. На эти факторы хозяйствующий субъект не может воздействовать непосредственно, но обязан учитывать их при формировании своей политики. В отличие от них, внутренние риски поддаются контролю и управлению. К таковым можно отнести неэффективную кредитную политику предприятия по отношению к покупателям, отсутствие действенной системы контроля за состоянием расчетов и своевременностью погашения долгов, а также стратегические и тактические решения управленческого персонала, связанные с выходом на новые рынки или работой с высокорисковыми клиентами.

В табл. 1 представлено соотношение внутренних и внешних причин дебиторской задолженности организации.

Нельзя отрицать тот факт, что для нормального функционирования совершенно любой организации в рыночной экономике наличие дебиторской задолженности является не только неизбежным, но и экономически целесообразным явлением, выгодным для обеих сторон договора.

Для поставщика, выступающего в роли кредитора, предоставление отсрочки платежа является мощным инструментом конкурентной борьбы. Это эффективный способ расширять рынок сбыта своей продукции, привлекать новых клиентов и удерживать существующих,

тем самым повышая конкурентоспособность собственного товара и услуг.

Для покупателя, являющегося дебитором, возможность получения коммерческого кредита позволяет применять в своем производственном или торговом процессе необходимые вспомогательные средства – как физические (сырье, материалы, товары), так и информационные или денежные – без немедленного отвлечения собственных оборотных средств, что позволяет сглаживать кассовые разрывы и поддерживать непрерывность деятельности.

Важно понимать, что когда предприятие выступает в качестве кредитора, активы, иммобилизованные в дебиторской задолженности, временно выведены из его активного оборота. Эти средства не могут быть использованы для закупки сырья, выплаты заработной платы или инвестиций до момента их фактического погашения. Принимая во внимание вышеизложенные сведения, возникает вывод, что дебиторская задолженность является важной и сложной экономической категорией. С одной стороны, она является инструментом стимулирования сбыта, а с другой – источником кредитного риска и фактором, влияющим на ликвидность. Именно эта двойственность делает ее важнейшим объектом статистического исследования, направленного на анализ ее структуры, динамики, оборачиваемости и качества для поддержания финансового баланса и устойчивости как отдельной организации, так и экономики страны в целом.

3. Структурный анализ дебиторской задолженности организаций

Для целей эффективного управления и статистического анализа вся совокупность дебиторской задолженности подлежит многоуровневой классификации по различным признакам, что позволяет более глубоко понимать ее структуру и связанные с ней риски. Сама по себе дебиторская задолженность может в качестве сво-

Таблица 1

Причины образования дебиторской задолженности

№ п/п	Внешние причины возникновения (увеличения) задолженности	Внутренние причины возникновения увеличения задолженности
1	Несвоевременность оплаты за товары (работы, услуги). В результате возникает неоплаченная задолженность и, следовательно, увеличивается объем кредиторской задолженности	Кредитная политика организации. Неправильное установление сроков и условий договоров, неучтенные риски могут привести к незапланированному увеличению размеров дебиторской и кредиторской задолженности
2	Нестабильность мировых финансовых рынков. Это приводит к колебаниям платежной дисциплины и, соответственно, росту дебиторской задолженности предприятия	Финансовое состояние организации (в частности ее платежеспособность и кредитоспособность). Устойчивое финансовое положение организации позволяет своевременно рассчитываться с контрагентами и контролировать величину дебиторской задолженности
3	Инфляция. Под ее воздействием снижается реальная стоимость валюты платежа и, в свою очередь, уменьшается реальная стоимость величины дебиторской задолженности	Активность и заинтересованность собственника в управлении организацией. Чем выше заинтересованность собственников в управлении организации, тем выше уровень системы внутреннего контроля и состояние расчетной дисциплины, соответственно, ниже величина дебиторской задолженности
4	Социальный характер производства продукции (работ, услуг). Как следствие возрастает величина дебиторской задолженности	Профессиональный уровень сотрудников финансовых служб, занимающихся управлением дебиторской задолженностью

их объектов являть самые разнообразные обязательства. К ним относятся обязательства покупателей и заказчиков за отгруженную продукцию, выполненные работы или оказанные услуги; задолженность по приобретенным векселям и иным ценным бумагам; задолженность дочерних и зависимых обществ, филиалов и внутренних подразделений; обязательства учредителей по вкладам в уставный капитал; суммы выданных поставщикам и подрядчикам авансов; а также иные случаи, например, расчеты с бюджетом по переплате налогов или с персоналом по подотчетным суммам.

Наибольшей и наиболее значимой группой в структуре задолженности практически любой коммерческой организации будет выступать первая, т. е. задолженность со стороны непосредственных участников производственного и торгового процесса – покупателей и заказчиков. В количественном соотношении на эту категорию может приходиться свыше четырех пятых полного объема показателя, и именно она несет в себе основные коммерческие риски. Общая величина дебиторской задолженности и эффективность управления ею напрямую обуславливают ключевые финансовые и операционные показатели деятельности компании. К ним относятся: длительность операционного и финансового циклов; общая величина и структура имущества, находящегося в обороте организации; итоговая величина прибыли, на которую влияет объем списанных безнадежных долгов; скорость оборота всех оборотных средств с момента оплаты материально-производствен-

ных запасов до возврата денежных сумм на расчетный счет; ликвидность, т. е. способность быстро реализовывать активы для погашения своих обязательств; а также структура пассива баланса организации, так как для финансирования дебиторской задолженности привлекаются либо собственные, либо заемные средства.

Исходя из вышесказанного, можно представить следующую развернутую классификацию дебиторской задолженности. По видам дебиторов ее можно разделить на задолженность по расчетам с покупателями за товары и услуги, по расчетам с персоналом (например, по возмещению материального ущерба), по расчетам с бюджетом и внебюджетными фондами, а также иные виды задолженности. По возможности точной оценки в составе дебиторской задолженности выделяют точную задолженность, величину которой можно однозначно определить на основании первичных документов (договоров, накладных), и оцениваемую задолженность, величина которой определяется не в виде жестко фиксированной суммы, а подлежит расчету, например, при предъявлении претензий.

Однако наиболее важной для статистического анализа является классификация по срокам погашения. В соответствии с этим критерием задолженность бывает срочной, т. е. такой, срок погашения которой по договору еще не наступил, и просроченной, срок оплаты по которой уже истек. Именно просроченная задолженность является зоной повышенного риска. В свою очередь, просроченную задолженность далее целесообразно

Рис. 1. Классификация дебиторской задолженности по основным критериям

но подразделять на сомнительную т. е. задолженность, которая не погашена в установленные сроки и не обеспечена соответствующими гарантиями, и безнадежную (нереальную к взысканию) – задолженность, по которой истек срок исковой давности или в отношении которой существуют документальные подтверждения невозможности ее взыскания, например, ликвидация организации-должника.

На рис. 1 рассматривается дифференциация дебиторской задолженности по видам и срокам ее образования.

Таким образом, представленная многокритериальная классификация является не просто теоретической конструкцией, а фундаментальной основой для построения эффективной системы управления дебиторской задолженностью на предприятии. Комплексное применение этих подходов позволяет проводить глубокий и структурированный статистический анализ, формируя так называемый портфель дебиторской задолженности. На практике это реализуется через составление реестров старения задолженности, где каждый долг классифицируется одновременно по срокам возникновения, вероятности погашения и типу должника. Такой детализированный учет дает руководству компании не просто видеть общую сумму долгов, но и оценивать их качество, уровень ликвидности и степень кредитного риска. На основе этого анализа разрабатываются дифференцированные стратегии работы с должниками: от стандартных напоминаний по текущей задолженности до активных претензионных действий в отношении просроченных и сомнительных долгов. В конечном счете, грамотное использование классификаций превращает управление дебиторской задолженностью из рутинной учетной функции в один из ключевых инструментов финансового менеджмента, направленный на ускорение оборачиваемости капитала, оптимизацию денежных потоков и минимизацию финансовых потерь компании.

4. Система статистических показателей, применяемая для анализа дебиторской задолженности организаций

Очевидное и прямое воздействие на скорость оборачиваемости материальных средств, выступающих в качестве оборотных активов, а также на общее финансовое состояние и платежеспособность организаций и предприятий оказывает увеличение или же уменьшение абсолютной величины дебиторской задолженности. Грамотное и эффективное управление исследуемым показателем естественным образом отражается в его оптимизации, гармонизации его структуры и обеспечении своевременной инкассации денежных средств. Статистический анализ является ключевым инструментом для такого управления, предоставляя количественную основу для принятия решений.

В случае сильного и необоснованного роста данного индикатора и его удельного веса в структуре активов, это может сигнализировать о наличии серьезных

проблем в системе управления финансами. Во-первых, это может быть следствием слишком рискованной и опрометчивой кредитной политики, проводимой в отношении покупателей, когда отсрочка платежа предоставляется без должной проверки их финансовой надежности. Во-вторых, это может быть побочным эффектом агрессивной стратегии по максимизации объема продаж любой ценой, без учета качества привлекаемых клиентов. В-третьих, это может свидетельствовать о неплатежеспособности контрагентов и их неспособности своевременно погашать свои обязательства. Систематический анализ динамики и структуры изучаемого показателя осуществляется для выработки будущих регулирующих воздействий и упреждения его последующего неконтролируемого увеличения, способного привести к появлению значительного объема безнадежных долгов, которые подлежат списанию и напрямую отрицательно влияют на финансовый результат (прибыль) организации.

Для проведения такого анализа актуально использование системы специальных относительных показателей и коэффициентов, имеющих высокую степень важности и информативности. Одним из ключевых является коэффициент, отражающий долю дебиторской задолженности в общем объеме оборотных активов, который рассчитывается как соотношение средней величины дебиторской задолженности к средней величине оборотных активов и выражается в процентах. Данный показатель характеризует степень зависимости ликвидности компании от своевременности расчетов с дебиторами. Его чрезмерно высокое значение указывает на «замораживание» средств в расчетах.

Для оценки качества портфеля задолженности применяется показатель доли сомнительной задолженности в общем составе дебиторской задолженности, который образуется таким же образом, как и первый коэффициент, но характеризует уже не структуру активов, а внутреннюю структуру самой задолженности. Рост этого показателя в динамике является тревожным сигналом, свидетельствующим об ухудшении платежной дисциплины покупателей и повышении риска невозврата долгов.

Центральное место в анализе должна занимать оценка оборачиваемости дебиторской задолженности, которая может быть выражена через коэффициент оборачиваемости (отношение выручки от продаж к средней дебиторской задолженности) или, что более наглядно, через период погашения задолженности в днях. Этот срок показывает, сколько в среднем дней требуется компании для того, чтобы получить оплату за реализованную продукцию. Рассчитывается он как отношение средней дебиторской задолженности к однодневному объему продаж. Увеличение этого срока свидетельствует о замедлении инкассации средств.

Для прогнозирования потенциальных потерь используется такой показатель, как отношение сомнительной дебиторской задолженности к общему объ-

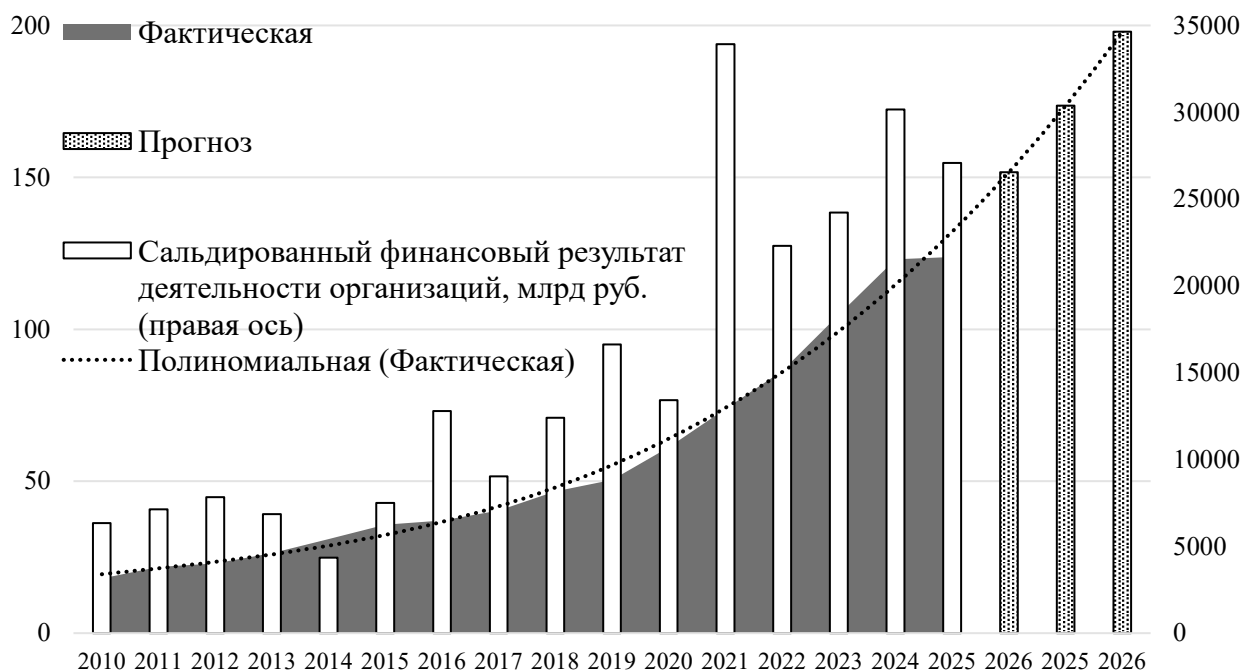

Рис. 2. Общероссийская динамика дебиторской задолженности коммерческих организаций, млрд руб.

ему продаж. Он хорошо отражает прогнозные значения возможных списаний и позволяет оценить, какая часть выручки потенциально находится под риском невозврата. Комплексное использование этих и других коэффициентов в динамике и в сравнении со среднеотраслевыми значениями позволяет построить эффективную систему мониторинга и контроля дебиторской задолженности.

Статистический анализ финансово-экономических явлений и соответствующих показателей можно считать полным, если количественно описана не только их динамика, но и построен прогноз. На графике рис. 2 представлена динамика дебиторской задолженности организаций России, а также для сравнительной цели отображен графический образ изменения во времени показателя их сальдированного финансового результата.

Реализация аналитического выравнивания привела к построению кубической параболы – полином третьей степени для трендового описания дебиторской задолженности, начиная с 2010 г.:

$$\hat{Y} = 0,0237 \cdot t^3 - 0,0523 \cdot t^2 + 1,9336 \cdot t + 17,49$$

Положительная величина при первом параметре, равная 0,0237, указывает на рост показателя дебиторской задолженности на уровне экономики в целом (без субъектов малого предпринимательства). Ожидаемое прогнозное значение дебиторской задолженности на 2025 г. составляет почти 152 млрд руб., а по итогам 2028 г. данный важнейший показатель финансов организаций по прогнозу приблизится к уровню уже в 200 млрд руб. Кроме того, можем наблюдать положительную корреляцию данного показателя с сальдированным финансовым результатом организаций. Оба показателя указывают на однонаправленный динамичный

рост, что подтверждает вышесказанное о том, что обоснованный рост дебиторской задолженности является фактором увеличения финансовых результатов деятельности организаций.

Библиографический список

1. Багомаева А. А. Влияние дебиторской и кредиторской задолженности на финансовое состояние предприятия // Студенческий вестник. 2023. № 13-5 (252). С. 11–12.
2. Ботева Н. К., Перфильева Г. В. организация учета и контроля дебиторской и кредиторской задолженности субъектов малого предпринимательства // Балтийский экономический журнал. 2015. № 1 (13). С. 185–194.
3. Боташева Л. С., Узденова З. И. Основы анализа и управления дебиторской и кредиторской задолженностью // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97-7. С. 47–50.
4. Зайнутдинова Е. Д. Методика управления портфелем дебиторской задолженности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 12. С. 18–22.
5. Иванов Г. Г., Галайда А. М., Зверева А. О. Проблемная дебиторская задолженность в торговой отрасли // Финансовый бизнес. 2024. № 6 (252). С. 148–152.
6. Курищев Р. В. Особенности управления дебиторской и кредиторской задолженностью // Economics. 2021. № 1 (48). С. 45–47.
7. Лайпанова З. М., Казиева Р. Э. Учет дебиторской и кредиторской задолженности в «1С: бухгалтерии» // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-3. С. 99–102.

8. Литвиненко Р. А. Внедрение программного обеспечения для снижения дебиторской задолженности // Молодой ученый. 2025. № 16 (567). С. 122–123.

9. Пархоменко А. С. Оценка надежности контрагента при внутреннем контроле дебиторской задолженности // Молодой ученый. 2024. № 19 (518). С. 324–326.

10. Эркинбеков А. Э., Курманбекова Н. Учет и внутренний аудит дебиторской задолженности предприятия // Наука и инновационные технологии. 2024. № 2 (31). С. 318–325.

Bibliographic list

1. Bagomaeva A. A. The impact of accounts receivable and accounts payable on the financial condition of the enterprise // Student Bulletin. 2023. № 13-5 (252). P. 11–12.

2. Boteva N. K., Perfilieva G. V. Organization of accounting and control of accounts receivable and payables of small business entities // Baltic Economic Journal. 2015. № 1 (13). P. 185–194.

3. Botasheva L. S., Uzdenova Z. I. Fundamentals of analysis and management of accounts receivable and payables // Trends in the development of science and education. 2023. № 97-7. P. 47–50.

4. Zainutdinova E. D. Methods of managing the portfolio of accounts receivable // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2022. № 12. P. 18–22.

5. Ivanov G. G., Galaida A.M., Zvereva A. O. Problematic accounts receivable in the trade industry // Financial business. 2024. № 6 (252). P. 148–152.

6. Kurishchev R. V. Features of accounts receivable and payables management // Economics. 2021. № 1 (48). P. 45–47.

7. Laipanova Z. M., Kazieva R. E. Accounting for accounts receivable and payables in 1C: Accounting // Trends in the development of science and education. 2023. № 93-3. P. 99–102.

8. Litvinenko R. A. The introduction of software to reduce accounts receivable // Young Scientist. 2025. № 16 (567). P. 122–123.

9. Parkhomenko A. S. Evaluation of counterparty reliability in the internal control of accounts receivable // Young Scientist. 2024. № 19 (518). P. 324–326.

10. Erkinbekov A. E., Kurmanbekova N. Accounting and internal audit of accounts receivable of the enterprise // Science and innovative technologies. 2024. № 2 (31). P. 318–325.

Информация об авторе

И. Е. Линьков – старший преподаватель кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. E. Linkov – Senior Lecturer of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 15.01.2026.

The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 15.01.2026.

Основы экономической безопасности. Учебное пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах. Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике. Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 338.2

EDN: <https://elibrary.ru/uwvnppe>

НИОН: 2015-0066-1/26-409

MOSURED: 77/27-011-2026-01-608

Влияние маркировки товаров на обеспечение экономической безопасности России

Андрей Владимирович Минаков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

minakov-info@yandex.ru

Аннотация. Возможности обеспечения и укрепления экономической безопасности России тесно связаны с состоянием товарного рынка. Задействование возможностей маркировки товаров позволяет не только увеличивать налоговые и прочие доходы бюджетов различных уровней, но и обеспечивать прозрачность цепочек поставок, успешно бороться с контрафактом и теневым сектором экономики. Исследование посвящено влиянию маркировки товаров на обеспечение экономической безопасности России. В статье изучены показатели, характеризующие результативность деятельности таможенных органов России по выявлению контрафактной продукции, прямой эффект от функционирования национальной системы маркировки «Честный знак» в виде дополнительных доходов бюджета, динамику удельного веса нелегального оборота в различных сегментах товарного рынка. Проведенное исследование показало, что, несмотря на постоянное увеличение количества категорий товаров, охваченных маркировкой, расширение применения поэземплирного учета, задачи борьбы с контрафактной продукцией остаются нерешенными в полной мере. Негативное влияние оказывает и сохраняющийся механизм параллельного импорта. Рекомендуется разработать новую Стратегию по противодействию незаконному обороту промышленной продукции до 2030 г., ускорить охват обязательной маркировкой тех сегментов товарного рынка, в которых сохраняется высокая доля нелегального оборота, рассмотреть возможность улучшения защиты идентификационных кодов от подделки, более широко применять разрешительный режим, исключающий возможность реализации некачественных товаров через торговую сеть.

Ключевые слова: экономическая безопасность, маркировка товаров, контрафактная продукция, система «Честный знак», идентификационный код, разрешительный режим, товарный рынок

Для цитирования: Минаков А. В. Влияние маркировки товаров на обеспечение экономической безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 227–233. EDN: UWVNPE.

Original article

The impact of product labeling on ensuring economic security of Russia

Andrey V. Minakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

minakov-info@yandex.ru

Abstract. The ability to ensure and strengthen economic security in Russia is closely linked to the commodity market regulation. Leveraging product labeling helps to increase tax and other budget revenues at various levels, ensures supply chain transparency and allows to minimize amounts of counterfeiting. This study examines the impact of product labeling on Russia's economic security. Examined indicators characterizing the effectiveness of Russian customs authorities in identifying counterfeit goods, the direct impact of the national «Honest Sign» labeling system in terms of additional budget revenue, and the dynamics of the share of illegal trafficking in various commodity market segments. But, despite the steady increase in the number of product categories covered by labeling and the expanded use of individual product accounting, several problems of combating counterfeit goods remain unresolved. The parallel import mechanism also has a negative impact on economic security. It is recommended to develop a new Strategy to combat illicit trafficking in industrial products by 2030, accelerate the coverage of mandatory labeling of those segments of the commodity market in which a high proportion of illegal trafficking remains, consider the possibility of improving the protection of identification codes from

© Минаков А. В., 2026

forgery, and more widely apply a permissive regime that excludes the possibility of selling low-quality goods through a retail network.

Keywords: economic security, product labeling, counterfeit products, Honest Sign system, identification code, permit regime, commodity market

For citation: Minakov A. V. The impact of product labeling on ensuring economic security of Russia. Bulletin of economic security. 2026;(1):227–233. (In Russ.). EDN: UWVNPE.

Введение

Создание и непрерывное улучшение национальной системы маркировки товаров имеет важнейшее значение для поддержания и укрепления экономической безопасности России. Система маркировки товаров дает возможность успешно бороться с производством и продажей контрафактной продукции, противодействовать угрозам жизни и здоровью граждан, возникающим при потреблении опасной продукции, увеличивать налоговые доходы бюджета и делать рынок более прозрачным.

Вопросы формирования и развития национальной системы маркировки товаров в России, ее влияния на обеспечение экономической безопасности рассматривали многие авторы, в том числе: С. А. Агамагомедова, В. В. Башлыкова, В. П. Воробьева, Я. А. Долганова, С. Е. Ерназаров, О. В. Захарова, И. А. Кутенина, А. В. Сальникова, Р. Н. Скорик, Е. С. Успенская и другие. Целью работы является оценка влияния маркировки товаров на экономическую безопасность Российской Федерации. В статье решались следующие задачи: отразить особенности формирования и тенденции развития национальной системы маркировки товаров в России; оценить результаты функционирования национальной системы маркировки товаров и ее влияние на экономическую безопасность России; показать перспективы развития национальной системы маркировки товаров для укрепления экономической безопасности страны.

Обзор литературы

Создание и совершенствование национальной системы маркировки товаров необходимо для противо-

действия ряду угроз и вызовов экономической безопасности, связанных, в частности, с нарушениями прав владельцев объектов интеллектуальной собственности, функционированием производств контрафактной продукции в теневом секторе экономики, неполучением бюджетом значительной части налоговых доходов, непрозрачностью товарного рынка. Влияние национальной системы маркировки товаров на экономическую безопасность проявляется в следующем [1, с. 50; 3, с. 353; 6, с. 10; 7, с. 60]:

1) успешное противодействие производству, импорту и обороту фальсифицированной, контрафактной продукции способствует реализации на территории страны инвестиционных проектов по налаживанию выпуска товаров, отвечающих установленным требованиям, в том числе с привлечением инвестиций из дружественных стран;

2) выявление и пресечение схем уклонения от уплаты налоговых, таможенных и иных платежей позволяет наращивать доходы бюджета, бороться с теневой экономикой, противодействовать нелегальному обороту товаров на территории России;

3) маркировка товаров дает возможность более успешно защищать экономические интересы России в ходе функционирования единого рынка товаров ЕАЭС, исключать риски попадания некачественных, опасных для потребителей товаров на российский рынок;

4) формирование и укрепление доверия между участниками рынка, прозрачность цепочек создания стоимости, что важно для улучшения инвестиционного климата России.

Таблица 1

Интересы государства и других участников товарного рынка, связанные с использованием маркировки товаров

Заинтересованные стороны	Государство
Государство	Увеличение налоговых поступлений. Успешная борьба с контрафактом и фальсификатом, сокращение доли теневого сектора экономики. Повышение прозрачности товарного рынка
Потребители	Снижение рисков приобретения фальсифицированной продукции, достоверная информация о качестве и свойствах продукции, улучшение возможностей для защиты своих прав
Легальные производители и импортеры внутри страны	Улучшение конкурентной среды, недопущение проявлений эффекта каннибализма, снижение вмешательства государства, приобретение дополнительных конкурентных преимуществ, улучшение финансовых результатов производства и продаж
Инвесторы	Рост доверия к стране – реципиенту инвестиций, повышение экономической отдачи от проектов, направленных на налаживание внутреннего производства товаров, подлежащих маркировке
Обладатели прав на объекты интеллектуальной собственности	Успешная защита прав интеллектуальной собственности, увеличение доходов, наличие действенных механизмов привлечения нарушителей к административной либо уголовной ответственности

Источник: собственная разработка на основе [5, с. 5; 21, с. 144]

Как справедливо отмечает А. В. Сальникова, дифференциация налогового и иного законодательства стран ЕАЭС в сочетании с географической близостью России к странам – производителям контрафакта (Китай, Турция, Индия и другие) существенно усложняет борьбу с незаконным оборотом промышленной продукции [20, с. 76]. Прибыльность немаркированной продукции, созданной в теневом секторе экономики без уплаты причитающихся таможенных, налоговых и иных платежей, может существенно превышать показатели прибыли легальных производителей и импортеров, а также возможные штрафы [12, с. 62], однако маркировка, решая задачи автоматизации учета товаров, защиты прав потребителей, выявления «серого» импорта и производства в теневом секторе, становится все более важным инструментом обеспечения экономической безопасности [13, с. 78]. Важно подчеркнуть гибкость, адресность применения маркировки товаров в отношении продукции, в наибольшей степени подверженной фальсификациям [22, с. 647], возможность выстраивания на основе маркировки комплексной системы защиты интересов государства и других заинтересованных лиц (табл. 1).

Внедрение и развитие национальных систем маркировки товаров способно привести значимый эффект: так, в зарубежной практике отмечается кратное уменьшение величины оборота фальсифицированных и контрафактных товаров при соответствующем росте налоговых поступлений в бюджет [4, с. 25]. Однако следует поддержать и позицию О. В. Полякова, А. Ю. Анисимова в том, что введение обязательной маркировки товаров, несмотря на наличие ряда значимых преимуществ для обеспечения экономической безопасности страны, представляет собой значимый регуляторный шок, вызывающий выбывание значительного количества участников в различных сегментах товарного рынка и адаптивные изменения в бизнес-моделях оставшихся компаний [19, с. 112]. Возникает необходимость изучения практики развития маркировки товаров в России и оценки возможных перспектив ее дальнейшего совершенствования.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались: метод синтеза, метод сравнения, метод дедукции, графический метод, экономико-статистические методы, что дало возможность выявить тенденции и проблемы развития национальной системы маркировки товаров в России, оце-

нить эффект от ее внедрения. В качестве материалов исследования выступают: Перечень отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации [18], итоговые доклады о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной таможенной службы России [9], данные Федеральной налоговой службы, характеризующие эффект от внедрения обязательной маркировки [2; 23], а также результаты социологического исследования, проведенного аналитическим центром НАФИ [8], аналитический доклад «Нелегальная торговля товарами и экономика России», опубликованный Высшей школой экономики в 2025 г. [17]. Границы исследования – 2020–2025 гг.

Результаты исследования

Маркировка в Российской Федерации является важнейшим инструментом обеспечения прозрачности таможенных операций с импортируемыми товарами, а также обеспечения прозрачности внутреннего товарного рынка [16, с. 189], успешного противодействия незаконному обороту промышленной продукции [15, с. 32]. Существенный вклад в обеспечение экономической безопасности Российской Федерации вносит Федеральная таможенная служба, выявляя партии контрафактной продукции и возбуждая дела об административных правонарушениях в отношении недобросовестных участников товарного рынка. Динамика выявления контрафактной продукции таможенными органами России за 2020–2024 гг. приведена на рис. 1.

Как видно из рис. 1, на протяжении 2020–2022 гг. объемы выявления контрафактной продукции таможенными органами постепенно сокращались, что стало возможным благодаря принимаемым мерам по повышению прозрачности цепочек поставки и противодействию теневым товарным операциям. В то же время задействование механизма параллельного импорта для насыщения товарного рынка России повлекло за собой возрастание объемов ввоза контрафактной продукции: по итогам 2024 г. было выявлено 5,8 млн единиц против 4,6 млн единиц в 2022 г. Механизм параллельного импорта, срок действия которого продлен до конца 2026 г., существенно осложнил деятельность таможенных органов в части защиты прав интеллектуальной собственности, повлек за собой новые риски для экономической безопасности, связанные с попаданием на внутренний рынок России товаров, произведенных в теневом секторе экономики без уплаты соответствующих платежей и не соответ-

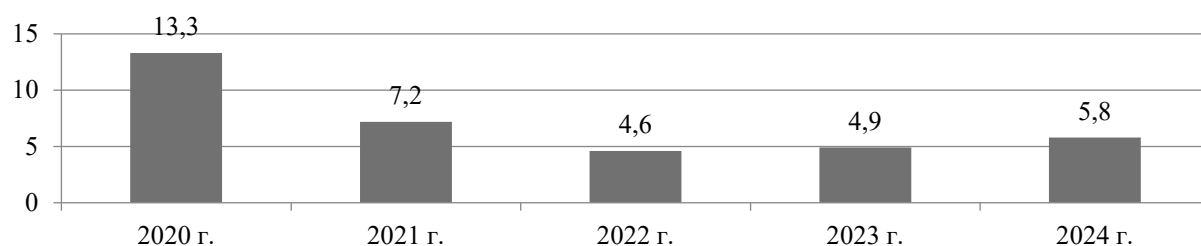

Рис. 1. Динамика выявления контрафактной продукции таможенными органами России в 2020–2024 гг., млн единиц

Источник: составлено автором на основе [9]

ствующих установленным нормативным требованиям [11, с. 209]. Соответственно усиливается значимость национальной системы маркировки товаров «Честный знак», направленной на обеспечение подлинности продукции, защиту прав потребителей, улучшение контроля и надзора за товарным рынком Российской Федерации [10, с. 236].

Первоначально обязательная маркировка средствами идентификации с 2016 г. была введена в отношении шуб, с 2019 г. – в отношении сигарет и папирос, духов и туалетной воды, ряда товаров легкой промышленности, шин и покрышек резиновых, что дало возможность накопить практический опыт применения маркировки, выявить «узкие места» и успешно устранять их, одновременно увеличивая охват товарного рынка. Если на протяжении 2021–2022 г. обязательной маркировкой средствами идентификации было охвачено 10 категорий товаров, то уже к концу 2023 г. – 17 категорий, к концу 2024 г. – 24 категории. С 2025 г. маркировка стала обязательной для снековой продукции, соусов, перчаток медицинских, парфюмерно-косметической продукции и товаров бытовой химии, смазочных материалов, специальных автомобильных жидкостей и других товаров [18]. Важно отметить также постепенный переход от объемно-сортового учета товаров к поэкземплярному учету, что существенно расширяет возможности государства по обеспечению прозрачности товарного рынка России. Быстро увеличивается количество разновидностей товаров легкой промышленности, подлежащих обязательной маркировке, практикуется реализация пилотных проектов в отношении отдельных категорий товаров (например, слабый алкоголь, пиротехника, полимерные трубы, кабельная продукция, оптоволокно), что дает возможность принимать взвешенные решения о расширении перечня товаров, подлежащих обязательной маркировке. С апреля 2024 г. начал действовать также разрешительный режим в отношении отдельных категорий товаров, предполагающий обязательную проверку качества реализуемых товаров с применением QR-кодов.

Заинтересованность государства в более широком применении маркировки товаров для обеспечения экономической безопасности обусловлена наличием значи-

тельных эффектов. Так, по данным Федеральной налоговой службы дополнительные поступления в бюджеты всех уровней за 2020–2024 гг. достигли 1,2 трлн руб. [2], дополнительные доходы легального бизнеса оцениваются в 687 млрд руб. Структура дополнительных доходов бюджетов всех уровней от внедрения маркировки в разрезе товарных групп приведена на рис. 2.

Как видно из рис. 2, более 52 % дополнительных доходов бюджетов различных уровней (627 млрд руб.) получено за счет обеления рынка табачной продукции, по рынку молочной продукции дополнительные налоговые и иные поступления достигли 148 млрд руб. (12,3 %), по одежде – 143 млрд руб. (11,9 %), по обуви – 85 млрд руб. (7,1 %). По предварительным данным за 2025 г. эффект от обеления товарного рынка России превысил 1,6 трлн руб., что более чем на 30 % превышает значение 2024 г. [23]. Доля нелегального оборота по 16 товарным группам, в отношении которых введена обязательная маркировка, сократилась с 17,5 % в 2020 г. до 8,9 % по итогам 2023 г., однако в разрезе отдельных товарных групп наблюдается существенная дифференциация степени обеления рынка, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Как видно из табл. 2, санкционное давление, повлекшее за собой задействование механизма параллельного импорта, сопровождалось увеличением доли нелегального оборота на ряде сегментов товарного рынка России. Доля нелегального оборота автотоваров и автозапчастей оценивается в 44 %, бытовой техники – в 12 %, спортивных товаров – в 22 %, косметики и бытовой химии – в 15 % соответственно. Недополученные налоговые отчисления в 2023 г. оценивались в 389 млрд руб. Функционирование национальной системы маркировки, помимо прямого эффекта в виде увеличения бюджетных доходов, дает возможность повышать качество товаров, доступных на российском рынке.

Однако только 39 % россиян хорошо осведомлены о возможностях использования маркировки и ее положительных сторонах. 84 % респондентов отметили важность информационной функции маркировки, 81 % – защитной функции (исключение случаев попадания контрафакта на рынок), 59 % респондентов указали на контрольно-надзорную функцию маркировки [8].

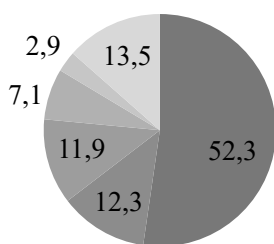

Рис. 2. Структура дополнительных доходов бюджетов различных уровней от внедрения обязательной маркировки за 2020–2024 гг., %

- Табачная продукция
- Молочная продукция
- Продукция легкой промышленности
- Обувь
- Парфюмерия
- Другое

Источник: собственная разработка на основе [2]

Таблица 2

Доля нелегального оборота на основных товарных рынках России за 2020–2023 гг., %

Товарная группа	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение за период
Автотовары и автозапчасти	15	15	48	44	+29
Одежда и текстиль	36	33	37	23	–13
Спортивные товары	38	11	17	22	–16
Безалкогольные напитки	27	21	21	19	–8
Косметика и бытовая химия	19	13	15	15	–4
Обувь	19	16	19	13	–6
Бытовая техника	6	8	22	12	+6
Табачные изделия	17	19	14	11	–6
Упакованная вода	24	25	25	10	–14
Ноутбуки и смартфоны	26	29	18	10	–16
Корма для животных	8	6	7	9	+1
Игры и игрушки	11	7	7	9	–2
Продукты питания	18	15	13	9	–9
Алкогольные напитки	13	10	10	7	–6
Мебель	14	6	10	7	–7
Духи и туалетная вода	22	36	26	4	–18

Источник: составлено автором на основе [17]

В то же время сохраняются неиспользованные возможности для более широкого применения маркировки товаров в целях обеспечения экономической безопасности в России.

Обсуждение

Проведенный анализ показал, что прямой эффект от введения обязательной маркировки товаров в виде увеличения налоговых и прочих поступлений ежегодно возрастает и по итогам 2025 г. достиг 1,6 трлн руб., однако сохраняющееся действие механизма параллельного импорта существенно усложняет решение задач обеспечения прозрачности товарного рынка и защиты интересов потребителей. Наибольшая доля нелегального оборота характерна для рынка автозапчастей и автотоваров, спортивных товаров, одежды и текстиля, что влечет за собой также недополучение доходов бюджетами различных уровней. На 2026 г. запланировано введение обязательной маркировки товаров для строительных материалов, кондитерских изделий и сладостей, растворимых или завариваемых напитков, расширение практики применения поэкземплярного учета для других товарных групп (например, ветеринарных препаратов, консервов, кормов для животных), однако необходимы дополнительные меры, позволяющие усилить косвенные эффекты маркировки для укрепления экономической безопасности страны. Действие Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации завершилось в 2025 г., в то время как отдельные приоритеты, предусмотренные стратегией, остались не реализованными.

Для совершенствования функционирования национальной системы маркировки товаров предлагается реализовать следующие мероприятия:

1) разработать новую Стратегию по противодействию незаконному обороту промышленной продукции на период до 2030 г., отражающую планы дальнейшего развития маркировки товаров;

2) рассмотреть возможность использования инновационных решений для избежания случаев подделки кодов маркировки недобросовестными участниками товарного рынка России. Рекомендуется задействовать оптические полутонные коды с голографической защитой, что дает возможность значительно снизить риск фальсификации [14, с. 78];

3) ускорить темпы внедрения обязательной маркировки в отношении товарных групп, характеризующихся значимой долей нелегального оборота, в результате чего появится возможность более успешно противодействовать развитию теневого сектора экономики. Целесообразно также более широко применять разрешительный режим;

4) расширить практику применения решений на основе искусственного интеллекта и машинного обучения для ведения контрольно-надзорной деятельности в системе «Честный знак», скорейшего выявления участников рынков, допускающих нарушения;

5) рассмотреть возможность использования европейского опыта маркировки товаров в части дополнения идентификационного кода контактными данными предприятия – производителя, импортера, уполномоченного представителя на территории ЕАЭС, что упростит решение проблемных вопросов, возникающих в ходе оборота товаров.

Заключение

По итогам проведенного исследования необходимо отметить, что внедрение и совершенствование нацио-

нальной системы маркировки товаров в России вносит значимый вклад в обеспечение экономической безопасности страны, что находит выражение в увеличении налоговых и иных доходов бюджетов различных уровней (1,6 трлн руб. по итогам 2025 г.), повышении прозрачности товарного рынка, улучшении качества представленных товаров. Увеличивается и количество категорий товаров, в отношении которых действует обязательная маркировка, однако необходимой видится разработка новой Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции, отражающей в том числе перспективы дальнейшего развития системы «Честный знак». Актуальным является и более широкое применение разрешительного режима, улучшение защиты идентификационных кодов во избежание фальсификаций.

Список источников

1. Агагомедова С. А. Механизм прослеживаемости товаров в системе государственного контроля и надзора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2025. № 2. С. 48–57.
2. Алиханов оценил экономический эффект от внедрения маркировки // URL: <https://www.ria.ru/20250623/alihanov-2024721452.html/>
3. Башлыкова В. В. Возможности противодействия обороту контрафактной продукции как фактор социально-экономической безопасности России // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3. № 3. С. 351–362.
4. Воробьева В. П., Ивахненко Т. Е. Применение цифровой маркировки в целях совершенствования таможенного администрирования в современных условиях // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2022. Т. 8. № 4. С. 24–31.
5. Долганова Я. А., Пашегорова Д. В. Роль маркировки товаров в борьбе с контрафактной продукцией // Исследование проблем экономики и финансов. 2023. № 2. С. 1–9.
6. Ерназаров С. Е. Производство и реализация контрафактной продукции как распространенная деятельность теневой экономики // Экономика и финансы. 2021. № 6. С. 9–14.
7. Захарова О. В., Магомеднабиева Д. А., Успенская Е. С. Борьба с контрафактом в условиях нового регулирования параллельного импорта // Финансовые рынки и банки. 2023. № 6. С. 58–62.
8. Знают, но почти не пользуются: россияне рассказали об отношении к обязательной маркировке товаров // URL: <https://www.nafi.ru/analytics/znayut-no-pochti-ne-polzuyutsya-rossiyane-rasskazali-ob-otnoshenii-k-obyazatelnoy-markirovke-tovarov/>
9. Итоговые доклады о результатах деятельности // URL: <https://www.customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti/>
10. Квятковский Д. В. Влияние внедрения системы маркировки ЕГАИС «Честный знак» на оборот контрафакта в России // Юридическая наука. 2023. № 11. С. 236–239.
11. Куликова И. В., Таранов П. В., Украинцева И. В. Особенности деятельности таможенных органов России в сфере защиты прав объектов интеллектуальной собственности // Прогрессивная экономика. 2025. № 3. С. 204–211.
12. Кутенина И. А., Чернявская Н. П. Защита прав при международной торговле интеллектуальной собственностью в ЕАЭС // Международная торговля и торговая политика. 2025. № 1. С. 61–73.
13. Липко В. Д., Журавлев А. В. К вопросу об организации таможенного контроля товаров, подлежащих обязательной маркировке // Аудиторские ведомости. 2025. № 3. С. 78–84.
14. Лисовский А. Л. Снижение рисков незаконного оборота промышленной продукции для достижения целей устойчивого развития // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. № 13 (1). С. 56–71.
15. Максимов С. В., Симонова О. Г., Утаров К. А. Российский рынок кондитерских изделий (исследование целесообразности введения обязательной контрольно-учетной маркировки системы «Честный знак») // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 1. С. 30–47.
16. Мешечкина Р. П., Яковлев В. И. Внедрение системы прослеживаемости товаров и ее совершенствование на основе цифровых инструментов // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 5. С. 188–195.
17. Нелегальная торговля товарами и экономика России. Аналитический доклад // URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/1053850936/>
18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 № 792-р «Об утверждении перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» (в ред. от 07.02.2025) // URL: <https://www.docs.cntd.ru/document/557297080/>
19. Поляков О. В., Анисимов А. Ю. Цифровой дарвинизм российских маркетплейсов : эволюция бизнес-моделей и конкурентных стратегий в условиях регуляторной трансформации (2020–2025 гг.) // KANT. 2025. № 4. С. 104–116.
20. Сальникова А. В. Современный российский рынок контрафактной продукции : ведущие факторы и тенденции // Век качества. 2024. № 3. С. 69–89.
21. Сергеев А. В., Дайкер Д. С., Володина Е. В. Анализ системы маркировки товаров, ввозимых в ЕАЭС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 10-2. С. 143–146.
22. Скорик Р. Н., Шпак А. С. Совершенствование методов выявления контрафактных и фальсифицированных товаров // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. Т. 3. С. 646–648.
23. Эффект от обеления рынков благодаря маркировке может достигнуть 1,6 трлн рублей // URL: <https://www.tass.ru/ekonomika/25941331/>

References

1. Agamagomedova S. A. Mechanism of traceability of goods in the system of state control and supervision // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2025. № 2. P. 48–57.
2. Alikhanov assessed the economic effect of the introduction of labeling // URL: <https://www.ria.ru/20250623/alihanov-2024721452.html/>
3. Bashlykova V. V. Possibilities of combating the circulation of counterfeit products as a factor in the socio-economic security of Russia // Economic Security. 2020. Vol. 3. № 3. P. 351–362.
4. Vorobyova V. P., Ivakhnenko T. E. Application of digital labeling to improve customs administration in modern conditions // Novelty. Experiment. Traditions. 2022. Vol. 8. № 4. P. 24–31.
5. Dolganova Ya. A., Pashegorova D. V. The Role of Product Labeling in the Fight against Counterfeit Products // Study of Problems of Economics and Finance. 2023. № 2. P. 1–9.
6. Ernazarov S. E. Production and Sale of Counterfeit Products as a Common Activity of the Shadow Economy // Economy and Finance. 2021. № 6. P. 9–14.
7. Zakharova O. V., Magomednabieva D. A., Uspenskaya E. S. The Fight against Counterfeiting in the Context of New Regulation of Parallel Imports // Financial Markets and Banks. 2023. № 6. P. 58–62.
8. They know, but hardly use it: Russians talk about their attitude towards mandatory product labeling // URL: <https://www.nafi.ru/analytics/znayut-no-pochti-ne-polzuyutsya-rossiyane-rasskazali-ob-otnoshenii-k-obyazatelnoy-markirovke-tovarov/>
9. Final reports on the results of activities // URL: <https://www.customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti/>
10. Kvyatkovsky D. V. The impact of the implementation of the EGAIS «Honest Sign» labeling system on the turnover of counterfeit goods in Russia // Legal science. 2023. № 11. P. 236–239.
11. Kulikova I. V., Taranov P. V., Ukraintseva I. V. Features of the activities of the customs authorities of Russia in the field of protection of intellectual property rights // Progressive Economy. 2025. № 3. P. 204–211.
12. Kutenina I. A., Chernyavskaya N. P. Protection of rights in international trade in intellectual property in the EAEU // International trade and trade policy. 2025. № 1. P. 61–73.
13. Lipko V. D., Zhuravlev A. V. On the issue of organizing customs control of goods subject to mandatory marking // Audit statements. 2025. № 3. P. 78–84.
14. Lisovsky A. L. Reducing the risks of illegal trafficking of industrial products to achieve sustainable development goals // Strategic decisions and risk management. 2022. № 13 (1). P. 56–71.
15. Maksimov S. V., Simonova O. G., Utarov K. A. Russian confectionery market (study of the feasibility of introducing mandatory control and accounting marking of the «Honest Sign» system) // Russian competition law and economics. 2022. № 1. P. 30–47.
16. Meshechkina R. P., Yakovlev V. I. Implementation of a product traceability system and its improvement based on digital tools // Problems of Economics and Legal Practice. 2023. Vol. 19. № 5. P. 188–195.
17. Illegal trade in goods and the Russian economy. Analytical report // URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/1053850936/>
18. Order of the Government of the Russian Federation of April 28, 2018 № 792-r «On approval of the list of certain goods subject to mandatory marking with identification means» (as amended on February 7, 2025) // URL: <https://www.docs.cntd.ru/document/557297080/>
19. Polyakov O. V., Anisimov A. Yu. Digital Darwinism of Russian marketplaces : evolution of business models and competitive strategies in the context of regulatory transformation (2020-2025) // KANT. 2025. № 4. P. 104–116.
20. Salnikova A. V. The modern Russian market for counterfeit products : leading factors and trends // Century of quality. 2024. № 3. P. 69–89.
21. Sergeev A. V., Daiker D. S., Volodina E. V. Analysis of the marking system for goods imported into the EAEU // Economy and business: theory and practice. 2023. № 10-2. P. 143–146.
22. Skorik R. N., Shpak A. S. Improving methods for identifying counterfeit and adulterated goods // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2022. Vol. 3. P. 646–648.
23. The effect of market whitening due to marking can reach 1.6 trillion rubles // URL: <https://www.tass.ru/ekonomika/25941331/>

Информация об авторе

А. В. Минаков – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 03.03.2026.

Научная статья

УДК 378.01

EDN: <https://elibrary.ru/vdvdtd>

ИИОН: 2015-0066-1/26-410

MOSURED: 77/27-011-2026-01-609

Современные особенности наставнической деятельности в образовательных организациях МВД России

Антон Сергеевич Гричанов¹, Евгений Валентинович Панов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, g-ton@mail.ru

² Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, pan-69@mail.ru

Аннотация. Наставничество как образовательная стратегия является частью новой парадигмы образования, к применению которой сегодня призывают во многих сферах. Оно предполагает всестороннее взаимодействие наставляемых и наставника, все действия которого направлены на раскрытие потенциала каждого наставляемого, достижение им наилучших результатов в образовательной и профессиональной деятельности. В системе образовательных организаций МВД России это подразумевает совершенствование формулы «знания – преподаватель – обучающийся», в которой главенствующую роль играет направление «от знаний к компетенциям». Выявленные особенности наставнической деятельности обусловили проведение теоретического исследования, основные результаты которого изложены в статье. В рамках исследования были определены характерные признаки рассматриваемой деятельности, даны конкретные рекомендации по повышению ее эффективности.

Ключевые слова: наставничество, наставник, наставляемый, образовательный коучинг, профессиональные компетенции

Для цитирования: Гричанов А. С., Панов Е. В. Современные особенности наставнической деятельности в образовательных организациях МВД России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 234–238. EDN: VDVDTD.

Original article

Contemporary features of mentoring activities in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Anton S. Grichanov¹, Evgeny V. Panov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, g-ton@mail.ru

² Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pan-69@mail.ru

Abstract. Mentoring as an educational strategy is part of a new educational paradigm that is being promoted in many areas today. It involves comprehensive interaction between mentees and mentors, whose actions are aimed at unlocking the potential of each mentee and helping them achieve the best results in their educational and professional activities. In the system of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, this implies improving the formula «knowledge – teacher – student» in which the direction «from knowledge to competencies» plays a leading role. The identified features of mentoring activities led to a theoretical study, the main results of which are presented in the article. The study identified the characteristic features of the activity in question and provided specific recommendations for improving its effectiveness.

Keywords: mentoring, mentor, mentee, educational coaching, professional competencies

For citation: Grichanov A. S., Panov E. V. Contemporary features of mentoring activities in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of economic security. 2026;(1):234–238. (In Russ.). EDN: VDVDTD.

Происхождение термина «наставничество» обязано своим названием греческой мифологии, согласно которой более опытный и квалифицированный специалист

направлял и помогал другому человеку, молодому и менее опытному, раскрыть весь свой потенциал, чтобы достичь наилучших результатов в управленческой, образо-

© Гричанов А. С., Панов Е. В., 2026

вательной деятельности, а также личной жизни. Одной из особенностей такого типа отношений помощи является разница в возрасте между наставником, который, благодаря своему возрасту и опыту, обладает знаниями, которых нет у подопечного. Наставник посвящает часть своего времени тому, чтобы способствовать личностному росту другого человека посредством своего руководства, осуществляет функции консультанта. Как правило, для наставляемого наставник является образцом для подражания, человеком, которым он искренне восхищается.

Следует отметить, что широкое распространение практика наставничества получила в сфере бизнеса. По мнению Г. Льюиса: «Наставник – это человек, обладающий определенным опытом и знаниями, высоким уровнем коммуникации, стремящийся помочь молодому сотруднику приобрести опыт, для овладения профессией в целях реализации стратегических бизнес-целей и качественного формирования кадрового персонала для организации» [4]. Из этого вытекает суждение о том, что в любой сфере деятельности тот, кто только начинает свою профессиональную карьеру, получает наставления от того, кто уже накопил опыт за годы работы и обладает определенной компетентностью. Подобные отношения всегда устанавливаются между наставляемым, который должен обладать личной инициативой и потенциалом в схеме организации, и наставником, который стремится или склонен поделиться тем, чему научился за время своей карьеры. В этом контексте наставничество приобретает стратегическое направление оптимизации человеческих ресурсов организации, поскольку один хочет научить тому, что знает сам, а другой готов учиться.

В связи с этим целью теоретического исследования стал анализ особенностей развития наставничества в образовательных организациях МВД России в рамках современных образовательных технологий, направленного на раскрытие потенциала личности обучающегося и достижения наилучших результатов в образовательной и профессиональной деятельности.

Научно-педагогический анализ широкого круга зарубежных и отечественных авторов [1; 5; 7; 13 и др.] позволил сформировать основные характеристики наставничества:

- усовершенствованная форма знаний, которая помогает выбирать оптимальные средства и с помощью них достигать поставленные цели;
- возможность оказания помощи широкому кругу субъектов системы образования, таких как наставляемый, группа наставляемых, преподаватель, группа преподавателей, образовательная организация, в достижении желаемого результата через совместную деятельность и решение проблем;
- приобретение компетенций в ходе взаимодействия.

Отмечая безусловную эффективность такого рода взаимодействия, следует подчеркнуть доминирующую позицию педагога по отношению к обучающемуся. Для

обучающихся, стремящихся к накоплению профессионального опыта и личностному развитию, такой метод представляется малоэффективным. В этой связи получил распространение образовательный коучинг [10]. Как отмечает в своей работе И. В. Цветкова: «Одной из таких форм взаимодействия, создающей условия для формирования субъекта деятельности, способного к реализации своих потенциальных возможностей, может выступать такое явление, как «коучинг»» [9, с. 57].

Многие авторы подчеркивают ускоренные изменения, которые переживает наше общество с конца прошлого века, такие как глобализация, научно-техническое развитие, появление и развитие интернета, стремительное формирование информационных и коммуникационных технологий и другие [11; 12 и др.]. Современное общество можно охарактеризовать как «информационное общество». Те социальные изменения, которые происходят в данном обществе, несомненно, повлияли на процессы образования. Сегодня нам доступно множество вариантов обучения. Благодаря цифровому образованию практически каждый может обучаться, не выходя из дома, что является важным преимуществом технологического развития. Однако такое преимущество сопровождается и некоторыми недостатками. С одной стороны, порой очень сложно совместить такие разные сферы, как личная, профессиональная и образовательная. Следует отметить, что совместимость между этими сферами скорее теоретическая, чем практическая. С другой стороны, необходимо учитывать такой феномен как культура «токсичной» продуктивности, которая основывается на поддержании высокой производительности сотрудника и не содержит критериев учета его психического и физического здоровья [2, с. 16]. Именно поэтому важно помнить, что современное общество – это конкурентное общество, в котором все больше образованных людей хотят гарантировать свое будущее и свой статус, получая профессиональные компетенции. С этим связано появление и активное внедрение искусственного интеллекта и основанных на нем новых технологий, отчасти способствующих развитию индивидуального обучения и получению сквозных компетенций, которые выходят за рамки простого приобретения знаний. Как указывают Т. Г. Рыборецкая и К. А. Елистратова: «При всей их противоречивости и разноплановости общая позиция состоит в том, что это компетенции универсального порядка, достаточно устойчивые и интегрированные в процесс обучения, жизнедеятельности и профессиональной деятельности, характеризующие «лицо» современного мира и экономики, позволяющие их носителю эффективно коммуницировать и включаться в современные процессы» [8, с. 149]. Именно здесь образовательный коучинг играет фундаментальную роль, поскольку он гарантирует целостную и разноплановую подготовку, которая так необходима сегодня современной молодежи.

М. В. Писклова подчеркивает: «...суть коучингового подхода в образовании заключается в том, что учебно-

воспитательный процесс должен модернизироваться не наращиванием объема академических знаний, а ориентацией обучающихся на инновационные образовательные технологии и способы продуктивной деятельности на основе оптимизации своих внутренних ресурсов» [6, с. 142].

Во многих случаях термины наставничества и коучинга путают или даже ассимилируют, что обусловило проведение теоретического анализа в этой области и получение новых знаний в рамках поставленной цели исследования. Следует согласиться с мнением Л. И. Лукичевой, которая в своей работе указывает: «С точки зрения управления профессиональным развитием педагогов, коучинг и наставничество предусматривают единую уровневую технологию: 1 уровень – неосознанная некомпетентность: «Не знаю, не умею»; 2 уровень – осознанная некомпетентность: «Знаю, но не умею»; 3 уровень – осознанная компетентность: «Знаю, как и учусь уметь»; 4 уровень – неосознанная компетентность: «Научился и умею»; 5 уровень – сверхосознанная компетентность: «Научился и умею учить других»» [3, с. 25].

Между наставничеством и коучингом в образовательных организациях МВД России есть очень много общего, поэтому следует отметить их отличительные черты, представленные в табл. 1.

Вместе с этим, Президиум Российской академии образования в «Концепции развития наставничества в Российской Федерации» признает: «Система наставничества пока не сложилась. Отсутствует координация между различными элементами наставничества, в том числе в системе непрерывного образования. Имеются проблемы дефицита квалифицированных кадров, готовых вести целевую подготовку наставников. Не

разработаны теоретико-методологические основы наставнической деятельности с учетом современных экономических, геополитических и социально-культурных условий. Недостаточно изучены позитивные мировые практики наставничества»¹. Иными словами, нынешняя система образования требует корректировок, и в этом смысле образовательное наставничество представляется как успешная, совместимая и необходимая стратегия для достижения действенных изменений.

Анализ научной литературы показал, что достигнуть качественных изменений в вопросе совершенствования технологии наставничества не получится в полной мере без сформированной мотивации в субъект-субъектном взаимодействии наставника и наставляемого. Мотивация, является основой этих отношений и, следовательно, интереса к учебе. Именно поэтому, наставнику рекомендуется сопровождать обучающегося на всем сроке обучения, стимулировать взаимодействие, формировать процесс качественного получения наставляемым профессиональных компетенций.

Результаты проведенного исследования позволили установить, что для полноценной наставнической деятельности в образовательных организациях МВД России характерны определенные признаки:

1. Повышенный интерес к предмету и высокая активность. Участие в форумах, дебатах, практических работах, презентациях тем на протяжении всего курса обучения. Актуальность рассматриваемых тем и активность поступающей из практической деятельности информации не позволяют терять ритм взаимодействия наставляемых с наставником.

¹ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=831223#75vL24V wvNJhin441/>

Таблица 1

Коучинг и наставничество в образовательном процессе

Наставничество	Коучинг
<i>Цели</i>	
Поддержка в профессиональном становлении; организация процессов планирования и анализа образовательного процесса; личностно-профессиональное развитие	Определение и достижение конкретных целей и задач в рамках подготовки к профессиональной деятельности; развитие профессиональных компетенций как базовых, так и новых; практикоориентированная деятельность; учет особенностей межличностного общения
<i>Длительность</i>	
Используется формально и (или) неформально весь период обучения будущего сотрудника органов внутренних дел; предполагает профессиональные контакты как в стенах образовательной организации, так и в комплектующих органах	Организуется в ходе профессионального становления обучающегося, при возникновении затруднений в деятельности и потребности в освоении новых специальных умений и навыков
<i>Подготовка</i>	
Формальная, с оказанием методической помощи	Объективная необходимость подготовки очных и заочных курсов; использование инновационных развивающих методик
<i>Взаимодействие</i>	
Межличностные отношения являются драйверами роста продуктивности профессиональной подготовки	Основой профессионально-личного развития обучающегося является профессиональное обучение, с концентрацией внимания на сугубо профессиональных интересах и возникающих проблемах в сфере правоохранительной деятельности

2. Развитие потенциала критического мышления. С прохождением курса обучения мышление обучающихся меняется по мере того, как они осваивают материал, аргументируют и ставят под сомнение свои идеи и идеи своих одноклассников. Вместе с этим, исчезает первоначальное чувство страха или неловкости при представлении докладов и задавании вопросов наставнику.

3. Чувство общности. Продуктивное взаимодействие в наставнической деятельности способствует формированию у обучающихся чувства общности. Принадлежность к определенной группе людей, осознание себя частью сообщества, в котором все знают друг друга, дает дополнительную мотивацию к дальнейшему совершенствованию как в группе, так и индивидуально.

4. Стремление к самосовершенствованию. На протяжении всего курса наставляемые стремятся лучше выполнять практические задания и лучше излагать свои идеи и мнения. Кроме того, активность других обучающихся, которые проявляют себя в чатах и форумах, взаимодействие с практическими сотрудниками и другими наставниками мотивирует совершенствоваться и быть в курсе последних изменений в правоприменительной практике.

Чтобы наставничество было действительно эффективным в образовательной среде организаций МВД России, оно должно не только применяться для повышения эффективности работы преподавателей, но и проецироваться на образовательный процесс в целом. В этот процесс должны быть вовлечены все заинтересованные лица, в том числе курсовые офицеры, родители, законные представители обучающихся. Для этого необходимо:

- разработать конкретные и доступные инструменты для поддержки всестороннего образования, которое обучающиеся получают в образовательных организациях МВД России;

- преподавательскому составу важно осознать свою значительную роль в профессиональном становлении обучающихся, развивая их уверенность в себе и помогая им достичь максимальных результатов;

- в ходе образовательного процесса обучающимся следует донести доминирующую идею образовательного процесса, заключающуюся в осознании ими своей ответственности, являясь главными действующими лицами этого процесса.

Образовательная модель в наставничестве должна быть совместной, недирективной, основанной на процессах обучения, в ходе которых обучающиеся образовательных организаций МВД России не просто накапливают информацию, а интегрируют ее в свои реалии полицейской деятельности, попутно формируя эмоциональные привычки, привычки мышления и способность к дальнейшему профессиональному росту. Именно поэтому важно оказывать поддержку всех участников процесса наставничества, принимая во внимание их потребности и оценивая помощь, которую необходимо им предложить.

Подводя итоги, следует отметить, что в образовательной стратегии, выбранной МВД России и реализуемой в образовательных организациях, происходит постоянное совершенствование системы образования, значительную роль в которой играет институт наставничества, основывающийся на соответствии современным вызовам и реформам в полиции. От того, как будет организована наставническая деятельность, и насколько она будет эффективной, зависит компетентностный уровень выпускника образовательных организаций МВД России. В этом процессе должны быть задействованы в полной мере осознанно ряд заинтересованных лиц с возможностью оперативного внесения корректировок в ходе всестороннего взаимодействия. Такое положение дел позволит наставляемым накопить и полностью реализовать свой потенциал в оперативно-служебной деятельности, обусловленной новыми социальными и политическими реалиями и необходимостью несения службы в особых условиях.

Список источников

1. Иванова С. В. Модель андрагогического наставничества в системе непрерывного педагогического образования // *Modern European Researches*. 2015. № 5. С. 95–97.
2. Коновалова В. Г. Культура «токсичной» продуктивности : можно ли решить проблему? // *Управление персоналом в программах подготовки менеджеров*. Воронеж : Воронежский государственный университет. 2025. С. 15–19.
3. Лукичева Л. И. Управление персоналом : учебное пособие. М. : Омега. 2014. 262 с.
4. Льюис Г. Менеджер-наставник. М. : Баланс-клуб, 2002. 192 с.
5. Парслоу Э., Рэй М.. Коучинг в обучении : практические методы и техники. СПб : Питер, 2003. 204 с.
6. Писклова М. В. Проблема развития педагогического коучинга как современной образовательной технологии // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2025. № 1. С. 142–146.
7. Поздеева С. И. Наставничество как деятельностное сопровождение молодого специалиста : модели и типы наставничества // *Научно-педагогическое обозрение*. 2017. № 2 (16). С. 87–91.
8. Рыборецкая Т. Г., Елистратова К. А. Формирование сквозных компетенций современного педагога : потенциал кросс-многомерной образовательной среды // *Человек и образование*. 2021. № 3 (68). С. 148–152.
9. Цветкова И. В. Образовательный коучинг в развитии профессионального самосознания и профессиональной компетентности студентов // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 12. С. 57.
10. Malagon Terron F. J. Coaching educativo y académico: un nuevo modo de enseñar y aprender. *Educacion y futuro: revista de investigacion aplicada y experiencias educativas*. Vol. 24. 2011. P. 49–66.

11. Moya A. V. Educative Coaching: What Kind of Teacher Identity is Behind this New Approach? *Foro De Educacion*. № 17 (27). 2019. P. 271–287.

12. Oberle E., Domitrovich C. E., Meyers D., Weissberg R. Establishing systemic social and emotional learning approaches in schools: a framework for schoolwide implementation. *Cambridge Journal of Education*. № 46 (3). 2016. P. 277–297.

13. Retamozo-Riojas D. и др. Educational Coaching And Its Applied By University Professors In Universities. Villa El Salvador-2023. *Educational Administration: Theory and Practice*. № 30 (5). P. 1757–1762.

References

1. Ivanova S. V. Model of andragogical mentoring in the system of continuing pedagogical education // *Modern European Researches*. 2015. Vol. 5. P. 95–97.

2. Konovalova V. G. Culture of «toxic» productivity : can the problem be solved? // *Personnel management in manager training programs*. Voronezh : Voronezh State University. 2025. P. 15–19.

3. Lukicheva L. I. *Personnel management : textbook*. M. : Omega. 2014. 262 p.

4. Lewis G. *Manager-mentor*. M. : Balance Club, 2002. 192 p.

5. Parslow E., Ray M. *Coaching in training : practical methods and techniques*. SPb : Piter, 2003. 204 p.

6. Pisklova M. V. The Problem of Developing Pedagogical Coaching as a Modern Educational

Technology // *Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University*. 2025. Vol.1. P. 142–146.

7. Pozdeeva S. I. Mentoring as activity support for young professionals : models and types of mentoring // *Scientific and Pedagogical Review*. 2017. № 2 (16). P. 87–91.

8. Ryboreckaya T. G., Elistratova K. A. Formation of cross-cutting competencies of a modern teacher : the potential of a cross-multidimensional educational environment // *Man and Education*. 2021. № 3 (68). P. 148–152.

9. Tsvetkova I. V. Educational coaching in the development of professional self-awareness and professional competence of students // *Theory and Practice of Social Development*. 2013. Vol. 12. P. 57.

10. Malagon Terron F. J. *Educational and Academic Coaching: A New Way of Teaching and Learning*. Education and Future: Journal of Applied Research and Educational Experiences. Vol. 24. 2011. P. 49–66.

11. Moya A. V. Educational Coaching: What Kind of Teacher Identity is Behind this New Approach? *Foro De Educacion*. № 17 (27). 2019. P. 271–287.

12. Oberle E., Domitrovich C. E., Meyers D., Weissberg R. Establishing systemic social and emotional learning approaches in schools: a framework for schoolwide implementation. *Cambridge Journal of Education*. № 46 (3). 2016. P. 277–297.

13. Retamozo-Riojas D. et al. Educational Coaching And Its Applied By University Professors In Universities. Villa El Salvador-2023. *Educational Administration: Theory and Practice*. № 30 (5). P. 1757–1762.

Информация об авторах

А. С. Гричанов – доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент;

Е. В. Панов – доцент кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

A. S. Grichanov – Associate Professor of the Department of the Activity of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

E. V. Panov – Associate Professor of the Physical Training Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 03.03.2026.

Научная статья

УДК 378

EDN: <https://elibrary.ru/ukuaml>

НИОН: 2015-0066-1/26-411

MOSURED: 77/27-011-2026-01-610

Шагаем на месте? О реформе российского высшего образования

Сергей Степанович Жевлакович

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
zhevlakovich.ss@gmail.com

Аннотация. В статье в дискуссионном порядке представлен взгляд автора на обозначившиеся в общественном пространстве подходы к трактовке целей предстоящей реформы отечественного высшего образования.

Ключевые слова: реформа системы российского высшего образования, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Болонская система, двухуровневая модель структуры высшего образования, перечень специальностей и направлений подготовки высшего образования, квалификации высшего образования, объем контактной работы и аудиторных занятий, коммерческий подход к организации образования, поэтапная реализация программы высшего образования, программа высшего образования, сопряженная с профильной программой профессиональной подготовки и с профильной программой среднего профессионального образования

Для цитирования: Жевлакович С. С. Шагаем на месте? О реформе российского высшего образования // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 239–243. EDN: UKUAML.

Original article

Are we walking on the spot? On the reform of Russian higher education

Sergey S. Zhevlakovich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
zhevlakovich.ss@gmail.com

Abstract. The article presents the author's view on the campaigns that have emerged in the public space to interpret the approaches of the upcoming reform of Russian higher education in a debatable manner.

Keywords: reform of the Russian higher education system, Federal Law «On Education in the Russian Federation», Bologna system, two-level model of the structure of higher education, list of specialties and areas of higher education training, qualifications of higher education, amount of contact work and classroom classes, commercial approach to the organization of education, phased implementation of the higher education program, program of higher education associated with a specialized professional training program and with a specialized secondary vocational education program

For citation: Zhevlakovich S. S. Are we walking on the spot? On the reform of Russian higher education. Bulletin of economic security. 2026;(1):239–243. (In Russ.). EDN: UKUAML.

В комментариях по поводу реформы отечественного высшего образования в Интернете автор встретил утверждение, якобы еще в незабываемые 90-е годы прошлого века многие ведущие вузы приняли на «ура!» двухуровневую структуру высшего образования. А предполагаемая реформа высшего образования, по мнению подобных комментаторов, носит технический характер, всего лишь систематизируя сложившуюся практику, не преследуя радикальных целей. Насколько подобная точка зрения соотносится с подлинными целями грядущая

реформы высшего образования? Данный вопрос представляется далеко не праздным.

Вначале немного о предыстории. Как свидетель и непосредственный участник событий 90-х годов в сфере образования автор свидетельствует: на волне абсолютного отрицания всего советского (фактически отечественного) тогда при активном участии фонда Сороса и других зарубежных кураторов была представлена альтернативная модель системы высшего образования, насаждаемая не только в России, но и в других странах

Восточной Европы, ранее входивших в систему Варшавского договора. Эта модель предусматривала:

- двухуровневую структуру высшего образования (бакалавриат и магистратура);
- учет трудоемкости образовательного процесса в так называемых условных или зачетных единицах (далее – з. е.), с делением учебного времени на контактную работу, аудиторные занятия и самостоятельную работу обучающихся;
- максимальное сокращение времени, отводимого на лекции и в целом на аудиторные занятия;
- абсолютизацию роли самостоятельной работы обучающихся, насаждение так называемой «самостоятельной работы под руководством преподавателя»;
- унификацию содержания первых двух лет обучения в вузе, предоставление обучающимся возможность менять после второго курса не только специализацию, но и специальность;
- радикальное сокращение перечня специальностей высшего образования путем их укрупнения, объединения.

И тогда эти умозрительные идеи, не апробированные экспериментально, были встречены вузовским сообществом с большой осторожностью. Восприняли их к немедленному исполнению только те, кто исповедовал позицию «чего изволите». Не секрет, что и во многих странах Западной Европы эти идеи были восприняты неоднозначно и далеко не все они были приняты к практической реализации.

Поэтому уже на следующем этапе с 2003 г. так называемая Болонская модель высшего образования стала внедряться Минобрнауки России в жестком административно-принудительном порядке.

Но и тогда в России не все согласились с этими новациями.

Автору в то время пришлось руководить рабочей группой представителей министерств и ведомств силового и правоохранительного блока, которые поддержали инициативу МВД России, выступившего за сохранение отечественной модели непрерывного высшего образования в форме специалитета. Тогда в результате двух лет жесткого противостояния с Минобрнауки России нам удалось отстоять комплекс специальностей, ориентированных на подготовку кадров для министерств и ведомств силового и правоохранительного блока, и соответствующих образовательных стандартов, базирующихся, прежде всего, на положительном отечественном опыте оптимального сочетания теоретического (фундаментального) и практического компонентов обучения.

Тем не менее Минобрнауки России 25 лет последовательно продолжало «внедрять» Болонскую модель в большинстве вузов страны.

Официальная академическая наука в это время на средства зарубежных грантов сосредоточивалась на критике отечественной (советской, а фактически – российской) модели высшего образования и на обосновании преимуществ Болонской модели.

Многие вузы, которые были переведены, в значительной степени, на самофинансирование путем реализации образовательных услуг, стали руководствоваться, по преимуществу, не закономерностями дидактики, а правилами рынка – рынка образовательных услуг, ориентируясь на максимальную рентабельность этих услуг и доходность, причем не редко, не ограничивая себя в выборе методов и способов достижения этих целей. Стала формироваться концепция «клиентоориентированной» модели высшего образования.

И вот в 2022 г. внезапно, в одночасье западные «партнеры» исключают Россию из Болонской системы, руководство страны ставит задачу формирования суверенной отечественной системы высшего образования, а отнесение образования к сфере услуг признается неприемлемым.

Очевидно, что те, кому была поручена разработка реформы высшего образования, были, мягко говоря, не вполне готовы к такому резкому повороту и к предложению детально проработанного и апробированного варианта такой модели.

Поэтому Минобрнауки России обозначило только самые общие ориентиры новой модели, а конкретные детали не известны до конца и сегодня. В связи с этим понадобился соответствующий эксперимент. В ходе его каждый из шести вузов – участников эксперимента апробирует *свое видение* модели высшего образования.

Система высшего образования – это инструмент в руках государства, а системообразующим компонентом ее является *цель*, достижению которой служит данный инструмент. Система, «внедренная» в нулевые годы, была ориентирована на формирование «квалифицированного потребителя». А какова цель новой модели?

Исходя из многообразия предлагаемых новаций, можно констатировать большой разброс в понимании целей новой модели.

1. Когда предлагается отмена термина «бакалавриат», **но:**

а) предполагается выпускников четырехлетних образовательных программ базового высшего образования лишать права поступления в аспирантуру (предполагается доучивание в магистратуре)¹,

б) специализация предполагается не на уровне базового высшего образования, а на следующем уровне – специализированное высшее образование,

то в этом варианте прослеживается *цель*: косметический ремонт существующей модели и фактическое сохранение двухуровневой системы, камуфлируемая терминологической эквилибристикой.

¹ Помним, что в советской модели высшего образования преобладали четырехлетние программы завершеного полного высшего образования, реализуемые институтами, а пятилетние программы были характерны только для университетов и некоторых отраслевых институтов.

Очевидно, что это цель тех, кто лоббирует сохранение привнесенной извне модели, насаждаемой в качестве альтернативы советской модели (реформировать, не меняя ничего по существу).

2. Когда предлагается сосредоточиться:

а) на индивидуальной образовательной траектории для каждого обучающегося,

б) на полной *унификации* содержания первых двух лет обучения для всех образовательных программ укрупненной группы специальностей и направлений подготовки (далее – УГСНП), и на этой основе предоставлять обучающимся возможность *произвольно* менять после второго курса обучения специальность (направление подготовки) и даже вуз¹,

в) на радикальном сокращении объема контактной работы с обучающимися при реализации образовательной программы *в очной форме* – до минимального уровня, допустимого только *при заочной форме* обучения, и даже ниже этого уровня²,

г) на реализации *неограниченного* числа *непрофильных* квалификаций *высшего образования* в рамках одной образовательной программы (например, «скрестить» в рамках одной программы подготовку юриста и экономиста, юриста и политолога, юриста и дипломата и т. д.),

то прослеживается *цель*:

– повышение *маркетинговой* привлекательности образовательной программы для «клиента» (потребителя образовательных услуг) при отодвигании государственных и общественных интересов на второй план;

– достижение на этой основе максимальной *доходности* образовательных услуг для вуза (в значительной степени за счет профанации высшего образования и, как следствие, деградации его качества).

Очевидно, что это цели тех, кто лоббирует «клиентоориентированную» модель высшего образования, исключительно коммерческий подход к образованию, как сфере оказания образовательных услуг, функционирующей исключительно на примитивных рыночных основах (основах, при которых все средства повышения доходности приемлемы).

3. Когда предлагается заменить ФГОС ВО по специальностям и направлениям подготовки на единый об-

разовательный стандарт для УГСНП, а учебные планы вузов максимально унифицировать,

то прослеживается *цель*:

– подготовить и осуществить новый этап «*оптимизации*» высшего образования путем очередного радикального сокращения перечня специальностей и направлений высшего образования (предыдущий этап был осуществлен в нулевые годы при переходе на двухуровневую структуру высшего образования).

Очевидно, что это цели тех, кто лоббирует сокращение бюджетных расходов на образование, а также переориентацию приоритетов выпускников школ при выборе дальнейшей жизненной траектории – на обучение не в вузе, а по программам профессиональной подготовки или среднего профессионального образования.

Очевидно, что все эти цели не так уж новы и не очень отличаются от целей, доминировавших до 2022 г. Насколько они ориентированы, прежде всего, на формирование суверенной системы отечественного образования, на решение актуальных задач, стоящих перед возрождающимся государством?

Представляется, что реформирование системы высшего образования должно ориентироваться не на косметический ремонт модели, механистически привнесенной извне, и не на повышение доходности бизнеса по торговле образовательными услугами. *Необходимо отказаться от многообразия перманентно меняющихся расплывчатых формулировок и четко определить цели реформы системы отечественного высшего образования.*

Третий год продолжается эксперимент, но:

– нет системного публичного анализа его хода, тех новаций, которые апробирует каждый вуз – участник эксперимента;

– реально оценить первые результаты эксперимента будет возможно не ранее, чем через три года, когда к работодателю придут первые выпускники.

После двух лет разговоров о реформе актуальным остается вопрос: «Что же нового предлагается в рамках реформы?».

Мы часто слышим: «Победа будет за нами!». Но победа в борьбе за суверенную и могучую Россию не предопределена. Она будет достигнута только при определенных условиях. Одно из важнейших условий – это восстановление кадрового потенциала страны, стратегического ресурса, которому эксперименты в сфере образования нанесли в минувшие годы существенный ущерб. Очевидно, что предполагаемая реформа российского высшего образования должна коренным образом исправить эту ситуацию.

В стране огромное количество людей, которые «приобрели» диплом о высшем образовании (и не редко не один), но не получили реального образования. Целью модели высшего образования, которая «внедрялась» в предшествующие годы, провозглашалась подготовка кадров для *мирового рынка труда*.

¹ Трудно представить, как предполагается осуществить свободную смену образовательной программы и вуза после второго курса обучения всеми желающими обучающимися без наличия достаточного количества свободных вакансий во всех вузах и на всех факультетах? В вузах министерств и ведомств силового и правоохранительного блока это вообще невозможно, поскольку обучение ведется исключительно на целевой основе.

² Предлагается считать допустимым не только сокращение объема контактной работы до 20 % от общего объема времени, отводимого на освоение блока дисциплин (модулей) образовательной программы, но и произвольно устанавливать еще меньший объем контактной работы по отдельным дисциплинам (модулям), что граничит с экстернатом [1].

А в результате, не секрет, что на отечественном рынке труда нарастает острая нехватка квалифицированных кадров: инженерно-технических специалистов, медиков, учителей. Критического уровня достиг некомплект юридических кадров в органах внутренних дел.

В связи с этим одной из центральных задач в области воспроизводства кадров представляется следующая: ликвидация кадрового дефицита в важнейших сферах профессиональной деятельности. При этом принципиально важно в кратчайшие сроки не только нарастить выпуск дефицитных категорий специалистов. *Решать эту количественную проблему необходимо, не снижая, а, наоборот, повышая качество профессиональной подготовки выпускников.*

Один из вариантов оперативного решения этой проблемы для органов внутренних дел – это освоение, наряду с традиционной моделью проектирования образовательной программы, модели дискретной, поэтапной реализации программы высшего образования.

В такую программу высшего образования, как в матрешку, могут быть интегрированы другие программы более низкого уровня – профильные и сопряженные по содержанию с программой высшего образования [2]. На базе таких программ можно готовить пополнение для органов внутренних дел, в том числе из участников СВО, возвращающихся к мирной жизни.

На *первом этапе* реализации такой программы в рамках первоначального профессионального обучения обучающиеся осваивают *в очной форме* профильную программу профессиональной подготовки по профессии служащего «Полицейский» той или иной направленности (специализации) – участковый уполномоченный полиции или оперативный уполномоченный уголовного розыска (срок обучения – до 5–6 месяцев). Одновременно бывшие участники СВО проходят психологическую реабилитацию, необходимую для успешной интеграции в мирную жизнь.

На *втором этапе* обучающиеся, успешно освоившие программу профессиональной подготовки и получившие соответствующий сертификат, поступают на службу с учетом полученной специализации и продолжают обучение *в заочной форме* по профильной программе среднего профессионального образования по специальности Правоохранительная деятельность с учетом соответствующей специализации. Вступительные испытания для среднего профессионального образования не предусмотрены. Освоенная ими до этого программа профессиональной подготовки интегрирована в качестве составной части в данную программу среднего профессионального образования, совокупный срок обучения по двум программам – 3 года (0,5 года + 2,5 года), что соответствует действующему нормативу для заочной формы обучения.

На *третьем этапе* обучающиеся, успешно освоившие программу среднего профессионального образования и получившие соответствующий диплом, при же-

лании могут продолжить обучение *в заочной форме* по программе высшего образования по направлению подготовки Обеспечение законности и правопорядка с учетом соответствующей специализации. В данную программу высшего образования уже интегрированы две предыдущие профильные программы, освоенные обучающимся. С учетом этого обучающиеся осваивают программу высшего образования в существенно сокращенные сроки. Вступительные испытания для кандидатов на обучение по программе высшего образования, уже имеющих профильное среднее профессиональное образование, устанавливает сам вуз. В качестве таких вступительных испытаний могут быть засчитаны результаты государственной итоговой аттестации по программе среднего профессионального образования, которую обучающиеся освоили в данном вузе. Совокупный срок обучения по трем программам – 4,5 года (0,5 года + 2,5 года + 1,5 год), что также соответствует действующему нормативу для заочной формы обучения.

Реализация данной модели в условиях критической нехватки специалистов позволяет:

а) существенно ускорить подготовку остродефицитных кадров;

б) сочетание очной и заочной форм обучения позволяет обеспечивать оптимальный уровень теоретической и практической подготовки при значительной экономии бюджетных средств, расходуемых на подготовку кадров.

Есть и другой вариант быстрого решения кадровой проблемы в органах внутренних дел – заполнение вакансий среднего начальствующего состава лицами, прошедшими максимально форсированную ускоренную профессиональную подготовку (4 месяца и менее). За этот вариант ратуют многие руководители территориальных органов, которые страдают от острой нехватки сотрудников.

Однако приток большого числа неквалифицированных сотрудников (с подготовкой на уровне, мало чем отличающемся от уровня членов добровольных народных дружин) не будет способствовать успешному решению задач, стоящих перед органами внутренних дел, и неизбежно приведет к критическому снижению результативности их работы. При наличии в подразделениях минимального числа опытных сотрудников крайне затруднительно будет восполнить недостающую подготовку такого пополнения методом так называемого «обучения у станка», то есть обучения в процессе выполнения служебных обязанностей.

Автор на страницах журналов «Юридическое образование и наука», «Вестник экономической безопасности» и других изданий, на заседаниях ФУМО УГСНП Юриспруденция и президиума АЮРО в дискуссионном порядке уже неоднократно высказывал свою точку зрения о предлагаемых в рамках данной реформы сомнительных новациях. Кроме критических замечаний по предполагаемой реформе отечественного высшего образования автор подготовил также комплекс конкретных

предложений по концепции реформы отечественного высшего образования, а также предложений по внесению изменений в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3]. Эти предложения разработаны на основе обобщенного опыта реализации не так называемой Болонской модели двухуровневой структуры высшего образования, а на основе практического опыта развития в современных условиях отечественной модели специалитета в вузах МВД России.

Список источников

1. Жевлакович С. С. Какой образовательный стандарт нужен для реформы высшего юридического образования? К вопросу о разработке новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования // Юридическое образование и наука. 2026. № 1.
2. Жевлакович С. С. К вопросу о подготовке специалистов для органов внутренних дел в условиях катастрофического оттока кадров // Вестник экономической безопасности. 2025. № 5.

строфического оттока кадров // Вестник экономической безопасности. 2025. № 5.

3. Жевлакович С. С. К вопросу о внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // Юридическое образование и наука. 2025. № 10.

References

1. Zhevlakovich S. S. What educational standard is needed for the reform of higher legal education? On the issue of developing new federal state educational standards of higher education // Legal education and Science. 2026. № 1.
2. Zhevlakovich S. S. On the issue of training specialists for law enforcement agencies in conditions of catastrophic staff outflow // Bulletin of Economic Security. 2025. № 5.
3. Zhevlakovich S. S. On the issue of amendments to the Federal Law «On education in the Russian Federation» // Legal education and Science. 2025. № 10.

Информация об авторе

С. С. Жевлакович – профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, руководитель учебно-методического совета по образованию в области правового обеспечения национальной безопасности, правоохранительной деятельности и судебной экспертизы Федерального учебно-методического объединения в системе высшего образования по УГСН Юриспруденция, член Совета Федерального учебно-методического объединения в системе высшего образования по УГСН Юриспруденция, член Правления Ассоциации юридического образования, кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы.

Information about the author

S. S. Zhevlakovich – Professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Head of the Educational and Methodological Council for Education in the field of Legal Support of National Security, Law Enforcement and Forensic Examination of the Federal Educational and Methodological Association in the system of higher education in the UGSN Jurisprudence, Member of the Council of the Federal Educational and Methodological Association in the system of higher education in the UGSN Jurisprudence, Member of the Board of the Association of Legal Education, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 13.02.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 13.02.2026.

Научная статья

УДК 376.2

EDN: <https://elibrary.ru/tuhpdr>

ИПОН: 2015-0066-1/26-412

MOSURED: 77/27-011-2026-01-611

Концептуальные подходы к дефиниции и структурированию профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел

Алексей Владимирович Константинов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

alexk_pochta@mail.ru

Аннотация. Анализируются концептуальные подходы к дефиниции и структурированию профессиональных компетенций сотрудников ОВД в условиях перехода к компетентностному образованию. Рассматривается различие между компетенцией и компетентностью, а также специфика их формирования для правоохранительной деятельности, требующей интеграции знаний, навыков и личностных качеств.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, органы внутренних дел, компетентностный подход, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Константинов А. В. Концептуальные подходы к дефиниции и структурированию профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 244–246. EDN: TUHPDR.

Original article

Conceptual approaches to definition and structuring of professional competencies of internal affairs officers

Aleksey V. Konstantinov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

alexk_pochta@mail.ru

Abstract. Analyzed conceptual approaches to the definition and structuring of professional competencies of police officers in the context of the transition to competence-based education. The article considers the difference between competence and competency, as well as the specifics of their formation for law enforcement activities requiring the integration of knowledge, skills and personal qualities.

Keywords: professional competencies, internal affairs bodies, competence approach, law enforcement activities

For citation: Konstantinov A. V. Conceptual approaches to definition and structuring of professional competencies of internal affairs officers. Bulletin of economic security. 2026;(1):244–6. (In Russ.). EDN: TUHPDR.

Современная парадигма профессионального образования, в том числе в системе органов внутренних дел (ОВД), претерпевает существенные трансформации, обусловленные динамикой социально-экономических, технологических и правовых реалий. Центральным звеном этих преобразований является переход от традиционной модели, ориентированной на передачу знаний, умений и навыков, к компетентностному подходу, который акцентирует внимание на способности выпускника или действующего специалиста эффективно решать профессиональные задачи в условиях неопределенности и постоянно меняющихся требований. Дефиниция и структурирование профессиональных компетенций сотрудников ОВД представляют собой не только тео-

ретическую, но и прикладную проблему, поскольку от их адекватного осмысления зависит качество образовательных программ, критерии отбора и оценки персонала, а также эффективность служебной деятельности в целом.

Гносеологические корни понятия «компетенция» уходят в различные научные школы, однако в контексте образования оно получило широкое распространение на рубеже XX–XXI вв. И. А. Зимняя, один из ведущих отечественных исследователей компетентностного подхода, подчеркивает, что компетенция – это не просто совокупность знаний, умений и навыков, а интегрированная характеристика личности, включающая мотивационно-волевую, когнитивную и деятельностную компо-

ненты, обеспечивающая готовность и способность человека к успешной деятельности в определенной сфере [1, с. 22]. Компетентность же, по ее мнению, является уже состоявшимся качеством личности, проявлением компетенции в реальной деятельности. Таким образом, компетенция выступает как потенциальная готовность к действию, а компетентность – как актуализированная способность. Аналогичные трактовки, хотя и с некоторыми нюансами, прослеживаются в работах А. В. Хуторского, который определяет компетенцию как отчужденное от индивида заданное социальное требование к образовательной подготовке, а компетентность – как владение индивидом соответствующей компетенцией.

В контексте профессиональной деятельности сотрудников ОВД, дефиниция профессиональной компетенции приобретает особую специфику. Это связано с уникальными условиями правоохранительной службы: высоким уровнем ответственности, постоянным риском для жизни и здоровья, необходимостью действовать в условиях экстремального стресса, принимать решения в условиях дефицита информации и временных ограничений, а также взаимодействовать с различными категориями граждан, включая правонарушителей, жертв преступлений и уязвимые слои населения. В. В. Романов, основоположник отечественной юридической психологии, рассматривает профессиональную компетентность как интегративную характеристику личности сотрудника, включающую профессионально важные качества, совокупность знаний, умений и навыков, а также способность к их эффективному применению в правоприменительной деятельности [2]. А. М. Столяренко, развивая идеи психологического обеспечения профессиональной деятельности, акцентирует внимание на том, что компетентность сотрудника полиции – это не только знание норм права и владение методиками, но и развитая профессиональная интуиция, эмпатия, стрессоустойчивость, морально-нравственная зрелость и готовность к саморазвитию [3].

Структурирование профессиональных компетенций сотрудников ОВД является сложной таксономической задачей, поскольку требует учета многомерности и полифункциональности их служебной деятельности. Общепринятым в отечественной и зарубежной педагогике и психологии является выделение нескольких групп компетенций. Первая группа – это **ключевые (базовые) компетенции**, которые носят универсальный характер и необходимы каждому сотруднику, независимо от его специализации. К ним традиционно относят коммуникативную компетенцию (способность эффективно взаимодействовать с различными субъектами, вести переговоры), информационную компетенцию (навыки работы с информацией, цифровой грамотности), компетенцию самоорганизации и саморазвития (способность к планированию, рефлексии, непрерывному обучению), а также общекультурную и этическую компетенции (соблюдение норм морали, профессиональной этики, ценностные

ориентации) [1, с. 23–25]. Эти компетенции формируют фундамент, на котором базируются все остальные профессиональные качества.

Вторая группа – **общефункциональные компетенции**, которые специфичны для правоохранительной деятельности в целом, но не привязаны к конкретной должности. К ним можно отнести правовую компетенцию (глубокие знания законодательства и умение применять его на практике), оперативно-служебную компетенцию (владение основными методами и приемами работы, включая применение физической силы и специальных средств), психологическую компетенцию (понимание психологии человека, умение управлять своим эмоциональным состоянием, распознавать манипуляции, работать со стрессом), а также компетенцию безопасности жизнедеятельности (знание мер безопасности, действий в чрезвычайных ситуациях). Эти компетенции являются обязательными для каждого сотрудника полиции, поскольку обеспечивают его готовность к выполнению общих функций по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Третья группа – **специальные (профессионально-должностные) компетенции**, которые являются уникальными для конкретной должности или функционального направления деятельности. Например, для следователя это будет компетенция расследования преступлений (криминалистические знания, навыки допроса, осмотра места происшествия), для сотрудника уголовного розыска – компетенция оперативно-розыскной деятельности (методы получения и анализа оперативной информации), для сотрудника патрульно-постовой службы – компетенция обеспечения общественной безопасности и профилактики правонарушений (патрулирование, взаимодействие с населением, пресечение правонарушений). Эти компетенции отражают функциональную специфику и требуют углубленных знаний и навыков в узкой области.

Концептуализация профессиональных компетенций сотрудников ОВД неразрывно связана с **ведомственной регламентацией**. В России деятельность органов внутренних дел строго регламентирована федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами МВД России. Эти документы, такие как Федеральный закон «О полиции», должностные регламенты и инструкции, определяют функционал каждой должности, права и обязанности сотрудников, а также требования к их профессиональной подготовке. Таким образом, ведомственная регламентация выступает в качестве важнейшего контекста, который детерминирует содержание и объем профессиональных компетенций. Она задает «рамку» для формирования компетентностной модели, определяя минимально необходимый и максимально допустимый уровень требований. Например, умение применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие – это не просто навык, а

компетенция, которая должна быть сформирована строго в соответствии с требованиями Федерального закона «О полиции», регламентирующего основания, порядок и пределы их применения. Несоблюдение этих требований влечет за собой юридическую ответственность и подрывает доверие общества к правоохранительным органам.

Функциональная специфика деятельности сотрудников ОВД является вторым ключевым фактором, влияющим на структурирование компетенций. Полиция – это многофункциональный орган, выполняющий широкий спектр задач: от охраны общественного порядка и обеспечения безопасности дорожного движения до расследования тяжких преступлений и противодействия терроризму. Каждая из этих функций требует специфического набора компетенций. Например, сотрудник, работающий с несовершеннолетними, должен обладать высоким уровнем эмпатии, знаниями возрастной психологии и педагогики, умением устанавливать доверительные отношения, тогда как сотрудник спецподразделения должен обладать исключительной физической подготовкой, навыками работы в команде и стрессоустойчивостью в экстремальных условиях.

Таким образом, структурирование компетенций должно учитывать как общие, инвариантные требования ко всем сотрудникам, так и специфические, вариативные требования, обусловленные конкретной должностью и функциональным направлением. В этом контексте важно различать:

1. **Инвариантные компетенции:** универсальные для всех категорий сотрудников, формирующие основу их профессиональной идентичности и базовой готовности к службе.

2. **Вариативные компетенции:** специфичные для определенных подразделений, служб или должностей, отражающие уникальные требования к конкретному виду деятельности.

Комплексный подход к дефиниции и структурированию профессиональных компетенций сотрудников ОВД, учитывающий как общепедагогические и психо-

логические концепции, так и специфику ведомственной регламентации и функциональной направленности, позволяет разработать адекватную компетентностную модель. Эта модель должна быть динамичной и адаптивной, способной оперативно корректироваться в ответ на изменение социально-правовой среды, новые виды преступности и технологические вызовы. Только такой подход обеспечит формирование высококвалифицированных, этически зрелых и адаптивных специалистов, способных эффективно выполнять сложные и ответственные задачи по обеспечению правопорядка и безопасности граждан.

Список источников

1. Зимняя И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26.
2. Романов В. В., Котлярова Л. Н. Юридическая психология : учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 478 с.
3. Столяренко А. М. Психологические и педагогические основания профессионально-личностного ориентированного высшего образования // Вестник Академии права и управления. 2010. № 19. С. 140–142.

References

1. Zimnyaya I. A. Competence-Based Approach. What is its place in the system of modern approaches to educational problems? (Theoretical and Methodological Aspect) // Higher Education Today. 2006. № 8. P. 20–26.
2. Romanov V. V., Kotlyarova L. N. Legal Psychology : textbook for Universities. 7th ed., Rev. and Add. M. : Yurayt Publishing House, 2025. 478 p.
3. Stolyarenko A. M. Psychological and Pedagogical Foundations of Professional and Personal Oriented Higher Education // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2010. № 19. P. 140–142.

Информация об авторе

А. В. Константинов – заместитель начальника кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Konstantinov – Deputy Head of the Department of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.12.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 13.12.2025; approved after reviewing 30.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Научная статья

УДК 378

EDN: <https://elibrary.ru/omcsjk>

NIION: 2015-0066-1/26-413

MOSURED: 77/27-011-2026-01-612

Основные подходы к пониманию девиантного поведения несовершеннолетних на основе междисциплинарного анализа в социогуманитарной области научного знания

Екатерина Александровна Никитская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

katamax@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3187-6534

Аннотация. Проблема изучения девиантного поведения, несмотря на обширные исследования в области социогуманитарного знания, остается актуальной и наиболее востребованной в современной науке и практике. Происходящие в настоящее время стремительные изменения в социальной сфере на фоне глобальных военно-политических и социально-экономических вызовов определяют необходимость комплексных междисциплинарных исследований девиантного поведения различных социальных категорий, в том числе детей и подростков.

Ключевые слова: социальная сфера, девиантное поведение, несовершеннолетние, профессиональная деятельность, междисциплинарный анализ

Для цитирования: Никитская Е. А. Основные подходы к пониманию девиантного поведения несовершеннолетних на основе междисциплинарного анализа в социогуманитарной области научного знания // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 247–250. EDN: OMCSJK.

Original article

The main approaches to understanding the deviant behavior of minors based on interdisciplinary analysis in the socio-humanitarian field of scientific knowledge

Ekaterina A. Nikitskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

katamax@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3187-6534

Abstract. The problem of studying deviant behavior, despite extensive research in the field of socio-humanitarian knowledge, remains relevant and most in demand in modern science and practice. The rapid changes currently taking place in the social sphere against the background of global military, political and socio-economic challenges determine the need for comprehensive interdisciplinary research on deviant behavior of various social categories, including children and adolescents.

Keywords: social sphere, deviant behavior, minors, professional activity, interdisciplinary analysis

For citation: Nikitskaya E. A. The main approaches to understanding the deviant behavior of minors based on interdisciplinary analysis in the socio-humanitarian field of scientific knowledge. Bulletin of economic security. 2026;(1):247–50. (In Russ.). EDN: OMCSJK.

В современной научной литературе к настоящему моменту отсутствует единая теоретико-методологическая платформа в понимании феномена девиантного поведения. Можно предположить, что причиной является достаточно обширный спектр проявлений девиаций в том числе под влиянием стремительных технологических преобразований в социальной сфере, изменение оценки поведения как «нормы» или «девиантного» в зависимости от временной эпохи и соответственно ценностей и убеждений, а также субъективные представления

исследователей (теоретиков и практиков) социальной сферы.

Вместе с тем специалистами социальной сферы фиксируется с одной стороны, рост числа несовершеннолетних с девиантным и/или делинквентным поведением, а с другой, необходимость создания эффективных профилактических, воспитательных, коррекционных мер воздействия на подрастающие поколения с целью минимизации криминальной угрозы обществу и государству.

© Никитская Е. А., 2026

В трудах С. А. Беличевой, Е. Г. Дозорцевой, Т. А. Донских, Е. В. Змановской, Ю. А. Клейберга, А. В. Мудрика, А. А. Реана, Л. Б. Шнейдер и др. представлены актуальные психолого-педагогические исследования феномена социализации и ресоциализации несовершеннолетних с девиантным поведением, раскрыты причины возникновения делинквентного поведения, механизмы и способов профилактики девиаций, в том числе в интернет-пространстве, детально рассматриваются психологические особенности и вictimные факторы формирования личности несовершеннолетнего [7].

В криминологии, уголовном праве, юриспруденции проблемы подростков-правонарушителей в юридическом контексте изучались С. В. Иванцовым, К. Е. Игошевым, В. Н. Кудрявцевым, Г. М. Миньковским, А. Б. Сахаровым, И. А. Черниковой и др.; в контексте патологических черт личности в психиатрии – В. А. Гурьевой, Ц. П. Короленко, В. Д. Менделевич, А. Е. Личко, в социологии через конфликт между личностью и обществом – Я. И. Гилинским, И. И. Клинтух, Ю. Ю. Комлевым, В. Н. Кудрявцевым, С. В. Тачин, Т. А. Хагуровым, Т. В. Шипуновой и др.

В целом, в социогуманитарной области научного знания принято считать, что отклоняющееся поведение (девиантное, включая делинквентное) – это асоциальное, противоправное поведение, которое угрожает жизни и здоровью других людей, общественному порядку и является уголовно наказуемым, но в силу недостижения возраста уголовной ответственности за ним не следует уголовное наказание, в отличие от криминального поведения.

Несмотря на рост научно-практического внимания специалистов социальной сферы к проблеме девиантного поведения, исследователями констатируется, что существует определенный дефицит действенных социально-педагогических и психологических подходов к системной реализации мер профилактики девиаций. Поиск данных подходов значительно затруднен, в особенности – в теоретико-методологическом плане, так как среди ученых и практиков нет единого понимания данного феномена.

Вместе с тем девиантное поведение обладает некоторыми признаками, которые признаются учеными и практиками:

1. Девиантное поведение является угрозой благополучию граждан и социальному порядку в обществе.
2. Девиантное поведение формируется на основе конфликта между личностью и обществом при нарушении баланса между обособлением и приспособлением личности к конкретному обществу.
3. Девиантное поведение – это основа формирования делинквентного, а в последствие криминального поведения (его последняя стадия). Непрофессиональные действия или бездействие субъектов профилактического воздействия могут стать отправной точкой перехода несовершеннолетнего от «девианта» к преступнику.

4. Девиантное поведение наиболее разрушительно проявляется в микросоциуме, так как индоктринирует асоциальные и антисоциальные ценности с раннего возраста; в ходе взросления несовершеннолетнего, так как ролевые позиции и место в социальном окружении изменяются гораздо кардинальнее, чем аналогичные показатели взрослых, минимальны сформированные защитные и компенсаторные психологические механизмы, а узкий круг социальных контактов и видов деятельности зачастую препятствует самостоятельному выходу из кризисной ситуации.

В междисциплинарном аспекте анализа феномена девиантного поведения можно выделить следующие подходы к восприятию специалистами социальной сферы образа несовершеннолетнего с девиантным поведением.

Сторонники *первого подхода* видят в несовершеннолетнем, преступившем закон – правонарушителя. Для данной категории специалистов несовершеннолетний с девиантным поведением – это тот, кто совершил общественно опасное деяние и нуждается в изоляции от общества, исправлении. В рамках этого подхода действует классическое средство социализации и форма социального контроля – наказание. Главная задача работы с несовершеннолетним здесь – стимулировать в нем чувство вины и, как результат воздействия специалистов, инициировать чувство раскаяния за совершенное преступление. Как правило, данного подхода придерживаются сотрудники правоохранительных органов: следователи, участковые уполномоченные полиции, сотрудники ФСИН [2]. Основными методами работы являются беседы с несовершеннолетними, обсуждение негативных последствий правонарушений и антисоциального образа жизни, а также рассказы о жизни в колониях, просмотр видеоматериалов, экскурсии в колонии. Основным мотивом специалистов здесь выступает формирование страха у несовершеннолетнего за ответственность, которую он понесет, совершая правонарушение или преступление. Но нередко психолого-педагогические ошибки при проведении подобных бесед приводят к «опережающей адаптации» к жизни в колонии, а иногда и формируют романтический образ преступника. Очевидной, в связи с этим становится необходимость серьезной методической и психолого-педагогической подготовки специалистов для реализации данного подхода. Вместе с тем благодаря применению первого пути накоплен положительный опыт организации системы принуждений и поощрений, выстраивания дистанций и границ в межличностном взаимодействии между субъектами профилактики и несовершеннолетним.

Второй подход связывает девиантное поведение несовершеннолетних с психическими аномалиями развития. Сторонники данного пути опираются на биологической теории возникновения поведенческих отклонений, в числе которых теории Ч. Ломброзо, Э. Кречмера, У. Шелдона, М. Шлаппа. По мнению ее приверженцев, правонарушение (преступление, проступок) совершает-

ся под влиянием отягощенной наследственности, акцентуации, мозговых дисфункций, задержки психического развития и других биологических, генетических и физиологических факторов. Существенным недостатком данного подхода, однако, является восприятие несовершеннолетнего как «больного», что может спровоцировать потерю им веры в возможности человека ресоциализироваться [4; 6].

Третий подход рассматривает несовершеннолетнего с девиантным поведением как социально уязвленную личность, имеющую неблагоприятный опыт развития и воспитания – возрастные кризисы разрешились неблагоприятно, воспитательная среда, в которой развивался ребенок, не способствовала формированию базовых и просоциальных жизненных ценностей. Основным виктимогенным фактором делинквентного поведения, как правило, становится неблагоприятный психологический климат в семье, а именно: отчужденность между родителями и детьми (сверхзанятость родителей, конфликтность, алкоголизм, наркомания, правонарушения и преступления родителей, насилие и жестокое обращение с ребенком), а также психолого-педагогические ошибки в воспитании (эмоциональное отвержение ребенка, гиперопека, гипоопека, отсутствие единых педагогических требований к ребенку со стороны родных, незнание особенностей личностного развития ребенка на разных возрастных этапах и пр.). Взгляд на несовершеннолетнего в данном контексте свойственен социальным работникам, социальным педагогам, воспитателям [5]. Специалисты, реализующие такой подход в работе с несовершеннолетним, обычно составляют список ситуаций, в которых может возникнуть угроза рецидива правонарушения, которые при этом обсуждаются вместе с ребенком. В результате такого совместного анализа у несовершеннолетнего формируется доверительность в отношениях со специалистом и как результат – конструкты просоциального решения личностных проблем, моделей правомерного поведения.

Четвертый подход частично сочетает в себе элементы второго и третьего. По мнению педагогов-психологов и клинических психологов, а также психотерапевтов большая часть психологических травм способны сформировать девиантное поведение. Специалисты, разделяющие данный подход воспринимают несовершеннолетнего как жертву, и в работе с ним применяют методы, относящиеся к психокоррекции. При этом одной из основных проблем в реализации данного подхода признается недостаточное методическое оснащение психокоррекционной работы применительно к динамично меняющимся условиям социализации несовершеннолетних и, соответственно, психологическим трудностям, возникающим у них [3].

Пятый подход связан с видением причины девиантного поведения как «...нарушения духовных (мировоззренческих) законов бытия, а личность несовершеннолетнего, ...в понимании специалистов, становится ареной борьбы между «светлым» и «темным», созида-

тельным и разрушительным, между добром и злом...» [1]. Основной задачей специалистов в контексте данного подхода является формирование системы ценностей, нравственного иммунитета, способности противостоять негативным воздействиям духовного характера и работа с имплицитными ресурсами и душевным потенциалом личности, которые, по той или иной причине были утрачены.

Итак, выше были предложены пять основных подходов к восприятию образа несовершеннолетнего с девиантным поведением и работе с ним. В имеющейся практике все большее значение приобретает комплексное восприятие портрета несовершеннолетнего, т. е. через призму всех описанных путей. При этом каждый из рассмотренных методов работы может использоваться в социально-педагогической схеме воспитательного, профилактического и социализирующего воздействия на несовершеннолетних с девиантным поведением. Каждый несовершеннолетний с девиантным поведением должен получить определенный (стандартизированный) набор «услуг»: медицинские, педагогические, психологические, юридические и др. В зависимости от особенностей личности может варьироваться содержательное наполнение работы с ним, добавляться/исключаться индивидуальные субъекты их социализации/ресоциализации, компоненты, время и пр.

Таким образом, обосновав необходимость профессионально-личностной подготовки обучающихся в контексте социологического, юридического, клинико-психиатрического, религиозного и психолого-педагогического подходов к пониманию феномена девиантного поведения, позволяет сделать вывод о том, что подготовка обучающихся как субъектов профилактики девиантного поведения несовершеннолетних определяет необходимость интеграции в образовательный процесс межведомственного взаимодействия и непосредственного включения в него обучающихся.

Список источников

1. Анисин А. Л. Грех как онтологическая девиация // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/178.html/>
2. Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Формирование личности несовершеннолетних правонарушителей // Антропология. 2022. № 1 (5). С. 60–65.
3. Змановская Е. В. Современная российская девиантология : история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (1). С. 12–23.
4. Калинин И. А., Никитская Е. А. Феномен девиантного поведения несовершеннолетних как объект междисциплинарного исследования : психолого-педагогический аспект // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 2. С. 85–89.
5. Щелина Т. Т. Потенциал социального партнерства в профессиональной социализации специалистов в области профилактики девиантного поведения несовер-

шеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 266–271.

6. Калиниченко И. А., Никитская Е. А. Психолого-педагогический аспект в межотраслевом исследовании девиантного поведения несовершеннолетних : предварительные результаты исследования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 202–206.

7. Socio-Ecological Determinants in the Deviant Behavior Formation System / N. N. Telysheva, M. A. Erofeeva, I. V. Ulyanova [et al.] // Ekoloji. 2019. Vol. 28, № 107. P. 5077–5081.

References

1. Anisin A. L. Sin as an ontological deviation // Pravoslavie.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/178.html/>

2. Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Personality formation of juvenile offenders // Anthropogogics. 2022. № 1 (5). P. 60–65.

3. Zmanovskaya E. V. Modern Russian deviantology : history, methodology, social challenges and current

trends // Russian Deviantological Journal. 2021. № 1 (1). P. 12–23.

4. Kalinichenko I. A., Nikitskaya E. A. The phenomenon of deviant behavior of minors as an object of interdisciplinary research : psychological and pedagogical aspect // Psychology and pedagogy of professional activity. 2023. № 2. P. 85–89.

5. Shchelina T. T. The potential of social partnership in the professional socialization of specialists in the field of prevention of deviant behavior of minors // Bulletin of Economic Security. 2025. № 1. P. 266–271.

6. Kalinichenko I. A., Nikitskaya E. A. Psychological and pedagogical aspect in the interdisciplinary study of deviant behavior of minors : preliminary results of the study // Bulletin of Economic Security. 2023. № 4. P. 202–206.

7. Socio-Ecological Determinants in the Deviant Behavior Formation System / N. N. Telysheva, M. A. Erofeeva, I. V. Ulyanova [et al.] // Ekoloji. 2019. Vol. 28, № 107. P. 5077–5081.

Информация об авторе

Е. А. Никитская – доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Nikitskaya – Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Professional Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 27.01.2026.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-методическое пособие. Михайлова С. Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию практико-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов. Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов. Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

Научная статья

УДК 378.146

EDN: <https://elibrary.ru/smrylv>

НИОН: 2015-0066-1/26-414

MOSURED: 77/27-011-2026-01-613

Практический опыт и исторические парадигмы объективной оценки знаний

Ирина Юрьевна Харламова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
kharlamovaiju@gmail.com

Аннотация. Анализируется практический опыт формирования критериев объективной, с точки зрения не только экзаменатора, но и экзаменуемого, оценки знаний. Проводится сопоставление шкалы оценки знаний на промежуточной аттестации, применяемой автором, с таксономией Блума и шкалой оценок знаний, применяемой в России в 1834 г.

Ключевые слова: объективность оценивания, система оценок в образовании, таксономия Блума, история оценивания в образовании, критерии оценки знаний, экзамен в вузе

Для цитирования: Харламова И. Ю. Практический опыт и исторические парадигмы объективной оценки знаний // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 251–256. EDN: SMRYLV.

Original article

Practical experience and historical paradigms of objective knowledge assessment

Irina Yu. Kharlamova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Moscow, Russia, kharlamovaiju@gmail.com

Abstract. Analyzed practical experience in developing criteria for objective knowledge assessment from the perspective of both, the examiner and the examinee. Compared the author's midterm assessment scale with Bloom's taxonomy and the knowledge assessment scale used in Russia in 1834.

Keywords: objectivity of assessment, grading system in education, Bloom's taxonomy, history of assessment in education, knowledge assessment criteria, university exam

For citation: Kharlamova I. Yu. Practical experience and historical paradigms of objective knowledge assessment. Bulletin of economic security. 2026;(1):251–6. (In Russ.). EDN: SMRYLV.

«Одна девочка получила в школе пятерку, а другая двойку. Первая возвращалась домой вприпрыжку, упала и сломала ногу. Вторая шла, опустив голову, и нашла кошелек с деньгами. Мораль: все события, происходящие в жизни, влекут за собой цепь других событий, поэтому не стоит переживать по пустякам и впадать в эйфорию от незначительных событий» [1].

На первый взгляд, мораль этого анекдота идет вразрез с темой нашей статьи, посвященной критериям и способам аттестации в высшей школе, но это не так. Девочки неправильно оценили обстановку, не поняли ситуацию и впали одна в эйфорию, другая в депрессию. Отметки, будь то школьные или университетские, важны, как и во время учебного процесса, так и после окончания учебного заведения. Так в чем же состоит их значимость?

Промежуточная или итоговая аттестации выполняют многофункциональную роль, которая выходит далеко за рамки простого фиксирования уровня полученных знаний. В первую очередь, оценки служат внутренним ориентиром как для самих обучающихся, так и для преподавателей – помогают определить степень усвоения учебного материала и выявить области, требующие дополнительного внимания и работы, выступая своеобразным индикатором достижения поставленных образовательных целей.

Для преподавателей оценки служат инструментом контроля качества образования, который позволяет отслеживать эффективность методов обучения и своевременно корректировать учебные программы.

Для студентов оценки – это не только средство получения обратной связи, но и мотивационный фактор.

Оценки создают объективную основу для конкурсных процессов при трудоустройстве, поступлении в магистратуру или аспирантуру, а также для получения стипендий и иных поощрений.

Но прежде всего, промежуточная и итоговая аттестации – это очень мощная мотивация, которая активизирует интеллектуальную активность, побуждает к качественному выполнению учебных заданий, развивает здоровое соперничество, позволяет реально оценить эффективность собственных трудозатрат.

Слушатель должен понимать, насколько успешно он работал. Улучшать результат или оставить его на определенном уровне – это его личное дело, он уже живет свою взрослую жизнь и отвечает сам перед собой. Возможно, он бережет силы и время для более углубленного изучения другого предмета.

Преподаватель, со своей стороны, должен понимать, что отметки слушателей, это не только абсолютная оценка их труда, но и относительная. Иногда важнее, что человек не снижает планки своего познания, а уж если отличник «роняет» уровень своих успехов – это тревожный сигнал для педагога.

Так с какой же целью проводят экзамены в высшем учебном заведении? Большинство исследователей методологии высшей школы выделяют такие функциональные значения экзаменов: обучение и воспитание. Это не только тестирование полученных и накопленных знаний и навыков, но и важная форма профессиональной подготовки. Сведения и умения, полученные на лекциях, занятиях, семинарах в течение определенного учебного периода, складываются в стройный алгоритм, структуру, превращаясь в прочное и ясное видение изучаемого предмета. Автор полагает, что требования к процедуре проведения экзамена и критерии оценки знаний в процессе его проведения должны быть четкими и понятными не только преподавателю, но и слушателям.

В вузе, в котором автору довелось служить ранее, многие годы проводилось анкетирование «Преподаватель глазами слушателей». Слушатели должны были проанализировать профессионализм и положительные персональные качества своих педагогов. Использовалась десятибалльная шкала. Анкетирование проводилось анонимно.

Когда опрос проводился впервые, автор очень переживал за его итоги. Казалось, что преподавателя, который ведет столь чуждую для гуманитарного вуза дисциплину как математика (а по данной дисциплине в сессию, как правило, больше всего неудовлетворительных оценок), могут оценить только очень низко. Однако автор был приятно удивлен, когда большинство его качеств заслужили высокую оценку, причем некоторые из тех, за которые сам бы себе он поставил более низкий балл (например, «Терпение»). В то же время одно качество «Объективность в оценке знаний слушателей», получило более низкую оценку, чем та, на которую он рассчитывал. Чтобы понять «в чем же дело?», автор попросил слушателей пояснить (анонимно, письменно) в

чем же все-таки они видят необъективность его оценок. Оказалось, по мнению ряда учащихся, несправедливость состоит в том, что одним экзаменуемым задается множество дополнительных вопросов, в то время как с другими беседа проходит только по билету. Это было действительно так: экзаменатор исходил из предварительной оценки по текущим контролям, и в зависимости от того, насколько успешно они были пройдены, и насколько успешным был ответ по билету, задавал или не задавал дополнительные вопросы. Автору казалось, что справедливость такого подхода понятна не только ему, но и слушателям, и что-то растолковывать дополнительно, необходимости нет. Оказалось, что это не так.

Автором была поставлена задача: сформировать критерии и процедуру оценки итоговых знаний по дисциплине, понятные не только преподавателю, но и слушателям. В итоге был сформирован следующий порядок приема экзамена.

Для подготовки к экзамену (зачету) дается два списка вопросов:

1 список: так называемые «опорные сигналы» – наиболее важные вопросы (> 30 % от первого списка);

2 список: вопросы по всему курсу.

Для чего два списка? Экзамен выполняет важнейшую образовательную функцию – он способствует обобщению и систематизации полученных знаний. В процессе подготовки к испытанию материал естественным образом структурируется: одни положения требуют глубокого и прочного усвоения, другие выступают в роли вспомогательного инструмента, а отдельные научные сведения достаточно лишь бегло просмотреть и уяснить их суть. И педагог при составлении программы экзамена должен учитывать это сам и обратить внимание на это слушателей. Иначе может случиться, что студент, подробнее изучив вопросы первой половины списка (хотя среди них не все имеют первостепенное значение), так и не дойдет до важных итоговых тем.

Первоначально экзаменатор проводит опрос по вопросам первого списка, и если слушатель отвечает на все вопросы, он допускается до ответа по билету. Почему автор настаивает именно на такой очередности. Слушатель должен подтвердить знание по основным вопросам. Если же он уже ответил на вопросы билета (например, списал ответы) и не ответил на дополнительные вопросы, то, во-первых, ему трудно доказать, что он не знает основ дисциплины и потому не заслуживает даже тройки, а, во-вторых, преподаватель тратит время на выслушивание ответа, хотя потом вынужден убедиться, что слушатель не знает ничего или знает очень мало.

При подготовке к ответу по билету учащийся имеет право воспользоваться своим конспектом. Необходимо преодолеть сложившийся в школе – средней и высшей – «культ заучивания подряд всего учебного материала – и главного и второстепенного и перенести акцент на глубокое осознание и прочное усвоение ключевых фактов и идей науки, развитие творческого мышления и умения пользоваться справочниками» [2, с. 51–52].

Каким же должен быть критерий оценки? Автор стремился четко определить данные критерии, чтобы не только экзаменатор, но и экзаменуемые, ясно его понимали. В билет включены четыре вопроса – два на знание теории и два практических задания разной трудности.

Знание двух вопросов оценивается оценкой «удовлетворительно», трех – оценкой «хорошо», четырех – оценкой «отлично».

В то же время автор против сведения итоговой оценки исключительно к экзамену. Итоговая оценка должна быть справедливой, причем справедливой не только с точки зрения преподавателя, но и студента. В этом главным образом и состоит воспитательное воздействие экзамена. «Завышенная оценка – урок безнравственности она приучает думать, что можно получить от общества то или иное благо без труда, по субъективным обстоятельствам. Заниженная оценка также аморальна, ибо убивает желание учиться, подавляет учебный труд студента» [3, с. 39]. Иногда экзамен проводится лектором, который не ведет лабораторные и практические занятия в данной группе, мало знаком со студентами, что значительно повышает риск субъективности в оценке. И случается так, что студент, проявлявший отличную работу на протяжении семестра, по вполне объективным причинам получает на экзамене крайне низкую оценку. Причины могут быть самыми различными: накануне экзамена вместо того, чтобы готовиться – чистил снег, был в наряде, болел живот и т. д. Бывает и наоборот: студент выучил один билет и получил отличную оценку (или списал удачно, что в настоящее время сделать достаточно просто при наличии микронаушников, получивших широчайшее распространение в экзаменационных аудиториях). После сессии одни хвалятся, как провели преподавателя, другие жалуются на его вредность, или свое невезение, третьи радуются счастливому билету. Экзамен зачастую превращается в лотерею или сводится к успешному применению технических средств.

Где же выход? Выход автор видит как раз в том, чтобы промежуточная аттестация проводилась по результатам, как текущей успеваемости, так и результата экзамена (аналогично школьной системе). Оценкой, выставляемой в ведомость и зачетку, является среднее арифметическое оценки работы в течение семестра (выставляется преподавателем, ведущим практические занятия) и оценки, полученной на экзамене.

Если студент не согласен с итоговой оценкой, то экзаменатор задает ему дополнительные вопросы, стараясь объяснить, почему его интересует именно эта тема (как правило, это невысокие оценки текущей успеваемости и рубежных контролей по данным темам).

После того, как автор стал применять изложенную выше систему при промежуточной аттестации, качество автора «Объективность в оценке знаний слушателей» стало оцениваться гораздо выше, чем ранее.

Позже, уже осмыслив и внедрив собственную методику, автор выявил, что ее структура и принципы во многом перекликаются с хорошо известными концепци-

ями, в частности с таксономией Блума (1956 г.) и шкалой оценок, существовавшей в России еще с 1834 г. «Нет ничего нового под солнцем» (Книга Екклесиаста, 1:9).

Действительно, таксономия Бенджамина Блума представляет собой понятную классификацию образовательных целей, разделенную на шесть уровней от простых знаний до сложных аналитических и созидательных навыков [4]:

1. Знание (запоминание) – базовый уровень, на котором происходит усвоение и воспроизведение информации. Учащийся должен уметь запоминать, называть, определять и перечислять основные факты и понятия.

2. Понимание – способность интерпретировать полученную информацию, перефразировать, обобщать и объяснять основные идеи своими словами.

3. Применение – использование усвоенных знаний для решения практических задач в новых ситуациях. На этом этапе происходит демонстрация умений на практике.

4. Анализ – умение разделять информацию на составные части, выявлять взаимосвязи между ними, находить логические ошибки и противоречия.

5. Синтез – умение объединять, составлять и создавать что-то новое на основе полученных знаний, разработка собственных решений и подходов.

6. Оценка – высший уровень, включающий способность критически оценивать информацию.

Недавно в поле зрения автора попала шкала оценок, существовавшая в России с 1834 г., изложенная в «Положении для постоянного определения или оценки успехов в науках». Язык и манера изложения оказались настолько образными и емкими, что, не смотря на объем, автор решил сохранить текст первоисточника [5, с. 548–549]:

«1-я степень (успехи слабые). Ученик едва прикоснулся к науке, по действительному ли недостатку природных способностей, ... или потому, что совершенно не радел при наклонности к чему-либо иному.

2-я степень (успехи посредственные). Ученик знает некоторые отрывки из преподаваемой науки; но и те присвоил одной памятью. Он не проник в ее основания и в связь частей, составляющих полное целое. Посредственность сия, может быть, происходит по некоторой слабости природных способностей, особливо от слабости самомышления, которого он не смог заменить трудом или постоянным упражнением. Отличные дарования, при легкомыслии и праздности, влекут за собой то же последствие.

3-я степень (успехи удовлетворительные). «Ученик знает науку в том же виде, как она ему преподава; он постигает даже отношение всех частей к целому в изложенном ему порядке; но он ограничивается книгою или словами учителя; приходит в замешательство от соприкосновенных вопросов, предлагаемых на тот конец, чтобы он сблизил между собой отдаленнейшие точки; даже выученное применяет он не иначе как с трудом и напряжением. На сей-то степени останавливаются одаренные

гораздо более памятью, нежели самомыслением; но они прилежанием своим доказывают любовь к науке. Эту ступень можно назвать степенью удовлетворительных успехов... Притом и размышление, всегда после памяти нас посещающее, пробуждается часто среди этой даже механической работы.

4-я степень (успехи хорошие). Ученик отлично знает преподаваемое ученье; он умеет изъяснить все части из начал, постигает взаимную связь их и легко применяет истины к обыкновенным случаям. Тут действующий разум ученика не уступает памяти, и он почитает невозможным выучить что-либо не понимая. Один недостаток упражнения и прилежания препятствует подняться выше. С другой стороны, и то правда, что самомысление в каждом человеке имеет известную степень силы, за которую черту при всех напряжениях перейти невозможно.

5-я степень (успехи отличные). Ученик владеет наукой: весьма ясно и определенно отвечает на вопросы, легко сравнивает различные части, сближает самые отдаленные точки учения, с проницательностью довольно изощренную упражнением, разбирает новые и сложные предлагаемые ему случаи, знает слабые стороны учения, ... Все сие показывает, что ученик сделал преподаваемую науку неотъемлемым своим достоинством, что уроки послужили ему только полем для упражнения самостоятельности... Только необыкновенный ум, при

помощи хорошей памяти, в соединении с пламенной любовью к наукам... может подняться на такую высоту в области знания».

Как говорится, добавить нечего. Обе системы во многом пересекаются. Интересно также, что они позволяют не только оценить знания, но и понять на каком уровне обучения произошла заминка, на что педагогу обратить внимание: активизировать процессы запоминания или понимания, научить анализировать или обобщать, показать не только достоинства, но и недостатки того или иного направления.

В то же время автору все-таки ближе система 1834 г., с которой у него больше точек соприкосновения. По сути, каждая ступень соответствует оценке пятибалльной системы. Правда сегодня положительными результативными считают оценки, начиная с тройки, так что, если возникает желание применить эту систему, придется объединить первые три ступени в одну и начать ставить оценки с тройки, полагая первые две оценки – допуском к экзамену.

Все вышеизложенное автор объединил в таблицу 1.

Часто поборники отмены системы оценок приводят примеры из жизни выдающихся людей, которые плохо учились в школе и вовсе не учились в высшем учебном заведении и стали супер успешными.

Да, мы можем вспомнить А. С. Пушкина, который окончил Лицей двадцать четвертым из двадцати девяти

Таблица 1

Соответствие различных шкал оценке знаний

Таксономия Блума	Шкала оценок, Россия, 1834 год	Критерии автора
Знание (память): умение запомнить и воспроизвести информацию	Успехи посредственные. Знает некоторые факты, но без глубокого понимания и связей между ними; изучает поверхностно, иногда полагаясь только на память.	Первоначально экзаменатор проводит опрос по вопросам первого списка, и если слушатель отвечает на все вопросы этого списка, то он допускается до ответа по билету. Слушатель должен подтвердить знание по основным вопросам. То есть, если учащийся использует знание, память на начальном уровне, то получает допуск к экзамену.
Применение – использование усвоенных знаний для решения практических задач в новых ситуациях	Успехи удовлетворительные. Знает материал, как его преподавали, понимает его часть, но не умеет применять знания без помощи книги или учителя	Билет состоит из четырех вопросов: двух теоретических и двух практических, имеющих разную степень трудности. Полный ответ на два вопроса оценивается оценкой «удовлетворительно»
Применение: умение использовать знания и навыки в новых ситуациях или для решения задач	Успехи хорошие. Отлично разбирается в предмете, может объяснить и применять знания самостоятельно, понимает взаимосвязи; недостаток – нехватка практики и регулярных упражнений	Полный ответ по трем пунктам – оценка «хорошо». Выполнение практического задания показывает, насколько легко слушатель манипулирует полученными знаниями, т. е. способность анализировать и синтезировать
Анализ – умение разделять информацию на составные части, выявлять взаимосвязи. Синтез – умение объединять и создавать что-то новое на основе полученных знаний	Успехи отличные. Свободно владеет материалом, быстро анализирует и соединяет части знаний, решает сложные задачи, знает слабые места предмета. Достигается только сильным умом, хорошей памятью и страстью к науке	Полный ответ по четырем пунктам – оценка «отлично». Оценкой, выставляемой в ведомость и зачетку, является среднее арифметическое оценок работы в течение семестра (выставляется преподавателем, ведущим практические занятия) и оценки, полученной на экзамене

ти учеников. Высший балл он имел по трем предметам: русской и французской словесности и фехтованию (то есть физкультуре). Хвала его педагогам и друзьям, что они не придавали особого значения нерадивости будущего «солнца русской поэзии» в географии и арифметике, а своими восторгами мотивировали к занятиям поэзией. Тем не менее, если бы Пушкин учился лучше, он бы при выпуске получил гражданский чин IX класса, а не X, что означало бы более высокий доход и большую свободу в первые годы после окончания лицея. Это открыло бы перед ним путь к более легкому решению материальных вопросов, оставляя свободное пространство для полного погружения в творчество.

Не только среди людей творческих, но и среди ученых были гении, такие как Альберт Эйнштейн и Томас Эдисон, которые учились плохо, и даже были отчислены из учебных заведений. В тоже время и Николай Иванович Лобачевский, и Жюль Анри Пуанкаре, и Лев Давидович Ландау и многие другие ученые прекрасно учились по всем предметам, осваивая программы средней и высшей школы с блеском и часто экстерном, успевая при этом писать стихи и ухаживать за девушками.

Не стоит забывать о том, что оценки, полученные в ходе обучения в вузе, имеют значение и после окончания учебного заведения. Настоящее и будущее профессиональной карьеры учащихся во многом связаны с их академическими результатами, что делает оценки важнейшим связующим звеном между учебным процессом и реальной жизненной практикой. Несмотря на то, что с течением времени профессиональный опыт и достижения зачастую выходят на передний план, оценки остаются первоначальным свидетельством знаний и навыков, приобретенных учащимися в процессе обучения. В контексте карьерного роста или смены профессионального направления, особенно на ранних этапах, оценки могут оставаться важным ориентиром для работодателей. В конечном счете, оценки, по меньшей мере, являются показателями качеств, которые всегда при приеме на работу были значимы – это ответственность и усердие.

Оценка – это своеобразное психологическое оружие педагога, применяя его, мы не имеем «педагогического» права оставить у ученика чувства обиды, непонимания, несправедливости, все это может навсегда уничтожить интерес к преподаваемому предмету в целом. Слушатель не должен бояться оценки, он должен понимать, почему его оценили именно так. Плохая оценка не должна быть причиной стресса, она должна стать мотивацией к дальнейшей работе и осмыслению своей работы и недоработок, успехов и недостатков. Даже в тех случаях, когда преподаватель завышает оценки, оценивая не абсолютные знания, а достигнутый прогресс, он в обязательном порядке должен пояснить свою позицию, чтобы не обидеть других учащихся.

Автор выражает надежду, что изложенный в статье опыт поспособствует не только точной и справедливой оценке знаний слушателей, что, в свою очередь, повы-

сит их мотивацию к учебе, но и поможет установить более доверительные отношения с преподавателем. Такое взаимодействие является крайне важным для создания благоприятной атмосферы и психологического комфорта на занятиях.

Список источников

1. Анекдоты из России // URL: <https://www.anekdot.ru/id/753197/>
2. Скаткин М. Н. Проблемы современной дидактики. М. : Педагогика, 1980. 96 с.
3. Фарбер И. Е. Очерки вузовской педагогики / И. Е. Фарбер ; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. 256 с.
4. Коробков Никита. Что такое таксономия Бенджамина Блума // URL: <https://skillspace.ru/blog/taksonomiya-bluma-chto-eto-takoe-i-zachem-ona-pedagogam-i-metodistam/>
5. Шебалин С. А. Измерения для всех. М. : Изд-во стандартов, 1991. 560 с.

References

1. Anecdotes from Russia // URL: <https://www.anekdot.ru/id/753197/>
2. Skatkin M. N. Problems of modern didactics. M. : Pedagogy, 1980. 96 p.
3. Farber I. E. Essays on University Pedagogics / I. E. Farber ; Saratov State Law Academy. Saratov : Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2022. 256 p.
4. Korobkov Nikita. What is Benjamin Bloom's Taxonomy // URL: <https://skillspace.ru/blog/taksonomiya-bluma-chto-eto-takoe-i-zachem-ona-pedagogam-i-metodistam/>
5. Shebalin S. A. Measurements for everyone. M. : Publishing House of Standards, 1991. 560 p.

Библиографический список

1. Бобровникова В. К. Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова / В. К. Бобровникова ; под общ. ред. Н. К. Гончарова. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 183 с.
2. Болотова Е. Л. Нормативно-правовое регулирование системы оценки достижений учащихся // Педагогические измерения. 2020. № 2. С. 88–101.
3. Козлов А. А., Пестис М. В. Психологические аспекты объективной оценки знаний // Перспективы развития высшей школы : материалы XVIII Международной научно-методической конференции, Гродно, 5 мая 2025 года. Гродно : Гродненский государственный аграрный университет, 2025. С. 80–82.
4. Скаткин М. Н. Совершенствование процесса обучения : проблемы и суждения / М. Н. Скаткин ; Акад. пед. наук СССР. М. : Педагогика, 1971. 205 с.

5. Султанова Г. С. Таксономия Блума как инструмент интеллектуально развивающего обучения студентов // Высшее образование сегодня. 2019. № 1. С. 14–19.

6. Швед Е. А. Об одной из форм проведения экзамена по математике в вузе // Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе. 2023. № 10. С. 114–119.

Bibliographic list

1. Bobrovnikova V. K. Pedagogical ideas and activities of M. V. Lomonosov / V. K. Bobrovnikova ; under the general editorship of N. K. Goncharov. M. : Publishing house of the Academy of ped. sciences of the RSFSR, 1961. 183 p.

2. Bolotova E. L. Normative and legal regulation of the system of assessing student achievements // Pedagogical measurements. 2020. № 2. P. 88–101.

3. Kozlov A. A., Pestis M. V. Psychological aspects of objective assessment of knowledge // Prospects for the development of higher education : Proceedings of the XVIII International Scientific and Methodological Conference, Grodno, May 5, 2025. Grodno : Grodno State Agrarian University, 2025. P. 80–82.

4. Skatkin M. N. Improving the learning process : problems and judgments / M. N. Skatkin ; USSR Academy of Pedagogical Sciences. M. : Pedagogy, 1971. 205 p.

5. Sultanova G. S. Bloom's Taxonomy as a tool for intellectually developing student learning // Higher education today. 2019. № 1. P. 14–19.

6. Shved E. A. On one of the forms of conducting an exam in mathematics at a university // Actual problems of teaching mathematics at a technical university. 2023. № 10. P. 114–119.

Информация об авторе

И. Ю. Харламова – доцент кафедры информатики и математики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат технических наук, доцент.

Information about the author

I. Yu. Kharlamova – Associate Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 27.01.2026.

Психология и педагогика. Учебник. А. М. Столяренко и др. 5-е изд., перераб. и доп. 583 с. Гриф МО РФ. Одобрено УМО по психологии университетов России. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

В учебнике рассматриваются уникальные, тесно взаимосвязанные друг с другом дисциплины – психология и педагогика. На основе современных достижений этих наук уделяется внимание проблемам личности, социальной среды, группы, коллектива, общества, профессионального обучения, образования, адаптации и жизнедеятельности специалиста и т. д. При этом сложные вопросы психологии и педагогики излагаются просто, популярно, хорошо иллюстрируются, сочетаясь с раскрытием их практической значимости для жизни и деятельности не только обучающегося, но и уже состоявшегося специалиста.

Изучение содержания каждой главы завершается краткими выводами, систематизацией усвоенной информации по алгоритму, определенному в модульной таблице с клетками-файлами, вопросами и заданиями для самоконтроля и размышлений, помогающих оптимизировать усвоение теоретического материала.

Содержание учебника соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования Российской Федерации последнего поколения, включает все необходимые для изучения вопросы и проблемы по дисциплине «Психология и педагогика».

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, слушателей системы повышения квалификации и профессиональной подготовки, а также всех читателей, интересующихся вопросами психологии и педагогики.

Научная статья

УДК 378

EDN: <https://elibrary.ru/opdfht>

НИОН: 2015-0066-1/26-415

MOSURED: 77/27-011-2026-01-614

Международный опыт организации ведомственного высшего образования с использованием элементов цифрового сопровождения

Кирилл Владимирович Ярмак

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

kirill.77@mail.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4095-264X>

Аннотация. В условиях глобальной цифровой трансформации ведомственное высшее образование сталкивается с двунаправленной задачей, предусматривающей для повышения эффективности подготовки кадров интеграцию передовых открытых образовательных технологий с одновременной необходимостью сохранения определенной закрытости образовательных программ. Вместе с тем современные требования к выпускникам диктуют необходимость модернизации образовательного процесса. Одним из ключевых векторов такой модернизации является внедрение элементов цифрового сопровождения. При этом изучение международного опыта позволяет выявить наиболее эффективные модели и цифровые решения и адаптировать их в дальнейшем для модернизации отечественной системы.

Ключевые слова: цифровое сопровождение, подготовка специалистов правоохранительной системы, искусственный интеллект в образовании, риски цифровизации, ведомственное образование, Беларусь

Для цитирования: Ярмак К. В. Международный опыт организации ведомственного высшего образования с использованием элементов цифрового сопровождения // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 257–264. EDN: OPDFHT.

Original article

International experience in organizing departmental higher education using digital support elements

Kirill V. Yarmak

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

kirill.77@mail.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4095-264X>

Abstract. In the context of global digital transformation, departmental higher education faces a dual challenge: integrating advanced open educational technologies to improve the effectiveness of training while simultaneously maintaining the confidentiality of educational programs. However, modern requirements for graduates dictate the need to modernize the educational process. One key vector of such modernization is the introduction of digital support elements. At the same time, studying international experience allows us to identify the most effective models and digital solutions and adapt them for further modernization of the domestic system.

Keywords: digital support, training of law enforcement specialists, artificial intelligence in education, risks of digitalization, departmental education, Belarus

For citation: Yarmak K. V. International experience in organizing departmental higher education using digital support elements. Bulletin of economic security. 2026;(1):257–264. (In Russ.). EDN: OPDFHT.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью обобщения и систематизации данных об эффективных моделях цифрового сопровождения ведомственного высшего образования, опыт которых редко

становится достоянием широкой научной общественности, но частично раскрывается в рамках профессиональных экспертных дискуссий. Целью данной статьи является анализ современных образовательных методов и методик, интегрирующих элементы цифрового сопро-

© Ярмак К. В., 2026

вождения, используемых в структуре подготовки полицейских кадров на международной арене. Указанный опыт выявлен на основе рассмотрения материалов международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы юридического образования», организованной ведущим вузом силового блока «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», состоявшейся 11 декабря 2025 года в г. Минске.

Конференция собрала широкий круг участников, включая руководителей и практиков системы высшего и дополнительного образования, представителей органов управления, научно-педагогических работников, а также специалистов правоохранительных органов. Ключевые дискуссии в рамках пленарного заседания и секций были посвящены интеграции цифровых технологий в образовательный процесс, их роли в подготовке сотрудников правоохранительных органов и повышении квалификации преподавателей. Также обсуждались вопросы совершенствования учебно-методического обеспечения и развития международного сотрудничества для повышения престижа и эффективности полицейского образования, включая взаимодействие с организациями-заказчиками кадров. Президиум конференции под председательством заместителя Министра внутренних дел Республики Беларусь был представлен высокопоставленными компетентными руководителями вузов МВД Беларуси, Кыргызстана, России и Узбекистана, председателями Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования и Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь [11].

Методы исследования

Анализ материалов конференции проводился с использованием комплекса методов, адекватных задачам дескриптивного и сравнительного аналитического об-

зора. Основу составили методы качественного контент-анализа и тематического моделирования.

Метод систематического обзора и контент-анализа применялся в отношении текстов статей, тезисов докладов спикеров и презентационных материалов, представленных на мероприятии, выборка которых формировалась целенаправленно по тематической близости заявленной нами тематике. Многоуровневый их анализ позволил выявить не только сами технологии, но и контекст их применения и цели внедрения. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выделить общие для всех и специфические практики использования цифрового сопровождения образования. Метод тематического моделирования позволил выделить сквозные тематические кластеры, вокруг которых строилось обсуждение. На основе исследования совокупности материалов были определены ключевые векторы, на описании которых остановимся подробнее далее в работе. Методом вторичного анализа данных исследовались дополнительные сведения, представленные в иных работах участников конференции по аналогичной тематике. Для минимизации эффекта зависимости от репрезентативности и степени открытости материалов выводы верифицировались путем перекрестного сопоставления данных из разных источников.

Результаты

Проведенный анализ материалов международной конференции, с учетом ее представительного состава и проблематики, сфокусированной на цифровизации ведомственного образования, помимо конкретных технологических решений, интегрированных в педагогическую деятельность, позволил выявить ряд системных трендов, а также ключевых вызовов, формирующих современную повестку в данной области.

Отметим, что в Республике Беларусь поступательно реализуется государственная политика и стратегии цифровой трансформации в отношении внедрения цифровых технологий. Она осуществляется в рамках Кодекса Республики Беларусь об образовании, а также ряда государственных документов стратегического планирования, например, Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг., Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г., Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 гг. [9].

В первую очередь остановимся на сформулированных по итогам анализа материалов актуальных направлениях цифровизации образования (рис. 1).

Ключевым трендом предлагаем выделить **внедрение инновационных образовательных технологий**. Данный тренд характерен не только для вузов МВД, но и других ведомств. Сотрудник Белорусской государственной академии связи справедливо отмечает, что электронные тренажеры в военной и правоохранительной подготовке помогают отрабатывать практические навыки без эксплуатации реальной аппаратуры, сокращая расходы

Рис. 1. Актуальные направления цифровизации ведомственного образования Республики Беларусь разработан автором с использованием рисунка, сгенерированного нейросетью GigaChat (в центре)

и минимизируя риски [1]. При этом автор подкрепляет свои выводы результатами эмпирического исследования в рамках педагогического эксперимента.

Участниками мероприятия подробно рассматриваются возможности *иммерсивных технологий, технологий виртуальной и дополненной реальности*. Исследователем из Белорусского государственного университета активно обсуждается развитие интерактивных криминалистических симуляторов, позволяющих моделировать следственные действия и реконструировать события [20]. В качестве положительного опыта приведена деятельность Института повышения квалификации Следственного комитета Республики Беларусь по созданию эффективной модели формирования у будущих криминалистов практических навыков работы с доказательствами, сочетающей в себе использование VR-полигона с интенсивными практическими занятиями для [15].

Активная работа проводится по внедрению *цифровых платформ и сервисов*. Представлен опыт разработки защищенного ведомственного программного комплекса для автоматизированного тестирования, генерации и анализа заданий, соответствующего строгим требованиям к защите данных. Программный комплекс прошел успешную апробацию на большом числе обучающихся Академии МВД РБ ($n > 400$) в рамках преподавания ряда профильных дисциплин [12]. Также предлагается создание специализированной цифровой платформы («Виртуальная академия противодействия коррупции») для системного обучения и проверки навыков антикоррупционного поведения различных категорий госслужащих, в том числе персонала уголовно-исполнительной системы [18].

Обсуждаются и перспективы использования *технологии блокчейн* для решения задач ведения персональных данных студентов, учета образовательных траекторий и обеспечения надежной верификации документов об образовании [16].

Наконец отдельное внимание уделяется вопросам *игрофикации учебного процесса*. Внедрение игровых механизмов (очки, уровни, соревнования) повышает мотивацию и вовлеченность обучающихся, а использование элементов игрофикации при формировании портфолио курсанта в значительной степени объективизирует информацию о его достижениях и уровне подготовки [10]. Отдельными участниками предлагается *цифровой сторителлинг* как игротехника в обучении (совмещение увлекательного рассказа с визуализацией при помощи цифровых сервисов). Его использование для изучения учебных дисциплин позволяет не только сформировать профессиональные компетенции, но и ценностное отношение к объекту правового регулирования (в частности к семье), вовлекая обучающихся в создание развивающегося сюжета [5].

Безусловно, отдельной крупной группой образовательных трендов являются описанные в многочисленных исследованиях ученых предложения, формирующие направление **образовательной ИИ-интеграции**. Тема

искусственного интеллекта является доминирующей на мероприятии, концентрируя вокруг себя более 3/4 всех представленных исследований. Статистика говорит сама за себя: из 125 статей, опубликованных в сборнике по итогам международной конференции, половина (62) напрямую, а еще четверть – так или иначе освещают вопросы образовательной ИИ-интеграции (если не сказать «ИИ-экспансии»). Это свидетельствует о том, что ИИ воспринимается академическим и профессиональным сообществом как основной вектор трансформации и ключевой вызов. Кластеризация содержания докладов показывает, что обсуждение сфокусировано на практических аспектах внедрения ИИ в образовательный процесс, анализе связанных с этим рисков и этических дилемм, а также на поиске новых методик преподавания.

Задаст повестку дня международной конференции выступление на пленарном заседании начальника Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктора юридических наук, профессора М. Х. Рустамбаева. Ключевым выводом о трансформации юридического образования в эпоху искусственного интеллекта, сформулированным ученым, является тот факт, что одновременно с внедрением технологий, центральное место в образовательном процессе должны занимать этика, критическое мышление и сохранение человеческого суждения. Таким образом, будущее ведомственного юридического образования лежит в гибком синтезе глубоких правовых знаний, осознанного владения технологиями и развитого профессионального суждения, где ИИ выступает помощником, а не заменой юриста [14].

ИИ используется для автоматизации рутинных задач, генерации учебных материалов, проверки работ, персонализации обучения и создания интерактивных симуляторов. ИИ позволяет создавать адаптивные образовательные траектории, анализировать успеваемость и предлагать индивидуальные материалы. Обсуждается модель интеграции ИИ, включающая персонализацию освоения материала, иммерсивные симуляции профессиональной деятельности и проектную работу с анализом реальных данных судебной практики для формирования цифровых компетенций юристов (Р. Р. Алекпоров; А. В. Балиткин, А. А. Бородин; А. Э. Бондаренко, Е. Н. Соболевский). Предлагается использовать ИИ для симуляции судебных процессов и анализа правовых документов (Ю. В. Козьяк, А. В. Калач, И. С. Степанова).

Уже сейчас ИИ применяется для создания тестов, задач, презентаций и даже научных публикаций (А. С. Панасенко, А. С. Тычинская). Обсуждаются возможности ИИ как инструмента для анализа философских текстов, организации интерактивных дискуссий и поддержки исследовательской работы (М. Ю. Узгорок). На конференции представлены конкретные решения, основанные на данной технологии, используемые при преподавании учебных дисциплин: в «Криминалистике» – для создания субъективных портретов (И. В. Пашута, Н. Н. Пашута); в «Криминологии» – для визуализации

зация данных, генерации криминологических портретов и анализ статистики (С. М. Казакевич); в «Логистике в таможенном деле» – для моделирования оптимизации логистических цепочек (А. О. Кострица, О. Н. Лабкович); в «Огневой подготовке» – в для анализа техники стрельбы и моделирования стрессовых ситуаций (В. А. Машлякевич, Ю. И. Селятыцкий) и прочее.

Следующим актуальным для белорусского ведомственного высшего образования трендом развития является **совершенствование практико-ориентированного обучения**, в том числе с использованием цифровых инструментов.

Руководитель Главного управления по противодействию киберпреступности криминальной милиции МВД Республики Беларусь осветил основные тенденции киберпреступности в стране за последние годы. Стремительная цифровизация общества привела к лавинообразному росту киберпреступности, которая по массе стала доминирующей в общей структуре преступности. Представленные им статистические данные демонстрируют две ярко выраженные и взаимосвязанные негативные тенденции за последнее десятилетие: резкий рост абсолютного числа киберпреступлений и стремительное увеличение доли киберпреступлений в общей структуре преступности. При этом руководителем практического органа продемонстрирован системный ответ государственного органа на вызовы цифровой эпохи. Взаимодействие ведущих профильных республиканских вузов (Академия МВД, БГУИР) и практического органа (ГУПК МВД) выстроено как комплексная система «*кадровый резерв – обучение – практика*» [11].

В свою очередь, первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь, профессор А. В. Башан презентует пример реализации *сетевой формы взаимодействия* между ведомственным и гражданским вузом при реализации образовательных программ. В рамках подписанного договора Академии МВД с Белорусским государственным университетом информатики и радиоэлектроники курсанты, обучающиеся по направлению «Противодействие киберпреступности», получают технические дисциплины от ведущего IT-университета. Данная модель обеспечивает формирование у будущих специалистов уникального комплекса юридических и достаточных технических компетенций [4]. Сотрудниками вуза описана и *дуальная система обучения* как модель интеграции теории и практики, которая предполагает тесное взаимодействие образовательных учреждений и профильных организаций и подразделений органов внутренних дел [7].

Наконец, еще одним существенным направлением развития ведомственного образования определим организацию **построение компетентностной модели преподавателя** в условиях цифровизации.

Саморазвитие педагогов в сфере цифровых технологий – ключевое условие успешной цифровизации. Преподаватели должны не только использовать технологии, но и организовывать цифровое взаимодействие,

оценивать образовательные ресурсы, создавать цифровой контент. Сотрудником Гродненского государственного университета имени Янки Купалы рекомендовано проведение семинаров, мастер-классов и создание мотивирующей среды для повышения ИКТ-компетенций педагогов [8]. Систематическое обучение всех субъектов учебного процесса использованию цифровых инструментов, оценке контента, созданного ИИ, формирует навыки критического восприятия информации [6].

Актуальность развития гибких современных навыков педагогов подтверждают и российские исследователи, принявшие участие в данном международном форуме. Представителем Восточно-Сибирского института МВД России подчеркивается необходимость развития цифровой грамотности и навыков антифейковой резистентности [19]. Авторским коллективом сотрудников НИИ ФСИН России и Академии права и управления ФСИН России рассматриваются методологические основы применения ИИ, важность грамотного промпт-инжиниринга, принцип ответственности человека за решения и определение педагогических границ делегирования задач интеллектуальным системам [17].

Цифровизация требует постоянного самообразования преподавателей, особенно в военной и правоохранительной сферах, где значительная часть информации имеет ограниченный доступ. Так, сотрудник факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь справедливо позиционирует очное, в рамках научно-представительских мероприятий взаимодействие между преподавателями Беларуси и России в качестве эффективного способа обмена опытом без утечки конфиденциальной информации [2].

Современное высшее образование невозможно без тесной связи с научной деятельностью. При этом заместитель начальника Академии МВД по научной работе П. В. Гридюшко уделяет значительное внимание вовлечению обучающихся в исследования через научные кружки, лаборатории и гранты, что, в конечном счете, способствует развитию их критического мышления и исследовательских компетенций [13].

Вместе с тем, несмотря на очевидный потенциал выявленных трендов и технологий для повышения эффективности обучения, их активное внедрение в чувствительную сферу ведомственного образования сопряжено с **комплексом серьезных вызовов и рисков**. Генерал-майор милиции в отставке В. В. Бачила, прежний руководитель милицейской академии, а ныне профессор кафедры уголовного процесса поднимает проблему качества образования в цифровую эпоху. По мнению ученого, цифровизация может привести к «цифровому слабоумию», снижению способности к глубокому анализу, фрагментации мышления и замене творческого поиска готовыми решениями из интернета [3]. Значительное число работ подтверждают высказанную нами ранее обеспокоенность негативными последствиями абсолютизации цифрового сопровождения, которая выражается в системе антропологических рисков [21].

Так, исследователи по-прежнему указывают на наличие *когнитивных* рисков, выражающихся в снижении критического мышления, зависимости от технологий, ослабление навыков анализа и самостоятельного решения задач (В. В. Лавренев). Широкий доступ к бесплатным ИИ-инструментам создает возможность обучающимся выполнять задания без освоения материала, а значит необходима переориентация методик проверки знаний (И. И. Литвин).

В группу *этических* рисков могут относиться выделяемые авторами вопросы авторства, плагиата, конфиденциальности данных, ответственности за ошибки ИИ, генерации недостоверной информации (А. С. Андрианова, А. И. Веруш, А. В. Григорьев, О. А. Осипенко, А. В. Сокол, А. Ф. Филимонова). Обсуждаются сложности выявления текстов, сгенерированных ИИ, несовершенство существующих детекторов и необходимость комплексного подхода, сочетающего технологии с педагогическим опытом и устной проверкой знаний обучающихся (Д. В. Костюкевич, Р. М. Ропот).

Экзистенциальные риски выражаются в мнениях авторов, связанных с интеграцией ИИ в образование: конфиденциальность персональных данных, особенно в ведомственных вузах, предвзятость алгоритмов, проблема плагиата и потенциальное ослабление связи между преподавателем и студентом (Ю. В. Козьяк, С. В. Пилушин, А. Ф. Стегайло, Д. А. Шаченок).

Проблемы *социального* характера проявляются в отсутствии равного доступа всех курсантов и преподавателей к цифровым технологиям. Кроме того, существуют барьеры в цифровой грамотности, особенно среди преподавателей старшего поколения. Не все преподаватели готовы к активному использованию цифровых технологий из-за недостатка навыков, времени или мотивации (А. С. Андрианова; А. И. Веруш, А. З. Игнатюк).

Риск *коммуникативных* проблем актуализирован чрезмерной цифровизацией, снижающей уровень живого общения между преподавателями и студентами. Важно сохранить человеческое взаимодействие в образовании, используя цифровые технологии как инструмент, а не замену преподавателя (А. И. Веруш, Д. А. Воропаев, Т. Л. Гюрсель, А. А. Жук).

Кроме того, исследователями анализируются и ряд дополнительных аспектов, связанных с потенциальными негативными последствиями цифровизации образования. Так, рассматриваются *технические и методологические* сложности, характеризующиеся отсутствием единых стандартов, недостаточной подготовкой преподавателей, фрагментарным внедрением технологий. Использование ИИ и цифровых технологий требует четкого *правового регулирования*, особенно в вопросах авторства, ответственности, защиты персональных данных и конфиденциальности информации. Также требуется разработка законодательства и этических нормативов, регламентирующих использование ИИ в образовании (В. В. Белозерцева, В. С. Климченя, А. А. Корбут).

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что цифровая трансформация высшего образования, в том числе в его ведомственном сегменте, представляет собой комплексный и неоднозначный процесс. Несмотря на активное развитие ключевых направлений, ее ядром остается ориентация на практико-ориентированное обучение и формирование у обучающихся актуальных компетенций.

Однако технологический прогресс закономерно актуализирует такие системные вызовы, как риски цифрового неравенства, этико-правовые дилеммы, угрозы информационной безопасности. Вместе с тем, успешная и устойчивая цифровизация возможна лишь при условии сбалансированного подхода, который предполагает не механическую имплементацию новых инструментов, а их осмысленную интеграцию. Такой подход в конечном итоге и определяет качество и эффективность подготовки конкурентоспособных специалистов.

Особую значимость в контексте преодоления указанных вызовов приобретает развитие международного сотрудничества в сфере подготовки кадров. Опыт, продемонстрированный белорусскими коллегами, служит наглядной моделью такого партнерства. Подобные научно-методические мероприятия позволяют не только объединять лучшие практики разных образовательных систем, но и ускоряют адаптацию национальных ведомственных вузов к цифровой реальности при одновременном укреплении образовательного суверенитета каждой страны.

Список источников

1. Албул В. А. Цифровизация образовательного процесса // URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/130372/352-355.pdf?sequence=1/>
2. Амелищ А. А. Повышение уровня квалификации профессорско-преподавательского состава в условиях обеспечения конфиденциальности информации // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 7–9.
3. Бачила В. В. Цифровизация образования: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 22–24.
4. Башан А. В., Касьянчик С. С. Сетевое взаимодействие как фактор инновационного развития системы профессионального образования // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2023. № 2 (46). С. 168–176.
5. Боровая Е. В. Значение изучения фундаментальных юридических дисциплин для формирования профессиональной правовой культуры юриста // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1 (41). С. 158–162.

6. Губич М. В. Возможности использования Big Data в правоохранительной деятельности // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 1 (47). С. 117–121.

7. Зубарева Л. Л. Технологии формирования профессиональных компетенций как инструмент реализации компетентностного подхода в подготовке кадров для органов внутренних дел // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 99–100.

8. Игнатюк А. З. Саморазвитие преподавателя высшей школы в сфере применения цифровых технологий // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 104–107.

9. Капитанова А. А. Основные направления государственной политики Республики Беларусь в сфере образования // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 111–113.

10. Катцова Т. М. Портфолио как современный инструмент оценивания результатов иноязычного обучения // Актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях : Сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции, Ростов-на-Дону, 29 марта 2024 года. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД РФ, 2024. С. 70–75.

11. Международная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы юридического образования» // URL: <https://www.amia.by/activity/nauchnaya-deyatelnost-akademii-mvd-respubliki-belarus/mezhdunarodnaya-nauchno-metodicheskaya-konferentsiya/>

12. Пикта В. И. Разработка и внедрение специализированного программного комплекса для автоматизированного контроля знаний в системе ведомственного юридического образования // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 198–200.

13. Развитие юридической науки обсудили на международной конференции в Академии МВД // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/january/68470/>

14. Рустамбаев М. Х. Искусственный интеллект в юридическом образовании: стандарты, этика и профессиональная подготовка будущих юристов // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции

(Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 211–215.

15. Сенькевич С. С. Беломытцев Н. Н. Формирование цифровых компетенций : методические подходы к обучению работе с цифровыми доказательствами // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 219–223.

16. Середа Р. А. Технология «Блокчейн» как новый инструмент современного образовательного процесса в высшей школе // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 223–225.

17. Соколова Е. А., Тюменев А. В. Методологические основы использования искусственного интеллекта в подготовке юристов // Актуальные проблемы юридического образования : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Минск, 11 декабря 2025 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. С. 233–235.

18. Терещенко Т. Г. Предупреждение правонарушений, совершаемых персоналом уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20 (1–4), № 1. С. 126–132.

19. Фомина И. А. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности российской Федерации: понятие и противодействие // I Восточно-Сибирский юридический форум : Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции, Иркутск, 5–6 июня 2025 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2025. С. 125–127.

20. Хлус А. М. Развитие информационных технологий в аспекте совершенствования деятельности по расследованию // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в правовом воспитании граждан. Актуальные вопросы развития информационных технологий и возможности их применения в деятельности правоохранительных органов России и зарубежных стран : Материалы XVII Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, Саратов, 5–26 апреля 2024 года. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2024. С. 422–426.

21. Ярмук К. В. Антропологические риски абсолютизации цифрового сопровождения образовательного процесса : понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 168–175.

References

1. Albul V. A. Digitalization of the Educational Process // URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/130372/352-355.pdf?sequence=1/>

2. Amelchits A. A. Improving the Qualifications of the Faculty in the Context of Ensuring Information Confidentiality // Actual Problems of Legal Education: Abstracts of the International Scientific and Methodological Conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 7–9.
3. Bachila V. V. Digitalization of Education: Problems and Solutions // Current Issues in Legal Education: Abstracts of the Reports of the International Scientific and Methodological Conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 22–24.
4. Bashan A. V., Kasyanchik S. S. Network Interaction as a Factor in the Innovative Development of the Professional Education System // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2023. № 2 (46). P. 168–176.
5. Borovaya E. V. The Importance of Studying Fundamental Legal Disciplines for the Formation of a Lawyer's Professional Legal Culture // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2021. № 1 (41). P. 158–162.
6. Gubich M. V. Possibilities of using Big Data in law enforcement // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2024. № 1 (47). P. 117–121.
7. Zubareva L. L. Technologies for the formation of professional competencies as a tool for implementing a competency-based approach in training personnel for internal affairs bodies // Current issues in legal education: Abstracts of reports of the International scientific and methodological conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 99–100.
8. Ignatyuk A. Z. Self-development of a higher education teacher in the field of digital technology application // Current issues in legal education: Abstracts of reports of the International scientific and methodological conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 104–107.
9. Kapitanova A. A. Main directions of the state policy of the Republic of Belarus in the field of education // Current issues in legal education: Abstracts of reports of the International scientific and methodological conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 111–113.
10. Kattsova T. M. Portfolio as a modern tool for assessing the results of foreign language learning // Actual problems of linguistics and the formation of linguistic competence of lawyers in modern conditions: Collection of scientific papers of the International scientific and theoretical conference, Rostov-on-Don, March 29, 2024. Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 70–75.
11. International scientific and methodological conference «Current issues of legal education» // URL: <https://www.amia.by/activity/nauchnaya-deyatelnost-akademii-mvd-respubliki-belarus/mezhdunarodnaya-nauchno-metodicheskaya-konferentsiya/>
12. Pikta V. I. Development and implementation of a specialized software package for automated knowledge control in the system of departmental legal education // Current issues in legal education: Abstracts of reports of the International scientific and methodological conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 198–200.
13. The development of legal science was discussed at an international conference at the Academy of the Ministry of Internal Affairs // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/january/68470/>
14. Rustambaev M. Kh. Artificial intelligence in legal education: standards, ethics and professional training of future lawyers // Actual problems of legal education: Abstracts of reports of the International scientific and methodological conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 211–215.
15. Senkevich S. S. Belomytsev N. N. Formation of digital competencies : methodological approaches to teaching how to work with digital evidence // Actual problems of legal education: Abstracts of reports of the International scientific and methodological conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 219–223.
16. Sereda R. A. Blockchain technology as a new tool for the modern educational process in higher education // Actual problems of legal education: Abstracts of reports of the International scientific and methodological conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 223–225.
17. Sokolova E. A., Tyumenev A. V. Methodological Foundations of Using Artificial Intelligence in Training Lawyers // Actual Problems of Legal Education: Abstracts of Reports of the International Scientific and Methodological Conference (Minsk, December 11, 2025). Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 233–235.
18. Tereshchenko T. G. Prevention of Offenses Committed by Personnel of the Penal System // Criminal Executive Law. 2025. Vol. 20 (1–4), № 1. P. 126–132.
19. Fomina I. A. «Fake News» as a Threat to National Security of the Russian Federation: Concept and Counteraction // I East Siberian Legal Forum: Collection of materials from the XXXX international scientific and practical conference, Irkutsk, June 5–6, 2025. Irkutsk : East

Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. P. 125–127.

20. Khlus A. M. Development of information technologies in terms of improving investigative activities // Interaction of government, business, and society in the legal education of citizens. Current issues in the development of information technologies and the possibilities of their application in the activities of law enforcement agencies of Russia and foreign countries: Materials of the XVII

International scientific and practical conference of graduate students, teachers, and practitioners, Saratov, April 26–5, 2024. Saratov : Saratov Source Publishing House, 2024. P. 422–426.

21. Yarmak K. V. Anthropological risks of absolutization of digital support of the educational process : concept and classification // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (99). P. 168–175.

Информация об авторе

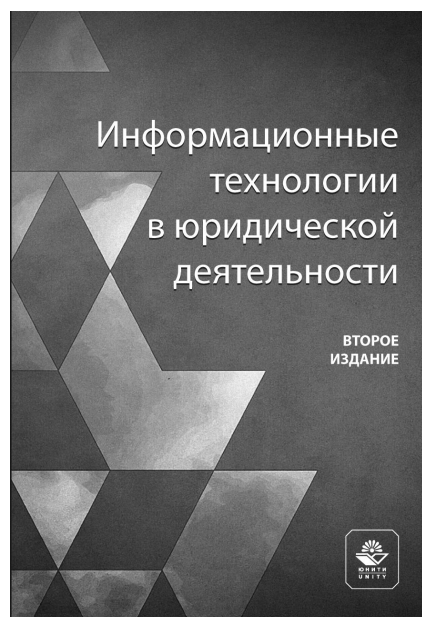
К. В. Ярмак – начальник управления учебно-методической работы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K. V. Yarmak – Head of the Department of Educational and Methodological Work of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 05.03.2026.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий. Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления

утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».